ISSN 0869-6063

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

2000 4

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Р.М. Мунчаев (председатель),
Т.И. Алексеева, А.П. Деревянко, Ю.Ф. Кирюшин,
В.П. Любин, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин, М.Г. Мошкова,
Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин, Б.А. Рыбаков, В.В. Седов,
А.А. Формозов, А.И. Шкурко, В.Л. Янин

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.И. Гуляев (главный редактор),
Х.А. Амирханов, Л.А. Беляев (зам. главного редактора),
А.Н. Гей, И.С. Каменецкий, Г.А. Кошеленко,
Н.А. Макаров, В.С. Ольховский (ответственный секретарь),
Е.Н. Черных

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

2000 4

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Амиров Ш.Н. К вопросу о распространении материальной культуры урукского и постурукского времени в Северной Месопотамии 5
Пятых Г.Г. К проблеме основ, механизмов и факторов сложения срубной культуры 11
Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа: мистика, научные мнения и перспективы дальнейшего изучения 26
Сыроватко А.С. К вопросу о хронологии текстильной керамики памятников устья Москвы-реки 43
Внуков С.Ю. Псевдокосские амфоры Причерноморья 54
Пежемский Д.В. Информативность скелетных останков плохой сохранности (по материалам некрополя Сиреневая бухта) 64
Егорьков А.Н. Химический состав древнерусской плиточной поливы 77
Пушин А.В., Чернавская М.М., Черных Н.Б. Климатические экстремумы и аномалии прироста древесины в XVI–XIX вв. на севере Русской равнины 86

Дискуссии

Худяков Ю.С. К вопросу о коннице, пехоте и характере войска древних тюрок 100

Публикации

Кокшаров С.Ф., Погодин А.А. Мезолитическое поселение на Затуманной Конде 109
Мец Ф.И. "Скифский" котел с зооморфными ручками из Томского Приобья 128
Егорова Т.В. Чернолаковые канфары с городища "Чайка" 137
Коваленко С.А. Находка весовых гирь на городище "Чайка" в Северо-Западном Крыму .. 151
Ивакин Г.Ю., Пуцко В.Г. Киевский каменный рельеф с изображением Евстафия Плакиды 160

© Российская академия наук
Институт археологии РАН, 2000 г.

Пигарев Е.М., Скисов С.Ю. Группа форм для изготовления обрядовых предметов с городских поселений Золотой Орды (из фондов Астраханского музея) 169
Буров В.А. Настил под пушку конца XVIII в. из Соловецкого монастыря 183
Джорбенадзе В.А., Маргвелашвили М.Г., Каландадзе З.А. Живали – город развитого средневековья в Восточной Грузии 194

Археологические коллекции в музеях

Кулаков В.И. История обнаружения части коллекций музея "Пруссия" 206

Критика и библиография

Захаров А.О. Sylloge nummorum graecorum. The Collection of the American Numismatic society. Pt. 9. Graeco-Bactrian and Indo-Greek coins. New York, 1998 218
Любичев М.В. *Приходнюк О.М.* Пеньковская культура. Культурно-хронологический аспект исследования. Воронеж, 1998 221

Хроника

Напольских В.В., Энговатова А.В. Симпозиум "Контакты между носителями индоевропейских и уральских языков в неолите, энеолите и бронзовом веке (7000–1000 гг. до н.э.) в свете лингвистических данных" (Твярминне, 1999) 224
Ломтадзе Г.А. VII чтения памяти профессора В.Д. Блаватского 232
Кауров Э.Н. "SETI[1]: прошлое, настоящее и будущее цивилизаций". Междисциплинарная научно-методическая конференция (Москва, 1999) 235
Носов Е.Н., Смирнова Г.И. Памяти Ольги Ивановны Давидан (1921–1999) 241
Бельтикова Г.В., Корякова Л.Н., Кузьминых С.В. Памяти Владислава Евгеньевича Стоянова (1934–1999) 245
Дворниченко В.В., Егоров В.Л., Яблонский Л.Т. Памяти Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931–2000) 249
Кашкин А.В. Памяти Юрия Алексеевича Краснова (1931–2000) 259
Векслер А.Г. Памяти Михаила Григорьевича Рабиновича (1916–2000) 265

Указатель статей, опубликованных в журнале "Российская археология", за 1999 г. 267

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

ROSSIYSKAYA ARKHEOLOGIYA

2000 4

Founded in 1957
Published quarterly

Editor-in-Chief
V.I. Gulyaev

CONTENTS

Amirov Sh.N. On the spread of material culture of Uruk and post-Uruk periods in North Mesopotamia 5
Pyatykh G.G. On the problem of the basis, mechanism and factors of timber-grave culture formation 11
Markovin V.I. West Caucasian dolmens: mysticism, scientific opinions, and the perspectives of further study 26
Syrovatko A.S. On chronology of textile pottery from the sites of the Moskva river mouth 43
Vnukov S.Yu. Pseudo-Koan amphorae in North Pontic area 54
Pezhemsky D.V. The problem of informativeness of skeletal remains in poor state of preservation (Sirenevaya bukhta necropolis) 64
Yegor'kov A.N. Chemical composition of ancient Russian tile glaze 77
Pushin A.V., Chernavskaya M.M., Chernykh N.B. Extreme climatic phenomena and tree-ring growth anomalies in the 16th-19th centuries in the north of the Russian plain 86

Discussions

Khudyakov Yu.S. On cavalry, infantry, and the character of the ancient Turks' army 100

Publications

Koksharov S.F., Pogodin A.A. A Mesolithic settlement on the Zatumanennaya Konda river 109
Mets F.I. "Scythian" cauldron with zoomorphic handles from the Ob'basin near Tomsk 128
Yegorova T.V. Black-laquered kanthares from Chaika fortified settlement 137
Kovalenko S.A. Weights' find at Chaika fortified settlement, north-western Crimea 151
Ivakin G.Yu., Putsko V.G. Stone relief from Kiev depicting St. Eustaphy Plakida 160
Pigaryov E.M., Skisov S.Yu. Moulds for casting ritual objects from urban settlements of the Golden Horde (from the Astrakhan museum collections) 169
Burov V.A. Cannon ramp of late 18th century from the Solovetsky monastery 183
Djorbenadze B.A., Margvelashvili M.G., Kalandadze Z.A. Zhinvali – a Medieval urban centre in Eastern Georgia 194

Museums' archaeological collections

Kulakov V.I. The history of "Prussia" museum collections' discovery 206

Critics and bibliography

Zakharov A.O. Sylloge nummorum graecorum. The Collection of the American Numismatic society. Pt. 9. Graeco-Bactrian and Indo-Greek coins. New York, 1998 218
Lyubichev M.V. *Prikhodnyuk O.M.* Pen'kovka culture. Cultural and chronological aspect of investigation. Voronezh, 1998 221

Chronicle

Napolskikh V.V., Engovatova A.V. "Contacts between the bearers of Indo-European and Uralic languages in the Neolithic, Eneolithic, and Bronze Age (7000–1000 B.C.) according to linguistic and archaeological data" (Tviarminne, 1999) 224
Lomtadze G.A. The VIth colloquim in memory of Professor V.D. Blavatsky 232
Kaurov E.N. "SETI: the past, present and future of civilisations". Interdisciplinary scientific-methodic conference. Moscow, 1999 235
Nosov E.N., Smirnova G.I. In memory of Olga Ivanovna Davidan (1921–1999) 241
Beltikova G.V., Koryakova L.N., Kuz'minykh S.V. In memory of Vladislav Evgenyevich Stoyanov (1934–1999) 245
Dvornichenko V.V., Yegorov V.L., Iablonskiy L.T. In memory of German Alekseevich Fedorov-Davydov (1931–2000) 249
Kashkin A.V. In memory of Yury Alekseevich Krasnov (1931–2000) 259
Vaksler A.G. In memory of Mikhail Grigoryevich Rabinovich (1916–2000) 265

Ш.Н. АМИРОВ

К ВОПРОСУ О РАСПРОСТРАНЕНИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УРУКСКОГО И ПОСТУРУКСКОГО ВРЕМЕНИ В СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ

Подобно распространению в конце V начале IV тыс. до н.э. убейдской материальной культуры Южной Месопотамии на огромные пространства Ближнего Востока, которое охватило территории от Бахрейна и Аравийского побережья Персидского залива на юге до Амукской долины на северо-западе, во второй половине IV тыс. отмечен новый импульс значительных культурных влияний из того же центра, ставшего очагом сложения древнейшей цивилизации.

Проникновение культурных достижений Южной Месопотамии в северном направлении имело два основных пути и две модели распространения. Условно можно выделить Евфратскую и Тигридскую модели, в которых были реализованы в значительной мере различные принципы организации хозяйственной деятельности.

Процесс урбанизации в Южной Месопотамии во второй половине IV тыс. сопровождался значительной торговой активностью и миграцией населения, имевшей следствием основание колоний и маленьких форпостов в Загросских горах, на Тигре, в Северной Месопотамии, вверх по Евфрату и в горах Тавра в юго-восточной Анатолии, что привело к сложению древнейшей колониальной системы (Weiss H., Young T.C., 1975; Oates J., 1993, p. 403; Stein G.J. et al., 1996, p. 207; Algaze G., 1986, p. 125–137).

Активные раскопки в течение последних 20 лет на евфратском торговом пути в зоне затопления в районе Табка, Тишрин и в юго-восточной Анатолии позволили открыть целый ряд урукских поселений, таких как Хабуба Кабира (Strommenger E., 1980), Джебель Аруда (van Driel G., van Driel-Murray G., 1979), Хаджи Неби (Stein G.J. et al., 1996), Хассек Хююк (Behm-Blancke M.R., 1981), Самсат (Ozguç N., 1992), Тепечик (Russell H.F., 1980), Курбан Хююк (Marfoe L. et al., 1986), Каратут Мевкии (Stain G.J. et al., 1996, p. 215) (см. рис. 1).

Период первых контактов и создания небольших колоний относится к среднеурукскому периоду, пик колониальной активности приходится на позднеурукский период, когда создаются большие поселения типа Джебель Аруда и Хабуба Кабира в среднем течении Евфрата. Закат существования урукской колониальной сети вдоль Евфрата, видимо, следует отнести к концу позднеурукского периода (Behm-Blancke M.R., 1985, S. 94; Oates J., 1993, p. 403).

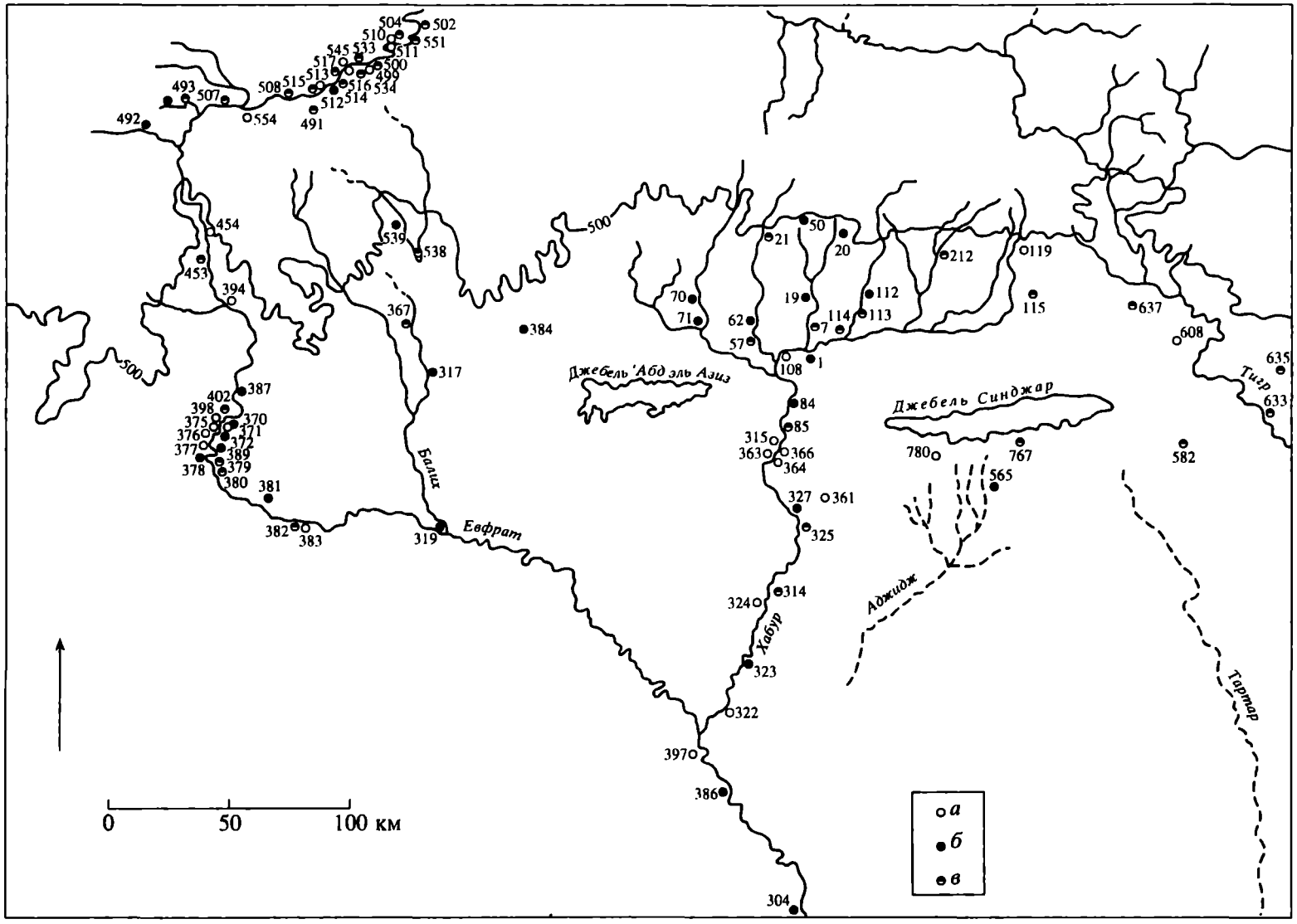
Колониальная система урукского времени существовала около 200 лет, а наиболее активно функционировала 100–150 лет, именно так оценивается время существования поселений Хабуба Кабира и Джебель Аруда (Oates J., 1993, p. 411).

Раскопки поселений урукского времени вдоль Евфрата как в сирийской, так и в анатолийской его частях позволили дифференцировать поселения со слоями материальной культуры, имеющей южномесопотамское происхождение. Выделяются три типа поселений.

1. Поселения типа Хабуба Кабира и Джебель Аруда можно интерпретировать как колонии переселенцев из Южной Месопотамии. Об этом свидетельствуют: планировка жилых домов (трехчастное домостроение с центральным залом (middle-hall house),

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 99-01-00043а.

© Ш.Н. Амиров, 2000 г.


Джебель 'Абд эль Азиз
Джебель Синджар
Балих
Евфрат
Хабур
Аджидж
Тартар
Тигр
500
0
50
100 км
а
б
в

приемы строительной техники (пилястры, кирпичи "римхен" и др.), декоративные элементы архитектуры (глиняные конусы), практика учета и контроля (счетные таблетки, буллы, печати), наличие полного набора урукской керамики, при полном отсутствии местной.

2. Другой тип урукских поселений – это анклав в местном поселке. Так, на поселении Хаджи Неби (Stein G.J. et al., 1996) концентрация предметов урукской материальной культуры приходится на северо-восточную часть местного позднехалколитического поселения, что можно интерпретировать как наличие маленькой группы колонистов из Южной Месопотамии, жившей в социально отличном анклаве среди местного населения Хаджи Неби. Свидетельств о военных столкновениях между колонистами и местным населением нет. Скорее есть данные о мирном обмене между двумя группами (Stein G.J. et al., 1996, p. 205).

3. Еще одна группа – поселки, населенные автохтонными жителями, испытавшими культурное влияние Южной Месопотамии. В отличие от колонистов местное население, как правило, использует ограниченный набор урукских форм, распространившихся среди местной керамики.

Как колонии рассматриваются расположенные вдоль Евфрата поселения: Крайа (Reimer S., 1989, p. 284), Рамади (Margueron J-C., 1991, p. 91), Шейх Хассан (Boese J. 1986–1987, p. 67–101), Хабуба Кабира (Strommenger E., 1980), Джебель Аруда (van Driel G., van Driel-Murray C., 1979, p. 2–28), Хассек-Хююк (Behm-Blancke M.R., 1981), Самсат и Тепечик (Stein G.J. et al., 1996, p. 207). Помимо Евфратских поселений в качестве урукской колонии интерпретируют поселение Годин Тепе в Западном Загросе (Weiss H., Young T.C., 1975). Возможность такой интерпретации не исключается для соответствующих слоев Ниневии (Algaze G., 1986) и Телль Брака (Stein G. et al., 1996, p. 207).

В отличие от относительно кратковременных торговых контактов Южной Месопотамии, выявленных преимущественно вдоль долины Евфрата, история освоения Северной Месопотамии, шедшего вдоль долины Тигра и охватившего значительную территорию от предгорий и долин Загроса на востоке, до Ассирийской степи и Хабурских равнин на западе, имеет длительную предысторию и преемственность. Непрерывность развития материальной культуры от убейдского до урукского (и позднее) времени, на многих поселениях Северной Месопотамии выглядят как результат эволюции традиции, долгое время существовавшей в регионе.

Рис. 1. Некоторые поселения Северной Месопотамии второй половины IV – первой половины III тыс. до н.э.

а – памятники урукского времени (второй половины IV тыс. до н.э.); *б* – памятники постурукского времени (первой половины III тыс. до н.э.); *в* – памятники, на которых отмечены слои обоих периодов.

1 – Асвад; *7* – Хазна 1; *19* – Чагар Базар (Ашнаккум?); *20* – Мюзан (Уркиш?); *21* – Айлюн; *50* – Хамдун; *57* – Кашкашук 3; *62* – Бейдар; *70* – Кабр аль Кабир; *71* – Джум'а; *84* – Бдейри; *85* – Машнака; *108* – Безари; *112* – Хамидийа; *113* – Барри (Кахат?); *114* – Брак (Нагар?); *115* – Хамукар; *119* – Румейлан; *212* – Лейлан (Шубат Энлиль); *304* – Харири (Мари); *314* – Шейх Хамад (Дур Катлимму); *315* – Аджаджа; *317* – Хаммам эт Туркман (Залпа?); *319* – Би'а (Туттуль); *322* – Хандал; *323* – Намлийа; *324* – Хусейн; *325* – Фадгами; *327* – Джалал; *361* – Гаййир; *363* – Ахмар; *364* – Хаджи аль Банат; *366* – Хаджи Джамал; *367* – Джидл; *370* – Абид; *371* – Зурейкийа аль Джанубийа; *372* – Мумбака; *375* – Аль-Хаджж; *376* – Хабуба Кабира; *377* – Каннас; *378* – Саланкахийа; *379* – Мюрейбит северный; *380* – Мюрейбит южный; *381* – Фрай; *382* – Абу Хурейра; *383* – Ккурайййен; *384* – Хуэйра; *386* – Ашара (Терка); *387* – Свейха; *389* – Халава; *394* – Аль-Ахмар (Тиль Барсип); *397* – Крайа; *398* – Джебель Аруда; *402* – Хадиди (Асу?); *453* – Юнус (Кархемиш); *454* – Хаджинеби; *491* – Кепирче; *492* – Явузели; *493* – Чем; *499* – Торчик Мевкии; *500* – Сугечен; *504* – Тилле Хююк; *507* – Зеклериш; *508* – Хайаз Хююк; *510* – Хирбик Мевкии; *511* – Грик Тепе; *512* – Шашкан Кучук Тепе; *514* – Шашкан Буюк Тепе; *515* – Биричик Хююк; *516* – Инжирлитепе; *517* – Самсат; *533* – Гритилле Хоюгу; *534* – Лидар Хююк; *538* – Ашаги Ярымча; *539* – Султан Тепе; *545* – Каратут Мевкии; *551* – Хассек Хююк; *554* – Курбан Хююк; *502* – Топраккале; *565* – Хоши; *582* – Римах (Карана?); *608* – Талмус; *633* – Куюнджик (Ниневия); *635* – Тепе Гавра; *637* – Хава; *767* – Грай Реш; *780* – Хайал

В отличие от долины Евфрата раннеурукские памятники довольно широко представлены на указанной территории, в ряде случаев отделить раннеурукские материалы от позднеубейдских довольно сложно, и можно говорить о имевшем место процессе аккультурации.

Среди поселений урукского времени, распространенных в Ассирийской степи и Хабурском районе, абсолютно преобладают небольшие поселки "деревенского" вида площадью 1–1,5 га явно земледельческого характера. В этом плане особенно показателен район Телль аль Хава, обследованный сплошными разведками, где помимо рядовых поселков выделяются центры административного управления и главное поселение с функциями центра раннегосударственной консолидации (Wilkinson T.J., 1990).

Когда мы говорим о земледельческой модели освоения Ассирийской степи и сопредельных регионов, мы отдаем себе отчет в том, что ситуация была более сложной и дифференцированной. В частности, об этом говорят предложенные интерпретации некоторых поселений в районе как колоний или исследование таких памятников, как раннеурукский поселок Телль Шелгийа на Тигре, расположенный неподалеку от Сирийско-Иракской границы. Последний, автор раскопок предлагает оценивать как центр производства и торговли специализированной керамикой (Ball W., 1997, p. 93).

В Хабурских степях распространение урукских памятников имело свою специфику. С одной стороны, с точки зрения физической географии, Хабурские степи – продолжение Ассирийской степи, они имеют очень близкие природно-климатические условия, соответственно здесь была воспроизведена та же модель земледельческого освоения территории, что и в Ассирийской степи, а большинство памятников с урукским слоем в Хабурском районе – это небольшие земледельческие поселки. С другой стороны, через Хабурские степи лежит кратчайший путь из Ассирии к медным рудникам Эргани Маден в юго-восточной Анатолии. Соответственно целый ряд поселений этого района участвовал в транзитной торговле. В этой связи особенно велика роль крупных пограничных поселений на Телль Браке и Хамукаре (рис. 1).

В районе Телль Брака урукская керамика распространена как на самом телле, так и еще на 11 маленьких поселках, расположенных в радиусе 1 мили. Как отмечает Д. Отс: «Трудно поверить, что значение Телль Брака в позднепреисторический период связано только с земледельческими ресурсами его непосредственной территории. Мы испытываем искушение постулировать некоторые политические связи с югом уже в IV тыс. Без письменных источников это не может быть подтверждено, но идея о "протошумерских колониях" за много сотен миль от Шумера с момента открытия Хабуба Кабира на берегу Евфрата становится более приемлемой» (Oates D., 1977, p. 236).

По мнению Х. Вейсса, позднеурукское поселение в Телль Браке по ряду черт напоминает Евфратские колонии на западе и северо-западе: храмы, таблички, коническая мозаика, защищенные зернохранилища. Это позволяет рассматривать Телль Брак в позднеурукское время как центр южного влияния (Weiss H., 1983, p. 42). При этом урукский храмовый комплекс Телль Брака не вырастает из местной традиции в отличие от храмовых структур Гавры и Грай Реш, продолживших на поселении храмовую традицию убейдского периода (Jawad A.J., 1965, p. 72).

Телль Брак, с одной стороны, безусловно, крупный земледельческий центр, о чем говорит скопление поселков урукского времени в его окружении, с другой – поселение возникло на важнейшем торговом пути, что в дальнейшем определило его роль как крупного городского центра.

Поселение на Телль Браке первоначально могло быть основано переселенцами из Синджарской части Ассирийской степи. То, что Ассирийская степь в это время была исключительно плотно заселена и, вероятно, испытывала демографическое давление, известно по материалам ряда разведок и прежде всего в районе Телль аль Хава (Wilkinson T.J., 1990, p. 58). Демографическое давление могло провоцировать переселение в направлении хорошо известного в урукское время торгового пути.

На наш взгляд, Телль Брак, который мог быть одним из первых поселений урукского времени, основанных переселенцами из сопредельных районов Ассирийской степи, соединял в себе черты обеих миграционных моделей, будучи земледельческим центром и торговым посредником, расположенным на стратегически важном торговом перекрестке.

Аналогичен Телль Браку как в плане расположения на границе, так и размерами и временем существования Телль Хамукар, расположенный северо-восточнее Телль Брака. Если Телль Брак являлся южными воротами, то Хамукар – это восточные ворота, ведущие в район Хабурских равнин непосредственно из долины Тигра. Поверхностные сборы на Телль Хамукаре, проведенные экспедицией Йельского университета, включали большое число керамики, которую Д. Сюренхаген определил как неотличимую от позднеурукской керамики Хабубы Кабиры (Weiss H., 1983, p. 44).

Несмотря на то что урукские памятники широко представлены на Хабурских равнинах, их количество в Ассирийской степи значительно больше; кроме того, число урукских поселений (в районе Телль аль Хава) значительно превышает число поселений первой половины III тыс., что говорит о депопуляции района в это время (Wilkinson T.J., 1990, p. 58). Напротив в "Хабурском треугольнике" число поселений первой половины III тыс. по меньшей мере не уступает, а реально, вероятно, превосходит число урукских поселений, что может свидетельствовать в пользу существовавшей миграции из Ассирийской степи и прежде всего из районов, более аридных нежели окру́га Телль аль Хава, в Хабурские степи.

Характер распределения памятников урукского времени в районе "Хабурского треугольника" и их соотношение также свидетельствуют в пользу миграции из соседних районов Ассирийской степи.

При этом складывается впечатление, что в Хабурских степях уже существовал ряд поселений на торговом пути из Ассирийской степи к медным рудникам в горах Тавра, когда на фоне демографического давления и прогрессирующей аридизации в конце IV – начале III тыс. начались активные миграционные процессы в Хабурские степи из районов, окружавших Синджарский хребет.

Еще один импульс южномесопотамских влияний на район Хабурских степей связан с возникновением на Евфрате в конце раннединастического I периода мощного государственного образования – Мари (Margueron J.-C., 1991, p. 81). Сложение развитого экономического организма, распространившего влияние на значительную территорию (вероятно, до среднего Хабура) привело, в частности, к организации новых торговых путей, созданию новых транзитных торговых центров, таких как Терка, основанная в первых веках III тыс., расположенная в 60 км от Мари выше по течению Евфрата и в 25 км от его слияния с Хабуром (Kelly-Buccellati M., 1990, p. 122), Туттуль на Балихе (Strommenger E., 1996, p. 67–69) и др.

К началу раннединастического периода относится активное обживание долины Хабура, в предшествующее урукское время освоенной очень слабо (Monchambert J., 1984). По мнению ряда исследователей, долина среднего течения Хабура была освоена земледельческими поселениями, такими как Атидж, Джудейде, Ракай, Керма, Рад Шакра, Машнака и целым рядом других, находившимися в сфере влияния Мари (Fortin M., Cooper L., 1994, p. 34). С другой стороны, течение Хабура – это новый торговый путь, который вел от Мари через Терку, Шейх Хамад (Дур Катлимму). Телль Бдейри и далее на север, вероятно, вдоль вади Авейдж через Телль Бейдар и Айлюн к медным рудникам Тавра (рис. 1). Вероятно, и здесь имел место торгово-земледельческий характер освоения территории подобно тому, как это несколько ранее, в урукское время, происходило в восточной части Хабурского треугольника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Algaze G., 1986. Habuba on the Tigris: Archaic Nineveh reconsidered // JNES. 45.

Ball W., 1997. Tell Shelgiyya: an Early Uruk "Sprig Ware" Manufacturing, and Exporting Centre on the Tigris // Al-Rafidan. XVIII.

Behm-Blancke M.R., 1981. Hassek Hoyuk // Istanbuler Mitteilungen. 31.

Behm-Blancke M.R., 1985. Die Ausgrabungen auf dem Hassek Hoyuk im Jahre 1984 // VII Kazi Sonuclari Toplantisi. Ankara.

Boese J., 1986–1987. Excavation at Tell Sheikh Hassan, preliminary Report on the 1987 campaign in the EuphRates Valley. Annales Archeologiques Arabes Syriennes, 36/37.

van Driel G., van Driel-Murray C., 1979. Jebel Aruda 1977–1978 // Akkadica. 12.

Fortin M., Cooper L., 1994. Canadian Excavations at Tell Atij (Syria) 1992–1993 // CSMS Bulletin. 27.

Jawad A.J., 1965. The Advent of Era of Townships in Northern Mesopotamia // Leiden.

Kelly-Buccellati M., 1990. Three seasons of excavation at Tell Mozan // Tell Hamidiya. 2. Göttingen.

Marfoe L. et al., 1986. The Chicago Euphrates Archaeological Project 1980–1984: an interim report // Anatolica. XIII.

Margueron J.-C., 1991. Mari, L'Euphrate, et le Khabur au milieu du III-e millenaire // CSMS Bulletin. 21.

Monchambert J., 1984. Rapport sur la prospection archaeologique menee en 1983 // Syria. 61.

Oates D., 1977. Excavations at Tell Brak, 1976 // Iraq. 39.

Oates J., 1993. Trade and power in the fifth and fourth millenia B.C. new evidence from northern Mesopotamia // World Archaeology. V. 24. № 3.

Ozguç N., 1992. The Uruk Culture at Samsat // B. Hrouda, S. Kroll, P. Spanos eds. Von Uruk nach Tuttul. Eine Festschrift fur Eva Strommenger. Munih.

Reimer S., 1989. Tell Qrayya on the Middle Euphrates // Out of Heartland: The Evolution of Complexity in Peripheral Mesopotamia during Uruk period. Paleorient. 15.

Russell H.F., 1980. Pre-classical Pottery of Eastern Anatolia based on a survey by Charles Burney of sites along the Euphrates and around Lake Van // BAR. International Series. 85.

Stein G.J., Bernbeck R., Coursey Ch., McMahon A., Miller N.F., Misir A., Nicola J., Pittman H., Pollock S., Wright H., 1996. Uruk Colonies and Anatolian Communities: an Interim report on 1992–1993 Excavations at Haçinebi, Turkey // AJA. 100.

Strommenger E., 1980. Habuba Kabira eine Stadt vor 5000 Jahren. Mainz am Rhein.

Strommenger E., 1996. Tell Bi'a in Syrian-European Archaeology expedition // AAAS.

Weiss H., 1983. Excavations at Tell Leilan and the Origins of North Mesopotamian Cities in the Third Millenium B.C. // Paleorient. 9/2.

Weiss H., Young T.C., 1975. The Merchants of Susa: Godin V and Plateau-Lowland Relations in the Late Fourth Millenium B.C. // Iran. № 13.

Wilkinson T.J., 1990. The development of settlement in north Jazira between the 7th and 1st millenia B.C. // Iraq. 52.

Институт археологии РАН,
Москва

Sh.N. AMIROV

ON THE SPREAD OF MATERIAL CULTURE OF URUK AND POST-URUK PERIODS IN NORTH MESOPOTAMIA

Summary

In the article different directions and patterns of material culture of the Uruk and Early Dynastic periods spread in North Mesopotamia steppes are discussed, the process dating back to the second half of the 4th – first half of the 3rd millennia BC.

Г.Г. ПЯТЫХ

К ПРОБЛЕМЕ ОСНОВ, МЕХАНИЗМОВ И ФАКТОРОВ СЛОЖЕНИЯ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Вопросы об основах, механизмах и причинах сложения срубной культуры относятся к числу важнейших, но при этом они наиболее слабо разработаны. Концепция о полтавкинской основе не соответствует фактам, вопросы же о причинах и механизмах сложения срубной культурной области специально обычно не рассматриваются.

Слабость полтавкинской концепции проистекает из невозможности выведения из полтавкинской культуры, всех ведущих характеристик срубной и из отсутствия самой полтавкинской культуры. Основные положения этой концепции: 1) полтавкинские и срубные захоронения совершены в простых ямах; 2) сходство погребальных конструкций выражается в перекрытии ям деревом; 3) погребенные обеих культур скорчены на боку; 4) существует некоторая преемственность в формах керамических сосудов (Пятых Г.Г., 1990, с. 113).

Критика концепции сводится к следующему: 1) традиция захоронения в простых ямах настолько широко распространена, что не может быть выведена исключительно из полтавкинской культуры; 2) если следовать заключениям сторонников полтавкинской культуры, деревянные перекрытия более присущи раннеполтавкинским захоронениям, и неясно, как передалась эта традиция в эпоху поздней бронзы; 3) часть погребенных полтавкинского этапа скорчена на спине (традиция ямной культуры), а часть – на боку, с руками, протянутыми к коленям (традиция катакомбных культур), т.е. по позам погребенных эти памятники принципиально отличаются не только от срубных, но и друг от друга[1]; 4) генетическая основа для ряда форм срубных сосудов в полтавкинской керамике попросту отсутствует; 5) орнаментика сосудов срубной культуры очень существенно отличается от полтавкинской по мотивам, элементам, системе расположения и технике нанесения (Качалова Н.К., 1967, с. 21); 6) из полтавкинской культуры невозможно вывести типы металлических орудий труда, оружия (как металлического, так и остального) и украшений, генетическая основа металлического инвентаря срубной культуры в полтавкинской попросту отсутствует; 7) то же относится и к остальному инвентарю срубной культуры; 8) невозможно объяснить, как колоссальная срубная область могла вырасти из небольшой полтавкинской культуры (Чередниченко Н.Н., 1979, с. 6; Мельник В.И., 1978, с. 56, 57; Пятых Г.Г., 1990, с. 113, сл.).

Слабость этой концепции не удалось компенсировать и гипотезой о "полтавкинской культурно-исторической общности" (Васильев И.Б., 1978; 1979а,б), поддержанной тремя исследователями (Качалова Н.К., 1983; Кузнецов П.Ф., 1989; Потемкина Т.М., 1990). Анализ показал, что: а) с позиций "общности" по-прежнему не решаются вопросы происхождения всех ведущих характеристик срубной культуры; б) в доказательствах имеются противоречия и натяжки; в) выделение "общности" не обеспечено материалом ни в качественном, ни в количественном отношении; г) "общность" построена с использованием материалов, относящихся к различным эпохам и культурам, в том числе к андроновской и ямной (Пятых Г.Г., 1985, с. 57, сл.; 1990, с. 113, 114; Шилов В.П., 1991, с. 142, 143), что в целом "полтавкинская общность" – искусст-

[1] Сторонники полтавкинской концепции этот факт, как правило, замалчивают.

© Г.Г. Пятых, 2000 г.

венно сконструированное понятие, и не может рассматриваться даже в качестве гипотезы (Пятых Г.Г., 1985, с. 63; 1990, с. 114).

В ходе дискуссии Н.Л. Моргунова обратила внимание специалистов на факт недостаточного обоснования полтавкинской культуры материалами, считающимися эталонными, и поставила вопрос, который почему-то никем не был поднят еще при выделении этой культуры: "Да и есть ли эти эталоны? ... найти их в имеющихся по ... проблеме немногочисленных статьях довольно сложно" (Моргунова Н.Л., 1991, с. 128). Констатация Н.Л. Моргуновой глубоко принципиальна. Дело в том, что при выделении этой культуры Н.К. Качалова проводила сравнение только "по вертикали", сопоставляя между собой материалы ранней, средней и поздней бронзы (Качалова Н.К., 1967, с. 15, сл., рис. 4, 5). В результате материалы средней бронзы образовали некую группу, хотя и разнородную, но отличающуюся, разумеется, от памятников ямной и срубной культуры. При этом исследовательница уклонилась от обязательной процедуры сопоставления материалов выделяемой культуры "по горизонтали", т.е. с синхронными. Так была создана "полтавкинская культура". Не случайно, что когда анализ относимых к "полтавкинской культуре" материалов производился по правилам научного анализа, исследователи неизменно приходили к выводу об их сопряженности с катакомбными древностями. Катакомбное влияние в качестве характерной черты этих памятников еще в 1920-е годы отмечал П.С. Рыков (1923, с. 2, сл.), позднее в контексте катакомбных древностей эти материалы оценивались и другими специалистами (Брюсов А.Я., 1952, с. 244, 248; Клейн Л.С., 1960, с. 32, сл.; 1970, с. 174, сл.; Мельник В.И., 1985, с. 5, сл.; 1990, с. 104, сл.). В.И. Мельник показал, что относимые к "полтавкинской культуре" материалы распадаются на две группы, в одной преобладают характеристики катакомбных культур, в другой – ямной (Мельник В.И., 1985, с. 9, сл.; 1979, с. 53). Так "полтавкинская культура" как внутренне единое явление прекратила существование и тезис о сложении на ее основе срубной культуры повис над пустотой.

В настоящее время все более распространяется гипотеза о сложении срубной культуры на основе доно-волжской абашевской культуры и конгломерата культур среднего бронзового века, рассматриваемых в контексте катакомбных древностей или синхронных им. Эта гипотеза основана на следующей системе фактов. 1. Более раннее сложение этих культур относительно срубной. 2. Для большинства территорий – совпадение ареалов этих культур с ареалом срубной. 3. Наличие в катакомбных культурах "позы адорации" погребенных, ставшей важнейшим элементом в срубной культуре. 4. Распространение в катакомбных и абашевских культурах ориентировок погребенных, характерных для срубной культуры. 5. Существование в катакомбных культурах всех тех относительно частных обрядовых особенностей, что представлены в раннесрубное время – это кенотафы, расчлененные, неполные и повторные захоронения, наличие в курганах так называемых "тризн", помещение костей животных в могильной яме, на краю ямы и на перекрытии и др. 6. Очевидное сходство, а нередко тождество конструктивных принципов деревянных погребальных сооружений раннесрубных и донских абашевских памятников – это ящичные конструкции ("срубы"), обкладка стен ям деревом, массивные деревянные перекрытия. При этом отметим гораздо большее, по сравнению с Поволжьем, распространение деревянных погребальных сооружений в различных культурах Дона, Донца и Днепро-Донского междуречья, большее распространение здесь сложных деревянных сооружений и более высокий уровень их исполнения. Эти факты указывают, что центр традиции, давшей название срубной культуре, находился не в Поволжье, а в бассейне Дона и Днепра. 7. Как отмечается, в генетических построениях О.А. Кривцовой-Граковой (1955, с. 21–24) анализ керамики на основании объективных критериев не производился и оценки исследовательницы носят умозрительный характер (Мельник В.И., 1978, с. 57). При специальном же рассмотрении проблемы были получены следующие результаты: керамика из погребений, традиционно относившихся различными исследователями к раннесрубной, разделилась более чем на три десятка рядов, при этом

прототипы и аналоги большинству сосудов обнаружились в материалах катакомбных, абашевской (Пятых Г.Г., 1990, с. 114) и воронежской культур. Показательно, что иногда сходство керамики срубной и воронежской культур столь велико, что материалы с Воргольского городища первоначально рассматривались А.Д. Пряхиным как преимущественно срубные (Пряхин А.Д., 1982, с. 15)[2]. 8. Практически аналогичные результаты были получены при поисках аналогов и прототипов для срубной орнаментики: горизонтальные линии, зигзаги, образующие треугольники вершинами вверх и вниз, крестообразные фигуры, разного рода ямки, расчесы зубчатым штампом, "личинки" и все остальные вплоть до редко встречаемых; традиция орнаментации среза венчика, расположения орнамента преимущественно в верхней части сосуда, орнаментации дна – все эти характеристики хорошо представлены в катакомбных, воронежских и абашевских памятниках (Пятых Г.Г., 1990, с. 115). 9. В этих же культурах были распространены и технические приемы нанесения орнаментов, характерные для срубного времени. 10. Сравнительный анализ металлических изделий срубной культуры с изделиями абашевской и катакомбных показывает: прототипы и сам набор основных категорий металлических орудий труда и оружия срубного времени, неизвестные в "полтавкинской культуре", существуют в катакомбных и абашевских памятниках, и это позволяет предполагать, что металлургическое производство в культурах сейминского горизонта, в том числе в срубной, основывалось на использовании всех конструктивных и технологических достижений культур Циркумпонтийской металлургической провинции, сыгравшей "... важнейшую роль в формировании металлургии Евразийской провинции" (Черных Е.Н., 1978, с. 75)[3]. 11. С традициями тех же культур, судя по многочисленным аналогам, связываются и находки в раннесрубных комплексах каменных полированных топоров и булав, с традициями абашевской – находки крупных черешковых и бесчерешковых кремневых и костяных трех- и четырехгранных стрел.

Таким образом, территориальное совпадение срубной культурной области с регионом доно-волжской абашевской, воронежской и культур катакомбного круга (в том числе заволжских) и существование в этих культурах прототипов как основных, так и второстепенных срубных культурных элементов делают наиболее вероятным вывод о наследовании от них основного набора характеристик срубной культуры. Следовательно, на принципиальном уровне эти культуры могут рассматриваться в качестве главных основ сложения срубной.

Но в ходе дискуссии 1989–1990 гг. В.В. Отрощенко высказал несогласие с катакомбной генетической линией. Его аргументы: 1. Полтавкинская и катакомбные культуры сменяются предсрубными культурами: абашевской, многоваликовой керамики и новокумакского горизонта, которые и сыграли решающую роль в формировании срубной культуры. 2. Поскольку полтавкинская культура отделена от срубной культурами новокумакского горизонта, со срубной она не соприкасалась, поэтому сторонники генетической линии от катакомбной культуры к срубной сталкиваются с теми же проблемами, что и сторонники полтавкинской версии (Отрощенко В.В., 1990, с. 108, 111, 112). По этому поводу отмечу следующее.

Сторонники полтавкинской и катакомбной генетических линий сталкиваются не с одинаковыми, а с принципиально различными проблемами. Апологеты полтавкинской линии не только не могут вывести ведущих характеристик срубной культуры из "полтавкинской", но и не в состоянии доказать на научном уровне существование самой такой культуры. С катакомбным вариантом ситуация иная: элементы, аналогичные катакомбным, настолько широко представлены в раннесрубных памятниках (Пятых Г.Г., 1983а, с. 112, сл.; 1983б, с. 84, сл.; 1990, с. 114, 115; 1996, с. 12; 1997,

---

[2] В указанной работе такая керамика еще рассматривалась в русле катакомбных древностей Среднего Дона.

[3] Сторонники полтавкинской концепции, зная о невозможности выведения типов срубного металла из "полтавкинского", вообще избегают анализа этой проблемы.

с. 25, сл.)[4], что любым логическим посылкам и хронологическим схемам достаточно противопоставить многочисленные факты такого катакомбного наследства и этим ограничиться. Но рассмотрим и фактическое состояние вопроса о хронологическом разрыве, для чего обратимся к фактам, систематизированным в специальных исследованиях.

В работе О.В. Кузьминой, посвященной "срубно-абашевским" памятникам, анализируется значительный материал (45 курганов и 87 погребений) и приводятся следующие факты. Стратиграфически раннесрубные и "срубно-абашевские" материалы не разделяются. "В ряде случаев под одной насыпью расположены срубно-абашевские и раннесрубные погребения, их могильные выкиды не перекрывают друг друга", по формулировке автора, "Все они основные" (Кузьмина О.В., 1983, с. 7, 13). Аналогичную ситуацию исследовательница констатирует и на поселенческих памятниках, на которых срубно-абашевская керамика залегала вместе с раннесрубной или перекрывалась ею. В пользу одновременности срубно-абашевских и раннесрубных погребений О.В. Кузьмина приводит и результаты типологического анализа вещевого материала. Факты стратиграфии и анализ вещевого материала привели ее к заключению, что "срубно-абашевские памятники лесостепного Поволжья относятся к одному хронологическому периоду ... Они сменяют абашевские и полтавкинские памятники ... и синхронны срубным периода сложения культуры на данной территории" (Кузьмина О.В., 1983, с. 13).

Н.М. Малов, исследовавший памятники типа Покровского могильника[5] и определивший их "... как самостоятельный культурный тип абашевско-синташтинско-петровского блока культур" (Малов Н.М., 1992, с. 15), установил, что часть погребений этого типа впущена в курганы не только ямного и полтавкинского этапов, но и в срубные. Около половины всех насыпей содержат и покровские, и срубные погребения, "иногда образуя единые семейно-родовые погребальные комплексы" (Малов Н.М., 1992, с. 5). В отношении поселений Н.М. Малов также констатирует, что находящаяся в их слоях "покровская" и срубная керамика стратиграфически не расчленяется и что носители срубной культуры проживали одновременно с носителями покровских традиций (Малов Н.М., 1992, с. 7). К числу общих выводов Н.М. Малова относятся: 1. Согласно поселенческой и курганной стратиграфии, покровские памятники позже ямных, полтавкинских и катакомбных. 2. "Покровские и срубные памятники по курганной и поселенческой стратиграфии не расчленяются" и "... в общих чертах одновременны" (Малов Н.М., 1992, с. 14). В работе В.А. Лопатина также приводятся факты совместного залегания срубных и "покровских" материалов и констатируется, что мнение о предшествовании "покровских" памятников раннесрубным поселенческой стратиграфией не подтверждается (Лопатин В.А., 1995, с. 7).

Таким образом, все факты стратиграфии свидетельствуют об одновременности "срубно-абашевских", или памятников покровского типа, с раннесрубными. Следовательно, хронологического разрыва между срубной и катакомбными культурами не оказывается, в результате раннесрубные памятники включаются в горизонт КМК – Новый Кумак (Кузьмина О.В., 1983, с. 13), или "абашевско-синташтинско-петровский блок культур" (Малов Н.М., 1992, с.15). В предсрубном же, более того, протосрубном, горизонте остаются катакомбные, абашевская и воронежская культуры, а также памятники вольского, по Н.М. Малову, типа.

Следующий важный вопрос – о культурной принадлежности памятников покровского типа, или "срубно-абашевских". Сначала коснемся некоторых методических аспектов проблемы. Во-первых, в прямой связи с попытками выделения из срубной культурной области материалов в отдельные, "несрубные" культуры или типы, находятся два методических вопроса – о критериях и об обязательных процедурах при

---

[4] В работах автора (Пятых Г.Г., 1983а,б) катакомбные элементы в срубных памятниках с учетом существовавших в те годы представлений и хронологических схем рассматривались в русле наследования от культуры многоваликовой керамики.

[5] По О.В. Кузьминой – "срубно-абашевские".

выделении одной культуры из другой. Как будто все знают, что при выделении культуры, варианта культуры, культурного типа и т.д. необходимо сразу заявлять, по каким критериям эти понятия отличаются друг от друга, но на практике эти общеизвестные правила выполняются далеко не всеми. То же относится к процедурам. В числе обязательных – сравнение по всем основным параметрам выделяемых в новую культуру памятников с памятниками, остающимися в "старой" культуре. Следовательно, для признания специалистами выделенных из срубной культурной области материалов в качестве отдельных, как бы не входящих в нее культур, в первую очередь необходимо предъявлять не представления автора о том, чем такие новые культуры характеризуются, а на основании *научно обоснованных* критериев показать, что выделяемые в новые культуры памятники отличаются от срубных *по основным характеристикам*. Но предпринятые в последние десятилетия выделения новых культур из срубной зачастую не соответствуют таким требованиям и выглядят попытками приобретения авторитета на путях версификаций и искусственных терминологических новшеств[6]. Во-вторых, при выделении материалов из раннесрубной культуры в отдельные типы или культуры на основании выраженных в этих материалах абашевских (катакомбных или иных) черт, следует учитывать, что если (как можно считать доказанным) эти культуры внесли основной вклад в формирование срубной, то естественно, что на ее раннем этапе наиболее выраженными могут быть характеристики именно этих культур, поэтому массовое присутствие в ранних срубных памятниках их элементов всего лишь прямо указывает, какие культуры внесли свой решающий вклад в ее сложение, и никаких оснований для выделения новых культур не дает.

В-третьих, при сравнительном анализе главных характеристик культур, выделяемых ныне из срубной в виде памятников покровского типа, или "срубно-абашевских", очевидно принципиальное сходство их ведущих характеристик с характеристиками срубной культуры: 1) распространение характернейшего элемента срубной культуры – "позы адорации"; 2) в этих памятниках есть уже все те типы керамики и орнаментов, которые продолжают существовать и на следующем этапе; 3) металлические изделия из таких памятников уже представлены набором тех же самых, на принципиальном уровне, типов, что характерны для срубных памятников. Следовательно, в таких погребениях мы имеем уже весь набор основных элементов, характерных для памятников срубной области не только раннего этапа, но продолжающих существовать и далее в слагающих ее культурах. Особое значение при этом имеет общность религии, археологически выражающаяся в однотипной, в основе, погребальной обрядности, в первую очередь в наличии такого ее элемента, как положение погребенных на левом боку в "позе адорации". Этот элемент считается настолько типичным для срубной культуры, что нередко при обнаружении даже безынвентарных погребений с погребенными в такой позе, их традиционно относят к срубным.

---

[6] Нередко новые культурообразования создаются с использованием совсем иных процедур: сначала автор будущей культуры предлагает выделение неизвестного ранее этапа (типа) в уже существующей культуре, и если к такому пробному камню коллеги отнесутся снисходительно – а так и происходит – новый этап (тип) стремительно трансформируется в культуру. Столь же быстро автором "забывается", что эта "культура" только что входила в другую, и интерпретируется уже в качестве "самостоятельной" и как бы не входящей в ту, из которой выделена. Другой прием – представление нового культурообразования в виде "рабочей гипотезы", как это было с "полтавкинской общностью" с дальнейшим превращением "рабочей гипотезы" в концепцию без достаточных доказательств. При этом ни авторы таких новшеств, ни их благосклонные коллеги и не подозревают, что рабочая гипотеза может быть в исследовании исключительно инструментом, но никак не результатом. Но всего поразительнее, что очень многие исследователи не только не подвергают более чем сомнительные построения хоть какому-то анализу, но и сами спешат приобщиться к этим "новейшим достижениям научной мысли", широко используют их в работах и получают выводы соответственного качества. Так происходит лавинообразное нагромождение терриконов концептуального шлака, прорыться сквозь которые к истине становится очень трудно. К сожалению, такое положение – показатель распространенного уровня исследований в археологии бронзы.

Исходя из всего этого, памятники начала позднего бронзового века, выделяемые из срубной культуры в отдельные типы и относящиеся ко времени массового распространения в погребальном обряде "позы адорации", должны рассматриваться в рамках срубной культурной области, и во избежание путаницы это всегда должно оговариваться, например: "такая-то культура (тип) срубной области", либо необходимо использовать территориально-географические параметры типа: "срубная культура Среднего Дона". Это будет звучать более громоздко, но научность требует точности в терминологии.

Однако некоторые специалисты приводят систему отличий "срубно-абашевских" памятников от собственно срубных. По В.И. Сагайдаку, относимые им к абашевским погребения Покровского могильника в целом отличаются от срубных большей пышностью погребального обряда, богатством инвентаря и наличием абашевских элементов (Сагайдак В.И., 1979, с. 57, сл.). А.Д. Пряхиным в основу отличий "синкретических" "срубно-абашевских" погребений от срубных положены те же принципы: наличие элементов абашевской культуры и значительные размеры погребальных сооружений и богатство инвентаря, т.е. эти погребения совершены по более сложному и "пышному" обряду (Пряхин А.Д., 1977, с. 34, сл.). Согласно выводам О.В. Кузьминой, отличие "срубно-абашевских" погребений от срубных заключается в наличии в них абашевских элементов и в большем количестве аристократических захоронений (Кузьмина О.В., 1983, с. 7, 8). Н.М. Малов также констатирует, что срубные погребения отличаются от покровских отсутствием трудозатратных погребальных сооружений, менее сложным обрядом, отсутствием ярко выраженных военно-аристократических погребений и колесничной аристократии (Малов Н.М., 1992, с. 7). Таким образом, отличия "срубно-абашевских" (покровского типа) погребений от срубных сводятся к двум элементам: размерам трудозатрат, воплощенных в погребальных сооружениях и инвентаре, и к наличию – отсутствию абашевских элементов. В этом и состоит противоречие между выводом о необходимости включения "срубно-абашевских" материалов в понятие срубной культуры и выводами этих исследователей. Для разрешения противоречия необходим анализ проблемы с позиций законов развития предклассовых обществ.

По размерам трудозатрат, воплощенных в погребальных сооружениях и инвентаре, "срубно-абашевские" памятники оставлены аристократическим социальным слоем; в частности, исходя из особенностей погребального обряда, Н.М. Малов относит оставившее Покровский могильник общество к категориям так называемых вождеств с колесничной аристократией (Малов Н.М., 1992, с. 7). Действительно, для ряда культур этого периода характерны военно-аристократические захоронения, которые наиболее ярко представлены в комплексе памятников на Синташте (Генинг В.Ф. и др., 1992, с. 111, сл.), и кое-кем выделяется целый культурно-хронологический пласт памятников, оставленных обществами "вождеств с колесничной аристократией".

Но во всех случаях, когда соответствующая таким обществам культура выделяется на основе погребений аристократии, авторы подобных построений почему-то не задаются простыми, совершенно очевидными вопросами: что же это были за общества, целиком или преимущественно состоявшие из аристократов? Да могли ли такие общества существовать в принципе?

По аналогичному поводу В.А. Кореняко отмечает, что если бы в социологии, этнографии или истории первобытного общества была предложена модель социальной структуры, состоящая из одного элемента – привилегированного, имущего общественного слоя, такую модель все оценили бы как абсурдную. Но в археологии популярны такие периодизации, согласно которым в течение одного периода существует только относительно немногочисленные погребения с ценным инвентарем, с повышенными трудовыми затратами на возведение похоронных сооружений, а в другой период – исключительно или почти исключительно многочисленные бедные и нетрудоемкие по конструкции погребения. Большое число исторических и этнографических фактов, отмечает исследователь, свидетельствует, что в обществах периода

разложения родовых отношений система погребальной обрядности приобретает большое разнообразие и, поскольку существование "в таких обществах лишь элиты, без массы рядовых общинников, – нонсенс, постольку и в археологических остатках этих социальных организмов должны содержаться не только погребения с повышенной материало- и трудоемкостью конструкций и... богатым инвентарем, но и более многочисленные могилы с более простыми конструкциями, с бедным инвентарем или вовсе без сопровождающих вещей" (Кореняко В.А., 1990, с. 34, 35). В положениях В.А. Кореняко дана исчерпывающая оценка ситуации, сложившейся как в рассматриваемой проблеме, так и в археологии поздней бронзы вообще.

То, что памятники покровского типа ("срубно-абашевские") оставлены тем же обществом, что и раннесрубные, подтверждается фактами, давно установленными О.В. Кузьминой, В.А. Лопатиным, Н.М. Маловым. Таких основополагающих фактов три. Во-первых, это стратиграфически доказанная одновременность "срубно-абашевских" (покровских) и раннесрубных памятников (Кузьмина О.В., 1983, с. 7, 13; Малов Н.М., 1992, с. 7, 11; Лопатин В.А., 1995, с. 7). Во-вторых, это археологически фиксируемая нерасчлененность общества, их оставившего. В курганах "срубно-абашевские" и срубные погребения – "все основные" (Кузьмина О.В., 1983, с. 7), на поселениях срубная и "срубно-абашевская" керамика залегает в одном слое (Кузьмина О.В., 1983, с. 13; Лопатин В.А., 1995, с. 7). В связи с последним обстоятельством Н.М. Малов констатирует, что подвергнутые им анализу поселки «принадлежат в основном населению срубной культуры, проживающему одновременно с покровским. Стратиграфически их керамика не расчленяется. Некоторые селища находятся рядом с покровскими могильниками и связаны с ними... Пока не обнаружено ни одного "чистого" покровского селища и постройки» (Малов Н.М., 1992, с. 7). Все эти факты свидетельствуют, что памятники оставлены единым обществом, в состав которого входила как "покровская аристократия", так и "срубный плебс". Третий факт – полное преобладание срубной керамики на таких "срубно-покровских" поселениях. Как констатирует Н.М. Малов, "Во всех коллекциях подавляющее большинство составляет срубная, а не покровская керамика" (Малов Н.М., 1992, с. 7). Этот факт окончательно расставляет все по местам, показывая, что общество состояло из относительно небольшого числа представителей аристократии и массы рядовых общинников.

Таким образом, памятники "покровского типа" ("срубно-абашевские") оставлены населением, входившим в общие социальные структуры с носителями срубных культурных традиций, и должны рассматриваться в рамках раннесрубной культуры[7].

Но требует объяснения факт некоей культурной расчлененности такого единого общества на аристократических носителей абашевских ("срубно-абашевских") традиций и на рядовых общинников – носителей традиций "срубных". Дело в том, что сложение новых этносоциальных образований в эпоху предклассовых обществ обычно являлось результатом включения частей различных этнических единиц в более крупные. Естественно, что верхушечный слой таких новых обществ, возникавших, как правило, в ходе завоеваний, составлялся преимущественно из представителей общества-завоевателя. История человечества дает такое количество подобных фактов, что можно говорить о закономерности. Естественно, что в таком верхушечном слое нового общества и были наиболее ярко выражены элементы культуры общества-завоевателя. Кроме того, даже если какую-то часть аристократии новых социополитических образований составляли и представители обществ, вошедших в новые политические структуры на правах подчинения, они зачастую ориентировались на новые традиции и моды, особенно если они шли из более развитого общества. Фактов такого рода также очень много, для исследуемого же периода сошлюсь на пример интеграции материальной культуры знати в Европе, ориентировавшейся на моды крито-микенского общества (Массон В.М., 1976, с. 90). Подчеркну, что в этом при-

[7] Совершенно очевидно, что с таких же позиций должно оцениваться и место аристократических синташтинских захоронений в алакульской культуре.

мере речь не идет о включении аристократии этих обществ в общие политические структуры с более культурными обществами, соответственно культурная интеграция "старой" аристократии при ее прямом вхождении в новые этносоциальные структуры неизбежно должна была быть гораздо более интенсивной.

Итак, сложение срубной культурной области в общих своих границах произошло на основе абашевской, воронежской и катакомбных культур, в том числе и катакомбных образований Нижней Волги. Какие процессы привели к сложению срубной культурной области, какими причинами эти процессы могли быть вызваны и какие факторы им способствовали?

До сих пор широкое хождение имеет моноцентристская точка зрения, подразумевающая сложение срубной культуры в Заволжье с последующим распространением на запад в ходе колоссальной миграции ее носителей. Разбор этой концепции предварю замечанием, что некогда ее разделял и я (Пятых Г.Г., 1978, с. 42, 43). Ненаучность моноцентристской концепции в следующем. Во-первых, в основе концепции – тезис о сложении срубной культуры на основе "полтавкинской". Поскольку такой культуры, как оказалось при проверке, не существует, исчезает и первооснова всей концепции. Во-вторых, давно установлено, что степные скотоводческие общества, к которым принадлежали и носители заволжских культур раннего и среднего бронзового века, в силу экстенсивности своей экономики всегда отставали в экономическом, социально-политическом и культурном развитии от обществ с комплексной экономикой, поэтому неясно, как отсталые степные общества Волго-Уралья вдруг создали настолько высокую культуру, что она в короткие сроки была воспринята более развитым населением бассейнов Дона и Днепра. Исторические факты показывают, что даже самые масштабные завоевания степняков – если они и происходили – зачастую заканчивались их культурной, а нередко и этнической ассимиляцией со стороны завоеванных ими народов. В-третьих, в силу тех же экономических причин степные скотоводы были ограничены в росте населения, что в нашем случае подтверждается относительно малым числом в Заволжье памятников ямной и ямно-полтавкинской эпох по сравнению с памятниками поздней бронзы, и совершенно непонятно, как на ограниченной экономической базе мог произойти мощный демографический взрыв. В-четвертых, точка зрения о миграции настолько массовой, что многочисленные носители абашевской или катакомбных культур были куда-то вытеснены, как это до сих пор иногда представляется, не выдерживает критики еще и потому, что ни в одну древнюю эпоху для столь масштабных акций не было ни военно-политических средств, ни, главное, необходимости – завоевания всегда были направлены на увеличение численности зависимого населения для получения верхушкой завоевателей дополнительного продукта, для роста ее властных возможностей и, как следствие, социального ранга. В-пятых, колоссальная, поглотившая всех и вся миграция из Заволжья неизбежно должна была относительно однообразно повлиять на физический облик населения бассейнов Дона и Днепра, но по результатам сравнительного антропологического исследования "...идея о прямом переселении племен степного Поволжья... на запад до Приднепровья на данном материале не подтверждается" (Круц С.И., 1976, с. 227). Выводы о неоднородности физического типа носителей срубной культуры даже в ограниченных районах ее распространения публиковались еще в 1940–1950-е годы (Дебец Г.Ф., 1948, с. 86; 1954, с. 487, сл.; Гинсбург В.В., 1959, с. 534, 540). Таким образом, наиболее расхожая концепция о приходе срубной культуры из-за Волги не увязывается ни с фактами, ни с логикой, ни с законами исторического развития.

Однако в специальной литературе констатируется, что миграции играли весьма существенную роль в этнических процессах, особенно значительную на ранних этапах, и даже отмечается, что "массовые миграции явились важнейшим ингредиентом этнических процессов вплоть до средневековья" (Алексеев В.П., Бромлей Ю.В., 1968, с. 35). Кажущееся противоречие между этим заключением и предыдущим выводом заключается в том, что миграции в этнокультурных процессах древности действовали

гораздо более сложно и опосредованно, чем это представляется сторонникам вульгарно-миграционных теорий, а кроме того, в случае со сложением срубной культуры они происходили в противоположном направлении.

То, что сложение культур от Волги до Зауралья происходило в ходе миграций населения с запада, очевидно благодаря ярко выраженному присутствию как в раннесрубных, так и в раннеалакульских памятниках абашевских и катакомбных элементов. Что миграции были масштабными, доказывается как размерами их результатов, так и быстротой сложения колоссальной культурной системы от Причерноморья и до Забайкалья, на фоне которой даже такие гиганты, как срубная и андроновская культурные области, выглядят локальными результатами этих процессов. Что эти миграции происходили в форме военных вторжений, вытекает из того, что проходили они по давно заселенным территориям, из факта многочисленных находок воинских захоронений, а также из факта появления хорошо укрепленных поселений, т.е. все факты указывают на существование периода постоянной военной обстановки.

Совершенно гигантские масштабы этих событий свидетельствуют, что имело место одно из Великих переселений народов древности. Учитывая, что археологических фактов этого Великого переселения имеется несравнимо больше, чем, например, археологических фактов гуннского вторжения, можно констатировать, что Великое переселение народов начала поздней бронзы по масштабам не только сопоставимо с теми или иными аналогичными событиями конца раннего железного века, но, возможно, и превосходило их.

Следует оговориться, что военно-эмиграционные события, приведшие в позднем бронзовом веке к сложению новой этнокультурной системы Старого Света, видимо, не были исторически коротким актом типа походов Чингисхана, во всяком случае какая-то всеобщая военная катастрофа на археологических материалах не фиксируется. Вероятно, имел место относительно протяженный период постоянно происходивших военно-миграционных процессов, достигших пика на каком-то отрезке времени и завершившихся переоформлением системы этнокультурных общностей.

Огромное повышение роли войн потребовало принципиальных изменений в структуре основных этносоциальных общностей, в результате чего важнейшей из них становится племя (Куббель Л.Е., 1988а, с. 213), которое из объединения взаимобрачующихся родов превращается в социально-потестарный организм. Причиной, влиявшей на размеры социально-потестарных единиц в эпоху предклассовых обществ, была и объективная необходимость в постоянном их увеличении – в условиях непрерывного усиления войн выстоять в одиночку изолированная община просто не могла (Куббель Л.А., 1988а, с. 228). Результатом военно-политических событий и миграций было ослабление и разрушение внутренних связей старых этнокультурных общностей и в конечном итоге их разрушение как социальных организмов, что, как правило, вело к перегруппировке населения (Куббель Л.А., 1988а, с. 215), возникновению новых экономических, политических, социальных и культурных связей, превращению этих связей в стабильно действующие системы, т.е. в конечном итоге к превращению в новые этнокультурные общности, что археологически фиксируется появлением новых культур.

Таким образом, сложение срубной культурной области есть результат разложения предыдущих этносоциальных организмов и включения их частей в новые и более крупные надобщинные единицы, которые складывались в ходе миграций и завоеваний. Возможно, срубная область, если исходить из ее размеров, состояла из систем метаэтносов, каждый из которых включал по нескольку потестарных образований, в рамках метаэтносов и могла оформиться та или иная культура срубной области.

Основными причинами того, что массовые миграции начала поздней бронзы имели общее направление с запада на восток, могли быть следующие. 1. Более высокое экономическое и, как следствие, социальное развитие обществ бассейнов Днепра и Дона по сравнению с восточными территориями. Богатые и разнообразные природные ресурсы позволяли практиковать многоотраслевую экономику, эта комплексность при-

давала ей большую эффективность не только благодаря увеличению общего объема продуктов, но и благодаря стабильности; например, в годы, неблагоприятные для скотоводства, потери могли компенсироваться за счет усиления других отраслей. Близость к высокоразвитым Балканскому и Кавказскому регионам обеспечивала регулярное ознакомление с новейшими техническими и экономическими достижениями, что тоже было важным фактором экономического и, как следствие, социального развития. Привлекаемое богатой природной средой пришлое население, выплескиваемое из этих более развитых районов, приносило не только передовые формы ремесел и социальных структур, но и те связи, без которых уже не могло нормально развиваться ни одно общество. Все эти факторы обеспечивали стабильный рост населения региона и образование более крупных, более организованных, дальше продвинувшихся по пути военной демократии, приспособленных к экспансии и заинтересованных в ней обществ (Пятых Г.Г., 1996, с. 12–14). 2. Обществам Днепровского и Донского регионов на востоке противостояли общества, практиковавшие менее эффективную экономику и, как следствие, относительно малочисленные и менее организованные. Именно поэтому доминирующим направлением военных экспедиций предклассовых обществ было из развитых регионов в сторону периферии – менее крупные и ниже организованные общества были естественным объектом экспансий, одной из важнейших целей которых было включение новых зависимых групп населения в свою политическую структуру. 3. Недостаточность рудных источников Доно-Донецкого и Поволжского бассейнов, ставшая тормозом в развитии местных обществ, могла явиться одной из важнейших причин их движения в сторону Урала и далее, к богатым источникам металла, без производства которого в возрастающих объемах общественный прогресс уже был невозможен. Этот тезис красноречиво иллюстрируется многочисленными фактами находок изделий из металла приуральского и зауральского происхождения не только в Поволжье, но и на более западных территориях (Черных Е.Н., 1978, с. 72), для носителей же культур срубной области привозимая с востока медь имела приоритетное значение (Черных Е.Н., 1970, карты на рис. 27–29; Кузьминых С.В., Агапов С.А., 1989, карты). 4. Возможная благоприятная климатическая обстановка. Один из четырех этапов повышенной увлажненности климата Северного полушария, имевших место за последние шесть тысячелетий (Шнитников А.В., 1957, с. 259, сл.), приходится на конец III – начало II тыс. до н.э. Эпохальное увеличение влажности климата привело к смещению границ ландшафтов к югу на одну-две подзоны. В результате более благоприятные по влажности условия существовали и южнее современной нижней границы лесостепи. Предполагается, например, что даже в более сухих, по сравнению с Заволжьем, районах Прииртышья могла существовать колочная степь, и отмечается, что раннеалакульские памятники занимают современную лесостепную, степную и частично полупустынную зоны (Хабдулина М.К., Зданович Г.Б., 1984, с. 152). Подобная ситуация прослеживается и на материалах Заволжья – с началом позднего бронзового века в заволжской степи широко распространяются не только погребальные, но и бытовые памятники срубной культуры, в которых отчетливо представлены элементы такой лесостепной культуры, как абашевская. Вероятно, в связи с увеличением влажности степи ее природно-ландшафтные характеристики оказались ближе к лесостепным, что существенно облегчало населению лесостепного Дона культивирование традиционного комплексного хозяйства на пространствах Заволжья и Приуралья. Этим обстоятельством, возможно, и объясняется то, что движение на восток происходило не только по лесостепи, но и в степь, во всяком случае по речным долинам. Кроме того, повышенная увлажненность степи и увеличение ее биомассы благоприятствовали развитию скотоводства, что тоже могло являться привлекательным обстоятельством для мигрантов.

Какие факторы могли способствовать быстрому, в историческом контексте, сложению срубной этнокультурной области? К наиболее вероятным можно отнести следующие. 1. Близкий уровень социально-экономического развития обществ, участвовавших в сложении срубной культуры. Все общества на территориях от Днепра до

Заволжья практиковали сходные виды хозяйства как в силу схожей природной среды, так и в силу многовековых контактов. Схожие типы экономики обусловливали близкий уровень социального развития. Степень же контактов и взаимовлияний между близкими по уровню обществами бывала обычно высокой, при этом отмечается, что преобладало воздействие более развитых обществ на непосредственных соседей, так как отсутствие значительного разрыва в развитии таких обществ существенно облегчало заимствование в самых различных областях, в том числе духовной культуры и идеологии (Куббель Л.Е., 1988б, с. 479, 480). В любом обществе-"доноре" его хозяйство, социальная структура, духовная культура и идеология существовали в виде целостной системы и изменение одного элемента неизбежно влекло за собой изменение остальных. Но настолько же единая система была и у общества-"реципиента", поэтому даже отдельные этнокультурные элементы, внедряясь в него, неминуемо вели к серьезным изменениям во всей системе в силу принципа системной организации (Куббель Л.Е., 1988б, с. 486). Если столь глубокие последствия могли иметь контакты обществ, не входивших в общую политическую систему, то течение таких процессов было неизмеримо более быстрым, интенсивным и глубоким при вхождении носителей близкоразвитых обществ в общие политические структуры, возникавшие в ходе завоеваний. Отмечается, что, когда миграция сочеталась с социальным контактом, воздействие "центра" на "периферийные" общества было более интенсивным и возникали возможности и социального копирования (Куббель Л.Е., 1988б, с. 489). 2. Возможное этническое родство обществ, участвовавших в сложении срубной культурной области. Не касаясь проблемы конкретной этнической, в том числе языковой, принадлежности носителей культур между Днепром и Уралом, остановлюсь на вопросе, могли ли эти общества в большей или меньшей степени быть этнически родственными в принципе. Рассмотрим следующие факты. Этнокультурные процессы, завершившиеся сложением срубной культурной области, происходили на большей части региона, занятого в предшествующее время доноволжской абашевской (по А.Д. Пряхину) культурой. Эта культура в свою очередь занимала территорию конгломерата культур средней бронзы, в большинстве рассматриваемых в русле катакомбных древностей. Система катакомбных культур занимала большую часть территории ямной культурной области. Эти факты позволяют констатировать, что этнокультурные процессы, еще в досрубную эпоху неоднократно завершавшиеся сложением систем родственных культурных образований, происходили в одном и том же регионе, на огромной части которого и сложилась затем срубная культурная область, т.е. на протяжении многих столетий происходило перемешивание населения в пределах одного региона, что позволяет предполагать, что между группами этого населения могло если не существовать изначально, то во всяком случае выработаться этническое, в том числе языковое, родство. Подобная ситуация могла упрощать и тем самым усиливать межэтнические контакты как при "статическом" пространственном состоянии обществ, так и особенно при передвижках населения. Во всяком случае этнографы неоднократно фиксировали очень интенсивные этнокультурные контакты между племенами, относящимися к семье носителей близкородственных языков. Отмечается при этом, что такие контакты приводят к образованию надплеменной организации, при которой группы племен выступают в виде определенной этнической общности; подобные этнические образования называют "соплеменностью", или метаплеменем (Алексеев В.П., 1988, с. 320). 3. Важным фактором, способствовавшим сложению срубной культурной области, могло быть распространение способов производства лесостепного населения на территорию степи. В специальной литературе существует предположение, что усвоение населением способа производства завоевателей либо возникновение синтеза способов производства способствовало даже таким глубоким этническим изменениям, как усвоение языка завоевателей, при этом подчеркивается, что такая ассимиляция не наблюдалась, если аборигенам оставлялся их старый способ производства (Алексеев В.П., Бромлей Ю.В., 1968, с. 44). На то, что способ производства носителей доно-

волжских культур мог получить значительное распространение при сложении срубной, указывает появление в степном Заволжье многочисленных поселений, что для эпохи средней бронзы не считается характерным. Этот факт трудно объяснить чем-либо, кроме появления вместе с пришельцами на этих территориях таких форм экономики и соответствующих им социальных отношений и структур, которые ранее развивались у носителей лесостепных культур. 4. Сходство или близость идеологических представлений обществ, включенных затем в систему срубной области. Изменения социальных структур, которыми сопровождалось сложение новых этнических общностей, всегда вели к неизбежным изменениям обслуживающей эти структуры идеологии, что в нашем случае археологически прослеживается по изменению форм погребальной обрядности. Распространение новой идеологии облегчалось тем, что во всех катакомбных культурных образованиях от Днепра и до Заволжья, не говоря уже о доно-волжских, судя по характеристикам погребального обряда, в религии было много общего, а нередко и идентичного. Такая идеологическая близость и могла явиться одной из причин выработки новой религии, которая в свою очередь стала одним из важнейших факторов, ускоривших сложение новых политических и этнокультурных образований. 5. Благоприятным фактором, влияющим на распространение новых форм культуры, вплоть до восприятия другого языка, считается политическое господство завоевателей (Алексеев В.П., Бромлей Ю.В., 1968, с. 44). В пользу вероятного политического доминирования пришлых групп населения на территориях от Волги и до Зауралья свидетельствуют многочисленные элементы абашевских и других донских культур в погребениях знати как в раннесрубных, так и в раннеалакульских памятниках.

В качестве основных выводов можно предложить следующие. 1. Формирование культур срубной области в ее основных пределах произошло на преимущественной основе катакомбных, доно-волжской абашевской и воронежской культур, а также иных, пока отчетливо не выделяющихся. Особая роль принадлежала носителям донских культур, которые, судя по массовому присутствию абашевских и катакомбных элементов в захоронениях знати, стояли во главе мигрировавших, а затем и вновь возникавших обществ, сыграв в этих процессах роль организующего звена. 2. Вероятно, и в этническом аспекте носителями срубной культуры не в последнюю очередь стали потомки носителей культур средней бронзы. 3. Появление столь большого образования, как срубная культурная область, произошло в ходе возникновения крупных этнических подразделений надобщинного уровня, в которые оказались включенными части этносов предшествующих периодов. Большие размеры даже отдельных частей срубной области позволяют предполагать существование надплеменных организаций, при которых уже группа племен выступает в виде некоей этнической общности (Алексеев В.П., 1988, с. 320). 4. Сложение срубной культурной области явилось одним из результатов процессов классообразования, которые, как отмечается в литературе, чрезвычайно ускорялись массовыми миграциями (Алексеев В.П., Бромлей Ю.В., 1968, с. 35). 5. Быстрое, в историческом плане, оформление как срубной области, так и всей колоссальной системы культур сейминского горизонта произошло в ходе одного из древнейших Великих переселений народов, огромные масштабы и интенсивность которого обеспечивались одновременным действием ряда факторов. 6. Качественное изменение социальных структур, произошедшее в процессе сложения новых обществ, привело к изменению идеологической системы, что выразилось в возникновении новых форм религии и связанных с нею обрядов. Судя по колоссальному пространственному распространению унифицированных (на принципиальном уровне) погребальных обрядов, сложение гигантской евразийской этнокультурной системы сопровождалось возникновением одной из мировых религий древности. Исходя из сходства обрядов срубной и других культур начала поздней бронзы с обрядами доно-волжской абашевской и катакомбных культур, новая мировая религия целиком выросла из предшествующих культов. Это хорошо иллюстрируется примерами сложения современных крупных, в том числе мировых, религий – христианства, ислама,

буддизма и других – все они зародились в конце одной исторической эпохи и утвердились в следующей, причинами их возникновения явились процессы дальнейшей стратификации в обществе, и все они возникали на основе более ранних культов (Мчедлов М.П., 1974; Беляев Б.А., 1965; Кочетов А.Н., 1962; Ильин Г.Ф., 1969; Романов А.Н., 1969). Тот факт, что во многих погребениях начала эпохи поздней бронзы прослеживаются уже совершенно сложившиеся каноны, может служить основой для допущения, что в этногенетических процессах могли участвовать и группы населения балкано-дунайского региона, где все известные в срубной культуре позы погребенных и другие обрядовые особенности уже были хорошо представлены (Bona Istvan, 1975, Plan 30, Taf. 155, 156, 165–168). Значительный комплекс характерных фактов, свидетельствующих о вероятном существовании в этот период связей евразийских степей с регионом Средиземноморья, приводит в специальном исследовании и Е.Е. Кузьмина (1978, с. 21–23). 7. Хотя этнической основой обществ носителей срубной культурной области в ее основных границах, вероятнее всего, были местные группы населения, они не являлись единственными участниками этногенетических процессов, так как миграции типа Великих переселений народов, как правило, вовлекали в себя очень большое количество различных народов и племен, в том числе этнически неродственных. Удачное определение, примененное Н.М. Маловым для Поволжья, в несколько перефразированном виде можно распространить на всю область срубной культуры: эта область формировалась на основе разноликого "культурного субстрата", но степень участия входящих в него культур по регионам была различной (Малов Н.М., 1992, с. 14).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев В.П., 1988. Демографическая и этническая ситуация // История первобытного общества. Эпоха классообразования. М.

Алексеев В.П., Бромлей Ю.В., 1968. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей // СЭ. № 2.

Беляев Е.А., 1965. Ислам // СИЭ. Т. 6.

Брюсов А.Я., 1952. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.

Васильев И.Б., 1978. Полтавкинские памятники Среднего Поволжья и некоторые вопросы формирования срубной общности // Древние и средневековые культуры Поволжья и Приуралья. Научн. тр. КГПИ. Куйбышев.

Васильев И.Б., 1979а. Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы // Древняя история Поволжья. Науч. тр, КГПИ. Т. 220. Куйбышев.

Васильев И.Б., 1979б. Лесостепное Поволжье в эпоху энеолита и ранней бронзы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992. Синташта. Челябинск.

Гинсбург В.В., 1959. Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья // МА. № 60. Т. I.

Дебец Г.Ф., 1948. Палеоантропология СССР // Тр. Ин-та этнографии СССР. Т. IV. М.; Л.

Дебец Г.Ф., 1954. Палеоантропологические материалы из погребений срубной культуры Среднего Заволжья // МИА. № 42.

Ильин Г.Ф., 1969. Брахманизм // СИЭ. Т. 12.

Качалова Н.К., 1967. О выделении полтавкинской культуры // КСИА. Вып. 112.

Качалова Н.К., 1983. О локальных различиях полтавкинской культурно-исторической общности // АСГЭ. Вып. 24.

Клейн Л.С., 1960. Катакомбные памятники и проблемы выделения археологических культур // СА. № 2.

Клейн Л.С., 1970. Катакомбная культура или катакомбные культуры? // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.

Кореняко В.А., 1990. О социологической интерпретации памятников бронзового века (погребения дандыбай-бегазинского типа) // СА. № 2.

Кочетов А.Н., 1962. Буддизм // СИЭ. Т. 2.

Кривцова-Гракова О.А., 1955. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. № 46.

Круц С.И., 1976. Антропологические особенности населения срубной культуры территории Украины. Киев.

Куббель Л.Е., 1988а. Возникновение частной собственности, классов и государства // История первобытного общества. Эпоха классообразования. М.

Куббель Л.Е., 1988б. Первобытность и классовые общности // История первобытного общества. Эпоха классообразования. М.

Кузнецов П.Ф., 1989. Полтавкинская культурно-историческая общность. Свердловск; Куйбышев.

Кузьмина Е.Е., 1978. Связи Евразийских степей и Средиземноморья во второй четверти II тыс. до н.э. // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Науч. тр. КГПИ. Т. 221. Куйбышев.

Кузьмина О.В., 1983. Взаимоотношения абашевских и срубных племен в лесостепном Поволжье. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Кузьминых С.В., Агапов С.А., 1989. Медистые песчаники Приуралья и их использование в древности // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск.

Лопатин В.А., 1995. Поселение срубной культуры степного Волго-Уральского междуречья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.

Малов Н.М., 1992. "Абашевские племена" Нижнего Поволжья (памятники покровского типа). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.

Массон В.М., 1976. Экономика и социальный строй древних обществ. М.

Мельник В.И., 1978. Об обоснованиях гипотезы о генетической связи полтавкинской и срубной культур (критико-историографический анализ) // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Науч. тр. КГПИ. Т. 221. Куйбышев.

Мельник В.И., 1979. К вопросу о культурно-типологическом соотношении катакомбных и полтавкинских памятников // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк.

Мельник В.И., 1985. Степное Поволжье в эпоху средней бронзы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Мельник В.Н., 1990. Из истории полтавкинской проблемы // СА. № 1.

Моргунова Н.Л., 1991. К вопросу о полтавкинской культуре Приуралья // СА. № 4.

Мчедлов М.П., 1974. Христианство // СИЭ. Т. 15.

Отрощенко В.В., 1990. О возможности участия полтавкинских и катакомбных племен в сложении срубной культуры // СА. № 1.

Потемкина Т.М., 1990. О некоторых спорных вопросах ранней и средней бронзы Волго-Уральского региона // СА. № 1.

Пряхин А.Д., 1977. Погребальные абашевские памятники. Воронеж.

Пряхин А.Д., 1982. Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж.

Пятых Г.Г., 1978. Некоторые замечания к вопросу о заселении срубными племенами лесостепи // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Науч. тр. КГПИ. Т. 221. Куйбышев.

Пятых Г.Г., 1983а. Общие компоненты сложения алакульской и срубной культуры Поволжья // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.

Пятых Г.Г., 1983б. К проблеме сложения срубной культуры в Поволжье // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев.

Пятых Г.Г., 1985. Некоторые вопросы историографии проблемы происхождения срубной культуры // СА. № 3.

Пятых Г.Г., 1990. К дискуссии по происхождению срубной культуры // СА. № 1.

Пятых Г.Г., 1996. К проблеме роли Доно-Донецкого региона в эпоху средней и поздней бронзы // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточно-европейской степи и лесостепи. Воронеж.

Пятых Г.Г., 1997. "Восток" и "Запад" в сложении срубной культуры // Сабатиновская и срубная культуры: проблема взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы. Киев; Николаев; Южноукраинск.

Романов А.Н., 1969. Синтоизм // СИЭ. Т. 12.

Рыков П.С., 1923. Результаты археологических исследований в Покровском и Хвалынском уездах Саратовской губернии в 1922 г. // Тр. Общества истории, археологии и этнографии при Саратовском университете. Вып. 34. Ч. I. Саратов.

Сагайдак В.И., 1979. О двух группах погребений Покровских могильников в Нижнем Поволжье // Древняя история Поволжья. Науч. тр. КГПИ. Т. 230. Куйбышев.

Хабдулина М.К., Зданович Г.Б., 1984. Ландшафтно-климатические колебания голоцена и вопросы культурно-исторической ситуации в Северном Казахстане // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.

Чередниченко Н.Н., 1979. О некоторых проблемах срубной культуры // Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы. Донецк.

Черных Е.Н., 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.

Черных Е.Н., 1978. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. № 4.

Шилов В.П., 1991. О "полтавкинских" погребениях Южного Приуралья // СА. № 4.

Шнитников А.В., 1957. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария // Записки Географического общества СССР. Т. 16. Нов. серия. М.; Л.

Bona Istvan, 1975. Die Mittlere Bronzezeit Ungarns und ihre südöstliche Beziehungen. Budapest.

Институт археологии РАН,
Москва

G.G. PYATYKH

ON THE PROBLEM OF THE BASIS. MECHANISM AND FACTORS OF TIMBER-GRAVE CULTURE FORMATION

Summary

The known concept claiming timber-grave culture as having been formed on the base of Poltavka one contradicts the reliable facts, besides, the latter had been syggested proceeding from preconceived evidences' selection, therefore this concept should not be used in scientific analysis. Formation of the cultures included into timber-grave cultural entity in its general borderlines took place mainly on the base of catacomb culture, Abashevo culture of the Volga and Don rivers' basins, and Voronezh culture, as well as some other that have not been distinctly characterised up to now. The territory occupied by timber-grave culture cioncides with the area covered by the enumerated groups, all basic and particular indications of the culture in question have their proto-types in their material. The groups which populated the Don basin were of special significance; the seem to have been the leaders of migrating and then newly emerging entities, playing the role of organising core in these processes. This thesis can be proved by numerous elements of catacomb and Abashevo cultures' elements recorded in the local elite burials there. The emergence of vast timber-grave cultural entity became possible only after formation of significant ethnic groups of meta-community nature with the earlier ethnic group partially included. Even the local subdivisions of timber-grave culture were of significant size, this fact allows to suppose the existence of meta-tribal organisations, when an ethnic group comprised a number of tribes. Relatively fast formation of timber-grave entity, as well as the whole gigantic system of Seima-horizon cultures occurred in the course of one of the earliest Great migrations. Simultaneous influence of numerous factors contributed to the scale and intonsity of this process. Qualitative changes took place in the social structures in the course of the new communities' formation, which had resulted in shifts in their ideological system. New religions forms and connected rituals had occurred. Proceeding from gigantic territiroal span of generally homogeneous burial rites, emergence of vast Eurasian ethno-cultural system in question was accompanied by formation of some kind of religious system of ancient world.

В.И. МАРКОВИН

ДОЛЬМЕНЫ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА: МИСТИКА, НАУЧНЫЕ МНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИЗУЧЕНИЯ*

"Если научная мысль выдержала пробный камень критики, то она остается звеном в золотой цепи знаний"

(А.Дж. Тойнби "Постижение истории")

Каждый вид памятников Северного Кавказа время от времени приобретает определенную популярность. В таких случаях о нем пишут в газетах, говорят по радио и телевидению. В 1960–1970-х годах в Чечне и Ингушетии так было с башенными постройками. Острые дебаты велись и ведутся в Северной Осетии, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии по поводу древностей алан. Сейчас в Краснодарском крае и Адыгее оживился небывалый интерес к дольменным постройкам. В этом отношении особенно повезло району г. Геленджика. Вызван он не научными исследованиями специалистов, а небольшими книгами Владимира Мегре, изданными отдельными выпусками в серии "Звенящие кедры России" (Мегре В., 1997а, б; 1998). Они, имея большой успех, привели к своеобразному ажиотажу не столько у местного населения, сколько в среде отдыхающей публики. Дольменные местонахождения стали целью паломничества, а сами памятники – объектом поклонения. У их подножия возлагают цветы, к ним обращаются с просьбами и вопросами. Такие животрепещущие сцены как-то показывали по телевизору в передаче "Клуб путешественников". Они настолько впечатляющи, что не прошли мимо глаз гостя России, голландского археолога Альберта Беккера. Ему удалось посетить "черноморскую Мекку" и на снимках запечатлеть "пилигримов" (Pilgrims), молящихся возле дольменов (Trifonov K., 1999).

Чтобы понять происходящее, надо обратиться к книгам В.Мегре. Автор не считает свое повествование фантастикой, хотя сквозной, надуманной фигурой в его рассказе является Анастасия, напоминающая Олесю – главную героиню одноименной повести А.И. Куприна. "Звенящие кедры" – фон, на котором действует Анастасия. Небольшие томики В. Мегре среди современного затхлого чтива, наводняющего наш книжный рынок, подкупают некоторой наивностью в манере изложения. Именно Анастасия обратила внимание автора на дольмены. И вот что о них пишет В. Мегре: дольменам Западного Кавказа 10 тысяч лет, "они предшественники египетских пирамид". Несмотря на свою глубокую древность, дольмены "имеют функциональное значение и для сегодня живущих людей", – их необходимо уметь "слушать просто сердцем" (Мегре В., 1997а, с. 172, 173). Дольмены строили для "достойных" людей, скорее всего для вождей племен, стремившихся понять "Истину первоистоков" и боровшихся против "косности своего времени". Эти люди, "не утратившие способности пользоваться мудростью Вселенной", уходили в гробницы в "вечную медитацию" (Мегре В., 1997б, с. 192, 193). Далее В. Мегре описывает, как же это происходило: "Отодвигалась массивная плита-крышка. Он входил в каменную камеру, крышку закрывали. ... полная изоляция, невозможность допустить даже мысли вернуться, но и не перейдя

* Текст доклада, прочитанного на заседании Отдела эпохи бронзы ИА РАН 28 октября 1999 г.

© В.И. Марковин, 2000 г.

еще в иной мир, отключение обычных органов чувств зрения и слуха, открывали возможность полного общения с Разумом Космоса, осмысливать многие явления и поступки земных людей" (Мегре В., 1997б, с. 194). Позже люди приходили к дольмену, вытаскивали пробку и "думали, советовались с витающими в камере мыслями. Дух мудрости всегда был там" (Мегре В., 1997б, с. 194). Таким образом, каждый дольмен – это "памятник мудрости и великого самопожертвования духа ради будущих поколений" (Мегре В., 1998, с. 39). Отсюда совет нашим современникам, обуреваемым разного рода треволнениями, "сесть у камеры, задуматься" и помощь в виде ответа придет, ибо сам мегалит и захороненные в нем являются "информационным приемником", способствующим связи с "Интеллектом Вселенной" (Мегре В., 1997б, с. 192). Почти этот же самый рецепт общения с дольменами можно найти в специальном наборе с фотографиями древних гробниц. (Набор открыток "Дольмены. г. Геленджик". М., "ИЦ Анастасия").

В книге новой серии "Экскурсия в Разум", посвященной все тем же дольменам г. Геленджика, имеется предисловие, в котором дана небольшая компилятивная сводка о научном изучении дольменов (упоминаются А.А. Иессен, О.М. Джапаридзе, В.И. Марковин, Л.И. Лавров и др.), но главным авторитетом при этом остается В. Мегре с его утверждениями, о которых здесь уже говорилось (Дольмены, 1999, с. 5–13). Анонимный автор предисловия[1] завершает свой труд своеобразным панегириком дольменостроителям: "Они были мыслителями... Им не было равных во Вселенной. По интеллекту выше был только сам Великий Интеллект Вселенной – Бог". "Дольмены – это хранилище древних знаний. Их предназначение – отвечать... Дольмены не приемлют фальши, лицемерия, лжи" (Дольмены, 1999, с. 14, 15) и далее он пишет о возможности "работы" с фотографиями как "информационными отпечатками" дольменов. Снимки могут дать ответ на необходимый вопрос "в виде ощущения, образа, мыслеформы" и даже через "книги, размышления" (Дольмены, 1999, с. 15–17). Сборник "Дольмены" завершается небольшими заметками и стихами ряда авторов, посетивших древние постройки в районе Геленджика (Дольмены, 1999, с. 90–107).

Можно только предполагать, что одним из поводов возникновения веры в чудодейственную силу дольменов, что отмечает В. Мегре, послужило наличие под ними и возле них особого радиационного фона, отличного от фона окружающего ландшафта (Мегре В., 1997б, с. 200). Замечу, что уже давно ученые обратили внимание на то, что в зонах аномальных явлений, где можно ожидать всякие неожиданности, стоят наиболее древние постройки. Таков, к примеру, знаменитый Стоун-хендж (Уотсон Л., 1991, с. 332). Думаю, что известный курган Псынако I с дольменом в его центре (с. Анастасиевка в районе г. Туапсе) также, может быть, создан на подобном месте. Не исключено, что подпочва многих дольменных групп может обладать подобным свойством. Отмеченная разница, возможно, объясняется тем, что между дольменами и окружающим пространством пролегли отложения многих столетий, а в дольменах и возле них сохранилась своеобразно законсервированная почва времени их создания. В этом вопросе ученые только-только начали разбираться. Трезво рассуждая, данное и близкие ему явления – еще не повод для мистики.

Надо отметить, что поклонение дольменам и использование их в качестве оракула – это возрождение давно известных мистических действий скрытого общения с "тайными существами и силами мира" независимо от "пространства, времени" и физических возможностей подобной практики (Соловьев Вл.С., 1995, с. 120, 121). Все названные элементы в случае с дольменами налицо, здесь также имеет уход от "чувственного мира" каждодневности, но "со стремлением погрузиться в глубину собственного бытия и с привлечением потустороннего мира" (Радлов Э.Л., 1904, с. 165). Пожалуй, одухотворение мегалитов можно приравнять к поклонению священ-

[1] Это скорее всего А. Солнцев – генеральный директор "Исследовательского центра Анастасия" (Дольмены, 1999, с. 4).

ным камням и растениям, т.е. к таким культовым действиям, которые предложено называть *иерофанией* (термин Мирча Элиаде) (Вандерхилл Э., 1996, с. 335). Они сродни своеобразной набожности, ибо "религия необходимо мистична, а мистика необходимо религиозна" (Мистика..., 1996, с. 232); и в том, и в другом случае "вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом" (Послание к евреям апостола Павла, 11, 1).

Поклонение дольменам на Западном Кавказе не новость. Л.И. Лавров отмечал, что площадки возде дольменов еще в XIX в. служили для молений. Здесь шапсуги у входа в дольмен оставляли специальную жертвенную пищу (Лавров Л.И., 1960, с. 104). О почитании дольменов у абхазов свидетельствует Ш.Д. Инал-Ипа (1976, с. 94–96). У черкесов существовало поверье, что порча дольменов наказуема от самого Аллаха (Шамотульский А.И., 1960-е годы, с. 11). Да и сами мегалитические сооружения, по словам Э.Л. Лаевской, создавались с затаенной мыслью, ведь они «на смысловом уровне сродни заговóру, камланию, сродни колдовскому магическому обряду в надежде вырвать и удержать жизнь. Великая жажда бессмертия – вот стимул, который движет "каменные горы" мегалитики» (Лаевская Э.Л., 1997, с. 154). Немаловажен и эффект грандиозности, который производят все мегалиты (Бенуа М.Н., 1935, с. 9). В свете сказанного современное культовое обращение к дольменам Западного Кавказа не является особой новостью, оно лишь кажется странным с позиций недавнего всепоглощающего атеизма в нашей стране. Здесь не стоит забывать почитание дольменов и менгиров у европейцев (Марсиро Ж., 1998, с. 291–293). К этому нужно добавить, что мистическое поклонение пирамидам и мегалитам, созданным в "вечном камне", уже давно рассматривается теософами как культово необходимое, ибо такие постройки – зримое свидетельство своеобразной теофании, итог молчаливого воздействия на человеческую сущность и деятельность "Духа и Разума Божественного Лица" (Спираль..., 1992, с. 315–325; Холл М.П., 1992, с. 351, 352). Не сомневаюсь, что книги В. Мегре и его последователей смогли возникнуть под несомненным влиянием теософии Е.П. Блаватской. Ими, правда, не учтено, что дольмены для мистиков олицетворяют "женское чрево", менгир – "мужскую творческую силу" (Купер Дж., 1995, с. 27, 203) и к тому же площадь дольмена, пожалуй, можно было бы разбить на участки, насыщенные той или иной "энергетикой" (Майер Г., Затор Г., 1998, с. 159–172). Здесь я, правда, перенес эзотерику, касающуюся современного жилья, на "дом вечности".

Думаю, что дольменные памятники используются в мистических целях в силу увренности, что их стены и детали устройства сохраняют "дыхание", "энергию" (прану) людей прошлого (Дубров А.П., Пушкин В.Н., 1990, с. 27, 118) и к пране, очевидно, страждующие пилигримы и должны обращаться. Естественно, человек, ожидающий ответ на жизненно важные вопросы, невольно самоуглубляется, отвлекаясь на время от повседневности. Эта пауза внутри себя через какое-то время дает возможность получить ожидаемый ответ, который, пользуясь термином писателя М.П. Арцыбашева, воспринимается "внутренним слухом" (Арцыбашев М.П., 1994, с. 507). Древняя постройка здесь совершенно ни при чем, ответ, хотя бы в неоформленном виде, был изначально в самом человеке, но заслонен суетностью его жизни. Здесь важную роль сыграл сам ритуал обращения к дольмену, а "ритуал – это... иррациональное действо, представляющее собой имитацию, в котором присутствуют три элемента: магический, утилитарный и символический" (Марсиро Ж., 1998, с. 73). Такова, по-моему, психологическая основа нарождающейся веры в дольмены.

В. Мегре относит возникновение дольменов Кавказа к X тыс. от наших дней. Археологически это VIII тыс. до н.э., время, которое даже для очень передовых регионов приходится на конец мезолита и его переход к неолиту. Это время, когда люди переходили от собирательства и охоты к производящему хозяйству, умению шлифовать камень и изготовлять керамику. Конечно, и интеллектуально, и психологически они были очень далеки от нашей современности – преддверия XXI века. Археологами дольмены датируются эпохой бронзы. Это опять-таки не современ-

ность. Для района г. Геленджика известно мало непотревоженных дольменов. Местный краевед И.И. Аханов исследовал здесь 28 построек, они содержали материалы скифского времени, иначе говоря, были очищены от древних захоронений и использованы повторно (Аханов И.И., 1961, с. 139–149; Марковин В.И., 1988а, с. 24, 25). Более поздние исследования данный факт только подтвердили (Марковин В.И., 1997, с. 253–261, 271–283, рис. 131, *16–20*; 133, *5–7*; 141, *5–11*; 143, *3–6*). Такие дольмены, как "Хан"[2], "Тор", "Лит", "Инф", "Гор", "Мая" уже давно потеряли свой культурный слой (смыт, расчищен, пережжен кострами и уничтожен в скифо-сарматское время)[3]. Наверно, с их помощью трудно ожидать проявления "Истины Первоистоков", но исторически поздний материал, обнаруженный в дольменах, очень интересен. Археологи П.У. Аутлев и Н.Г. Ловпаче убедительно связывают его со скифским племенем "исеп", нашедшим отражение в адыгском фольклоре под именем "испов" (Аутлев П.У., 1974; Ловпаче Н.Г., 1997, с. 42–46).

Я не собираюсь ставить препоны культовым хождениям к дольменам: вера – чувство слишком многогранное. Однако здесь вполне можно согласиться с коллегой В.А. Трифоновым, который в беседе с корреспондентом поведал о своем опасении, что последователи "современного религиозно-мистического движения" из благих побуждений "очистить дольмены от мусора" на самом деле лишат их "последних остатков древнего культурного слоя", а сенсационные "открытия" этих энтузиастов о назначении дольменов в качестве "ультразвукового оружия древних, площадок для взлета и посадок НЛО" принесут огромный вред научному изучению древних построек (Вильде Т., 1998; Григорьев А., 1998).

В сопоставлении взглядов мистического настроя с мнением археологов-практиков в качестве резюме вполне справедлива древняя восточная мудрость, к тому же приводимая мистиками: "Истина и выдумка подобны маслу и воде: они никогда не смешиваются" (Спираль..., 1992, с. 367).

Последние годы стали временем широких обобщений, связанных с научным изучением дольменного материала. Возникли новые точки зрения и появились совершенно неприемлемые утверждения. На некоторых из них хотелось бы остановиться, но прежде всего отмечу отдельные факты, касающиеся публикуемой археологами графики. Так, М.Б. Рысин, ссылаясь на рисунки к статье В.Л. Ростунова, упоминает голову статуэтки (рис. 1, *1*), якобы найденной мною на Дегуакско-Даховском дольменном поселении (Ростунов В.Л., 1983, с. 89, рис. 17). Это дает ему повод уверенно говорить о связи строителей дольменов с "Восточным Средиземноморьем, Малой Азией и Балканами" (Рысин М.Б., 1997, с. 98 и др.). Должен заметить, что никакой статуэтки я никогда на Дегуаке не находил. Дело в том, что В.Л. Ростунов в статье пишет о находке, сделанной В.А. Сафроновым у с. Дзуарикау в Северной Осетии и лишь в ошибочной надписи к рисункам эта вещь отнесена к дольменному поселению в Адыгее (Ростунов В.Л., 1983, с. 87, 89). Если бы М.Б. Рысин пользовался не рисунками из статьи В.Л. Ростунова, а соответствующими публикациями (Марковин В.И., 1977, с. 37–67, рис. 2, *5–12*; 1978, с. 238–250, рис. 120–126), то этого бы не произошло. К тому же у самого В.Л. Ростунова под текстом "Находки из Дегуакско-Даховского поселения" приведены такие перерисовки, что я с большим трудом смог узнать два-три образца керамики, несколько схожие с опубликованными мною (см. рис. 1). Естественно, такого уровня работы никакой научной ценности не имеют.

В 1986 г. вышла статья М.К. Тешева, посвященная гробнице Псыбэ близ г. Туапсе. Она интерпретировалась как памятник позднемайкопской культуры (Тешев М.К., 1986, с. 52–57). Ее роль в археологии Причерноморья преувеличена. Так, М.Б. Рысин, относя ее к раннему этапу РБВ КСД – строительства мегалитов, помещает вслед за Новосвободненскими гробницами и "ящиками-цистами" типа Нальчика, Кишпека и

---

[2] Уже в конце XIX в. Е. Зичи опубликовал этот дольмен с исковерканной передней плитой (Zichy E., 1897, des., p. 332).

[3] Названия дольменов взяты с открыток, изданных "ИЦ Анастасия".

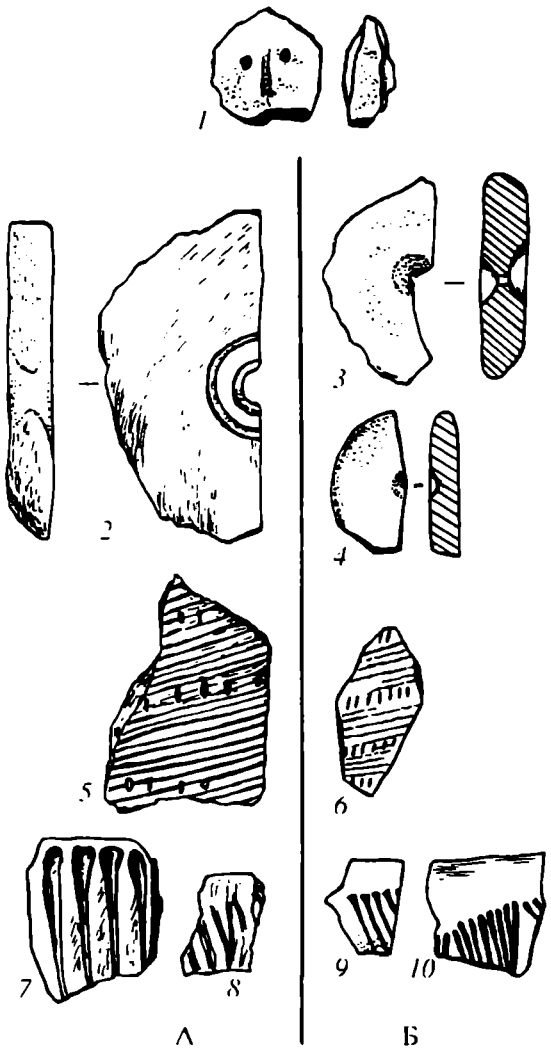


Рис. 1. *1* – головка статуэтки; возможно, происходит из с. Дзуарикау в Северной Осетии (по В.Л. Ростунову). Находки, изданные как происходящие из Дегуакско-Даховского дольменного поселения в Адыгее (А – по В.Л. Ростунову) и, вероятно, те же предметы (Б), опубликованные В.И. Марковиным – исследователем поселения (*2–10*)

аула Кубина центральной части Кавказа (Рысин М.Б., 1997, с. 88), а другой исследователь – Н.Г. Ловпаче, – считая ее памятником раннебронзового периода, пишет, что она отражает время, когда уже "Низкогорье Закубанья от р. Малой Лабы до Тамани занимали горцы-атыхи". У него "гробницу Псыбэ продолжают портальные дольмены Усть-Сахрая", т.е. постройки сложного, развитого типа (Ловпаче Н.Г., 1997, с. 26, 35). К сожалению, чертежи М.К. Тешева малопрофессиональны, и можно удивляться такому широкому спектру мнений по поводу этого ненадежного памятника (он до верха был затянут отложениями р. Псыбэ. См.: Тешев М.К., 1986, с. 54, рис. 1). Дело еще в том, что до выхода в свет указанной статьи М.К. Тешев опубликовал газетную заметку и небольшое сообщение о Псыбэ (Псебе, Псыбе) в журнале "Советская археология". Они сопровождаются иллюстрациями найденных изделий. Их можно отнести ко времени раннего железа (рис. 2). Всего автором было изучено 14 захоронений в каменных ящиках. В верхних слоях были обнаружены материалы средних веков. В обеих заметках нет ни слова о позднемайкопских древностях, хотя мельком сказано, что в могилах встречались "куски древесного угля и красной охры" (Те-

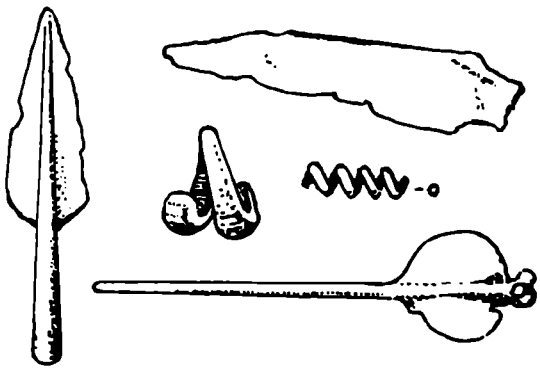


Рис. 2. Железный нож и изделия из бронзы, найденные в гробницах р. Псыбэ. По М.К. Тешеву

шев М.К., 1981; 1983, с. 210–212). Не собираясь отрицать чисто краеведческие заслуги М.К. Тешева (о них см.: Пятигорский Э., 1997, с. 57–61), я бы с большой долей осторожности отнесся к древностям упоминавшейся гробницы. Разрозненный майкопский материал мог быть принесен из окружавших ее культурных слоев, а охра смыта из характерных для всего района Туапсе белых плотных известняков типа мергеля, которые бывают пронизаны включениями ярозита с содержанием частиц охры. И не стоило бы связывать эту гробницу с дольменами как таковыми (рис. 3).

До сих пор не очень ясно соотношение майкопской культуры с культурой строителей дольменов. Оно продолжает вызывать массу вопросов. Р.М. Мунчаев в своей последней обзорной работе считает вполне возможным в майкопской культуре выделять как минимум два этапа, относя памятники новосвободненского облика к ее позднему этапу (Мунчаев Р.М., 1994, с. 181). Для этого времени типична посуда с шаровидным корпусом и небольшой четко выделенной горловиной. Ее декор – углубленный елочный узор и выпуклый "жемчужный" орнамент (Мунчаев Р.М., 1994, с. 218–221, табл. 20). Однако, несмотря на несомненность находки не налепного, а выпуклого (выдавленного) жемчужного орнамента на некоторых сосудах из дольменов ст. Новосвободной (Попова Т.Б., 1963, с. 19), существует мнение, что "жемчужины" могут быть мерилом энеолитического возраста памятников, содержащих такую керамику (Кореневский С.Н., Наглер А.О., 1987, с. 77; Кореневский С.Н., 1995, с. 8). Не отрицая возможности возникновения подобного декора очень рано, хочу подчеркнуть его непосредственную связь с древностями новосвободненского облика. К этому факту еще придется вернуться.

Н.Г. Ловпаче пишет: "Самое главное, любопытное и решающее в Майкопской архитектуре то, что в ней соединяются Майкопская и Дольменная археологические культуры". По его мнению, "деление на Майкопскую и Дольменную культуры есть условность", вернее будет видеть "в Майкопской культуре горско-атыхский компонент в виде мегалитической архитектуры" (Ловпаче Н.Г., 1997, с. 40). В качестве примера подобного единения он приводит такие "солярно-мегалитические ансамбли", как Серебряный курган № 39 (вероятно, 31 – ? *В.М.*,) урочища "Хашпек" у ст. Новосвободной, Хаджохский портально-коридорный "испыун"[4] и курган Псынако I у г. Туапсе. К сожалению, автор не дает чертежи этих памятников, а заменяет их реконструкциями (Ловпаче Н.Г., 1997, с. 40, рис. 7–9). Без соответствующей полевой документации эти зарисовки в какой-то степени кажутся вариациями на вольные темы. Но в любом случае перед нами предстают сложнейшие в архитектурном смысле конструкции. Вероятно, поэтому и понадобилась гробница Псыбэ, чтобы с ее

[4] Для книги Н.Г. Ловпаче характерно словоупотребление местных речений: местность Хашпек – Клады, испыун – дольмен, река Шхагуаще – Белая, пытапэ – крепость и др. Думаю, что в научной литературе это не совсем оправданно.

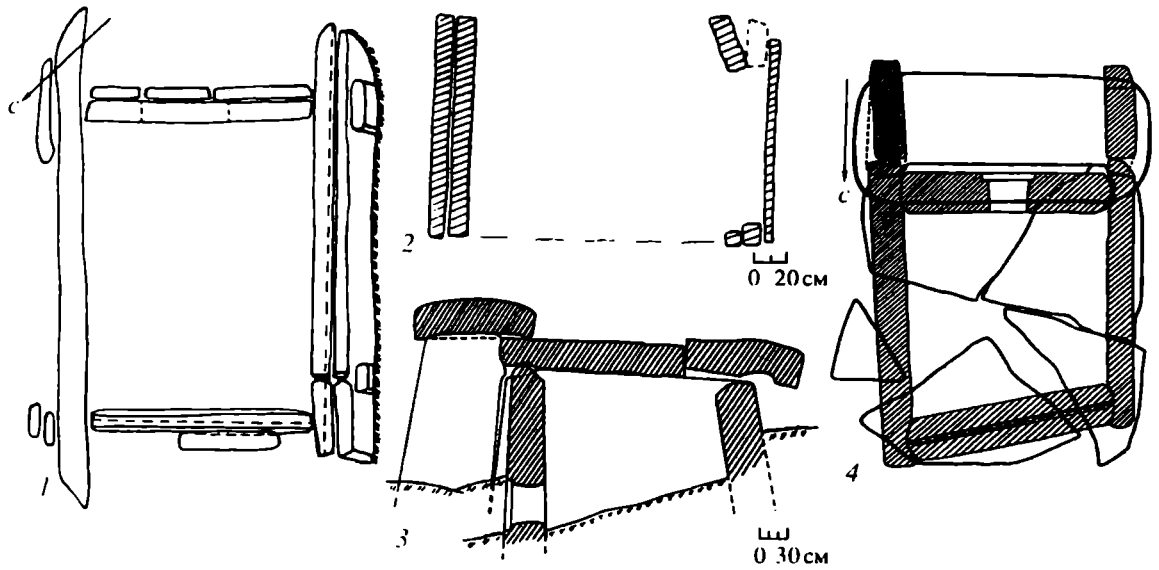


Рис. 3. Археологические памятники из района г. Туапсе. *1, 2* – пос. Новомихайловский. Гробница на р. Псыбе (план без погребений и продольный разрез. По М.К. Тешеву); *3, 4* – пос. Анастасиевка уроч. Адигналово. Портальный дольмен № 8 (продольный разрез и план. Обмеры В.И. Марковина)

помощью перекинуть ретроспективный мост от дольменов к примитивным ящикам. Но это было бы большой натяжкой. В гробнице Псыбэ, насколько можно судить по чертежу, не было подшлифовок и пазов, не заметно стремления именно построить сооружение. Оно было собрано кое-как и из случайных плит (рис. 3, *1, 2*).

Как пишет Р.М. Мунчаев, во второй фазе майкопской культуры "на Кавказе впервые появляются каменные погребальные сооружения типа дольменов" (Мунчаев Р.М., 1975, с. 318). И одними из первых подобных гробниц являются постройки новосвободненского облика, имеющие уже довольно сложную архитектурную конструкцию (ОАК за 1898, с. 33–36; Попова Т.Б., 1963; Резепкин А.Д., 1991, с. 171, рис. 4)[5]. Этот факт и дал основания считать, что данные дольмены не могли возникнуть на месте, – они оставлены пришлым населением. Более того, погребальные сооружения, о которых идет речь, не характерны для местного населения, а лишь использованы им. Само обилие оружия в данных захоронениях как бы должно утверждать захватническую мысль: "Это теперь наша земля!" Близкое мнение уже высказывалось И.М. Чеченовым по поводу Нальчикской и Кишпекской гробниц (Чеченов И.М., 1973, с. 52–56; 1980, с. 26–30). Факты использования чужих гробниц известны. Таковы хотя бы разновременные и разнокультурные захоронения в крупных курганах, погребения аланского времени в составных дольменах бассейна р. Кяфар (Карачаево-Черкесия). Здесь внутри массивных гробниц, чтобы не соприкасаться с "духами" прошлого, эти захоронения были отгорожены кладками из более мелких камней (Марковин В.И., 1983, с.90–107). Близкие факты можно найти в новейшем времени (Лаврин А.П., 1993, с. 249–254).

Вопрос о том, откуда пришли первые дольменостроители, очень сложен. Н.Г. Ловпаче не считает возможным принять тезис, "что кавказский дольмен имеет своей родиной Средиземноморский район, и, в частности. Пиренейский полуостров"[6]. Он,

---

[5] К сожалению, опубликованные А.Д. Резепкиным чертежи гробницы кургана 31 маловыразительны, на что я уже обратил внимание (Марковин В.И., 1994а, с. 35, 36). Сейчас, когда В.М. Массоном дана более полная графическая публикация той же гробницы (Массон В.М., 1997, с. 64, рис. 9), я должен извиниться перед А.Д. Резепкиным за излишнюю поспешность в своих выводах.

[6] Н.Г. Ловпаче далее напоминает, что Л.И. Лавров, В.И. Марковин и др. в своих работах утверждали именно средиземноморское происхождение дольменов, и затем: "но с таким мнением с самого начала

судя по контексту его работы, за малоазийское происхождение местных памятников, но видит его не в переносе архитектурных форм Малой Азии на Западный Кавказ, а в "побуждающих импульсах" в таком строительстве (Ловпаче Н.Г., 1997, с. 24–32). Мне это представить трудно, так как в Малой Азии постройки дольменного облика неизвестны (см. работы Г. Кларка, Г. Чайльда, С. Пиггота, Т. Сулимирского, Г. Даниэля, Дж. Пендлбери и др.).

Молчаливо следуя за Л.Н. Соловьевым (первым основательно рассмотревшим малоазийский вариант происхождения дольменов) и широко привлекая фольклорный материал[7], Н.Г. Ловпаче большое внимание уделил "шумерам – сумерам", "праариям – ариям", "испам", "хаттам – хеттам", "кашкам – каскам", "абесла" и т.д. (Ловпаче Н.Г., 1997, с. 12–60, 75 и др.). Его мнение в некоторых построениях странным образом перекликается с более спокойным и прямолинейным утверждением Б.В. Техова об извечном индоевропеизме (индоиранизме) осетин на Кавказе с привлечением хеттов, кобанцев и пр. (Техов Б.В., 1993а, с. 24; 1993б, с. 4, 5). Решение этого вопроса, вероятно, возможно только с участием профессионалов: лингвистов, фольклористов и востоковедов. Однако, отрицая значение стран Востока для возникновения дольменов Западного Кавказа, я полностью согласен с большим значением их для становления майкопской культуры (Мунчаев Р.М., 1994, с. 168–170, 209, 229; Трифонов В.А., 1987, с. 20–24).

Возвращаясь к памятникам поздней фазы "майкопа" (напомню общую дату майкопской культуры – "от конца IV до третьей четверти III тысячелетия до н.э.". См.: Мунчаев Р.М., 1994, с. 171), хочу еще раз обратить внимание на памятники станицы Новосвободной или, как говорит А.Д. Резепкин, "новосвободненской культурной группы". Подыскивая аналогии для своих керамических находок из кургана 31 в Кладах, он, прежде чем выйти за пределы Украины, вспомнил о близости их памятникам "нижнемихайловского облика" и указал на "взаимодействие" со среднестоговской культурой, а затем проявил интерес к древностям Центральной и Северной Европы, конкретно – к культурам воронковидных кубков (Резепкин А.Д., 1991, с. 189–196). В результате подобных экскурсов у него оформляется главная мысль, которая заключается в том, что "новосвободненская культурная группа" относится "не ко второму этапу развития майкопской, а к блоку культур, протянувшемуся от Центральной Европы до Северо-Западного Кавказа". "Но, как теперь все более становится ясным, направление этой линии (развития – *В.М.*) шло не с востока на запад и не майкопская культура принимала участие в формировании этой линии развития энеолита, а наоборот, блок культур с чернолощеной керамикой и мегалитическими традициями своей отправной точкой имел Центральную и Северную Европу и новосвободненская культурная группа есть юго-восточная его часть, под воздействием которой и оказались носители передневосточных культурных традиций" (Резепкин А.Д., 1991, с. 192, 193). Должен извиниться за длинную цитату, но мысль здесь настолько запутана, что я боялся исказить ее пересказом.

знакомства с кавказскими мегалитами не согласился кубанский историк Ф.А. Щербина и предложил эволюционную схему местного генезиса нашего дольмена, проиллюстрировав ее на материалах Кохожской группы" (Ловпаче Н.Г., 1997, с. 24). Это звучит более чем странно. Судя по этому тексту, можно подумать, что Л.И. Лавров, В.И. Марковин, Ф.А. Щербина жили в одно и то же время. Отнюдь нет. Работы Л.И. Лаврова, В.И. Марковина вышли в 1960–1990-х годах, а Ф.А. Щербины – в 1910 г. Я его работу знаю, использовал, но считаю, что она находится в зависимости от исследований Е.Д. Фелицына (Щербина Ф.А., 1993; Фелицын Е.Д., 1904).

[7] Для повествования Н.Г. Ловпаче характерно несколько некритическое следование за фольклорными героями, связывая их действия чуть ли не с каменным веком. Здесь, вероятно, не следует забывать "спресованность" времени и ирреальность поступков в фольклоре. В.П. Пропп пишет: "Счет в фольклоре так же условен, как условны пространство и время" (Пропп В.Я., 1976, с. 96). Существует мнение, что героический эпос Кавказа возник в эпоху усиленного сарматского влияния, а то и в более позднее – аланское время (Мелетинский Е.М., 1963, с. 157–164).

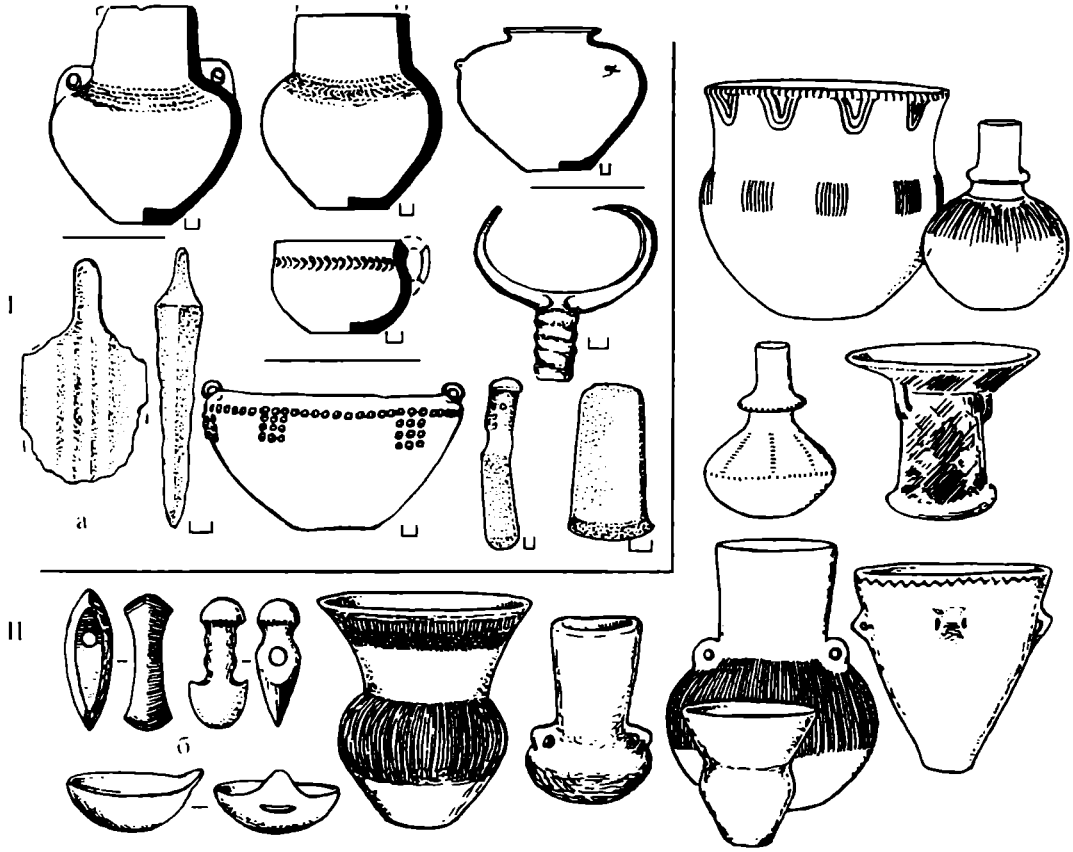


Рис. 4. Археологические материалы из погребения 5 кургана 31 в "Кладах" у ст. Новосвободной. I – *а* – изделия из бронзы (по А.Д. Резепкину) и культуры воронковидных кубков; II – *б* – изделия из камня (по К.Я. Бекеру и К. Язжевскому, без масштаба)

Данное мнение перекликается с воззрениями В.А. Сафронова и Н.А. Николаевой о связи кавказских мегалитических памятников с носителями культур шаровидных амфор и шнуровой керамики. Тогда в полемику был втянут И.К. Свешников – большой специалист по культуре шаровидных амфор. Он выступил с полным отрицанием подобной версии. Казалось бы, эта аморфная теория с "прагерманскими" культурами стала уже достоянием истории науки. Оказалось, нет. Как уже говорилось, А.Д. Резепкин теперь к указанным северным культурам добавил еще одну – культуру воронковидных кубков (Trichtenbecherkultur). И вот как раз эти самые кубки (die Becher) его подвели. Весь инвентарь культуры, как и ее керамика, ничего общего не имеет с кавказским материалом (рис. 4) (Марковин В.И., 1994а, с. 32, 35, 37, рис. 3). Иногда кажется, что плохо обдуманные, поспешные высказывания мешают А.Д. Резепкину в его работе. Он пишет о происхождении кавказских дольменов, смешивая в нечто единое свое давнее мнение о местном их происхождении, о воздействии носителей культур воронковидных кубков и шаровидных амфор Севера Европы, племен среднестоговской культуры, населения Средиземноморья, цивилизаций Передней Азии, людей, создавших "Ригведу" и культуру куро-аракса (Резепкин А.Д., 1977, с. 314–318; 1987, с. 26–32; 1991, с. 189–197). Такую смесь источников надо бы неторопливо, исследуя все мелочи (они часто бывают коварными) рассмотреть по основным параметрам, тогда можно будет сказать, что эта смесь имеет право на жизнь, ибо являет собой стройный ряд этнокультурных компонентов в создании местных дольменов, взятых в развитии. Этого пока нет.

Совсем недавно в "Российской археологии" появилась статья А.Н. Гея, в которой он пишет об особой "нижнемихайловско-новосвободненской группе" памятников (Гей А.Н., 1999, с. 37–39). Мысль, как видим, не очень новая. Обычно, говоря о ново-

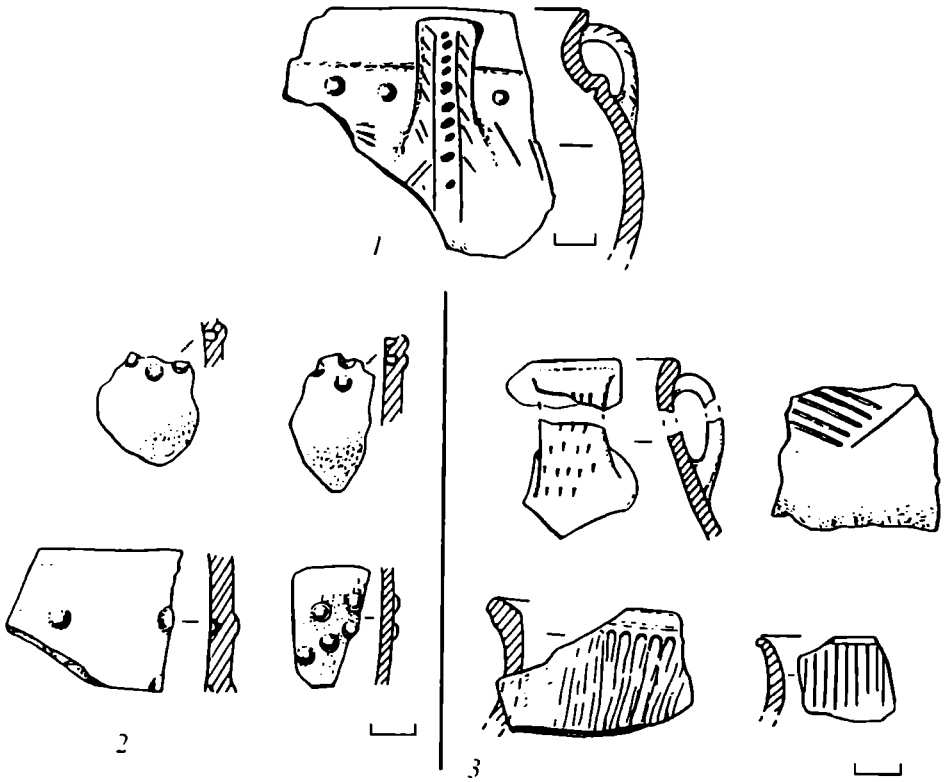


Рис. 5. Курган Псынако I (район г. Туапсе). Керамический материал. *1* – обломок сосуда с сочетанием "жемчужин" и дольменного декора; *2* – керамические обломки с "жемчужинами" и их имитацией; *3* – керамический декор, характерный для дольменной посуды (по В.И. Марковину)

свободненских древностях, прежде всего упоминают яркие находки из соответствующих гробниц. А.Н. Гей, восприняв главное из приведенных здесь построений А.Д. Резепкина, теперь, как видно, имеет возможность представить полные данные об обычных, рядовых и малоизвестных кавказских захоронениях данной группы, что очень важно для понимания генезиса и хронологии культуры в целом. Может быть, и на самом деле эта группа не фикция, а реальность (Марковин В.И., 1999, с. 26), хотя имеется весьма обоснованное мнение о тяготении украинской части данных древностей не к Кавказу, а к кеми-обинской культуре Крыма (Häusler A., 1976, S. 51–57).

Считаю, что население, оставившее свои древности в "Кладах", не идентично основной массе строителей дольменов. Эти отличия фиксируются прежде всего в керамике. И именно находки керамики позволяют говорить о взаимодействии строителей дольменов с представителями новосвободненской фазы майкопской культуры (для меня "новосвободная" является поздней фазой "майкопа"). Неплохой памятник такого взаимодействия – курган Псынако I. Среди его керамических находок встречаются обломки с жемчужным узором, иногда сочетающиеся с типичной дольменной углубленной орнаментикой. Наряду с наколотыми (выдавленными) жемчужинами обнаружены образцы с налепными псевдожемчужинами (рис. 5). Все эти находки происходят из нижних напластований кургана, на которые был поставлен толос с дольменом довольно развитой формы (Markovin V.I., 1993, S. 252–255, 260, Abb. 3; 4; 9; Марковин В.И., 1997, с. 317–338). Конструкции кургана с толосом, дольменом и дромосом, подходившим к его лазу, находят аналогии среди памятников Португалии, Испании, Франции и других стран, омываемых морями (Markovin V.I., 1993, S. 269–271, Abb. 15; Марковин В.И., 1997, с. 335–337, рис. 179). Отдельные дольменные постройки также находят аналогии в Средиземноморье и в ближайших к нему водах. В этом отношении интересны дольмены, расположенные в европейской

части Турции (район Лалапаша – Буюнлу), ничем не отличающиеся от кавказских. Они имеют четко выделенный портал, трапециевидный корпус и тот архитектурно завершенный облик, который принято называть неповторимым (рис. 6). Такова одна из ярких иллюстраций к поискам истоков дольменного строительства (Марковин В.И., 1978, с. 299–301, рис. 136, здесь же литература). Следуя за Б.А. Куфтиным и Л.И. Лавровым, я попытался конкретизировать картину возможного генезиса дольменов, выводя их из Средиземноморского бассейна и считая, что морские плавания имели при этом первостепенное значение (Марковин В.И., 1988б, с. 83–119).

Мне кажется, прежде, чем изучать, а тем более писать о какой-либо научной проблеме, необходимо досконально ознакомиться с соответствующей литературой, чтобы чувствовать обоснованность своих взглядов и сложность их опровержения. Так, Н.Г. Ловпаче поставил мне в упрек, что я почти не использовал мнение Ф.А. Щербины – историка казачества, которого интересовали дольмены (Ловпаче Н.Г., 1997, с. 24). Очевидно, он в какой-то степени прав. Но вот беру последнюю сводную статью М.Б. Рысина о дольменах. Она, я бы сказал, целиком направлена против моих взглядов, хотя его личное мнение настолько растеклось между многословием, обилием иностранной терминологии и явным показом эрудиции, что не смогло оформиться в нечто целое и четко изложенное. Оно мне напоминает заключительный рисунок – карту к его статье: малограмотно и расплывчато выполненной аппликации (Рысин М.Б., 1997, с. 119, рис. 17). Цель статьи, конечно же, ясна: дать общий очерк связи майкопской культуры с КСД – культурой строителей дольменов[8] с абрисом быта, занятий племен, оставивших дольмены, описанием употреблявшихся ими предметов и пр. Что касается острой полемики со мной, то многие ответы на его весьма резкие вопросы он мог получить, если бы привлек к работе не учтенные им мои статьи, опубликованные в центральной научной печати. Не касаясь, в силу сказанного, поднятых М.Б. Рысиным вопросов, остановлюсь на одном. В автореферате своей кандидатской диссертации он бросил мимоходом словечко о существовании "дольменно-катакомбной общности" (Рысин М.Б., 1992, с. 20). Эта мысль почему-то не вошла в отмеченную статью, но имела заметный резонанс в литературе, да и витала она в среде археологов давным давно. Еще М.И. Артамонов в 1949 г., после своих работ на Маныче, высказал в печати пожелание сравнить материалы дольменной, катакомбной и других культур (Артамонов М.И., 1949, с. 333). В.Я. Кияшко также находил сходство в дольменном и катакомбном обряде погребений и, самое главное, близость в устройстве катакомб и плиточных дольменов (он их, вероятно, не видел) вплоть до их "тождества" (Кияшко В.Я., 1979; 1991, с.61). Может быть, выделению "общности" помогли и мои находки обломков катакомбной курильницы возле дольмена № 497 на р. Кизинки у станицы Баговской (Марковин В.И., 1978, с. 251, 252, рис. 127, *1*, *2*; 1997, с. 139, 140, рис. 58, *1*). Версия, предложенная В.Я. Кияшко, продолжает возникать то в газетной заметке (Ильюков Л.С., 1997), то в научном исследовании. Но, прежде чем говорить об этом труде, еще раз вернусь к "дольменно-катакомбной общности" самого М.Б. Рысина.

Известно, что по Главному Кавказскому хребту изучаемый регион простирается почти на 1.500 км, дольмены найдены на пространстве от Абхазии и до верховьев Кубани (р. Кяфар). Катакомбы известны в основном в степных районах, а самые южные из них – у дагестанского сел. Великент близ Каспия. Как видно, эта "общность" должна захватывать часть Закавказья и почти весь Северный Кавказ. Какую площадь занимают степные катакомбы, не берусь судить, это дело специалистов. Во всяком случае, у мифической общности огромное пространство. Однако катакомбы Великента, очевидно, придется исключить из ее ареала. Местные захоронения очень богаты металлическим инвентарем и керамикой, причем местная посуда формами и орнаментикой очень далека от примитивных находок из степных районов.

---

[8] Для меня наименования КСД – культура строителей дольменов и дольменная культура на Западном Кавказе являются синонимами.

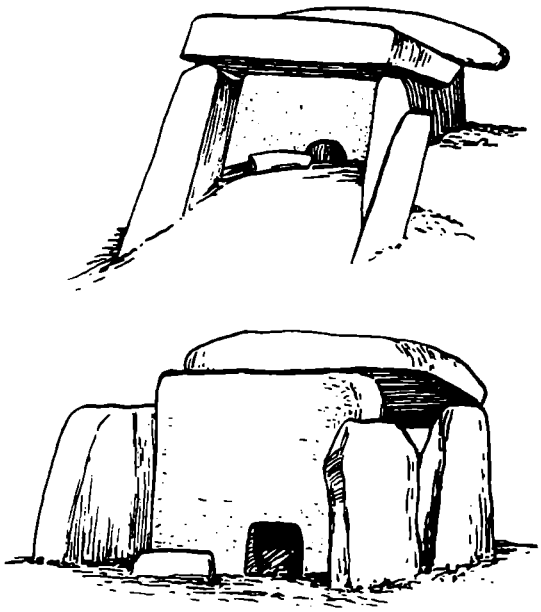


Рис. 6. Портальные дольмены из района Лалапаша – Буюнлу в Турции (по Sevket Aziz Konsu)

Дагестанские археологи свой материал относят к особой *великентской культуре*, сохраняющей вполне зримые черты куро-аракса. Также совершенно отличны от степных регионов и катакомбы Манаса в том же Дагестане (Гаджиев М.Г., Кореневский С.Н., 1984, с. 7–27; Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956, с. 192; Гаджиев М.Г. и др., 1996, с. 75–77, рис. 30). Очевидно, сопоставление дольменов сел. Эшери в Абхазии с древностями Великента – это научное недоразумение (Рысин М.Б., 1990, с. 24, 25). В методике выделения общности М.Б. Рысиным не учтены законы наземного архитектурного строительства при сопоставлении дольменов и катакомб, а также география такого обширного региона, палеоэтнография с палеолингвистикой. Здесь я вынужден слово в слово повторить ранее мною сказанное: "Выделение историко-культурной общности должно иметь надежную основу. В данном случае такой основой могла бы послужить архитектурная близость дольменов и катакомб, но ее нет. Каменные дольменные конструкции отвечают основным закономерностям высокой архитектуры, в то время как катакомбы, вырытые в грунте, такими качествами не обладают. Далее, население, строившее дольмены по узкому региону Причерноморья, вряд ли могло иметь общую судьбу с племенами катакомбной культуры, жившими на огромных степных просторах Приазовья, Поволжья, Подонья, Приднепровья и т.д. Нет близости и в инвентаре рассматриваемых памятников" (Марковин В.М., 1994б, с. 252).

Высказывания В.Я. Кияшко и труды М.Б. Рысина вызвали к жизни мнение молодого специалиста А.В. Кияшко. Его работа посвящена происхождению катакомбной культуры Нижнего Подонья. Это серьезное исследование, написанное, вероятно, по интересной методике, предложенной А. Хёйслером (Häusler A., 1998, S. 137–157). Однако сравнение катакомбной керамики с дольменным материалом выглядит пустой натяжкой, а заявление, что развитие катакомб Подонья и Приазовья шло параллельно с "реализацией тех же идей (в частности, склепа), которые привели к появлению дольменов на Западном Кавказе" (Кияшко А.В., 1999, с. 80, 177), кажется мне совершенно необоснованным. Оно, несомненно, навеяно авторитетным заявлением М.Б. Рысина о существовании надуманной им "общности". Вероятно, поэтому А.В. Кияшко "свою" трактовку выделил в особый пункт монографии. Ясно, что о дольменах автор знает только понаслышке, серьезно литературу он не изучал и для него дольменная проблема, занимающая умы многих археологов, – сущий пустяк.

Многие спорные вопросы в изучении дольменных сооружений Западного Кавказа упираются в их типологию. Сейчас наметились два подхода к решению этого вопроса:

типология, рассчитанная на изучение только кавказских памятников (Е.Д. Фелицын, Л.И. Лавров, В.И. Марковин, Ю.Н. Воронов и др.) и типология местных построек, но сопряженная кое с какими типологическими деталями европейских сооружений (В.А. Сафронов, А.Д. Резепкин, М.Б. Рысин и др.). Первая дает достаточно полное представление о всех вариантах и разновидностях памятников, вторая становится в тупик, если не может вписаться в каноны, диктуемые специфическими формами кавказских или европейских памятников. Так произошло с "подковообразными могилами" (они же "купольные гробницы") Европы, которые никак не связаны с кавказским материалом (Резепкин А.Д., 1988, с. 157, 158, 163, табл. 2). На самом деле дольмены у сел. Гузерипль и бассейна р. Кизинки (ст. Баговская) никакого отношения к гробницам-"подковам" не имеют, являясь примитивными ложносводчатыми сооружениями (Марковин В.И., 1978, с. 144–148, рис. 77–79; 1994а, с. 36, 38, рис. 4, 9, 10; 1997, с. 149–153, 244–250, рис. 66; 67; 124–127). Странным кажется деление кавказских мегалитов на собственно гробницы и собственно дольмены (не в синонимическом понимании этих слов, а в виде специальных терминов). У А.Д. Резепкина гробницами, а не дольменами называются постройки, обнаруженные у станицы Новосвободной, хотя они, обладая прямоугольным планом и небольшими притворами, мало чем отличаются от тех плиточных построек, которые сам же он причисляет к дольменам (Резепкин А.Д., 1988, с. 159, 160–162, табл. 1, верхн. часть). Однако, несмотря на стремление А.Д. Резепкина приблизить свои представления к европейским меркам, а сами кавказские памятники хоть каким-то образом связать с северо-европейскими культурами, сделать этого он не смог. Его типологические схемы слабы. Так, датский археолог Свенд Ханзен, судя по его типологической схеме, постройки ст. Новосвободной относит все же в разряд дольменов, сопоставляя их с другими плиточными и составными сооружениями Кавказа (Кизинка, Пшада, Псынако I и др.) (Hansen S., 1996, p. 34, fig.; 1997, p. 186, fig. 7). Как видно, не стоит разъединять памятники по разным разрядам, если они связаны общей культовой идеей, архитектурным замыслом и территориальной близостью.

Дольмены Западного Кавказа практически только начаты изучением, хотя с конца XVIII в. накопилась значительная литература с их упоминанием. Знание этой литературы всегда необходимо и полезно. Ссылки на то, что эта пустая работа уже сделана до работ того или иного автора, свидетельствуют только о ленности специалиста. Каждый найдет в трудах своих предшественников что-то такое, на что следует обратить особое внимание или что оказалось ими незамеченным. Изучение дольменных памятников нужно считать общим делом знатоков Кавказа – археологов-первобытников широкого профиля и здесь место спорам и диспутам, но без оскорбляющего "пыла и жара". И самое главное, нельзя подходить к исследованию памятников с заранее обдуманным эффектным решением еще не затронутого вопроса. Слышал как-то версию, что все дольмены были заключены некогда в курганные насыпи. Видел более 500 дольменов на р. Кизинке и почти все без всякого намека на насыпь, не считая каменных подсыпок для наведения плит. В то же время хорошо знаю, что любую версию всегда можно доказать путем некоторых допущений, замалчивания одних фактов и усиления других. При изучении дольменов сделать это легче всего, особенно в графическом исполнении чертежей. Тут нельзя упрощать способы фиксации, лучше вообще несколько преувеличить трудности такой работы.

Мысль о сохранении и изучении дольменов Западного Кавказа вылилась в создание международного проекта "Кавказские мегалиты в культурном, социальном и экономическом контексте". Реализация его предусматривает решение ряда задач (Шатохина Л., 1997). Солидаризуясь с этим проектом, считаю первоочередными задачами в изучении местных мегалитов следующие.

1. Продолжить сравнение местных дольменных построек и найденного в них вещевого материала с соответствующими евразийскими памятниками и находками.

2. Заняться составлением каталога памятников в рамках всего Западного Кавказа по отдельным регионам и районам с указанием уже исчезнувших местонахождений.

3. Необходимы полные публикации материалов раскопок и разведок А.Д. Резепкина, А.В. Дмитриева, М.Б. Рысина, Н.Г. Ловпаче, А.Н. Гея, И.Н. Анфимова, В.Н. Кондрякова[9] и др. Это, можно надеяться, даст новый графический и вещевой материал в руки исследователей разных специальностей.

4. Продолжить тщательную полезную работу по изучению дольменов с архитектурно грамотной их фиксацией. Необходимо дальнейшее изучение дольменных памятников по их видам, что позволит восстановить строительные каноны для каждого типа сооружений с учетом их хронологии и ареала (могут быть выявлены локальные особенности и строительные "школы"). Такая работа очень важна. Она позволит воссоздать уже исчезающие дольменные группы в первозданном виде. Первые пробы в этом деле уже успешны: таково восстановление В.А. Трифоновым круглого составного дольмена на р. Жанэ (Вильде Т., 1998). Исторический ландшафт Западного Кавказа должен быть возрожден. Нечто подобное имеет место в некоторых странах Европы.

Конечно, производя раскопки той или иной дольменной группы, надо бы оставить отдельные памятники непотревоженными для будущих поколений археологов. Очевидно, они будут обладать большими научными возможностями, чем исследователи нашего времени.

5. Необходимы антропологические исследования дольменного материала. Они еще даже не начинались. До сих пор все этногенетические построения велись лишь на уровне общих умозаключений (Б.А. Куфтин, Л.И. Лавров, Ш.Д. Инал-Ипа, Л.Н. Соловьев, О.М. Джапаридзе, Я.А. Федоров, В.И. Марковин, Ю.Н. Воронов, Н.Г. Ловпаче и др.). Одновременно необходимо продолжить сборы фольклорных материалов о дольменах и сведений об их культовом почитании у разных народов Кавказа.

6. Крайне необходимо создание серии популярных книг, посвященных отдельным дольменным памятникам и их исследователям. Они должны быть строго научно выверены и написаны легко и образно. Именно этого рода издания смогут противостоять печатной продукции мистиков.

7. Сейчас важен обмен мнением между специалистами по методике как дальнейшего изучения дольменов, так и чисто научного их осмысления. Неплохо для этой цели собрать специальную конференцию с тщательно обдуманной программой и предварительной публикацией тезисов на русском языке и на двух-трех иностранных языках.

Думаю, все это вполне выполнимо.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артамонов М.И., 1949. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г. // СА. Вып. XI.

Арцыбашев М.П., 1994. Пропасть // Собр. соч. в 3-х томах. Т. 3. М.

Аутлев П.У., 1974. Испы нартского эпоса – не скифское ли племя "исеп"? // Уч. записки Адыгейского НИИ экономики, языка, литературы и истории. Т. VXII. Майкоп.

Аханов И.И., 1961. Геленджикские подкурганные дольмены // СА. № 1.

Бенуа М.Н., 1935. Доисторическая архитектура // История архитектуры в избранных отрывках. М.

---

[9] Н.В. Кондряков, видимо, недавно начал свои работы в Причерноморье. Известно несколько его заметок. В одной на четырех небольших страницах он сделал попытку представить картину изучения местных мегалитов, привел их типологию, некоторые строительно-архитектурные особенности, а также список наиболее "ярких" памятников в 20 пунктах и высказал пожелание "музеефицировать" сооружения. Так как в этом обзоре не упоминаются исследователи, автор предстает первооткрывателем и первоисследователем. Публикуемый им образец чертежа дольмена с кромлехом из района г. Сочи, к сожалению, не дает никакого представления о его архитектуре (Кондряков Н.В., 1999а, с. 4–8, рис. 1). В другой статье дан небольшой список дольменов с дромосоми и кромлехами. Для их интерпретации почему-то привлечена этнография дагестанцев, которые, кстати, в этнографически обозреваемое время дромосы не строили, дольменов в Дагестане нет, а обнаруженные кромлехи, как и в Причерноморье, относятся все к тому же времени палеометалла – бронзе и раннему железу (Кондряков Н.В., 1999б, с. 9–18).

Вандерхилл Э., 1996. Мистика XX века (Энциклопедия). М.

Вильде Т., 1998. Цветы у склепов... бронзового века // Газ. "Невское время", 26 декабря, № 236 (1878). СПб.

Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р., 1996. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала.

Гаджиев М.Г., Кореневский С.Н., 1984. Металл Великентской катакомбы // Древние и средневековые памятники Дагестана. Махачкала.

Гей А.Н., 1999. О некоторых проблемах изучения бронзового века на юге Европейской России // РА. № 1.

Григорьев Г., 1998. Прочь, современные вандалы! // Газ. "Неделя Геленджика", 29 октября – 8 ноября, № 44. Геленджик.

Дольмены, 1999 // Серия "Экскурсия и разум". М.

Дубров А.П., Пушкин В.Н., 1990. Парапсихология и современное естествознание. М.

Ильюков Л.С., 1997. Домики карликов // Газ. "Дар", август, № 8 (32). Ростов-на-Дону.

Инал-Ипа Ш.Д., 1976. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми.

Кияшко А.В., 1999. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград.

Кияшко В.Я., 1979. Параллели развития погребальных обрядов эпохи ранней бронзы в Приазовье и на Западном Кавказе // Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы (тез. докладов). Донецк.

Кияшко А.В., 1991. К вопросу о взаимодействии степных и кавказских культурных традиций в эпоху бронзы // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.

Кондряков Н.В., 1999а. Мегалиты Западного Кавказа III–II тыс. до н.э. // Древности Кубани. Вып. 14. Краснодар.

Кондряков Н.В., 1999б. Дромосы и кромлехи дольменов Западного Кавказа // Сочинский краевед. Вып. 5. Сочи.

Кореневский С.Н., 1995. Галюгай I – поселение майкопской культуры. М.

Кореневский С.Н., Наглер А.О., 1987. Некоторые вопросы изучения энеолита Центрального Предкавказья и Моздокских степей // Проблемы интерпретации археологических источников. Орджоникидзе.

Купер Дж., 1995. Энциклопедия символов // Серия "Символы". Кн. IV. М.

Лаврин А.П., 1993. Хроники Харона (Энциклопедия смерти). М.

Лавров Л.И., 1960. Дольмены Северо-Западного Кавказа // Тр. Абхазского Ин-та языка, литературы и истории. Т. XXXI. Сухуми.

Лаевская Э.Л., 1997. Мир мегалитов и мир керамики (Две художественные традиции в искусстве доантичной Европы). М.

Ловпаче Н.Г., 1997. Этническая история Западной Черкессии. Майкоп.

Майер Г., Затор Г., 1998. Фен Шуй (Жизнь и работа в гармонии) // Серия "Библиотека эзотерической литературы". М.

Марковин В.И., 1977. Дегуакско-Даховское поселение дольменной культуры в Майкопском районе // Сб. тр. по археологии Адыгеи. Майкоп.

Марковин В.И., 1978. Дольмены Западного Кавказа. М.

Марковин В.И., 1983. Дольменные постройки в бассейне р. Кяфар // СА. № 3.

Марковин В.И., 1988а. К вопросу об археологической интерпретации металлических изделий из геленджикских дольменов // Медные рудники Западного Кавказа III–I тыс. до н.э. и их роль в горно-металлургическом производстве древнего населения (тез. докл. Башкапсарского археолог. семинара). Сухуми.

Марковин В.И., 1988б. К истории морских плаваний и миграций // Природа и человек. М.

Марковин В.И., 1994а. О некоторых новых тенденциях в археологическом изучении древностей Северного Кавказа // РА. № 4.

Марковин В.И., 1994б. Дольменная культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.

Марковин В.И., 1997. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М.

Марковин В.И., 1999. К вопросу об изучении степных археологических культур и культур горных районов Кавказа в эпоху бронзы // Археологическая конференция Кавказа, II – Кавказ и степной мир в древности и средние века (Материалы Междунар. научной конф.). Махачкала.

Марсиро Ж., 1998. История сексуальных ритуалов. М.
Массон В.М., 1997. Майкопские лидеры ранних комплексных обществ на Северном Кавказе // Древние Общества Кавказа в эпоху палеометалла. СПб.
Мегре В., 1997а. Анастасия (Существую для тех, для кого существую) // Серия "Звенящие кедры России". Кн. 1. М.
Мегре В., 1997б. Звенящие кедры России // Серия "Звенящие кедры России". Кн. 2. М.
Мегре В., 1998. Пространство Любви // Серия "Звенящие кедры России". Кн. 3. М.
Мелетинский Е.М., 1963. Происхождение героического эпоса. М.
Мистика на Востоке, 1996 // Энциклопедия мистицизма. СПб.
Мунчаев Р.М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.
Мунчаев Р.М., 1994. Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.
Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956. Памятники эпохи бронзы в Дагестане. (Курганная группа у ст. Манас) // СА. Вып. XXVI. ОАК за 1898 г. СПб., 1901.
Попова Т.Б., 1963. Дольмены станицы Новосвободной // Тр. ГИМ. Памятники культуры. Вып. XXXIV.
Пропп В.Я., 1976. Фольклор и действительность. М.
Пятигорский Э., 1997. Путешествие к пращурам // Краевед Черноморья. Краснодар.
Радлов Э.Л., 1904. Философский словарь. СПб.
Резепкин А.Д., 1977. Рец.: В.И. Марковин. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик, 1974 // СА. № 4.
Резепкин А.Д., 1987. К интерпретации росписи из гробницы майкопской культуры близ станицы Новосвободной // КСИА. Вып. 192.
Резепкин А.Д., 1988. Типология мегалитических гробниц Западного Кавказа // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
Резепкин А.Д., 1991. Курган 31 могильника Клады. Проблемы генезиса и хронологии майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья. Л.
Ростунов В.Л., 1983. О куро-аракских элементах в керамике дольменной культуры // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе.
Рысин М.Б., 1990. Датировка комплексов из Эшери // СА. № 2 (с аналогичным названием и текстом эта же статья в КСИА. Вып. 199).
Рысин М.Б., 1992. Закубанье в эпоху средней бронзы (по материалам поселений предгорной зоны). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
Рысин М.Б., 1997. Культурная трансформация и культура строителей дольменов на Кавказе // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб.
Соловьев Вл.С., 1995. Мистика // Христианство. Энциклопедический словарь. Т. II. М.
Спираль познания: Мистика и Йога. Мистика устами мистиков, 1992. М.
Техов Б.В., 1993а. Тайна Кобани // Эхо Кавказа. № 1.
Техов Б.В., 1993б. Осетины – древний народ Кавказа (Истоки, культура, этнос). Цхинвал.
Тешев М.К., 1981. Потомки легендарных строителей дольменов // Газ. "Ленинский путь", 15 августа, № 130 (9851). Туапсе.
Тешев М.К., 1983. Новый памятник поздней бронзы на Западном Кавказе // СА. № 4.
Тешев М.К., 1986. Гробница Псыбе – памятник позднемайкопской культуры на Черноморском побережье // Новое в археологии Северного Кавказа. М.
Трифонов В.А., 1987. Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры // КСИА. Вып. 192.
Уотсон Л., 1991. Ошибка Ромео // Жизнь земная и последующая. М.
Фелицын Е.Д., 1904. Западно-кавказские дольмены // МАК. Т. IX.
Холл М.П., 1992. Энциклопедическое изложение массонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. Новосибирск.
Чеченов И.М., 1973. Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик.
Чеченов И.М., 1980. Богатое захоронение в кургане раннебронзового века у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.
Шамотульский А.И., 1960-е годы. Дольмены Черноморского побережья Кавказа (рукопись) // Архив Туапсинского историко-краеведческого музея им. Н.Г. Полетаева.

Шатохина Л., 1997. Археологию Геленджика на мировой уровень // Газ. "Неделя Геленджика", 14 августа, № 33 (276).

Щербина Ф.А., 1993. История Кубанского казачьего войска. Т. I. Краснодар.

Hansen S., 1996. Megalitgravene i Kaukasus er de undløbere of de vesteuropoeiske? // Populär Arkeologi. № 4.

Hansen S., 1997. Dolmens with porthole-slabs, the megalithic constructions in the Caucasus and the relations with the Atlantie region // O neolotico atlántico e as orixes do Megalitismo. Madrid.

Häusler A., 1976. Die Gräber der älteren Ockergrakultur zwischen Dnepr und Karpaten. Berlin.

Häusler A., 1998. Struktur und Evolution der Bestattungssitten zwischen Wolga und Karpatenbecken vom Äneolithikum bis zur frühen Bronzezeit. Ein diachroner Vergleich // Das Karpatenbecken und die Ostenropäische Steppe. Rahden; Westfallen.

Markovin V.J., 1993. Der Kurgan Psynako I. Payon Tuapse im Krasnodarer Land (Westkaukasus) // Zeitschrift für Archäologien. H. 27.

Trifonov K., 1999. Hunebedden als bedevaartsoord // Algemeen Dagblad. 20 februari. Amsterdam.

Zichy E., 1897. Voyage an Caucase et en Asie Central (Jean Jarko et Bela de Posta. Description des Collections). V. II. Budapest.

Институт археологии РАН,
Москва

V.I. MARKOVIN

WEST CAUCASIAN DOLMENS: MYSTICISM, SCIENTIFIC OPINIONS, AND THE PERSPECTIVES OF FURTHER STUDY

Summary

The article consists of three parts. In the first one the author presents a new event in the west Caucasus-mystical dolmenolatry. The visitors come to the sites asking them about their fate, ask for advise, and put questions. The situation had arisen after the publication of books by a mystic Vladimir Megre. The phenomenon in explained by the author by lack of proper popular publications; he also points to some psychological base of mysticism and the facts from the history of worshipping megaliths. The second part of the article deals with the recent hypotheses on the west Caucasian megaliths' origin and their typology. The opinions of N.G. Lovpache, A.D. Rezepkin, and M.B. Rysin are analysed in details. The first author supposes local Caucasian monuments to be derived from Asia Minor, his opinion being based on preconceived interpretation of folklore material. According to A.D. Rezepkin, a number of components participated in formation of Caucasian megalithic tradition, but the leading role was played by North European archaeological cultures. His typology is not clear enough. M.B. Rysin's publication displays numerous contradictions. Thus, he argues present article author's opinion on the Mediterranean origin of the Caucasian dolmens without having full idea of all his publications. Therefore vast "dolmen-catacomb entity" proclaimed by M.B. Rysin remains beyond any scientific criticism. In the third part of the article the author puts forward concrete tasks in the field of investigation of Caucasian dolmens.

А.С. СЫРОВАТКО

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ ТЕКСТИЛЬНОЙ КЕРАМИКИ ПАМЯТНИКОВ УСТЬЯ МОСКВЫ-РЕКИ

Керамика является самой многочисленной категорией находок на дьяковских городищах. Однако привлечение сетчатой керамики в качестве датирующего материала чрезвычайно затруднительно.

Несмотря на более чем столетнюю историю изучения сетчатой керамики, многие связанные с нею вопросы остаются дискуссионными, как то: назначение сетчатого отпечатка, способ его нанесения, время появления и исчезновения текстильной посуды и т.д. (историография вопроса обширна, и, нам кажется, нет смысла приводить ее вновь: Смирнов К.А., 1991а, б; Розенфельдт И.Г., 1974). Кроме того, сетчатая керамика чрезвычайно индивидуальна для восприятия исследователями, что порождает некоторую путаницу в терминологии и затрудняет статистическую обработку и публикацию сведений. Ситуация усугубляется еще и тем, что дьяковская культура, вероятно, была неоднородна на всей своей территории (ее единство даже ставилось под сомнение некоторыми исследователями – Горюнова Е.И., 1970), и потому многие микрорегионы и группы памятников обладают своей спецификой в керамических комплексах.

В нашей работе приводятся данные о керамических комплексах городищ устья Москвы-реки, объединяемых нами в Коломенскую группу памятников (Сыроватко А.С., 1999). Эти материалы получены в результате раскопок М.В. Талицкого, М.Г. Савицкого, А.В. Энговатовой и автора.

Первые сведения о керамике с коломенских городищ были обобщены М.В. Талицким в результате раскопок на Протопоповском городище (Талицкий М.В., 1948). На эту, посмертно вышедшую работу, ссылались затем многие исследователи, делая подчас противоположные выводы (Кренке Н.А., 1987; Смирнов К.А., 1991а). Впрочем, И.Г. Розенфельдт не все наблюдения Талицкого считала верными (Розенфельдт И.Г., 1974, с. 152).

Результаты подсчетов керамики, имеющейся в нашем распоряжении, сведены в таблицу. Классификацию сетчатой керамики мы осуществили по методу К.А. Смирнова, разделив ее на текстильную и ложнотекстильную. При этом мы отдаем себе отчет в том, что такое разделение спорно и принято не всеми исследователями (Чернай И.Л., 1981). В категорию "текстильной" в основном попадает керамика, именуемая иначе "ниточной", или "жгутовой" (рис. 1–3). Кроме того, сюда же отнесена керамика (впрочем, процент ее очень мал), именуемая "овально-ячеистой" – по Б.А. Фоломееву (1975; Чернай И.Л., 1993). В категорию "штампованной", или "ложнотекстильной", отнесена керамика с "рябчатыми" "полулунными" ("ногтевыми"), "подквадратными" отпечатками (рис. 4–7). К сожалению, велика вероятность совершить ошибку при попытке свести воедино эти термины.

Основная масса фрагментов керамики, полученная в результате исследований последних лет, представляет собой подъемный материал либо происходит из перекопанных участков культурного слоя городищ – таковы коллекции Мячкова, большая часть материалов Городища и Протопопово. Процентное соотношение типов керамики на этих памятниках приблизительно одинаково. Следует оговориться только,

© А.С. Сыроватко, 2000 г.

Керамика памятников Коломенской группы

Памятник	Сетчатая				Гладкостенная всех типов	Неопределенная	Всего
	неопределенная	текстильная	ложнотекстильная	рогожная			
Городищи, 1996–1998 гг.	89/2,6	650/19,2	1345/34,6	43/1,2	639/18,8	618/18,2	3384/100
Городищи, ров, верхняя часть вала	6/1,5	94/24,3	70/18,1	9/2,3	135/34,9	72/18,6	386/100
Городищи, нижняя часть вала	3/0,7	51/13,1	181/46,5	2	84/21,5	68/17,5	389/100
Протопопово 1996 г.	4	102/16,5	147/23,8	1	303/49,1	60/9,7	617/100
Протопопово, шурф 5, 1996 г.	4/3	42/33	16/12,5	1	45/35,4	19/14,5	127/100
Коробчеево I, 1992	14/7	80/40,2	27/12	1	56/28	21	199/100
Мячково, 1993	–	86/23	94/25,2	–	130/34,7	63/17,1	373/100
Учтено:							4573

Примечание. Числитель – количество, знаменатель – процент.

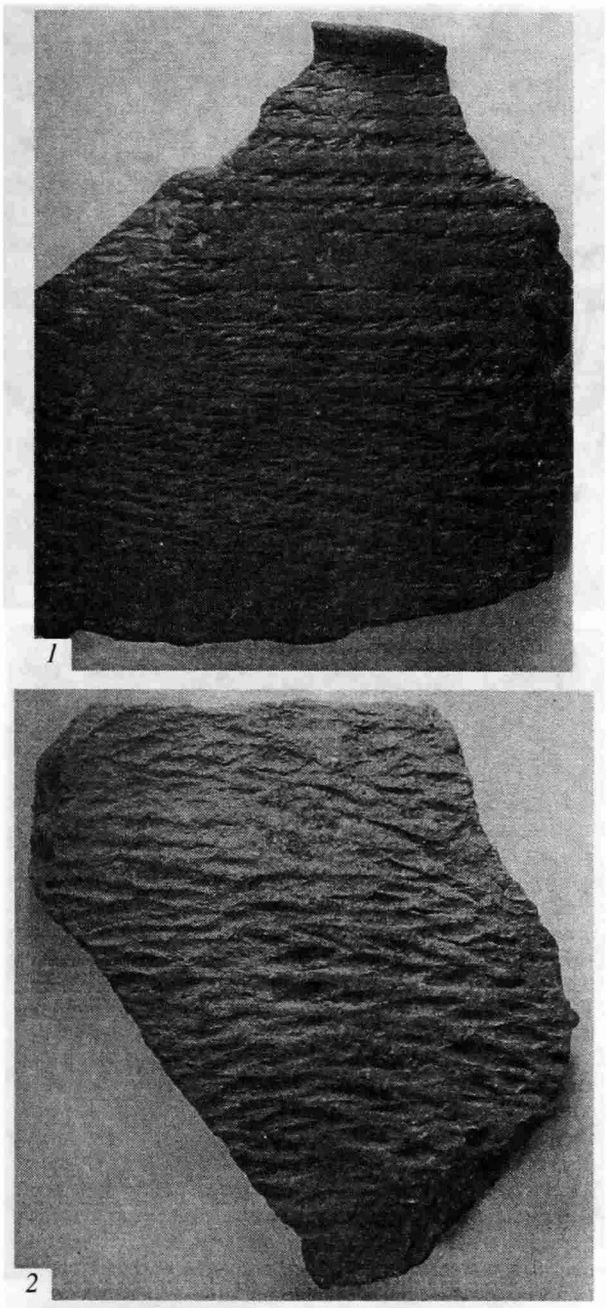


Рис. 1. "Ниточные" ("текстильные") отпечатки

что процент сетчатой посуды должен быть выше за счет неопределенной керамики и гладких участков сетчатой посуды, посчитанной как гладкостенная (подсчет производился по фрагментам).

Почти на всех рассматриваемых городищах большинство сетчатой керамики составляет ложнотекстильная. Эта статистика расходится со сведениями К.А. Смирнова, давшими основание сделать вывод о том, что на Окских городищах выше процент ложнотекстильной керамики (Смирнов К.А., 1991б, с. 18). Свои выводы К.А. Смирнов иллюстрировал, впрочем, материалами с других памятников, поэтому причина расхождений может заключаться в индивидуальности каждого из этих микрорегионов.

Однако в насыпях валов Протопопово, Коробчеево I преобладает текстильная керамика (рис. 1–3). Причина, на наш взгляд, в том, что пик использования посуды с

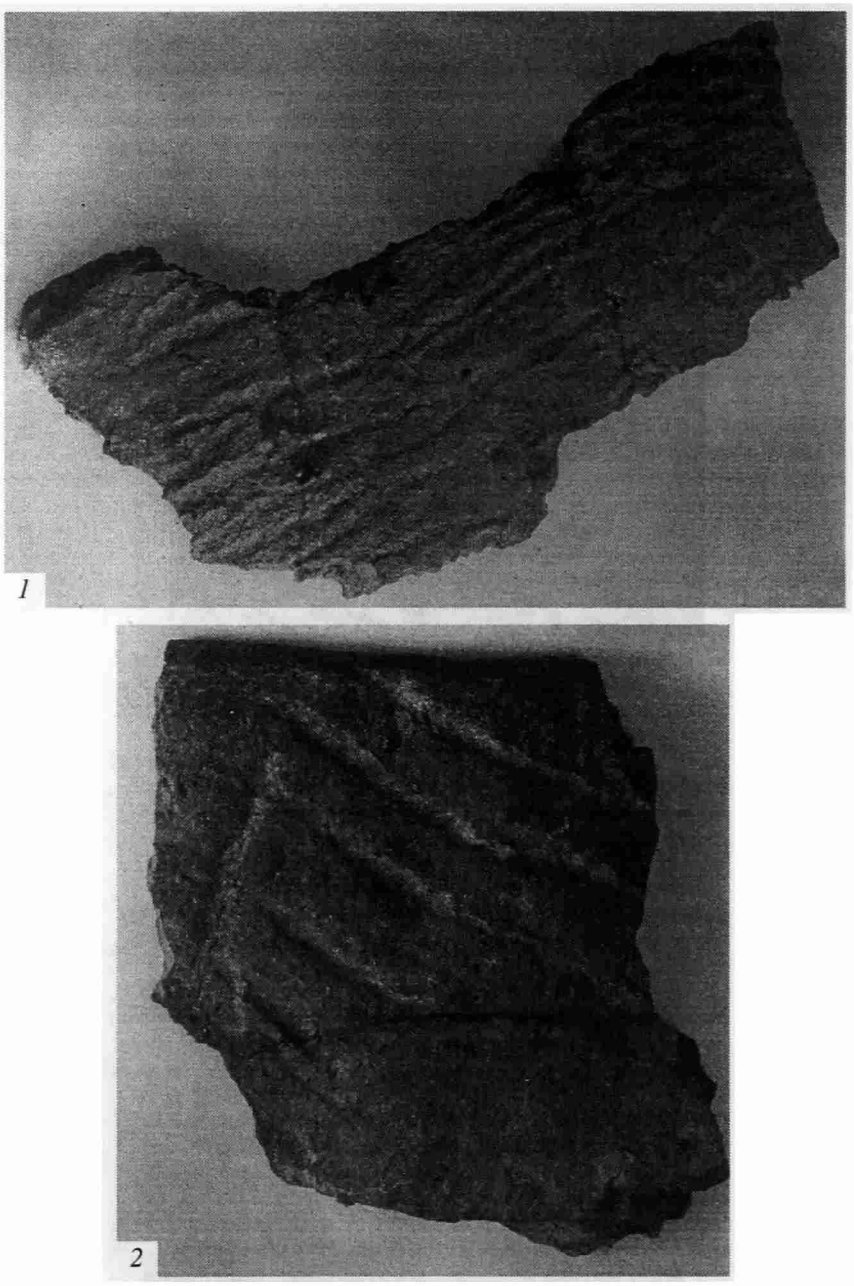


Рис. 2. "Ниточные" ("текстильные") отпечатки

этим типом отпечатков приходится как раз на время сооружения укреплений Протопопово и Коробчеево I. Рассмотреть конструкцию укреплений этих городищ мы планируем в отдельной публикации. Однако некоторые особенности их устройства и предварительную датировку можно представить уже сейчас.

Под вторым (внутренним) валом Коробчеевского городища встречен культурный слой. Время сооружения вала было предварительно определено последними веками до нашей эры в основном по аналогиям (Савицкий М.Г., 1992). Из насыпи вала, имеющего довольно простую структуру, получена радиоуглеродная дата (ГИН № 9404) по остаткам сгоревшего бревна, попавшего в насыпь при ее сооружении и относящегося к более раннему времени – 220 г. до н.э. +/– 40 лет (здесь и далее в скобках указаны калиброванные даты, полученные с помощью калибровочной программы Вашингтонского университета, rev 3.0.3, с указанием максимального разброса –

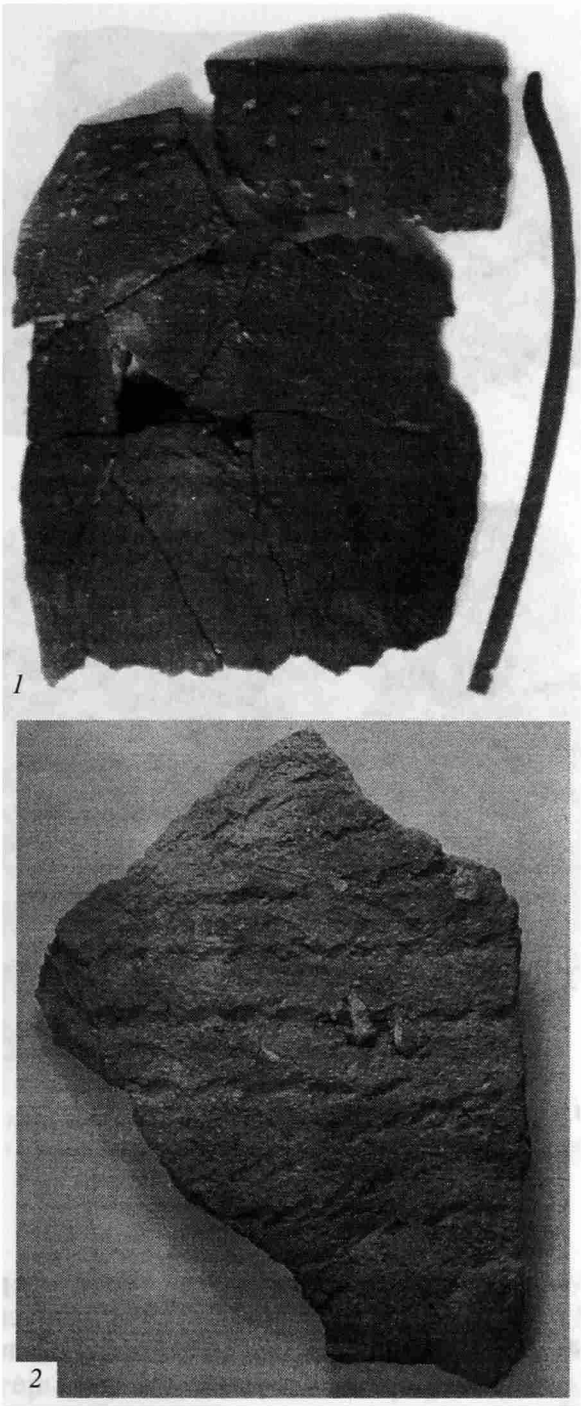


Рис. 3. "Ниточные" ("текстильные") отпечатки

366(193) 65 гг. до н.э.). Время насыпки внутреннего вала относится, по нашему мнению, к концу II – началу I в. до н.э., большая часть керамики происходит из заполнения рва.

Из вала Протопоповского городища происходит только одна дата – ГИН № 9406, 130 г. до н.э. +/– 70 лет (357(90,67) гг. до н.э. – 72 г. н.э.). Однако вал Протопоповского городища имеет более сложную структуру (и, очевидно, более сложную историю), нижние его прослойки керамики не содержат (Сыроватко А.С., 1996). Указанная дата относится к средней части насыпи вала, из которой происходит основная часть керамики. Судя по образцу, дата его больше приближена ко времени попадания его в насыпь.

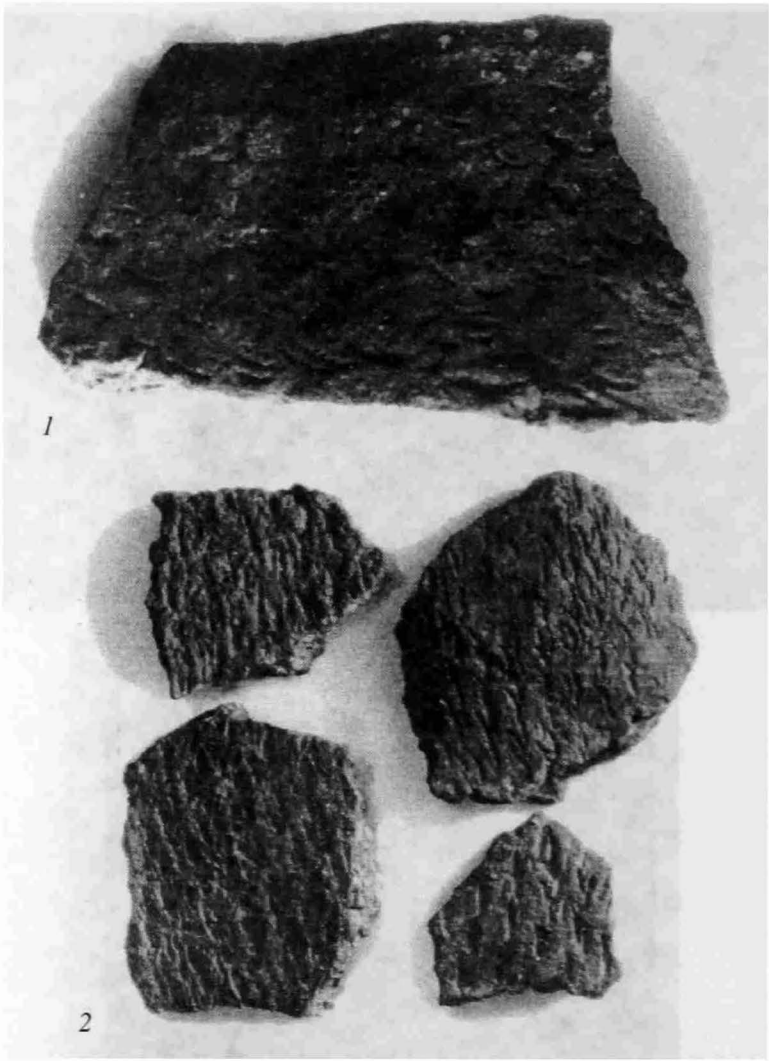


Рис. 4. Отпечатки на керамике из нижних прослоек вала Городищенского городища

Таким образом, вал и ров Коробчеевского городища и верхние прослойки вала Протопопово как бы отделяют определенный хронологический этап, на котором текстильная керамика преобладает – II–I вв. до н.э. Это обстоятельство позволяет выделить отпечатки и типы посуды, бытовавшие раньше и позже указанного времени. Необходимый материал содержится в коллекции, полученной при изучении вала и рва городища в пос. Городищи.

Вал городища Городищи существовал более длительное время, имел сложную конструкцию и неоднократно ремонтировался. Прослойки насыпи содержат разновременный материал. Учитывая это обстоятельство, мы попытались разделить керамическую коллекцию, связав ее с двумя основными строительными этапами (см. таблицу). Цифры, приведенные в таблице, не совсем точны, но отражают, по нашему глубокому убеждению, общую тенденцию. Для верхних прослоек вала Городищ получено две радиоуглеродные даты – ГИН № 9408, стратиграфически более ранняя – 30 г. до н.э. +/– 100 лет (196(26,42; 53) гг. н.э.), т.е. I в. до н.э. – I в. н.э., и более поздняя стратиграфически – ГИН № 9407 – 150 г. до н.э. +/– 100 лет (385(102) гг. до н.э. – 120 г. н.э.), т.е. II–I вв. до н.э. Эти даты совпадают с Протопоповской и Коробчеевской.

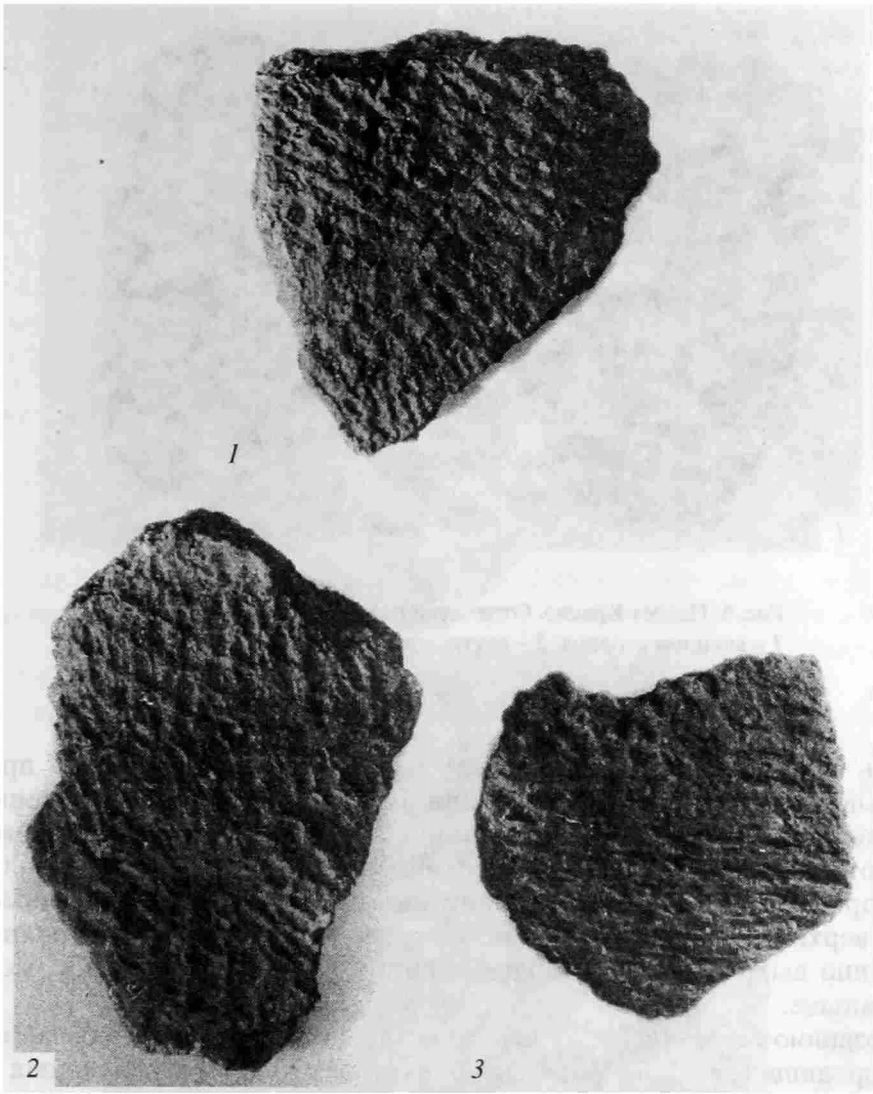


Рис. 5. *1–3* Отпечатки на керамике из заполнения рва Городищенского городища

Мы убеждены также, что приведенные нами статистические данные о керамике из соответствующих прослоек валов верны и в насыпи не попал керамический материал предшествующего времени – насыпи валов всех трех названных памятников не содержат прослоек, которые можно было бы интерпретировать как культурный слой более раннего времени, сформировавшийся на поверхности валов или переотложенный на склоны при ремонте укреплений. Основу всех насыпей составляет материковая порода, и попавшая в них керамика относится, по нашему мнению, ко времени сооружения насыпей. Кроме того, если бы существовало смешение материалов, вряд ли бы оказались схожими результаты статистики сразу для трех памятников.

В прослойках вала Городищ, отнесенных нами к раннему строительному этапу, преобладает керамика с ложнотекстильными отпечатками, именуемыми также "полулунными", или "ногтевыми" ("рябчатыми" – ?) (рис. 4). Керамика, отобранная для иллюстрации наших выводов, немногочисленна, но достоверно происходит из прослоек нижней части вала – хотя вообще эта категория преобладает в подъемном материале. Для основания насыпи вала городища получены две радиоуглеродные даты – ГИН № 9426 200 г. до н.э. (358(181) 49 г. до н.э.) и ГИН № 9427 – 1 г. н.э. (32 г. до н.э. (72) 137 гг. н.э.). Поскольку обе даты происходят из одного пожарищного слоя и

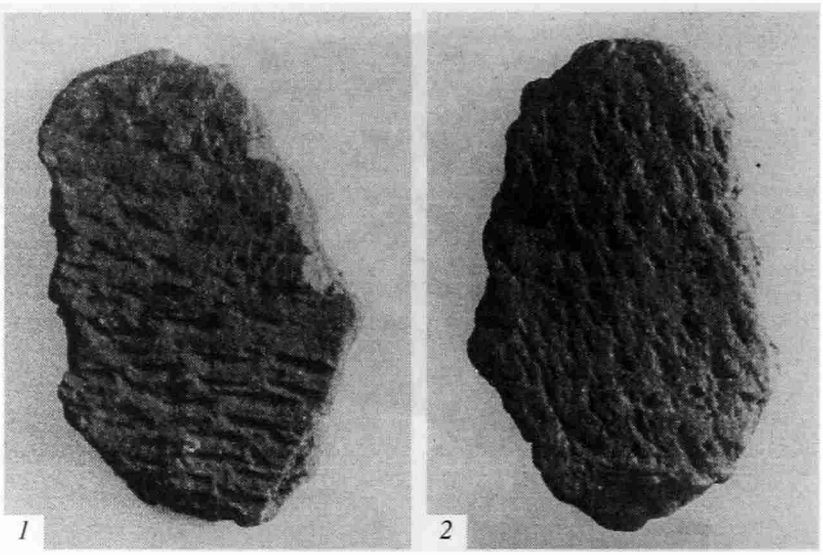


Рис. 6. Погост Красно. Отпечатки поздних типов на венчике.
1 – внешняя сторона; *2* – внутренняя сторона

имеют столь сильное расхождение между собой, они не могут быть приняты без дополнительной проверки. Кроме того, они фактически совпадают с приведенными выше датами при том, что сопровождающий их керамический материал сильно отличается от того, что содержится в верхних прослойках насыпи и в валах. Протопопово и Коробчеево I. По этой причине мы можем пока только приблизительно определить верхнюю границу бытования отпечатков относительно раннего типа – они постепенно выходят из употребления на протяжении II в. до н.э., может быть, несколько раньше.

Самую позднюю сетчатую керамику содержат, по нашему мнению, заполнения рва городища Городищи (рис. 5–8). Керамика эта обладает рядом характерных признаков. Первый – форма сосуда – профилированный горшок с отогнутым наружу венчиком. Этой форме посуды, как правило, соответствуют отпечатки, показанные на рис. 5–7. Третий признак – отпечатки часто, хотя и не всегда, покрывают внутреннюю сторону горла сосуда.

Впервые этот тип керамики – сетчатые профилированные сосуды с оттянутым наружу венчиком – был описан М.В. Талицким (1948). Н.А. Кренке посчитал его даже специфической формой коломенского куста городищ (Кренке Н.А., 1987). В настоящее время она найдена на многих памятниках рассматриваемого региона – Протопопова, Ростиславль, Мячково (раскопки Энговатовой А.В., 1993) Красно, Свиридоново (разведки Коваля В.Ю.), однако все это в основном подъемный материал и только ров Городищ дает информацию о нахождении такой керамики в непотревоженном (по нашему мнению) слое.

Для нижней части заполнения рва Городищ получена радиоуглеродная дата – ГИН № 9409 – 90 г. н.э. +/– 40 лет (74(141) 311 г. н.э.). Этому образцу сопутствует керамика, аналогичная по типам отпечатков керамике из верхних прослоек вала, и описанный нами поздний тип залегал в слое несколько выше. Но с учетом того, что в слое заполнений рва – черном гумусе – сложнее проследить перекопы, а мы ручаемся только за автохтонность радиоуглеродного образца, приблизительное время появления сетчатой керамики позднего типа можно определить как не ранее рубежа I–II вв. н.э. – первой половины II в. н.э.

М.В. Талицкий также указывал на то, что для профилированной керамики Протопопово характерны отпечатки "ткани с широко расставленными нитями", однако,

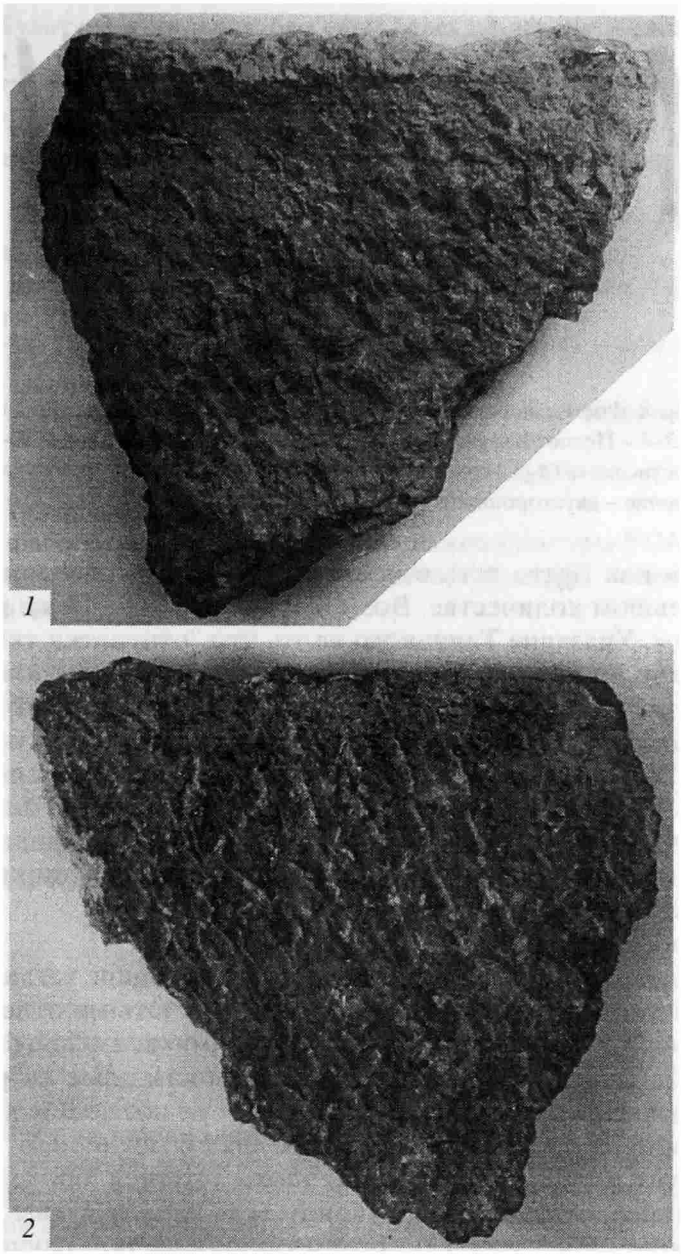


Рис. 7. Протопопово. Отпечатки поздних типов на венчике.
1 – внешняя сторона; *2* – внутренняя сторона

судя по фотографии, это не совсем соответствует нашей терминологии, уточнить это можно только при работе с коллекцией, местонахождение которой пока неизвестно (Талицкий М.В., 1948, с. 230, рис. 3).

О распространении такого признака, как отпечатки с внутренней стороны горла, нам судить сложно, поскольку в известной автору литературе указаний на него почти нет – Б.А. Фоломеев отметил два подобных фрагмента на Тюковом Городке (Фоломеев Б.А., 1975, с. 157), однако там они гораздо древнее.

Мы не уверены в том, что эта форма специфична только для коломенской группы памятников. Однако в этом регионе такая керамика встречена пока только в слое, отнесенном ко времени от рубежа I–II вв. н.э., и, видимо, может служить датирующим признаком.

Тип "рябчатых" "ложнотекстильных" отпечатков, характерных для данного типа посуды сам по себе, видимо, появляется несколько раньше указанного времени –

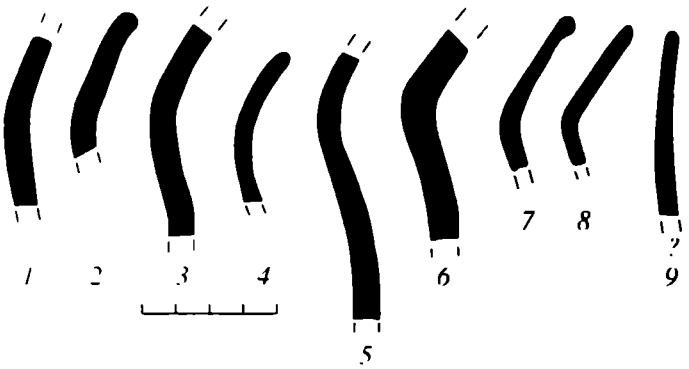


Рис. 8. Формы венчиков позднейшей сетчатой керамики.
1, 3–4 – Погост Красно; *2* – Протопопово; *5–7* – Городищи; *8, 9* – Ростиславль (*3–5* – отпечатки только с внешней стороны сосуда, прочие – двусторонние)

похожие отпечатки как будто есть в поздних прослойках насыпи Городищенского вала, в очень небольшом количестве. Возможно также, что он же является в данном регионе позднейшим. Указание Талицкого на то, что "отпечатки ткани, оставляющие следы в виде веревок, обнаруженные в верхнем слое Протопоповского городища", более поздние, противоречит его же данным о нарушении верхнего слоя могильными перекопами (Талицкий М.В., 1948, с. 228, 233). И.Г. Розенфельдт оспаривала как раз это утверждение (Розенфельдт И.Г., 1974, с. 152), однако, судя по материалам Городищ, керамика с "ниточными" отпечатками бытует еще во II в. н.э., а может быть, и позже, одновременно с поздним типом отпечатков на профилированной посуде. Посуда с сильно оттянутым наружу венчиком датирована Талицким первыми веками н.э. (Талицкий М.В., 1948).

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы.

В результате изучения укреплений нескольких городищ устья Москвы удалось установить относительную хронологию керамики с сетчатыми отпечатками в данном регионе. Самой ранней из встреченной является керамика, имеющая "ложнотекстильные" – "полулунные" или "ногтевые" отпечатки, показанные на рис. 4. Отпечатки этих типов преобладают в керамических комплексах не позже II в. до н.э.

Со II в. до н.э. наиболее распространена керамика с "ниточным" отпечатком, хотя этот тип существует довольно давно – с эпохи поздней бронзы (в слоях Городищенского городища, относящихся к концу II – началу I тыс. до н.э. этот тип отпечатков едва ли не единственный). Датирующим в данном случае может являться не сколько сам тип отпечатка, сколько его встречаемость с другими типами и их процентное соотношение. Достоверно такая керамика продолжает бытовать до рубежа I–II вв. н.э. – середины II в. н.э., но могла сосуществовать и с более поздними типами керамики.

Самой поздней (от рубежа I–II вв. н.э.) является сильнопрофилированная посуда с оттянутым наружу венчиком, с характерными отпечатками (рис. 5–7), заходящими на внутреннюю сторону горла. Как уже отмечалось выше, сочетание всех трех признаков необязательно и для достоверной датировки необходима серия.

Все наши выводы основаны на материале с городищ нижнего течения Москвы-реки и среднего течения Оки (коломенской группы памятников), и мы не знаем, насколько они применимы к другим микрорегионам дьяковской и городецкой культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Горюнова Е.И., 1970. К вопросу о так называемой "дьяковской культуре" // Congressus Tertius Internationalis Fenno–Ugristarum. Tallin.

Кренке Н.А., 1987. Культура населения бассейна Москвы-реки в железный век и раннее средневековье. Дис. ... канд. ист. наук // Архив ИА РАН. Р-2. № 2392.

Розенфельдт И.Г., 1974. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М.

Савицкий М.Г., 1992. Отчет об охранных археологических исследованиях Коробчеевского городища Коломенского района Московской обл. в 1992 г. // Архив ИА РАН Р-1. № 17097.

Смирнов К.А., 1991а. Периодизация памятников городецкой и дьяковской культур (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) Дис. ... докт. ист. наук // Архив ИА РАН. Р-2. № 2489.

Смирнов К.А., 1991б. Два района появления сетчатой керамики // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь.

Сыроватко А.С., 1996. Отчет о раскопках на городищах Городищи и Протопоповском в г. Коломне в 1996 г. // Архив ИА РАН.

Сыроватко А.С., 1999. Поселения эпохи раннего железа юго-восточного Подмосковья // РА. № 2.

Талицкий М.В., 1948. Керамика Протопоповского городища // СА. Т. X.

Фоломеев Б.А., 1975. Тюков городок // СА. № 1.

Чернай И.Л., 1981. Выработка текстиля у племен дьяковской культуры // СА. № 4.

Чернай И.Л., 1993. Макро- и микроструктура слепков с фактуры текстильной керамики // Финно-угры России. Вып. 1. Йошкар-Ола.

Коломенский институт Московского
государственного открытого университета
г. Коломна

A.S. SYROVATKO

ON CHRONOLOGY OF TEXTILE POTTERY FROM THE SITES OF THE MOSKVA RIVER MOUTH

Summary

Pottery originating from the excavations performed at the fortified settlements of Protopopovskoe, Gorodishchi, and Korobcheevo I is discussed in the article. The earliest "thread-like" (or "textile") imprints are shown in Fig. 4. Their chronology is unclear yet, this kind of ornamentation becoming out of use in the 2nd century BC. Since that time onward another type of imprints becomes popular (Figs. 1–3) in pottery assemblages, though this ornamental pattern was known as early as the Bronze Age. This imprints' pattern is also known on later forms of textile pottery. So-called "net-like" imprints (Figs. 5–7) are the latest ones, they are accompanied by specific pottery forms – profiled pots with the rim turned outside. On such vessels textile ornament is also placed on the inner surface of the neck. This type of pottery emerged at the turn of the 1st and 2nd centuries AD, its *terminus ante quem* has not been established yet. The chronology is suggested for the sites situated in the territory of the Moskva river mouth only.

С.Ю. ВНУКОВ

ПСЕВДОКОССКИЕ АМФОРЫ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Одна из наиболее распространенных разновидностей тары раннеримского времени – амфоры с двуствольными ручками. Они встречаются по всему античному миру и за его пределами. В западной литературе их обычно обозначают как тип Dressel 2–4 (Dressel H., 1899, tab. II) или псевдокосские (Grace V.R., 1979, p. 26). Их общая дата I в. до н.э. – первая половина II в. н.э., но отдельные разновидности изготавливались и в начале III в. н.э. (Freed J., 1989, p. 616, 617). Вопрос о происхождении этой морфологической группы неоднократно поднимался в литературе. Практически все исследователи отмечают, что ее прототипом являлись эллинистические косские амфоры (Зеест И.Б., 1960, с. 105; Grace V.R., 1979, p. 26; Peacock D.P.S., Williams D.F., 1991, p. 104–108), форме которых подражали наиболее ранние сосуды с двуствольными ручками. Со временем некоторые их разновидности довольно далеко отошли от прототипов (Grace V.R., 1979, fig. 60).

Косское вино было очень популярно в античном мире, в том числе и в древнем Риме. Оно отличалось довольно высокими вкусовыми качествами и относительной дешевизной. Не случайно рецепт его приготовления приводится Катоном (Cato, 112, 1–3), что, конечно, способствовало еще большему его распространению. Для приготовления "косского" вина использовался вызревший относительно дешевый несортовой виноград и добавлялась морская вода. Показательно, что Катон упоминает косское вино как эталон, сравнивая с ним качество "греческого" вина, приготовленного по несколько упрощенной рецептуре, но тоже с использованием соленой воды (Cato, 105. 1.2). По всей видимости, "греческое" вино, изготовлявшееся в западном Средиземноморье, отличалось именно добавлением соленой воды. Скорее всего именно для транспортировки подобного "косского" или "греческого" вина и использовались амфоры типа Dressel 2–4.

Различные псевдокосские амфоры встречаются на огромной территории от Англии и Испании до римских факторий в Индии (Peacock D.P.S., Williams D.F., 1991, p. 104–108; Wheeler R.E.M., 1946; Slane K.W., 1992, p. 204, 205; Will L.L., 1992), в том числе и в Причерноморье. Д. Пикок и Д. Вильямс называют их наиболее важной разновидностью амфор западного Средиземноморья в эпоху ранней империи и считают, что первоначально они распространялись из Италии (Peacock D.P.S., Williams D.F., 1991, p. 106), где, видимо, впервые была усвоена форма косской тары. И.Б. Зеест также связывает подобные амфоры в первую очередь с Италией и Западным Средиземноморьем (Зеест И.Б., 1960, с. 30, 31, 105). Это позволяет увязывать распространение псевдокосских амфор с расширением римского экономического и политического влияния в Средиземноморье и за его пределами. Видимо, после включения Восточного Средиземноморья в состав Римского государства существовавшее здесь и ранее производство амфор с двуствольными ручками получило новый толчок.

Уже одно только широчайшее распространение псевдокосских амфор исключает возможность их производства в одном центре. Тем не менее в отечественной литера-

Работа выполнена при финансовой поддержке Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation, грант № 393/1998.

© С.Ю. Внуков, 2000 г.

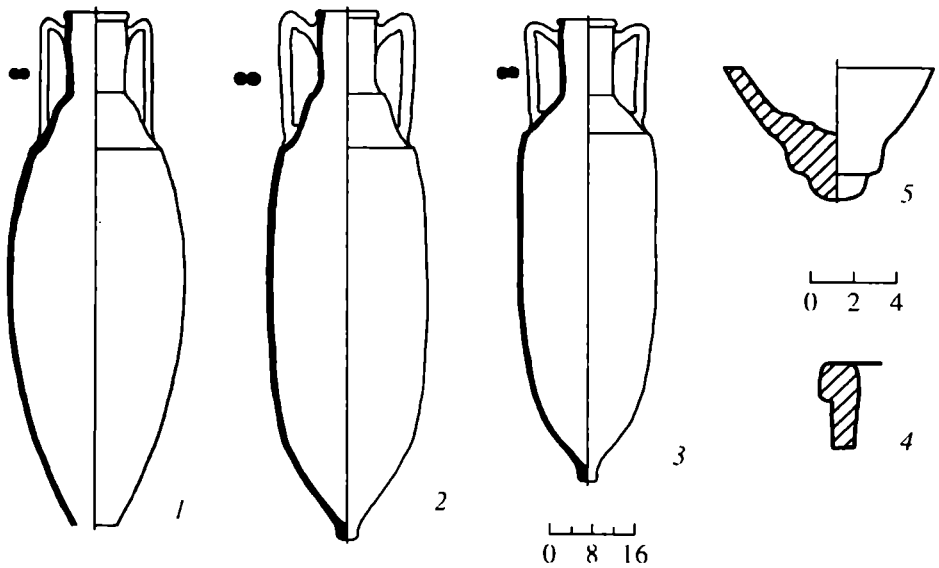


Рис. 1. Косские амфоры конца II в. до н.э. – I в. н.э. (*1, 5* – по Зеест И.Б., 1960; *2, 3* – по Desbat A., Picon M., 1986)

туре обычно все эти сосуды рассматриваются суммарно. Помимо косских выделяются лишь так называемые светлоглиняные амфоры с двуствольными ручками, все остальные объединяются в группу красноглиняных (Зеест И.Б., 1960, с. 109; Абрамов А.П., 1993, с. 44, 45). Лучше изучены аналогичные сосуды из Западного Средиземноморья, где выделено несколько устойчивых разновидностей и определены места их производства (Tchernia A., Zevi F., 1972; Peacock D.P.S., 1977a; Panella C., Fano M., 1977; Del Cerro L.F. et al., 1977 и др.). Но общая типология и номенклатура всех амфор Dressel 2–4 или псевдокосских не разработаны.

Д. Пикок и Д. Вильямс справедливо отмечали, что все сосуды с двуствольными ручками принадлежат нескольким различным типам и составляют класс, морфологически восходящий к одному прототипу (Peacock D.P.S., Williams D.F., 1991, p. 105, 106). Выделить эти типы можно только учитывая наряду с морфологией и характеристики глиняного теста сосудов, т.е. места их производства. К этому можно добавить, что учет технологических различий и детальной хронологии сосудов также немаловажен для решения этой задачи.

Амфоры с двуствольными ручками появляются в Причерноморье со второй половины IV–III в. до н.э. (Зеест И.Б., 1960, с. 104–107). В это время подавляющее их большинство связано с производством Коса. Тогда же, видимо, произошло и знакомство Западного Средиземноморья с косским вином и тарой. Наибольшее распространение косские амфоры получили в Причерноморье во II – первой половине I в. до н.э. Фрагменты более поздних сосудов здесь очень редки.

Глина косских амфор тонкая, без грубых примесей, слюдистая, с блестками, розовато-бежеватого цвета. Их поверхность покрыта светлым ангобом зеленоватого оттенка. Для этих амфор характерны четкое членение тулова, хорошо выделенные плечики (со II в. до н.э. в их основании появляется резкий перегиб или уступ), невысокое цилиндрическое горло с уступом в основании и двуствольные ручки (рис. 1, *1–3*). Со второй половины II в. до н.э. у них появляется невысокая подконическая ножка с более или менее выраженным желудевидным выступом и порой с пояском над ним (рис. 1, *5*). Со временем пропорции этих амфор вытягиваются, в I в. до н.э. тулово приобретает сигарообразную форму (рис. 1, *2, 3*). Профилировка плечиков и горла, а также перегиб ручек становятся резче. В I в. н.э. перегибы ручек задираются наверх и уплощаются с боков. Желудь на ножке становится менее выраженным или исчезает

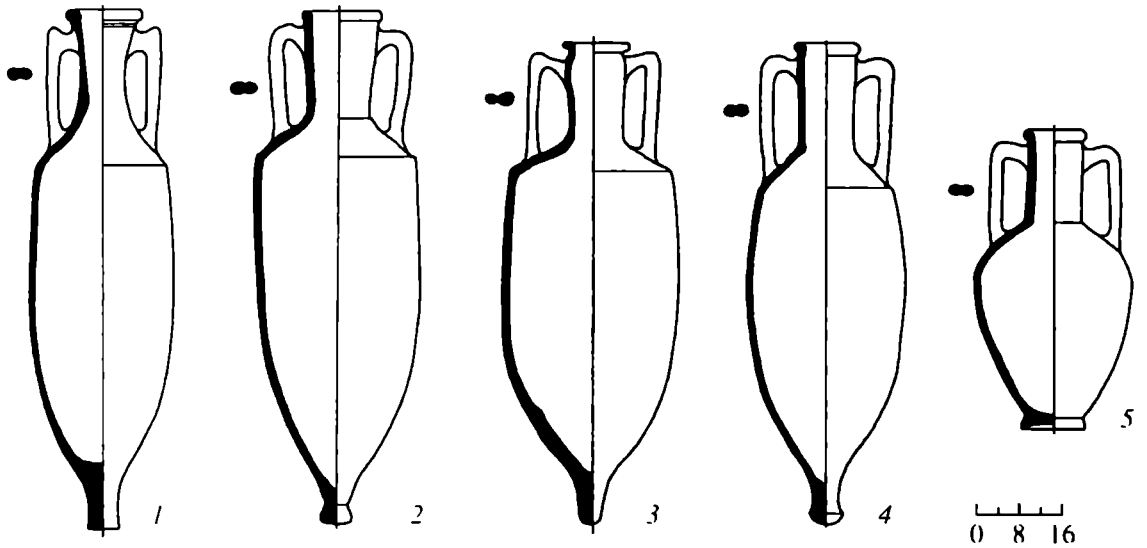


Рис. 2. Амфоры типа Dressel 2–4 западных разновидностей (*1, 3* – по Del Cerro L.F., et al., 1977; *2, 4, 5* – по Panella C., Fano M., 1977)

(Grace V.R., 1979, fig. 56, 57; Зеест И.Б., 1960, с. 104–107, табл. XXXIV; Абрамов А.П., 1993, с. 44, рис. 47, 48).

При очень большой вариабельности форм псевдокосских сосудов можно наметить некоторые самые общие различия между их разновидностями, производившимися в Эгейском бассейне и в западном регионе Римской империи. В задачу настоящей работы не входит описание всех выделенных типов. Тем не менее можно отметить, что у западных разновидностей практически не встречаются желудевидные ножки. Обычно их ножки конические, массивные, порой расширяющиеся книзу (рис. 2, *1–4*; Peacock D.P.S., Williams D.F., 1991; fig. 39; Panella C., Fano M., 1977; Tyers P., 1996). Иногда на них имеются дополнительные подрезки и уступы (рис. 2, *2*) (Panella C., Fano M., 1977, fig. 49, 50). Кроме того, только у западных разновидностей отмечено не отделенное от плечиков горло, равномерно расширяющееся кверху и завершающееся массивным валиком (рис. 2, *1, 2*) (Del Cerro L.F. et al., 1977, pl. VIa3, *20, 43, 47–50, 83, 93;* VII, *25, 57;* VIII, *57*; Peacock D.P.S., Williams D.F., 1991, fig. 39). Здесь же чаще встречаются сосуды с ложнодвуствольными ручками с врезами с двух или с одной стороны, имитирующими круглые стволы (Зеест И.Б., 1960, с. 109; Del Cerro L.F. et al., 1977, pl. II, *11, 13*; VIa 3, *93*). Западное происхождение многих подобных сосудов подтверждается имеющимися на них латинскими клеймами и дипинти. Находки мастерских и анализы глины этих сосудов позволили установить, что их разновидности производились в Италии (Кампании, Лациуме, Этрурии) (Peacock D.P.S., 1977a; Hesnard A., 1977; Panella C., 1981), Испании (Каталонии, Бетике) (Tchernia A., Zevi F., 1972; Pascual G.R., 1977), в Южной и Центральной Франции (Tchernia A., Villa J.-P., 1977; Meffre J.-C., Meffre P., 1992), в Швейцарии (Martun-Kilcher S., 1994), в Англии (Castle S.A., 1978) и в других местах. Псевдокосские амфоры западного происхождения редко встречаются на памятниках Причерноморья (Зеест И.Б., 1960, с. 31, 109, табл. XXVII, *63г*).

Восточные разновидности псевдокосских амфор обычно ближе к косским прототипам (рис. 3, *1, 2*). Часто они имеют сигарообразное тулово, четко профилированную верхнюю часть, прямое или припухлое горло, двуствольные ручки и желудевидную или восходящую к желудевидной короткую цилиндрическую или коническую ножку (Emperer J.-Y., Picon M., 1989, fig. 3, *5*). Такие сосуды также изготавливались в различных центрах. Помимо собственно Коса в качестве районов их производства называют Александрию Египетскую, Киликию, побережье Карии (Книд, Миндос и др.) и ближайшие к нему острова (в том числе Родос) (Emperer J.-Y., Picon M., 1989, p. 225–232, fig. 2, *8*).

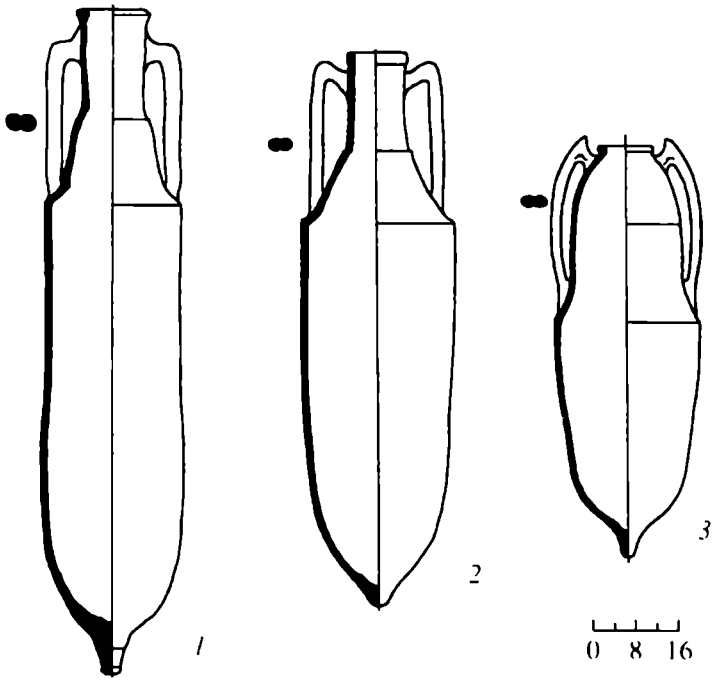


Рис. 3. Псевдокосские амфоры восточных разновидностей (*1, 3* – по Emperer J.-Y., Picon M., 1989; *2* – по Panella C., Fano M., 1977)

В зону производства псевдокосских амфор входило и Причерноморье. Причерноморские сосуды относятся к восточной разновидности. Для них также характерно вытянутое тулово, плечики, отделенные от тулова и горла уступами или врезами, припухлое или прямое горло, двуствольные ручки, перегиб которых со временем заостряется, и желудевидные ножки. В настоящее время морфологически и петрографически выделены два типа псевдокосских амфор, которые изготавливались в причерноморских центрах (Внуков С.Ю., 1993а; 1994). Это так называемые светлоглиняные (позднегераклейские – С I) и синопские (Син III) сосуды с двуствольными ручками. Они производились соответственно в Гераклее и в Синопе в середине I в. до н.э. – конце I в. н.э. Их подробному описанию посвящены отдельные публикации (Внуков С.Ю., 1988; 1993б).

Южнопонтийские псевдокосские сосуды очень близки морфологически, их общие размеры и контуры тулова практически не различаются (рис. 4, 5). Отличны только мелкие детали формы, на которых следует остановиться подробнее. К сожалению, ни одной археологически целой синопской амфоры этой разновидности не известно. Судя по крупным фрагментам, профилировка верхней части синопских сосудов обычно менее четкая. У них почти не встречаются резкие уступы и редки врезы в основании горла, тогда как профилировка собственно косских сосудов более четкая и резкая (рис. 1; 5, *1, 2*).

Горла сосудов рассматриваемых разновидностей припухлые, их диаметр больше или почти равен диаметру венчика. Этим они отличаются от косских амфор, имеющих цилиндрическое или несколько расширяющееся кверху горло. Примечательно, что если диаметр основания горла косских сосудов меньше диаметра верхней части плечиков и в месте перехода образуется ступенька, то у южнопонтийских псевдокосских амфор диаметр основания горла больше диаметра верха плечиков и горло как бы нависает над плечиками (рис. 1; 4, *1, 2*; 5, *1, 2*).

Ручки рассматриваемых амфор всегда двуствольные. Они практически не различаются по параметрам. В то же время у ручек синопских сосудов не отмечены дополнительные детали в виде различных налепов и пальцевых вдавлений, встречающихся у позднегераклейских амфор со второй четверти I в. н.э. (Внуков С.Ю.,

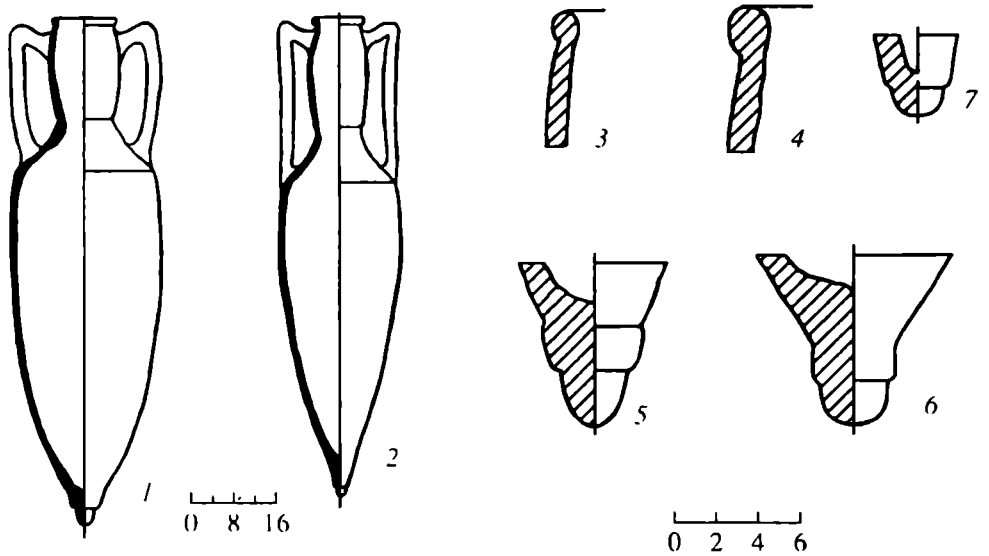


Рис. 4. Псевдокосские позднегераклейские (светлоглиняные) амфоры (*2* – Садовый курган; *3, 4* – Кара-Тобе; *1, 5–7* – Чайка)

1988, с. 201, рис. 3). Кроме того, перегиб ручек синопских амфор более плавный, у них не отмечен перегиб острым резко поднятым углом с уплощением стволов на внешней поверхности (Внуков С.Ю., 1988, с. 201).

Несколько различаются и венчики рассматриваемых амфор. Все они некрупные, валикообразные. Но у косских сосудов *преобладают* валики подпрямоугольных очертаний (рис. 1, *4*), у позднегераклейских (С I) – варианты округлых симметричных валиков (рис. 4, *3, 4*) (Внуков С.Ю., 1988, с. 198), у синопских (Син III) – уплощенные вертикально валики с выпуклым внешним контуром и плоским, округлым или заостренным верхом (рис. 5, *3, 4*) (Внуков С.Ю., 1993б, с. 208).

Хорошо различаются рассматриваемые разновидности тары по форме ножек. Обычно они желудевидные. При этом у косских амфор I в. до н.э. – I в. н.э. ножка короткая, коническая или с вогнутым контуром. Желудь небольшой, обычно в форме шарового сегмента. У поздних сосудов он часто редуцирован и ножка приобрела форму короткого конуса (рис. 1, *2, 3, 5*).

Ножки светлоглиняных амфор крупнее и более разнообразны по форме и параметрам. Они разделяются на три типа: с пояском над желудем, с перегибом и конические желудевидные (рис. 4, *5–7*). Подробнее они описаны в специальной работе автора (Внуков С.Ю., 1984, с. 56–59).

У синопских сосудов можно выделить только две разновидности ножек. Желуди у них одинаковы, они имеют цилиндрическую или усеченно-коническую форму с уплощенной или округлой подошвой (рис. 5, *5–8*). Иногда контур желудя вогнутый, форма ножки над желудем усеченно-коническая или слабовогнутая. У одной разновидности над желудем имеется небольшая припухлость (рис. 5, *5, 6*), ни четкостью оформления, ни размерами не похожая на поясок ножек светлоглиняных амфор, хотя и соответствующая ему морфологически. У второй разновидности никаких дополнительных деталей нет (рис. 5, *7, 8*) (Внуков С.Ю., 1993б, с. 209, рис. 1, *4*).

Кроме того, у описанных сосудов имеются и некоторые технологические различия. Так, только у позднегераклейских (светлоглиняных) амфор иногда отмечается деформация венчика, возникшая в результате сушки сосудов в перевернутом виде. Порой на венчике сохраняются следы песчаной подсыпки. Синопские амфоры сушились в нормальном положении в специальных подставках, как и амфоры с крученными ножками (Зеест И.Б., 1960, с. 126). Отпечатки этих подставок фиксируются у некоторых сосудов (рис. 5, *8*).

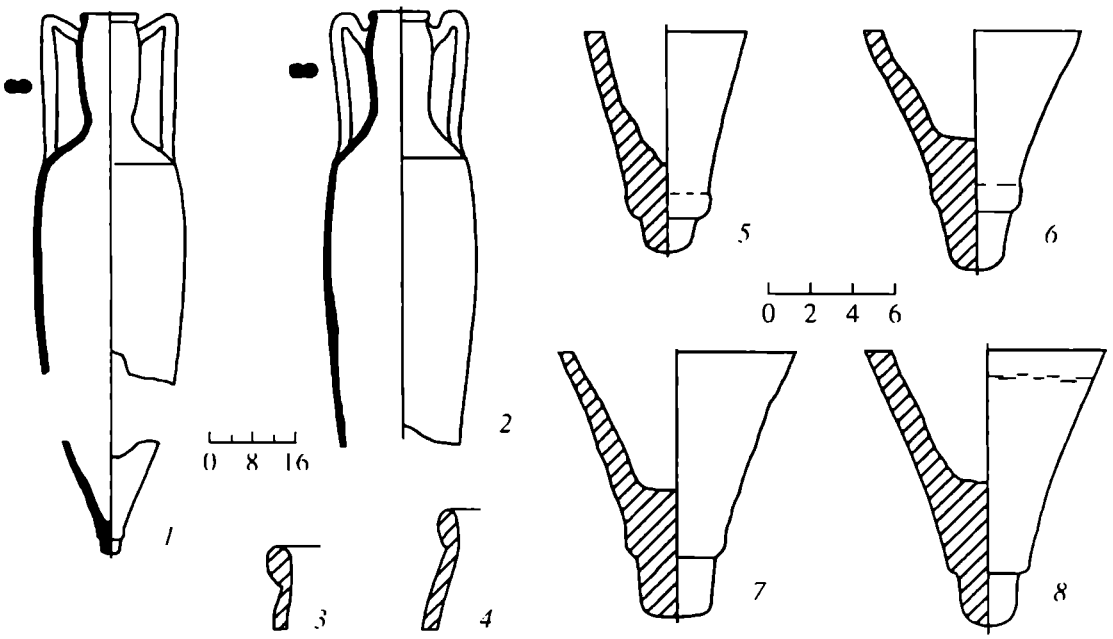


Рис. 5. Псевдокосские синопские амфоры (*1–8* – Кара-Тобе)

Следует особо подчеркнуть, что деление псевдокосских сосудов на красно- и светлоглиняные чисто условно. Цвет черепка во многом зависит от режима обжига. Среди позднегераклейских амфор встречаются экземпляры из глины красноватых оттенков. И наоборот, среди синопской тары имеются сосуды из очень светлой глины. Это привело даже к появлению гипотезы о синопском происхождении всех светлоглиняных амфор (Гайдукевич В.Ф., 1951, с. 190; Максимова М.И., 1956, с. 336; Кадеев В.И., 1970, с. 131, 132, 139, 143, 144), поэтому неверно разделять эти сосуды только на основании цвета их черепка, необходимо учитывать все характерные признаки их глины и морфологии.

Фрагменты псевдокосской тары южнопонтийских центров на многих памятниках Северного Причерноморья римского времени составляют основную массу находок. При этом резко преобладают светлоглиняные сосуды гераклейского производства (Каменецкий И.С., 1969 и др.). Но большинство исследователей не различают морфологически близкие гераклейские и синопские псевдокосские амфоры, что затрудняет их изучение.

Показательно, что производство псевдокосских амфор в Южном Причерноморье началось только после захвата его Римом (Зеест И.Б., 1960, с. 42, 43; Внуков С.Ю., 1998, с. 199). Выше уже отмечалось общепринятое мнение о связи производства и распространения подобных сосудов в I в. до н.э. – I в. н.э. с деятельностью римских мастерских и с экономической и политической экспансией Рима. И.Б. Зеест прямо пишет, что подобное производство могло возникнуть "в районе римской оккупации" в Южном Причерноморье (Зеест И.Б., 1960, с. 30).

В этой связи особое значение может иметь тот факт, что и в Гераклее, и в Синопе имелись римские колонии. Колония в Синопу (Colonia Julia Felix) была выведена Юлием Цезарем в 46–45 гг. до н.э. О колонии в Гераклее известно лишь из сообщения Страбона о ее разгроме галатами в конце 30-х годов I в. до н.э. (Strabo, XII, III, 6). Она могла быть основана или в 63–62 гг. до н.э. в период деятельности Помпея (что кажется более вероятным), или в 46–45 гг. до н.э. в результате мероприятий Цезаря. Вполне вероятно, что эта колония или не была полностью уничтожена галатами, или же она была восстановлена в начале правления Августа, когда были возобновлены многие установления Помпея (Максимова М.И., 1956, с. 294).

Таким образом, есть основания предполагать, что именно в римских колониях в

Гераклее и Синопе и производились псевдокосские сосуды, не имевшие аналогий в амфорной таре этих центров эллинистического времени. При этом использовались местные глины, но технология обжига сосудов несколько отличалась от традиционной для этих сосудов (Внуков С.Ю., 1993а, с. 168; 1994, с. 28). О существовании керамического производства в колонии Юлия Феликс (изготовлении черепицы) прямо свидетельствует опубликованное клеймо этого центра (Сапрыкин С.Ю., 1997).

Высказанное предположение позволяет объяснить и причину большого разнообразия типов синопской тары I в. н.э. В это время здесь продолжают изготавливаться амфоры с крученой ножкой, восходящие к эллинистическим прототипам, а в римской колонии осваивается производство сосудов общеримских разновидностей. О Гераклее что-либо определенное в этом плане сказать сложнее, так как позднеэллинистическая гераклейская тара практически неизвестна.

Косвенным подтверждением высказанного предположения может служить и производство в этих же центрах в I в. до н.э. – I в. н.э. помимо псевдокосской и других общеримских разновидностей тары. Так, в это время в Средиземноморье и Причерноморье хорошо известны различные псевдородосские амфоры с одноствольными резко изогнутыми ручками (Panella C., 1986, p. 619, 620; Peacock D.P.S., Williams D.F., 1991, p. 102, 103). И.Б. Зеест также связывает их распространение с римским влиянием (Зеест И.Б., 1960, с. 30). Они тоже производились в нескольких центрах, которые большинство исследователей локализует в Восточном Средиземноморье (Peacock D.P.S., 1977b, p. 266–270; Desbat A., Picon M., 1986, p. 645, 646; Emperer J.-Y., Picon M., 1989, p. 224, 225). Псевдородосские амфоры не были столь же популярны, как псевдокосские, но часто сосуды обеих разновидностей находятся в одних комплексах (Desbat A., Picon M., 1986).

В этой связи показательно, что среди позднегераклейских (светлоглиняных) сосудов выделены и амфоры псевдородосской разновидности (тип С II – Внуков С.Ю., 1988, с. 202, 203). Кроме того, в слоях I в. н.э. изредка встречаются круглые ручки из типично синопской глины (Внуков С.Ю., 1993б, с. 212). Немногочисленность подобных фрагментов не позволяет восстановить форму сосудов, но дает возможность предполагать и в Синопе (точнее в колонии Julia Felix) производство небольшого количества псевдородосских амфор.

Для первых веков н.э. также характерно распространение в Средиземноморье плоскодонных амфор, использовавшихся, видимо, в качестве тары (Emperer J.-Y., Picon M., 1989, fig. 1; Peacock D.P.S., Williams D.F., 1991, p. 142–150). Одним из центров их производства в конце I в. до н.э. – II в. н.э. была Массалия (Bertucchi G., 1992, fig. 2, type 6, 7). Порой встречаются как бы две разновидности одной формы – остродонная и плоскодонная. Так, в Помпеях найдены обе разновидности псевдокосских сосудов (рис. 2, *5*) (Panella C., Fano M., 1977, fig. 25, 26). Такие же разновидности встречаются и у сосудов с воронковидным венчиком (Арсеньева Т.М., Науменко С.А., 1992, рис. 30; 41, *2*).

В Причерноморье плоскодонные псевдокосские амфоры пока не известны, но их находки вероятны (выделить их по фрагментам практически невозможно). Но среди поздних гераклейских и синопских амфор других типов известны плоскодонные разновидности. Так, среди светлоглиняных сосудов это амфоры варианта CA_1. Для самых ранних из них характерно довольно широкое горло[1]. Остродонным их аналогом являются амфоры типа С III, отличающиеся от ранних плоскодонных только нижней частью (Внуков С.Ю., 1988, с. 203–205). Известны и плоскодонные амфоры с профилированными ручками синопского производства. Примечательно, что в общих чертах их профильные части напоминают массалийские сосуды (Bertucchi G., 1992, fig. 2, type 6, 7), что позволяет предполагать их принадлежность к одному морфологическому классу тары. Их остродонные аналоги пока не выделены, но о существовании

[1] Неопубликованная плоскодонная амфора с городища Кара-Тобе имеет диаметр венчика 10,5 см (полевой № КТ-91/1496).

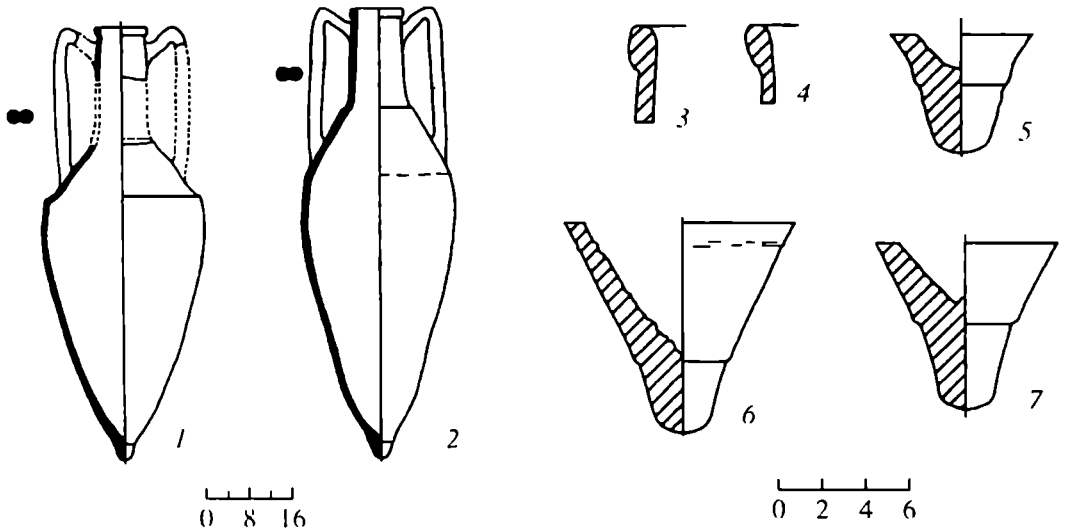


Рис. 6. Псевдокосские красноглиняные амфоры (*1–7* – Кара-Тобе)

последних позволяют предполагать немногочисленные обломки широкогорлых синопских амфор с профилированными ручками (Внуков С.Ю., 1993б, с. 209, 210, 212).

Таким образом, в I в. до н.э. – I в. н.э. в Гераклее и в Синопе было освоено производство целого комплекса общеримских разновидностей тары, не имевшей прототипов в этом регионе. Это подтверждает предположение об изготовлении таких амфор (в том числе и псевдокосских) в римских колониях, выведенных в эти центры в I в. до н.э. По-видимому, колонисты (вероятно, выходцы из восточных провинций империи) принесли с собой традицию производства тары общеримских разновидностей, характерных именно для эгейского региона.

Помимо синопских и позднегераклейских псевдокосских сосудов в Причерноморье встречаются и близкие амфоры неизвестных центров. Их детальная типология и хронология еще не разработаны. Можно лишь отметить, что наиболее ранние "красноглиняные" псевдокосские амфоры появляются здесь еще во второй половине II в. до н.э. (Зеест И.Б., 1960, с. 109). Возможно, они ввозились из районов Средиземноморья, вошедших в это время в состав провинции Азия.

Во второй половине I в. до н.э. – первой половине I в. н.э. в Причерноморье распространяются сосуды из красновато-коричневой, довольно пористой, но хорошо пропеченной глины с небольшим количеством темных включений и с белыми или желтоватыми дутиками. Ангоб отсутствует. Для них характерно биконическое тулово с прямыми или вогнуто-выпуклыми плечиками, четко отделенными уступами от тулова и горла (рис. 6, *1, 2*). Горло цилиндрическое или слабо расширяющееся кверху. Венчик валикообразный, четко оформленный, подпрямоугольных или вытянутых овальных очертаний (рис. 6, *3, 4*). Ручки двуствольные, порой стволы вверху деформированы и имеют подквадратное сечение. Перегиб их под острым углом, но не такой резкий, как у поздних светлоглиняных амфор. Ножки желудевидные, конический или округло-конический желудь выделен уступом. Верхняя часть ножки обычно имеет усеченно-коническую форму (рис. 6, *5–7*).

Вероятно, эти сосуды выделены А. Опайтом в тип IV (Opait A., 1987, p. 151, fig. 5, *1–4*). Морфологически они принадлежат к кругу восточно-средиземноморских псевдокосских амфор, но прямых аналогий в этом районе им нет. Кроме того, в раннеримское время торговля Причерноморья со Средиземноморьем была ограниченной (Зеест И.Б., 1960, с. 29). Все это дает основание предполагать причерноморское происхождение описанной разновидности псевдокосских амфор. Вероятно, они производились в центре Западного или Юго-Западного Причерноморья, тесно связанном с Римом.

Наряду с описанным в Причерноморье встречаются и более редкие разновидности псевдокосских амфор, в том числе в небольшом количестве и производившиеся в Восточном Средиземноморье (Зеест И.Б., 1960, табл. XXVII, *62а*; Opait A., 1987, fig. 4). Но они не составляют выразительных серий и их изучение пока затруднительно.

В заключение следует отметить, что из всего массива амфор с двуствольными ручками в Причерноморье можно довольно надежно выделить собственно косские сосуды, амфоры синопского и позднегераклейского происхождения, а также неизвестного черноморского (?) производства. Более редки различные сосуды эгейского происхождения. Псевдокосские амфоры западного производства здесь единичны.

Таким образом, Причерноморье также оказалось включенным в процесс сложения массовых "международных" типов тары для перевозки определенного сорта товара, тогда как в предшествующее время были распространены в основном коммерческие подражания амфорам популярных центров. Подобная унификация тары могла возникнуть только в результате крупных изменений в экономике Средиземноморья, происшедших после его объединения в составе Римского государства. По всей видимости, именно римские колонии в Причерноморье и являлись производителями подобной тары и экспортерами товаров в ней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамов А.П., 1993. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. Вып. 3. М.

Арсеньева Т.М., Науменко С.А., 1992. Усадьбы Танаиса. М.

Внуков С.Ю., 1984. Светлоглиняные амфоры городища Чайка близ Евпатории // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. № 6.

Внуков С.Ю., 1988. Светлоглиняные широкогорлые амфоры Северо-Западного Крыма // СА. № 3.

Внуков С.Ю., 1993а. Применение метода сравнительного петрографического анализа для определения центра производства светлоглиняных амфор // Проблемы палеоэкологии древних обществ. М.

Внуков С.Ю., 1993б. Новые типы позднесинопской амфорной тары // РА. № 3.

Внуков С.Ю., 1994. Сравнительный петрографический анализ синопской амфорной тары // Боспорский сборник. Вып. 4. М.

Гайдукевич В.Ф., 1951. K. Majewski. Importy rzimskie na ziemiach slowianskich. Wroslawl, 1949 // ВДИ. № 2.

Зеест И.Б., 1960. Керамическая тара Боспора // МИА. № 83.

Кадеев В.И., 1970. Очерки истории экономики Херсонеса в I–IV вв. н.э. Харьков.

Каменецкий И.С., 1969. Опыт изучения массового керамического материала из Танаиса // МИА. № 154.

Максимова М.И., 1956. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.; Л.

Сапрыкин С.Ю., 1997. О значении некоторых клейм на черепице из Северного Причерноморья // РА. № 1.

Bertucchi G., 1992. Les amphores massalietes a Marseille: les differentes productions // Les amphores de Marseille grecque. Etudes massalietes 2. Marseille.

Castle S.A., 1978. Amphorae from Brockley Hill // Britannia. № 9.

Del Cerro L.F., De la Vega W.F., Hesnard A., 1977. Contribution a l'etablissement d'une typologie des amphores dites "Dressel 2–4" // Methodes classiques et methodes formelles dans l'etue des amphores. CEFR. 32.

Desbat A., Picon M., 1986. Les importations d'amphores de Mediterranee orientale a Lyon (fin du I-er siecle avant J.-C. et I-er siecle apres) // BCH. Suppl. XIII.

Dressle H., 1899. Corpus Inscriptionum Latinirum. XV. Pars 2. Berlin.

Emperer J.-Y., Picon M., 1989. Les regions de production d'amphores imperiales en Mediterranee orientale // Amphores Romaines et histore economique: dix ans de resherche. CEFR. 114.

Freed J., 1989. Late stamped Dressel 2–4 amphoras from a deposit dated post 200 A.D. at Villa site 10 on the Via Gabina // Amphores Romaines et histoire economique. CEFR. 114.

Grace V.R., 1979. Amphoras and the ancient wine trade. Princeton; New Jersey.
Hesnard A., 1977. Note sur un atelier d'amphores Dr. 1 et Dr. 2–4 pres de Terracine // Melanges de L'Ecole Francais de Rome. 89. Rome.
Martun-Kilcher S., 1994. Die romischten Amphoren aus August und Kaiseraugst. Ein Beitrag zur romischen Hadels- und Kulturgeschichte. 2. Die Amphoren fur Wien, Fischsauce, Sudfruchte (Gruppen 2–24) und Gesamtauswertung // Forschungen in Augst. 7. Augst.
Meffre J.-C., Meffre P., 1992. L'atelier augusteen d'amphores et de ceramiques de Sainte-Cecile-les-Vignes (Vaucluse) // Les amphores en Gaule. Production et circulation. Besancon.
Opait A., 1987. Un depot d'amphores decouvert a Aegyssus // Dacia. XXXI. № 1–2.
Panella C., 1981. La distribuzione e i mercati // Merci, mercati e scambi nel Mediterraneo. Bari.
Panella C., 1986. Oriente ed occidente: considerazioni su alcune anfore "egee" di eta imperiale a Ostia // BCH. Suppl. XIII.
Panella C., Fano M., 1977. Le anfore con anse bifide conservate a Pompei: contributo ad una loro classificazione // Methodes classiques et methodes formelles dans l'etude des amphores. CEFR. 32.
Pascual G.R., 1977. Las anforas de la Layetania // Methodes classiques et methodes formelles dans l'etude des amphores. CEFR. 32.
Peacock D.P.S., 1977a. Recent discoveries of Roman amphora kilns in Italy // Antiquity Journal. 57.
Peacock D.P.S., 1977b. Roman amphorae: typology fabric and origins // Methodes classiques et methodes formelles dans l'etude des amphores. CEFR. 32.
Peacock D.P.S., Williams D.F., 1991. Amphorae and the Roman economy. London; New York.
Slane K.W., 1992. Observation on Mediterranean amphoras and tablewares found in India // Rome and India. The Ancient sea trade. Delhi; Oxford; Bombey; Calcutta; Madras.
Tchernia A., Villa J.-P., 1977. Notye sur le materiel recueilli dans la fouille d'un atelier d'amphores a Velaux (Bouches-du-Rhone) // Methodes classiques et methodes formelles dans l'etude des amphores. CEFR. 32.
Tchernia A., Zevi F., 1972. Amphores vinarties de Campanie et de Tarraconaise a Ostie // Recherches sur les amphores romaines. CEFR. 10.
Tyers P., 1996. Roman pottery in Britain. London (Roman amphoras in Britain, Dressel 2–4 amphoras). http://intarch.york.ac.uk/jornal/issuel/amphoras.
Wheeler R.E.M., 1946. Arikamedu: an indo-roman trading station on the east coast of India // Ancient India. № 2.
Will L.L., 1992. The Mediterranean shipping amphoras from Arikamedu // Rome and India. The Ancient sea trade. Delhi; Oxford; Bombey; Calcutta; Madras.

Институт археологии РАН, Москва

S.Yu. VNUKOV

PSEUDO-KOAN AMPHORAE IN NORTH PONTIC AREA

Summary

The article is devoted to the study of pseudo-Koan amphorae of Dressel 2-4 type originating from North Pontic area. The amphorae are considered against the background of morphologically similar vessels widely spread in classical world and beyond in the lst century BC – lst century AD. The Hellenistic Koan ware constituted the prototype for all these vessels. Koan wine had gained popularity throughout the classical world, including Italy, where the earliest amphorae of Dressel 2-4 type were known from. It is supposed that the spread of the ware in question was associated with political and economic impact of the Roman empire; this process influenced North Pontic are as well. A number of local forms of pseudo-Koan amphorae were outlined there. These are: late-Heraclean buff-clay ones (Fig. 4), vessels from Sinope (Fig. 5), and also red-clay pseudo-Koan amphorae produced by unknown North Pontic (?) centre (Fig. 6). Their comparative description is presented in the article. Besides pseudo-Koan amphorae other types of common Roman ware forms were manufactured in Heraclea and Sinope, but the latter did not have their local prototypes there. This fact had moved the author to a conclusion that the whole mass of similar vessels were produced in Roman colonies founded in the lst century BC. Thus, North Pontic area appeared to have been involved into the process of formation of mass "international" ware types of common Roman forms designed for certain goods' transporting.

Д.В. ПЕЖЕМСКИЙ

ИНФОРМАТИВНОСТЬ СКЕЛЕТНЫХ ОСТАНКОВ ПЛОХОЙ СОХРАННОСТИ

(по материалам некрополя Сиреневая бухта)

Достаточно хорошо известно, что ископаемые костные останки человека при специальном исследовании являются ценным историческим источником (Левин М.Г., 1961; Алексеев В.П., 1979). В ходе этого исследования удается реконструировать демографическую структуру палеосоциума, антропологический тип, позволяющий проследить этногенетические линии, физический облик, дающий возможность охарактеризовать адаптивные особенности популяции, связи с инородной средой, тип физической активности (трудовой деятельности) и многие другие сюжеты. Подобные вопросы, изучение которых на основе иных данных затруднено или просто невозможно, может прояснить антрополог. Тем не менее зачастую огорчает плохое знание археологом тех возможностей, которые дает физическая антропология при решении исторических задач. Результатом этого, как правило, является либо перезахоронение, либо плохой сбор антропологических материалов и неудовлетворительное хранение. Известен и такой ошеломляющий факт, как оставление костяков в могиле после их зачистки, фиксации и сбора погребального инвентаря со ссылкой на плохую сохранность и "покой мертвецов", который "не стоит тревожить". Последний "довод", думается, не требует обсуждения, а вот на проблеме плохой сохранности костного материала необходимо остановиться подробнее. В свое время в методической работе коллектива антропологов описывались четыре степени сохранности ископаемых костяков (в том числе и очень плохая), давались практические рекомендации по их расчистке, сбору и сохранению (Мамонова Н.Н. и др., 1989, с. 51–54), но нигде не указывалось, в каком случае археолог вправе пренебречь антропологическим материалом. Почему? Дело в том, что только профессиональный антрополог (не археолог, не анатом, не судебный медик, а именно антрополог) может с уверенностью сказать, на какой стадии деструкции скелетный материал перестает быть информативным, точнее сказать, вообще не дает *никакой* информации. Настоящая работа, кроме основной задачи – ознакомления с результатами исследования антропологического материала из могильника Сиреневая бухта (Восточный Крым), призвана во многом опровергнуть мнение о том, что костные останки плохой и очень плохой сохранности непригодны для изучения.

Могильник Сиреневая бухта расположен на северном побережье Керченского полуострова, между мысами Казантип и Зюк, близ одноименного поселения позднеантичного времени. Археологические исследования некрополя проводились А.А. Масленниковым в 1988–91, 1995–97 гг. Основная масса раскопанных погребений (всего 156) датируется III – третьей четвертью VI в. н.э. Погребальные сооружения – грунтовые, плитовые и подбойные могилы и склепы. Последние автор раскопок считает семейными. Приазовские склепы – это, как правило, довольно внушительные конструкции в грунте, состоящие из глубокого (до 4 м), сильно наклонного дромоса и одной, реже двух, подпрямоугольных камер. Вход в такой склеп обычно закрывался плитой, а дромос имел подобие ступеней. Сама камера была снабжена нишами-лежанками для деревянных гробов погребенных (обычно несколько человек) и

© Д.В. Пежемский, 2000 г.

небольшими нишками для светильников или приношений. На могильнике Сиреневая бухта раскопано 11 подобных склепов (Масленников А.А., 1997, с. 14–25). Подавляющая часть изученных костных останков происходит из склепов, остальные – из захоронений в могилах.

Материал и методика. Сбор антропологического материала происходил, к сожалению, без участия антрополога. Плохая сохранность структуры костной ткани и дополнительные разрушения части костей в результате длительного хранения обусловили невозможность исследования некоторых признаков, например продольных размеров. Сохранность ископаемой кости зависит, как правило, не только от типа грунта, но и от климатических условий в микрорегионе. В случае с костяками из исследуемого некрополя плохая их сохранность во многом связана со значительным содержанием солей в почве и даже в испаряющейся влаге. Поверхность изученных нами костей была местами покрыта соляной корочкой. Во влажные сезоны кость пропитывается солями и разъедается ими, в сухие – кристаллизующаяся соль "рвет" структуру костной ткани изнутри. Думается, что этим же можно объяснить плохую сохранность органических материалов в Причерноморье вообще. По этой причине антопологический материал из погребений 1–55 не собирался. Раскопки последующих погребений сопровождались достаточно качественным сбором костного материала, тем не менее по целому ряду причин, нами была получена соответствующая выборка из раскопок лишь трех последних сезонов. В нашем распоряжении были как индивидуальные, так и смешанные в рамках одного погребения костные останки. Так как погребения и склепы этого времени в большинстве своем ограблены в древности, исследователи изначально имеют дело с набором смешанных костяков. Все это сделало необходимым разбор костей на отдельные костяки. Для решения этой задачи использовались следующие признаки: величина, форма, степень сохранности и цвет кости, характер ее микрорельефа. Основные принципы подбора костей: зеркальная симметричность особенностей рельефа и нормальное сочленение суставов, их функциональное совпадение. Номера костякам внутри одного комплекса (склепа, грунтовой могилы) давались нами после их укомплектовки. Встречавшиеся полуразрушеннные черепа и их фрагменты получали самостоятельные номера, а затем соотносились с посткраниальными скелетами по факту совпадения пола и возраста.

Программа исследования была составлена предварительно и включала: классические палеоантропологические методики (краниометрию и остеометрию) (Алексеев В.П., Дебец Г.Ф., 1964; Алексеев В.П., 1966), осмотр на предмет патологических деструкций костной ткани (Бужилова А.П., 1995), остеологическую методику оценки развития компонента мезоморфии (мышечной составляющей) (Федосова В.Н., 1986), сбор одонтологического материала, подбор образцов для получения генетиками древней митохондриальной ДНК и последующего ее анализа. Ниже изложены только демографическая и остеологическая части работы, затронута проблема искусственной деформации черепов из могильника Сиреневая бухта. Данные по другим разделам здесь пока не представлены в силу малочисленности материала.

Половозрастные определения. Пол и возраст, как известно, являются основными показателями для реконструкции демографической структуры популяции. Методике определения их по костям скелета посвящена огромная литература (Алексеев В.П., 1966, с. 27–52) и нет необходимости останавливаться на ней подробно, оговоримся лишь, что в случае, когда сохранность не позволяла выяснить половозрастную принадлежность на основе морфологических характеристик, приходилось прибегать к остеометрическому способу ее определения с использованием новых рубрикаций признаков (Тихонов А.Г., 1997). Тем не менее из 58 индивидов, останки которых были в нашем распоряжении, у 4 взрослых не удалось установить пол и точный возраст, что составило 6,9% – величина в подобных случаях обычная даже при очень хорошей сохранности. Приводим половозрастные определения погребенных в могильнике Сиреневая бухта (табл. 1). Нумерация склепов соответствует таковой в публикации А.А. Масленникова (1997, с. 14–25). Останки очень плохой сохранности (погр. 62, 64–

Таблица 1

Индивидуальные определения пола и возраста у погребенных на некрополе Сиреневая бухта

Номер погребения (склеп), номер костяка	Пол	Возраст, лет
56 (скл. 18/6), к. 1	Ж	Adultus (25–35)
56 (скл. 18/6), к. 2	М	Maturus II (45–55)
56 (скл. 18/6), к. 3	Ж	Взрослый индивид
57 (скл. 19/7), к. 1	–	Infantilis I (новор. / 1 мес)
57 (скл. 19/7), к. 2	–	Infantilis I (4–5)
57 (скл. 19/7), к. 3	М	Juvenis (18–20)
57 (скл. 19/7), к. 4	М	Senilis (старше 55)
57 (скл. 19/7), к. 5	Ж	Adultus (25–35)
58	–	Infantilis II (7–8)
59, к. 1	М	Maturus I (35–45)
59, к. 2	–	Infantilis I (около 1 года)
60	Ж	Adultus (25–35)
61	Ж	Ad. – mat. I (30–40)
63 (скл. 20/8), к. 1	–	Infantilis I (3–4 года)
63 (скл. 20/8), к. 2	М?	Juvenis (16–18)
63 (скл. 20/8), к. 3	М	Senilis (старше 55)
63 (скл. 20/8), к. 4	М	Maturus II (45–55)
63 (скл. 20/8), к. 5	Ж	Senilis (старше 55)
63 (скл. 20/8), к. 6	Ж	Maturus II (45–55)
63 (скл. 20/8), к. 7	М	Maturus I (35–45)
63 (скл. 20/8), к. 8	М	Maturus I (35–45)
63 (скл. 20/8), к. 9	М	Maturus (35–55)?
63 (скл. 20/8), к. 10	М	Взрослый индивид
70 (скл. 22/10), к. 1	–	Infantilis I (до 1 года)
70 (скл. 22/10), к. 2	–	Infantilis II (7–8)
70 (скл. 22/10), к. 3	–	Infantilis I (2–3 года)
70 (скл. 22/10), к. 4	М	Senilis (старше 55)
70 (скл. 22/10), к. 5	М	Senilis (старше 55)
70 (скл. 22/10), к. 6	Ж	Ad. – mat. I (30–40)
70 (скл. 22/10), к. 7	М	Взрослый индивид
70 (скл. 22/10), к. 8	Ж	То же
70 (скл. 22/10), к. 9	Ж	"
70 (скл. 22/10), к. 10	?	"
70 (скл. 22/10), к. 11	?	"
70 (скл. 22/10), к. 12	?	"
70 (скл. 22/10), к. 13	?	"
77 (скл. 21/9), к. 1	М	Maturus I (35–45)
77 (скл. 21/9), к. 2	М	Maturus II (45–55)
77 (скл. 21/9), к. 3	М	Mat. II – sen. (50–60)
77 (скл. 21/9), к. 4	Ж	Maturus II (45–55)
77 (скл. 21/9), к. 5	–	Infantilis I (новор./1 мес.)
77 (скл. 21/9), к. 6	Ж	Juvenis (18–25)
80 (скл. 23./11), к. 1	Ж	ранний juvenis (13–14)
80 (скл. 23/11), к. 2	М	Adultus (25–35)
80 (скл. 23/11), к. 3	Ж	Maturus I (35–45)
80 (скл. 23/11), к. 4	М	Maturus II (45–55)
80 (скл. 23/11), к. 5	Ж	Maturus I (35–45)
80 (скл. 23/11), к. 6	Ж	Senilis (старше 55)
82, к. 1	Ж	Взрослый индивид
82, к. 2	Ж	Взрослый индивид
82, к. 3	Ж	Maturus II (45–55)
83	М	Adultus (25–35)

Таблица 1 (окончание)

Номер погребения (склеп), номер костяка	Пол	Возраст, лет
123	Ж	Juvenis (18–20)
148	Ж	Maturus I (35–45)
149, к. 1	М	Senilis (старше 55)
149, к. 2	М	Adultus (25–35)
150	М	Maturus II (45–55)
153	М	Senilis (старше 55)

69, 71–76, 78, 79, 81, 84–122, 124–147, 151, 152, 154–156) были утрачены в ходе раскопок и в исследовании не фигурируют. На основе половозрастных характеристик нами предпринята попытка охарактеризовать демографическую структуру палеосоциума поселения Сиреневая бухта.

Демографические особенности группы. Сумма различных факторов не позволяет нам иметь достаточно полную выборку половозрастных определений индивидов, погребенных в Сиреневой бухте, но всегда есть вероятность адекватного отражения демографической структуры популяции в отдельном ее сегменте, проблема лишь в том, насколько представителен этот сегмент. Общее число индивидов, поступивших для антропологического изучения, исчисляется заведомо небольшой величиной – 58 человек (взяты за 100%). Интересным представляется распределение взрослых индивидов, похороненных в склепах и простых погребениях. На 156 раскопанных погребений приходится 11 склепов и 145 грунтовых могил; антропологический материал собран из 6 склепов и 11 грунтовых могил. Несмотря на это, только 25,9% *от общего числа исследованных индивидов* погребены в грунтовых могилах, а в склепах – 74,1%. Эти показатели тесно связаны с тем, что в склепах погребалось, по нашим подсчетам, от 3 до 13 человек (в среднем – 7), а в простых могилах – от 1 до 3 (в среднем – 1). Кроме того, соотношение полов дает нам не менее важную деталь: в грунтовых могилах больше женщин (46,2% мужчин и 53,8% женщин), в склепах больше мужчин (56,2% мужчин и 43,8% женщин). Объяснение данной картины, вероятно, следует искать в этносоциальных либо в социально-экономических особенностях исследуемого социума, и без привлечения сравнительно-исторических материалов здесь трудно будет обойтись. Все данные основаны на анализе только *антропологического* материала.

В исследуемой группе дети составляют 15,5%, юношеская когорта – 8,6%, взрослые – 75,9%. Рассмотрим эти соотношения подробнее. В детской части выборки на возраст infantilis I (до 6–7 лет) приходится 12,1%, а на infantilis II (до 13–14 лет) – 3,4%. Данное соотношение – норма, так как уже адаптировавшиеся дети infantilis II имеют больше шансов дожить до следующего возрастного интервала и войти в следующую возрастную группу, чем представители первого детства, хуже приспособленные к окружающей среде (Кваша А.Я., 1985, с. 15, 27). На фоне нормального распределения возрастов внутри детской возрастной когорты настораживает достаточно низкий процент детей в целом. Индивидов юного возраста насчитывается в данном случае 8,6%, что характерно для обычного объема ювенильной составляющей в социуме. Процент взрослых форм (75,9%), как явно неестественная величина, совершенно точно указывает на какое-то нарушение в демографической структуре нашей выборки. Чтобы понять характер этого нарушения, обратимся к соотношению полов (наряду со взрослыми, учитывалась и группа возраста juvenis): мужчины составили 51,1%, женщины – 48,9%, что фактически выражается соотношением 1:1. Обычно популяция обладает относительно пониженным процентом мужчин, а не женщин, так как у первых интенсивность смертности всегда выше (Кваша А.Я., 1985, с. 23), в нашем случае картина обратная. Данные показатели находятся в пределах нормы, значит

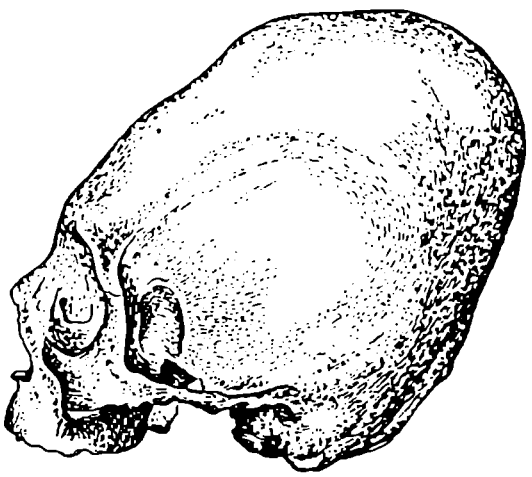
нарушение лежит вне взрослой части выборки. Соотношение женщин и детей выражается пропорцией как 2:1, т.е. один ребенок на две женщины. Это окончательно убеждает в том, что доля процента именно детской части популяции значительно искажена. Отметим, что это единственный заведомо неистинный показатель и связан он, очевидно, с плохой сохранностью костных останков в могильнике. С подобной ситуацией сталкиваются многие исследователи палеодемографии Северного Причерноморья (напр.: Малышев А.А., Медникова М.Б., 1995, с. 130, 131). Величина процента детей потребует в будущем существенных корректив, так как она дает аномальные величины детской и взрослой частей выборки (характерно, что юношеская группа не задета этой деформацией) и искажает соотношение женщин и детей. Несмотря на это, общие прдставления о демографических особенностях выборки могут быть получены, ведь часть показателей в исследуемой группе не имеет отклонений от нормы (Кваша А.Я., 1985; Пресса Р., 1966). Например, средняя продолжительность жизни, вычисленная с учетом детской смертности, равняется 35,3 лет, без нее – 42,6 лет. Первая величина характеризует очень хорошее, здоровое состояние популяции, но при условии искусственного уменьшения детской части выборки этот показатель заведомо *завышен*, он потребует уточнения в дальнейшем. Реальное его завышение можно оценить после привлечения сравнительных данных по античной эпохе (Малышев А.А., Медникова М.Б., 1995, с. 130, 131). Значение продолжительности жизни без учета детской смертности лежит в пределах нормы. По причине малой численности выборки пришлось отказаться от детального рассмотрения соотношения возрастных когорт. На данном этапе можно сказать только, что интенсивность мужской смертности, которая в целом ниже женской, приходится на поздние возрастные периоды (интервалы 45–55, 55 лет и старше). Интенсивность женской смертности, наоборот, приходится на более ранний возраст (35–45 лет). Наибольшей стабильностью популяция отличается в период 25–35 лет. Остается надеяться, что дальнейшее исследование могильника даст дополнительный материал, сделает объем половозрастных определений более представительным и позволит подробно описать микродемографические процессы.

Все изложенное выше говорит, несомненно, о приемлемости исследования антропологических материалов плохой сохранности для демографической характеристики палеопопуляции. И это несмотря на то, что из 156 раскопанных на могильнике Сиреневая бухта погребений костный материал собран только из 17, т.е. антропологически изучено всего около 11% раскопанной части некрополя.

Проблемы краниологии. Целых черепов, пригодных для краниологического исследования, в нашем распоряжении почти не было (измерен лишь один целый экземпляр и несколько разрушенных). На таком сильно фрагментированном материале можно было в какой-то степени изучить лишь вопрос искусственной деформации головы у жителей Сиреневой бухты.

Из 18 в основном разрушенных черепов и их фрагментов изучено 15, на которых наличие или отсутствие деформации фиксировались достоверно. Из них, на двух черепах следов деформации не было (детский и женский), еще два черепа могли быть отнесены к деформированным со знаком вопроса (мужской и женский). Однозначное наличие искусственной деформации зафиксировано на 11 черепах (1 – детский, 2 – женских, 8 – мужских). Повышение количества мужских деформированных черепов связано исключительно с лучшей их представленностью, как и малочисленность детских и женских – с худшей их сохранностью. Таким образом, гипотетическая зависимость наличия/отсутствия искусственной деформации головы от пола индивида, отвергнутая ранее М.М. Герасимовой, не подтверждается и нашим материалом (Герасимова М.М., 1975, с. 72–75, 102–104). Уже первые исследования искусственной деформации головы установили, что одна из наиболее вероятных целей этой практики – отличить себя от окружающих народов (Левин М.Г., 1947; Гинзбург В.В., Жиров Е.В., 1949). Представители этносов, практикующие искусственную деформацию, четко осознают, каким будет результат воздействия тугой детской повязки на голову.

Данный обычай оказался очень консервативным и живучим (Левин М.Г., 1947, с. 185, 187). Современные исследователи отмечают: представление о том, что обычай деформации принесен гуннами, следует признать устаревшим (в исконном ареале расселения гуннов деформаци нет!), население Средней Азии деформировало голову еще в V–III вв. до н.э. (сакские племена) (Тур С.С., 1996, с. 242). Этот обычай возник как соционормативное явление, так как деформированная голова была неким социальным знаком. Функция этого знака – этноидентификация (или этноразграничение), т.е. он выступает как компонент этнического самосознания. На ранних этапах этот



Кольцевая деформация – свода – типичная форма черепа у погребенных на могильнике Сиреневая бухта

обычай, видимо, был связан с престижным социальным рангом внутри этноса (Бужилова А.П., 1995, с. 147; Тур С.С., 1996, с. 246, 247). Выделяются несколько типов искусственной деформации: циркулярная (кольцевая), лобно-затылочная и теменная (темя-нижнечелюстная). Кольцевая деформация распространена более всего (Рогинский Я.Я., Левин М.Г., 1978, с. 97) и связана с равномерным кольцевым давлением повязок на растущий череп (Жиров Е.В., 1940; Бужилова А.П., 1995, с. 147). Из 11 деформированных черепов нашей выборки 9 представлены кольцевым типом (рисунок). Факт деформирования головы у большинства жителей поселения Сиреневая бухта в позднеантичный период может дать важные данные по их этнической принадлежности. Трудно себе представить, что даже отдаленные потомки греческих колонистов в Северном Причерноморье переняли бы у окружавших их варварских племен такой яркий этноопределяющий признак как деформация головы. Заимствование могло произойти только в случае сильного их смешения с народами, для которых этот признак – норма (сарматы, аланы), так как этническое самосознание боспорян – потомков греков – должно было сопротивляться этому заимствованию. Видимо, в подобных случаях мы имеем дело либо с растворившимися в варварской среде греками (с уже негреческим этническим самосознанием), либо просто с эллинизированными варварами. Впрочем, как нам кажется, разница между теми и другими отсутствует, и самостоятельно они существуют только в умах исследователей. Продолжение краниологического изучения материалов данного и других некрополей Восточного Крыма, надеемся, прольет свет на этническую принадлежность местного населения. Связь искусственной деформации черепа с типом погребального сооружения на данном этапе может быть установлена предположительно. Один из 11 деформированных черепов отнесен к погребению 57 не вполне надежно, поэтому рассмотрим только 10 находок. К склепам относятся 7 случаев деформации (погр. 57 – 2, погр. 70 – 1, погр. 77 – 4). Оствшиеся 3 происходят из грунтовых могил (погр. 83 – 1,

погр. 149 – 2). Такое распределение само по себе не показательно, так как антропологический материал из склепов вообще лучше представлен, можно лишь говорить о захоронении людей с искусственной деформацией головы и в склепах, и в грунтовых могилах. Два случая абсолютно точного отсутствия деформации головы относятся к грунтовым могилам (ребенок из погр. 58 и женщина из погр. 82), что, возможно, связано с их низким социальным рангом.

Остеологический материал и вопросы реконструкции физического облика. Измерительный материал по посткраниальному скелету также достаточно фрагментарен, но общее представление о распределении метрических признаков длинных костей в исследуемой популяции все-таки можно составить (табл. 2). Наблюдения по продольным размерам единичны и даны здесь как требующие уточнения. При описании морфологических особенностей длинных костей и особенностей телосложения нами были использованы общепринятые рубрикации указателей (Алексеев В.П., 1966), рубрикации абсолютных размеров, предложенные В.В. Бунаком (Мамонова Н.Н., 1986, с. 24), а также рубрикации абсолютных величин признаков, которые не указаны у В.В. Бунака (Тихонов А.Г., 1997, с. 7, 8). Длина тела вычислялась в основном по формулам К. Пирсона – А. Ли, с привлечением формул В.В. Бунака и М. Троттер – Г. Глезер, результаты проверялись по другим формулам (Алексеев В.П., 1966). Указатель скелии Мануврие вычислен по формуле Г.Ф. Дебеца (Алексеев В.П., 1966, с. 243).

Мужчины. Плечевые кости среднедлинные, отличаются значительным наибольшим диаметром, очень большим наименьшим диаметром и малой наименьшей окружностью. Если обратим внимание на поперечные размеры, то выясним, что левое плечо развито слабее. Лучевые кости, видимо, также среднедлинные и характеризуются большой наименьшей окружностью. Локтевые кости среднедлинные, со значительной наименьшей окружностью. Ключицы средней длины. Бедренные кости короткие, с большими сагиттальным и поперечным диаметрами, средней окружностью диафиза. Продольные размеры большой берцовой кости были, вероятно, большими, наименьшая окружность диафиза средняя. Обычно южные формы, в силу адаптации к специфической среде обитания, представляют более грацильный тип (Алексеева Т.И., 1986). Поэтому предположим, что исследуемое население – пришлое относительно Восточного Крыма, но живущее на этих территориях достаточно давно, так как малую наименьшую окружность плечевой кости и удлинение голени можно интерпретировать как начавшийся процесс грацилизации.

Женщины. Плечевая кость по наибольшей длине дает значительную величину, а по физиологической длине – среднюю, видимо, до количественного увеличения наблюдений этому не стоит придавать значения; наименьшая окружность очень мала (как и у мужчин!). Лучевую кость охарактеризовать сложно. Локтевая кость среднедлинная, с увеличенным верхним поперечным диаметром. Бедренная кость, очевидно, среднедлинная, имеет среднюю окружность диафиза. Длину большой берцовой кости оценить пока трудно, наименьшая окружность диафиза большая, верхний сагиттальный диаметр уменьшен. Тенденции в сложении тела женщин во многом схожи с таковыми у мужчин – среднедлинные сегменты с крупными поперечными размерами. У женщин следов последовательной асимметрии по каким-либо измерительным признакам не выявлено. Можно отметить те же элементы грацилизации, что и у мужчин, с добавлением факта уплощения бедренной кости в верхней трети. Для оценки полового диморфизма достаточно даже визуального осмотра, чтобы увидеть отчетливые половые различия в нашей выборке по большинству остеометрических признаков (см. табл. 2). Попытка охарактеризовать длину тела при незначительном количестве случаев его восстановимости рискованна, тем не менее можно сказать, что интервал этой величины у мужчин: 160,4–176,7 (5 наблюдений), со средним значением 167,1 – рост выше среднего по классической рубрикации (Рогинский Я.Я., Левин М.Г., 1978, с. 60); у женщин: 152,4–159,2 (5 наблюдений), со средним значением 155,5 – средний рост. Эти показатели нужно рассматривать как ориентировочные. В одном случае уста-

Таблица 2

Остеометрические признаки длинных костей скелета в популяции из Сиреневой бухты

Номер признака по Мартину	Мужчины (*n*)		Женщины (*n*)	
	правая	левая	правая	левая
		Плечевая кость		
1	323,5(2)	–	297,0(1)	301,3(3)
2	316,0(1)	–	294,0(2)	297,8(3)
3	53,0(2)	–	43,3(3)	47,7(3)
4	60,0(2)	–	56,7(3)	56,7(3)
5	24,6(9)	22,2(4)	22,2(5)	22,3(5)
6	20,9(9)	19,2(4)	17,1(5)	17,1(5)
7	64,2(8)	62.7(5)	57,0(8)	57,0(6)
7a	72,9(9)	66,0(4)	64,4(5)	64,7(5)
6 : 5	85,73(9)	85,72(5)	76,79(5)	76,74(5)
7 : 1	21,18(1)	–	18,86(1)	19,70(3)
		Лучевая кость		
1	248,0(1)	239,2(2)	–	–
2	236,0(1)	226,3(3)	–	–
4	16,4(5)	17,9(9)	16,0(5)	16,2(3)
5	12,0(5)	12,0(9)	10,6(5)	10,2(3)
3	44,4(7)	44,2((9)	40,3(3)	35,7(3)
5 : 4	73,33(6)	67,20(9)	66,64(5)	63,70(3)
3 : 2	19,49(1)	19,48(3)	–	–
		Локтевая часть		
1	270,0(1)	263,3(3)	238,0(2)	242,0(1)
2	242,0(1)	235,0(3)	214,0(3)	214,0(1)
11	13,4(5)	13,7(5)	12,7(5)	12,8(3)
12	17,0(5)	18,0(5)	16,1(5)	15,3(3)
13	19,4(7)	20,8(5)	19,5(3)	20,0(2)
14	22,1(7)	23,8(5)	18,0(3)	20,5(2)
3	40,0(4)	39,2(5)	36,8(5)	33,0(2)
3 : 2	17,46(2)	17,44(3)	18,09(3)	16,82(1)
11 : 12	77,32(5)	75,68(5)	80,99(5)	86,93(3)
13 : 14	88,14(7)	91,54(5)	110,69(3)	98,98(2)
		Ключица		
1	149,0(1)	140,5(1)	124,0(2)	–
6	44,0(2)	41,4(4)	35,5(3)	34,0(2)
6 : 7	29,53(1)	32,03(1)	30,84(1)	–
		Бедренная кость		
1	430,8(2)	431,0(2)	–	404,0(1)
2	436,0(1)	426,5(2)	–	402,0(1)
21	80,2(4)	75,0(2)	77,0(1)	73,0(3)
6	29,5(10)	28,2(5)	26,4(5)	26,7(5)
7	29,3(10)	27,6(5)	26,1(5)	27,4(5)
9	31,2(6)	31,2(7)	28,6(5)	29,7(5)
10	25,8(6)	26,1(7)	22,4(5)	24,4(5)
8	90,6(10)	86,8(5)	80,2(5)	82,0(5)
8 : 2	21,33(1)	21,10(2)	–	20,40(1)
6 : 7	102,71(10)	103,46(5)	101,19(5)	103,15(5)
10 : 9	83,06(6)	83,81(7)	78,68(5)	82,39(5)

Таблица 2 (окончание)

Номер признака по Мартину	Мужчины (*n*)		Женщины (*n*)	
	правая	левая	правая	левая
		Большая берцовая кость		
1	369,0(1)	–	334,0(1)	331,0(3)
2	–	–	–	313,3(3)
1a	–	–	333,0(1)	333,3(3)
5	68,0(1)	74,5(2)	65,5(2)	66,8(3)
6	53,2(3)	51,0(3)	51,0(2)	49,5(4)
8	29,9(7)	30,6(7)	26,6(7)	26,3(7)
8a	34,6(4)	33,0(4)	30,9(6)	31,6(7)
9	23,1(7)	23,0(7)	19,6(7)	19,0(7)
9a	24,0(4)	24,4(4)	21,8(6)	22,5(7)
10	84,1(7)	85,6(6)	72,9(7)	73,7(7)
10b	78,0(7)	78,0(6)	69,4(5)	73,2(5)
9a : 8a	69,20(4)	73,57(4)	70,74(6)	71,03(7)
10b : 1	22,76(1)	–	–	21,87(3)
		Малая берцовая кость		
1	350,0(1)	355,0(1)	–	–

новлено значение скелии Мануврие – 89,84 (мезоскелия), поэтому можно предположить, что в популяции был представлен в основном средний тип пропорций.

Выяснив по данным остеометрии, что степень развития макрорельефа длинных костей скелета достаточно велика, обратимся к описательной оценке степени его развития в целом. Данная работа выполнена только для мужской части группы, так как материал по женской на данном этапе не представителен. Методика, разработанная В.Н. Федосовой, позволяет сделать полученный результат сравнимым с другими популяциями (Федосова В.Н., 1986). Эта методика описывает степень развития рельефа длинных костей, который тесно связан с развитием мышечной компоненты. Появляется возможность на основании этого дать описание физических нагрузок и характера трудовой деятельности (табл. 3). В ходе работы были вычислены следующие показатели: 1) средние баллы по отдельным признакам; 2) средний балл развития рельефа каждой кости – это среднее арифметическое всей суммы баллов по одной кости; 3) суммарный средний балл – это среднее арифметическое средних баллов правой и левой костей. В литературе средний балл по одной кости именуется *показателем развития рельефа* (ПРР) и находится по специальной формуле (Медникова М.Б., 1995, с. 33). С нашей точки зрения, использовать формулу, хоть и несложную, нет никакой необходимости. Проделав работу по вычислению среднего балла и ПРР на разных костях, мы убедились, что полученные цифры не имеют заметных различий. Рубрикаций величин баллов развития рельефа пока не существует, поэтому обратимся к имеющемуся немногочисленному сравнительному материалу. Сопоставить жителей Сиреневой бухты можно с русским сельским населением, группой эскимосов (Федосова В.Н., 1986) и населением Южной Сибири бронзового и раннего железного веков (Медникова М.Б., 1995, с. 208–210). Они привлекаются в качестве масштабных серий. Эскимосы и южносибирское население в силу адаптации к своей экологической нише является достаточно массивными формами, фиксируется превышение нормального значения (2 балла) средних величин практически по всем признакам. Отличие их от русских в сторону увеличения показателей развития рельефа хорошо заметно. В сравнении с этими группами жители Сиреневой бухты дают заниженные величины баллов по отдельным признакам, а также средних баллов по одной кости. Обратимся к русским. Это сельское население, занимающееся физическим

Таблица 3

Балловая характеристика развития рельефа длинных костей у мужчин из некрополя Сиреневая бухта

Номер признака по Федосовой	Баллы		
	правая (*n*)	левая (*n*)	правая и левая суммарно (*n*)
	Плечевая кость (Hum.)		
I	1,40(5)	1,60(5)	1,50(10)
II	1,57(7)	1,29(7)	1,43(14)
III	1,50(2)	1,00(3)	1,20(5)
IV	1,11(9)	1,11(9)	1,11(18)
Средний балл/ПРР	1,35(23)	1,25(24)	1,30(47)
	Лучевая кость (Rad.)		
I	1,00(5)	1,60(5)	1,30(10)
II	1,33(6)	1,57(5)	1,46(13)
III	2,00(2)	1,00(4)	1,33(6)
IV	1,33(3)	1,00(3)	1,17(6)
Средний балл/ПРР	1,31(16)	1,37(19)	1,34(35)
	Локтевая кость (Vln.)		
I	1,56(9)	1,62(8)	1,59(17)
II	1,29(7)	1,17(6)	1,23(13)
III	1,14(7)	1,17(6)	1,15(13)
Средний балл/ПРР	1,35(23)	1,35(20)	1,35(43)
	Бедренная кость (Fem.)		
I	1,00(4)	1,00(2)	1,00(6)
II	1,75(4)	1,50(4)	1,62(8)
III	1,75(4)	1,67(3)	1,71(7)
IV	2,22(9)	2,17(6)	2,20(15)
V	1,33(6)	1,00(4)	1,20(10)
Средний балл/ПРР	1,70(27)	1,58(19)	1,64(46)
	Большая берцовая кость (Tib)		
I	1,00(2)	1,00(4)	1,00(6)
II	1,80(5)	1,40(5)	1,60(10)
III	1,67(3)	1,50(4)	1,57(7)
IV	1,33(3)	1,00(2)	1,20(5)
Средний балл/ПРР	1,54(13)	1,27(15)	1,40(28)

Примечание. Под номерами зашифрованы следующие признаки: Hum. I – crista tuberculi minoris, c.t. majoris; Hum. II – tuberositas deltoidea; Hum. III – tuberculum majus, t. minus; Hum. IV – margo lateralis, medialis et anterior, epicondili lateralis et medialis; Rad. I – tuberositas radii; Rad. II – margo interossea; Rad. III – бороздки для сухожилий разгибателей; Rad. IV – processus styloideus; Uln. I – margo interossea, m. posterior; Uln. II – crista musculi supinatoris; Uln. III – tuberositas ulnae; Fem. I – trochanter major; Fem. II – trochanter minor: Fem. III – tuberositas glutea; Fem. IV – linea aspera; Fem. V – epicondili; Tib. I – tuberositas tibiae; Tib. II – margo anterior; Tib. III – linea musculi solei; Tib. IV – борозды для сухожилий разгибателей.

трудом, но их физические нагрузки неэкстремальны. Сравнение мужчин поселения Сиреневая бухта с русскими показывает, что величины баллов у первых вновь тотально занижены. Предположив, что здесь роль сыграла численность, сравним только средние баллы, где она вполне представительна, и получим еще более отчетливую картину. Итак, у мужчин, обитавших близ Сиреневой бухты, развитие рельефа, зависящее от типа трудовой активности, слабое. Для большей иллюстративности нами

введен новый, довольно простой, показатель – *общий средний балл* по всем костям (ОСБ) – среднее арифметическое средних баллов по каждой кости (как правой, так и левой). Вычисленный по материалам В.Н. Федосовой, этот показатель для русских мужчин равен 2,18, для женщин – 1,84. Обратим внимание, как отчетливо виден здесь половой диморфизм в развитии рельефа. Для мужчин из рассматриваемого некрополя ОСБ равен *1,41*, т.е. он существенно меньше, чем таковой у русских женщин. Вывод, который можно сделать на этом основании, напрашивается сам собой: большинство мужчин, погребенных в исследованной части могильника Сиреневая бухта, по-видимому, не занималось трудом, требующим *больших физических нагрузок*. Тип этих нагрузок реконструируется на основании более детального разбора признаков (см. табл. 3). В целом мускулатура пояса верхних конечностей развита слабо, слабее всего развито плечо; бедро выступает как более всего развитый сегмент, голень обладает пониженной степенью развития мышечной массы. Отсюда следует, что физическая активность мужчин связана была с повышенной нагрузкой на бедро. Для выявления наиболее развитых элементов рельефа длинных костей необходимо найти показатели, превышающие среднюю величину (2 балла). В данном случае такой признак есть: на бедренной кости – Fem. IV (linea aspera). О чем может свидетельствовать усиленное развитие этого признака? Linea aspera – место прикрепления целого комплекса приводящих мышц бедра: m. quadriceps femoris (vastus medialis, v. lateralis), m. adductor magnus, m.a. brevis, m. pectineus. Основные функции всех этих мышц заключаются в приведении бедра, его сгибании, вращательном движении наружу (Воробьев В.П., 1938, с. 197–200). Так как одного признака для характеристики комплекса физических нагрузок недостаточно, попытаемся его дополнить. В связи с тотальным понижением развития костного рельефа в данной серии, поиск дополнительных признаков необходимо вести в рамках того масштаба, который дает конкретный набор величин нашей выборки; за точку отсчета был взят суммарный средний балл конкретной кости (правая + левая). Данный ориентир позволяет найти признаки, показатели которых превышают его, и привести дифференцированную характеристику развития мускулатуры у мужчин Сиреневой бухты (далее функции мышц приводятся по В.П. Воробьеву, 1938). Выделились следующие признаки: Hum. I (названия признаков расшифрованы в примечании к табл. 3) – места прикрепления мышц, которые тянут руку назад, приближая ее к средней плоскости, вращают ее внутрь, приближают плечо к лопатке и поднимают плечо; Hum. II – место прикрепления мышц, сгибающих предплечье, отводящих плечо в сторону, а также вновь приближающих плечо к предплечью, поднимающих плечо и тянущих его назад; Rad. II – место прикрепления мускулов, вращающих лучевую кость и перекрещивающих кости предплечья; Uln. I – места прикрепления мышц, приводящих и разгибающих кисть, сокращающих большой палец, вторые и третьи фаланги II–V пальцев; Fem. II – место прикрепления m. iliopsoas, которая сгибает бедро, вращая его наружу: Fem. III – место прикрепления m. gluteus maximus, которая является мощным разгибателем бедра, она отводит бедро, вращает его наружу, удерживает таз в вертикальном положении; Tib. II – место прикрепления большинства мышц голени, поэтому усиление этого признака не показательно; Tib. III – место прикрепления m. soleus, которая является мощным сгибателем стопы и голени. Столь подробная характеристика в итоге оправдывается тем, что удается полностью описать комплекс тех физических нагрузок, которые испытывали мужчины с поселения Сиреневая бухта. При внимательном прочтении механики функционирования наиболее развитых мышц отчетливо виден тип физической активности, который интерпретируется здесь как "*всаднический комплекс*". Иная его интерпретация представляется нам менее вероятной.

Подводя итоги предварительного исследования антропологических материалов из могильника Сиреневая бухта, можно констатировать, что, несмотря на плохую сохранность, возможно дать их демографическую характеристику, описать физический тип, предполагаемый тип физических нагрузок и наметить вектор этногенетических связей для данной палеопопуляции. Из всего этого следует, что степень деструкции

костных останков должна быть очень велика, чтобы можно было говорить о полной их неинформативности. При очень плохой сохранности оценка степени пригодности антропологического материала должна проводиться обязательно специалистом-антропологом. Даже если костные останки не подлежат исследованию, их все-таки необходимо собирать и сохранять, ведь они могут быть использованы в будущем для радиоуглеродного датирования, генетического анализа или исследованы в рамках каких-нибудь новых методик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев В.П., 1966. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.

Алексеев В.П., 1979. Историческая антропология. М.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф., 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.

Алексеева Т.И., 1986. Адаптивные процессы в популяциях человека. М.

Бужилова А.П., 1995. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования). М.

Воробьев В.П., 1938. Атлас анатомии человека. Т. 2. М.

Герасимова М.М., 1975. Население Северного Причерноморья (Боспорское царство) в античную эпоху по антропологическим данным. Дис. ... канд. ист. наук. М.

Гинзбург В.В., Жиров Е.В., 1949. Антропологические материалы из Кенкольского катакомбного могильника в долине р. Талас Киргизской ССР // Сб. МАЭ. Т. X.

Жиров Е.В., 1940. Об искусственной деформации черепа // КСИИМК. Вып. VIII.

Кваша А.Я., 1985. Что такое демография? М.

Левин М.Г., 1947. Деформация головы у туркмен // СЭ. Вып. VI–VII.

Левин М.Г., 1961. Этнографические и антропологические материалы как исторический источник // СЭ. № 1.

Малышев А.А., Медникова М.Б., 1995. Население Цемесской долины в римское время по данным археологии и палеодемографии // РА. № 4.

Мамонова Н.Н., 1986. Опыт применения таблиц В.В. Бунака при разработке остеометрических материалов // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. М.

Мамонова Н.Н., Романова Г.П., Харитонов В.М., 1989. Первичная обработка и определение антропологического материала в полевых условиях // Методика полевых археологических исследований. Л.

Масленников А.А., 1997. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М.

Медникова М.Б., 1995. Древние скотоводы Южной Сибири: палеоэкологическая реконструкция по данным антропологии. М.

Пресса Р., 1966. Народонаселение и его изучение (Демографический анализ). М.

Рогинский Я.Я., Левин М.Г., 1978. Антропология. М.

Тихонов А.Г., 1997. Физический тип средневекового населения Евразии по данным остеологии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Тур С.С., 1996. К вопросу происхождения и функциях обычая кольцевой деформации головы // Археология, антропология и этнография Сибири. Сб., посвященный памяти А.Р. Кима. Барнаул.

Федосова В.Н., 1986. Общая оценка развития компонента мезоморфии по остеологическим данным (остеологическая методика) // ВА. Вып. 76.

НИИ и Музей антропологии им. Д.Н. Анучина
МГУ, Москва

D.V. PEZHEMSKY

THE PROBLEM OF INFORMATIVENESS OF SKELETAL REMAINS IN POOR STATE OF PRESERVATION

(Sirenevaya bukhta necropolis)

Summary

The article deals with the informativeness of palaeoanthropological remains in poor state of preservation. A question is raised concerning thoroughness of collecting bone remains during archaeological excavations. The possibilities of anthropological studies applied to the bones of extremely poor state of preservation are demonstrated on the example of Sirenevaya bukhta cemetery in eastern Crimea dated to the 3rd – 6th centuries AD. The demographic characteristic of the population is presented; age average is established as 35.3 years. The most stable age group range was 25–35 years. Artificial deformation of skulls are considered, they are the evidences of significant barbarian component in the population of Sirenevaya bukhta (the Sarmatians or the Alans). Their physical type may be characterised by medium development of extremities length and significant transverse dimensions of their segments, as well as specifically shortened well-developed thighs. Average height: 167.1 cm more than average for men, and 155.5 average for women. Special method of evaluation of bone relief development enables the author to describe it as insufficient one and to characterise typical physical efforts for men as rider's motions. Some data of physical anthropology for the first time confirm the idea that late classical charnel-houses located on the Azov sea southern coast represented family tombs.

А.Н. ЕГОРЬКОВ

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПЛИТОЧНОЙ ПОЛИВЫ

Свинцово-кремнеземный характер поливы древнерусской архитектурной керамики, равно как и гончарных изделий, не вызывает сомнения у исследователей (Щапова Ю.Л., 1967, с. 70; 1972, с. 188). Вместе с тем, слабая затронутость анализом поливы строительных изделий, представленных главным образом керамическими плитками, широко использовавшимися для оформления интерьеров, преимущественно полов, в древнерусских храмах, привела к тому, что даже в современных исследованиях, посвященных технологии древнерусского каменного строительства (Раппопорт П.А., 1994), отсутствуют указания о характере и технологии приготовления поливы половых плиток. Цель настоящей работы – получить более детальную информацию о составе поливы древнерусских строительных плиток домонгольского периода, выполнив количественный эмиссионно-спектральный анализ широкого круга доступных образцов.

Анализ выполнен на спектрографе ИСП-22 по методу трех эталонов, в качестве которых служили стекла различного состава, подобранные в лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры РАН аналитиком В.А. Галибиным. Сжигание навески (10 мг) осуществляли в кратере угольного электрода при переменном напряжении 220 В и силе тока 18–19 А. Сжигание проводилось до полного сгорания образца, при этом время экспозиции не было постоянным и варьировалось от 1,5 до 3 мин.

Специфической проблемой изучения состава поливы являются сложности в ее отделении от черепка и достижении таким образом чистоты результатов. Тем не менее, наличие каплевидных затеков по бокам плиток дает во многих случаях возможность полного отделения поливы при отборе пробы. Результат отбора указан в табл. 1, причем полному отделению поливы соответствует видимое отсутствие частиц черепка в пробе, неполному – незначительное присутствие, плохому – достаточно большое присутствие, которое все же можно оценить как значительно меньшее по отношению к основному веществу и допускающее интерпретацию результатов анализа.

Другая специфическая проблема изучения высокосвинцовых стекол и глазурей эмиссионно-спектральным методом связана с высокой летучестью свинца (Русанов А.К., Ильясова И.В., 1960), в результате чего даже малая задержка с производимым вручную выставлением на входную диафрагму спектрографа проекции щели между электродами (операция, вносящая наибольший вклад в погрешность измерения) может привести к ослаблению интенсивности линий свинца в спектре и занижению результата анализа по свинцу. В свою очередь быстрое испарение легколетучего свинца способно повлечь снижение температуры дуги и, следовательно, уменьшение скорости ионизации труднолетучих компонентов (как например, кальций и алюминий), – именно по этой причине пришлось отказаться от постоянства экспозиции, хотя в большинстве случаев полное сгорание пробы осуществлялось за примерно постоянное время около 2 мин.

Наконец, еще одна сложность изучения состава поливных плиток связана с часто наблюдаемой неоднородностью поливы, что уже отмечено в литературе (Кар-

© А.Н. Егорьков, 2000 г.

гер М.К., 1947, с. 40), вследствие чего результат определения состава отобранной пробы в таких случаях нельзя распространять на поливу всей плитки. Наиболее часто такая неоднородность наблюдается при введении оксида олова и выражается в присутствии желтых пятен или разводов по зеленому фону, или же в переходе коричневой поливы из непрозрачной в прозрачную.

Перечисленные особенности не дают основания надеяться на получение абсолютно достоверных результатов по содержанию свинца, тем не менее, не отменяют саму возможность сравнительной оценки. Содержания оксидов элементов, определяемых с высокой спектральной чувствительностью, приняты за значимые, начиная с 0,01%. Содержание диоксида кремния в большинстве стекол и части рассматриваемых здесь полив, выступающего в качестве основы, не определялось. Калий не встречен ни в одном случае, что является следствием низкой по отношению к нему спектральной чувствительности использованного метода анализа.

Все исследованные образцы получены из Государственного Эрмитажа. Образцы с буквенным шифром Э/РА и без шифра находятся в коллекции Отдела русской культуры, причем последние (**№ 7, 8, 29, 33, 38–42, 53**) взяты из действующей (1995 г.) экспозиции. Образцы с шифром полевой описи поступили из Сектора архитектурной археологии. У трех образцов этой группы (**22–24**) читается только числитель шифра (1-55), а две пары образцов (**16** с **19** и **20** с **21**) имеют, видимо ошибочно, совпадающий шифр.

Датировка памятников в табл. 1 взята из работы П.А. Раппопорта (Раппопорт П.А., 1982), однако соответствие плиток первоначальной постройке ни в одном случае не подтверждено, в то время как многослойность полов вследствие перестилки – явление типичное, причем настил нового покрытия в той же технике майоликовых плиток часто осуществлялся еще в древности (Каргер М.К., 1947, с. 16). По этой причине сопоставление результатов по разным памятникам и эпохам затруднено, и лишь в какой-то мере временна́я привязка может быть восполнена анализом широкого набора образцов, позволяющим выявлять закономерности статистически. По этой же причине пришлось отказаться от подробного описания плиток, тем более, что большинство из них представлено фрагментами. Вместе с тем, среди изученных образцов можно выделить и сугубо типичные, такие как не находящие аналогий в древнерусской архитектуре орнаментированные горельефом плитки из Галича (Раппопорт П.А., 1994, рис. 42) (**25–28**), характер декора которых явился следствием своеобразия генезиса древнего галицкого зодчества (Иоаннисян О.М., 1988). Для сравнения выполнен и анализ трех образцов (**13–15**) смальты киевского Софийского собора, определенно принадлежащих первичному полу храма (Каргер М.К., 1947, с. 25).

Цветовая гамма поливы исследованных плиток ограничена и типична (Каргер М.К., 1947, с. 43, 44; Чукова Т.А., 1967, с. 14; Щапова Ю.Л., 1963, с. 36), если не считать указание на появление в некоторых памятниках плиток с синей поливой (Каргер М.К., 1947, с. 25, 43; Чукова Т.А., 1987, с. 14). Узкий набор цветов явился следствием особенностей технологии с ограниченным набором доступных технологических добавок, требуемых в значительных количествах из-за достаточно высоких объемов производства. Как указывает Ю.Л. Щапова (1967, с. 70), красителями свинцово-кремнеземной византийской поливы являлись CuO – зеленый, Fe_2O_3 – желтый, желто-коричневый, зеленый, $Fe_2O_3 + MnO_2$ – темно-коричневый. В поливах русского производства CuO – зеленый, получение желтого цвета зависело от содержания свинца, глушителем выступало олово. В отдельный класс она также выделяет русскую поливу с высоким содержанием алюминия и отмечает в некоторых образцах повышенное содержание марганца, предполагая его попадание в пробу от неполноты отделения ангоба.

Приведенные в табл. 2 результаты в значительной мере подтверждают эти наблюдения, хотя и вносят в них коррективы за счет выявления дополнительных отличий. Прежде всего следует отметить, что содержание свинца в поливах колеблется в очень

Образцы поливы для анализа

№	Памятник	Плитка (основа)	Цвет поливы	Отделение от черепка	Шифр в коллекции
1	Киев, Десятинная ц., X в.	Тонкая, фрагм.	Жел./Гл.	Неполное	КД-48/102
2		Плинфа	Ярко-зел.	"	Э/РА5-300
3		То же	Чер.	Полное	Э/РА5-298
4		"	"	"	Э/РА5-296
5		"	Кор.	"	Э/РА5-295
6		"	Чер.-кор.	"	Э/РА5-297
7		Прямоуг. толстая с толст. поливой	Жел./Гл.	"	
8		То же	Зел.	"	
9	Там же, Софийский с., XI в.	Прямоуг. тонкая с нитью, фон	Чер.	Неполное	КС-52/12/16
10		Она же, нить	Бел./Гл.	Полное	Тот же
11		Тонкая квадр.	Чер.-кор.	"	Э/РА-1-3
12		Тонкая шестиуг.	Жел.	Неполное	Э/РА-1-1а
13		Смальта, толщ. 10 мм	Кор.	–	Э/РА-1-6
14		То же, 12 мм	Жел./Гл.	–	Э/РА-1-8
15		То же, 7 мм	Кор./Гл.	"	Э/РА-1-7
16	Вышгород (Киев), Борисоглебская ц., XI–XII в.	Тонкая, фрагм.	Кор./Гл.	Неполное	В-52/8/26
17		То же	Чер./Гл.	"	В-52-9-6
18		"	Жел./Гл.	Полное	В-52/7/22
19		"	Зел.	Полное	В-52/8/26
20		"	Кор.	"	В-52/10/34
21		"	Жел.	"	В-52/10/34
22	Галич, Успенский с., XII в.	Треуг. малая тонкая	Жел./Гл.	"	Г-55/?
23		То же	Кор.	"	Г-55/?
24		"	Кор./Гл.	"	Г-55/?
25		Квадр. рельефная	Жел./Гл.	"	Г-55/1/128
26		То же	"	"	Г-55/390/3
27		"	Св.-зел./Гл.	Плохое	Г-55/389/3
28		"	Тем.-зел.	Полное	Г-55/1/136
29	Там же, ц. Спаса, XII в.	Клиновидная	Жел./Гл.	"	
30	Полоцк, Храм-усыпальница	Малая, тонкая	Чер./Гл.	"	ПЕ-61/123
31		То же	Зел./Гл.	"	ПЕ-61/119
32	Евфрос. монастыря, XII в.	"	Жел./Гл.	"	ПЕ-61/73
33		"	"	"	
34	Ростов, Успенский с., XII–XIII в.	Толстая, фрагм.	Жел./Гл.	Неполное	РУ-122/ААЭ-95
35		То же	Чер./Гл.	"	РУ-10/ААЭ-95
36	Там же, Борисоглебская ц., XIII в.	"	Жел./Гл.	Полное	РБГ-4431/ААЭ-94
37		"	Зел./Гл.	Плохое	РБГ-4158/ААЭ-94
38	Гродно, Борисоглеб. ц., XII в.	Квадр., орнамент	Жел./Гл.	Полное	
39		То же	Зел.	"	
40	Звенигород Галицкий, Пятницкая ц., XIII в.	Треуг. малая	Кор.	"	
41		То же	Св.-зел. Гл.	"	
42		То же	Тем.-зел./Гл.	Неполное	

Таблица 1 (окончание)

№	Памятник	Плитка (основа)	Цвет поливы	Отделение от черепка	Шифр в коллекции
43	Новогрудок,	Малая, тонкая	Жел./Гл.	Полное	НВ-65/16
44	Окольный город,	То же	Кор.	Плохое	НВ-65/60
45	XII (?) в.	"	Зел./Гл.	Плохое	НВ-65/68
46	Переяслав Хмельн.,	Тонкая, фрагм.	Зел./Гл.	"	ПВ-53/4/5
47	Воскресенская ц.,	То же	Жел./Гл.	"	ПВ-53/3/18
48	XII в.	"	Жел.	Неполное	ПВ-53/5/7
49	Там же, ц. Михаила, XI в.	"	Зел./Гл.	Полное	ПМ-54/39/6
50	Чернигов, на территории вала	"	Зел.	"	Э/РА10-144
51		"	Кор.	"	Э/РА10-148
52		"	Кор./Гл.	Неполное	Ч-51/РП/кв. В-2 (№ 190)
53	Белгород, ц. Апостолов, XII в.	Фигурная, малая	Кор.	Полное	

Примечание. Гл. – глушеная, Жел. – Желтая, Зел. – зеленая, Кор. – коричневая, Чер. – черная, Св.-зел. – светло-зеленая.

широких пределах: от 15% (**40** и **53**) до 64% (**50** и **51**), то есть охватывает чуть ли не весь интервал концентраций свинца, при которых свинцово-кремнеземное стекло может образоваться. Уже одно это обстоятельство подтверждает высказанное на основании археологических находок мнение (Каргер М.К., 1947, с. 40) о том, что производство поливы не было сосредоточено в малом числе производственных центров с установившейся технологией. Впрочем, сопоставление состава поливы идентичных по типу плиток показывает колебания содержания свинца как в узких, так и в широких пределах. Так, для однотипных образцов поливной плинфы Десятинной церкви (**2–6**) колебания свинца значительны: 20–57% в пересчете на PbO. То же явление наблюдается и для трех типологически тождественных плиток, выполненных в виде равностороннего треугольника с длиной стороны около 10 см, из Успенского собора в Галиче (**22–24**): 27–52%. Уже упомянутые выше декорированные горельефом плитки того же памятника **25–28** показывают еще более значительное расхождение по содержанию свинца от 24 до 61%. Обратные примеры являют поливы плиток Борисоглебской Церкви Вышгорода (**16–21**): 24–42%, Пятницкой Звенигорода (**40–42**): 15–33%, Воскресенской Переяслава (**46–48**); 33–43%, и храма-усыпальницы полоцкого Евфросиньевского монастыря (**30–33**): 34–44%. Еще большее совпадение по содержанию свинца дают образцы смальты киевской Софии (**13–15**): 17–23%, изготовленные по высокой технологии, что выражается помимо строгого дозирования свинца в его низком содержании и использовании очень чистого песка. Низкое содержание свинца свидетельствует об умении достигать и поддерживать высокие температуры, при которых для варки глазури не требуется больших количеств свинцового плавня. Чистота же песка видна из отсутствия или крайне низкого содержания в смальте элементов, не вводимых в качестве технологических добавок, несмотря на его высокое содержание в шихте из-за малой добавки свинцового плавня. Правда, для смальты пологость температурно-вязкостной характеристики расплава ("длина стекла") видимо не столь важна, как для поливы, и это тоже может быть причиной пониженного содержания свинца в смальте. Особенности образцов смальты киевской Софии говорят об ее импортном характере, однако для окончательного вывода следует подвергнуть количественному анализу гораздо более широкий круг образцов.

Содержание алюминия в поливах колеблется в относительно широких пределах, что, видимо, и дало повод Ю.Л. Щаповой (1967, с. 70), разграничить поливу на классы

по его содержанию. Однако анализ полученных результатов показывает, что хотя случаи повышенного содержания алюминия при видимой полноте отделения поливы от черепка нередки (**6, 8, 21, 40** – свыше 2% в пересчете на оксид), высокой его концентрация оказывается во всех без исключения случаях плохого отделения поливы от черепка (**27, 37, 44**) и в ряде случаев ее неполного отделения (**42, 48**). Наряду с возможностью неконтролируемого увлечения черепка при отборе пробы колебания содержания алюминия совершенно естественно отражают его присутствие в песках в виде полевых шпатов и использование различных по составу песков. Об этом же говорит и то, что по содержанию алюминия исследованные поливы не распадаются на группы, тяготеющие к определенным пределам содержания алюминия. По изложенным причинам нет оснований делить поливы на классы, разграничивая их по содержанию аллюминия, что было целесообразно лишь при различии технологии их получения.

По содержанию марганца поливы, напротив, могут быть разделены на 2 группы: с содержанием до 0,4% в первой, преобладающей, и с содержанием 0,7–1,2% (**10, 34, 43, 49**). Высокое содержание марганца отмечено лишь для полив с умеренным содержанием железа, во всех случаях ему сопутствует олово, чаще всего в больших концентрациях, и оно отмечено лишь для полив светлых тонов: белого (**10**), желтого (**34, 43**) или зеленого при повышенном содержании меди (**49**). Все это свидетельствует о целенаправленном введении пиролюзита как технологическом приеме, используемом для определенных целей. Так, в случае анализа пробы **10**, сделанного с белой (желтоватой) нити на черной поливе плитки из киевской Софии, содержание железа вполне достаточно для окрашивания глазури, и в этом случае диоксид марганца явно использован как обесцвечиватель, тем более, что в фоновой поливе той же плитки содержание марганца несопоставимо ниже. Более того, содержание MnO в этом случае наименьшее из высоких значений, что свидетельствует об осознанном стремлении избежать придания нити желтизны от избытка реагента, окрашивающего свинцово-кремнеземное стекло в желтый цвет. В остальных трех случаях содержание железа не столь велико и не достигается столь глубокое обесцвечивание, но во всех этих пробах присутствует медь. Несомненно, что в этом случае диоксид марганца введен для поддержания при варке глазури окислительной среды, предотвращающей переход окиси меди в закись, способную окрашивать глазурь в коричневый цвет при содержании меди (в пересчете на оксид) равном долям процента, как это видно на примере коричневой смальты из киевской Софии (**13, 15**), в которой закись меди основной или единственный краситель.

Медь в высшей форме валентности играет роль красителя зеленого цвета (**2, 19, 27, 37, 39, 41, 42, 45, 46, 49, 50**) или в форме закиси – коричневого, обозначаемого также как печеночно-красный: **11, 13, 15, 24, 40, 51, 52**. И в том, и в другом случае она может дополнять действие железа, также окрашивающего глазурь в зеленые (**27, 37, 42**) или коричневые (**11, 13, 24, 40, 51**) тона. Интересно, что при совместном присутствии и низком содержании железа в однотипных образцах плиток достигается зеленый цвет салатного оттенка (**41**), а при высоком – темный (**42**). Медь, как, впрочем, и олово, иногда встречается в концентрациях, при которых не проявляется ее действие как технологической добавки, но которые слишком высоки для ее естественного присутствия в исходных материалах: **9, 20, 31, 44** (**19, 44, 48** – олово). Единственное объяснение этому явлению – вторичное использование тиглей с остатками стекла для варки глазури отличного состава, а нечастое его обнаружение – следствие того, что не каждый тигель годился для вторичного использования или что полива варилась цветовыми партиями.

Диоксид олова образует с оксидом свинца краситель желтого цвета, являющийся одновременно и глушителем: **1, 7, 18, 22, 25, 26, 29, 32, 33, 36, 38, 43, 47**. Иногда цвет скорее белый, с небольшой желтизной (**10**). В остальных случаях в присутствии естественных (железо) или введенных красителей олово играло роль глушителя или

Таблица 2

Результаты анализа, %

№	Лабор. шифр	Na_2O	CaO	MgO	Al_2O_3	Fe_2O_3	MnO	PbO	CuO	TiO_2	SnO_6	Ag_2O
1	651–32	–	2,6	0,3	1,7	2,8	0,1	23	–	0,2	2,7	0,01
2	651–33	0,6	0,6	–	0,7	1,1	–	57	1,2	0,05	–	0,01
3	651–34	0,1	0,5	–	0,5	8,0	–	20	–	0,05	–	–
4	651–35	0,1	0,5	0,4	0,6	16	–	56	–	0,08	–	0,01
5	651–36	0,1	0,7	0,3	0,5	6,4	–	34	–	0,1	–	2
6	651–37	0,2	1,3	0,4	2,5	14	–	35	–	0,3	–	–
7	652–19	–	–	0,1	–	–	–	36	–	0,01	6,0	–
8	652–20	0,1	2,2	0,1	0,7	5,9	0,005	16	–	0,06	–	0,01
9	650–29	0,1	0,3	0,1	1,2	15	0,1	42	0,2	0,09	1,9	–
10	650–30	–	0,2	–	0,2	4,3	0,7	47	–	0,02	6,3	–
11	651–38	0,2	4,4	0,6	1,6	6,1	–	33	5,6	0,1	1,9	0,02
12	651–39	–	0,7	0,3	0,8	3,7	–	19	–	0,04	–	–
13	651–40	0,1	0,3	–	0,3	3,3	–	17	0,9	0,03	–	0,01
14	651–41	–	1,9	–	0,4	0,4	0,2	23	–	0,02	6,0	0,02
15	651–42	–	0,1	–	–	–	0,1	19	0,8	0,01	2,8	0,01
16	650–14	0,1	0,3	0,1	1,4	5,0	0,1	35	–	0,1	1,3	–
17	650–15	–	1,1	0,2	1,6	13	–	38	–	0,06	–	–
18	650–16	–	0,7	0,2	3,7	1,9	0,2	28	–	0,1	1,9	–
19	650–17	–	0,8	–	0,7	0,9	–	42	1,1	0,06	0,4	–
20	650–18	0,1	1,6	0,1	0,7	9,0	0,1	34	0,2	0,2	1,0	–
21	650–19	–	0,4	0,1	2,8	4,2	0,1	24	–	0,02	0,8	–
22	650–36	0,6	2,6	0,2	0,8	2,0	0,4	52	–	0,02	6,0	–
23	650–37	0,1	0,8	0,2	1,2	5,0	–	27	–	0,8	–	–
24	650–38	0,3	1,6	0,3	1,7	9,0	0,1	39	0,7	0,05	2,1	–
25	651–28	–	1,4	0,3	0,3	2,0	0,1	50	–	0,01	3,0	0,01
26	651–29	0,1	3,2	0,5	1,8	4,4	0,1	24	–	0,09	3,5	0,01
27	651–30	0,2	3,3	1,0	2,6	7,3	0,1	36	2,2	0,2	2,8	0,01
28	651–31	–	1,4	0,3	0,5	9,1	–	61	–	0,05	–	–

Таблица 2 (окончание)

№	Лабор. шифр	Na_2O	CaO	MgO	Al_2O_3	Fe_2O_3	MnO	PbO	CuO	TiO_2	SnO_6	Ag_2O
29	652–18	–	2,8	0,1	0,4	0,7	0,05	22	–	–	6,0	–
30	650–20	0,2	0,4	0,2	1,0	6,7	0,1	43	–	0,06	2,7	–
31	650–21	0,5	0,5	0,2	0,5	1,4	0,2	44	0,2	0,1	3,6	–
32	650–22	0,1	0,5	0,2	0,3	0,8	0,2	34	1,1	0,02	2,4	–
33	652–17	–	2,7	0,5	0,6	1,1	0,05	42	–	0,02	4,3	–
34	650–23	0,1	0,7	0,2	0,3	1,3	0,8	32	1,3	0,02	3,8	–
35	650–24	0,2	1,1	0,2	1,3	5,2	0,1	47	–	0,08	3,6	0,01
36	650–34	0,2	0,7	0,1	0,3	1,0	0,4	37	–	0,01	3,2	–
37	650–35	0,4	2,1	0,7	2,3	7,7	0,4	39	3,2	0,07	6,0	–
38	652–12	0,2	2,0	0,2	0,5	0,6	–	33	–	0,01	7,5	0,02
39	652–13	0,4	1,9	0,2	0,5	2,8	0,05	57	2,2	0,02	–	0,01
40	652–14	0,2	10	0,4	2,2	9,5	0,2	15	1,4	0,1	–	–
41	652–15	0,1	5,8	0,4	0,7	3,3	0,06	33	3,0	0,05	3,3	0,02
42	652–16	0,4	12	0,9	5,2	15	0,07	18	2,4	0,2	2,3	–
43	650–31	0,2	2,1	0,3	0,9	2,6	1,0	48	0,5	0,03	9,7	0,01
44	650–32	3,0	4,8	2,2	5,5	16	–	34	0,2	0,6	0,6	–
45	650–33	–	2,1	0,1	0,3	0,9	0,3	47	1,6	0,02	4,2	–
46	650–25	3,0	1,7	0,2	1,7	2,6	0,1	43	4,8	0,1	3,3	0,01
47	650–26	–	0,5	0,1	1,2	1,1	0,2	33	–	0,04	2,4	–
48	650–27	4,0	2,5	0,8	3,2	8,7	–	41	–	0,2	0,4	–
49	650–28	0,1	0,9	0,1	1,0	1,6	1,2	52	3,2	0,02	11	0,02
50	651–43	–	0,6	–	0,4	1,5	–	64	4,4	0,03	–	0,01
51	651–44	–	0,4	–	0,5	21	–	64	1,0	0,04	–	0,03
52	651–45	–	0,5	–	0,3	0,7	0,1	32	3,5	0,02	2,1	0,01
53	652–11	0,1	3,3	0,3	0,7	16	0,3	15	–	0,07	–	0,01

попадало в поливу вследствие, как уже отмечено выше, вторичного использования тигля.

Железо, естественно присутствующее в компонентах шихты или искусственно введенное, в зависимости от окислительно-восстановительных условий варки и содержания служило красителем зеленого (**8, 28**), коричневого (**5, 16, 44, 53**), черно-коричневого (**6**) или черного (**3, 4, 9, 17, 30, 35**) цветов. Часто действие железа, как уже отмечено выше, совмещалось с действием меди, в том числе и попавшей в глазурь как загрязнение (**31**). Особенно наглядно совместное действие видно на примере коричневых смальт **13** и **15**, первая из которых окрашена медью и железом (в форме закисей) и имеет более интенсивную окраску, чем вторая, окрашенная только медью. Следует также отметить, что результаты анализа по определению железа в образцах с его повышенным содержанием (превышающим 10%), даже несмотря на часто видимую негомогенность поливы, представляются все же завышенными. Дополнительную погрешность в этом случае вносит несовершенство использованных эталонов, в которых максимальное содержание оксида железа составляет лишь 5%, в результате чего высокие концентрации железа вычислены на основе далекой экстраполяции калибровочных зависимостей, в то время как все результаты анализа по содержанию свинца – интерполяционные.

Содержание кальция не отличается постоянством даже в поливах однотипных плиток, нет корреляции и с неполнотой отделения поливы от черепка. Единственным исключением является полива однотипных плиток из Пятницкой церкви Звенигорода (**40–42**), демонстрирующая высокое содержание кальция, что представляет определенную аналогию типу византийской поливы с повышенным содержанием кальция и магния (Щапова Ю.Л., 1967, с. 70). Малое число образцов не дает основания для заключения об освоении в Звенигороде собственной технологии приготовления глазури, но высокое во всех образцах содержание кальция все же может быть следствием особенности местного сырья и рассматриваться как свидетельство в пользу существования здесь ее местного производства.

Содержание оксида натрия во всех (кроме одного, **46**) случаях полного отделения поливы от черепка не превышает 0,6% и увеличивается до 3–4% лишь при увеличении в пробу черепка (**44, 48**). Корреляция свинца и серебра отсутствует, что свидетельствует об использовании свинца уже после выделения серебра. Сопутствие титана железу очень слабо выражено. Магний всегда имеет подчиненное значение по отношению к кальцию за исключением образца **7**, где его незначительное присутствие в отсутствие кальция может быть объяснено попаданием из варочного тигля или примесных к песку слюд, хотя эта полива демонстрирует удивительную чистоту пошедшего на ее изготовления песка. Наконец, в образце **47** хорошо виден молибден, концентрацию которого можно оценить как приближающуюся к 0,01%.

По результатам анализа могут быть сделаны следующие обобщающие выводы.

1. Сопоставление поливы однотипных предметов и всего массива данных показывает, что процесс изготовления глазури не отличался строгостью рецептуры и часто осуществлялся в широких пределах введения свинцового плавня даже для однотипных плиток одного памятника.

2. Технологические приемы окрашивания, глушения и обесцвечивания для исследованных древнерусских памятников едины. Диоксид марганца использовался не только как окислитель железа, но и как реагент для нейтрализации коричневого окрашивания в присутствии меди.

3. Простота технологии получения поливы, допускающая широкие пределы содержания свинца, подтверждает возможность ее повсеместного освоения, при этом эвентуальные местные особенности сырья (Звенигород) проявляются в единичных случаях.

Автор искренне благодарит коллег из Сектора архитектурной археологии Государственного Эрмитажа (рук. О.М. Иоаннисян) и сотрудницу Отдела русской культуры Эрмитажа С.С. Рябцеву за любезно представленные образцы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Иоаннисян О.М., 1988. Основные этапы развития галицкого зодчества // Древнерусское искусство. Художественная культура X – первой половины XIII в. М.

Каргер М.К., 1947. К вопросу об убранстве интерьера в русском зодчестве домонгольского периода // Тр. Всерос. академии художеств. Т. 1. Л.; М.

Раппопорт П.А., 1982. Русская архитектура X–XIII вв. // САИ Е1-47.

Раппопорт П.А., 1994. Строительное производство Древней Руси X–XIII вв. СПб.

Русанов А.К., Ильясова И.В., 1960. Атлас пламенных, дуговых и искровых спектров элементов. М.

Чукова Т.А., 1987. Древнерусские керамические поливные плитки // КСИА. Вып. 190.

Щапова Ю.Л., 1963. Результаты спектрального анализа поливы тмутараканской керамики // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.

Щапова Ю.Л., 1967. Спектральное исследование поливы (приложение III) // Макарова Т.И. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства древней Руси. САИ Е1-38.

Щапова Ю.Л., 1972. Стекло Киевской Руси. М.

Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург

A.N. YEGOR'KOV

CHEMICAL COMPOSITION OF ANCIENT RUSSIAN TILE GLAZE

Summary

In the article the results of 50 emission spectral analyses of lead silicate glaze on clay tiles are discussed. Tiles were widely used for floor decoration in ancient Russian temples of pre-Mongol period. Technological patterns of dyeing, opaqueing, and decoration of the tiles originating from a number of medieval Russian monuments built in the 10th–13th centuries are the same. The analysis has revealed application of iron and copper conpounds of different valence as dyes, and tin dioxide as opacifier. Manganese dioxide was used not only for oxidation iron, but also as a reagent preventing brown dyeing under cuprous oxide effect. The process of glaze-, manfacturing did not follow strict formula, and as a result the tiles from the same typological sequence and the same monument display significant differences in lead content. That simple a technology of glaze-producing with wide range of lead component surmises unlimited possibility of mastering the craft.

А.В. ПУШИН, М.М. ЧЕРНАВСКАЯ, Н.Б. ЧЕРНЫХ

КЛИМАТИЧЕСКИЕ ЭКСТРЕМУМЫ И АНОМАЛИИ ПРИРОСТА ДРЕВЕСИНЫ В XVI–XIX ВВ. НА СЕВЕРЕ РУССКОЙ РАВНИНЫ

Решение проблемы изменения климата предусматривает изучение его естественных колебаний в прошлом, а также причин этих колебаний и зачастую скрытых от нас их механизмов. Для выявления и анализа подобных колебаний необходимо наличие климатических рядов, превышающих по продолжительности периоды систематических инструментальных наблюдений, которые составляют в России в среднем не более 150–200 лет. Один из способов, позволяющих "продлить" существующие ряды метеорологических наблюдений, – реконструкция этих рядов на основе косвенных индикаторов изменений климата и комбинаторики последних. К примеру, могут сопоставляться данные погодичного прироста древесины со сведениями об экстремальных погодных явлениях из письменных исторических свидетельств. Совместное использование для реконструкции климата подобных независимых источников информации позволяет проводить взаимную проверку полученных результатов и тем самым повышать надежность выводов.

Задача настоящей работы – исследование сопряженности временно́й динамики экстремальных климатических явлений, выявленных по историческим данным, с динамикой прироста древесины хвойных пород в северной части Русской равнины для XVI–XIX вв. Подобный подход был применен в лаборатории естественно-научных методов ИА РАН еще в 1980-х годах на основе данных о годичном приросте ископаемой древесины XII–XIV вв. (Черных Н.Б., 1989).

Исследуемый в настоящей работе материал слагается из двух частей. Во-первых, это данные дендроанализа хвойных (сосны), произраставших в XVI–XIX вв. на территории северных областей Русской равнины, а во-вторых, сведения об экстремальных климатических явлениях (экстремумах), извлеченные из письменных источников, относящихся к тому же хронологическому отрезку.

Дендрохронологическая база исследования

Для исследования отобраны образцы строительного дерева некоторых архитектурных объектов XVII–XIX вв., расположенных в границах современных Архангельской, Ленинградской, Новгородской и Тверской областей (Сергеева Н.Ф., Черных Н.Б., 1983; 1996; Черных Н.Б., Сергеева Н.Ф., 1997). Выбор объектов исследования не был случайным: материал должен был соответствовать требованиям, предъявляемым при дендроанализе строительной древесины в отношении единства времени жизни стволов, условий местопроизрастания и древесной породы (Schove D., 1954). Выбор упомянутых регионов позволил также учесть влияние географической и климатической зональности северной части Русской равнины.

Дендровыборка включает 39 спилов с бревен и балок 20 построек гражданской (8) и культовой (12) архитектуры (табл. 1). В подавляющем большинстве (16) это деревянные сооружения, 3 – кирпичные здания (относительно одной постройки сведения не сохранились). Возраст исследованных стволов колеблется от 91 года до 316 лет. Даты последних сохранившихся колец размещаются на отрезке 1724–1876 гг.

© А.В. Пушин, М.М. Чернавская, Н.Б. Черных, 2000 г.

Историческую основу дендрохронологического метода анализа сформировал skeleton-plot метод, впервые предложенный А.Е. Дугласом (Douglas A.E., 1941). Современные наиболее полные представления о возможностях и методах дендрохронологического анализа изложены в фундаментальных монографиях Х. Фриттса (Fritts H.C., 1976) и Ф. Швайнгрубера. Этот метод позволяет выделять аномалии прироста в виде диаграмм. Швайнгрубер и др. (Schweingruber F.H. et al., 1990) адаптировали данный метод, сделав его применимым для оценки интенсивности аномалий прироста.

Особый интерес для проведения климатических реконструкций представляет архив дендроданных, собранный из археологических и исторических памятников, обобщенные дендрошкалы по которому опубликованы в монографиях (Колчин Б.А., Черных Н.Б., 1977; Черных Н.Б., 1996).

Методика индексации данных о годичном приросте древесины

В данной работе развита идея Швайнгрубера и др. (Schweingruber F.H. et al., 1990) об оценке аномалий по степени их интенсивности применительно к данным о годичном приросте, представленным в электронном виде. Такой подход позволяет не только рассматривать повторяемость аномалий во времени, но и оценить их "силу". Предлагаемая система оценки облегчает сравнение данных о приросте с данными об экстремальных климатических явлениях, полученных из исторических документов.

Известно, что важной особенностью прироста древесины является наличие так называемой "кривой роста" – уменьшение интенсивности годичного прироста с увеличением возраста дерева. Обычно "кривая роста" описывается экспоненциальным законом ($y = e^{-x}$). Устранение влияния возраста на радиальный прирост, согласно методике Фриттса (Fritts H.C., 1976) достигается посредством индексации годичного прироста, т.е. заменой фактического значения на индекс, который представляет собой отношение $w_i = x_i/y_i$, где x_i – фактически измеренное значение годичного прироста, y_i – значение годичного прироста на "кривой роста". Из всех кернов, упомянутых в табл. 1, были приняты к анализу лишь те из них, вид "кривой роста" которых описывался экспоненциальной функцией.

Согласно предлагаемой методике, была произведена оценка интенсивности аномалий прироста. Для этого индекс прироста в каждый конкретный год был заменен индексом интенсивности (от –5 до 5). Принятые критерии индексации перечислены ниже:

"1" – 10%–25% увеличения прироста ($1{,}10 \leqslant w_i / \overline{w} \leqslant 1{,}25$);

"2" – 25%–40% увеличения прироста ($1{,}25 < w_i / \overline{w} \leqslant 1{,}40$);

"3" – 40%–55% увеличения прироста ($1{,}40 < w_i / \overline{w} \leqslant 1{,}55$);

"4" – 55%–70% увеличения прироста ($1{,}55 < w_i / \overline{w} \leqslant 1{,}70$);

"5" – более 70% увеличения прироста ($w_i / \overline{w} > 1{,}70$).

"–1" – 10%–25% уменьшения прироста ($0{,}75 \leqslant w_i / \overline{w} \leqslant 0{,}90$);

"–2" – 25%–40% уменьшения прироста ($0{,}60 < w_i / \overline{w} \leqslant 0{,}75$);

"–3" – 40%–55% уменьшения прироста ($0{,}45 < w_i / \overline{w} \leqslant 0{,}60$);

"–4" – 55%–70% уменьшения прироста ($0{,}30 < w_i / \overline{w} \leqslant 0{,}45$);

"–5" – более 70% уменьшения прироста ($w_i / \overline{w} < 0{,}30$);

"0" – менее 10% изменения прироста ($w_i / \overline{w} < 1{,}10$ или $w_i / \overline{w} > 0{,}90$).

При этом использованы только отклонения, удовлетворяющие условию $|w_i - \overline{w}| > \sigma$. Другими словами, если аномалия статистически незначима, считалось, что это год без аномалии (присваивался индекс "0"). Затем строились усредненные хронологии аномалий для каждой области, которые и были использованы в дальнейшем анализе.

Таблица 1

Характеристика объектов отбора дендрологических проб с памятников архитектуры Европейской части России

Памятник	Населенный пункт	Область, район	Количество спилов	Возраст стволов	Дендродата	Тип постройки	Архивная дата
Церковь Тихвинской Божьей Матери	Верхнемудьюжский погост	Архангельская обл. Онежский р-н	2	290–316	1860	Деревянная клетская церковь	1865 г.
Церковь Входа в Иерусалим	Верхнемудьюжский погост	Онежский р-н	1	198	1759	Деревянная шатровая церковь	1752–1758 (1762) гг.
Колокольня	Верхнемудьюжский погост	"	1	140	1787	Деревянная колокольня	1787 г.
Церковь Никольская	с. Нижмозеро	"	1	123	1823	Деревянная шатровая церковь	Перестройка 1827 г.
Жилой дом	г. Каргополь ул. III Интернационала		2	91 и 123	1773 и 1851	Одноэтажная деревянная постройка	Середина XIX в. (?)
Часовня Параскевы Пятницы	д. Никульское	Ленинградская обл. Тихвинский р-н	4	142 166 126 147	1816 1813 1820 1803	Деревянная часовня	1790– 1810 гг.
Городская усадьба (дача) архитектора А.А. Воронихина	г. Санкт-Петербург		2	105 113	1875 1876	Двухэтажный дом	Первое десятилетие XIX в., или 70-е гг. того же века
Усадьба "Монрепо" "Главный дом"	Близ г. Выборг		1	126	1775	Деревянный двухэтажный дом	Конец XVIII – начало XIX в.
Библиотечный корпус ("Флигель")			3	135 187 158	1786 1786 1786	Деревянный одноэтажный дом	

Таблица 1 (окончание)

Памятник	Населенный пункт	Область, район	Количество спилов	Возраст стволов	Дендродата	Тип постройки	Архивная дата
Жилой дом ("дом Туницкого")	д. Пырищи	Новгородская обл. Крестецкий р-н	3	102 192 160	1859 и 1860	Деревянная одноэтажная постройка, НМДЗ "Витославлицы"	70–90 гг. XIX в.
Жилой дом ("дом у вала")	Новгород		1	143	1764?	Деревянный дом	Первая половина XVIII в.
Хутынский монастырь. Братский ("Береговой") корпус		Новгородский р-н	2	102 115	1683 1683	Кирпичная постройка (бревна связей стен)	Вторая половина XVII в.
Церковь Успения	д. Никулино	Любытинский р-н	4	80 150 135 150	1825? 1901 1825	Деревянная клетская церковь, НМДЗ "Витославлицы"	Перестройки 1830 и 1906 гг.
Церковь Никольская	д. Высокий остров	Окуловский р-н	3	194 212 186	1760 1759 1760	Деревянная ярусная церковь, НМДЗ "Витославлицы"	Середина XVIII в. (1757 г. ?)
Никольский собор	г. Старая Русса		1	191	1751(55)?	Кирпичная постройка (бревно связи стены)	XVIII–XIX вв.
Часовня Архистратига Михаила	д. Максимовское	Тверская обл. Удомельский р-н	3	137 159 182	1759 1742 1802	Деревянная часовня	Конец XVIII в., крыльцо более позднее
Жилой дом ("дом аптекаря")	г. Тверь, б-р Радищева, 56		2	130 145	1856 1848	Одноэтажный кирпичный дом	Середина XIX в.
Церковь Преображенская (Вознесенская)	Погост Спас на Сози	Калининский р-н	1	117	1724	Деревянная клетская церковь	20–30 гг. XVIII в.
Церковь Знамения	д. Пылево	Весьегонский р-н	1	194	1741	Деревянная церковь	1742 г.
Жилой дом	д. Куклино	Санковский р-н	1	144	1819	Деревянный жилой дом	?

Исторические свидетельства

Письменные источники прошлых веков содержат богатый материал о необычайных (аномальных) явлениях в природе. Обращавшие на себя внимание многих наблюдателей явления, скажем астрономические ("звезда хвостата"), оптические ("луна кровава"), гидрологические ("иде Волхов вспять в Новгороде по 7 дней"), биологические ("червь окрылатев белый древо пояде"), погодные ("марта в 13, в среду на третьей недели поста бысть гром и молонья и дождь велик...") почти всегда фиксировались различными письменными документами. Отражение в последних находили также некоторые социально-экологические последствия (недород, голод, падеж скота и т.п.). Как правило, сведения об экстремальных природных явлениях сопровождаются описанием причиненного ими ущерба (разрушение построек, гибель урожая и даже людей), что, безусловно, повышает надежность информации. Сведения о таких экстремумах являются наиболее четко выраженными и достоверными свидетельствами состояния погоды и климата северо-восточной части Европы вплоть до конца XVII в.

С XVI в. к летописным источникам добавляются записки современников, письма, донесения и дневниковые записи иностранных послов, путешественников, некоторые государственные документы, а также регулярные описания состояния погоды, содержащиеся в "Дневальных записках приказа Тайных дел" (Белокуров С.А., 1908) и "Походных журналах Петра I" (Камер-фурьерский журнал, 1853–1856), которые были опубликованы в середине XIX в. князем Щербатовым, и содержат описание погодных условий и текущих событий во время похода на Азов.

В данной работе для сопоставления с дендрологическими материалами была сделана подборка исторической информации за период с 1560 по 1910 г., который соответствует второй половине так называемого малого ледникового периода.

При составлении выборки, включившей 284 экстремальных климатических явления, были использованы как первоисточники: Русские летописи (Двинский летописец..., 1977; Устюжские и Вологодская летописи..., 1982), уже упоминавшиеся выше Дневальные записки приказа Тайных дел (Белокуров С.А., 1908) и Походные журналы Петра I (Камер-фурьерский журнал, 1853–1856), Журнал Министерства внутренних дел (1830–1855), – так и некоторые результаты анализа первичного материала (Боголепов М.А., 1908; Чернавская М.М., 1995) и известная монография Е.П. Борисенкова и В.М. Пасецкого (1988). Кроме того, для выявления экстремально холодных и теплых месяцев и сезонов были использованы ранние инструментальные наблюдения по Санкт-Петербургу с 1752 по 1910 г. и по Архангельску с 1814 по 1910 г. (Рубинштейн Е.С., 1929).

О понятии температурного экстремума

За температурный экстремум принимали среднюю месячную температуру воздуха t, выходящую за пределы среднего многолетнего (за период инструментальных наблюдений до 1910 г.) значения средней месячной температуры T на величину удвоенного среднего квадратичного отклонения (σ): $t \geqslant T \pm 2\sigma$.

Выявленные таким образом экстремумы не превышают 5% от общего числа случаев за соответствующий период наблюдений. Это позволило уточнить ряд температурных экстремумов, описанных или пропущенных в письменных источниках.

В соответствии с классификацией экстремальных климатических явлений (Кренке А.Н., Чернавская М.М., 1998) в группу экстремумов, характеризующих аномалии температуры и режима осадков, были включены суровые снежные и малоснежные зимы, холодные весны и весенние возвраты холодов, летние заморозки и ранние морозы (до установления снежного покрова), засухи (весенние и летние), холодные и избыточно дождливые летние периоды, а также весенние половодья, грозы и метели (табл. 2). Кроме того, дополнительно были выделены мягкие зимы и зимы с глубокими и продолжительными оттепелями.

Таблица 2

Экстремальные климатические явления на Русской равнине (1560–1910 гг.)

Экстремальные климатические явления	Число случаев	Доля экстремальных климатических явлений в их общей сумме, %
Суровые снежные зимы	44	15,5
Суровые малоснежные зимы	6	2,1
Весенние возвраты холодов	38	13,4
Летние заморозки	22	7,7
Ранние морозы	15	5,3
Мягкие зимы	8	2,8
Зимы с оттепелями	22	7,7
Весенние засухи	14	4,9
Летние засухи	40	14,1
Избыточное увлажнение летом	27	9,5
Избыточное увлажнение осенью	4	1,4
Весенние половодья	26	9,2
Метели	3	1,0
Сильные грозы	15	2,3

Как видно из табл. 2, в северной половине Русской равнины экстремумы, отражающие отрицательные температурные аномалии в течение года, составляли не менее 44% от общего числа экстремумов за исследуемый период. И только в 10% случаев в зимний период наблюдались экстремумы, отражающие положительные аномалии температуры. Весенне-летние засухи наблюдались примерно в 20% случаев.

Полученные соотношения близки к тем, которые отмечались в течение всего малого ледникового периода (1381–1850 гг.) на севере Русской равнины (Кренке А.Н., Чернавская М., 1998), что свидетельствует о представительности принятой для анализа выборки экстремальных климатических явлений. Представленное на рис. 1 распределение по годам климатических экстремумов в то же время наглядно показывает неравномерность плотности потока исторической информации об этих экстремумах во времени.

Локальные хронологические шкалы

На основе разработанной комплексной методики построены четыре локальные хронологические шкалы аномалий прироста древесных колец хвойных пород: по Архангельской, Ленинградской, Новгородской и Тверской областям. Продолжительность дендрошкал колеблется от 242 лет для Тверской области и до 295 лет для Новгородской (рис. 2). Выделенные периоды положительных и отрицательных аномалий прироста годичных колец различаются по продолжительности (от 3–5 лет до 2–3 десятилетий) и интенсивности.

Наибольшего внимания заслуживают аномальные периоды, одновременно отмечаемые по всем четырем областям. Положительные аномалии прироста начала 1650-х годов, первого десятилетия XVIII в. и десятилетия 1750–1760 годов наблюдались во всех хронологиях. Отрицательные аномалии 1620-х и 1660-х годов, последнего десятилетия XVII в. и 1720-х годов были также синхронны в исследуемых регионах. Сопоставление аномальных периодов прироста по каждой из хронологий с наличием экстремальных климатических явлений в те же периоды показало, что повторяемость различных климатических экстремумов одинакова как для положительных, так и для отрицательных аномалий прироста. Исключение составляет повторяемость мягких зим и зим с оттепелями, которые практически отсутствуют в периоды отрицательных аномалий.

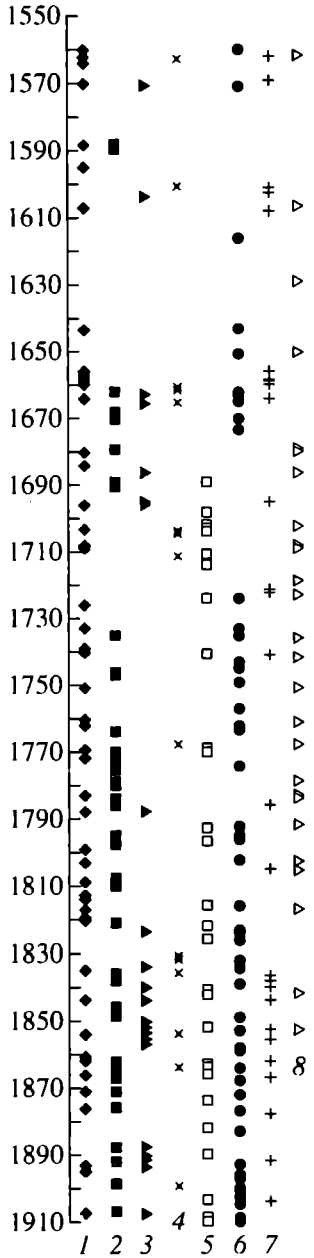


Рис. 1

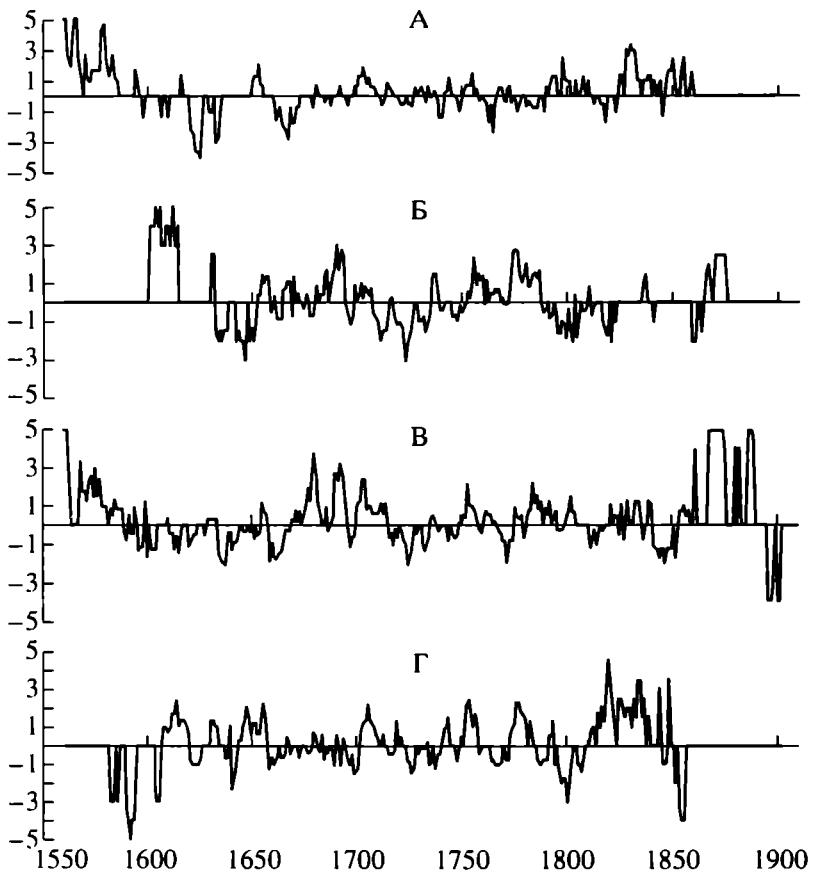


Рис. 2

Рис. 1. Экстремальные климатические явления в северной части Русской равнины в период 1560–1910 гг. (*1* – суровые многоснежные и малоснежные зимы; *2* – холодные весны с заморозками; *3* – летние заморозки; *4* – ранние, до снега, морозы; *5* – мягкие зимы и зимы с оттепелями; *6* – весенние и летние засухи; *7* – избыточное увлажнение летом; *8* – весенние половодья)

Рис. 2. Аномалии прироста годичных колец строительной древесины памятников архитектуры на севере Русской равнины (*A* – Архангельская область; *B* – Ленинградская область; *C* – Новгородская область: *D* – Тверская область)

Современные дендрохронологии (Schweingruber F.H. et al., 1990) обращают внимание на связь резких изменений прироста с различными природными событиями, происходившими в эти "переломные" годы. В настоящей работе при проведении совместного анализа динамики осредненных временны́х серий прироста годичных колец и климатических экстремумов основное внимание было обращено на годы,

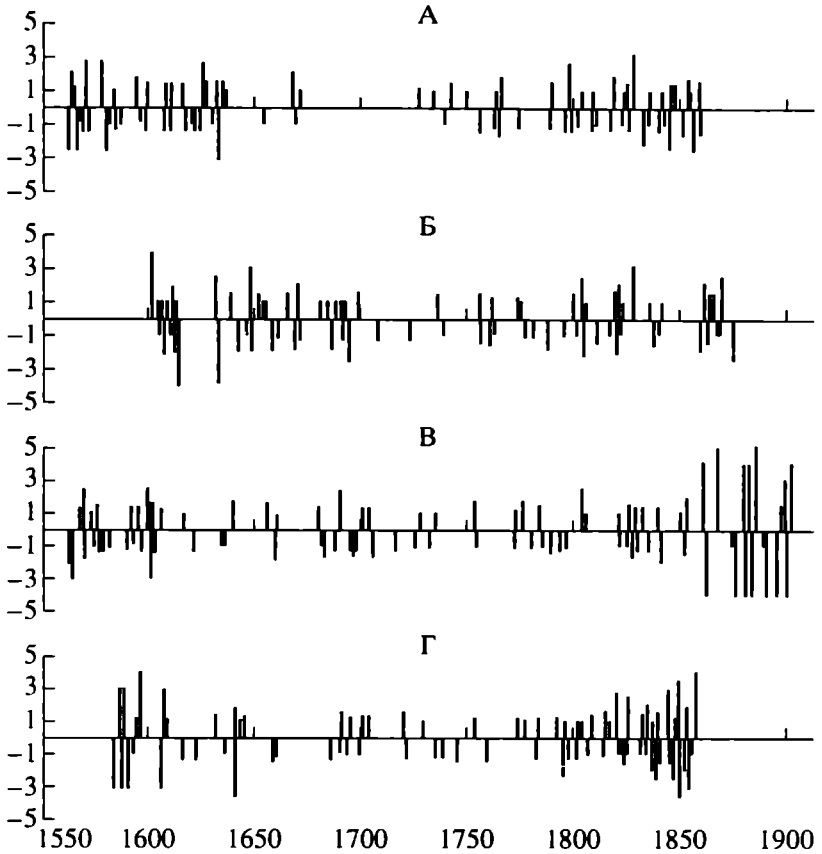


Рис. 3. Годы экстремумов изменения прироста годичных колец (условные обозначения см. рис. 2)

когда происходило резкое изменение величины аномалии прироста годичных колец в сторону ее увеличения или уменьшения. Были выделены годы, в которые приращение аномалии прироста по сравнению с предыдущим годом равнялось или по абсолютной величине превышало единицу (рис. 3). Эти годы, которые можно назвать экстремальными по изменению аномалий годичного прироста, были сопоставлены с данными об экстремальных климатических явлениях.

Было подсчитано общее число случаев положительных и отрицательных экстремумов изменения прироста для каждой из хронологий, число случаев совпадения этих экстремумов с климатическими и доля различных климатических экстремумов от их общего числа совпадений для каждой хронологии (табл. 3 и 4).

Например, по данным хронологии из Архангельской области, за исследуемый период наблюдалось 43 случая экстремального изменения прироста в сторону его уменьшения, из них в 15 случаях это происходило в годы, когда отмечались различные климатические экстремумы, общее число которых было 23. При этом доля суровых зим составляла около 26%, а мягкие зимы не наблюдались вовсе. Проведение такой простейшей количественной оценки позволило установить некоторые закономерности, обусловленные в основном особенностями физико-географического положения рассматриваемых хронологий.

Как видно из данных табл. 3, по мере продвижения к северу наблюдается закономерное увеличение отрицательной роли суровых зим, в то же время с севера на юг увеличивается отрицательное воздействие весенних заморозков, или так называемых "несвоевременных холодов". Отрицательная роль летних заморозков возрастает с запада на восток по мере увеличения континентальности климата. Замечено отрицательное воздействие летних засух во всех областях, кроме Новгородской. Как видно из табл. 4, с юга на север снижается положительное воздействие высоких весенних

Таблица 3

Процентный вклад различных климатических экстремумов в возникновение отрицательных экстремумов изменения прироста

Число случаев экстремумов прироста	Общее число климатических экстремумов	Доля экстремальных климатических явлений в их общей сумме, в %								Дендрошкалы даны по областям
		суровые зимы	холодные весны	летние заморозки	ранние морозы	зимы с оттепелями и мягкие	засухи	избыточное увлажнение летом	весенние половодья	
43	23	26	4	13	0	0	23	17	13	Архангельская
37	40	20	12	5	8	8	24	10	10	Ленинградская
49	41	17	17	7	10	15	9	15	2	Новгородская
42	37	11	22	13	8	11	13	16	3	Тверская

Таблица 4

Процентный вклад различных климатических экстремумов в возникновение положительных экстремумов изменения прироста

Число случаев экстремумов прироста	Общее число климатических экстремумов	Доля экстремальных климатических явлений в их общей сумме, в %								Дендрошкалы даны по областям
		суровые зимы	холодные весны	летние заморозки	ранние морозы	зимы с оттепелями и мягкие	засухи	избыточное увлажнение летом	весенние половодья	
38	17	18	23	12	12	6	6	6	6	Архангельская
32	25	16	16	4	8	8	24	8	12	Ленинградская
39	28	11	21	0	7	11	14	14	14	Новгородская
37	40	22	5	8	2	2	26	10	20	Тверская

половодий, что хорошо согласуется с динамикой экстремально суровых зим (табл. 3). Для всех регионов, кроме Тверской области, благоприятны холодные весны с возвратами холодов и заморозками.

Положительные экстремумы

Рассмотрим некоторые примеры положительных экстремумов в изменении прироста, одновременно наблюдавшихся не менее чем в двух хронологических шкалах, обращая при этом внимание и на климатические условия лет, предшествовавших экстремумам изменения прироста. В период 1593–1595 годов, по данным трех шкал (по Ленинградской области на этот период дат нет), наблюдались синхронные экстремумы положительного прироста. Однако исторические сведения о климатических экстремумах за эти годы отсутствуют, что скорее всего свидетельствует о пробелах в исторической информации.

Снежная и морозная зима 1607 г., что подтверждается и высоким весенним половодьем, и дождливое лето 1608 г. определили положительный экстремум прироста в Архангельской и Тверской областях, которые объединяет более восточное (континентальное) положение по сравнению с двумя другими областями.

Для всей группы исследуемых областей для возникновения положительной тенденции прироста существенны температурно-влажностные условия теплого периода. Так, холодная весна и сухое жаркое лето 1670 г. определили положительную тенденцию в приросте годичных колец. Не менее важной в этом плане оказалась и мягкая, оттепельная зима, какая была в 1698 г. Следует заметить, что ранее по динамике дендропоказателей, полученных по живущим деревьям для Новгородской области, было выявлено, что для этого региона благоприятно увеличение повторяемости антициклональных типов погоды, когда обеспечивается хороший нагрев и отсутствие избыточных осадков (Chernavskaya M.M. et al., 1996).

Как следует из русских летописей, в 1679 г. отмечалась поздняя, холодная весна, сопровождавшаяся дождевыми паводками: "весна... протяжеся мразом и стюдению майя до 15 числа, и начаша сеяти вешние плоды от того числа, а снеги по перегородам езе лежали... Того же месяца от 22-го и до 28-го числа были дожди великие, и от тое дождевые воды в реках поводь больша, и луга и береги потопило" (Устюжские и Вологодская летописи..., 1982). Следующий 1680 г. характеризовался многоснежной зимой и последующим высоким весенним половодьем: "Снеги великие большие шли по вся дни, а вешняя вода зело велика была и долго стояла" (Устюжские и Вологодская летописи..., 1982, с. 184). Эти условия определили экстремальный годичный прирост в Новгородской области в течение 2 лет и переход от отрицательной аномалии прироста к положительной в других областях. Это свидетельствует, что снежные зимы, обеспечивающие запасы влаги в почве на весенний и начало летнего периода, являются благоприятным фактором для развития деревьев в северной половине Русской равнины.

В 1741–1742 гг. смена знака аномалий на положительный наблюдалась в Архангельской и Тверской областях в связи с повышенным увлажнением летом и осенью, которое здесь, видимо, не было избыточным, а также оттепельной зимой 1741 года. Начало положительного изменения в приросте отмечено в 1750–1751 гг. Это было обусловлено снежной, хотя и морозной зимой 1750–1751 гг. и последовавшим высоким половодьем, что подтверждает многоснежье предшествующей зимы. Отсутствие температурных экстремумов также способствует возникновению устойчивого положительного изменения годичного прироста. Экстремумы прироста, хотя и несинхронно, наблюдались в отдельные годы в период 1750–1756 гг. по всем хронологическим шкалам. В период 1752–1756 гг., по данным ранних инструментальных наблюдений, в Санкт-Петербурге не наблюдались экстремально суровые зимы, а температура летних месяцев была немного выше, чем в многолетнем среднем. Согласованность в положительном изменении и экстремумах прироста отмечалась в этих областях и в

начале 1790-х годов, чему, возможно, способствовала умеренная зима 1789–1790 гг., мягкая зима 1790–1791 гг. и снежная зима 1791–1792 гг.

Продолжительная, умеренно морозная зима 1851–1852 гг., близкая по температурным показателям к средней многолетней норме зима 1852–1853 гг., а также отсутствие температурных экстремумов в 1854 г. определили положительные экстремумы изменения прироста в Архангельской, Тверской и Новгородской областях. И даже летние заморозки, наблюдавшиеся в первой половине августа 1852 г. и в 1854 г. в Архангельской области, не отразились на уменьшении прироста. По данным Журнала МВД (1830–1855 гг.), в эти годы было много осадков преимущественно во второй половине лета. В Ленинградской области изменения не были выявлены.

Умеренные и мягкие зимы 1864–1867 гг. (по данным Санкт-Петербурга), включая экстремально теплый январь 1866 г. (–1,6°С), определили положительное изменение и экстремумы прироста в Ленинградской и Новгородской областях. Также умеренная зима 1881–1882 гг., включая экстремально теплый январь 1882 г. (–1,4°), отразилась в положительном экстремуме прироста по данным из Новгородской области (данные других областей за этот период отсутствуют).

Таким образом, выявлены географические особенности воздействия климатических аномалий на возникновение положительных экстремумов изменения прироста древесных годичных колец. Для всего региона важны условия зимнего периода – благоприятны мягкие и многоснежные зимы, обеспечивающие хорошее увлажнение почвы весной. Этому способствуют и холодные весны с возвратами холодов. Однако крайне суровые, хотя и многоснежные зимы не благоприятны на северо-востоке рассматриваемого региона.

Отрицательные экстремумы

При рассмотрении некоторых примеров отрицательных экстремумов изменения прироста прежде всего следует выделить период 1656–1662 гг., когда, по данным всех четырех хронологий, наблюдалось отрицательное изменение в приросте годичных колец, а в 1659 г. в Ленинградской, Новгородской и Тверской областях отмечался отрицательный экстремум изменения прироста. К сожалению, конкретных сведений о состоянии погоды в 1658 г. и для большей части 1659 г. нет, и можно только воспользоваться информацией из монографии Борисенкова Е.П. и Пасецкого В.М. (1988, с. 335), что в связи с морозами и дождями на севере Русской равнины 1656–1660 гг. были голодными. Видимо, согласованная и продолжительная отрицательная тенденция в приросте годичных колец в 1656–1662 гг. была вызвана недостатком тепла и избыточным увлажнением в летний период и суровыми зимами.

Погодные условия 1695–1697 гг., особенно в теплую половину года, были крайне неблагоприятны на большей части Русской равнины и в северо-западной Европе (Neumann J., Lindgren S., 1979; Chernavskaya M., 1996). Согласно Вологодской летописи (Устюжские и Вологодская летописи..., 1982, с. 190) в начале лета 1695 г. наблюдалась ненастная погода с беспрерывным дождем, ветром, заморозками: "...и всякую гобину мразами велики познобило, и всякий хлеб в полях за дождями и мразы все застоялося в суслонех...". В 1696 г. летом в северной части Русской равнины наблюдались заморозки: "...были августа до первого числа два большие лютые мразы...". Качественная характеристика состояния погоды приводится и в Походных журналах Петра I. Так, в период с 16 мая по 18 июня 1695 г. на маршруте от среднего течения Оки и до Царицина было 13 дней с ненастьем, сопровождавшимся настолько сильным ветром, что караван судов был вынужден останавливаться и пережидать непогоду. Согласно сделанным во время этого похода записям, вторая половина сентября была дождлива, а октябрь в юго-западной части Русской равнины был холоднее и морознее обычного. По данным из северо-восточной части финской Лапландии, хронология, полученная по живущей сосне, также отразила крайне неблагоприятные условия резким угнетением роста годичных колец в последней декаде XVII столетия (Eronen M. et al., 1994). На северо-западе Русской равнины эти экстремально неблагоприятные клима-

тические условия выразились в отрицательных экстремумах прироста, которые в Новгородской области наблюдались 3 года подряд – в 1695, 1696 и 1697 гг., а в Ленинградской области – в 1695 г. В Архангельской и Тверской областях также отмечены отрицательные аномалии прироста, хотя и не такие сильные.

Суровая зима 1762–63 гг. и жаркое засушливое лето (в Санкт-Петербурге средняя месячная температура июля 1763 г. была на 3°С выше средней многолетней) были причиной отрицательного экстремума в приросте древесины в Архангельской и Ленинградской областях. Экстремально морозный декабрь 1817 г. в Санкт-Петербурге (–17,4°С) и Архангельске (–22,8°С) и холодный февраль 1818 г. в Архангельске определили согласованное отрицательное изменение и экстремумы годичного прироста в этих областях.

Суровая зима 1844 г. (средняя температура февраля в Архангельске была –22°С) и дождливое, ненастное лето были особенно неблагоприятны для годичного прироста деревьев в Архангельской и Тверской областях, отрицательный экстремум изменения прироста отмечался в 1845 г. Поздняя, холодная весна 1852 г. (экстремально холодный апрель, по данным Санкт-Петербурга), холодная и дождливая погода летом, неустойчивая, с оттепелями, предшествующая зима привели к согласованным отрицательным экстремумам изменения прироста в Новгородской и Тверской областях.

Таким образом, отрицательные температурные экстремумы зимнего периода, избыточное увлажнение и недостаток тепла в теплый период, а также различные сочетания этих экстремумов – вот основные причины возникновения резких отрицательных изменений в годичном приросте древесины.

Иные аномалии

Рассмотрим также некоторые типичные случаи, когда отмечались одновременные экстремумы изменения прироста по двум и более региональным шкалам, но противоположного знака. За исследуемый период было отмечено 33 таких случая. Для половины из них нет сведений о соответствующих экстремумах из документальных источников, что, понятно, не всегда свидетельствует об отсутствии самих экстремумов. Так, суровые и снежные зимы 1607, 1809, 1842 гг. в Архангельской области вызвали отрицательные экстремумы изменения прироста, в то время как южнее (Тверская область) и западнее (Ленинградская) то, что эти зимы были многоснежными, оказалось благоприятным фактором. К недостатку тепла в теплую половину года (холодная, затяжная весна, резкие понижения температуры вплоть до заморозков летом, ранние морозы осенью) особенно чувствительна хронология из Тверской области, в то время как хронологии других областей реагируют на эти условия положительными экстремумами (1690, 1735, 1846, 1854 гг.).

Подобное соотношение экстремумов легко объясняется, если исходить из современных представлений об особенностях циркуляционных процессов над рассматриваемым регионом, поэтому можно предположить, что в годы, когда наблюдается аналогичное сочетание экстремумов прироста, но нет соответствующих исторических данных, климатические экстремумы скорее всего имели место (1567, 1591, 1605, 1685 гг.), но, по тем или иным причинам, не нашли отражения в летописях или других письменных источниках.

Проведено комплексное дендро-климатологическое исследование разнообразных материалов с довольно обширным в территориальном и хронологическом отношениях охватом. Авторы оценивают полученные результаты как позитивные и обнадеживающие; последние же настоятельно диктуют необходимость дальнейшего расширения начатых изысканий при более углубленной разработке различных сторон применявшейся методики.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект РФФИ № 97-05-65996).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белокуров С.А., 1908. Дневальные записки приказа тайных дел 7165–7183 гг. М.

Боголепов М.А., 1908. О колебаниях климата Европейской России в историческую эпоху. М.

Борисенков Е.П., Пасецкий В.М., 1988. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М.

Двинский летописец. Холмогорская летопись, 1977 // ПСРП. Т. 33.

Журнал Министерства внутренних дел, 1830–1855. СПб.

Камер-фурьерский церемониальный журнал (Походные журналы 1695–1725 гг.), 1853–1856. Т. 1–17. СПб.

Колчин Б.А., Черных Н.Б., 1977. Дендрохронология Восточной Европы. М.

Кренке А.Н., Чернавская М.М., 1998. Пространственные и временные изменения повторяемости экстремальных климатических явлений на Русской равнине // Известия РАН. Сер. геогр. № 5.

Рубинштейн Е.С., 1929. Климат Союза Советских Социалистических республик. Ч. 1. Температура воздуха. Вып. 2. Средние месячные температуры воздуха в Европейской части СССР за отдельные годы. Л.

Сергеева Н.Ф., Черных Н.Б., 1983. К вопросу о датировке памятников деревянного зодчества Новгородчины // Научно-реферативный сборник Информационного центра по проблемам культуры и искусства. Вып. 6. М.

Сергеева Н.Ф., Черных Н.Б., 1996. Локальные дендрохронологические шкалы Тверского региона X–XV и XVII–XIX вв. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 1. Тверь.

Устюжские и Вологодская летописи XVI–XVIII вв., 1982 // ПСРЛ. Т. 37.

Чернавская М.М., 1995. Климат Европейской части России во второй половине XVII и первой четверти XVIII веков по историческим данным // Изв. РАН. Сер. геогр. № 2.

Черных Н.Б., 1989. Опыт корреляции дендрохронологических и палеоклиматических данных XII–XIV вв. // Естественно-научные методы в археологии. М.

Черных Н.Б., 1996. Дендрохронология и археология. М.

Черных Н.Б., Сергеева Н.Ф., 1997. Дендрохронология архитектурных памятников на Севере России (бассейн рек Онеги и Сев. Двины) // РА. № 1.

Chernavskaya M., 1996. Weather Conditions of 1695–96 in European Russia. J. Appl. Meteor. Vol. 35, 7, 1059–1062.

Chernavskaya M.M., Pushin A.V., Zemtsov D.Y., 1996. Growth response to circulation processes over the north-western part of the Russian plain // Dendrochronologia. № 14.

Douglas A.E., 1941. Crossdating in dendrochronology // Journal of Forestry. 39.

Eronen M., Lindholm M., Zetterberg P., 1994. Extracting palaeoclimatic information from pine tree-rings in Finland // Climatic Trends and Anomalies in Europe 1675–1715. V. 13 / Ed. B. Frenzel. Palaoklimafoschung.

Fritts H.C., 1976. Tree rings and climate. London; New York; San-Francisco.

Neumann J., Lindgren S., 1979. Great historical events that were significantly affected by the weather. Part IV: The great famines in Finland and Estonia, 1695–97 // Bull. Amer. Meteor. Soc., 60.

Schove D., 1954. Summer temperatures and tree-rings in North Scandinavia A.D. 1461–1950 // Geogr. Annaler. B. XXXVI. № 1–2. Stockholm.

Schweingruber F.H., Eckstein D., Serre-Bachet F., Braker O.U., 1990. Identification, presentation and interpretation of event years and pointer years in dendrochronology // Dendrochronologia. 8.

Институт географии РАН, Москва
Институт археологии РАН, Москва

A.V. PUSHIN, M.M. CHERNAVSKAYA, N.B. CHERNYKH

EXTREME CLIMATIC PHENOMENA AND TREE-RING GROWTH ANOMALIES IN THE 16th-19th CENTURIES IN THE NORTH OF THE RUSSIAN PLAIN

Summary

In the article is discussed the methodological approach achieved by the authors, in consists in combined investigation of independent indirect data – dendrochronological and historical records. Dendrochronologies of the positive and negative anomalies of radial growth were obtained from the architectural monuments of northern part of the Russian plain dated back to the 16th – 19th centuries. Data set of extreme climatic phenomena for the same period was analysed in relationship with time-series of tree-ring growth abrupt years. Regional features of tree-ring growth response to spatial spread of climatic extremes and especially their combinations and frequency were revealed. The authors came to a conclusion that the set of historical records and dendrochronologies are reliable as far as the reconstruction of climatic changes is concerned.

Дискуссии

Ю.С. ХУДЯКОВ

К ВОПРОСУ О КОННИЦЕ, ПЕХОТЕ И ХАРАКТЕРЕ ВОЙСКА ДРЕВНИХ ТЮРОК

Древним тюркам принадлежала важная роль в политической, военной, этнокультурной истории кочевых народов степного пояса Евразии и оседлого населения сопредельных регионов в эпоху раннего средневековья. Этим обусловлено постоянное внимание к изучению истории, культуры, языка древних тюрок в мировой и отечественной науке. В последние годы в связи с ростом национального самосознания среди тюркоязычных народов интерес к историческому прошлому, в том числе к истории древних тюрок, значительно возрос. К сожалению, этот вполне закономерный интерес к истории тюркских народов в последнее время отягощен стремлением некоторых ученых, литераторов и публицистов неоправданно расширить пространство и время былого существования древнетюркского этноса и культуры, пересмотреть цивилизационную принадлежность средневекового кочевого общества (Лайпанов К.Т., Мизиев И.М., 1993; Аджиев М., 1997).

Одним из перспективных научных направлений в изучении истории и культуры древних тюрок является исследование их военного дела. В прошлом разработка данной темы сдерживалась в силу ряда причин объективного и субъективного свойства. К настоящему времени по этой проблематике накоплен достаточно обширный фонд информативных источников: письменных, вещественных, изобразительных. Благодаря усилиям многих ученых, историков, востоковедов, синологов, тюркологов собран, переведен на европейские языки, введен в научный оборот широкий круг сведений по военной истории древних тюрок (Бичурин Н.Я., 1950; Кюнер Н.В., 1961; Малов С.Е., 1951), реконструирована последовательность исторических событий, уточнены особенности и характер военной политики различных древнетюркских государственных образований (Кляшторный С.Г., 1964; Гумилев Л.Н., 1967; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1994). Археологами исследованы погребальные, поминальные и петроглифические памятники, относящиеся к культуре древних тюрок в различных районах Центральной Азии, в которых обнаружены предметы вооружения или изображения древнетюркских воинов. На материалах раскопок древнетюркских погребений с конем и поминальных оградок с каменными изваяниями в Саяно-Алтае, Монголии, на Тянь-Шане разработаны хронология и периодизация, определена этнокультурная принадлежность памятников древнетюркской культуры в центрально-азиатском историко-культурном регионе (Евтюхова Л.А., 1952; Грач А.Д., 1961; Гаврилова А.А., 1965; Вайнштейн С.И., 1966; Шер Я.А., 1966; Могильников В.А., 1981; Савинов Д.Г., 1984; Кубарев В.Д., 1984; Овчинникова Б.Б., 1990; Табалдиев К.Ш., 1996). При анализе предметного комплекса из памятников древнетюркской культуры исследователи уделяли внимание изучению предметов вооружения. Разработка аналитической модели для оружиеведческого исследования комплекса боевых средств кочевых культур Центральной Азии позволила впервые охарактеризовать военное дело древних

Работа выполнена по гранту РГНФ № 98-01-00338.

© Ю.С. Худяков, 2000 г.

тюрок, включая вооружение дистанционного, ближнего боя и защиты, структуру военной организации и военное искусство древних тюрок (Худяков Ю.С., 1986). Характеристика военного дела древних тюрок по материалам преимущественно вещественных источников с привлечением данных изобразительных и письменных свидетельств обусловлена характером последних. При обилии упоминаний военных событий в источниках, связанных с историей тюркских каганатов, описания самих сражений в них очень кратки и малоинформативны. По этим сведениям сложно реконструировать состав войска, характер его построения, последовательность вступления в бой отдельных контингентов. Поэтому особенности военного искусства древних тюрок необходимо реконструировать на основе анализа совокупности данных из всех видов источников.

Иной подход к изучению военного дела древних тюрок предложен в статье И.Л. Кызласова (1996). Автор статьи утверждает, что поскольку "поиски специалистов и разыскания дилетантов" (в изучении истории древних тюрок. – *Ю.Х.*) "охотно ведутся лишь в заранее избранной сфере так называемых кочевнических древностей", поскольку "эти исследования не могут отвечать всем требованиям науки". Свою задачу он видит в том, чтобы "изменить восприятие" и "привычные представления" у ученых "в отношении наиболее существенных черт ранней истории тюркоязычных народов" (Кызласов И.Л., 1996, с. 73).

Каким образом можно "изменить восприятие" исследователей так, чтобы кочевники перестали восприниматься кочевниками? Для этого автору пришлось подвергнуть сомнению достоверность сведений средневековых источников и обоснованность их интерпретации предшественниками. Изменять "привычные представления" он предполагает на примере военного дела древних тюрок. Упомянув о том, что "наиболее ранние свидетельства" о тюрках содержатся в китайских династийных хрониках VII в., он пишет: «Уже в это время стало известно, что тюрки "из оружия имеют роговые луки с свистящими стрелами, латы, копья, сабли и палаши... искусно стреляют из лука с лошади" ("Чжоу-шу") (Бичурин Н.Я., 1950, с. 229), что сила тюрок заключается в конной стрельбе из луков» (слова императора Гао-цзу, сказанные между 615 и 617 гг.) (Liu Mautsai, 1958, S. 430). И на страницах всех последующих источников (китайских, арабских, иранских, греческих, славянских и пр.) вооруженные силы тюрок обычно предстают в виде конницы. Поэтому многие полагают, что именно всадники являются исконным родом войск тюркоязычных народов". И.Л. Кызласов считает, что "эти свидетельства не следует распространять за пределы средневековья" и "берется показать", что "первоначальной армией древних тюрков была пехота" (Кызласов И.Л., 1996, с. 74).

Предложенная антитеза не только весьма "непривычна", но и довольно нелогична. С какой стати составители "Чжоу-шу" и других средневековых источников, представителей народов и государств, войска которых встречались с древними тюрками на поле боя, должны были искажать реальное положение дел и вводить в заблуждение позднейших историков? Какую цель мог преследовать император Гао-цзу, утверждая, что "сила тюрок заключается в конной стрельбе из лука", если на самом деле это было не так? И можно ли упрекать специалистов в том, что они действуют "в заранее избранной сфере", если следуют совершенно определенным свидетельствам средневековых источников?

К тому же история конницы как особого рода войск со времени освоения верховой езды и до XX в. отнюдь не свидетельствует о том, что он был характерен только для кочевников, а напротив, с успехом использовался в войнах государствами, относящимися к оседло-земледельческим цивилизациям Евразии и северной Африки в древности, средневековье и новое время. Во многих знаменитых генеральных сражениях между крупнейшими армиями древнего мира именно умелые действия и превосходство в кавалерии решало участь в пользу одной из сторон (Марков М.И., 1886; Дельбрюк Г., 1936; Разин Е.А., 1955). Во многих государствах древности и средневековья конница была аристократическим родом войск, в котором служили представители

знатных сословий. В древним Риме "всадниками" называлось одно из высших сословий общества. В средние века рыцарская конница в Европе составляла основу армии. С появлением и развитием огнестрельного оружия в военном искусстве европейских государств произошли существенные изменения, однако конница продолжала оставаться одним из основных родов войск в армиях многих стран Европы вплоть до их перевооружения подвижной бронетехникой – "стальной конницей" (как сказал бы поэт). В войнах между кочевыми и оседлыми государствами именно преимущество в коннице длительное время создавало военное превосходство на стороне номадов. Это хорошо понимали правители оседло-земледельческих государств, которые для успешного противостояния кочевникам пытались повысить боеспособность своей кавалерии или привлечь на свою сторону часть кочевых племен. Поэтому стремление И.Л. Кызласова "показать", что современники и противники древних тюрок заблуждались относительно роли конницы и пехоты в их войске, а ученые лишь следуют "привычным представлениям", противоречит не только "свидетельствам хроник соседних для тюркоязычных народов древних цивилизаций Азии и Европы", но и всему ходу истории военного искусства. Этим "свидетельствам" автор противопоставляет данные древнетюркского языка (Кызласов И.Л., 1996, с. 74).

Надо отметить, что И.Л. Кызласов далеко не первый пытается противопоставить "объективность" древнетюркской лексики "тенденциозности" древних и средневековых источников. В свое время подобной методикой активно пользовался О.О. Сулейменов, которому благодаря "сплаву публицистики с кропотливым анализом лингвиста" удалось "доказать" тюркоязычность шумеров, скифов, саков и многое другое (Сулейменов О.О., 1975). В наши дни аналогичной методикой "с успехом" пользуются К.Т. Лайпанов, И.М. Мизиев, М. Аджиев и другие "энтузиасты", под пером которых тюркоязычными становятся не только носители культур эпохи бронзы, скифы и сарматы евразийских степей, но и этруски, индейцы и т.д. Впрочем, последний автор предложил и более радикальный метод для "пересмотра стереотипов" и "отхода от наезженных дорог". Для этого не обязательно заглядывать в "Древнетюркский словарь", достаточно посмотреть на себя в зеркало, чтобы убедиться в том, что "антропологически более половины россиян есть тюрки-кипчаки". По его оптимистическим подсчетам, "таких не менее 100 миллионов человек" (Аджиев М., 1997, с. 33, 34). Вероятно, подобную "антропологию" можно назвать даже не "зеркальной", а "зазеркальной".

Спору нет, анализ военной терминологии из древнетюркских рунических надписей нужен и важен для изучения военного дела древних тюрок. Вероятно, он может способствовать уточнению особенностей структуры военной организации, состава и принципов формирования войска и других вопросов, существенных для военной истории. Однако разработкой данной темы, требующей соответствующей филологической, тюркологической и военно-исторической подготовки, должны заниматься специалисты. Может быть, сенсационных открытий будет меньше, но результаты исследований станут надежнее. А когда лингвистическими изысканиями утруждают себя неспециалисты, нет уверенности в самом элементарном. Насколько правомерны предложенные переводы и этимологии древнетюркских слов? До того как они будут прокомментированы специалистами, пользоваться результатами таких изысканий нельзя.

Можно было бы оставить изыскания И.Л. Кызласова на суд филологов, если бы сам факт публикации его статьи в центральном археологическом журнале страны не стал поводом для "изменения привычных представлений" о характере древнетюркского войска у некоторых археологов (Горбунов В.В., 1998, с. 127).

Основными доказательствами того, что древнетюркское войско "изначально" было пехотой, И.Л. Кызласов считает наличие в рунических текстах словосочетаний "отправляться в поход", "ходить войною", "воевать" в буквальном значении "идти, ходить" и слов "война", "сражение" в буквальном значении "пронзать копьем", "колоть и резать" кинжалом или коротким мечом, "бить" булавой, которые он считает пехот-

ным оружием (Кызласов И.Л., 1996, с. 76–78). Вооружением воина-кочевника он считает лук, стрелу, саблю и аркан (Кызласов И.Л., 1996, с. 77). Правда, как он сам отмечает, в древнетюркских рунических текстах выражение "пронзать копьем" практически всегда относится к действиям всадников. В частности, о подвигах Кюль-тегина прямо сказано, что он колол копьями врагов в ходе сражений верхом на своих конях (Кызласов И.Л., 1996, с. 78). Однако, по мнению автора, успешные действия древнетюркской панцирной кавалерии "вряд ли могли привести к формированию лексики общего значения", поскольку тяжеловооруженные всадники "не составляли в тюркоязычных армиях большинства" (Кызласов И.Л., 1996, с. 78). Вопрос о том, к какому периоду относится преобладание в древнетюркском войске пехоты и формирование соответствующей лексики, для И.Л. Кызласова не вполне ясен. По косвенным данным, изображениям пеших воинов на таштыкских рисунках, он вроде бы готов отнести подобное "состояние древнетюркской армии" к таштыкскому времени, но вынужден признать, что на этих рисунках преобладают пешие лучники, что противоречит предложенной выше интерпретации. Поэтому рассмотренная группа слов и история древнетюркской пехоты отнесена к "древнейшему этапу пратюркской истории", раннему железному веку или "гораздо более глубокой первобытности" (Кызласов И.Л., 1996, с. 80). Впрочем, чуть ниже он приводит ряд выражений из древнетюркских и китайских текстов, которые подтверждают существование пехоты у древних тюрок и других тюркоязычных кочевников Центральной Азии и в эпоху раннего средневековья (Кызласов И.Л., 1996, с. 80–82). По ходу рассуждений автор апеллирует и к древнерусской лексике, и к общей периодизации истории вооружения (Кызласов И.Л., 1996, с. 77, 80).

Насколько можно считать обоснованными и доказанными высказанные предположения?

Правомерна ли подобная буквальная трактовка выражений "идти в поход", "ходить войною", "довести до изнеможения свои ноги" в качестве доказательства, что эти войны и походы совершались в пешем строю? В русском языке, на примеры из которого также ссылается И.Л. Кызласов, аналогичные выражения "идти" или "ходить в походы" вовсе не означает совершать их именно пешком. Походы совершают и конные отряды, и подразделения военной техники, и подводные и надводные корабли. Поэтому выражения "идти на вы" или "ходить походами в далекие края" отнюдь не означают, что речь идет именно о пеших походах. Естественно полагать, что и в древнетюркских текстах аналогичные выражения "ходить войной", или "идти в поход", или "утомить ноги" вовсе не означают, что эти подходы были пешими. Могут возразить, что И.Л. Кызласов имеет в виду не реальное употребление этих выражений древними тюрками, а происхождение группы слов, восходящей "к древнейшему этапу пратюркской истории" (Кызласов И.Л., 1996, с. 80). Но ведь он сам указал, что древние тюрки впервые обнаружились на арене истории в VI в. н.э. (Кызласов И.Л., 1996, с. 74). И выражение "довести до изнеможения свои ноги" он трактует как доказательство существования древнетюркской пехоты "еще и в 30-е годы VIII в." (Кызласов И.Л., 1996, с. 80). В случае доказательства существования пехоты у тюркоязычного племени сеяньто он готов довериться китайским источникам, хотя их сведения о древнетюркской коннице подвергал сомнению, противопоставляя им данные тюркского языка (Кызласов И.Л., 1996, с. 74, 82).

По нашему мнению, многих из этих несуразностей и противоречий можно избежать, если учесть, что в тактическом арсенале кавалерии был комбинированный вид боя, когда отряды всадников в зависимости от необходимости могли сражаться как в конном строю, так и в спешенном положении (Худяков Ю.С., 1985, с. 296). Подобным образом умели воевать не только кочевники от скифов до монголов, но и кавалеристы из армий оседло-земледельческих стран, применявшие комбинированный бой вплоть до XX в. Именно комбинированный бой между сеяньтосским войском во главе с полководцем Даду Ше и союзными войсками тюрок во главе с предводителем Се Вань-че и китайским отрядом во главе с полководцем Ли Цзи на реке Ночжень, к

северу от Ордоса в 641 г. описан в Тан-шу, который И.Л. Кызласов, а вслед за ним В.В. Горбунов сочли важным доказательством в пользу существования пехоты у тюркоязычных телесцев. В.В. Горбунов высказал ряд предположений по поводу "преимуществ" использования пехоты против конницы, а для сеяньтосского войска предложил особый термин "ездящая пехота" (Горбунов В.В., 1998, с. 127).

Между тем в описании этого похода определенно говорится о действиях тюркской и сеяньтосской конницы. В составе союзного тюркам китайского войска наряду с "лучшей конницей" была и пехота. Военные действия начались после того, как император Тайцзун провозгласил ханом своего тюркского вассала Иминишу Сылибы-хана Сымо, стремясь ослабить сеяньтосский каганат. Сеяньтосский каган Инань через своего посланника пытался объяснить императору, что тюркам "невозможно верить" и просил дозволения "истребить их" (Бичурин Н.Я., 1950, с. 262). Когда этого не удалось добиться, Инань послал против тюрок двухсоттысячное войско во главе с Даду Ше, в котором "каждому солдату велено иметь четыре лошади". Вероятно, три заводные лошади были нужны для повышения скорости конского перехода. Однако настичь Сымо не удалось, тот успел уйти на юг. На помощь тюркам выступила китайская армия Ли Цзи, который "выбрал отважнейших солдат и с лучшею конницею", перейдя реку Лао-хэ, настиг отступающих сеяньтосцев. Полководец Даду Ше, сын кагана Инаня, имевший титул "малого хана", поняв, "что невозможно избегнуть сражения, перешел через речку Ночжень и поставил войско в боевой порядок. Прежде всего сеяньтосцы в войне с Шаболо и Ашиною Шежи одерживали победы пехотою; почему и теперь, спешив конников, поставили по пяти человек, из которых пятый держал четырех лошадей, а четверо впереди дрались" (Бичурин Н.Я., 1950, с. 340, 341).

Очевидно, Даду Ше счел более выгодным оборонять позицию на противоположном от противника берегу реки, спешив своих "конников", может быть, для того, чтобы не дать им разбежаться при натиске отборного китайского войска. "При открытии сражения тукюеское войско было потеснено. Сйеяньтосцы в восторге преследовали. Цзи подкрепил тукюесцев. Сйеяньтосцы начали стрелять в лошадей и они погибали. Цзи выстроил пехоту в сотенные колонны и ударил в промежутки. Неприятели пришли в замешательство. Тукюеский предводитель Се Вань-че с отборною конницею прежде устремился на держащих лошадей; почему сйеяньтосцы не могли уйти. Они потеряли несколько тысяч убитыми и до 15000 лошадей отбитыми. Даду Ше бежал. Се Вань-че погнался за ним, но не мог догнать. Остальные войска бежали через песчаную степь на север" (Бичурин Н.Я., 1950, с. 341). Из описания очевидно, что в начале сражения тюрки атаковали неудачно, были потеснены и тем самым спровоцировали телесцев на атаку, и те стреляли по лошадям противника. Но когда китайский полководец построил свои отряды в пешие "сотенные колонны" и ударил ими в образовавшиеся промежутки в построении сеяньтосского войска, телесцы пришли в замешательство и бросились бежать, но не смогли уйти, поскольку тюркская конница атаковала тех воинов, кто держал лошадей. В итоге несколько тысяч потеряно убитыми, захвачено 15000 лошадей, остальные, в том числе полководцы, бежали. И.Л. Кызласов прокомментировал результаты этого сражения таким образом: поскольку в прежних войнах с предводителями тюрок сеяньтосцы "одерживали победы пехотою", поэтому и «на этот раз они прибегли ко всегда оправдывавшему себя традиционному виду боя. В результате "при открытии сражения тукюеское войско было потеснено"» (Кызласов И.Л., 1996, с. 82). В результате подобного цитирования сеяньтосские "спешенные конники" превратились в пехотинцев, а их поражение в победу.

Не лучше обстоит дело и с противопоставлением лука и стрел как кавалерийского оружия копью, булаве, кинжалу или короткому мечу в качестве средств, присущих пехотинцам. Сеяньтосцы, спешившись и удерживая оборону по берегу реки, смогли потеснить наступавших тюрок и перейти в атаку, стреляя из луков в лошадей противника. Подобным образом действовали и монголы. Как отмечал Ю.Н. Рерих, монголь-

ские лучники "спешивались и вели огневой бой" (Худяков Ю.С., 1991, с. 162). Приведенные И.Л. Кызласовым в качестве "косвенных свидетельств" существования древнетюркской пехоты таштыкские рисунки изображают пеших воинов с луками в руках, зато тюркские воины успешно колют своих врагов "пехотными" копьями верхом на лошадях (Кызласов И.Л., 1996, с. 78, 80). На деле и лук со стрелами, и копье, и другие упомянутые в статье виды оружия задолго до эпохи раннего средневековья применялись и пехотницами, и всадниками. Попытка выделить рода войск по характеру применяемого оружия, упомянутого в древнетюркских текстах, оказалась неудачной. Это было бы возможно, если бы в источниках были указаны различия между луками или копьями всадников и пехотинцев.

В истории военного дела древнего населения степной Евразии копье в качестве специализированного боевого оружия действительно первоначально появилось у пеших воинов еще до возникновения боевых колесниц и освоения верховой езды, но это произошло в период развитой бронзы и никак не связано с генезисом древнетюркской культуры, предметный комплекс которой восходит к хуннской среде (Кляшторный С.Г., 1965, с. 279; Худяков Ю.С., 1999, с. 136).

"Результативность" методики выяснения родов войск по данным древнетюркского языка наглядно демонстрирует еще один пример, приведенный в статье И.Л. Кызласова. Он считает весьма существенным аргументом в пользу наличия пехоты в древнетюркском войске отсутствие в рунических текстах термина для обозначения конницы, в то время как в русском языке для этого имеется два специальных наименования (Кызласов И.Л., 1996, с. 76). Неужели на этом основании русских нужно считать в большей степени всадниками и кочевниками, нежели древних тюрок? Отсутствие специального термина в языке рунических надписей может объясняться тем, что для их создателей слово "войско" было практически тождественным понятию "конское войско" или "конница". Подобные уточнения – "пешее войско" и "конное войско" – потребовались древним тюркам, когда им нужно было описать китайскую армию, в составе которой была и конница, и пехота, и именно в данном случае "эти понятия были переданы описательно" (Кызласов И.Л., 1996, с. 76). Наверное, приведенных примеров вполне достаточно, чтобы показать, что затея с обнаружением пехоты в материалах древнетюркского языка оказалась совершенно несостоятельной. Сказанное выше вовсе не означает, что в войсках тюркских каганов не могло быть подразделений пехоты. В ходе военной экспансии древними тюрками были подчинены обширные территории с многочисленным оседло-земледельческим и городским населением. Военные контингенты подвластных племен и народов, в том числе отряды пехоты, принимали участие в боях и походах в составе древнетюркских войск. Их реальная роль и значение в войнах и военной организации древних тюрок нуждаются в специальном изучении. Скорее всего в древнетюркском войске они имели характер вспомогательных сил, что свойственно для подразделений вассальных племен и для армий других кочевых государств подобно военным отрядам кыштымов в составе войск Кыргызского каганата (Худяков Ю.С., 1997, с. 43).

Разумеется, такие пехотные вспомогательные подразделения не могли быть для древних тюрок ни "первоначальной армией", ни "исконным родом войск". Для выделения родов войск в армиях тюркских каганатов недостаточно "данных древнетюркского языка" или даже отдельных упоминаний в источниках. Например, если в описании Гератской битвы указывается, что в древнетюркской армии были слоны, это не означает, что применение боевых слонов было характерной чертой древнетюркского военного искусства (Гумилев Л.Н., 1993, с. 128, 131). Для того чтобы выделение родов войск было обоснованным, необходимо привлекать сведения не только письменных, но и изобразительных и вещественных источников, что поможет реконструкции комплексов боевых средств и тактических возможностей их применения.

Во второй части своей статьи И.Л. Кызласов рассуждает "о характере древнетюркской армии". Согласно его мнению, в древнетюркских текстах нет терминов, подобных русским "воин", "ратник", "боец", а имеются слова "более архаичной при-

роды и более широкого значения" (Кызласов И.Л., 1996, с. 82). К числу таких слов он относит тюркские термины "эр" в значении "мужчина", "муж", "воин" и "оглан" в значении "мальчик", "сын", "воин" (Кызласов И.Л., 1996, с. 83, 84). Им приведены и другие древнетюркские термины для обозначения воинов "эш" и "адаш" в значении "друг", "товарищ" и "кадаш" в значении "сородич", "брат", а также "будун" в значении "люди", "народ", "войско" (Кызласов И.Л., 1996, с. 85, 86). Из анализа данных терминов и их употребления в контексте рунических памятников он делает два вывода: "внутреннее членение древнейшего тюркского войска было двойным и основывалось на различии поколений" аналогично делению древнерусской дружины на "старшую" и "младшую"; древнетюркская терминология, относящаяся к военному делу, очень архаична, она отражает общественное устройство "эпохи малых коллективов, единство которых выражалось представлениями о кровном родстве, а в пережиточном виде сохранилась до средневековья" (Кызласов И.Л., 1996, с. 86, 88).

Первый из предложенных выводов нужно поддержать, оговорившись, что его нельзя считать в полной мере новым. О делении средневековой дружины на "витязей сородичей, витязей огушей, витязей огланов" писал в свое время С.В. Киселев. Он же сравнивал "дружинников огланов – конную молодежь" с древнерусской "дружиной молодшей" (Киселев С.В., 1949, с. 335).

Можно согласиться и с тем, что происхождение такого деления войска, так же как и терминов со значением "мужчина-воин" и "народ-войско", имеет стадиальный характер. К этому следует добавить, что синонимом к слову "мужчина" был не только термин "воин", но и "человек" и "соплеменник", а "народ" означает не просто "войско", а только совокупность мужчин-воинов своего этноса. Многие этнонимы, возникшие в древности, буквально означают "люди" в значении "мужчины-воины-соплеменники". По-видимому, не составляли исключения в этом отношении и древние тюрки. Согласно Махмуду Кашгари, этноним "тюрк" буквально означает "войско" (Бернштам А.Н., 1935, с. 46). Н.Я. Бичурин предложил объяснить название тюрок от монгольского слова "шлем", который напоминает очертания алтайских гор (Бичурин Н.Я., 1950, с. 221). Даже если это "народные этимологии", их содержание вполне симптоматично. Однако происхождение деления войска на отряды по возрастным группам и появление воинских терминов должно относиться не к родовому строю, как можно понять витиеватое выражение И.Л. Кызласова "общинный строй, эпохи малых коллективов, единство которых выражалось представлениями о кровном родстве", а ко времени становления военной организации в кочевом обществе на надплеменной основе. Как отмечал Л.Н. Гумилев, военная организация кочевников из внутриплеменной структуры неизбежно становится надплеменной, а именно "ордой", принципы формирования которой способны разрушить родоплеменную структуру кочевого общества (Гумилев Л.Н., 1967, с. 60). Само деление войска на отряды по возрастному признаку и сохранение в воинской обиходной лексике обращений "браток", "сынок", "дружище", "земляк" и т.д. вряд ли можно объяснить только "архаизмами" и "пережитками" родового строя, поскольку подобные обращения бытуют в армиях стадиально развитых обществ вплоть до современности. Как известно, в одной из самых совершенных и организованных армий древнего мира – римской, завоевавшей в ходе многочисленных войн все Средиземноморье и пол-Европы, также существовало деление отрядов по возрастным группам: велиты, гастаты, принципы, триарии, различавшимся не только возрастом, но и оружием (Разин Е.А., 1955, с. 272–274). И в армии Наполеона Бонапарта была "молодая" и "старая гвардия". Конечно, в любой армии главным критерием распределения на "младших" и "старших" должен был быть не только возраст солдат сам по себе, но и воинский опыт и умение.

Вопрос о том, по какому критерию или с какого возраста древнетюркские воины делились на "огланов" и "эров", не вполне ясен. В рунических памятниках на этот счет имеются разные указания. Например, о Кули-Чуре говорится, что "к семи годам" он уже принимал какое-то участие в военных событиях "когда карлуки враждовали и сражались в Тезе" (Малов С.Е., 1959, с. 29). О Кюль-тегине известно, что "в десять

лет" он получил "имя эра, а шестнадцати лет" принял участие в военных действиях (Кызласов И.Л., 1996, с. 82, 83). Над Могилян "на семнадцатом году" уже возглавлял войско и совершил поход на тангутов (Малов С.Е., 1959, с. 20). Вероятно, не все древнетюркские "акселераты" становились "мужами" уже в 10 лет, а в 16–17 могли командовать войсками. В современной армии с процветающей "дедовщиной" главным критерием является не возраст солдата, а срок его службы. Несвоевременно призванные в армию "молодые", "салаги" могут быть по возрасту старше "дедов", но в их положении это мало что меняет.

В заключение нужно согласиться и с утверждением, что возможности изучения древнетюркской военной лексики далеко не исчерпаны (Кызласов И.Л., 1996, с. 88). Автору стоит продолжить работу над данной темой. Важно только, чтобы лексикологией занимались лексикологи, а археологией – археологи, а в случае необходимости объединяли усилия и проводили совместные исследования, что сделает их результаты более весомыми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аджиев М., 1997. Тюркский вклад в европейскую цивилизацию // Евразийское сообщество: экономика, политика, безопасность. № 3.

Бернштам А.Н., 1935. Происхождение турок // Проблемы истории докапиталистических обществ. № 5–6.

Бичурин И.Я., 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. 1. М.; Л.

Вайнштейн С.И., 1966. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры // СЭ. № 3.

Гаврилова А.А., 1965. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.

Горбунов В.В., 1998. Тяжеловооруженная конница древних тюрок (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул.

Грач А.Д., 1961. Древнетюркские изваяния Тувы. М.

Гумилев Л.Н., 1967. Древние тюрки. М.

Гумилев Л.Н., 1993. Древние тюрки. М.

Дельбрюк Г., 1936. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 1 М.

Евтюхова Л.А., 1952. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. № 24.

Киселев С.В., 1949. Древняя история Южной Сибири // МИА. № 9.

Кляшторный С.Г., 1964. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.

Кляшторный С.Г., 1965. Проблемы ранней истории племени турк (Ашина) // Новое в советской археологии. МИА. № 130.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1994. Степные империи Евразии. СПб.

Кубарев В.Д., 1984. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск.

Кызласов И.Л., 1996. Материалы к ранней истории тюрков. I. Древнейшие свидетельства об армии // РА. № 3.

Кюнер Н.В., 1961. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.

Лайпанов К.Т., Мизиев И.М., 1993. О происхождении тюркских народов. Черкесск.

Малов С.Е., 1951. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л.

Малов С.Е., 1959. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.

Марков М.И., 1886. История конницы. Ч. 1, 2. Тверь.

Могильников В.А., 1981. Тюрки // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Овчинникова Б.Б., 1990. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск.

Разин Е.А., 1955. История военного искусства. Т. 1. М.

Савинов Д.Г., 1984. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.

Сулейменов О.О., 1975. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата.

Табалдиев К.Ш., 1996. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек.

Худяков Ю.С., 1985. Ю.Н. Рерих о военном искусстве и завоеваниях монголов // Рериховские чтения 1984 года. Новосибирск.

Худяков Ю.С., 1986. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.

Худяков Ю.С., 1991. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск.

Худяков Ю.С., 1997. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск.

Худяков Ю.С., 1999. Проблема генезиса древнетюркской культуры // Altaica. Вып. III.

Шер Я.А., 1966. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л.

Liu Maotsai, 1958. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken (Tukiie). B. I. Wiesbaden.

Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск

Yu.S. KHUDYAKOV

ON CAVALRY, INFANTRY, AND THE CHARACTER OF THE ANCIENT TURKS' ARMY

S u m m a r y

In the article a debatable question of the ancient Turks' warfare is discussed. Written sources display contrasting points of view on the problem: some of them state that the ancient Turks' army was based on cavalry, but the linguistic evidences prove that it consisted of infantry. The latter was suggested by I.L. Kyzlasov who proceeded from literal interpretation of separate expressions known from ancient Turkish runic texts, such as "to go camping", "to go to war" etc. It was these words that were put forward as the evidence that ancient Turks' troops consisted of infantry. In fact these expressions were used to signify moving cavalry, armoured troops, military expedition and as such they cannot prove the existence of ancient Turkish infantry. The thesis of the leading role of Turkish infantry in wars between the Turks and the joint forces of the Teles and Chinese cavalry has appeared due to misunderstanding of Chinese written sources that mentioned combined battle of the Teles cavalry. These passages cannot be interpreted as the testimony of existence of infantry in ancient Turks' army, since the word signifying cavalry is rarely used in runic texts. In ancient Turkish the term "army" had the same meaning as the word "cavalry". Infantry could have exist in ancient Turks' military forces, but it was formed of vassal tribes and played only a subsidiary role. Genesis of ancient Turkish terms signifying a warrior and war-like people date from period of formation of the military organisation form known as "horde". According to the Middle Age scholar M. Kashgari, the very word "Turk" meant "army". Turkish army was divided into detachments according to the warriors' age, military experience and skills. To reconstruct the ancient Turks' army we should proceed from combined analysis of different kinds of historical sources, such as material, imagery, written, and linguistic ones.

Публикации

С.Ф. КОКШАРОВ, А.А. ПОГОДИН

МЕЗОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА ЗАТУМАННОЙ КОНДЕ

Река Конда – левый приток Иртыша – берет начало на юге Северо-Сосьвинской возвышенности и собирает воды центральной части Кондинской низменности. Обилие атмосферных осадков, большая площадь водосбора, слабый уклон Конды в низменных местах служат причиной необычайно широких разливов. Застаиваясь, они образуют "соры" или "туманы" – обширные озеровидные расширения речных долин. Верховья реки до ее впадения в Большой Турсунский туман, где такие водоемы отсутствуют, называют Затуманной Кондой. Верхнее и нижнее течение реки находятся в пределах подзоны средней тайги, а средний участок – в южнотаежной подзоне.

Первые мезолитические памятники в бассейне р. Конды были открыты в 1980-х годах (Стефанова Н.К., 1981, с. 232, 233). Наибольшая их концентрация отмечена в Леушинско-Сатыгинской озерной системе. К настоящему времени по всему Кондинскому бассейну известно более 30 таких пунктов. Они представлены кратковременными стоянками и долговременными поселениями, однако происходящие с них материалы до сих пор не опубликованы в должном объеме. Цель предлагаемой статьи состоит в том, чтобы отчасти изменить сложившееся положение и ввести в научный оборот материалы интереснейшего, на наш взгляд, поселения Геологическое III.

Поселение находится на правом берегу р. Эсс – самом крупном притоке Затуманной Конды, в 10 км к северо-западу от г. Югорска (Советский р-он, Тюменской обл., Ханты-Мансийский авт. окр.) (рис. 1, *А*, *Б*). Памятник расположен на северо-восточной оконечности полуострова, вдающегося в заболоченную пойму р. Эсс и соединяющегося узким перешейком с правым коренным берегом реки. Севернее полуострова расположены заболоченное озеро и вытекающий из него ручей. С востока к полуострову примыкает старичное озеро. В прежние годы полуостров представлял собой бор-беломошник.

В 1985–1990 гг. на поселении было заложено семь раскопов и изучено 1292 кв. м культурного слоя. Судя по находкам, данное место посещалось в эпоху камня, раннего металла и в железном веке. Мезолитические артефакты и объекты встречены в раскопах II–V, VII, т.е. по всей площади памятника. Ввиду отсутствия документации по раскопу VII мы ограничились в работе лишь доступными материалами. Описание остатков дается по сложившейся номенклатуре – раскоп, жилище, каменный инвентарь – в полевых исследованиях (Беспрозванный Е.М., 1997, с. 26–29; Кокшаров С.Ф., 1987, с. 3–18; 1988, с. 4–14; Морозов В.М., 1986, с. 22–27; 1987, с. 4–15). Распределение каменного инвентаря по объектам см. в таблице.

Раскопами II и V изучены две впадины, возникшие на месте двухкамерного мезолитического жилища (рис. 2, *Б*). Котлован **камеры № 1** прямоугольной формы, размерами 5,5 × 3,8 × 0,5 м, ориентирован длинными стенами по оси СЗ–ЮВ. Вход в помещение выражен прямоугольным выступом размером 1,6 × 1 м, расположенным по центру юго-западной стенки котлована. Ровный пол постройки вытоптан по

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 97-01-00437.

© С.Ф. Кокшаров, А.А. Погодин, 2000 г.

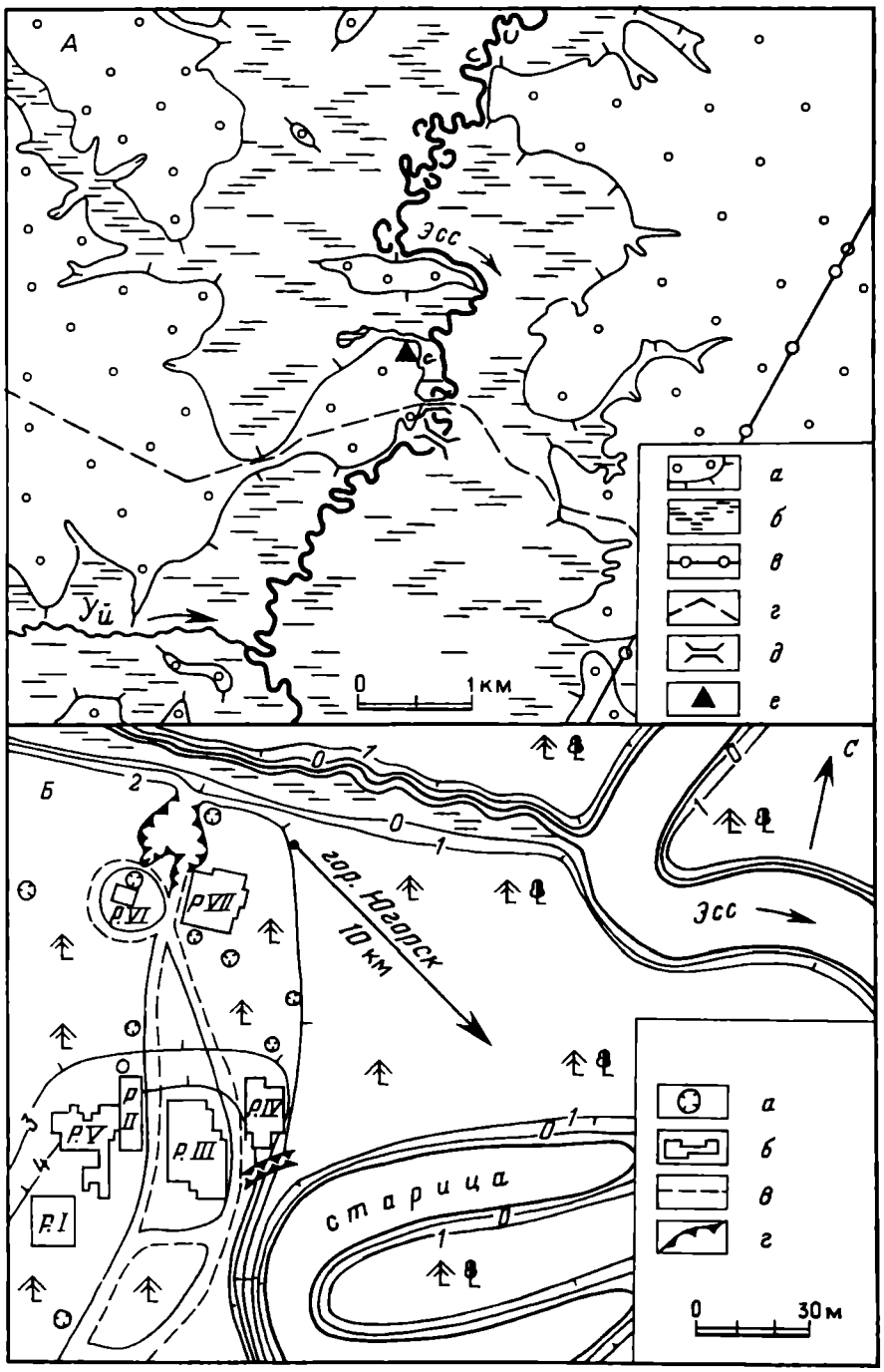


Рис. 1. План поселения Геологическое III: А – расположение памятника в долине р. Эсс (*а* – надпойменная терраса; *б* – заболоченная пойма; *в* – газопровод; *г* – грунтовая дорога; *д* – мост; *е* – поселение Геологическое III); Б – расположение раскопов и жилищных впадин на памятнике (*а* – жилищная впадина; *б* – раскоп; *в* – дорога; *г* – разрушения террасы)

короткой оси котлована: от входа в дом до перехода в камеру № 2. В пределах постройки отмечены 12 ямок от столбов и пятно охры. Котлован **камеры № 2** имел подпрямоугольную форму, размеры 5,8 × 5 × 0,8 м. Объект ориентирован длинными сторонами по оси С–Ю. Ниже уровня пола по внутреннему периметру котлована отмечались канавки. Обе камеры были соединены между собой четко выраженным коридорообразным переходом длиной 1,15 м, шириной 0,4 м. Не исключено, что данное жилище перестраивалось и на раннем этапе его использования переход, со-

Каменный инвентарь поселения Геологическое III

Инвентарь	Жилище 1, раскоп II и V	Жилище 1, раскоп III	Жилище 4, раскоп III	Жилище 5, раскоп III	Вне жилищ, раскоп IV	Всего
Нуклеусы:						
призматические	2	1	2	1		6
конусовидные				1(1)		1
карандашевидные				1		1
монофронты	4(4)*			1(1)		5
Пренуклеусы				4(3)		4
Нуклевидные куски	2			5(2)		7
Технические сколы:						
поперечные	2	1		1	1	5
продольные	1	3	1	6(1)		11
ребристые пластины	3	1	1	2		7
ребристые отщепы				5(5)		5
Изделия из нуклеусов:						
скребок-долото		1				1
долотовидное орудие	1					1
Пластины и изделия из них:						
без ретуши	61	8	13	72(5)	9	163
с краевой ретушью	8	7		22	2	39
с выемкой	1					1
с притупленным концом	1	2	2	1		6
концевые скребки	1		1	2	3	7
скобели	3	2			4	9
острия				4		4
резцы	1		1		1	3
долотовидное орудие				1(1)		1
резчики	2	2		3		7
скребок-резчик		1				1
Отщепы и изделия из них:						
без ретуши	263(168)	11	5	142(76)		421
со следами шлифовки	14			2		16
с краевой ретушью	3	1		4(1)		8
скребки	21(8)	9	6	31(3)	4	71
резцы	2(2)		1	1(1)		4
долотовидные орудия	10(10)	2		4(2)		16
piece ecaille				1		1
острия				1		1
Изделия из галек:						
скребки	3	1				4
долотовидные орудия	14(8)	1	2			17
топор				2		2
тесло	4			1		5
нож				1		1
отбойники				4(2)		4
абразивы	6			12		18
наковальни	4(4)					4
чоппероvидные	1(1)					1
грузило	1					1
Отходы производства:						
гальки	30(1)			7(2)		37
расколотые гальки	34(25)	1	2	12(7)		48
осколки	38(9)		3	12(5)		53
чешуйки	90(31)		3	37(5)		130
Всего	630(272)	54	43	408(124)	24	1159

* В скобках указано количество изделий из кварца.

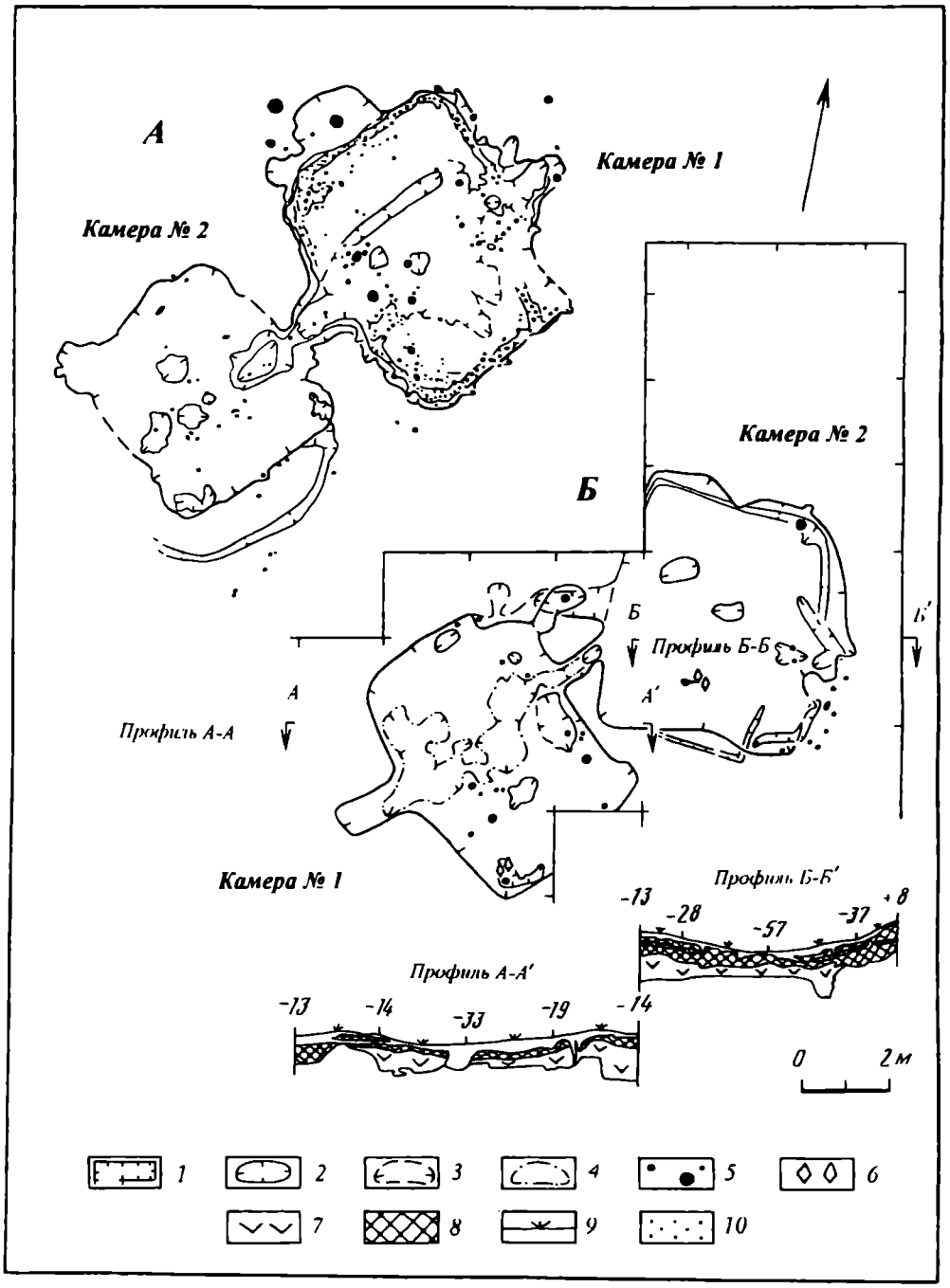


Рис. 2. Двухкамерные мезолитические жилища поселения Геологическое III: А – сооружение, изученное в раскопе VII (по Е.М. Беспрозванному); Б – сооружение, изученное в раскопах II и V. *1* – очертания раскопов II и V; *2* – очертания мезолитических жилищ и объектов; *3* – нечеткие очертания мезолитических объектов; *4* – вытоптанная часть пола; *5* – ямки от столбов; *6* – скопления охры; *7* – слои эпохи мезолита; *8* – слои бронзового века; *9* – современный подзол с дерном; *10* – погребенный подзол

единяющий помещения, мог располагаться немного севернее: там, где соединялись направленные навстречу друг другу выступы, отходящие от обоих котлованов. Находки (всего 630 экз., см. табл.) концентрировались в заполнении камеры № 1 и у западной стенки камеры № 2. На остальной площади второй камеры найдены три каменных предмета.

Технику расщепления отражают нуклеусы (6 экз.) и нуклевидные формы (2). Нуклеусы для получения пластин (2) галечные, призматические, с одной фасетированной

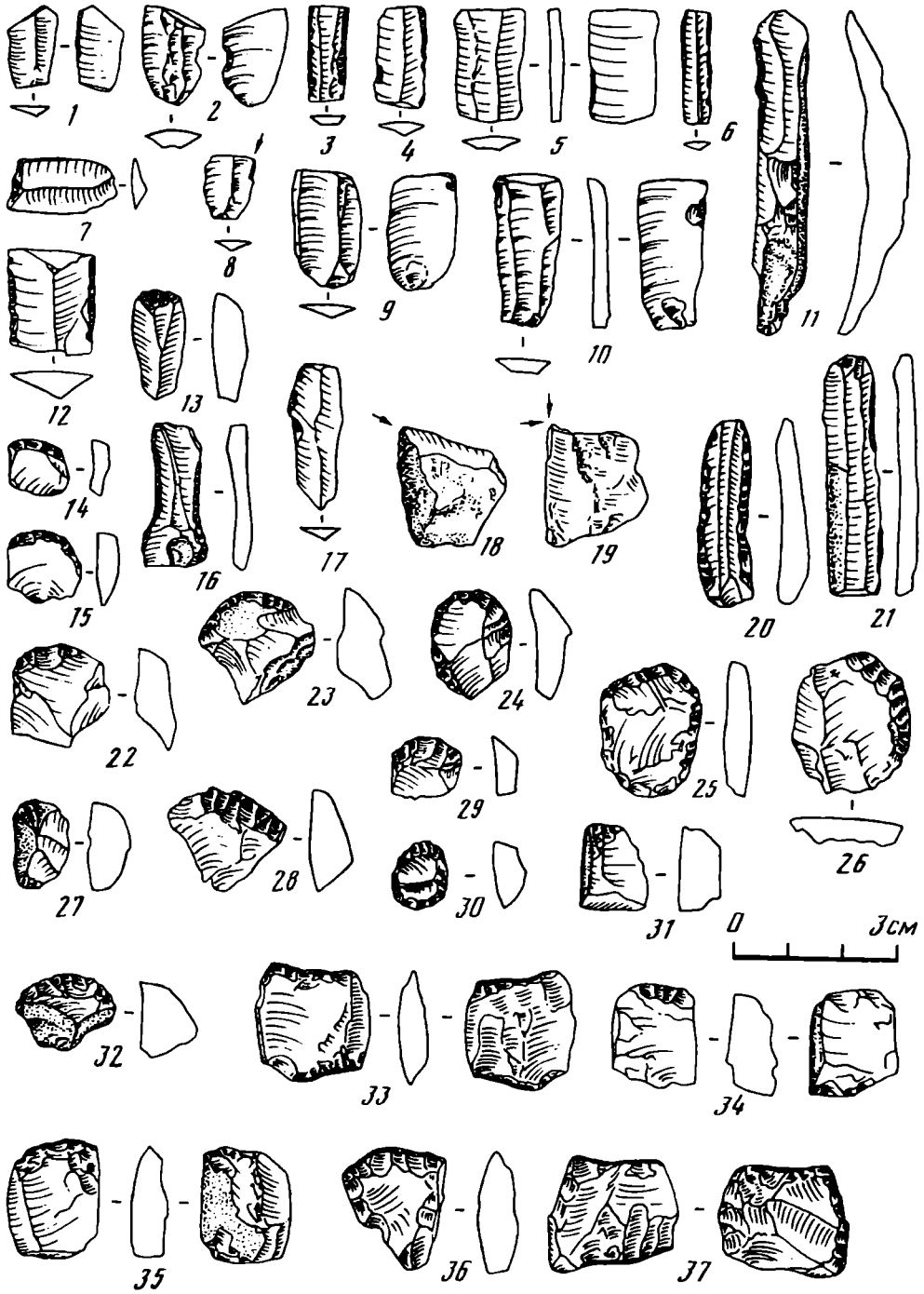


Рис. 3. Поселение Геологическое III. Каменные изделия из жилища 1 раскопов II и V: *1, 3–6, 10, 12, 21* – пластины с краевой ретушью; *2* – пластинка с выемкой; *7* – пластинка с притупленным концом; *8* – угловой резец на пластине; *9, 17* – различия на пластинах; *18, 19* – резцы из отщепов; *11, 16, 20* – скобели на пластинах; *13* – концевой скребок на пластине; *14, 15, 22–30, 32* – скребки из отщепов; *31, 34* – скребки из галек; *33, 36, 37* – долотовидные орудия из отщепов

площадкой. Оба предмета утилизированы контрударным расщеплением. Кварцевые нуклеусы (4), подчетырехугольные – монофронты для получения пластинчатых отщепов в контрударной технике. Ударные площадки не оформлялись. Нуклевидные формы представляют расщепление на отщепы в ударной технике скола. Еще один призматический нуклеус был переоформлен в долотовидное орудие (рис. 3, *35*).

Орудия на пластинах – 17 экз. Вкладыши – восемь изделий с краевой ретушью

(рис. *3*, *1*, *3–6*, *10*, *12*, *21*) и пластинка с притупленным концом (рис. *3*, *7*). Семь представлены медиальными сегментами, по одному – пластинкой без дистального конца и проксимальным сегментом. Скобели изготовлены из целых пластин (2 экз., рис. 3, *11*, *16*, *20*) и на проксимальном сегменте. Как резчики (2 экз.) использованы проксимальные сегменты пластин (рис. 3, *9*, *17*). Единично представлены концевой скребок с лезвием на сломе (рис. 3, *13*), угловой резец (рис. 3, *8*) и изделие с выемкой (рис. 3, *2*).

Орудий из отщепов – 36 экз. Представительна серия скребков – 21 экз., включающая концевые (6 экз.), полукруглые (4), угловые (3), боковые (2), округлые (2), прямоугольные (2) и скребки без ретушного оформления лезвий (2). Среди концевых два двойных, из них один с противолежащими лезвиями. Два изделия имеют боковые лезвия (рис. 3, *22*, *24*, *25*, *27*). Лезвия полукруглых скребков оформлены на нижнем конце заготовки (рис. 3, *15*, *28*), массивный противолежащий край покрыт галечной коркой (2 экз., рис. 3, *23*, *32*). Угловые и скребки с боковым лезвием (рис. 3, *26*, *29*) выполнены из отщепов контрударного снятия. Округлые скребки диаметром до 10 мм (рис. 3, *14*, *30*). Лезвия всех орудий ретушированы в большинстве случаев со спинки, реже с брюшка. Скребки без ретушного оформления лезвий выделены по следам сработанности. Рабочий край у них расположен на массивном негативе площадки. Резцы изготовлены из кварцевых отщепов – 2 экз. (рис. 3, *18*, *19*). Отщепы с краевой ретушью (3 экз.), вероятно, использовались как скобели. Долотовидные орудия (10 экз.) выполнены из кварцевых отщепов мелких (6) и средних (4) пропорций[1]. Изделия подпрямоугольные, с одним (8) или двумя (2) лезвиями на узких сторонах заготовки (рис. 3, *33*, *36*, *37*). Характерное оформление рабочего края – двустороннее уплощение сколами, доходящими до середины плоскости предметов, а утилизация выражена краевыми многоступенчатыми заломами, волнистым или желобчатым профилем кромочной линии. Забитость кромки практически отсутствует.

В качестве заготовок для орудий использовались гальки. Из трех изготовлены скребки: два концевых (рис. 3, *31*), из них один двойной с противолежащими лезвиями (рис. 3, *34*), одна галька использовалась в качестве скребка без оформления лезвия. Другая группа изделий – долотовидные орудия (14 экз.). Семь изделий с одним поперечным желобчатым лезвием (рис. 4, *6*). Пять экземпляров – изделия с одним или двумя лезвиями с прямой или волнистой кромочной линией. Два орудия в плане подромбической формы с двумя противолежащими лезвиями. Одно из них выполнено из продольного скола тесла – одна плоскость пришлифована (рис. 4, *4А*). Тесла – 4 экз. Одно – фрагмент рабочей части орудия. Выпуклая поверхность изделия подвергнута абразивной обработке, лезвие сильно забито (рис. 4, *3*). Второе тесло (рис. 4, *7*) изготовлено из гальки брекчевидной кремнистой породы в ударной технике скола. Изделие подпрямоугольное с желобчатым лезвием, обушковая часть массивная, с участками галечной корки. С одного края обушка выделен цапфовидный выступ. Третье тесло (рис. 4, *2*) подовальное с зашлифованной плоскостью и краевыми сколами по аккомодационной части. Лезвие округлое, не выделено фаской. Четвертое тесло переоформлено из продольного скола тесла без дополнительной обработки заготовки (рис. 4, *4Б*). На ранее зашлифованной плоскости имеется фаска шириной до 1 см. После раскола негативная сторона заготовки не была обработана. Выступающие участки поверхности у кромки лезвия заполированы. Под наковальни использовались уплощенные гальки (4 экз.). Рабочие зоны расположены на широких плоскостях и выражены в виде конусовидных выбоин. Кроме этого, на торцевых участках двух изделий фиксируются следы от использования их в качестве отбойников. Абразивный инструмент (6 экз.) представлен в обломках. Изделия имеют по одной или две рабочие плоскости. Среди галечных орудий выделяются два предмета. Один – чопперовидное изделие подчетырехугольной в плане формы размером 94 × 98 × 44 мм. Рабочий

[1] Параметры отщепов определялись по среднему диаметру: до 1 см – чешуйки, 1–1,5 – мелкие, 1,5–3 – средние, 3–5 – крупные, более 5 – массивные.

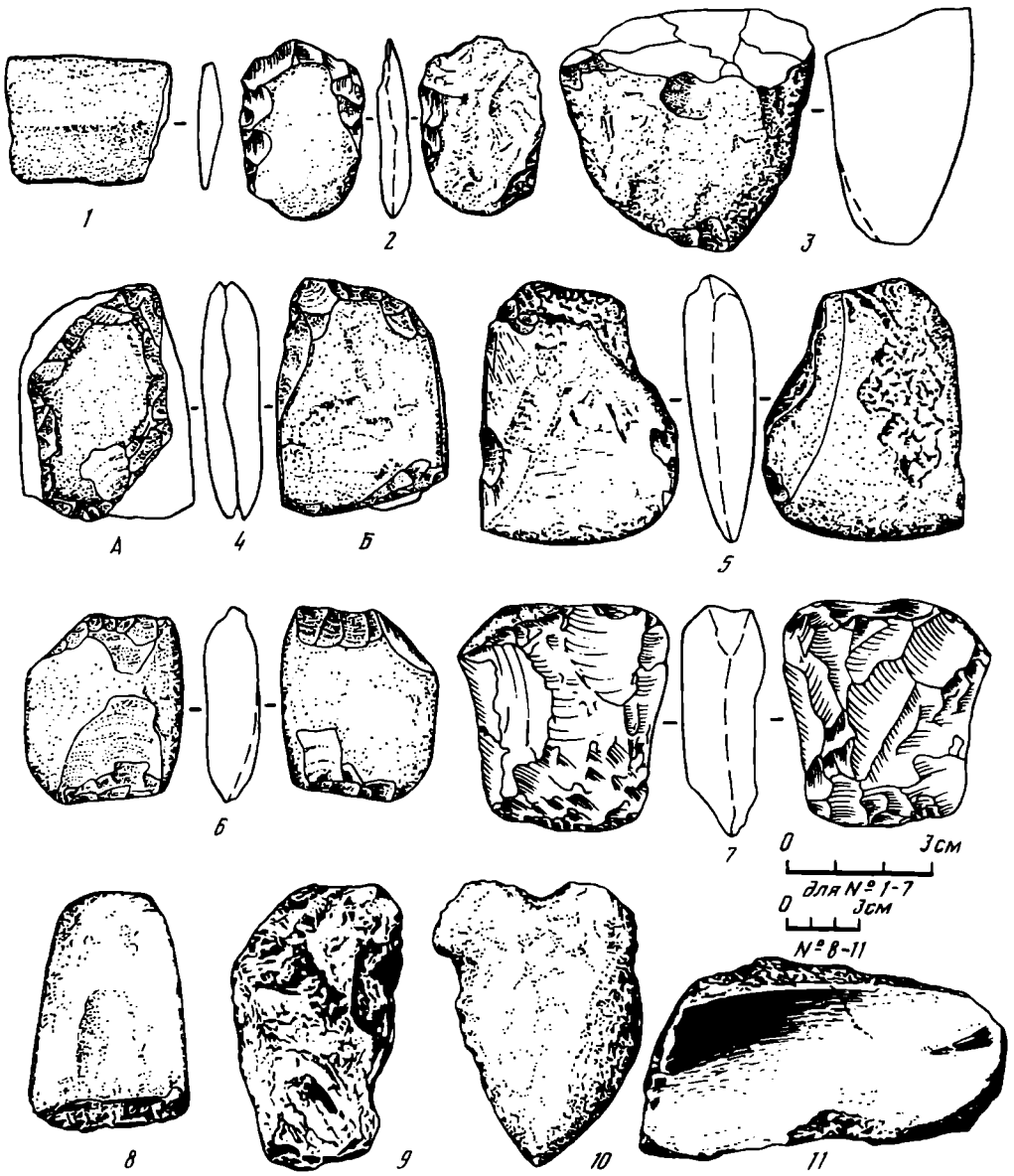


Рис. 4. Поселение Геологическое III. Каменные изделия из жилища 5 раскопа III (*1*, *5*, *8*, *9*, *11*) и жилища 1 раскопа II и V (*2–4*, *6*, *7*, *10*): *1* – шлифованный нож; *2*, *3*, *4Б*, *7*, *8* – тесла; *5*, *9* – топоры; *4А*, *6* – долотовидные орудия из галек; *10* – грузило; *11* – шлифовальная плита

край оформлен серией крупных односторонних сколов. Кромка лезвия покрыта краевыми заломами, слегка забита, отдельные участки скруглены (рис. 4, *9*). Второй – галька миндалевидной формы с частичной односторонней обработкой по периметру. В широкой части двусторонними краевыми сколами выделены выемки, две с боков и одна на торце (рис. 4, *10*).

В комплексе имеются пластины без ретуши – 61 экз., 20 из которых целые; 11 пластин получены контрударным расщеплением, в их числе 8 кварцевых. Длина целых пластин 14–34 мм. Остальные предметы представлены изделиями с отсеченным дистальным концом (4 экз.), проксимальными (12), дистальными (13) и медиальными сегментами (12). Среди дистальных частей 7 представляют перовидное окончание, 6 – ныряющее. Одна из таких пластин снята с двухплощадочного нуклеуса. У одного из медиальных сегментов дорсальный фас обработан шлифовкой. Отщепов без ретуши – 263 экз. Большинство изделий мелких (43%) и средних (47%) пропорций; 32% отщепов, в том числе почти все кварцевые, контрударного расщепления. Еще

14 отщепов с пришлифованной спинкой. Технические сколы с нуклеусов включают ребристые пластины (3), поперечные снятия (2) и один продольный скол. Последний – результат утилизации призматического нуклеуса. Также имеется 30 целых галек, из которых 15 и не более 15 мм в диаметре. К отходам производства отнесены чешуйки (90), мелкие осколки (38) и гальки с бессистемным снятием (34 экз.).

Остеологический материал из жилища представлен кусочками кальцинированных костей: из них северный олень – 4 экз., лось – 5, бобр – 1[2].

К числу мезолитических объектов, обнаруженных в раскопе III, относятся остатки жилищ 1, 4 и 5 (рис. 5). При исследовании *жилища 1* зафиксировано, что в заплывшем котловане мезолитической постройки было возведено сооружение эпохи энеолита, а в последнем – постройка бронзового века. От мезолитического объекта сохранились юго-западный угол, западная и часть южной стенки котлована (рис. 5), углубленного в материковый слой на 0,35 м от древней поверхности. Вероятно, котлован имел подпрямоугольную форму, ровный пол, и был ориентирован по оси СЗ–ЮВ. Длина одной из его сторон 4,9 м. Находки (всего 54 предмета, см. таблицу) происходят из заполнения котлована и из разрушенных поздними постройками участков.

Единственный нуклеус призматического расщепления утилизирован контрударным расщеплением. Сохранились остатки фасетированной площадки. Негативы, в том числе от скалывания пластин, покрывают три грани нуклеуса (рис. 6, *25*).

Из пластин изготовлено 14 орудий. Вкладыши – пять медиальных сегментов пластин с краевой ретушью (рис. 6, *7–9*, *11*, *12*) и две пластинки с притупленным торцевым краем (рис. 6, *13*, *14*). Из пластинок с притупленным торцом интересно изделие, у которого торцевой участок обработан крутой ретушью по краю и пологой с прилегающих сторон с брюшка, придав ему округлую форму. Боковые края орудия покрывает краевая дорсальная ретушь (рис. 6, *14*). Пластинки с отсеченным нижним концом выполняли функцию ножей (3 экз., рис. 6, *6*, *10*, *24*). Такие же заготовки пластин служили скобелями (рис. 6, *18*). Для резчиков (2 экз., рис. 6, *15*, *16*) использованы медиальная и проксимальная части пластин. Комбинированное орудие представлено в сочетании скребок–резчик (рис. 6, *17*). Скребок концевой, лезвие оформлено на дистальном конце, рабочий участок резчика примыкает к скребковому лезвию.

Орудия на отщепах – 12 экз. Основную группу представляют скребки – 9 экз., включающие концевые (1 экз., рис. 6, *23*), угловые (2), округлые (3, рис. 6, *19*, *22*, *26*) и подпрямоугольные (3, рис. 6, *20*, *21*). Среди последних один скребок с подтеской по брюшку. Концевой скребок выполнен из отщепа с площадки нуклуса. Такого же типа заготовка с естественно вогнутым краем служила скобелем (рис. 6, *27*). Для долотовидных орудий (2 экз.) использованы прямоугольные отщепы. Изделия однолезвийные, рабочий край подработан плоскими сколами (рис. 6, *28*).

В качестве исходных форм использовались гальки – два орудия. Скребок (рис. 6, *30*) изготовлен из кремнистой гальки, уплощенной двусторонними поперечными сколами. Под долотовидное орудие выбрана продольно расщепленная кварцевая галька.

Интересно комбинированное орудие (рис. 6, *29*) на нуклевидном куске, подтесанном с одной стороны диагональными сколами. Фиксируются два лезвия: долотовидное, расположенное на узком крае, и скребковое – на продольной стороне.

В комплексе имеется восемь пластин без ретуши (рис. 6, *1–5*), из них одна целая, первичная, контрударного расщепления, по три проксимальных и медиальных сегмента и один дистальный с ныряющим окончанием пластины, снявшей часть фасетированной площади нуклеуса. К числу отходов и заготовок отнесены 11 мелких отщепов и одна расколотая галька. Технические сколы с нуклеусов представлены ребристой пластиной, тремя продольными, по одному поперечным и краевым отщепом.

---

[2] Определения остеологического материала выполнены сотрудником Института экологии растений и животных УрО РАН к.б.н. П.А. Косинцевым.

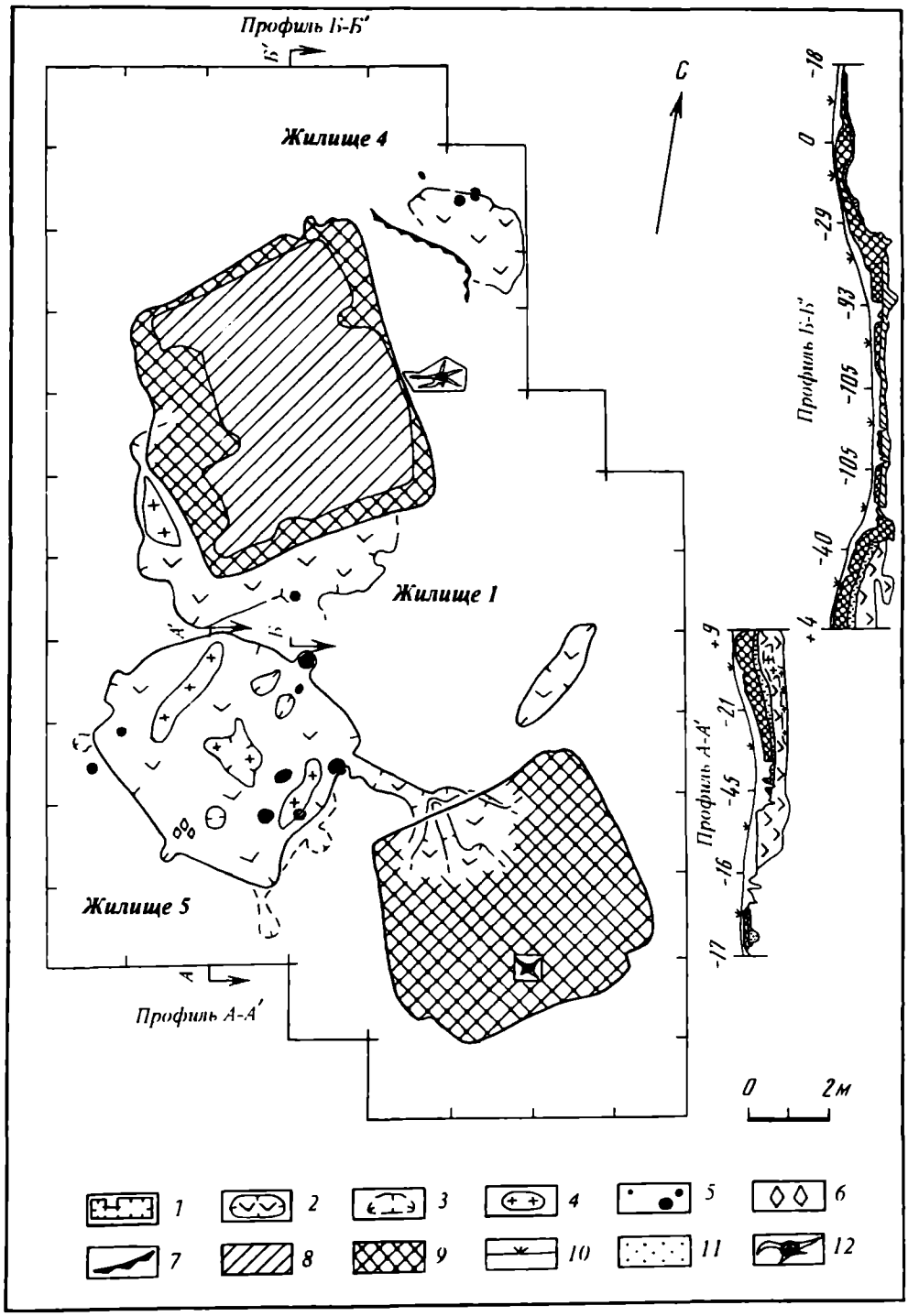


Рис. 5. Мезолитические жилища 1, 4, 5 и объекты, обнаруженные в раскопе III поселения Геологическое III. *1* – граница раскопа III; *2* – слои и объекты эпохи мезолита; *3* – нечеткие очертания мезолитических объектов; *4* – скопления углей; *5* – ямки от столбов; *6* – скопление охры; *7* – разрушение культурного слоя; *8* – слои и объекты эпохи энеолита; *9* – слои и объекты бронзового века; *10* – современный подзол с дерном; *11* – погребенный подзол; *12* – деревья

Остатки *жилища 4* (рис. 5) фиксировались в виде подпрямоугольного углисто-охристого пятна размером 3,46 × 2 м, ориентированного по оси СЗ–ЮВ. Юго-западная часть сооружения была разрушена при строительстве домов эпохи металла. Мощность заполнения объекта 0,2 м. Пол ровный, ниже его уровня отмечены три ямки от

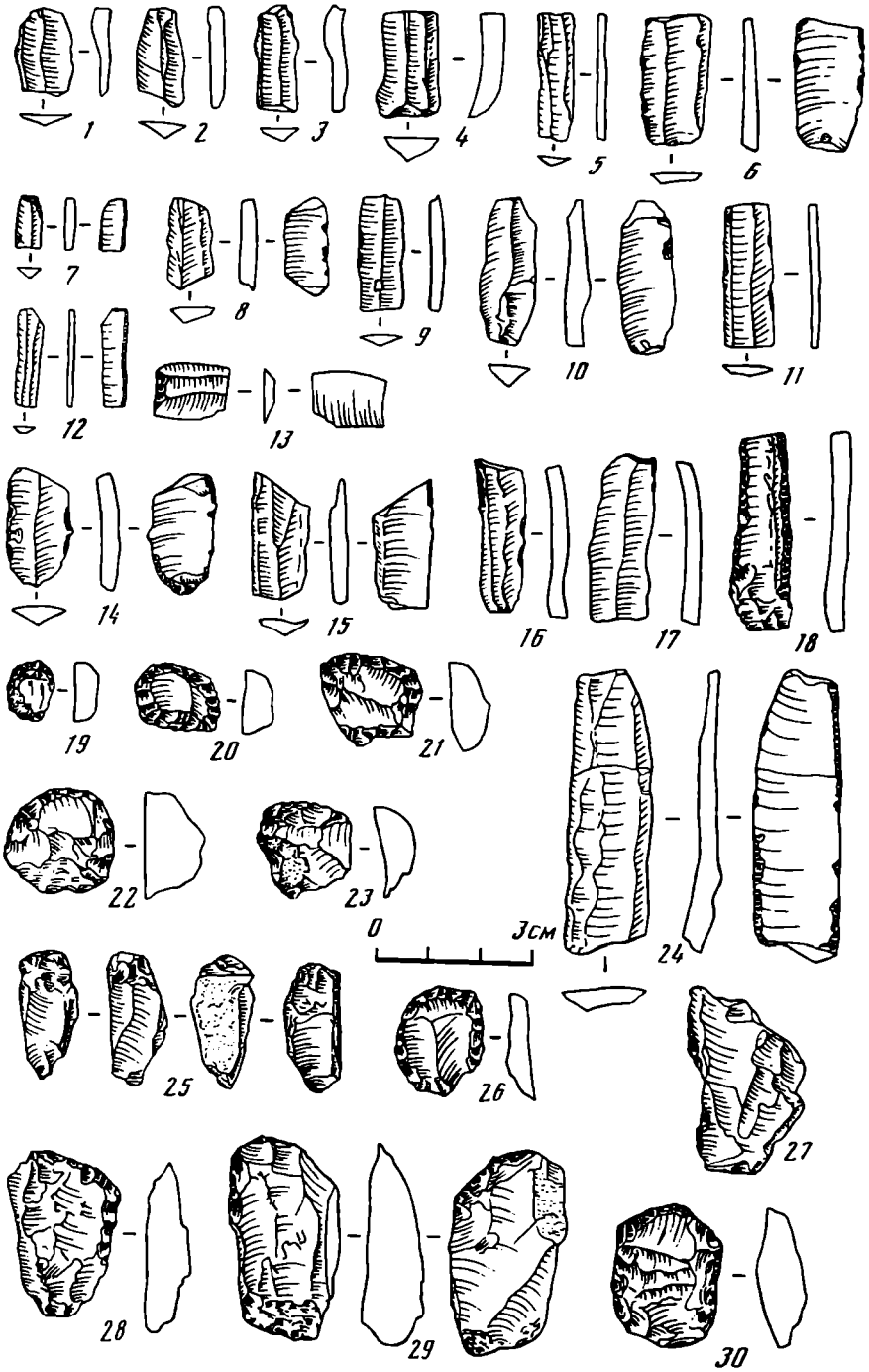


Рис. 6. Поселение Геологическое III. Каменные изделия из жилища 1 раскопа III: *1–5* – сечения ножевидных пластин; *6*, *10*, *24* – ножи на пластинах; *7–9*, *11*, *12* – пластинки с краевой ретушью; *13*, *14* – пластины с притупленным концом; *15*, *16* – резчики на пластинах, *17* – скребок-резчик на пластине; *18* – скобель на пластине, *19–23*, *26* – скребки на отщепах; *25* – нуклеус; *27* – скобель на отщепе; *28* – долотовидное орудие на отщепе; *29* – скребок-долото на нуклевидном куске, *30* – скребок из гальки

столбов. Постройка была наземной. Находки (всего 43 предмета, см. таблицу) концентрировались в пределах заполнения постройки.

Призматических нуклеусов для получения пластин – 2 экз. Один галечный с двумя фасетированными площадками. Контрфронт подработан с одной стороны поперечными сколами (рис. 7, *43*). Второй нуклеус утилизирован контрударным расщеплением, что привело к ликвидации основания и части фасетированной площадки.

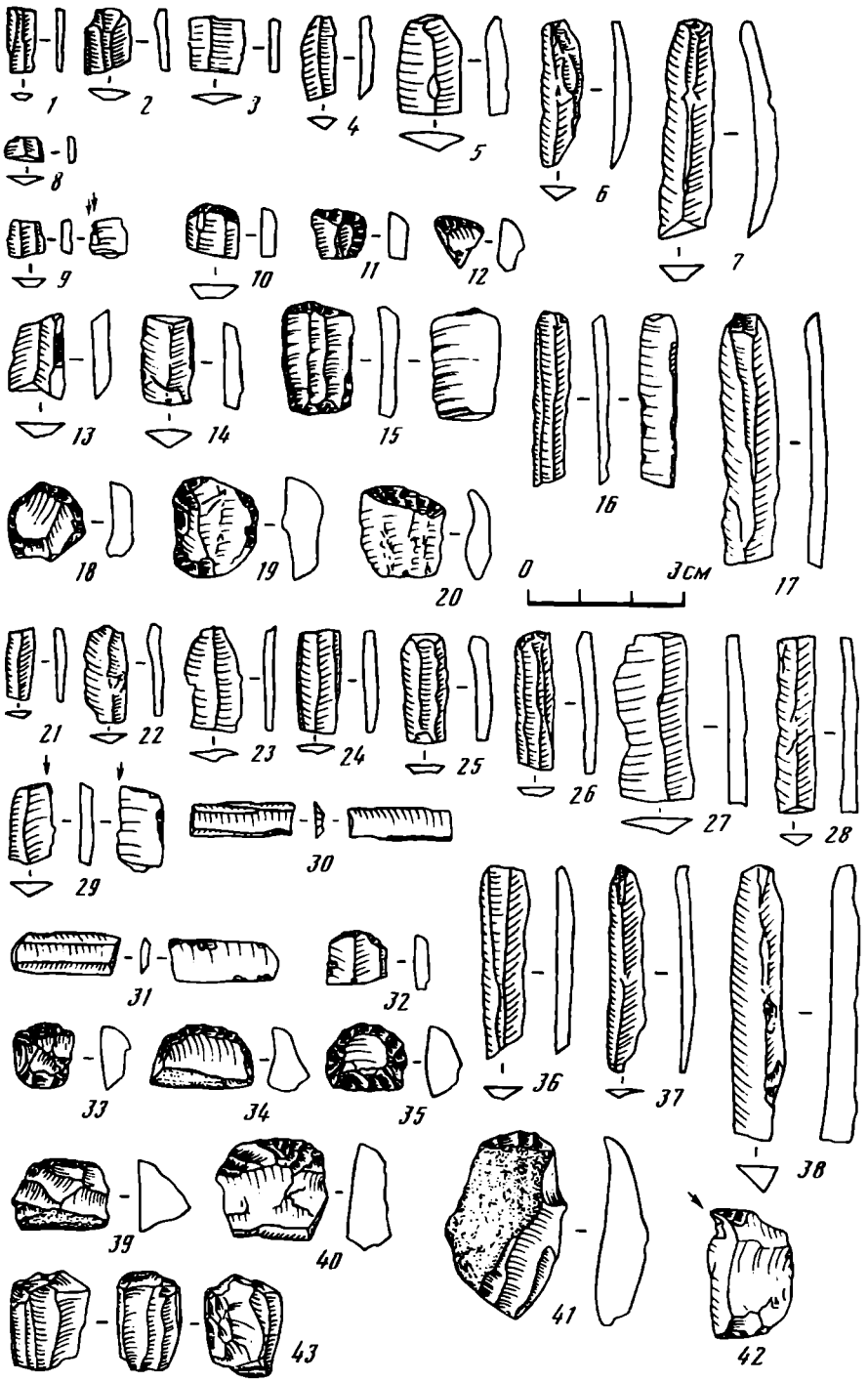


Рис. 7. Поселение Геологическое III. Каменные изделия из раскопа IV (*1–20*) и жилища 4 раскопа III (*21–43*); *1–7, 17, 21–28, 36, 37* – ножевидные пластины; *8, 16*, – пластины с краевой ретушью; *9, 29* – угловые резцы на пластинах; *10–12, 15, 32* – концевые скребки на пластинах; *13, 14* – скобели на пластинах; *18–20, 33–35, 39–41* – скребки из отщепов; *30, 31* – пластинки с притупленным торцом; *38* – ребристая пластина; *42* – угловой резец на отщепе; *43* – нуклеус

Изделия из пластин (4 экз.) выполнены из медиальных сегментов: два вкладыша с притупленным дорсальной ретушью торцом (рис. 7, *30, 31*), третье орудие представлено угловым резцом (рис. 7, *29*), четвертое орудие – концевой скребок (рис. 7, *32*).

Из отщепов выполнены шесть скребков и один резец. Концевые скребки (2 экз.) с округлым и прямым лезвиями (рис. 7, *33, 41*). Имеется оформление аккомодационной части орудия поперечными сколами. Подпрямоугольных скребков 2 экз. (рис. 7, *35*,

40), у одного из них спинка подтесана ретушью. Полукруглые скребки (2 экз.) с массивной базальной частью (рис. 7, *34*, *39*). Резец отнесен к типу ретушных (рис. 7, *42*).

Из галек, предварительно уплощенных продольными сколами, выполнены два долотовидных орудия подпрямоугольной формы с одним концевым лезвием.

Среди заготовок пять мелких отщепов и 13 пластин без ретуши (рис. 7, *21–28*, *36*, *37*). Из пластин одна целая, пять проксимальных частей и семь медиальных. Шесть из числа последних могли служить вкладышами (рис. 7, *21*, *24–26*, *28*, *36*). К отходам отнесены расколотые гальки (2 экз.), осколки и чешуйки (по 3), к техническим сколам – продольный отщеп с нуклеуса с негативами двух фасетированных площадок и ребристая пластина без дистального конца (рис. 7, *38*).

На месте *жилища 5* до раскопок отмечалась впадина диаметром 3,5 и глубиной 0,3 м. В ходе исследований расчищен подпрямоугольный котлован постройки размером 5,3 × 5 × 0,6 м, ориентированный по оси СЗ–ЮВ (рис. 5). Пол ровный, горизонтальный. В центре объекта аморфная яма (1,3 × 0,96 × 0,28 м), заполненная углем. У юго-восточной стенки прослежена еще одна яма округлая в плане формы диаметром 0,44 м, глубиной 0,11 м. В 0,5 м к юго-западу от нее зафиксированы три охристых пятна. С остатками деревянных конструкций, очевидно, связаны петлеобразные выступы, отмеченные по углам и стенкам котлована выше уровня пола. Выход (?) из постройки находился в юго-восточной стенке и смещен к северо-восточному углу. Он прослеживался в виде углубления длиной 2,4 м и шириной 0,54 м. Не исключено, что коридорообразный переход вел в другую камеру. Разрушенные очертания последней – часть северной и западной стенок – выявлены под котлованом жилища № 6 эпохи бронзы. По залеганию находок, котлован разрушенной мезолитической постройки был углублен в материковый слой на 0,8 м от древней поверхности.

Каменные изделия (всего 408 экз., см. таблицу) встречены в заполнении котлована постройки и в разрушенной камере. Кроме этого, за пределами постройки у ее западного угла на уровне древней поверхности компактно залегали 40 каменных предметов, не отличающихся по сырью и технико-морфологическим параметрам от изделий из жилища.

Технику расщепления представляют пренуклеусы (4 экз.), нуклеусы (7) и нуклеовидные формы (5). Кварцевый пренуклеус выполнен из яйцевидной гальки, с обоих концов которой снятием отщепов оформлены площадки под углом 70° к плоскости расщепления. С одной площадки проведено снятие нескольких отщепов. Второй пренуклеус – призматический, изготовлен из кремнистой гальки. Площадка скошена сколом. Контрфронт обработан поперечными снятиями. Расщепление на заготовки не проводилось. Еще у двух кварцевых изделий сколом оформлена только площадка. Нуклеусы галечные: кварцевые и из кремнистых пород (по 2 экз.). Один кварцевый нуклеус подконусовидной формы, высотой 29 мм. Площадка прямая, оформлена сколом. Второе кварцевое ядрище подчетырехугольной формы – монофронт. Площадка прямая, скошена сколами под углом 65° к плоскости расщепления. От основания обоих нуклеусов на плоскость скалывания идут негативы встречных снятий, фиксируется забитость, что говорит о технике контрударного расщепления. Один нуклеус из кремнистой породы карандашевидный, высотой 21 мм. Площадка скошена, фасетирована. У основания выделено ребро. Последний нуклеус утилизирован контрударным расщеплением. Оба кремнистых ядрища предназначались для получения пластин. Кроме этих нуклеусов есть три остаточных утилизированных ядрища.

Из пластин изготовлено 33 орудия. Это пластинки с краевой ретушью (22 экз.), 20 из которых медиальные сегменты, одна – пластинка с отсеченным дистальным концом (рис. 8, *1–7*, *10–15*, *20*, *21*). Одно орудие с притупленным ретушью продольным краем (рис. 8, *20*). Все медиальные части служили вкладышами составных орудий. Вкладышем также является медиальный сегмент пластинки с притупленным ретушью торцом. В функции резчиков использованы два проксимальных (рис. 8, *22*) и

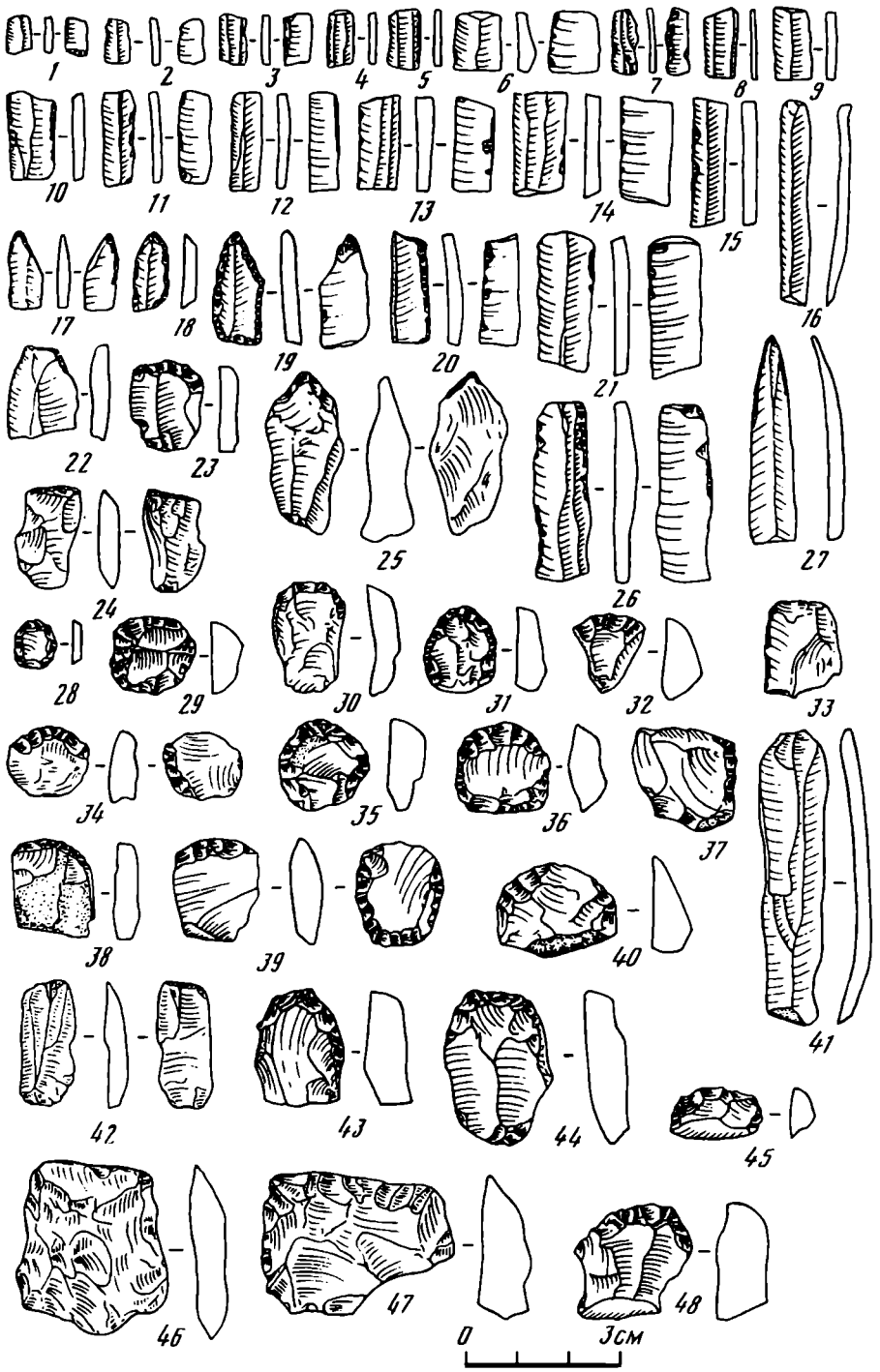


Рис. 8. Поселение Геологическое III. Каменные изделия из жилища 5 раскопа III: *1–7, 10–15, 20, 21, 26* – пластинка с краевой ретушью, *8, 9, 16, 41* – пластины без ретуши; *17–19, 27* – острия на пластинах; *22* – резчик на пластине; *23* – концевой скребок на пластине; *24* – piece ecaille; *25* – угловой резец из отщепа; *28–40, 43–45, 48* – скребки из отщепов; *42* – долотовидное изделие на пластине; *46, 47* – долотовидные орудия из отщепов

один медиальный сегменты пластин. Из концевых скребков (2 экз.) один двойной, изготовлен из ребристой пластины, второй (рис. 8, *23*) – на проксимальном сегменте. Острия (4 экз.) представлены проколками-провертками (рис. 8, *17–19, 27*). Заготовками для них послужили три медиальных сегмента и одна пластинка с отсеченным проксимальным концом. Два орудия имеют симметричное, два – асимметричное

острие. Два изделия законченной формы – их продольные стороны притуплены ретушью. Долотовидное изделие с дистальным лезвием выполнено из кварцевой пластинки (рис. 8, *42*).

Орудия из отщепов – 43 экз. Большую серию представляют скребки (36 экз.). Имеются концевые формы – 12 экз. (рис. 8, *30*, *32*, *38*, *43*, *44*, *48*), в их числе один двойной и один с противолежащими лезвиями. Последний выполнен на сколе с площадки нуклеуса. Пять скребков имеют дополнительно одно боковое лезвие. Угловых скребков 2 экз., округлых – 7 экз. У четырех округлых лезвие отретушировано со спинки, у остальных – чередуясь на оба фаса (рис. 8, *28*, *31*, *34*, *36*). Полукруглые скребки (7 экз.) имеют отретушированное лезвие на нижнем конце отщепа (рис. 8, *40*, *45*). Только у одного орудия ретушь на лезвии чередующаяся, у остальных – строго со спинки. Аккомодационный край изделий массивный, зачастую покрыт желвачной коркой. Прямоугольные скребки – 2 экз. (рис. 8, *29*, *39*). Один имеет по два противолежащих лезвия, второй – противолежащие лезвия на узких сторонах. Один скребок отнесен к аморфным. Единичными экземплярами изделий в коллекции представлены угловой резец и сверло (рис. 8, *25*) с симметричным острием на узкой стороне заготовки. Под долотовидные орудия (3 экз.) использованы прямоугольные отщепы. Лезвия орудий оформлены двусторонними сколами чаще на узкой стороне, реже на продольном крае (рис. 8, *46*, *47*). Интересно орудие типа piece ecaille (рис. 8, *24*): одна поверхность отщепа предварительно подработана плоскими сколами, лезвие оформлено на узкой стороне длинной плоской ретушью по спинке и краевыми сколами по брюшку. Кроме этого, выделено 4 отщепа с красной ретушью по продольным сторонам (рис. 8, *33*, *37*).

В комплексе представлены два топора и тесло. Первый топор (рис. 4, *9*) изготовлен оббивкой из подовальной уплощенной кварцевой гальки. Лезвие оформлено двухсторонними краевыми сколами. Второй топор (рис. 4, *5*) и тесло (рис. 4, *8*) шлифованные. Топор прямоугольный, лезвие выделено фаской. Обушковая часть тесла сужена, лезвие сломано. На одной плоскости шлифовкой выделен неглубокий желобок. Шлифовкой изготовлен нож (рис. 4, *1*), представленный прямоугольным фрагментом центральной части, подтреугольный в поперечном сечении. Лезвие доведено снятием фаски. Аккомодационный край пришлифован. В коллекции имеются два отбойника и два фрагмента рабочих частей. Для целых отобраны подокруглая и подпрямоугольная гальки. У последней пришлифованы плоскости – абразив, а одна из сторон использовалась как наковальня. Рабочие зоны отбойников располагаются на выступающих скругленных краях заготовок. Абразивные инструменты (12 экз.) представлены шлифовальными плитами и их обломками с прямыми и вогнутыми рабочими плоскостями (рис. 4, *11*).

С жилищем 5 связаны также 72 пластины без ретуши (рис. 8, *8*, *9*, *16*, *41*). Здесь 10 целых изделий, из них три (в том числе два из кварца) контрударного расщепления. Длина целых пластин 25–56 мм. Другие изделия представлены проксимальными (17 экз.), дистальными (15) и медиальными (24) сегментами, пластинками без дистального (5) и проксимального (1) концов. Среди дистальных частей три с перовидным окончанием, десять – с ныряющим. Две из последних сняты с двухплощадочных нуклеусов. Негативы площадок фасетированы. Имеется также 142 отщепа, из них 30,3% мелких и 61,3% средних пропорций, 42% изделий, в том числе большинство кварцевых, контрударного расщепления, 5 сланцевых отщепов имеют шлифовку на спинке. Кроме этого, 14 экз. – технические сколы: шесть продольных, один с края площадки, две ребристые пластины и пять ребристых кварцевых отщепов. Отходы включают бессистемно расщепленные гальки (12 экз.), кремнистые и кварцевые осколки (12), чешуйки (37) и 7 галечек.

Остеологический материал представлен верхним и нижним зубами лося.

Каменный инвентарь мезолитического облика (24 предмета, см. таблицу) происходит из **раскопа IV**, но здесь не обнаружено связанных с ним объектов.

Изделий из пластин – 10 экз. Вкладыши – две пластинки с краевой ретушью (рис. 7, *8*, *16*). Скобели (4 экз.) изготовлены из медиальных сегментов (рис. 7, *13*, *14*) и на целой пластине. Концевые скребки, выполненные из медиальных частей пластин, укороченные (рис. 7, *10–12*), из проксимального сегмента – средних пропорций (рис. 7, *15*). У двух предметов ретушью обработана продольная сторона. Угловой резец изготовлен из медиального сегмента пластины (рис. 7, *9*).

Орудия из отщепов (4 экз.) представлены концевым (рис. 7, *20*), двумя округлыми (рис. 7, *18*, *19*) и одним полукруглым скребками.

В числе заготовок девять пластинок без ретуши, из них две целых, два проксимальных, два медиальных и один дистальный сегменты и две пластинки с отсеченным дистальным концом. К техническим сколам отнесен отщеп с площадки нуклеуса.

Представление о мезолитическом поселке расширяет объект, обнаруженный в **раскопе VII** (Беспрозванный Е.М., 1997, с. 26–29). Здесь раскопано двухкамерное жилище (рис. 2, А), ориентированное длинной осью по линии СВ–ЮЗ. Котлован *камеры № 1* площадью около 40 м^2 глубиной до 75 см имел напротив перехода в камеру № 2 нишу, интерпретируемую как выход из жилища. По периметру объекта прослеживалась канавка шириной до 20 см, в которой сосредоточено около 80 ямок от столбов. В центральной части котлована находилась более чем трехметровая канава, связываемая с остатками очага. Котлован *камеры № 2* меньше первого: его площадь около 30 м^2, глубина до 35 см. Обращают внимание большое количество ямок от столбов, связанных с жилищем (около 200), а также подсыпка охры ниже уровня пола. Либо мы имеем дело с неточностью описания и интерпретации обнаруженных остатков (Беспрозванный Е.М., 1997, с. 26), либо, учитывая факт наличия в раскопе ранней ямы, жилище перестраивалось. Приводимая далее характеристика каменного инвентаря из раскопа слишком аморфна и не позволяет провести надлежащее сравнение коллекции с нашими находками. По наблюдениям Е.М. Беспрозванного, техника расщепления представлена конусовидными и призматическими нуклеусами высотой до 2–2,5 см с обработкой по всему периметру. Основа индустрии пластинчатая с явной микролитичностью, ширина пластин не превышает 0,6 см. Орудия из пластин – изделия с краевой ретушью, с притупленным торцовым краем, концевые скребки, острия, резцы, резчики, единичные низкие симметричные трапеции. В группе изделий из отщепов упомянуты отщепы с эпизодической ретушью, piece ecaille, скобели и острия. Автор отмечает большое количество скребков, в том числе округлых, с обработкой по всему периметру, обломки шлифованных орудий, шлифовальники, отбойники и наковальни (Беспрозванный Е.М., 1997, с. 29).

При знакомстве с материалами поселения обращает внимание значительная площадь памятника. О количестве имеющихся на нем мезолитических объектов судить трудно, но уже сейчас очевидно, что их плотность будет высока, они будут разнообразны и вряд ли будут одновременны. Таким образом, установление микрохронологии мезолитического поселка – дело будущего.

О долговременном характере памятника свидетельствует высокий уровень домостроительства у его обитателей. Дома из одного и двух помещений, для которых копали котлованы и устраивали крытые переходы, выглядят достаточно основательно и могут быть отнесены к постоянным жилищам. Появление сооружений, требующих значительных трудозатрат при возведении – важное свидетельство процесса становления хозяйства оседлых охотников и рыболовов в лесах умеренной зоны. Поселения, подобные Геологическому III, следует рассматривать в качестве базовых лагерей в пределах промысловых территорий определенных коллективов. К числу таковых можно условно отнести поселение Леуши IX на Средней Конде (Беспрозванный Е.М., 1997, с. 30, 31, рис. 2, *2–3*). Если учесть, что на р. Конде открыты кратковременные стоянки эпохи мезолита, отмечаемые чаще всего по скоплениям находок, то вывод относительно перехода некоторых коллективов к оседлости находит дополнительное подкрепление. После приведенных доводов рассуждения о сезонном

характере пос. Геологическое III представляются нам ничем не обоснованными и странными (Беспрозванный Е.М., 1997, с. 29).

Появление в лесной зоне Евразии двухкамерных жилищ – явление не единичное. Они открыты к западу от Уральских гор на поселении Баринка II в Камско-Вятском междуречье (Гусенцова Т.М., 1993, с. 10, 11) и на пос. Удельно-Шумецкое X и Залесье I в среднем и верхнем течении Волги (Никитин В.В., 1996, с. 15, 16, рис. 3; Гурина Н.Н., 1989а, с. 66). Похоже, что остатки двухкамерного жилища с коридорообразным переходом между помещениями были обнаружены на стоянке Пегрема VIII в Карелии (Гурина Н.Н., 1989б, с. 28, 29, табл. 8, *3*). Для них характерна подпрямоугольная форма котлованов, имеющих, однако, неустоявшуюся ориентировку по отношению друг к другу (от 140° до 180°), наличие крытого перехода между камерами, каркасно-столбовая конструкция наземной части постройки. Наблюдения, сделанные на пос. Геологическое III и стоянке Пегрема VIII, позволяют говорить о функциональном различии помещений, образующих единое жилище. Время возникновения двухкамерных построек определяется Т.М. Гусенцовой концом мезолита (Гусенцова Т.М., 1993, с. 222). Это мнение подкрепляют радиокарбоновые даты: для поселения Баринка II 8265 ± 130 лет назад (ЛЕ-1288), т.е. вторая половина VII тыс. до н.э. (Гусенцова Т.М., 1993, с. 12), для стоянки Пегрема VIII 7140 ± 80 (ТА-677) и 7050 ± 150 (ТА-721) лет назад или вторая половина VI тыс. до н.э. (Гурина Н.Н., 1989б, с. 29). Несмотря на явное расхождение приведенных данных с единственной абсолютной датой, полученной по углю из жилища 5 (раскопок III) – 8380 ± 710 (ЛЕ-4220), мы склонны разделять выводы о позднемезолитическом возрасте двухкамерных жилищ. Этот вывод согласуется с сообщением Л.Л. Косинской об открытии двухкамерного жилища эпохи раннего неолита в Сургутском Приобье.

Появление на р. Эсс долговременного поселка может быть объяснено рядом причин. Примечательна топография памятника. Он расположен вблизи места слияния истока из заболоченного озера и реки. Исток был оптимальным местом для возведения рыболовецких запоров. Озеро привлекало водоплавающих птиц. В окружающих лесах находили укрытие стада копытных и боровая дичь. Успешному промыслу крупных млекопитающих способствовал неспокойный рельеф коренного берега реки и большое число узких грив, мысов и островов в речной долине. Расположение поселка удачно и потому, что он находится в пределах древнего водотока (см.: рис. 1, А), изобилующего моренными отложениями галечника – сырья для орудий. Находки указывают на широкий спектр использовавшихся пород камня. Орудия изготовлялись из кремня серо-зеленых оттенков, метаморфических сланцев, опок и кварца.

Определение ведущего типа нуклеуса, использовавшегося на данном поселении, затруднено. Единичны призматические одно- и двухплощадочные нуклеусы с прямой фасетированной площадкой и торцовый нуклеус. Размеры сработанных нуклеусов, негативы сколов контрударного расщепления, а также наличие целых пластин длиной до 60 мм свидетельствуют о заключительной стадии использования данных ядрищ. То же касается и единственного карандашевидного нуклеуса. Тем не менее изучение форм окончаний пластин, направления негативов на их спинках, продольных технических сколов позволяет предположить частое использование для изготовления пластин нуклеусов призматической формы с двумя фасетированными площадками. Торцовые нуклеусы могут рассматриваться стадией развития призматического. О дефиците качественных пород камня свидетельствует переоформление сработанных нуклеусов в орудия и использование в качестве заготовок технических сколов: ребристых пластин и отщепов с ударной площадки нуклеусов.

Использование в производстве кварца – материала, не обладающего изотропными свойствами, – обусловлено дефицитом хороших сортов камня (43,2% в жилище 1 раскопов II и V, 30,4% в жилище 5 раскопа III). Кварцевые гальки срабатывались преимущественно техникой контрударного расщепления. Большинство кварцевых нуклеусов – подпрямоугольные или подчетырехугольные, односторонние (монофронты), со встречным скалыванием заготовок. Последнее неизбежно при данной технике.

Наличие кварцевого конусовидного нуклеуса фиксирует попытку получения из этого типа сырья заготовок правильного огранения – пластин. Однако основная масса отщепов иных очертаний – подпрямоугольных, овальных и сегментовидных. При расщеплении кварца получалось много отходов в виде мелких осколков – небольших кусочков кристаллов, а также галек с негативами бессистемного расщепления.

Один из исходных типов заготовок в комплексах поселений Геологическое III – пластина. При сравнении пластин по ширине выявлено преобладание узких заготовок[3] от 45% (жилище 1 раскопа III) до 73% (жилище 4 раскопа III). Однако в том же жилище 4 заготовки средних пропорций употреблялись наравне с узкими. Микропластинки в комплексах варьируют от 5 до 14%. Соотношение численности сечений разных пропорций[4] убедительно показывает преимущественное использование длинных заготовок, реже средних и редкое применение коротких. Процент пластинчатости комплексов (соотношение изделий на пластинах и отщепах) довольно низкий – 44% в жилище 5 раскопа III, 32,08% в жилище 1 раскопов II и V. Основная группа изделий – это пластинки с краевой ретушью, многие из которых использовались как вкладыши. Из пластин также изготовлялись концевые скребки. Боковые стороны массивных заготовок служили скобелями. Единично встречены пластинки с торцевой обработкой, проколки-провертки, резцы, резчики. Обращает внимание факт преимущественного использования медиальных частей пластин.

В коллекции много орудий из отщепов. Из кварца выполнены 25 и 19,5% изделий, соответственно в жилище 1 раскопов II и V и жилище 5 раскопа III. Это скребки, ведущей формой которых являются концевые, иногда еще и с боковым лезвием. Устойчивую группу образуют полукруглые скребки с оформлением лезвий крутой или отвесной ретушью на нижнем конце краевого отщепа. Из других форм скребков выделяются округлые и подпрямоугольные. Орудия без обработки лезвия, выделенные по следам сработанности, единичны. Другой распространенный тип орудий на отщепах – долотовидные. Единичные резцы, скобели – отщепы с эпизодической ретушью и острия.

Наравне с отщепами использовались гальки. Из них изготовлены долотовидные орудия, абразивы, наковальни, отбойники, рубящие орудия, обломок шлифованного ножа, предметы с двухсторонней краевой оббивкой.

Вторичная обработка как элемент формообразования орудий и "заточки" лезвий применяется в основном к орудиям из отщепов и галек. Ретушь, фиксируемая на изделиях из пластин, есть результат утилизации режущей кромки в процессе работы. Исключения составляют пластинки с притупленным торцом, концевые скребки и два острия. Техника резцового скола представлена незначительно. Абразивная обработка применяется для изготовления рубящих и некоторых долотовидных орудий.

Среди мезолитических индустрий лесной и таежной зон Урала и Западной Сибири каменные комплексы поселения Геологическое III особо не выделяются. На указанных территориях основу индустрии составляет призматическая пластинка и орудия из нее. Вариабельность в проценте пластинчатости комплексов связывается с "разной хозяйственной спецификой поселения" (Сериков Ю.Б., 1991, с. 27, 28). Устойчив и типологический набор орудий на данном типе заготовок – пластинки с краевой ретушью, с обработанным торцом, резцы, резчики, острия, концевые скребки и др. Отличия проявляются по отдельным типам изделий, характерных для каждой конкретной территории. Например, в комплексах поселения Геологическое III на содержатся характерные для Среднезауральской мезолитической культуры геометрические микролиты, наконечники стрел и боковые (поперечно-ретушные) резцы (Сериков Ю.Б., 1988, с. 11–18). Единственный ретушный резец (раскоп III, жилище 4) несравним с боковыми резцами указанной выше мезолитической культуры.

---

[3] Количественные характеристики групп изделий определены на основе вариационных рядов: микропластинки 4–5 мм, узкие 6–10 мм, средние 11–15 мм, длинные 16 и более мм.

[4] Параметры сечений взяты из статьи: Косинская Л.Л., 1988, с. 33–47.

Для территории Северо-Востока Европейской части России выделены две группы памятников, отличия между которыми проявляются в параметрах исходного типа заготовок (пластин) и увеличения количества изделий из отщепов на поздней стадии. Для первой группы стоянок предположительная датировка VII–VI тыс. до н.э., для второй – VI–V тыс. до н.э. (Верещагина И.В., 1988, с. 50). По таким признакам, как преобладание пластин правильного огранения, узких (0,5–1,0 см), наличие рубящих орудий, обработанных посредством сколов, преобладание в группе сечений длинных и средних, комплексы поселения Геологического III согласуются с группой I стоянок Северного Приуралья. Но в то же время практически равное использование наряду с пластинами других заготовок – отщепов, галек и плиток, отсутствие резцов, наличие шлифовки определяют сходство комплексов поселения Геологическое III с группой II стоянок Северного Приуралья.

Материалы поселения Геологическое III сходны с комплексами Средней Конды, датированными по C^{14}, по разнообразию приемов первичной обработки камня, набору заготовок для орудий и типологическому составу инвентаря. Однако существенное различие состоит в количественном соотношении комплексов и соответственно в представительности выборок по типологическим группам изделий (Беспрозванный Е.М., 1985, с. 92, 93; 1997, с. 29–36). В свою очередь, средне- и верхнекондинские материалы отличны от мезолитических древностей Нижней Конды. Это объясняется либо различным возрастом комплексов, либо локальным своеобразием памятника, который, возможно, является свидетельством заселения Западно-Сибирской равнины в эпоху мезолита с территории Среднего Зауралья (Сериков Ю.Б., 1989, с. 36; 1998, с. 8–23).

В заключение можно отметить, что в каменном инвентаре комплексов поселения Геологическое III, как и в индустриях с сопредельных территорий, имеются определенные индивидуальные черты, сочетающие в себе технологические приемы камнеобработки: высокий процент техники контрударного расщепления, типы каменных орудий, и своеобразную технику домостроительства. При всей самобытности материальной культуры Верхней Конды нельзя исключить существование связей с носителями мезолитических культур Среднего Зауралья и Северного Приуралья и ставить вопрос о включении данных комплексов в какую-либо культурную группу пока преждевременно. Необходимы дальнейшее продолжение исследований мезолитических памятников, публикация новых источников и проведение, в первую очередь, региональной систематизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беспрозванный Е.М., 1985. Первые мезолитические жилища в таежной зоне Западной Сибири // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск.

Беспрозванный Е.М., 1997. Мезолит таежной зоны Западной Сибири (предварительные итоги изучения) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 1. Екатеринбург.

Верещагина И.В., 1988. Мезолит на крайнем Европейском Северо-Востоке // КСИА. № 200.

Гурина Н.Н., 1989а. Мезолит верховьев Волги // Археология СССР. Мезолит СССР. М.

Гурина Н.Н., 1989б. Мезолит Кольского полуострова // Археология СССР. Мезолит СССР. М.

Гусенцова Т.М., 1993. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск.

Кокшаров С.Ф., 1987. Отчет о раскопках поселения Геологическое III и археологической разведке в окрестностях пос. Комсомольского в Советском районе Тюменской области, проведенной летом 1986 г. // АКА УрГУ. Ф. II. Д. 431.

Кокшаров С.Ф., 1988. Отчет об археологических работах в Советском районе Тюменской области, проведенных летом 1987 г. // АКА УрГУ. Ф. II. Д. 450.

Косинская Л.Л., 1988. Некоторые результаты статистического анализа кремневого инвентаря стоянок каменного века бассейна Вычегды // Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья. МАЕСВ. Вып. 11. Сыктывкар.

Морозов В.М., 1986. Отчет об исследовании памятников в районе д. Низямы в Октябрьском

районе и в верховьях р. Эсс в Советском районе Тюменской области // АКА УрГУ. Ф. II. Д. 422.
Морозов В.М., 1987. Отчет об исследовании памятников на трассе газопроводов "Уренгой–Ужгород" в Октябрьском и Советском районах Тюменской области летом 1986 г. // АКА УрГУ. Ф. II. Д. 433.
Никитин В.В., 1996. Каменный век Марийского края // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. IV. Йошкар-Ола.
Сериков Ю.Б., 1988. Материальная культура мезолитического населения Среднего Зауралья // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск.
Сериков Ю.Б., 1989. Производящие формы труда населения Среднего Зауралья в каменном веке // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск.
Сериков Ю.Б., 1991. Некоторые итоги изучения мезолита на территории Среднего Зауралья // ВАУ. № 20.
Сериков Ю.Б., 1998. Мезолитические памятники реки Конды // Археология Западной Сибири. Нижневартовск.
Стефанова Н.К., 1981. Работы в Кондинском районе // АО – 1980.
Физико-географическое районирование Тюменской области, 1973. М.

Институт истории и археологии УрО РАН,
Уральский государственный университет,
Екатеринбург

S.F. KOKSHAROV, A.A. POGODIN

A MESOLITHIC SETTLEMENT ON THE ZATUMANENNAYA KONDA RIVER

S u m m a r y

The material from Mesolithic settlement of Geologicheskoye III are published in the article. The site is situated in taiga zone of north-western Siberia, on the estuary of the Konda river. The authors point to the local features of the site against the background of the Mesolithic cultures of adjacent territories. Having analysed the archaeological sources, the investigators came to a conclusion, that the Konda basin represented a centre of formation in early Holocene ancient economic pattern based on hunting and fishing. The article represents one of the most exhaustive publications dealing with the Mesolithic material from this micro-region of north-eastern Siberia.

Ф.И. МЕЦ

"СКИФСКИЙ" КОТЕЛ С ЗООМОРФНЫМИ РУЧКАМИ ИЗ ТОМСКОГО ПРИОБЬЯ

Одной из категорий вещей, которые были широко распространены на территории степной и лесостепной зоны Евразии и которые наряду со знаменитой "скифской триадой" играют роль своеобразной визитной карточки эпохи ранних кочевников, являются литые бронзовые котлы. Несмотря на то что в различных музеях хранятся сотни экземпляров этих изделий, любая новая находка привлекает пристальное внимание исследователей, так как каждый котел уникален: и сам он, а также обстоятельства его находки способны дать новую информацию в вопросах технологии производства, утилитарного и сакрального их предназначения. Особый интерес у специалистов вызывают котлы с какими-нибудь элементами декора (орнаментальными или скульптурными), несущими несомненную семантическую нагрузку, а также котлы, найденные достаточно далеко от районов, которые могут рассматриваться как потенциальные места их изготовления.

Один из таких котлов хранится в фондах Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (колл. № 7313) и происходит из окрестностей дер. Черная Речка (примерно в 5 км южнее г. Томска). Он был найден в колее грунтовой дороги студентом ТГУ Вл. Юдиным, который во время езды на мотоцикле обратил внимание на странную "кочку". Через несколько лет (в декабре 1977 г.), благодаря стараниям лаборанта МАЭС О.Б. Беликовой, этот артефакт попал в музей.

Котел имеет форму усеченного сфероида со слегка отогнутым наружу краем венчика. Поддон высокий, пустотелый, в форме плавно расширяющегося книзу усеченного конуса. Место соединения поддона с туловом имеет вид манжеты, наложенной на нижнюю часть котла. Высота изделия 16,9 см, диаметр примерно 16 см; высота поддона 5,5 см, его диаметр 9 см. В наиболее широкой части тулова имеется орнаментальный пояс в виде петлеобразно расположенной веревочки, свитой из двух толстых нитей. Котел снабжен двумя вертикальными ручками в виде стилизованных фигурок коней, обращенных мордами в одну сторону (рис. 1, *а*, *б*; 2).

Собственно ручка имеет прямоугольную форму (высотой 4 см) и образована подквадратным в сечении бруском толщиной 1 см. Этим бруском суммарно переданы ноги и туловище коня. Подтреугольным сантиметровым выступом, слегка загнутым книзу, показан короткий хвост. Основания ручек опираются на прямой срез торца венчика и заходят на внешнюю сторону плечиков на 2,2 см. Шея животного расположена строго вертикально и имеет подтреугольную форму. На ней показана коротко подстриженная грива. Заканчивается шея торчащими ушами. Они трактованы также суммарно: в виде сплошного неразделенного валика. Высота от основания шеи до кончиков ушей 3,2 см. Голова расположена строго горизонтально и образует с шеей прямой угол. Выделены линия рта, скулы, лоб. Такие детали, как глаза и ноздри, не обозначены (рис. 3*а*, *б*).

Котел деформирован. Через все тулово сверху вниз полосой проходит довольно глубокая вмятина (рис. 2). Очевидно, из-за этой вмятины сломалась задняя "нога"

Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 97.01.00067А).

© Ф.И. Мец, 2000 г.

Рис. 1. Котел из дер. Черная Речка. Общий вид (фото А.В. Морозова)

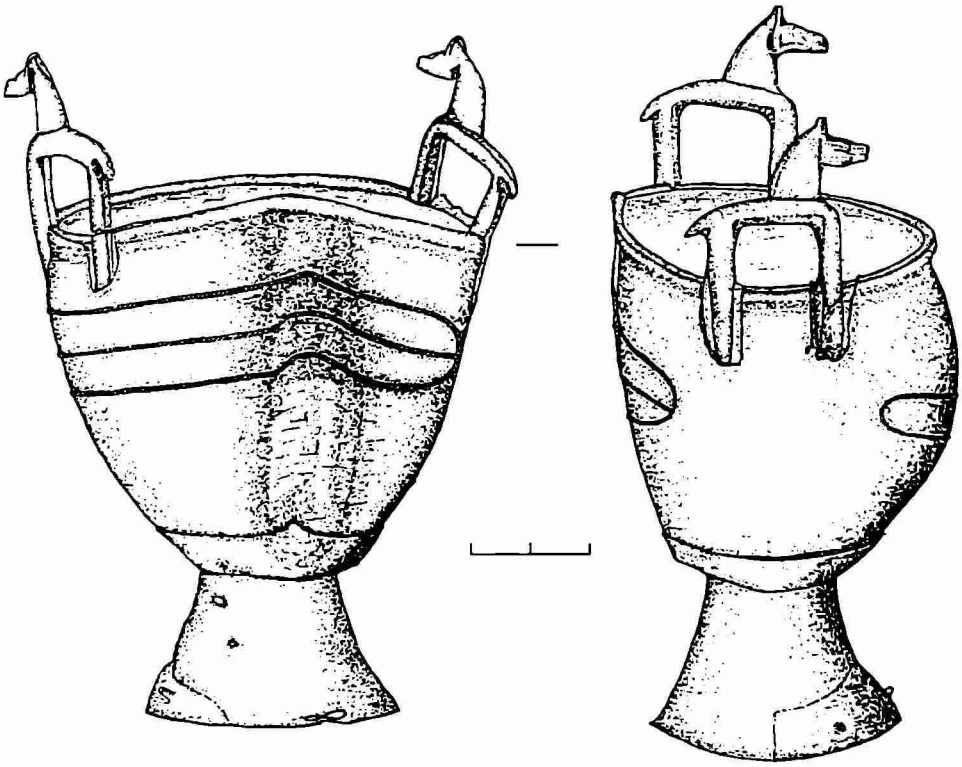


Рис. 2. Котел из дер. Черная Речка. Прорисовка (художник О.И. Приступа)

одного из коней (рис. 3, *б*). Поскольку излом не патинизирован, можно думать, что деформация котла – результат наезда на него мотоцикла.

Описанный экземпляр представляет несомненный интерес по целому ряду аспектов, среди которых можно выделить технологический, иконографический, семантический, хронологический, локализационный.

Технологический аспект. Согласно последним исследованиям, все котлы скифо-сарматского и гуннского времени независимо от конструкции, формы и каких-либо швов, были отлиты по выплавляемо-выгораемым моделям методом свободного литья в неразъемных формах – опоках с утратой последних (Минасян Р.С., 1986, с. 62). Отсутствие литейных швов свидетельствует, что и описываемый экземпляр был отлит аналогичным способом. Формовка его производилась в два этапа: сначала была изготовлена модель котла, а затем к ней были припаяны модели ручек, отлитых в двусторонней форме (по контуру фигурок четко видны сварные швы). Об этом говорят хорошо фиксирующиеся модельные паячные швы вокруг основания ручек. В процессе отливки древними мастерами был допущен явный литейный брак. На тулове котла и особенно на его поддоне имеется целый ряд сквозных усадочных раковин, образовавшихся в результате нехватки прибыльного металла и нарушения режима плавки. Такого рода брак встречается на бронзовых котлах довольно часто (Минасян Р.С., 1986, с. 75–77). Заделка этих раковин была осуществлена путем изготовления специальных заплаток способом частичного домоделирования поврежденных мест внешней поверхности, частичной формовки и доливки расплава. На тулове котла имеются четыре таких заплатки, одна из которых расположена на манжете, другая – поверх шнурового орнамента. Кроме того, в нижней части тулова имеется еще одна сквозная раковина. Еще больше литейного брака на поддоне. Металл поддона пористый, с многочисленными усадочными раковинами, пять из которых – сквозные. В основании поддона расположены три наплывающие одна на другую заплатки. Примечательно, что на всех семи заплатках котла не убраны литники. Отметим также наличие в некоторых местах на поддоне мелких бороздок – возможно, отпечатки ткани или следы заглаживания модели при формовке.

Иконографический аспект. В настоящее время с территории Сибири и Алтая происходят четыре котла, ручки которых оформлены в виде фигурок лошадей. Обнаружены они в с. Колывань на р. Чая (Мягков И.М., 1929, с. 50, табл. I, *2*), в с. Тигрицкое в Минусинской котловине (Членова Н.Л., 1967, с. 117, табл. XXVIII, *28*), в с. Серебренниково в Степном Алтае (Иванов Г.Е., 1982, с. 51, рис. 10, *9*) и на Семинском перевале в Горном Алтае (Кубарев В.Д., 1979, с. 76, рис. 23). Кроме этого, известна ручка от котла в виде скульптуры коня из бывш. Барнаульского округа (Флоринский В.М., 1888, с. 77, № 1290). Несмотря на разную степень проработки деталей (на экземплярах из Тигрицкого и с Семинского перевала выделены короткий хвост, коротко подстриженная грива, рот; остальные фигурки, судя по публикациям, трактованы более схематично), эти скульптурки объединяет общность позы: животные изображены с опущенной вниз головой – черта, характерная в целом для минусинского стиля (Членова Н.Л., 1967, с. 117). В этом смысле лошади с чернореченского котла не имеют аналогов среди зооморфных ручек азиатских котлов. В качестве типологической параллели можно, пожалуй, привести зооморфные ручки сарматского бронзового котла рубежа эр из Ростовской обл., где голова животного (ослик?) также показана строго горизонтально (Капошина С.И., 1965, с. 49–51, рис. 17, *2*).

Семантический аспект. Исследователи неоднократно отмечали культовую роль бронзовых котлов (Арсланова Ф.Х., Чариков А.А., 1980, с. 154; Балакин Ю.В., 1996, с. 14; Могильников В.А., 1997, с. 91; Джумабекова Г.С., 1998, с. 133). Очевидно, в первую очередь это относится к котлам, имеющим зооморфное оформление. При этом изображения, вероятно, связаны с культом животного и выступают в роли оберегов (Косяненко В.М., Флёров В.С., 1978, с. 203). Косвенным подтверждением сакральной функции этих котлов может служить факт находки одного из них на Семинском

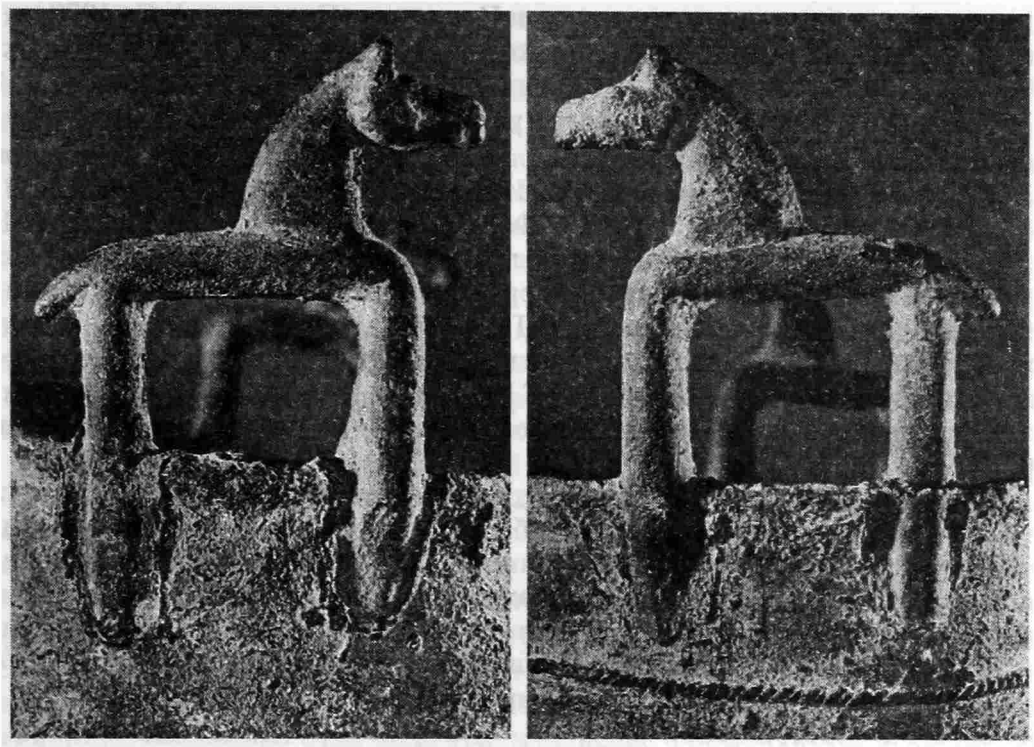


Рис. 3. Котел из дер. Черная Речка. Ручки в виде фигурок коней (фото А.В. Морозова)

перевале. По всей видимости, он относился к ритуальному комплексу, зачастую связанному с горами культа "небесных коней" (Членова Н.Л., 1981, с. 89), или, возможно, был оставлен в качестве жертвы духам гор. Практика таких жертвоприношений на перевалах зафиксирована этнографами на соседних территориях (Дэвлет М.А., 1990, с. 57). Аналогичными жертвоприношениями, вероятно, были котлы, найденные на г. Бештау у Пятигорска (Иессен А.А., 1954, с. 124).

К числу ритуальных котлов можно отнести и чернореченский экземпляр. В пользу его культовой роли помимо зооморфных ручек говорят также маленький объем, многочисленный литейный брак и отсутствие вторичной обработки изделия после ремонта, что выразилось в наличии многочисленных литников. Отметим в связи с этим, что один из котлов Келермесских курганов, имевших зооморфное оформление и аналогичный литейный брак, также был непригоден для бытовых целей (Минасян Р.С., 1986, с. 66).

Естественно поэтому, что оформление ручек чернореченского котла в виде коней не случайно и несло определенную смысловую нагрузку. Вообще в искусстве племен, входивших в скифо-сибирское культурно-историческое единство, конь – один из наиболее часто встречающихся персонажей. Он чрезвычайно популярен в изобразительном творчестве скифов и саков (Кузьмина Е.Е., 1977), многочисленны его изображения у ранних кочевников Горного Алтая (Кубарев В.Д., 1981) и племен Южной Сибири (Членова Н.Л., 1981). Известен этот образ и у населения лесостепной зоны Западной Сибири (Труфанов А.Я., 1983). Традиционно коня принято считать солярным символом, но, как справедливо заметила Е.Е. Кузьмина, единичные изображения лошадей не поддаются бесспорной интерпретации. "Из-за присущего всем индоиранцам полисемантизма невозможно судить, какое именно божество или мифологический персонаж имел в виду художник" (Кузьмина Е.Е., 1977, с. 99). Однако о соотнесении изображения с тем или иным культом в ряде случаев можно судить по косвенным признакам. Примечательно, что конь – один из образов, прочно связанных с ритуальной посудой. Это видно, например, по котлам. К уже перечисленным можно

добавить находки из сарматских комплексов Поволжья (Скрипкин А.С., 1970, с. 206–209, рис. 2, 3; Мордвинцева В.И., Сергацков И.В., 1995, с. 122), Подонья (Скрипкин А.С., 1970, с. 209; Минасян Р.С., 1986, рис. 4, *2*), Приазовья (Беспалый Е.Н., 1985, с. 163–169, рис. 2, *2*). Протома коня часто украшала ритоны – священные сосуды у многих народов древности (Аракелян М.Б., 1976, с. 43, 44, табл. LVIII; Венедиков И., Герасимов Т., 1973, № 162; Ксенофонтова И.В., 1997, с. 60, 61, рис. 1; Луконин В.Г., 1977, рис. 121; Савельева Т.В., Смирнов К.Ф., 1972, с. 114, 115, рис. 5; Сорокина Н.П., 1997, с. 16, рис. 3). Фигурные сосуды в виде лошадиной головы использовались на античных памятниках Северного Причерноморья (Буйских С.Б., 1982), где, видимо, были задействованы в ритуалах (Сорокина Н.П., 1997, с. 12, 13). Головки коней изображены на обуглившемся фрагменте ритуального деревянного сосуда из жреческой гробницы тагарской культуры (Курочкин Г.Н., 1992, с. 98, рис. 3). Кроме того, конь – один из центральных персонажей знаменитой амфоры из Чертомлыка (Scythian Art, 1986a, pl. 266).

М.Б. Аракелян (1976, с. 48–51) приводит многочисленные данные в пользу того, что ритоны с протомой коня, а также льва, барана, грифона имели отношение к циклу культовых представлений, связанных с солнцем. Обугленность деревянной чаши из тагарской жреческой гробницы также может свидетельствовать о ее связи с ритуалами огненного цикла. Да и конь с чертомлыкской амфоры, по мнению ряда исследователей, предназначен в жертву солярному божеству (Кузьмина Е.Е., 1976, с. 72; Мачинский Д.А., 1978, с. 237, 238; Раевский Д.С., 1979, с. 79; Бессонова С.С., 1983, с. 71; Балонов Ф.Р., 1991, с. 376)[1].

Очевидно, изображения лошадей на котлах носили солярный характер, поскольку, во-первых, несомненна связь котла с огнем и, во-вторых, котел связан с представлениями о центре вселенной, axis mundi (Алексеев А., 1991, с. 31–33; Балакин Ю.В., 1996, с. 14) и в этом случае солярная приуроченность фигур верхней части котла также неоспорима.

В свете вышесказанного привлекает внимание необычность иконографии коней на чернореченском котле. Она может быть объяснена просто индивидуальной манерой мастера-литейщика, стремлением "подогнать" фигурку к форме ручки, а может и иметь определенный идеологический подтекст, суть которого сводится к следующему. Н.Л. Членова (1967, с. 141, 142) отмечает, что среди изображений лошадей Минусинской котловины, несмотря на стилизацию, можно выделить две различные породы. Лошади одной породы невысоки, приземисты и напоминают "монголок". Другие – породистые лошади с "лебединой" шеей и небольшой головой, с высокими и стройными ногами. При этом "монголки" изображались в виде стоящей фигуры с опущенной вниз головой (Членова Н.Л., 1967, табл. XXV, *20, 21*), а "породистые" демонстрируют лошадь с вертикально посаженной шеей и горизонтально расположенной головой (Членова Н.Л., 1967, табл. XXV, *4, 5*). Лошади этой породы в аналогичной манере изображались на писаницах Минусинской котловины (Оглахты, у улуса Апкашевского). Очень важно, что туловища этих коней разрисованы солярными знаками, что заставляет думать, что здесь изображены какие-то "божественные" кони (Членова Н.Л., 1981, с. 86–88, рис. 5, 6). Видимо, неслучайно там же в Оглахты и на г. Тепсей в этой же иконографической манере переданы и "небесные" олени (Советова О.С., 1995, с. 37–45, рис. 3, *1, 2*).

Две группы изображений коней выделяются и у ранних кочевников Горного Алтая (Кубарев В.Д., 1981, с. 85). В первую очередь включены парные изображения на сакральных головных уборах. При этом они зачастую демонстрируют стоящее или бегущее животное с опущенной головой (Кубарев В.Д., 1981, рис. 1). На некоторых фигурках, запечатленных в этой позе, на голове имеется имитированный след чекана, который, видимо, символизировал убийство изображения жертвенного животного (Кубарев В.Д., 1981, с. 91). Отметим в связи с этим, что и "жертвенный" горный козел

[1] Правда, на этот счет есть и другая точка зрения (См.: Симоненко А.В., 1987).

с бронзовой курильницы из пос. Ерменсай в Семиречье также показан с опущенной вниз головой (Джумабекова Г.С., 1998, с. 130, рис. 4, *2*).

Во второй группе привлекают внимание фигурки, найденные вместе с основаниями, представляющими собой деревянные пластины в форме половинок луны. Они венчали головной убор и были полностью покрыты листовым золотом. По мнению В.Д. Кубарева (1981, с. 92), в этих миниатюрных фигурках запечатлено представление кочевников Горного Алтая о небесном золотом коне. Некоторые из них иконографически очень близки "небесным" коням тагарских петроглифов и ручкам чернореченского котла (см.: Кубарев В.Д., 1981, рис. 8, *2*).

Все это позволяет предположить, что азиатские котлы с ручками в виде фигурок коней были культовой посудой, связанной с обслуживанием ритуалов солярного цикла в том или ином их проявлении. При этом лошади с опущенной вниз головой могли символизировать животное, предназначенное для принесения в жертву (обряд типа ашвамедха), а ручки котла с Черной Речки, возможно, передают образ "небесного" коня, аналогичного образам тагарских петроглифов и пазырыкских наверший. Не исключено, что ритуалы, в которых могли быть задействованы эти котлы, различались по своему содержанию.

Хронологический аспект. К сожалению, подавляющее большинство котлов "скифского" типа, известных в Азии, – случайные находки, поэтому датировка их не может быть точной. Существующие типологические классификации этих изделий (Членова Н.Л., 1967, с. 93, 94; Боковенко Н.А., 1981) мало что могут дать в плане хронологии. М.А. Боковенко отмечает, что "изменение форм бронзовых котлов отражает скорее всего типологическое (конструктивное) развитие, а не хронологическое" и далее – "анализ форм (очертаний) котлов, изображенных на наскальных рисунках и плитах Южной Сибири... показывает возможность сосуществования нескольких вариантов форм котлов и их элементов" (Боковенко Н.А., 1981, с. 46, 47), поэтому к датировке каждого котла следует подходить индивидуально, с учетом конкретных его особенностей (см., например, Могильников В.А., 1997, с. 91–93). В упомянутых типологических схемах котлы с вертикальными зооморфными ручками выделяются особо. У Н.Л. Членовой эта подгруппа AI/5, куда относятся котлы на полом коническом поддоне, без носика, с ручками в виде стоящих животных (Членова Н.Л., 1967, с. 93, 94), у Н.А. Боковенко – это подтип А типа I – котлы с полусферической формой тулова, конусовидным поддоном, с зооморфными вертикальными ручками и орнаментом в виде двух-трех "веревочек", проходящему по наибольшему диаметру тулова (Боковенко Н.А., 1981, с. 46). Н.Л. Членова, а за ней и В.А. Могильников, считают, что датировать эти котлы можно на основании стиля, в котором изображены животные, и аналогий из других районов. Так, на основании принадлежности фигурок лошадей к минусинскому стилю, экземпляры из с. Тигрицкое, дер. Колывань и бывш. Барнаульского округа Н.Л. Членова датировала VI в. до н.э. (Членова Н.Л., 1967, с. 97, 98). Опираясь на близкие фигурки лошадей из горноалтайских курганов, котел из с. Серебренниково В.А. Могильников датирует в пределах VI–V – V–IV вв. до н.э. (Могильников В.А., 1997, с. 92). Форма тулова и декор чернореченского котла в целом характерны для этого же времени, но стилистические и конструктивные особенности его ручек позволяют предполагать возможность и более поздней датировки. Она основывается на упомянутых аналогиях в деревянной скульптуре. Так, фигурка коня на покрытом золотом навершии была обнаружена в кургане 8 могильника Уландрык II. Очень близкая чернореченской по стилю фигурка коня происходит из кургана 7 этого же могильника. По находкам эти комплексы датируются III в. до н.э. (Кубарев В.Д., 1987, с. 132, табл. L, *7*; XLIII, *4*). В петроглифах стилистически близкие изображения, возможно, несколько старше. Я.А. Шер относит их к развитому звериному стилю и датирует VI–IV вв. до н.э. (Шер Я.А., 1980, с. 249–251, рис. 122). Сама форма ручки котла, имеющая прямоугольные очертания, также не противоречит верхней дате изделия в пределах III в. до н.э. Аналогичную форму имеют ручки котла из могилы 33 Улангомского могильника в Монголии. Э.А. Новгородова относит его к

поздней разновидности котлов скифского типа, а могильник датирует V–III вв. до н.э. (Новгородова Э.А., 1989, с. 262–264, рис. на с. 209, № 1). Прямоугольную форму ручек (правда, с одним выступом), имеет и котел, случайно обнаруженный в Прикамье и относящийся, видимо, к пьяноборскому времени (Прокошев Н.А., 1948, с. 202, рис. 15, 5). Указанные аналогии, таким образом, дают основания датировать котел с Черной Речки в пределах V–III или даже IV–III вв. до н.э.

Локализационный аспект. Сам по себе факт нахождения котла "скифского" типа в Томском Приобье отнюдь не уникален. Даже в Среднем Приобье такие находки вовсе не единичны, и в свое время даже был поставлен вопрос о возможности их изготовления в таежной зоне (Косарев М.Ф., 1974, с. 142). Эта точка зрения, судя по всему, не получила поддержки. Очевидно, производственный потенциал таежного населения второй половины I тысячелетия до н.э. был недостаточен для обеспечения такого сложного технологического процесса (см.: Терехин С.А., 1997). Так или иначе, исследователи локализуют центры их производства в районах, расположенных южнее зоны тайги. Основная масса котлов, известных в Западной Сибири, по классификации Н.А. Боковенко, относится к I типу. Больше половины котлов этого типа происходит из Минусинской котловины, где он и помещает центр по их отливке (Боковенко Н.А., 1981, с. 46, рис. 2). Котлы с ручками в виде фигурок коней, по мнению В.А. Могильникова, могли быть сделаны на Атлас (Могильников В.А., 1997, с. 93). Однако общее количество котлов, найденное на Алтае, не позволяет рассматривать его в качестве одного из центров по их изготовлению и делает точку зрения Н.А. Боковенко более убедительной. Вероятно, котлы, обнаруженные в Приобье, или по крайней мере большая их часть, были отлиты в Минусинской котловине. Но наличие среди них экземпляров, которые можно трактовать как культовые, ставит вопрос не только о путях, но и о характере проникновения "скифских" котлов на территорию Западной Сибири. Другими словами, все ли котлы, происходящие оттуда, были импортом?

Археологические работы последнего времени выявили достаточно сложную этническую ситуацию, сложившуюся в Верхнем и Среднем Приобье в эпоху раннего железа. На этих территориях все отчетливее фиксируется проникновение какого-то южного населения, которое либо принадлежало к тагарскому миру, либо находилось под его сильным воздействием. Впервые о проникновении на юг Томской обл. тагарского населения говорил А.И. Мартынов, который считал, что этот процесс имел место во II–I вв. до н.э. (Мартынов А.И., 1979, с. 153). Новые материалы позволяют удревнить начало этого проникновения и значительно расширить его географические рамки вплоть до районов Нарымского Приобья. Близ Томска Л.М. Плетневой было раскопано несколько курганов Савинского могильника, сооруженных в пределах V–III в. до н.э. и оставленных пришлым населением, в культуре которого отмечено преобладание тагарских черт (Плетнева Л.М., 1994, с. 33, 34). В среднем течении р. Кеть Я.А. Яковлев раскопал Карбинское городище I, давшее не только бронзы южносибирского типа (Яковлев Я.А., 1998), но и значительную коллекцию керамики тагарского облика (Яковлев Я.А., 1991, с. 140). Крупный поселенческий комплекс с явно выраженной южной ориентацией дало городище Заречная Горка в Причулымье (Матющенко В.И., Сыркина Л.М., 1975, с. 149). К этому же кругу памятников, вероятно, относится и могильник Алдыган в Среднем Приобье (Яковлев Я.А., Боброва А.И., 1996, с. 382–384; Яковлев Я.А., 1998). Продвижение этих групп населения в Среднее Приобье также относится к V–III вв. до н.э. (Яковлев Я.А., 1991, с. 140). Очевидно, какая-то часть котлов "скифского" типа и попала в западносибирскую тайгу с этими мигрантами. В их число скорее всего входят и котлы с ручками в виде фигурок коней из с. Колывань и д. Черная Речка, сакральный характер которых делает их роль в качестве объекта купли-продажи маловероятной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А., 1991. Котел из кургана Раскопана Могила как реплики легендарного котла скифского царя Арианта // АСГЭ. Вып. LV.

Аракелян Б.Н., 1976. Очерки по истории искусства древней Армении (VI в. до н.э. – III в. н.э.). Ереван.

Арсланова Ф.Х., Чариков А.А., 1980. Бронзовые котлы из музеев Восточно-Казахстанской области // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово.

Балакин Ю.В., 1996. Урало-сибирское культовое литье в мифе и ритуале. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.

Балонов Ф.Р., 1991. Чертомлыцкая серебряная амфора как модель мифопоэтического пространства – времени // Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык (Скифский царский курган IV в. до н.э.). Киев.

Беспалый Е.Н., 1985. Курган I в. н.э. у г. Азова // СА. № 4.

Бессонова С.С., 1983. Религиозные представления скифов. Киев.

Боковенко Н.А., 1981. Бронзовые котлы ранних кочевников в Азиатских степях // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск.

Буйских С.Б., 1982. Два фигурных сосуда из раскопок городища Золотой мыс // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев.

Венедиков И., Герасимов Т., 1973. Тракийското изкуство. София.

Джумабекова Г.С., 1998. Бронзовая курильница из Семиречья // РА. № 2.

Дэвлет М.А., 1990. Новые материалы о древнем культе быка в Центральной Азии // КСИА. Вып. 199.

Иванов Г.Е., 1982. К археологической карте верховьев Касмалы и Барнаулки // Археология и этнография Алтая. Барнаул.

Иессен А.А., 1954. Некоторые памятники VIII–VII вв. до н.э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. М.

Капошина С.И., 1965. Итоги работ Кобяковской экспедиции // КСИА. Вып. 103.

Косарев М.Ф., 1974. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.

Косяненко В.М., Флёров В.С., 1978. Бронзовые литые котлы Нижнего Подонья (к вопросу о типологии и хронологии) // СА. № 1.

Ксенофонтова И.В., 1997. Серебряный ритон с протомой Пегаса из VI Уляпского кургана // ВДИ. № 2.

Кубарев В.Д., 1979. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск.

Кубарев В.Д., 1981. Конь в сакральной атрибуции ранних кочевников Горного Алтая // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск.

Кубарев В.Д., 1987. Курганы Уландрыка. Новосибирск.

Кузьмина Е.Е., 1976. О семантике изображений на чертомлыцкой вазе // СА. № 3.

Кузьмина Е.Е., 1977. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. Киев.

Курочкин Г.Н., 1992. Открытие богатой жреческой гробницы сибирских скифов // Археологические вести. № 1. СПб.

Луконин В.Г., 1977. Искусство Древнего Ирана. М.

Мартынов А.И., 1979. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск.

Матющенко В.И., Сыркина Л.М., 1975. О новых находках эпохи раннего железа в Томско-Чуламском Приобье // Первобытная археология Сибири. Л.

Мачинский Д.А., 1978. О смысле изображений на чертомлыцкой амфоре // Проблемы археологии. Вып. II. Л.

Минасян Р.С., 1986. Литье бронзовых котлов у народов степей Евразии (VII в. до н.э. – V в. н.э.) // АСГЭ. № 27.

Могильников В.А., 1997. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М.

Мордвинцева В.И., Сергацков И.В., 1995. Богатое сарматское погребение у станции Бердия // РА. № 4.

Мягков И.М., 1929. Древности Нарымского края (В собрании Томского краевого музея) // Труды Томского краевого музея. Т. II. Томск.

Новгородова Э.А., 1989. Древняя Монголия. М.

Плетнева Л.М., 1994. Савинский курганный могильник – памятник раннего железного века // Северск. История и современность. Томск.
Прокошев Н.А., 1948. Из материалов по изучению ананьинской эпохи в Прикамье // СА. Т. X.
Раевский Д.С., 1979. Об интерпретации памятников скифского искусства // НАА. № 1.
Савельева Т.В., Смирнов К.Ф., 1972. Ближневосточные древности на Южном Урале // ВДИ. № 3.
Симоненко А.В., 1987. О семантике среднего фриза Чертомлыцкой амфоры // Скифы Северного Причерноморья. Киев.
Скрипкин А.С., 1970. Случайные находки сарматских котлов на территории Волгоградской области // СА. № 4.
Советова О.С., 1995. Петроглифы горы Тепсей // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово.
Сорокина Н.П., 1997. Религия и коропластика в античности (фигурные сосуды из собрания ГИМ) // Тр. ГИМ. Вып. 91.
Терехин С.А., 1997. Цветная металлообработка на васюганском этапе кулайской культуры. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул.
Труфанов А.Я., 1983. Скульптура лошади из Среднего Прииртышья // Пластика и рисунки древних культур. Первобытное искусство. Новосибирск.
Флоринский В.М., 1888. Археологический музей Томского университета. Каталог. Томск.
Членова Н.Л., 1967. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.
Членова Н.Л., 1981. Тагарские лошади (О связях племен Южной Сибири и Средней Азии в скифскую эпоху) // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М.
Шер Я.А., 1980. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.
Яковлев Я.А., 1991. Карбинское городище I – памятник раннего железного века Среднего Приобья // Жилища народов Западной Сибири. Томск.
Яковлев Я.А., 1998. Новые находки скифо-сибирской металлопластики в НарымскомПриобье // История и культура Томской области. Томск.
Яковлев Я.А., Боброва А.И., 1996. Работы в Колпашевском районе Томской области // АО – 1995.
Skythian Art, 1986. Leningrad.

Томский государственный университет

F.I. METS

"SCYTHIAN" CAULDRON WITH ZOOMORPHIC HANDLES FROM THE OB' RIVER BASIN NEAR TOMSK

Summary

In the article a cauldron of so-called "Scythian" type is published. It represents an isolated find discovered at Chernaya Rechka village near Tomsk. The vessel is attested to a rare type of cauldons with zoomorphic handles shaped in the form of horses' effigies. The artefact evidently had a religious purpose and played some role in the rituals of solar cycle. The attention should be turned to unusual iconographic rendering of sculptured handles. The cauldron is preliminarily dated back to the 5th-3rd centuries B.C. The artefact probably was brought to west Siberian taiga region by migrating groups related to Tagar culture. Traces of this migration are archaeologically evidenced not only in the Ob' basin near Tomsk, but also on the middle Ob' river.

Т.В. ЕГОРОВА

ЧЕРНОЛАКОВЫЕ КАНФАРЫ С ГОРОДИЩА "ЧАЙКА"

Одной из распространенных находок, встречающихся в различных слоях городища "Чайка" близ г. Евпатории, равно как и на других греческих поселениях Северного Причерноморья и Крыма, являются фрагменты и целые формы круговой керамики, покрытой особым составом, именуемым в литературе "черным лаком". Такая посуда изготавливалась в гончарных мастерских в различных городах Средиземноморья и в большом количестве привозилась в северопричерноморские колонии наряду с другими предметами торговли.

Предлагаемая вниманию читателей работа – первая публикация одной из многочисленных категорий чернолаковой керамики – канфаров, найденных в греческих слоях городища за последние 20 лет работ Крымской археологической экспедиции МГУ[1].

Данная категория выбрана не случайно. Прежде всего это вызвано тем, что в количественном отношении канфары преобладают над всеми прочими категориями: они составляют около 30% от всего чернолакового комплекса. Кроме того, благодаря разработкам зарубежных ученых, главным образом С. Ротрофф (Rotroff S.I., 1984; 1997), чернолаковые канфары представляют собой прекрасный датирующий материал и являются, таким образом, одним из важных источников при определении хронологического диапазона греческого периода в истории городища. Этот актуальный на данном этапе исследования памятника вопрос разбивается на две проблемы. Первая из них – проблема начала существования городища. В литературе она связывается, как правило, с вопросом о херсонесском влиянии в Северо-Западном Крыму. Так, А.Н. Щеглов видит проявление следов прочного херсонесского присутствия в указанном районе именно в "возникновении к западу от Керкинитиды мощной крепости "Чайка" в середине IV в. до н.э." (Щеглов А.Н., 1986, с. 164; Щеглов А.Н., Виноградов Ю.Г., 1990, с. 322). А.Н. Карасев на основании архитектурных особенностей строительных остатков (техники кладки стен и ряда характерных технических деталей цоколя), датирует наиболее раннее здание на территории Эмпория первоначально началом IV в. до н.э. (Карасев А.Н., 1965, с. 139), а позже – даже концом V в. до н.э. (Карасев А.Н., 1967, с. 215). Однако он не подтверждает свои выводы находками, относящимися к столь раннему времени. Вслед за ним О.Д. Дашевская датирует постройку первого укрепленного поселения на территории городища "Чайка" V веком до н.э., считая его самым ранним греческим памятником в окрестности Керкинитиды (Дашевская О.Д., 1971, с. 152). Вторая проблема – это вопрос о времени смены греческого населения этой территории скифами. Поскольку в настоящее время не выявляется достаточно ясно момент окончания греческого периода в истории городища, чернолаковая керамика, в частности канфары, отобранные именно из греческих слоев, являются важным датирующим материалом для переходного от грече-

[1] Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность за помощь в работе начальнику экспедиции Е.А. Поповой.

© Т.В. Егорова, 2000 г.

ского к скифскому этапа. И.В. Яценко относит начало позднескифского строительства на памятнике, в частности на территории "Здания III в. до н.э." и "южного квартала", к самому началу II в. до н.э. (Яценко И.В., 1969, с. 292; 1970, с. 254; Яценко И.В., Турина Т.Н., 1991, с. 82).

Основная масса чернолаковой керамики на северопричерноморских памятниках, как уже отмечалось, представляет собой средиземноморский импорт. На нашем городище найдены канфары, привезенные главным образом из двух греческих центров. Судя по цвету и качеству глины, они могут принадлежать аттическому и пергамскому производствам. Изделия афинских мастеров, как известно, изготавливались из плотной бежевой или оранжевой глины без заметных включений. Пергамская же глина, по характеристике И. Шефера (Schäfer J., 1968, S. 32–38), мало чем уступая по качеству аттической, отличается прежде всего по цвету. Она всегда имеет красные оттенки – от красного до серого. Кроме того, она характеризуется небольшими включениями слюды. Общий объем аттических канфаров, найденных на городище, незначительно превышает количество канфаров пергамского производства (50,9% и 47,4% соответственно). Статистический анализ керамического материала выявил хронологическую зависимость процентного соотношения импорта из различных центров: до середины III в. до н.э. преобладают аттические, позже – пергамские, а с конца III в. до н.э. встречаются только пергамские сосуды. Это подтверждает выводы отечественных исследователей (Леви Е.И., 1940, с. 126; Книпович Т.Н., 1949, с. 257–284; 1955, с. 369, 370; Горончаровский В.А., 1984, с. 44) о том, что превалировавший до середины III в. до н.э. аттический импорт, на рубеже III–II вв. до н.э. был вытеснен с берегов Понта пергамским.

За основу описания и датирования чернолаковых канфаров, найденных на городище "Чайка", нами принята система, изложенная в последней работе С. Ротрофф, опубликованной в серии "Афинская Агора" (Rotroff S.I., 1997, p. 83–85). Согласно ей, канфары исследуемого хронологического отрезка делятся на две большие серии. К первой относятся сосуды, продолжающие классические формы (рис. 1 и 2; приложение кат. № 1–23). Они изготавливались до середины III в. до н.э. в аттических мастерских и встречаются в пергамском варианте до конца III – начала II вв. до н.э. Вторая серия включает в себя сосуды эллинистических форм, так называемые кубки-канфары, производившиеся со второй половины III до конца I вв. до н.э. (рис. 3; кат. № 24–33).

Обе серии делятся на традиционно принятые в литературе типы, которые не являются последовательным развитием одной формы, часто сосуществуют друг с другом и имеют широкие хронологические рамки. Это деление базируется на различии ряда признаков: формы венчика; формы и места прикрепления ручек; формы ножек; очертаний тулова.

Поскольку канфары изготавливались по строгому стандарту, равно как и некоторые другие категории античной керамики (Rotroff S.I., 1997, p. 84; Лейпунская Н.А., 1975, с. 22–30), исследователями была разработана более или менее четкая система их датирования. В частности, метод, обоснованный еще Д.М. Робинсоном в 1950 г. (Robinson D.M., 1950, p. 274–294) и усовершенствованный позднее С. Ротрофф (Rotroff S.I., 1984, p. 348–349; 1997, p. 84–85) базируется на принципе изменения во времени пропорций сосудов. Если ранние экземпляры имеют приземистое тулово и широкое горло (кат. № 1, рис. 1, 7), то позднее сосуды приобретают более вытянутую форму и коэффициент отношения максимального диаметра к высоте уменьшается (кат. № 3, 7, 8, рис. 1, *2, 3, 6*). Объективный критерий отношения максимального диаметра изделия к его высоте позволил исследователям детально проследить эволюцию различных типов канфаров, объединенных С. Ротрофф в классическую серию. В последней своей работе она приводит достаточно строгие рамки соответствия коэффициентов определенным датам: канфары, имеющие коэффициент от 0,87 до 0,93, производились в конце IV – первых годах III вв. до н.э.; от 0,69 до 0,78 – в первой четверти III в. до н.э. Сосуды, чьи коэффициенты колеблются в пределах 0,78–0,87,

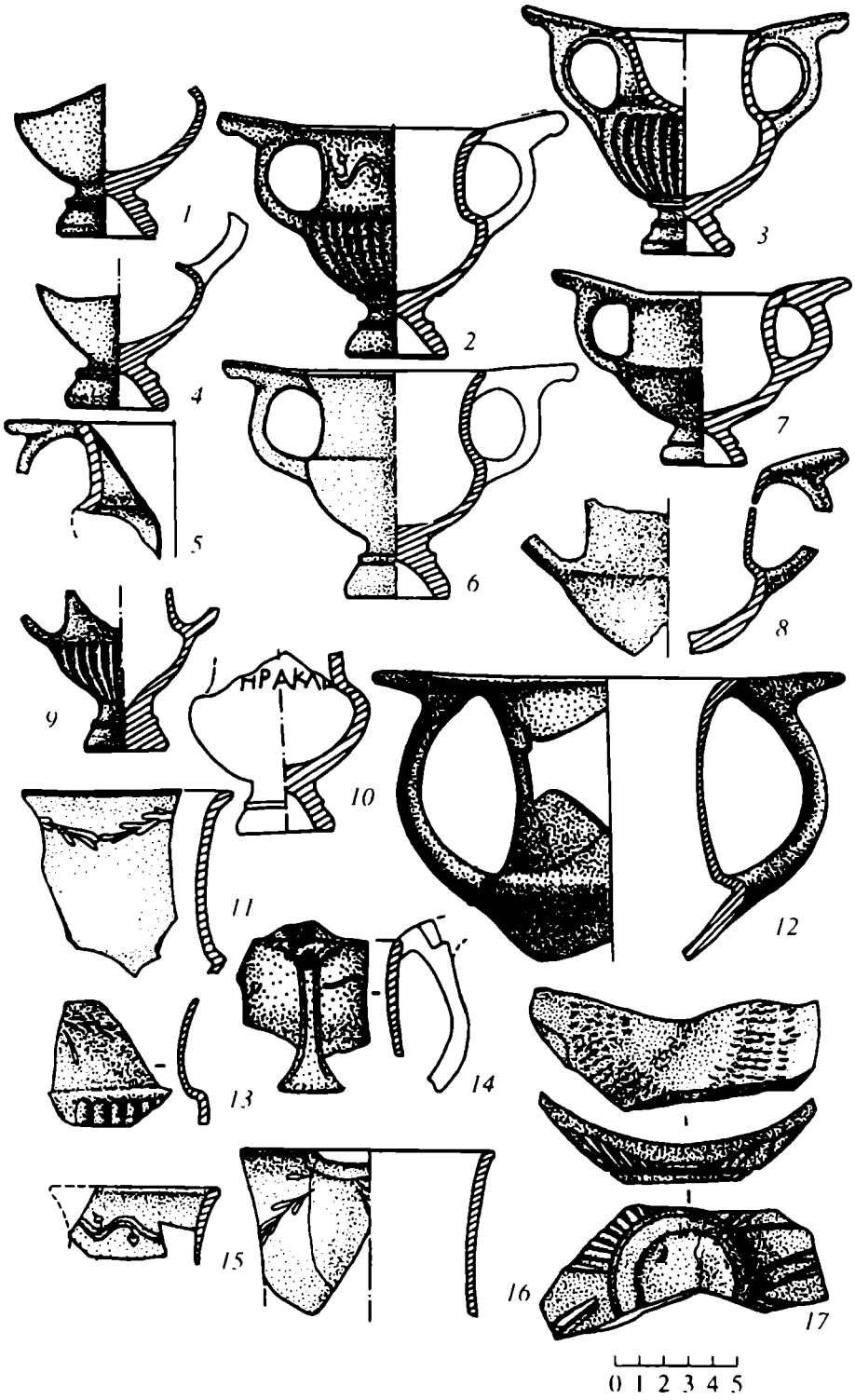


Рис. 1. Канфары классической серии. Тип I

датируются первыми десятилетиями III в. до н.э.; изделия с коэффициентами менее 0,69 – второй четвертью III в. до н.э. Этот метод датирования, разработанный на аттическом материале, приемлем для аттических канфаров классической серии, а также для канфаров той же серии, изготавливавшихся в пергамских мастерских до середины III в. до н.э., поскольку пергамские сосуды, производившиеся именно в это время, максимально приближались по качеству и по форме к изделиям афинских мастеров (Забелина В.С., 1992, с. 291; Schäfer J., 1968, S. 61).

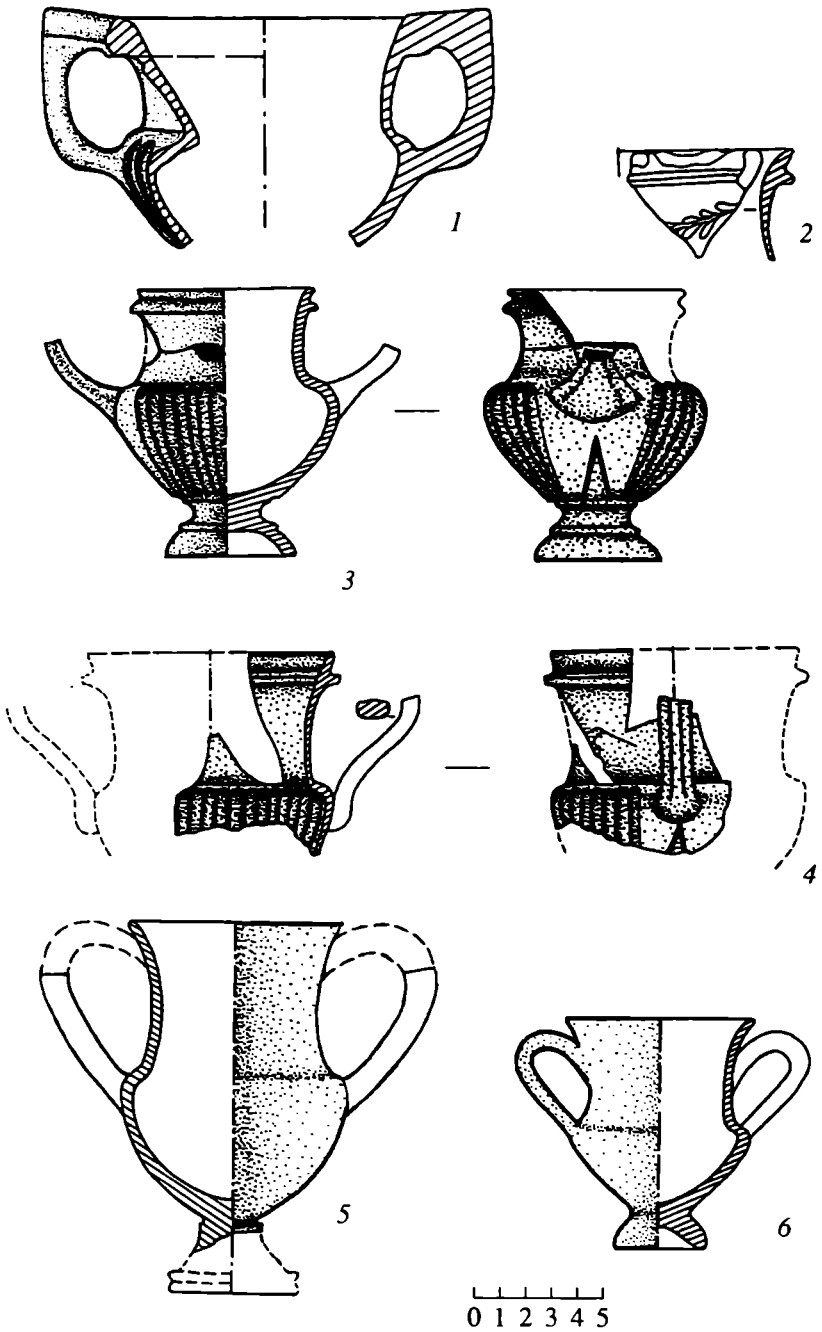


Рис. 2. Канфары классической серии. Тип II (*1–4*); тип III (*5,6*)

К сожалению, значительное количество чернолаковых канфаров, найденных на городище "Чайка", сохранилось лишь фрагментарно. В связи с этим нами была предпринята попытка восстановить основные параметры сосудов, необходимые для датирования. При работе с керамикой с городища было выяснено, что допустимая сохранность сосудов должна составлять не менее 1/2 части канфара: от края венчика до максимального диаметра, либо от максимального диаметра до подошвы ножки. Так, если сохранилась нижняя часть сосуда с максимальным диаметром тулова, мы можем восстановить общую высоту сосуда, которая составляется из высоты нижней части канфара от подошвы ножки до линии максимального диаметра (Н2) и высоты реконструированной верхней части канфара – от линии максимального диаметра до края венчика соответственно (Н1). Причем, как показывают измерения опубликованных

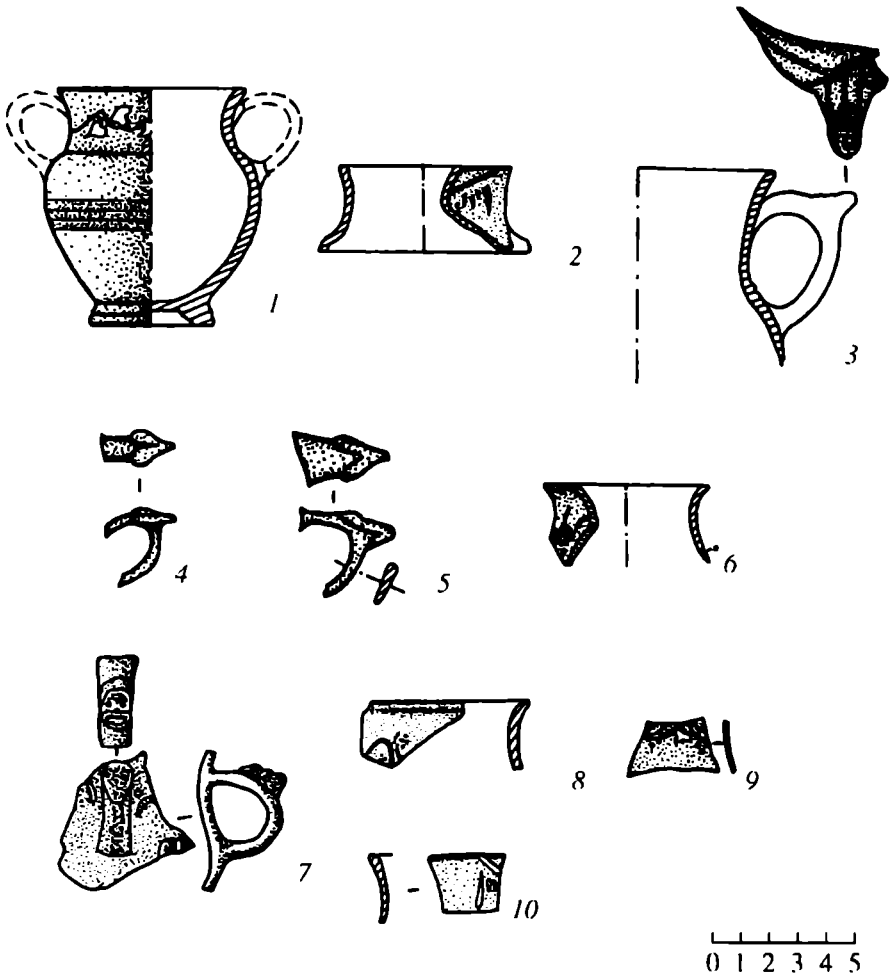


Рис. 3. Канфары эллинистической серии. Тип I (*1–5*); тип II (*6, 7*); неопределенный тип (*8–10*)

полных форм канфаров, найденных в Афинах, Пергаме, на Пафосе, в греческих городах Северного Причерноморья (Брашинский И.Б., 1980; Кутайсов В.А., Уженцов В.Б., 1994; Леви Е.И., 1940; Иванов Т., 1963; Hayes J.W., 1991; Rotroff S.I., 1983; 1984; 1997; Schäfer J., 1968; Sparks B.A., Talcott L., 1970; и др.), для сосудов классической серии характерно то, что Н2 превышает Н1 на величину около 1 см (± 0,3 см). Соответствующие же измерения позволяют определить высоту сосуда при сохранившейся его верхней части: горла и части тулова с максимальным диаметром. Как показывает практика, наиболее часто утрачиваемая деталь канфара – это ножка. В отношении ее нами отмечена следующая закономерность: высота ножки составляет около 1/4 части высоты сосуда. Допустимое отклонение при подсчете коэффициентов, естественное при подобных расчетах, столь незначительно (до ± 0,06), что не может существенно влиять на точность датировки.

Необходимо отметить, что вслед за Д.М. Робинсоном, Й. Шеффером, С. Ротрофф и др., при датировании чернолаковых канфаров мы не принимаем во внимание такой критерий, как "качество лака". Это объясняется тем, что, как доказано зарубежными исследователями (Rotroff S.I., 1997, p. 157–167; Schäfer J., 1968, S. 32), для эллинистического времени этот фактор не работает. Если в классическую эпоху аттические сосуды действительно отличает великолепный блестящий черный лак, то на протяжении всего эллинистического периода сосуществуют различные по цвету и качеству лаковые покрытия на сосудах как аттического, так и пергамского производств. В том числе аттические мастерские выпускали изделия, покрытые как известным своим

качеством классическим лаком, так и лаком худшего качества различных оттенков в одно и то же время. Экспериментальные исследования немецких технологов в начале 40-х годов и последующие разработки английских ученых в лаборатории Британского музея (Bimson M., 1956, p. 203; Tite M.S. et al., 1982, p. 117–126) показали, что разница в изготовлении чернолаковых и краснолаковых сосудов заключалась главным образом в технологии обжига. Цвет лака зависел только от регулировки доступа кислорода и температуры в процессе обжига (Домжальский К., 1998, с. 17), и поэтому были возможны взаимопереходы красного и черного цветов. Это же подтверждают и результаты химико-технологических исследований античных лаковых покрытий российских ученых, опубликованные Журавлевым Д.В. и Безруковым М.Г. (Тезисы докладов..., 1996, с. 50–52).

Лаковые покрытия канфаров, найденных на поселении "Чайка", имеют разнообразные качественные и цветовые характеристики. По своему качеству выделяется блестящий или матовый лак, а также тусклый лак, приближающийся по консистенции к покрытию. Встречаются различные оттенки черного лака: графитовый (кат. № 2, 7, 22); оливковый (кат. № 17); коричневатый (кат. № 1, 6, 16, 24); черный с металлическим блеском (кат. № 18, 19, 20). Кроме того, присутствуют комбинации черного и бурого цвета на одном сосуде (кат. № 3, 8, 10).

Всего на городище найдено более 110 информативных фрагментов и целых форм чернолаковых канфаров. В каталог нами включены 33 канфара, наиболее полно отображающих имеющийся материал.

Первая серия канфаров – классическая – представлена тремя типами (кат. № 1–23, рис. 1 и 2). Канфары первого типа (кат. № 1–17, рис. 1), самого многочисленного по количеству находок (более 80), характеризуются резким делением на высокое горло и гладкое либо каннелированное тулово; прямым, несколько отогнутым наружу венчиком; вертикальными, подходящими к венчику ручками с плоскими горизонтальными выступами в виде шипов, часто поднятыми над линией края; профилированной ножкой. Они отличаются достаточно стройными пропорциями: общая высота превышает максимальный диаметр сосуда. Найденные на городище фрагменты и целые формы таких канфаров имеют коэффициент от 0,99 до 0,67 и датируются по вышеизложенной методике от начала последней четверти IV до середины III вв. до н.э. На некоторых канфарах и фрагментах канфаров первого типа присутствует орнамент в стиле "западного склона Афинской агоры". Прослеживаются два основных мотива: гирлянда из веток плюща (кат. № 7, 14, рис. 1, *2, 15*) и растительная гирлянда (кат. № 11, 12, 13, рис. 1, *11, 13, 16*). Сосуды, украшенные подобным образом, датируются зарубежными исследователями, разработавшими детальную систему классификации таких орнаментов, второй четвертью III в. до н.э. (Rotroff S.I., 1991, p. 61–64; Schäfer J., 1968, S. 64). На один из канфаров (кат. № 4, рис. 1, № 10) нанесено граффити: НРАКЛ [...], являющееся, очевидно, посвящением Гераклу, культ которого был весьма распространен на территории Северо-Западного Крыма в эллинистический период (Попова Е.А., Коваленко С.А., 1997, с. 78–83).

В Аттике канфары первого типа выпускались только до сер. III в. до н.э. (Rotroff S.I., 1997, p. 84), в пергамском же варианте они просуществовали до сер. II в. до н.э. (Schäfer J., 1968, S. 33–42). Поздний пергамский вариант (кат. № 15, 16, 17, рис. 1, № 12, 14, 17) отличается более высокой ножкой, за счет которой уменьшается объем тулова. По высоте тулово таких канфаров в 2 раза меньше горла. Каннелюры, украшающие внешнюю поверхность некоторых из них и имеющие в раннем варианте округлую, выпуклую форму (кат. № 6, 7, 8, рис. 1, *2, 3, 9*), в позднем варианте постепенно уплощаются, приобретая резкие угловатые очертания (кат. № 17, рис. 1, *17*). Канфары этого варианта за счет изменения внутренних пропорций не могут датироваться по коэффициенту, но имеют аналогии среди изделий, найденных в хорошо датированных слоях второй половины III – начала II вв. до н.э. Калос-Лимена и Ольвии (Кутайсов В.А., Уженцов В.Б., 1994, с. 63, рис. 12; Леви Е.И., 1940, табл. 21, *1, 3*).

Таким образом, на городище "Чайка" канфары первого типа бытуют достаточно продолжительный промежуток времени: от последней четверти IV до начала II вв. до н.э. До первой четверти III в. до н.э. – это исключительно аттические канфары, а с середины III в. до н.э. – пергамские.

Канфары второго типа классической серии (кат. № 18–23, рис. 2, *1–4*) отличаются от первого лишь формой венчика, именуемой в зарубежных изданиях "moulded rim" (литой или формованный венчик), сходной с венчиками аттических канфаровидных килико в. Прочие признаки канфаров первого и второго типов одинаковы, что позволило некоторым исследователям объединять их в два варианта одного типа (Schäfer J., 1968, S. 61; Sparks B.A., Talcott L., 1970, p. 135). Фрагменты канфаров второго типа, найденные на городище "Чайка" в количестве 13 экземпляров, относятся в большинстве своем к аттическому производству и только некоторые из них, судя по структуре и цвету глины, – пергамское подражание аттическим образцам.

Как и у сосудов первого типа, пропорции этих канфаров изменяются во времени: коэффициент отношения максимального диаметра к высоте уменьшается. Самый ранний представитель этого типа, имеющий К = 0,95 и датирующийся последней четвертью IV в. до н.э. (кат. № 18, рис. 2, *1*), отличается от прочих массивностью венчика и менее четкой его моделировкой, а также приземистым туловом. На одном из фрагментов венчика сохранилась роспись жидкой глиной в стиле "западного склона": растительная гирлянда (кат. № 21, рис. 2, *2*), что позволяет датировать его второй четвертью III в. до н.э. (Schäfer J., 1968, S. 61, D52, D54).

В целом на нашем памятнике канфары второго типа были распространены сравнительно непродолжительный промежуток времени: с последней четверти IV до середины III вв. до н.э.

На Чайкинском городище найден только один сосуд аттического производства, который можно отнести к третьему типу классической серии (кат. № 22, рис. 2, *5*). Он имеет прямой отогнутый наружу венчик, подобный венчикам канфаров типа I, и отличается от описанных выше прежде всего петлевидной формой ручек без шипообразных выступов, присоединяющихся, по всей видимости, верхней частью к горлу, а не к краю сосуда. Второе существенное отличие – это иная профилировка ножки, встречающаяся только у этого типа канфаров. В нашем случае сохранилась лишь верхняя ее часть, но и она позволяет судить о форме ножки в целом. Такие канфары были широко распространены как в Аттике (Sparks B.A., Talkott L., 1970, p. 124), так и в Северном Причерноморье, например в Ольвии (Парович-Пешикан М., 1974, с. 82). Чайкинский канфар фрагментирован. Он датируется по восстановленным пропорциям (К. 0,65/0,63) серединой III в. до н.э. Кроме того, на городище был найден канфар, близкий по форме к описанному выше (кат. № 23, рис. 2, *6*). Однако, судя по серому цвету глины, черному покрытию вместо лака, а также упрощенной трактовке формы ножки, его можно предположительно отнести к местному, Северопричерноморскому, производству. Ближайшие аналогии прослеживаются среди меотских подражаний античным образцам во втором Усть-Лабинском и Краснодарском могильниках (Анфимов Н.В., 1986, с. 127, 128, рис. 2) и датируются III в. до н.э.

Вторая серия чернолаковых канфаров – эллинистическая. Она датируется в целом второй половиной III–II вв. до н.э. и представлена на городище "Чайка" всего несколькими экземплярами (кат. № 24–33, рис. 3). Это так называемые кубки-канфары, дата изготовления которых в силу особенностей их форм не может определяться по методике, применяемой к канфарам классической серии. Тем не менее, поскольку канфары эллинистической серии, как правило, украшались росписью в стиле "западного склона Афинской агоры", их можно датировать по аналогиям орнаментов.

Этот стиль заключается в росписи чернолаковых сосудов жидкой глиной, а позднее – с дополнением белой краски и процарапанных элементов орнамента. Впервые он был выделен в 1901 г. К. Ватцингером на основе анализа ваз, найденных Германской экспедицией на западном склоне акрополя, и отсюда получил свое название. Позднее Х. Томпсон определил роль Аттики как центра, создавшего этот новый

стиль (Rotroff S.I., 1991, p. 60). С. Ротрофф, основываясь на том, что росписи в стиле "западного склона" часто присутствуют на неординарных и хорошо датированных сосудах, разработала детальную систему классификации орнаментов для керамики из раскопок афинской агоры (Rotroff S.T., 1991, p. 60–72). Начало существования росписи она датирует концом IV в. до н.э. вопреки предыдущей хронологии К. Ватцингера, по которой самые ранние фрагменты датировались лишь сер. III в. до н.э. Период становления стиля относится ею к первой четверти III в. до н.э., а окончательное его утверждение – около 275 г. до н.э. "Подобная керамика производится до конца эллинистического периода и отдельные экземпляры могут быть датированы второй половиной I в. до н.э." (Rotroff S.I., 1991, p. 61). Й. Шефером был выделен малоазийский, точнее пергамский, вариант этого стиля (Schäfer J., 1968, S. 64). От аттического он отличается тем, что рисунок выполнен белой краской или розовой жидкой глиной; рельеф рисунка значительно более низкий; а с конца III в. до н.э. пергамская керамика обнаруживает самостоятельную тенденцию в развитии орнаментации, выразившуюся в значительном использовании резьбы в сравнении с росписью. Наиболее ранние образцы такой керамики обнаружены в Пергаме в слоях второй четверти III в. до н.э. (с 275 г. до н.э.). Датировка различных орнаментов приводится им в форме таблицы (Schäfer J., 1968, S. 58–64).

Канфары эллинистической серии обоих типов часто имеют на ручках налепы в виде листков плюща либо изображений мужских голов или масок (кат. № 26, 27, 28, 30, рис. 3, *3, 4, 5, 7*).

На городище "Чайка" был найден единственный целый сосуд (утрачены лишь ручки) и несколько фрагментов, объединяющиеся в первый тип эллинистической серии канфаров (кат. № 24–28, рис. 3, *1–5*). Это широкогорлые кубки-канфары, отличающиеся тем, что почти всю высоту сосуда занимает округлое тулово; венчик прямой, чуть отогнут наружу; ручки небольшие, петлевидные, расположены вертикально и часто имеют налепы на верхней части; ножка исполнена в форме кольцевого профилированного поддона небольшого диаметра. Найденные фрагменты принадлежат пергамскому производству. На горло сосудов этого типа, как правило, нанесен орнамент в стиле "западного склона". Росписи в виде плющевой гирлянды, исполненной несколько небрежно, с отдельными процарапанными элементами (кат. № 24, рис. 3, *1*), а также в виде ленты с зерновыми подвесками (кат. № 25, рис. 3, *2*) датируются Й. Шефером первой четвертью II в. до н.э. (Schäfer J., 1968, S. 58, 61, D26, D17, D59). Еще один фрагмент верхней части кубка-канфара первого типа эллинистической серии отличает отсутствие орнамента на горле и то, что горло отделено от тулова узкой полоской, оставленной в цвете глины (кат. № 26, рис. 3, *3*). Налеп на ручке этого канфара представляет собой изображение головы бородатого мужчины (?). Оттиск выполнен небрежно и чуть смещен вправо. Такие канфары датируются у Й. Шефера концом III – первой половиной II вв. до н.э. (Schäfer J., 1968, S. 58).

Несколько фрагментов относятся ко второму типу кубков-канфаров, отличающемуся от предыдущего большей округлостью форм и отсутствием резко очерченной грани между горлом и туловом сосуда (кат. № 29, 30, рис. 3, *6, 7*). Один из них – это венчик канфара с нанесенным на него белой краской растительным орнаментом (кат. № 29, рис. 3, *6*). По цвету глины его можно отнести к пергамскому производству. Точная датировка его неизвестна, так как аналогий подобному орнаменту пока не найдено. Однако в целом сосуды второго типа эллинистической серии можно с уверенностью датировать не ранее чем концом III – началом II вв. до н.э. (Леви Е.И., 1964, с. 248). Еще один фрагмент – ручка с частью тулова и горла (кат. № 30, рис. 3, *7*) – интересен тем, что на верхней части ручки присутствует налеп в виде мужской головы, именуемой у С. Ротрофф, дающей нам прямую аналогию этому фрагменту (Rotroff S.I., 1997, p. 254) "slave mask" (маска раба). Датируется он концом III в. до н.э.

Кроме того, мы имеем несколько фрагментов канфаров, которые невозможно отнести к тому или иному типу, но можно четко продатировать по сохранившимся на

них фрагментам орнаментов в стиле "западного склона". Это фрагмент венчика с росписью в виде ленты с зерновыми подвесками (кат. № 31, рис. 3, *10*) и фрагмент горла с нанесенной на него жидкой глиной плющевой гирляндой с дополнительным схематичным изображением ягод (кат. № 33, рис. 3, *9*). Оба они относятся к пергамскому производству и датируются, по таблице орнаментов Й. Шефера, первой четвертью II в. до н.э. (Schäfer J., 1968, S. 61, 62, D59, D64). Согласно его же исследованию, наиболее поздним фрагментом можно считать венчик канфара с сохранившейся на нем частью изображения плющевой гирлянды и букетов мелких ягод (кат. № 32, рис. 3, *8*).Он датируется серединой II в. до н.э. (Schäfer J., 1968, S. 61, 62, D30, D68).

Таким образом, встречающиеся в греческих слоях городища "Чайка" канфары хронологически охватывают период с последней четверти IV в. до н.э. до середины II в. до н.э. Это не позволяет вслед за А.Н. Карасевым относить начальный этап в истории городища к V в. до н.э. Поскольку самые поздние фрагменты из греческих слоев городища датируются ок. 150–140 гг. до н.э., можно предположить, что греческое поселение просуществовало на этом месте, как минимум, до середины II в. до н.э.

Подавляющее большинство чернолаковых канфаров на городище "Чайка" представляет средиземноморский импорт, попавший сюда, видимо, опосредованно через Херсонес из Аттики и Пергама, что указывает на прочные торговые связи представляемого региона с этими центрами. Кроме того, надо отметить, что с рубежа III–II вв. до н.э. изделия пергамского производства практически полностью вытесняют аттические. Это подтверждает выводы отечественных исследователей (Брашинский И.Б., 1963, с. 153–158; Книпович Т.Н., 1949, с. 275–284; 1955, с. 369–370; Горончаровский В.А., 1984, с. 44 и др.) об изменении приоритетов в торговле Херсонеса с двумя крупными греческими центрами.

Приложение

КАТАЛОГ

№ 1. Канфар 1 типа кл. серии, с прямым, чуть отогнутым наружу венчиком; ручки с шипообразными, поднятыми над венчиком выступами; ножка слабопрофилированная, низкая. Глина бежевая, плотная, хорошо отмученная; лак: нижняя (на 1,5 см ниже нижнего края ручки) и внутренняя (от 1 см. ниже края) поверхности – красный, остальная часть – черный матовый с коричневым отливом; слой лака тонкий, неравномерно распределен по поверхности сосуда. Выс. 8,2 см; диам. венч. 6,7 см; диам. макс. 8,1 см; К ~ 0,99. Рис. 1, *7*.

Ч–1978; № п/о 1321; пом. Винодельни.

Ок. 325 г. до н.э. Аттическое производство?

Аналогии: Иванов Т., 1963, № 476, рис. 105 – к. IV – н. III вв. до н.э.; Rotroff S.I., 1997, p. 242, № 1 – 325 г. до н.э.

№ 2. Фрагмент верхней части канфара с ручкой до максимального диаметра 1 типа кл. сер. Шипообразный выступ не поднят над венчиком. Глина бежевая, хорошо отмученная; лак черный, графитовый, тусклый. Выс. ~ 8,5 см; диам. венч. 8 см; диам. макс. 8,6 см. К ~ 1. Рис. 1, 5.

Ч–1987; № п/о 1132; Пом. 86, заполнение.

325–300 гг. до н.э. (по восстан. пропорциям). Аттическое производство.

Аналогии: см. № 1; Shäfer J., 1968, C23, Taf. 6 – к. IV в. до н.э.

№ 3. Канфар 1 типа кл. сер., аналогичный № 1, но более вытянутый. Глина бежевая, хорошо отмученная; лак черный, матовый, на внутренней поверхности переходит в красный, тонкий слой. Выс. 9,2 см; диам. венч. 7 см; диам. макс. 7,5 см. К ~ 0,82. Рис. 1, *6*.

Ч–1998; № п/о 280; пом. 112, гл. 275–295, руш. сыр.

Ок. 300 г. до н.э. Аттическое производство (?).

Аналогии: см. № 1.

№ 4. Фрагментированный (отсутствуют венчик и ручки) канфар I типа кл. сер. Глина бежевая, хорошо отмученная; лак черный, блестящий. На горле – граффити: НРАКЛ [...]. Выс. ~ 9 см; диам. макс. 7,4 см; К ~ 0,82. Рис. 1, *10*.

Ч–1985; № п/о 548; площадь к сев. от пом. 68 и 69, кв. 67–64, отвал

300–275 гг. до н.э. (по восстан. пропорциям). Аттическое производство.

Аналогии: Брашинский И.Б., 1980, табл. 36, № 8 – к IV – н. III вв. до н.э.; Rotroff S.I., 1997, p. 243, № 10 – 310–300 гг. до н.э.

№ 5. Нижняя часть канфара из двух фрагментов с макс. диаметром I типа кл. сер. Глина красно-бежевая, хорошая отмученная; лак черный, матовый. Выс. ~ 10/10,5 см; диам. макс. 8,1; К ~ 0,81/0,77. Рис. 1, *1*.

Ч–1985; № п/о 1322, 1394; пом. 68, гл. 260–280, черный слой.

Первая четверть III в. до н.э. Пергамское производство.

№ 6. Фрагментированный (утрачены венчик и верхние части ручек) канелированный канфар I типа кл. сер. Глина бежевая, хорошо отмученная; лак черный, матовый с бурым оттенком. Выс. 9,8/10 см; диам. макс. 7 см; К ~ 0,7/0,71. Рис. 1, 9.

Ч–1978; № п/о 1132; двор Винодельни (на полу) кв. 104.

285–260 гг. до н.э. (по восстан. пропорциям). Аттическое производство.

Аналогии: Rotroff S.I., 1997, p. 244, 245; № 30–285–275 гг. до н.э.

№ 7. Каннелированный канфар (утрачена одна из ручек) I типа кл. сер. Венчик несколько отогнут наружу; высота горла равна высоте тулова; выступ на ручке поднят над краем сосуда и имеет на конце снизу утолщение. Ножка невысокая, слабо профилированная, под выступом кольцо, процарапанное до глины. На горле сосуда орнамент, нанесенный жидкой глиной в стиле "западного склона": плющевая гирлянда. Глина бежевая, хорошо отмученная; лак черный, графитовый, тонкий слой, протерт на канелюрах и ручке. Выс. 9,3 см; диам. венч. 7,4 см; диам. макс. 7,4 см; К – 0,79. Рис. 1, *2*.

Ч–1984, № п/о 187; пом. 60(1), гл. 315–320 на полу.

275–260 гг. до н.э. Аттическое производство.

Аналогии: форма – Иванов Т., 1963, табл. 105, № 480 – к. IV – н. III вв. до н.э.; орнам. – Shäffer J., 1968, S. 58, D53, 275–260 гг. до н.э.

№ 8. Каннелированный канфар I типа кл. сер., сходный с № 7 каталога, но венчик менее отогнут наружу, более массивные стенки, ножка более стройная. Глина бежевая, хорошо отмученная; лак черный, матовый; к низу – бурый. Выс. 9,1 см; диам. венч. 6 см; диам. макс. 7,2 см; К – 0,9. Рис. 1, *3*.

Ч–1988; № п/о 100; слой руш. сыр. под пом. 66, 65, 64.

285–260 гг. до н.э. Аттическое производство.

Аналогии: Rotroff S.I., 1997, p. 244, № 26 – 285–275 гг. до н.э.

№ 9. Нижняя часть с корнем ручки и максимальным диаметром канфара (из трех фрагментов) I типа кл. сер., сходная с № 5 каталога. Глина красная, хорошо отмученная; лак черный, чуть блестящий, тонкий слой. Выс. 9,5/10 см; Диам. макс. 6,8 см; К ~ 0,7/0,68. Рис. 1, *4*.

Ч–1985; № п/о 2125, 2135, 456; к зап. от пом. 68, гл. 260–280; черный слой.

275–260 гг. до н.э. (по восстан. пропорциям). Пергамское производство.

№ 10. Фрагментированный (утрачена ножка) канфар I типа кл. сер. Выступ в верхней части ручки высоко поднят над краем. Глина бежевая, хорошо отмученная, плотная. Лак на внешней стороне – черный, графитовый, тонкий слой, на внутренней – красное покрытие. Выс. ~ 10 см; диам. венч. 7,8 см; диам. макс. 7,8 см; К ~ 0,78. Рис. 1, *8*.

Ч–1979; № п/о 2447; к сев. от Винодельни, пом. Б1, зольное заполнение.

290–260 гг. до н.э. (по восстан. пропорциям). Аттическое производство.

№ 11. Фрагмент верхней части канфара I типа кл. сер. Роспись жидкой глиной на горле сосуда в стиле "западного склона": растительная гирлянда. Глина красная, хорошо отмученная; лак черный, блестящий, тонкий слой. Диам. венч. 10 см. Рис. 1, *11*.

Ч–1992; № п/о 87; Усадьба № 3, кв. 96, гл. 203–223, скопление камней.

Вторая четверть III в. до н.э. Пергамское производство.

Аналогии орн.: Shäffer J., 1968, S. 61, D 54 – ок. 275 г. до н.э.

№ 12. Фрагмент венчика канфара I типа кл. сер. с росписью жидкой глиной в стиле "западного склона". Мотив – растительная гирлянда, исполненная в свободной манере. Глина розовая, хорошо отмученная; лак черный тусклый, тонкий слой. Диам. венч. 10 см. Рис. 1, *16*.

Ч–1979; № п/о 1434; пом. А, песок, перекрывающий пом.

Вторая четверть III в. до н.э. Пергамское производство.

Аналогии орн. см. № 11; Rotroff S.I., 1983, p. 265, № 28 – 290–260 гг. до н.э.

№ 13. Фрагмент стенки каннелированного канфара I типа кл. сер. с росписью жидкой глиной в стиле "западного склона". Мотив – растительная гирлянда. Глина бежевая, хорошо отмученная; лак черный, матовый. Рис. 1, *13*.

Ч–1979; № п/о 2806; к сев. от Винодельни, пом. Б2.

Вторая четверть III в. до н.э. Аттическое производство.

Аналогии орн. см. № 12 каталога.

№ 14. Венчик канфара I типа кл. сер. с росписью жидкой глиной в стиле "западного склона". Стебли процарапаны. Мотив – ветка плюща. Глина красная, хорошо отмученная; лак черный, блестящий, тонкий слой. Д. венч. 7 см. Рис. 1, *15*.

Ч–1985; № п/о 1961; пом. 68, гл. 270–330, черный слой.

Вторая четверть III в. до н.э. Пергамское производство.

Аналогии орн.: Shäfer J., 1968, S. 60, 61, D 25, D 53 – 275–250 гг. до н.э.

№ 15. Фрагментированный канфар (утрачена ножка) I типа кл. сер., поздний вариант. Высота горла почти в 2 раза превышает высоту тулова, венчик сильно отогнут наружу. Глина красноватая, хорошо отмученная; лак черный, тусклый, тонкий слой. Выс. ~ 17,5/18 см; диам. венч. 10,4 см; диам. макс. 10,8 см; К ~ 0,61/0,6. Рис. 1, *12*.

Ч–1996; № п/о 257–259; Башня, пом. Р.

К. III – н. II в. до н.э. Пергамское производство.

Аналогии: Кутайсов В.А., Уженцов В.Б., 1994, с. 63, № I–II в. до н.э.

№ 16. Фрагмент горла и ручки вытянутого по форме канфара I типа кл. сер., поздний вариант. Выступ на ручке поднят высоко над краем венчика. Сохранился фрагмент процарапанного орнамента на горле сосуда. Глина красно-бежевая, хорошо отмученная; лак буроватый, тонкий слой. Рис. 1, *14*.

Ч–1980; № п/о 2371; Винодельня, погребенный дерн в кв. 145, 132.

К. III – н. II вв. до н.э. Пергамское производство.

№ 17. Нижняя часть тулова канфара I типа кл. сер., поздний вариант, с глубокими, резко очерченными канелюрами. На внутренней стороне пять (местами четыре) рядов насечек. Глина красно-бежевая, хорошо отмученная; лак черный, блестящий, тонкий слой. Рис. 1, *17*.

Ч–1978; № п/о 1278, 995; пом. Винодельни.

К. III – п.п. II вв. до н.э. Пергамское производство.

№ 18. Фрагментированный (утрачена ножка) каннелированный канфар с "литым" венчиком ("moulded rim") II типа кл. сер. Стенки, ручки и венчик массивные. Верхняя часть ручек уплощена, выступ отсутствует. Глина бежевая, хорошо отмученная. Лак черный, с металлическим блеском, толстый слой. Выс. ~ 13 см; диам. венч. 12 см; диам. макс. 12,4 см; К ~ 0,95. Рис. 2, *1*.

Ч–1988; № п/о 899; слой руш. сыр. под пом. 64, 65, 66.

325–300 гг. до н.э. (по восстан. пропорциям). Аттическое производство.

№ 19. Фрагментированный каннелированный канфар II типа кл. сер. Отличается более четкой моделировкой венчика; стенки и ручки тонкие, ножка широкая, слабопрофилированная; макс. диам. на 2 см превышает диам. венч. Глина бежевая, хорошо отмученная, плотная. Лак черный, глянцевый. Выс. 11,1 см; диам. венч. 7,2 см; диам. макс. 9,2 см; К ~ 0,83. Рис. 2, *3*.

Ч–1986; № п/о 539; заполнение пом. 63.

310–275 гг. до н.э. Аттическое производство.

Аналогии: Rotroff S.I., 1997, № 704, pl. 29–310 г. до н.э.

№ 20. Фрагментированный (утрачены ножка и верхняя часть ручек) каннелированный канфар II типа кл. сер. Венчик и ручки резкопрофилированы. Глина бежевая, хорошо отмученная. Лак черный, глянцевый. Выс. 13 см; диам. венч. 10 см; диам. макс. 10,4 см; К ~ 0,8. Рис. 2, *4*.

Ч–1985; № п/о 864; площадь к зап. от пом. 64, кв. 17,4, гл. 280–300, руш. сыр.

Первая четв. III в. до н.э. Аттическое производство.

Аналогии: Rotroff S.I., 1997, № 105, pl. 29–300–275 гг. до н.э.

№ 21. Фрагмент венчика канфара II типа кл. сер. с росписью жидкой глиной в стиле "западного склона". Мотив: растительная гирлянда. Глина бежевая, хорошо отмученная; лак черный, блестящий, толстый слой. Диам. 14 см. Рис. 2, *2*.

Ч–1985, № п/о 1050; пом. 63, гл. 270, руш, сыр.

Вт. четверть III в. до н.э. Аттическое производство.

Аналогии орн.: Rotroff S.I., 1983, p. 265, № 28 – 290–260 гг. до н.э.

№ 22. Фрагментированный (утрачена часть ножки и верхние части ручек) канфар с вертикальными петлевидными ручками без выступов. Высота горла равна высоте тулова. Глина бежевая, хорошо отмученная; лак черный матовый, тонкий слой. Выс. ~ 14,5/15; диам. венч. 8,8 см; диам. макс. 9,4 см; К ~ 0,65/0,63. Рис. 2, *5*.

Ч–1985; № п/о 882, 1006; кв. 17, 4, гл. 250–280, руш. сыр. с песком.

Сер. – вт. пол. III в. до н.э. (по восстан. пропорциям). Аттическое производство.

№ 23. Канфар с широким раструбообразным горлом, вертикальными петлевидными ручками, прикрепленными под венчиком. Высота горла превышает высоту тулова. Ножка невысокая, непрофилированная. Глина серая, мелкозернистая; лак приближается по качеству к черному покрытию. Выс. 9,4 см; диам. венч. 7,6 см; диам. макс. 7,3 см; К ~ 0,77. Рис. 2, *6*.

Ч–1984; № п/о 7; пом. 64, гл. 222 над полом IV строительного периода.

III в. до н.э.

Аналогии: Анфимов Н.В., 1986, с. 127, 128, рис. 2.

№ 24. Канфар I типа эл. сер. Почти всю высоту сосуда занимает округлое тулово, резко отделенное от невысокого, цилиндрического, слегка расширяющегося в верху горла. Сосуд имеет невысокую профилированную ножку – поддон. Сохранившийся фрагмент ручки прикреплен верхней частью под венчиком сосуда. На горле орнамент – гирлянда из веток плюща, частично процарапанный, частично нанесенный жидкой глиной. Глина красно-бежевая, хорошо отмученная; лак буроватый, матовый. Выс. 8,8 см.; диам. венч. 6,9; диам. макс. 8. Рис. 3, *1*.

Ч–1993; № п/о 147; Усадьба № 3, пом. 10, гл. 220, зачистка пола.

Первая четверть II в. до н.э. Пергамское производство.

Аналогии орн.: Shäfer J., 1968, S. 58, D 26, D 17 – 200–190 гг. до н.э.

№ 25. Фрагмент горла канфара I типа эл. сер. с росписью в стиле "западного склона", выполненной жидкой глиной. Мотив – зерновые подвески. Глина красно-бежевая, хорошо отмученная; лак черный, матовый. Диам. венч. 6,4 см. Рис. 3, *2*.

Ч–1979; № п/о 2949; простенок между южной стеной Башни и южной стеной здания III в. до н.э. (слой супеси под известняковым отесом).

Первая четверть II в. до н.э. Пергамское производство.

Аналогия орн.: Shäfer J., 1978, S. 61, D 59 – 200–190 гг. до н.э.

№ 26. Фрагмент верхней части с ручкой канфара I типа эл. сер. Горло отделено от тулова дополнительным ободком, оставленным в цвете глины. Ручка двуствольная, на верхней части – налеп в виде головы бородатого мужчины. Глина красно-бежевая, хорошо отмученная; лак черный, с металлическим блеском, тонкий слой. Диам. венч. 9,8 см. Рис. 3, *3*.

Ч–1998; № п/о 315; кв. 163, гл. 194–220, горелый слой.

К. III – перв. пол. II вв. до н.э. Пергамское производство.

Аналогии: Shäfer J., 1969, S. 58 – к. III – перв. пол. II вв. до н.э.

№ 27. Ручка канфара I типа эл. сер. с налепом в виде листка плюща. Глина розовая, хорошо отмученная; лак черный матовый, потертый. Рис. 3, *4*.

Ч–1994; № п/о 426; Усадьба № 2, пом. Е, материал с пола.

Вт. пол. III – перв. пол. II вв. до н.э. Пергамское производство.

№ 28. Ручка канфара аналогичная № 27 каталога. Рис. 3, *5*.

Ч–1992; № п/о 68; Усадьба № 3, кв. 117, гл. 183–203, песок.

Вт. пол. III – перв. пол. II вв. до н.э. Пергамское производство.

№ 29. Фрагмент горла кубка-канфара II типа эл. сер. с росписью белой краской под венчиком; растительные мотивы. В нижней части следы починки. Глина розовая, хорошо отмученная; лак черный матовый. Диам. 6 см. Рис. 3, *6*.

Ч–1980: № п/о 2441; верх. слой руш. сыр. над полом пом. Б2 Винодельни.

III–II вв. до н.э. Пергамское производство.

№ 30. Фрагмент тулова с ручкой канфара II типа эл. сер. На верхней части ручки налеп в виде "маски раба". На горле сохранился небольшой фрагмент росписи жидкой глиной. Глина бежевая, хорошо отмученная; лак черный матовый, чуть блестящий. Рис. 3, *7*.

Ч–1979; № п/о 2810; к сев. от Винодельни, пом. Б2а, зольный слой.

225–210 гг. до н.э. Аттическое производство.

Аналогии: Rotroff S.I., 1997, p. 269, № 258 (slave mask) – 225–210 гг. до н.э.

№ 31. Фрагмент горла канфара с росписью аналогичной № 25 каталога. Глина красная, хорошо отмученная лак черный, матовый. Рис. 3, *10*.

Ч–1979; № 2966; пол под пом. 21 здания III в. до н.э.

Первая четверть II в. до н.э. Пергамское производство.

Аналогии орн.: см. № 25.

№ 32. Фрагмент горла канфара с росписью в стиле "западного склона", выполненной жидкой глиной и краской. Мотив – плющевая гирлянда, дополненная изображениями ягод. Глина красно-серая, хорошо отмученная; лак черный, матовый. Диам. 7 см. Рис. 3, *8*.

Ч–1988; № п/о 729; слой руш. сыр. под пом. 70.

Сер. II в. до н.э. Пергамское производство.

Аналогии орн.: Shäfer J., 1968, S. 61, 62; D 30, D 68–150–140 гг. до н.э.

№ 33. Фрагмент стенки канфара с росписью жидкой глиной в стиле "западного склона". Мотив – плющевая гирлянда, дополненная стилизованным изображением ягод. Глина розовая, хорошо отмученная; лак черный матовый. Рис. 3, *9*.

Ч–1983; № п/о 169; к зап. от пом. 62, гл. 270, под вымосткой, песок.

Перв. пол. II в. до н.э. Пергамское производство.

Аналогии орн.: Shäfer J., 1968, S. 62, D 64–190 г. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анфимов Н.В., 1986. Античное влияние в меотской керамике // Проблемы античной культуры. М.

Брашинский И.Б., 1963. Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н.э. М.

Брашинский И.Б., 1980. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н.э. Л.

Горончаровский В.А., 1984. Эллинистический Пергам и Северное Причерноморье: Дис. ... канд. ист.наук. Л.

Дашевская О.Д., 1971. Поздние скифы в Северо-Западном Крыму // МИА. № 177.

Домжальский К., 1998. Из истории исследования краснолаковой керамики восточного производства // Тр. ГИМ. Вып. 102.

Забелина В.С., 1992. Расписная керамика эллинистического времени из раскопок Пантикапея 1945–1974 гг. // Археология и искусство Боспора. Вып. X.

Иванов Т., 1963. Античная керамика некрополя Аполлония // Аполлония. София.

Карасев А.Н., 1965. Раскопки городища у санатория "Чайка" близ Евпатории в 1963 г. // КСИА. Вып. 103.

Карасев А.Н., 1967. Раскопки городища "Чайка" в Евпатории // АО–1966.

Книпович Т.Н., 1949. Из истории художественной керамики Северного Причерноморья // СА. Вып. VII.

Книпович Т.Н., 1955. Художественная керамика городов Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М.

Кутайсов В.А., Уженцов В.Б., 1994. Восточные ворота Калос-Лимена // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев.

Леви Е.И., 1940. Импортная греческая керамика из раскопок Ольвии (1935–1936 гг.) // Ольвия. Т. 1. Киев.

Леви Е.И., 1964. Керамический комплекс III–II вв. до н.э. из раскопок Ольвийской агоры // Ольвия: теменос и агора. М.; Л.

Лейпунская Н.А., 1975. Принцип пропорциональности в античной керамике // Археологія. № 15.

Паровић-Пешикан М., 1974. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев.

Попова Е.А., Коваленко С.А., 1997. Об аспектах культа Геракла в Херсонесском государстве (по материалам гордища "Чайка") // РА. № 2.

Тезисы докладов отчетной сессии ГИМ по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг., 1996. М.

Щеглов А.Н., 1986. Процесс и характер территориальной экспансии Херсонеса в IV в. до н.э. // Античная гражданская община. Л.

Щеглов А.Н., Виноградов Ю.Г., 1990. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М.

Яценко И.В., 1969. Полевые исследования Крымской экспедиции // АО–1968.

Яценко И.В., 1970. Исследование городища у санатория "Чайка" в Евпатории // АО–1969.

Яценко И.В., Турина Т.Н., 1991. Здание III в. до н.э. на городище "Чайка" в г. Евпатории (вариант реконструкции) // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. М.

Bimson M., 1956. The Technique of Greek Black and Terra Sigillata Red // The Antiquaries journal. V. 36.

Hayes J.W., 1991. Paphos // The hellenistic and Roman pottery. V. III. Necosia.

Robinson D.M., 1950. Excavaition at Olynthus. V. XIII. Baltimore.

Rotroff S.I., 1983. Three cistern systems on the kolonos Agoraios // Hesperia. V. 52. № 3.

Rotroff S.I., 1984. Spool saltcellars in the Athenian Agora // Hesperia. V. 53. № 3.

Rotroff S.I., 1991. Attic west slope vase painting // Hesperia. V. 60. № 1.

Rotroff S.I., 1997. Hellenistic pottery Athenian and imported wheelmade table ware and related material // The Athenian Agora. V. XXIX. Princeton; New Jersey.
Schäfer J., 1968. Hellenistische keramik aus Pergamon. Berlin.
Sparks B.A., Talcott L., 1970. Blac and Plain pottery of the 6th, 5th, 4th cent. b.c. // The Athenian Agora. V. XII. Princeton; New Jersey.
Tite M.S., Bimson M., Freestone I.C., 1982. An examination of the High Gloss Surface Finishes on Greek Attic and Roman Samian Wares // Archaeometry. V. 24.

Московский государственный университет

T.V. YEGOROVA

BLACK-LAQUERED KANTHARES FROM CHAIKA FORTIFIED SETTLEMENT

S u m m a r y

Kanthares represent the most numerous category of black-laquered pottery known from Greek settlements in North Pontic area in early Hellenistic period. Their chronology is well-established. Two main methods of dating were applied by the author – proportional studies, and searching analogies for the ornamentation of the type of "the Athenean agora western slope". As a result, it is stated that the kanthares discovered in Greek cultural deposits of Chaika fortified settlement date back from the last quarter of the 4th – mid 2nd centuries BC. Chronological position of the latest fragments induces the author to put forward the notion that the Greek settlement had survived in the spot as late as mid 2nd century BC. Judging from the colour and quality of pottery paste, the black-laquered kanthares excavated at the site should be attributed to the Attic and Pergamum production. It should be stressed that the Attic imports prevailed till mid 3rd century BC, but starting from the turn of the 3rd and 2nd centuries BC it was entirely replaced by the vessels manufactured in Pergamum. This fact proves strong trade connections that existed between the north-west Crimea, from the one hand, and Attica and Pergamum, from the other, as well as that the role of its main trade partner in the 2nd century BC passed to Pergamum.

С.А. КОВАЛЕНКО

НАХОДКА ВЕСОВЫХ ГИРЬ НА ГОРОДИЩЕ "ЧАЙКА" В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ

В 1987 г. при раскопках комплекса помещений рубежа IV–III вв. до н.э., открытого в восточной части греко-скифского городища Чайка, что близ г. Евпатории, в заполнении одного из помещений (пом. 74) были обнаружены два каменных предмета, предварительно определенных как гири[1] (№ 3079, 3080 по полевой описи находок). Они были изотовлены из двух кусков слабометаморфизированного сланцевого кварцита[2], отколотых от более крупного камня и подвергшихся последующей обработке путем обкалывания части граней.

Предмет № 3079 первоначально имел форму подпрямоугольного бруска, две торцевых грани которого были скошены под небольшим углом внутрь (рис. 1; 2, *1*; 3). Одна из этих граней впоследствии была частично оббита. Размеры его составляли 16 × 12 × 5,5–6 см. Сейчас камень весит 1848,8 г, первоначально он был тяжелее. На верхней грани в нескольких местах сохранились следы сверления. На ней же острым предметом на одинаковом расстоянии друг от друга были выбиты три вертикальные черты. Справа от них имелся еще какой-то знак, забитый, однако, тем же острым предметом.

Предмет № 3080 имеет в плане форму неправильного четырехугольника, со сторонами 8, 11 и 12 см, его высота 7 см (рис. 2, *2*; 4; 5). Вес – 2061,4 г. На одной из верхних боковых граней сохранились следы железной коррозии, образовавшиеся, вероятно, вследствие длительного соприкосновения камня с железным предметом (рис. 5). На верхней грани камня также были выбиты три вертикальные черты, а справа от них, на некотором удалении – знак драхмы ⊢.

Внешний облик описанных каменных предметов, а также нанесенные на них метки позволяют интерпретировать эти изделия как гири и провести их метрологический анализ. Находки античных гирь в четко зафиксированном и датируемом археологическом контексте чрезвычайно редки. Изучение каменных гирь с Чайки поэтому дает нам редкую возможность не только пополнить крайне малочисленную на сегодняшний день группу херсонесских гирь, надежно датируемых на основании археологических свидетельств (Николаенко Г.М., 1980, с. 89, 90, № 2, 3, 9; Латышева В.А., Таденев К.В., 1992, с. 170, рис. 1, 2), но и реконструировать конкретную ситуацию, связанную с их применением.

Метки, имеющиеся на верхних гранях обеих гирь, выполнены в акрофонической системе записи чисел, о чем свидетельствует повторение одних и тех же символов (Lang M., 1956, p. 1; Woodhead A.G., 1959, p. 108, 109). Три расположенные рядом вертикальные черты, несомненно, обозначают число "три". Несмотря на наличие знака драхмы, речь, однако, не может идти о трех драхмах, так как, во-первых, символ драхмы нанесен обособленно от вертикальных штрихов, во-вторых, в акрофонической системе обозначение трех драхм было бы передано тремя повторяющимися

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта 96-01-00298 "Греки и варвары в Северо-Западном Крыму".

[1] Автор раскопок Е.А. Попова. Благодарю ее за любезное разрешение опубликовать данный материал.

[2] Определение С.Ю. Внукова.

© С.А. Коваленко, 2000 г.

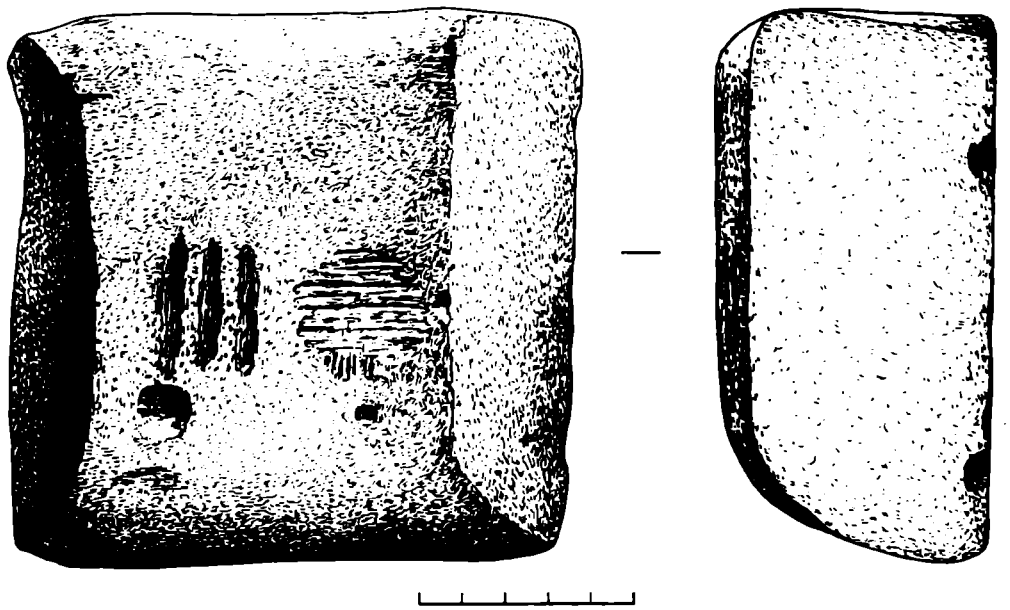


Рис. 1. Каменная гиря № 3079. Вид сверху и с торца

символами драхмы (Woodhead A.G., 1959, p. 109, 110). Естественно предположить поэтому, что нанесенное на гири число "три" является обозначением их веса, который равнялся трем минам. Знак драхмы также использовался для обозначения веса на небольших металлических разновесах, равных или кратных весу драхмы (Murray A.S., 1868, p. 65, nos. 14, 18 etc.). В данном случае, однако, вес гирь настолько велик, что имеющийся на них знак драхмы вряд ли имеет к нему отношение. Единственным объяснением появления здесь этого знака остается понимание его как обозначения цены или суммы в одну драхму.

Таким образом, метку, сохранившуюся на гире № 3080 (рис. 4; 5) полностью, можно интерпретировать как одновременное обозначение веса гири и фиксированной цены (1 драхма) на три мины какого-то товара, отпускаемого на вес с помощью этой же гири. Примечательно, что когда вес другой чайкинской гири № 3079, судя по метке, тоже первоначально весившей три мины, умышленно или случайно был уменьшен в результате скола, знак драхмы, видимо, также стоявший рядом с обозначением веса, был сбит (рис. 1; 3).

Сразу заметим, что подобное сочетание весового и ценового обозначений на одной гире ранее не было известно (Murray A.G., 1868; Babelon E., Blanchet J.-A., 1895, p. 675–688; Robinson D.M., 1941, p. 447–475; Ciezkowska-Marciniak W., 1956; Lang M., Crosby M., 1964, p. 1–37; Чуистова Л.И., 1962; Грач Н.Л., 1976; Николаенко Г.М., 1980; Крапивина В.В., 1980). Впрочем, на некоторых гирях также зафиксированы дополнительные знаки, которые могли обозначать не вес, а что-либо другое (Крапивина В.В., 1980, с. 89). Уместно в этой связи вспомнить замечание М. Ланг (высказанное применительно к граффити на керамике) об отсутствии строгих стандартов в цифровых записях древних и их зависимости от конкретной торговой или экономической ситуации (Lang M., 1956, p. 23). Объединение в одной записи информации о количестве сосудов и общей цене на них – обычная практика для числовых меток на греческих вазах (Hackl R., 1909, S. 73, 74, Taf. III, *595–598;* Jongkees J.H., 1951, p. 260; Johnston A.W., 1974, p. 145). Обозначения на чайкинских гирях фиксируют по существу использование близкой схемы передачи информации. Важно и то, что каменные гири из-за трудности точной подгонки веса не являлись, как правило, официальными или контрольными гирями, их использование носило более случайный характер и определялось скорее нуждами конкретного момента (Lang M., Crosby M., 1964, p. 36), обусловливавшего и содержание имевшихся на таких гирях обозначений.

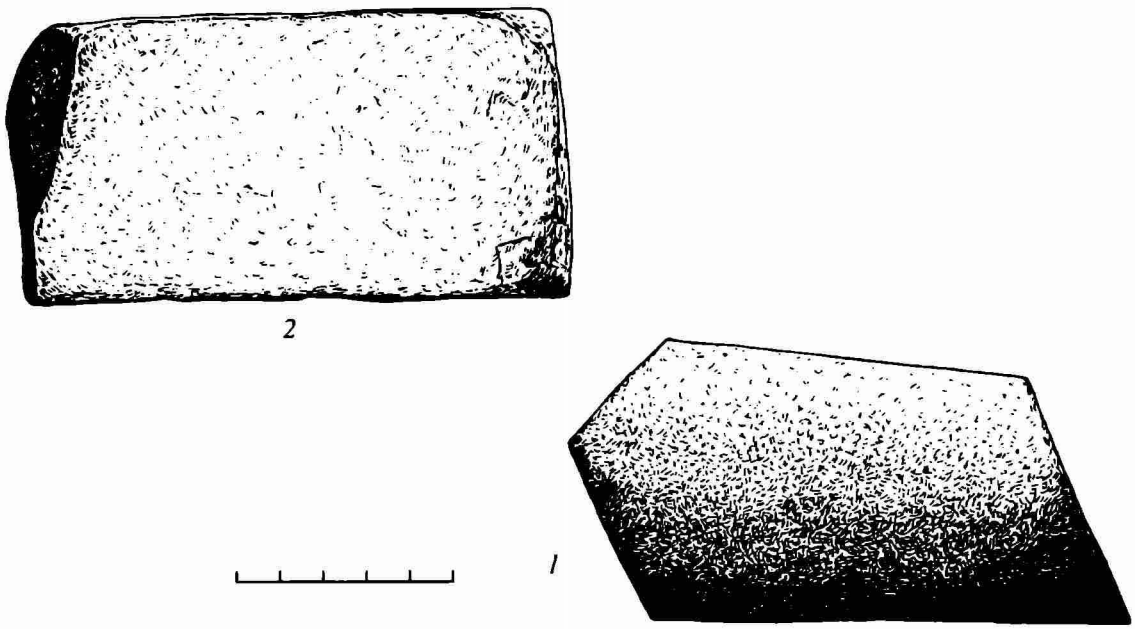


Рис. 2. *1* – каменная гиря № 3079, вид сбоку; *2* – каменная гиря № 3080, вид сбоку

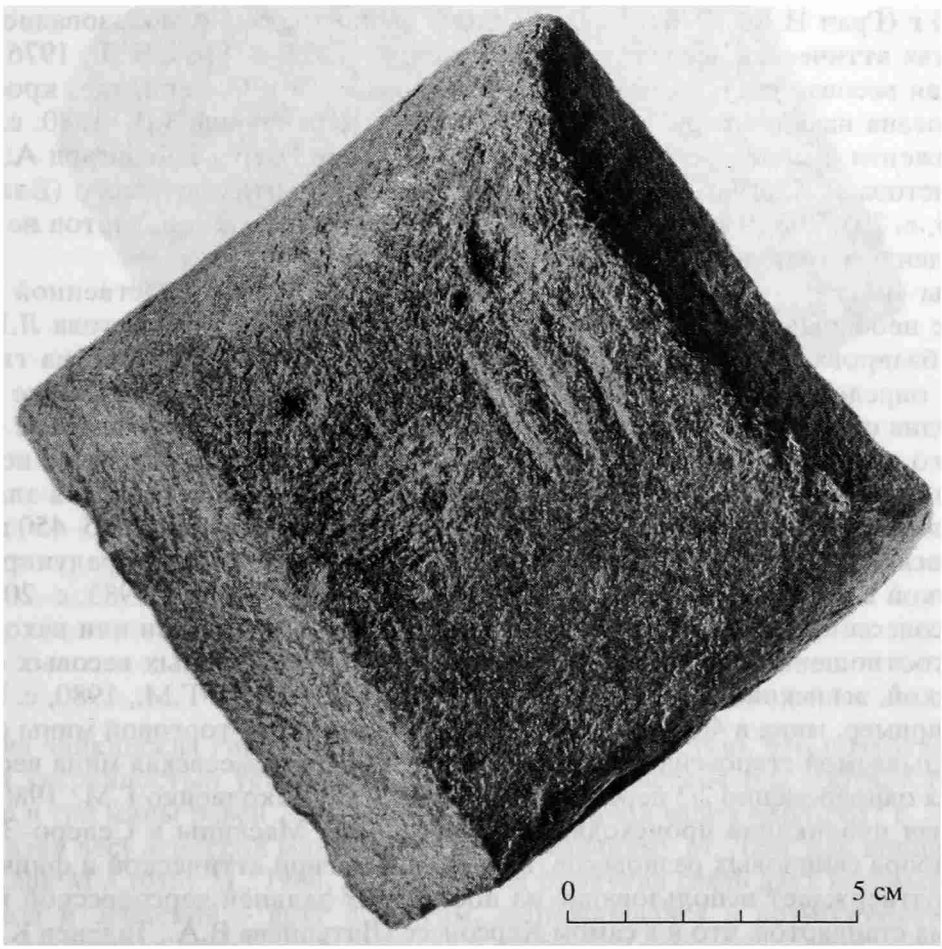


Рис. 3. Каменная гиря № 3079

Каменные гири наряду с металлическими довольно широко использовались в античное время. Их изготовление в отличие от металлических гирь не требовало специальных технических приспособлений и, вероятно, носило массовый характер. Уверенное атрибутирование каменных гирь, тем не менее, возможно лишь в случае наличия на них обозначений веса или следов обработки, связанной с его подгонкой.

Сводка находок античных каменных гирь из Северного Причерноморья была дана Л.И. Чуистовой (1962, с. 33, 54, 68, 69). Публикацию каменных гирь из раскопок Афинской Агоры осуществила М. Ланг (Lang M., Crosby M., 1964, SW1-27, pl. 11, 12). О находках крупных каменных гирь в Помпеях упоминает Э. Пернице (Pernice E., 1897, S. 229). Г.М. Николаенко привела наиболее полный на сегодняшний день список каменных гирь, обнаруженных в Херсонесе и на памятниках херсонесской хоры (Николаенко Г.М., 1980, с. 86–91). Ею было отмечено, что для Херсонеса характерно использование гирь с обозначением дробных или нечетных единиц веса (Николаенко Г.М., 1980, с. 87). Были обнаружены гири в 26; 19; 14,5; 5; 4; 3 3/4 мины (Николаенко Г.М., 1980, № 1–3, 7, 9, 10). Так как каменные гири обычно использовались для взвешивания крупных партий товара, их вес не опускался ниже нескольких мин (Lang M., Crosby M., 1964, p. 35). По наблюдениям Г.М. Николаенко, в Херсонесе, в отличие от Боспора, каменные гири встречаются чаще (Николаенко Г.М., 1980, с. 91).

Наиболее важным и вместе с тем наиболее сложным вопросом при изучении античных гирь является выяснение их весового стандарта. В основе боспорской весовой системы в период эллинизма скорее всего лежала персидская мина весом около 520 г (Грач Н.Л., 1976, с. 192). В более раннее время использовалась послесолоновская аттическая весовая система с миной 426,5 г (Грач Н.Л., 1976, с. 192). Аттическая весовая система широко использовалась и в Ольвии, где, кроме того, зафиксирована находка гири хиосского стандарта (Крапивина В.В., 1980, с. 87, 88). Предположения о существовании особых ольвийского (Бертье-Делагард А.Л., 1909, с. 81; Чуистова Л.И., 1962, с. 68) и боспорского или пантикапейского (Блаватский В.Д., 1955, с. 203, 205; Чуистова Л.И., 1962, с. 71, 77) весовых стандартов не находит подтверждения в имеющихся сегодня материалах.

Выводы Л.И. Чуистовой об использовании в Херсонесе собственной весовой системы с необычайно легкой миной весом около 207–210 г (Чуистова Л.И., 1962, с. 68–71) базировались на неверном прочтении весовых обозначений на гирях или неточном определении их веса (Николаенко Г.М., 1980, с. 86, 87) и также должны быть сегодня отвергнуты. Проведенное Г.М. Николаенко метрологическое исследование всего комплекса гирь, обнаруженных на херсонесских памятниках, позволило ей прийти к заключению об использовании в Херсонесском государстве в эллинистическую эпоху нескольких весовых систем: аттической с весом мины 425–450 г, легкой птолемеевской с миной в 360 г, финикийской с миной в 490 г и редуцированной финикийской с миной в 460–470 г (Николаенко Г.М., 1980, с. 91; 1983, с. 20). Номиналы херсонесских весовых стандартов, таким образом, совпадали или находились в удобном соотношении с номиналами наиболее распространенных весовых систем – финикийской, эгинской, персидской, аттической (Николаенко Г.М., 1980, с. 92; 1983, с. 21). Например, мина в 460–470 г равнялась и 3/4 эгинской торговой мины (640 г), и 2/3 так называемой староэгинской мины (680–690 г), птолемеевская мина весом 360 г составляла одновременно 2/3 персидской мины (540 г) (Николаенко Г.М., 1980, с. 91).

Недавняя публикация происходящего с поселения Маслины в Северо-Западном Крыму набора свинцовых разновесов, включавшего гири аттической и финикийской систем, подтверждает использование на поселениях дальней херсонесской хоры тех же весовых стандартов, что и в самом Херсонесе (Латышева В.А., Таденев К.В., 1992, с. 174, 175).

Такое разнообразие используемых весовых систем, несомненно, свидетельствовало о широком спектре внешнеторговых связей Херсонеса в эллинистическую эпоху.

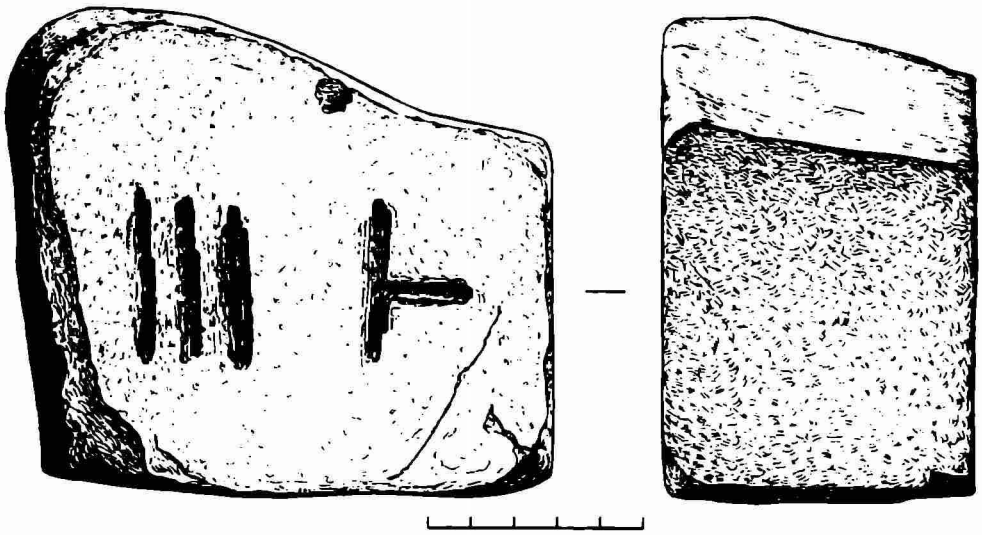


Рис. 4. Каменная гиря № 3080. Вид сверху и с торца

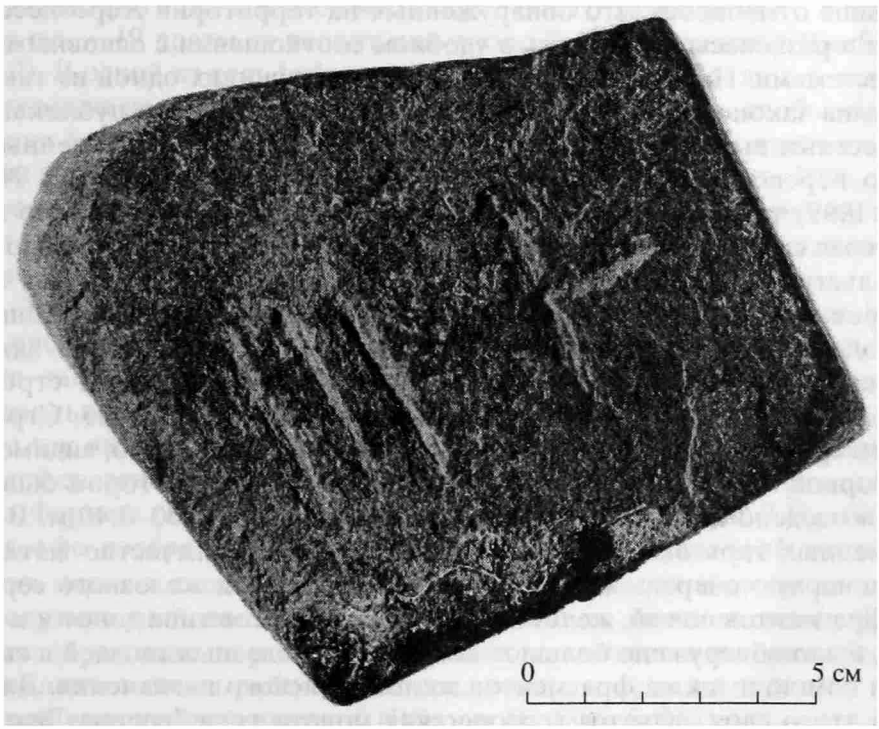


Рис. 5. Каменная гиря № 3080

Одна из чайкинских гирь (№ 3080) сохранилась полностью, что позволяет с определенной уверенностью установить, какой весовой системе она соответствует. Вес этой гири в три мины равен 2061,4 г, что дает вес одной мины около 687 г. Эта цифра очень близка весу эгинской мины (686,7 г), выведенному М. Ланг для конца V–IV вв. до н.э. (Lang M.,Crosby M., 1964, p. 11). Ею же отмечена связь двух весовых систем – аттической и эгинской – друг с другом, выражавшаяся в возможности легкого перевода номиналов аттической системы в номиналы эгинской и наоборот (Lang M., Crosby M., 1964, p. 11). После реформы Солона 594 г. до н.э. вес аттической мины равнялся 105 монетным драхмам. В период Пелопоннесской войны он увеличился до 150 драхм в мине, о чем свидетельствует приведенные Э. Пернице аттические разно-

весы этого времени в 1/2 мины, весом в 354,49 г и 335,40 г. Мины этого стандарта должны были соответственно весить 708,98 и 670,812 г (Lang M., Crosby M., 1964, p. 10, note 24). Затем в 403 г. до н.э. весовой стандарт снова вернулся к норме в 105 драхм и не изменялся на протяжении IV в. до н.э. Во второй половине II в. до н.э. он снова был увеличен до 138 монетных драхм (Lang M., Crosby M., 1964, p. 18–20; Jones J.R.M., 1993, p. 71, № 111). Находки аттических разновесов различных стандартов известны в Ольвии (Крапивина В.В., 1980, с. 88). Мины позднеэллинистического времени с весами 708 г, 682,5 г, 624 г из раскопок Афинской Агоры опубликованы М. Ланг (Lang M., Crosby M., 1964, LW8-10).

Все гири аттической системы, обнаруженные на территории Херсонесского государства, соответствуют мине весом 425–450 г, т.е. послесолоновскому стандарту (Николаенко Г.М., 1980, с. 91; Латышева В.А., Таденев К.В., 1992, табл. 5, *1, 3*). По археологическому контексту чайкинские гири датируются не ранее середины – второй половины IV в. до н.э. Если видеть в них гири аттического веса, они должны соответствовать стандарту 150, который, однако, вновь появляется в Афинах только в период позднего эллинизма, поэтому наиболее вероятно предположение о том, что чайкинские гири принадлежат эгинской весовой системе. Эта старейшая торговая система была широко распространена в античном мире, ею пользовались Афины и Боспор, города которого чеканили и монеты по эгинской системе (Шелов Д.Б., 1956, с. 60, 61). Выше отмечалось, что обнаруженные на территории Херсонесского государства гири и разновесы находились в удобном соотношении с основными торгово-весовыми системами. Находка гирь, прямо соответствующих одной из таких систем, поэтому вполне закономерна. Необходимо также отметить, что публикация новых, ранее неизвестных выпусков серебряных херсонесских монет, чеканенных по стандарту, легко переводимому в эгинский (Туровский Е.Я., 1997, с. 65, № 1; Коваленко С.А., 1999) также свидетельствует о той большой роли, которую играла эта монетно-весовая система в экономической жизни позднеклассического Херсонеса.

Обстоятельства находки публикуемых гирь с Чайкинского городища позволяют решить вопрос и о конкретной сфере их использования. Гири были обнаружены в одном из помещений здания конца IV – начала III вв. до н.э. Это здание было возведено на культурном слое, соотносимом с предшествующим строительным периодом, дата которого – середина – вторая половина IV в. до н.э. Строительные остатки этого времени на данном участке не были обнаружены, что, видимо, связано с полной разборкой стен ранних помещений. Помещение 74, в котором были найдены гири, было возведено на сильно горелом слое мощностью 0,30–0,40 м. В этом слое помимо каменных гирь было найдено очень большое количество металлических предметов, в первую очередь железных. Отметим находки железного серпа, многочисленных фрагментов ножей, железных втулок, предметов типа долот и молоточков. Кроме того, было обнаружено большое количество железных гвоздей и скоб, иногда спекшихся в комок, а также фрагментов железа неясного назначения. Датирующей находкой из этого слоя является херсонесская монета типа "голова Девы вправо – палица в лавровом венке" (Анохин В.А., 1977, № 13, 14), относящаяся к началу второй четверти IV в. до н.э.

Подобная концентрация в одном месте нечасто встречаемых разнообразных изделий из железа явно не случайна. Отсутствие как четко выраженных строительных остатков, связанных с описанным горелым слоем, так и явных следов металлообработки не позволяет пока с уверенностью судить о том, располагалась ли в этом месте кузнечная мастерская. Однако находка вместе с железными изделиями гирь с обозначением веса и цены свидетельствует по крайней мере о вполне вероятной возможности существования здесь лавки по торговле железными скобяными и иными изделиями. С другой стороны, изготовление основных железных орудий труда и скобяных товаров было настолько простым, что в большинстве античных поселений, как правило, производилось на месте (Шелов Д.Б., 1979, с. 3), поэтому существование собственной кузнечной мастерской на таком крупном укрепленном пункте, как

Чайкинское городище, где, например, потребность в железных строительных изделиях в связи с большим объемом строительных работ была постоянной, вполне вероятно. Владелец такой кузнечной мастерской мог выступать одновременно и как хозяин торговой лавки, где продавалась его продукция. Как свидетельствуют данные лапидарных памятников, поставки железных деталей для строительства нередко осуществлялись не профессиональными торговцами, но самими мастерами, эти детали изготовившими (Burford A., 1969, p. 58, 157; Кузнецов В.Д., 1989, с. 136; Treister M.Yu., 1996, p. 250). Необязательным был также и вынос таких мастерских за пределы жилой застройки. В большинстве греческих городов классического времени металлообрабатывающие мастерские и торговые лавки располагались на главных улицах, хотя с течением времени требования к ним ужесточаются и они концентрируются на боковых улицах (Treister M.Yu., 1996, p. 195).

Весьма примечателен тот факт, что простые железные изделия типа строительных скоб, штырей, шпонов, гвоздей продавались на вес, минами или даже талантами. В строительных отчетах Эпидавра за 365–335 гг. до н.э. сохранились сведения об объемах поставок железных скоб и штырей, необходимых для строительства святилища, и, что особенно важно, о ценах на эти изделия. Обычная цена составляла 14 драхм 4 обола за талант, т.е. около 1,4 обола за мину (Burford A., 1969, p. 181). Известны, однако, цены и 13 драхм и 2 обола за талант, и 15 драхм за талант. В Дельфах около 340 г. до н.э. железо стоило 1 обол 3 халка за мину, в Элевсине около 329 г. до н.э. – 19 драхм за талант или около 2 оболов за мину (Burford A., 1969, p. 181, note 2). В одной из дельфийских надписей середины IV в. до н.э. есть ссылка на некоего Никодама из Аргоса, который выковал две железные скобы, каждая весом 6 мин, по цене 3 обола за мину. Другой кузнец – Кайрос, сделал какое-то количество скоб, каждая из которых весила 7 мин, за ту же цену (Treister M.Yu., 1996, p. 250). Очевидно, приведенные цены помимо стоимости металла включали и оценку труда кузнецов и были ценами именно на готовые изделия, а не на сам металл, который стоил еще дешевле.

Принятый способ продажи ряда железных изделий на вес неизбежно предполагал использование гирь и разновесов. Крупные партии товара, о которых идет речь в упомянутых надписях, должны были взвешиваться с помощью тяжелых гирь не меньше нескольких мин весом. Кроме того, в этом случае могла использоваться не обычная, но так называемая торговая мина, вес которой был в 2 раза больше. Яркой иллюстрацией сказанному может служить неаполитанский рельеф римского времени из собрания Фарнезе (Blümner H., 1886, Taf. III, Fig. 24; Чустова Л.И., 1962, табл. 64, *17*). На рельефе изображены все этапы деятельности кузнечной мастерской – от изготовления медных листов и поковки из них различных сосудов до взвешивания готовой продукции на больших весах с коромыслом и двумя чашками. Г. Блюмнер, анализируя изображение на рельефе, замечает, что готовые изделия продавались на вес, с прибавлением цены работы мастера, которая, судя по простоте изготовлявшихся изделий, вряд ли была высокой (Blümner H., 1886, S. 252).

Возвращаясь к каменным гирям с Чайкинского городища, отметим, что, предложенное выше прочтение имеющихся на них обозначений также полностью совпадает с интерпретацией их как части рабочего инвентаря торговца железными изделиями или владельца кузнечной мастерской, самостоятельно осуществлявшего продажу собственной продукции. Если предположить, что с помощью этих гирь взвешивались железные изделия, то проставленная цена – драхма за 3 мины или соответственно 2 обола за мину и 20 драхм за талант – окажется достаточно близкой ценам на аналогичные товары, известным для материковой Греции, или чуть выше, если учитывать разницу между афинской торговой и эгинской минами. Только использование этих гирь для взвешивания одного и того же товара с достаточно устойчивой ценой могло заставить их владельца проставить на гирях цену на товар. Применение подобных гирь, несомненно, облегчало выведение общей цены при отпуске товара, а также делало этот процесс более наглядным как для продавца, так и для покупате-

ля. Неслучайно поэтому после уменьшения веса одной из гирь, цена на ней была сбита.

Изготовление подобных гирь из подручного материала, достаточно небрежное нанесение на них меток – все свидетельствует об использовании их в торговой практике частных лиц. Анализ подобных находок позволяет немного больше узнать как об этой малоизвестной стороне античной торговли в целом, так и о некоторых особенностях торговли продукцией кузнечных мастерских на античных поселениях Северо-Западного Крыма в частности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анохин В.А., 1977. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев.

Бертье-Делагард А.Л., 1909. Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене в половине IV в. до Р.Х. М.

Блаватский В.Д., 1955. О пантикапейской весовой системе // СА. XXIII.

Грач Н.Л., 1976. Свинцовые гири из Нимфея и некоторые вопросы боспорской весовой метрологии // ТГЭ. Вып. XVII.

Коваленко С.А., 1999. Рец. на кн.: Туровский Е.Я. Монеты независимого Херсонеса IV–II вв. до н.э. Севастополь, 1997 // РА. № 3.

Крапивина В.В., 1980. Весовые гири Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев.

Кузнецов В.Д., 1989. Ремесленники Элевсина // ВДИ. № 3.

Латышева В.А., Таденев К.В., 1992. Античные свинцовые гири из поселения Маслины // РА. № 4.

Николаенко Г.М., 1980. Весовые системы эллинистического Херсонеса // Античные традиции и византийские реалии. Свердловск.

Николаенко Г.М., 1983. Метрология Херсонеса Таврического в эллинистический период (по материалам IV–II вв. до н.э.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.

Туровский Е.Я., 1997. Монеты независимого Херсонеса IV–II вв. до н.э. Севастополь.

Чуистова Л.И., 1962. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // Археология и история Боспора. Вып. II. Симферополь.

Шелов Д.Б., 1956. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М.

Шелов Д.Б., 1979. Железоделательное производство в Северном Причерноморье в раннеантичное время // КСИА. Вып. 159.

Babelon E., Blanchet J.-A., 1895. Catalogue des Bronzes Antiques de la Bibliotheque Nationale. Paris.

Blümner H., 1886. Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste dei Griechen und Römern. Bd. IV. Abt. *1*. Leipzig.

Burford A., 1969. The Greek Temple builders at Epidauros. Liverpool.

Ciezkowska-Marciniak W., 1956. O greckich i rzymskich wagach i miarach // Meander. R. XI. 1–2.

Hackl R., 1909. Merkantile Inschriften anf attischen Vasen // Münchener Archäologische Studien.

Johnston A.W., 1974. Trademarks on Greek Vases // Greece & Rome. 2-nd series. V. XXI. No. 2.

Jones J.R.M., 1993. Testimonia Numaria. Greek and Latin Texts concerning Ancient Greek Coinage. V. I. London.

Jongkees J.H., 1951. On price inscriptions on Greek vases // Mnemosyne. V. 4. Ser. 4. Fasc. III/IV.

Lang M., 1956. Numerical Notation on Greek Vases // Hesperia. V. XXV. No. 1.

Lang M., Crosby M., 1964. Weights, measures and tokens // The Athenian Agora. V. X. Princeton.

Murray A.S., 1868. Greek Weights in the British Museum // Numismatic Chronicle. V. VIII.

Pernice E., 1897. Uber den Wert der monumentalen und litterarischen Quellen antiker Metrologie // Zeitschrift für Numismatik. Bd. 20.

Robinson D.M., 1941. Metal and Minor Miscellaneous Finds // Excavations at Olynthus. Part X. Baltimore.

Treister M.Yu., 1996. The Role of Metals in Ancient Greek History. Leiden; New York; Köln.

Woodhead A.G., 1959. The Study of Greek Inscriptions. Cambridge.

Государственный музей изобразительных
искусств им. А.С. Пушкина, Москва

S.A. KOVALENKO

WEIGHTS' FIND AT CHAIKA FORTIFIED SETTLEMENT, NORTH-WESTERN CRIMEA

Summary

In the article the stone weights discovered at Chaika fortified settlement in north-western Crimea are published. These rare finds were discovered in reliably dated archaeological context, which is of importance for establishing their function. Having examined the weights from the point of view of metrology and signs existing on their surface, the author claims their attribution to Aeginetan weight standart. The artefacts could have been used for weighting iron hardware and the like, the process obviously took place just in smiths' workshop or stall which existed at Chaika fortified settlement in the second half of the 4th century BC.

Г.Ю. ИВАКИН, В.Г. ПУЦКО

КИЕВСКИЙ КАМЕННЫЙ РЕЛЬЕФ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЕВСТАФИЯ ПЛАКИДЫ

Среди произведений архитектурной пластики Киевской Руси особое место занимают немногочисленные сюжетные рельефы, почти исключительно связанные с церковным княжеским строительством XI в. (Пуцко В.Г., 1999, с. 20–22). Недавно известный их ряд пополнился еще одним произведением, обнаруженным 17 марта 1997 г. во время археологического изучения территории Михайловского Златоверхого монастыря, которое проводила архитектурно-археологическая экспедиция института археологии Национальной академии наук Украины под руководством Г.Ю. Ивакина. Это была резная шиферная плита с изображением святого всадника, лежавшая перед входом в монастырские погреба XVIII в. гладкой стороной кверху, что и обусловило хорошую сохранность рельефа: откололся лишь верхний правый угол, лежавший здесь же рядом, не имеющий резьбы, кроме обрамления. Давно известный рельеф с изображением св. Георгия и Федора также был обнаружен в конце XVIII в. при сооружении монастырской стены и использован монахами в качестве вымостки перед западным входом в монастырский собор (Івакін Г.Ю., 1997, с. 13, 14).

Наш рельеф прямоугольной формы, с широким гладким, поднимающимся над поверхностью обрамлением, имеет размеры 113,0 × 153,0 × 8,0 см. Плоскость плиты заполняет изображение сидящего верхом на несущемся вскачь коне святого всадника, держащего в правой руке поводья, а поднятой вверх левой рукой как бы закрывающегося от ослепительно яркого света; внизу лежит выпавшее из рук этого всадника копье с массивным ребристым наконечником, длиной 99 см. Святой представлен в короткой тунике и плаще, концы которого скреплены фибулой на правом плече (рис. 1).

И хотя описанное изображение не имеет соответствующей сопроводительной надписи, его сюжет опознается с достаточной определенностью и без каких-либо затруднений. Здесь, несомненно, представлен св. Евстафий Плакида, знатный римский полководец при императорах Тите (79–81), Траяне (98–117) и Адриане (117–138), казненный в 118 г. за отказ принести богам благодарственную жертву за одержанные победы над врагами империи. Он изображен пораженным видением, бывшим ему на звериной ловле, когда, согласно тексту жития, преследуя оленя, вдруг увидел между оленьими рогами лучезарный крест, а посреди него образ Христа и услышал голос, призывавший его стать христианином. При разработке в христианском искусстве этой темы очень удачно были использованы античные охотничьи сцены и изображения всадников (Шульц П.Н., 1966, с. 278–286; Цончева М., 1971).

Почитание св. Евстафия Плакиды (память 20 сентября) было наиболее распространено в восточных регионах Византийской империи, а также в Фессалониках, где в храме св. Николая сохранилась его глава (Кондаков Н.П., 1909, с. 132, 133). По наблюдению Г.Н. Чубинашвили, изображение св. Евстафия принадлежит к числу древнехристианских сюжетов и позднее не встречается (Чубинашвили Г.Н., 1948а, с. 31, 32). По памятникам грузинского пластического искусства иконография святого

© Г.Ю. Ивакин, В.Г. Пуцко, 2000 г.

Рис. 1. Каменный рельеф с изображением св. Евстафия Плакиды

прослеживается, начиная с датируемого рубежом VI–VII вв. рельефа стелы в Натлис-Мцемели, на которой Евстафий изображен стреляющим из лука в расположенного вверху крупного оленя (Чубинашвили Н., 1972, с. 90–93, табл. 63–67). На первой плите из Цебельды, рубежа VIII–IX вв., святой показан как сасанидский вельможа, в головном уборе с развевающейся повязкой, на массивном коне с богатой сбруей, также стреляющим из лука (Хрушкова Л.Г., 1980, с. 58, 59, табл. XXVI; XXXVI,*1*; Saltykov A.A., 1985, p. 5–18). Рельеф храмового фасада в Мартвили, VII в., напротив, представляет св. Евстафия гонящимся с копьем в руках (Чубинашвили Г.Н., 1948б, с. 187, табл. 77). Именно этот сюжет преимущественно разрабатывается в грузинских фасадных росписях XII–XIV вв. (Аладашвили Н., Вольская А., 1987, с. 105, 106, 112, рис. 3, 6).

В искусстве Византии тема видения св. Евстафия Плакиды активно распространяется исключительно в книжной миниатюре послеиконоборческого периода, прежде всего в маргинальных иллюстрациях Псалтири, относящихся к словам: "Свет сияет на праведника, и на правых сердцем – веселье" (Пс 96:11). Так, в Хлудовской псалтири (Москва, ГИМ, греч. 129д, л. 97 об.) помещено изображение конного св. Евстафия, молитвенно простирающего руки к образу Христа, созерцаемому им между рогами оленя (Щепкина М.В., 1977, табл. л. 97 об.). Подобные композиции входят в состав циклов иллюстраций иных греческих лицевых кодексов Псалтири этой группы (Dufrenne S., 1996, p. 32, 33, 43, pl. 21, 35), а также более поздних, возникших под их воздействием (Der Nersessian S., 1970, p. 98, pl. 77). Актуальность этой темы для утверждения иконопочитания была очевидной. Судя по приведенным примерам, говорить о существовании единой иконографической схемы изображения, однако, не приходится: трактовка сцены разнообразная, свободная от подражания единой модели.

Для определения сюжета киевского шиферного рельефа особое значение приобретает небольшой (размером 6,4 × 5,9 см) стеатитовый образок из Спасо-Каменного монастыря на Кубенском озере, в монастырском инвентаре 1670 г. отмеченный как "икона Евстафия Плакиды, резь на белой кости, обложена сребром" (Суворов Н.И., 1871, с. 45), ныне хранящийся в Вологде (рис. 2). Выполненный в начале XIII в., он прежде в литературе был ошибочно относим к XI в., первой половине XIV в., к XIV–

Рис. 2. Каменная (стеатитовая) икона св. Евстафия Плакиды

XV вв. и даже к поствизантийскому периоду[1] (Alpatoff M., 1930, S. 24, Taf. 29,*3*; Poutsko B., 1970, p. 77–79; Банк А.В., 1978, с. 98; Kalavrezou-Maxeiner I., 1985, p. 247, A–62, pl. 95). Св. Евстафий представлен верхом на вздыбившемся коне, с экспрессивно поднятой правой рукой и с длинным копьем в левой. Слева вверху изображен четырехконечный крест. По сторонам окруженной нимбом головы греческим эпиграфическим унциалом выполнена двустрочная грецизированная надпись, переводимая как "Евстафий Плакида тогда". Не исключено, что она более поздняя, и, следовательно, в таком случае не принадлежит резчику рельефа. Сцена скомпонована таким образом, что плотно заполняет все пространство. Мощная фигура коня с круто изогнутой шеей и поджатой к груди головой. Всадник сидит в седле, слегка откинувшись назад, а за его спиной развевается на ветру плащ. Жест изогнутой в локте правой руки и ошеломленное выражение лица выдают изумление человека, пораженного небесным знамением. Конь изображен в движении. Детали упряжи тщательно проработаны: четко просматриваются уздечка и орнаментированное по краям седло, реалистически переданы челка и хвост коня. Резьба выполнена в низком рельефе, но с большим чувством пластики, позволяющим передать тончайшие художественные нюансы. Все отмеченные особенности заставляют предположить, что эта икона служит воспроизведением скорее всего неоклассического оригинала, явно относящегося к X в.

По отношению к этому изображению композиция киевского каменного рельефа воспринимается как представленная в зеркальном отражении, в обратном иконографическом изводе. Излишне здесь ставить вопрос о том, какой из этих вариантов более ранний, основной. Но оба они, думается, генетически связаны и представляют линию развития, заметно отличающуюся от характеризующей уже отмеченную восточнохристианскую группу скульптурных раннесредневековых памятников. Скульптор киевского рельефа тоже явно тяготел к столь типичной для восточной

[1] Обоснование новой датировки дано в статье: Пуцко В.Г., Византийский стеатитовый рельеф в Вологде (в печати).

Рис. 3. Каменный рельеф с изображением св. Димитрия Солунского и Меркурия (?)

художественной традиции орнаментально-декоративной трактовке изображения, отличающей, надо сказать, архитектурную пластику Киева XI в. в целом (Пуцко В.Г., 1982, с. 51–60). Однако в данном случае очень выразительно проступают классифицирующие особенности используемой модели, прежде всего в формах коня, с которыми так мало соотносятся упрощенно переданные ноги, стилизованные грива и хвост, да и непомерно тяжелый плащ, конец которого имеет колоколообразную форму. Вряд ли надо особо говорить о пропорциях, поскольку они подчинены форме рельефа и, следовательно, оказываются изначально заданными. Тем самым здесь задолго предвосхищены тенденции, отличающие резьбу выполненного в конце XII в. известного фриза со скачущими всадниками на фасадах Дмитриевского собора во Владимире (Вагнер Г.К., 1969, с. 246, 248, илл. 174, 175, 257, 259, 268, 274–277).

Рассматриваемый рельеф с изображением св. Евстафия Плакиды входит в состав одного цикла с двумя другими, представляющими попарно едущих навстречу друг другу святых всадников (Пуцко В., 1977, с. 111–124, рис. 1–7). Их изучение приводило исследователей к самым различным выводам. Так, К.В. Шероцкий впервые рассмотрел эти плиты на широком историческом фоне и поставил изображения в зависимость от более древних, восходящих к произведениям античного искусства (Шероцкий К.В., 1917, с. 118–122). В этом не сомневался и А.И. Некрасов, считавший поводом для заказа рельефов победу князя Изяслава Ярославича над торками в 1060 г. и выдвинувший версию о том, что в композициях представлены Ярослав Мудрый и сам Изяслав со своими святыми патронами – Георгием и Димитрием (Некрасов О., 1926, с. 16–40). И хотя версия эта в корне противоречит нормам византийского сакрального искусства, до настоящего времени она находит своих сторонников в отличие от А.Н. Грабара, справедливо полагавшего, что нимбы вокруг голов всадников указывают на святых. Но поскольку фигуры анонимны, то их нельзя считать иконами. А.Н. Грабар, кроме того, рельефы сблизил с живописными изображениями определенных святых воинов, представленными с двух сторон от входа на фасадах болгарской церкви Драголевци и сербской церкви Морачи, указав на охранительные функции фигур (Грабар А.Н., 1962, с. 253). С. Радойчич предположил, что в виде всадника, попирающего воина, мог быть представлен св. Меркурий, поражающий Юлиана Отступника (Радојчић С., 1970, с. 334). Эту мысль уже высказывал П.А. Лашкарев в 1885 г. В.Г. Пуцко, рассмотрев историю рельефов, пришел к выводу об их назначении

Рис. 4. Каменный рельеф с изображением св. Георгия и Феодора Стратилата

служить украшением входов возведенного князем Изяславом Ярославичем около 1062 г. собора, основанного им Дмитриевского монастыря и о вероятной причастности к исполнению мастеров солунского круга (Пуцко В., 1977, с. 117–122). Если сближение рельефов с продукцией солунских мастеров и может представляться не достаточно убедительным, то совершенно произвольно предположение об авторстве местных мастеров (Вагнер Г.К., Владышевская Т.Ф., 1993, с. 44, 45). Опыт персонификации изображений (Сидоренко Г.В., 1994, с. 169–179) показывает, что многое еще предстоит сделать, особенно с учетом таких памятников, как византийский стеатитовый образок в монастыре Ватопед на Афоне, до недавнего времени остававшийся не введенным в научный оборот[2].

Отчасти повторяя уже сказанное, следует отметить, что плита с рельефным изображением св. Димитрия Солунского и неизвестного юного святого воина (отождествляемого с Нестором либо с Меркурием), размером 118,0 × 226,0 см, самая тщательная по исполнению (рис. 3). Может быть, такое впечатление она производит по причине графической проработки чешуйчатых доспехов всадников, более свободно переданных на рельефе с фигурами конных святых Георгия и Федора Стратилата, размером 112,0 × 218,0 см (рис. 4). Но в то же время нельзя усомниться в том, что все три рельефа с явными следами индивидуальных манер принадлежат одним и тем же резчикам, скорее всего двум. До находки плиты с изображением св. Евстафия Плакиды порой высказывались самые различные мнения относительно авторства. Теперь, с восстановлением всей серии композиций, становится очевидным, что распределение труда исключало изолированное выполнение, а бросающаяся в глаза "сглаженность" изображений конных святых Георгия и Феодора является следствием неудовлетворительной сохранности этого рельефа в отличие от двух других. Что касается рисунка, моделировки объемов, манеры резьбы, то при всех мелких неизбежных различиях в деталях, несомненно, речь может идти только об одновременном выполнении композиций как единого целого. Особенно наглядно это проявляется в трактовке лиц, обрамляющих их прядей волос, торсов, рук и ног всадников, голов,

[2] Был экспонирован на выставке "Сокровища Святой Горы" в Фессалониках в 1997 г. Среди конных святых воинов Меркурий и Нестор.

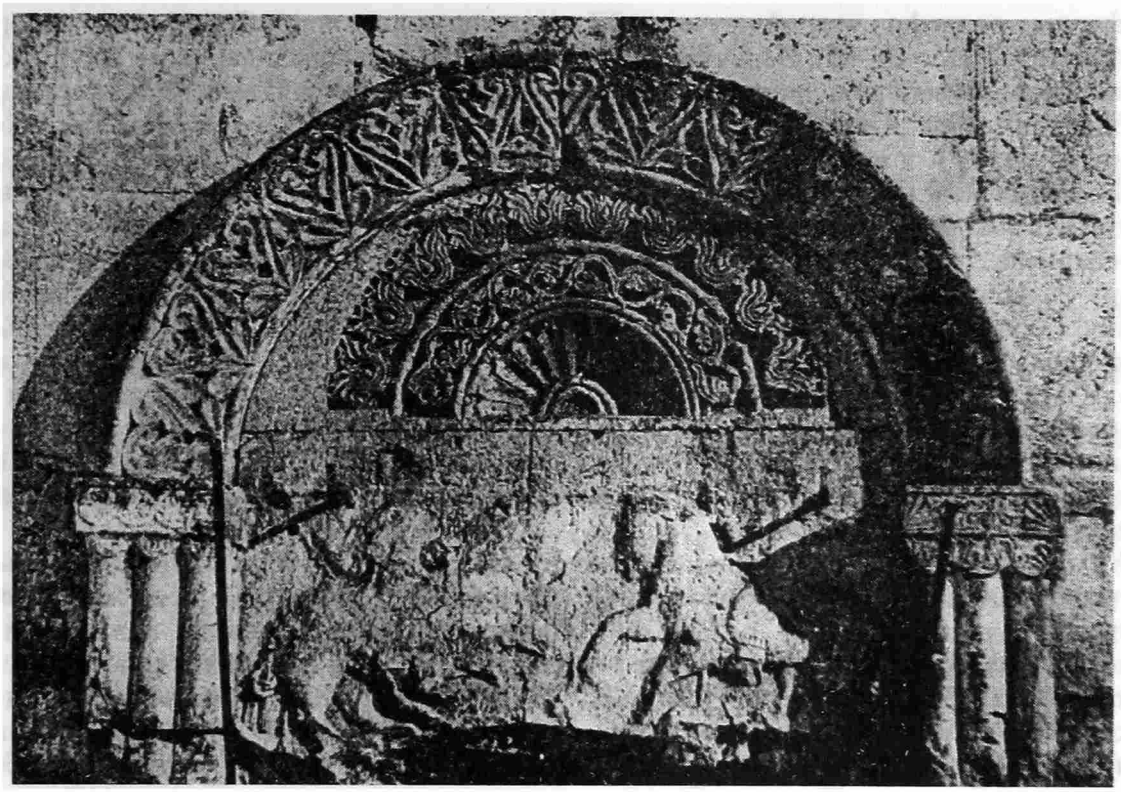


Рис. 5. Каменный рельеф с изображением святых всадников над западным входом храма в селении Вале (Грузия)

грив, хвостов, ног коней, а также не раз обращавшей на себя внимание вздутой формы плащей, складки которых переданы в виде ритмичных, плавно изогнутых лент.

Первоначальное местоположение киевских каменных рельефов с изображениями святых всадников может быть определено по аналогии с подобными плитами грузинских храмов. Особенностью изображения святых всадников-драконоборцев Георгия и Федора Тирона, представленных над входом храма в Никорцминде, возведенного в последние годы царствования Баграта III, между 1010–1014 гг., служит то, что в центре помещена фигура стоящего в рост Христа (Северов Н.П., Чубинашвили Г.Н., 1947, с. 19, табл. XXIII). Частью тимпана является плита, украшенная над западным входом в храм конца X в. в селении Вале (Меписашвили Р., 1950, с. 25–51, табл. 9, 11; рис. 16, *14*). Изображение двух едущих навстречу друг другу в торжественных позах святых всадников (рис. 5) является типологически наиболее близким киевским плитам (рис. 3, 4). Последние имеют высоту, определяемую соответственно 118,0, 112,0 и 113,0 см, при протяженности 226,0, 218,0 и 153,0 см. Соотнесение их с чертежом остатков (фундаментов) собора Дмитриевского монастыря в Киеве, раскопанных А.С. Анненковым в 1838 г. (Асеев Ю.С., 1961, с. 292–296), позволяет предположить, что именно в такой последовательности эти рельефы могли находиться над западными, южными и северными дверьми. Устойчивая традиция выделять размерами и более роскошным оформлением западный портал храма являлась общей для всего христианского средневековья. Примерно такая иерархия в соотношении убранства входов, в частности, может быть прослежена в сооруженной в 1328–1335 гг. церкви Спаса в Дечанах (Максимовић Ј., 1971, сл. 168, 170–174, 181, 182).

Стилистическая эволюция киевской архитектурной пластики XI в. прослеживается с большим трудом, главным образом в силу немногочисленности и разрозненности ее образцов, особенно утративших связь с постройками, для украшения которых они были предназначены. Исключение составляют лишь орнаментальные композиции

шиферных рельефов второй четверти XI в., украшающих хоры Софийского собора (Пуцко В., 1993, с. 61–85). Вероятно, по этой причине рельефы с парными изображениями святых всадников иногда датируют концом XI и даже началом XII в., косвенно связывая их с оформлением собора Михайловского Златоверхого монастыря, заложенного в 1108 г. и завершенного строительством к 1113 г. (Grabar A., 1976, p. 89, 90, pl. LXII; Візантія і Київська Русь, 1997, с. 48, № 34, 35). Но в таком случае трудно допустить, во-первых, отсутствие в рельефах изображения архангела, а во-вторых, исчезновение резных плит со своих мест в храме, сохранившемся до 1930-х годов. С другой стороны, раскопками к югу от Михайловского собора вместе с фундаментами собора Дмитриевского монастыря обнаружены, в частности, фрагменты резных шиферных плит (Сагайдак М.А., Чернов С.М., 1981, с. 114). Не исключено, что к их числу надо присоединить и фрагмент шиферной плиты размером 45,0 × 53,0 см с изображением графона, обнаруженный в 1978 г. у порога построенной в XVIII в. трапезной церкви Михайловского Златоверхого монастыря (Шевченко В., 1997, с. 51). Следовательно, речь может идти о каменной резьбе лишь третьей четверти XI в., но никак не более позднего времени.

Художественный стиль, характеризующий каменные рельефы с изображениями святых всадников, проявляется также в киевской металлопластике того же самого времени (Пуцко В.Г., 1983, с. 199–206). Правда, его реминисценции позже, в начале XIII в., появляются в продукции киевского мастера архаизирующего стиля (Пуцко В.Г., 1998а, с. 222-229; 1998б, с. 317–319, табл. VIII–XII), но эти образцы художественного ремесла все же имеют свои определенные отличия. Во всяком случае они не дают никаких оснований для передатировки шиферных плит, включая и изображение св. Евстафия Плакиды. Трактовка его лица, обрамленного короткой окладистой бородой и прядями расчесанных на прямой пробор волос, чрезвычайно близка с отличающей исполнение облика святых воинов на рельефе с поверженным царем. Сходными техническими приемами переданы глаза, нос, кисти рук. Все это говорит о руке одного и того же резчика, обнаруживающего свою индивидуальную манеру, выделявшую его среди иных привлеченных к выполнению княжеского заказа мастеров.

Если бы оказался известным лишь один, недавно обнаруженный рельеф, то и в таком случае следовало бы говорить о весьма важном открытии. Но он позволяет восстановить состав серии композиций и, таким образом, делает возможным решение вопросов, в ответах на которые приходилось не идти дальше предположений. Тем самым одна из начальных страниц истории древнерусской монументальной скульптуры сегодня может быть понята лучше и определеннее, чем это имело место даже несколько лет назад.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аладашвили Н., Вольская А., 1987. Фасадные росписи Верхней Сванетии // Ars Georgica. Т. 9. Тбилиси.

Асеев Ю.С., 1961. Новые данные о соборе Дмитриевского монастыря в Киеве // СА. № 3.

Банк А.В., 1978. Прикладное искусство Византии IX–XII вв. М.

Вагнер Г.К., 1969. Скульптура Древней Руси. XII век. Владимир. Боголюбово. М.

Вагнер Г.К., Владышевская Т.Ф., 1993. Искусство Древней Руси. М.

Візантія і Київська Русь, 1997. Каталог виставки. Київ.

Грабар А.Н., 1962. Светское изобразительное искусство домонгольской Руси и "Слово о полку Игореве" // ТОДРЛ. Т. XVIII. М.; Л.

Івакін Г.Ю., 1997. Нова знахідка святого вершника з території Михайлівського Золотоверхого монастиря // Візантія і Київська Русь. Каталог виставки. Київ.

Кондаков Н.П., 1909. Македония. СПб.

Максимовић Ј., 1971. Српска средньовековна скулптура. Нови Сад.

Меписашвили Р., 1950. Храм в с. Ваде и два основных периода его строительства // Ars Georgica. Т. 3. Тбилиси (на груз. яз.).
Некрасов О., 1926. Рельєфні портрети XI століття // Науковий збірник за рік 1925. Записки Українського наукового товариства в Києві. Т. XV. Київ.
Пуцко В., 1977. Киевские рельефы святых всадников // Старинар. Нов. сер. Кнъ. XXVII/1976. Београд.
Пуцко В.Г., 1982. Киевская скульптура XI века // Byzantinoslavica. T. XLIII. Prague.
Пуцко В., 1983. Русская путевая икона XI в. // ПКНО. 1981. Л.
Пуцко В., 1993. Шиферные рельефы парапетов хор Софии Киевской // Музеј на Македонија, археолошки, етнолошки и историски. Зборник. Нов. сер. Бр. 1. Скопје.
Пуцко В.Г., 1998а. Архаїзуючий стиль у київському художньому ремеслі XIII ст. // Історія Русі–України (історико-археологічний збірник). Київ.
Пуцко В., 1998б. Киевское хуожественное ремесло начала XIII в. Индивидуальные манеры мастеров // Byzantinoslavica. T. LIX. Prague.
Пуцко В.Г., 1999. Иконографический репертуар архитектурной пластики средневековой Руси // Средневековая архитектура и монументальное искусство. Раппопортовские чтения. Тез. докл. СПб.
Радојчић С., 1970. Кијевски рельефи Диониса, Херакла и светих ратника // Старинар. Нов. сер. Кн. XX/1969. Београд.
Сагайдак М.А., Чернов С.М., 1981. Новые данные о Дмитриевском монастыре в Киеве // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Тез. докл. респ. конф. молодых ученых. Киев.
Северов Н.П., Чубинашвили Г.Н., 1947. Кумурдо и Никорцминда. (Памятники грузинской архитектуры). М.
Сидоренко Г.В., 1994. Памятник монументальной пластики эпохи Киевской Руси // Искусство Древней Руси. Проблемы иконографии. М.
Хрушкова Л.Г., 1980. Скульптура раннесредневековой Абхазии V–X веков. Тбилиси.
Цончева М., 1971. Художествено наследство на Тракийските земи. София.
Чубинашвили Г.Н., 1948а. Пещерные монастыри Давид-Гареджи. Тбилиси.
Чубинашвили Н., 1972. Хандиси. Тбилиси.
Шевченко В., 1997. Трапезна Михайлівського Золотоверхого монастиря // Пам'ятки України. № 1.
Шероцкий К.В., 1917. Киев, путеводитель. Киев.
Шульц П.Н., 1966. Надгробный рельеф сарматского круга // Культура античного мира. М.
Щепкина М.В., 1977. Миниатюры Хлудовской псалтири. Греческий иллюстрированный кодекс IX века. М.
Alpatoff M., 1930. Eine byzantinische Reliefikone des hl. Demetrios in Moskau // Belvedere. Bd. 14. Wien.
Der Nersessian S., 1970. L'illustration des Psautiers grecs du Moyen Age. II. Londres, Add. 19.352. Paris.
Dufrenne S., 1966. L'illustration des Psautiers grecs du Moyen Age. I. Pantocrator 61, Paris grec 20, British Museum 40731. Paris.
Grabar A., 1976. Sculptures byzantines du Moyen Age. II (XIe–XIVe siècle). Paris.
Kalavrezou-Maxeiner I., 1985. Byzantine Icons in Steatite. Wien.
Poutsko B., 1970. Un relief en stéatite byzantin au musee de Vologda // Cahiers archéologiques. V. XX. Paris.
Saltykov A.A., 1985. La vision de saint Eustache sur la stèle de Tsebelda // Cahiers archéologiques. V. 33. Paris.

Институт археологии НАН Украины, Киев
Калужский областной художественный музей

G.Yu. IVAKIN, V.G. PUTSKO

STONE RELIEF FROM RIEV DEPICTING St. EUSTAPHY PLAKIDA

Summary

In March of 1997 during the archaeological excavations of St. Michael the Golden Cupola monastery in Kiev a carved slate relief was discovered; the slab measured 113 to 153 to 8 cm. The miraculous vision of St. Eustaphy Plakida was depicted on the slab. The subject is known from East Christian architectural plastic art of the early Middle Ages and Byzantine manuscript miniatures. The steatite icon dated to the early 13th century following Byzantine original of the 10 th century represents the most close analogy for the relief from Kiev. The relief in question constitutes the single series with two relieves discovered earlier. The latter represent the images of pairs of riding saints. The authors point out that initially the relieves could have been placed over the doorways of the cathedral of St. Dimitry monastery in Kiev. The temple was constructed around 1062, and this date is suggested to determine the relieves' chronology. The monuments seem to have been carved by two craftsmen, their manner genetically linked with Thessalonoki. The authors exclude any possibility of the relieves' attribution to artistic decoration of the cathedral of St. Michael the Golden Cupota monastery built in the period of 1108–1113.

Е.М. ПИГАРЕВ, С.Ю. СКИСОВ

ГРУППА ФОРМ ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ОБРЯДОВЫХ ПРЕДМЕТОВ С ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

(из фондов Астраханского музея)

В культурных слоях золотоордынских городов на протяжении десятилетий археологических исследований находят керамические формы для изготовления предметов неясного назначения, причем ни одного изделия, хотя бы отдаленно похожего на то, которое могло бы быть получено из таких форм, не найдено. Эти формы неоднократно описывались в специальной литературе (Рязано-Уральская железная дорога, 1913, с. 150, рис. 2; Баллод В.Ф., 1923, с. 95, рис. 30; Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 246, рис. 10, *5*; 1994, с. 184, 185, рис. 38; Крымнина М.М., 1977, с. 261; Фомичев Н.М., 1978, с. 147; Волков И.В., 1988, с. 13; Историко-археологические исследования ..., 1993, на обложке; Перевозчиков В.И., 1996, табл. 4, *32*; Федоров-Давыдов Г.А. и др., 1986, рис. 61, *1*, *2*, *3*; Федоров-Давыдов Г.А. и др., 1987, рис. 79). Было высказано предположение, что в таких формах отливались ("на выплеск") ботала – колокольчики для скота (Волков И.В., 1988, с. 13; 1995, с. 27).

Подобные формы хранятся во многих музейных коллекциях России и СНГ, в том числе и в фондах Астраханского музея-заповедника (12 шт). Астраханские формы найдены на городищах золотоордынского времени, расположенных на территории области (Селитренное, Красноярское, Самосдельское городища). Отдельные экземпляры описываемых форм находятся в частных коллекциях (Календарные обычаи..., 1989).

В качестве материала для исследования нами использованы образцы, имеющиеся в Астраханском музее, а также известные по публикациям и серия фотографий и рисунков, предоставленных коллегами из музеев Саратова и Атырау.

Нами был проведен комплекс исследований, включающий в себя технологию, сравнительный анализ, поиск аналогов как собственно форм, так и предполагаемых изделий, а также изображений на них. В результате предлагается иное решение проблемы о предназначении данных форм.

I. Описание и типология

Тип 1.

1а. Внутренний контур в виде трапеции с закругленным верхом. Выделено ушко. Размеры 103 × 66/108 мм. Сюжет: в верхней части птица с распростертыми крыльями и человеческим лицом; внизу по бокам два оленя. Количество: 1 шт. Место находки: Красноярское городище. Частная коллекция (рис. 1).

1б. Внутренний контур в виде трапеции с закругленным верхом. Выделено ушко. Размеры: 108 × 70/96 мм. Сюжет: дерево и возле него два оленя (самец и самка). Количество: 1 шт. Место находки: Красноярское городище. Частная коллекция (рис. 2).

1в. Внутренний контур в виде трапеции с закругленным верхом. Выделено ушко. Размеры: 110 × 67/103 мм. Сюжет: в верхней части в круглой рамке изображение зайца, стоящего на задних лапах, с растением в передних лапах, остальное поле занимает растительный орнамент. Количество: 2 шт. Место находки неизвестно. АГОИАМЗ КП 21027, КР 21028 (рис. 3).

© Е.М. Пигарев, С.Ю. Скисов, 2000 г.

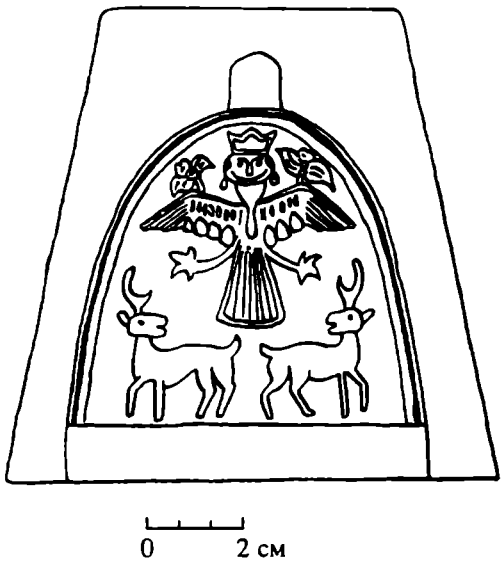


Рис. 1. Глиняная форма. Тип 1а

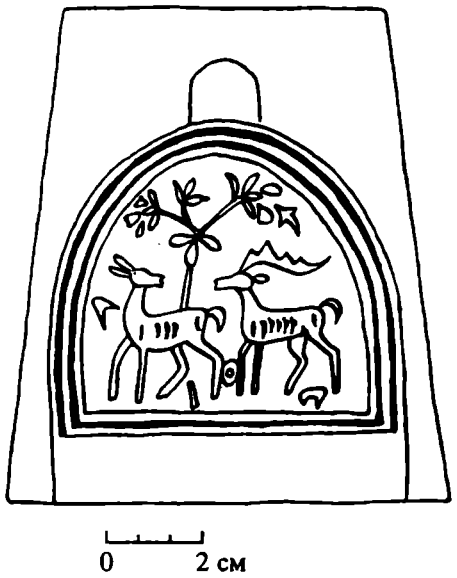


Рис. 2. Глиняная форма. Тип 1б

1г. Внутренний контур в виде трапеции с закругленным верхом. Выделено ушко. Размеры: 104 × 68/90 мм. Сюжет: в верхней части и в центре растительный орнамент. Количество: 4 шт. Место находки: 3 – Красноярское городище, для одного не известно. Частная коллекция и АГОИАМЗ – КП 21029, ВХ 1669 (рис. 4).

Тип 2.

2а. Внутренний трапециевидный контур имеет сложную фигурную форму. Выделено ушко. Размеры: 105 × 53/80 мм. Сюжет: в центральной части в круглой точечной рамке изображение животного (льва?). Количество: 1 шт. Место находки: Селитренное городище. АГОИАМЗ ИО2317 (рис. 5).

Тип 3.

3а. Внутренний трапециевидный контур имеет сложную фигурную форму. Выделено ушко. Размеры: 100 × 67/100 мм. Сюжет: в верхней части и в центре изображения двух знаков. Количество 1 шт. Место находки: Красноярское городище. Частная коллекция (рис. 6).

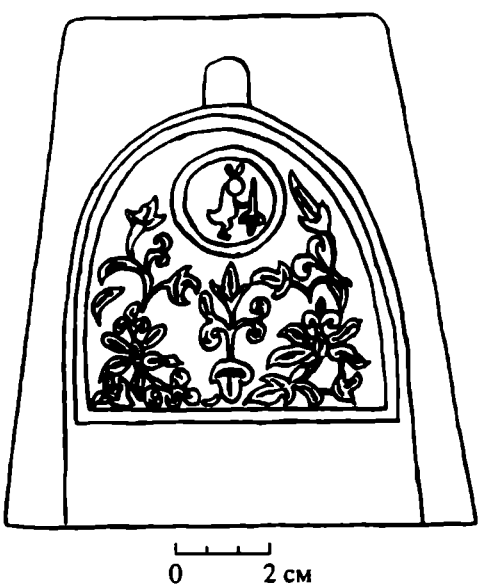


Рис. 3. Глиняная форма. Тип 1в

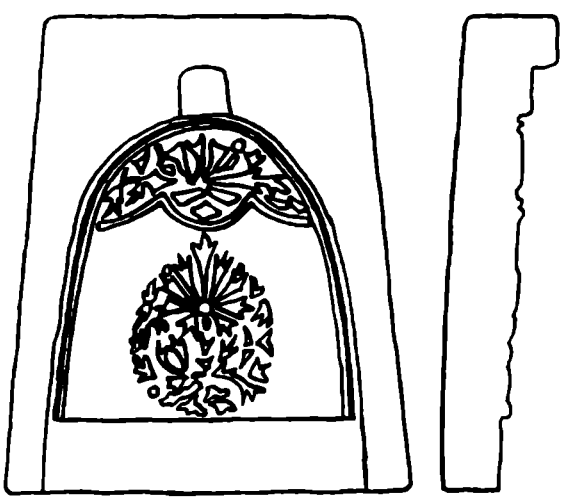


Рис. 4. Глиняная форма. Тип 1г

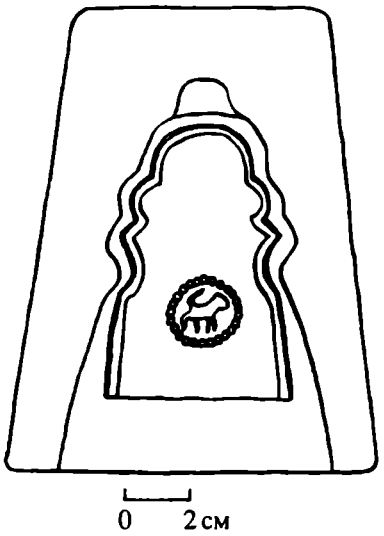


Рис. 5. Глиняная форма. Тип 2

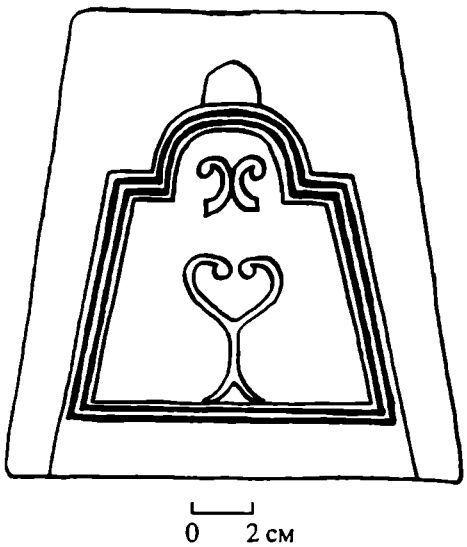


Рис. 6. Глиняная форма. Тип 3

Тип 4.

4а. Фрагмент формы. Сохранившиеся размеры: 50 × 45/60 мм. Сюжет: в центре изображение дракона на фоне цветочного орнамента. Количество: 1 шт. Место находки: Самосдельское городище. АГОИАМЗ КП 43217/11 (рис. 7).

II. Технология и материалы

Все исследованные образцы сделаны из красножгущейся глины, с небольшими естественными включениями карбонатных пород, добавки искусственных отощителей и выжигаемых органических наполнителей не обнаружены. Черепок хорошо спекшийся. Водопоглощение больше 5%. Температура обжига от 800 до 1000°. Нижняя граница обжига обусловлена степенью спекания черепка, верхняя – отсутствием следов процесса декарбонизации (Акунова Л.Ф., 1984, с. 48), т.е. все образцы аналогичны распространенному золотоордынскому керамическому материалу, в изобилии извлекаемому на местах их находок, и прошли обычный гончарный обжиг.

По внешнему виду черепка, его цвету и плотности образец типа 1 ближе к неполивной посуде, остальные образцы – к строительной керамике хорошего качества.

На сколах и обломках форм типов 1 и 2 ясно просматривается слоистая структура, где слои расположены параллельно стенкам рабочей полости. Такая структура могла возникнуть только при многократном чередовании раскатывания пласта глины и его сворачивания. По сей день это один из самых распространенных приемов гомогенизации керамической массы при штучном ручном изготовлении изделий способом отмина (Акунова Л.Ф., 1984, с. 74), т.е. эти типы форм были изготовлены обжатием пласта глины вокруг твердой модели.

Сама модель, судя по ее отпечаткам и исследованию форм при помощи 2–3-кратного увеличения, изготовлена способом лепки, об этом говорят округлый характер форм изображения, ясно различимые следы доработки, оставленные на формах вокруг элементов каким-то острым инструментом, т.е. изображение лепилось одновременно с фоном из мягкого материала. Наиболее вероятный материал для модели – глина, в дальнейшем обжигаемая для получения необходимой жесткости и водостойкости.

При изготовлении этих типов форм после снятия пласта глины с жесткой модели полученный контррельефный отпечаток дорабатывался острым инструментом. В основном мастер уточнял внешний контур рабочей полости и ушко, т.е. места, наиболее подверженные деформации при съеме с модели. Эта доработка делала вертикаль-

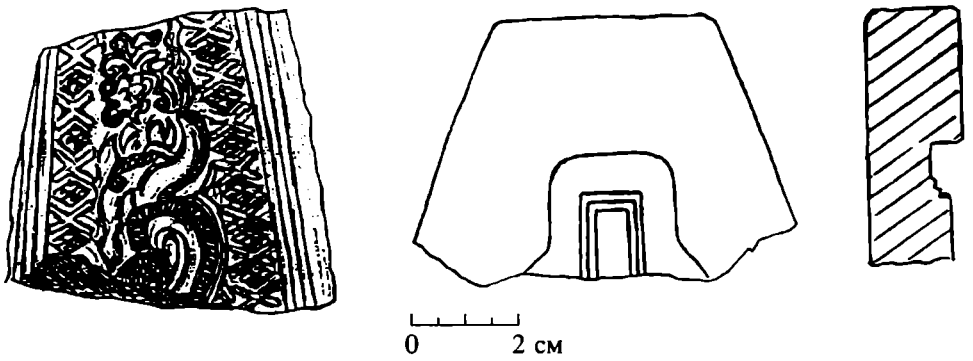


Рис. 7, 8. Обломок глиняной формы

ные от плоскости разъема стенки рабочей полости замками – их вертикальный угол становился больше 90°. Такая доработка, видимо, не принципиальная для мастера, оказалась очень информативной в ходе дальнейшего исследования.

Иную технологию изготовления имеют формы типа 1г, 3а. Их изображения вырезаны по подвяленной необожженной глине в технике, более всего сходной с резьбой по ганчу или стуку, распространенной в Средней Азии и Золотой Орде. Следы резки отчетливо прочитываются. Характер углублений на формах жесткий, стенки прямолинейны, а по бокам выпуклых линий на отпечатках видны две бороздки от острия инструмента.

Астраханский образец формы типа 1б имеет особенность – вход в устье, через который форма заполнялась материалом, уже после обжига расширен. Край устья сточен на расстоянии 12 мм от края, граница сточки отмечена тонко прочерченной линией, т.е. масса материала, оставшаяся за указанной линией после заполнения формы для функции готового изделия роли не играла и скорее всего после формовки удалялась по заранее отчерченной границе. Подобная линия, но уже без сточки, обнаружена также на типах 1а, 2а, 3а, именно ее следует считать низом предполагаемого изделия.

Обратная сторона форм тщательно заглажена и закруглена инструментом типа плоской палочки. На обратной стороне некоторых форм прочерчены знаки, обеспечивающие их точное совмещение в процессе эксплуатации.

III. Технология изделия

Нами был проведен ряд экспериментов по заполнению рабочей полости форм материалами, использовавшимися во время Золотой Орды. Цель экспериментов – установление наиболее вероятного материала предполагаемого изделия. Экспериментально и теоретически были рассмотрены глина, металл, стекло, гипс, органические вещества и их смеси.

Опыты с глиной показали, что она по технологическим параметрам – идеальный материал для заполнения форм. С каждой из форм по несколько раз, используя технику отмина, были получены очень качественные отпечатки, передающие мельчайшие детали изображения. После 15–20-минутного подвяливания глиняные отпечатки, находящиеся еще в пластическом состоянии, но уже имеющие некоторую линейную усадку за счет испарения воды с открытой поверхности и частичного ее всасывания в пористый материал форм, без затруднений извлекаются из рабочей полости. Следов глины в форме не остается.

Вторым исследуемым материалом был металл как наиболее вероятный, согласно гипотезе Волкова И.В. (1995, с. 27). Авторам посчастливилось провести эксперимент с подлинными формами, любезно предоставленными частным коллекционером. Целая форма, без дефектов, из двух полуформ, – полный аналог типа 1г из собрания Астраханского музея.

В качестве металла для заполнения формы был избран алюминиевый сплав АЛ-9, обладающий хорошими литейными свойствами, линейной усадкой, характерной для большинства металлов, и относительно невысокой температурой плавления (Городничий Н.И., 1989, с. 13).

Заливку проводили согласно общеупотребительной технологии литья. В стальном тигле, в пламени газовой горелки, необходимое количество металла было разогрето до температуры заливки (800°), параллельно с этим две полусферы, связанные проволокой, были прогреты до температуры 400° для выпаривания воды и выжигания органических веществ, способных дать интенсивное газовыделение, после чего в устье формы был залит металл. Выплесков и вытеков металла через щели разъема не было. Металл остыл и дал усадочную раковину. Однако попытки разъять полуформы оказались безуспешными. Только после многократных усилий удалось извлечь изделие. Оказалось, что: а) выход готового изделия в плоскость разъема полуформ невозможен из-за многочисленных зацепов металла и стенок полуформ, обусловленных имеющимися в каждой полуформе замками, о которых говорилось ранее, а также многочисленными замками на изображениях; б) материал полуформ расслоился, почти все изображение оказалось вырванным обхватившим его металлом; в) верхняя часть отливки изобиловала газовыми раковинами; г) на поверхности полуформ образовался характерный слой пригара, проникающего через поры на глубину до 3 мм.

Все это наглядно показало, что извлечение из формы изделия, отформованного из любого жесткого к моменту извлечения материала (будь то металл, стекло или гипс) невозможно без технологического разрушения формы. Однако весь известный нам археологический материал не несет на себе следов искусственного технологического разрушения. Помимо того, формы (с учетом степени износа и явных доработок в процессе эксплуатации) предназначались для многократного использования.

Следует привести еще ряд аргументов в опровержение гипотезы Волкова И.В. 1) Не отмечена локализация находок возле литейных мастерских; напротив, зафиксированы случаи находок обломков форм в бытовых мусорных ямах городских усадьб (Федоров-Давыдов Г.А. и др., 1986).

2) Рабочая полость фрагмента формы (рис. 8) покрыта глазурью зеленого цвета. Глазурь наложена равномерно по всей плоскости рабочей полости и ее стенкам, в то же время нигде не выходя на плоскость разъема, что исключает ее случайное попадание в форму. Это несовместимо с литейной технологией.

3) Технология литья с "выплеском" (правильное техническое название – литье намораживанием) известна с древности до наших дней и обладает рядом устойчивых как достоинств, так и недостатков. Главное достоинство – возможность получения полых, относительно тонкостенных, изделий без применения стержня. Недостатки – "неравномерность толщины отливки, шероховатость и бугристость свободной поверхности, неравномерность структуры по толщине стенки, наличие пористой зоны" (Специальные способы литья..., 1991, с. 568). Эти недостатки не позволяют использовать данную технологию при литье колоколов и колоколоподобных инструментов, в том числе ботал. И на Востоке, и на Западе колокола и колокольчики отливались по технологии выплавляемой модели (Колокола..., 1993, с. 155).

4) Известные средневековые, в том числе ордынские, литейные формы, предназначенные для технологии литья намораживанием, имеют два отверстия: одно для впуска металла, другое – для выпуска (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с. 184). Ничего подобного на исследуемых объектах нет. Нет вообще никаких следов литниковой системы, обязательной для литейной формы и присутствующей на ордынских действительно литейных формах.

5) Колокола и колоколоподобные инструменты всех культур (если они металлические) имеют в горизонтальном разрезе форму круга или (что гораздо реже) овала, с отношением осей не более чем 1:2 (Колокола..., 1993, с. 236–271). Горизонтальный разрез рабочей полости исследуемых форм дает вытянутый щелевидный прямоугольник с отношением сторон 1:4. Помещение внутрь такого прямоугольника звуко-

извлекающего языка, и раскачивание его в любой плоскости, дает в лучшем случае тихий царапающий скрежет.

Из вышесказанного следует вывод: исследуемые формы не предназначались ни для литья ботал, ни для литья металла вообще.

Следующей большой группой материалов, способных заполнить рабочую полость, оказываются органические вещества. Эта группа очень обширна (воск, мед и др. пищевые продукты). Но именно применение органических веществ представляется нам наиболее вероятным. Только такое решение вопроса разумно объясняет одну из главных загадок этой группы предметов – отсутствие изделия при самом широком распространении форм для его изготовления.

О материале изделия на сегодня определенно можно сказать только то, что и в момент заполнения формы и в момент извлечения он должен находиться в пластичном состоянии, причем пластичность от момента заполнения до начала функционирования извлеченного предмета должна уменьшаться, в конечном итоге (уже после извлечения) предмет должен был набрать относительную жесткость, способную выдержать его подвес за одну точку.

IV. Анализ предметных свойств

По обмерам рабочих полостей форм и по слепкам с них мы наглядно можем представить большинство физических параметров получаемых в них предметов (линейные размеры, конфигурацию, объем, ориентацию в пространстве), за исключением материала и соответственно веса.

Анализ этих параметров дает определенную информацию. Предметы, получаемые в формах, имели следующие, общие для всей группы, свойства.

1) Изображение находится с двух наибольших сторон предмета, боковые плоскости и дно от изображения свободны. 2) Все предметы имели ушко. 3) Предметы зеркально симметричны в двух плоскостях относительно одной вертикальной оси. 4) Основание перпендикулярно оси симметрии и горизонтально. 5) Основание везде у́же верха, центр тяжести находится ниже геометрического центра. 6) Ушко находится на оси симметрии, проходящей через центр тяжести. При свободной подвеске за ушко ось симметрии предмета (и изображения) совпадает с направлением силы земного тяготения. Предметы с такими свойствами наименее подвержены боковым колебаниям и устойчиво сохраняют массу покоя. К таким предметам относятся, например, строительный отвес, колокол, потолочная люстра и т.д., всех их объединяет одно – функция вертикального подвеса за одну точку.

Есть и прямое свидетельство тому, что ушко предназначено для подвеса. Если на большинстве исследуемых объектов ушко не разработано и представляет собой монолитный объем, то на фрагменте формы (рис. 8) на ушке четко обозначено прямоугольное отверстие, а края ушка усилены.

Все предметы имеют индивидуальные неповторяющиеся контуры и различия в линейных размерах, иногда значительные, тем не менее ушко у всех предметов приблизительно одинаково, его величина колеблется в пределах 16 × 16 мм. Контуры предметов и изображения на них явно связаны в едином пропорциональном строе, ушко же ему не подчиняется, оно также выделено из системы предмет – изображение своей толщиной, так как тоньше предмета на 1/3.

Все это позволяет сделать вывод: одна из предметных функций предполагаемого изделия – подвес, причем наличие равнозначных изображений на обеих сторонах исключает подвес вдоль какой-либо опоры.

V. Формальный анализ изображений

1. Контуры изображения и контуры предмета совпадают. 2. Большинство изображений зеркально симметричны относительно одной вертикальной оси, т.е. главная композиционная ось и ось симметрии точно совпадают. Из других типов симметрий в построении изображений участвуют переносная (типы 1в, 4а), но она играет подчиненную роль. Поворотная и цветовая симметрии на астраханских образцах отсутствуют вовсе, хотя поворотная незначительно присутствует в формах Саратовского музея. Зеркальной симметрии подчинено не только изображение в целом, но и отдельные элементы внутри него. Так, в типе 1г верхняя и нижняя части композиции также зеркально симметричны в отрыве от изображения в целом, то же прослеживается на других типах. 3. Все изображения – это выпуклый плоский рельеф, т.е. объем на объемном предмете. 4. Площадь изображения составляет в среднем 62% от функциональной площади предмета.

Эти четыре пункта анализа выявляют жесткую и целенаправленную связь изображения и предмета, его несущего, и позволяют утверждать, что на исследуемых предметах изображение носило не только декоративный (украшательский) характер, но и функциональный, несло в себе смысл, понятный его пользователям. Многие формальные свойства изображения точно совпадают с физическими свойствами предмета как такового (тип симметрии, характер контура, ориентация в пространстве).

5. Фон гладкий и глухой (за исключением тип 4а). Это свойство исследуемых изображений представляется нам чрезвычайно важным. В интересующее нас время повсеместно: на исламском Востоке, в Византийском мире, охватывающем Балканы и Русь, на Западе – торжествовал совершенно иной подход к проблеме фон – изображение. Этот подход принято называть "принципом боязни пустоты" (Даркевич В.П., 1975, с. 188, 215; Традиционное искусство..., 1997, с. 266, 267). Суть его заключалась в том, что на большинство изделий художественного ремесла с XI–XII вв. фон сплошь заполнялся орнаментом без лакун, причем на Востоке под влиянием "иранской концепции орнаментализации" (Традиционное искусство..., 1997, с. 226) перешли к еще более сложным формам орнаментальных композиций, где изображение само становилось лишь элементом орнамента. В пределах культуры Золотой Орды такой подход ярко выражен на образцах поливной керамики.

На исследуемых объектах изображение жестко противопоставлено глухому плоскому фону. Фон не просто плоский – весомость, зримость, материальность гладкого фона подчеркивается набором формообразующих приемов.

6. Ракурсы не используются. 7. Никакие элементы перспективы не используются. 8. Элементы композиции нигде не перекрывают друга друга. (Небольшое отступление от этого принципа есть в типе 1б; где круп животного частично перекрывает ствол дерева, однако все остальные элементы композиции этому принципу подчинены). 9. Натуралистическая масштабность не соблюдается. 10. Детали по всему изображению проработаны равномерно. 11. Изображения в целом имеют ярко выраженные верх, низ, правую и левую стороны. 12. Все элементы композиции (животные, растения) изображены с максимально информативной точки зрения (птица в фас, заяц в профиль и т.д.).

Подобный стиль изобразительности хорошо известен и именуется архаичным в понимании архаики как начального периода развития изобразительной культуры. Он характеризуется такими свойствами, как фронтальность, монументальность, плоскостная двухмерная трактовка формы, специфическое решение проблемы фон – изображение и т.д. Все эти черты присутствуют на исследуемых изображениях.

По мере развития общества архаика теряла главенствующее положение в культуре, но никогда не исчезала вовсе, находя прибежище в низовых, простонародных слоях культуры, которые сохранили архаические принципы вплоть до XX в. (Примитив..., 1983). Активно заимствуя из верхнего, профессионального, искусства сюжеты, персонажей, стилевые элементы, низовая культура активно приспосабливала и

перерабатывала их для своих целей, оставаясь незыблемой прежде всего в области композиции и формообразования.

По формальным свойствам данная группа изображений относится именно к низовым, народным слоям культуры Золотой Орды, а широчайшее распространение, большая вариантность, тиражный характер форм, из которого следует огромное количество экземпляров изделий, только подтверждают это. Непрофессиональный, небрежный характер исполнения некоторых образцов говорит о том же.

Еще раз следует вернуться к принципу центральной зеркальной симметрии, которому подчинены и предмет как таковой, и изображение и который лежит в основе всех композиционных схем этой группы предметов независимо от сюжета. Этот принцип настолько важен для создателей исследуемых изображений, что когда тот или иной элемент сюжета нарушает симметрию, то для ее сохранения они идут на всяческие, подчас хитроумные, ухищрения: так, в типе 1в фигура зайца, исполненная в соответствии с принципом максимальной информативности (в профиль) вступает в противоречие с симметрией, но она обведена индивидуальной рамой (замкнута в круг), которая и возвращает утраченную симметрию. Таким же приемом воспользовались в типе 2а.

Еще интереснее тип 1б. Если в других типах отклонение от принципа центральной симметрии присутствует только на уровне нюанса, то здесь отклонение более существенно – ствол дерева сдвинут влево, движение животных направлено также влево, правая и левая стороны изображения различаются во многих деталях, тем не менее симметрия изображения в целом удерживается. Это достигается рядом искусных приемов: движение влево останавливается и возвращается поворотом головы животного, появляются три элемента на одной горизонтальной оси, правый из которых – это хвост самца, а два других ничего не изображают, а лишь служат удержанию симметрии, средний из них (равноудаленный от крайних) находится точно на оси. Масса изображения распределена по фону очень равномерно. Внизу появляется неизобразительный элемент, который доводит число касаний изображения и нижнего края рамы до симметричного числа 10, а задняя нога первого животного и передняя нога второго опять-таки ограничивают точно ось.

Из всех известных нам изображений только одно не попадает под принцип центральной симметрии. Это форма с драконом, опубликованная Баллодом В.Ф. (1923, с. 150), но и здесь, если линейный рисунок несимметричен, то масса изображения распределена весьма равновесно и форма в целом визуально симметрична.

VI. Анализ сюжетов и семантика изображений

Предметный набор материальной культуры Золотой Орды подробно изучен. Данная группа предметов по частоте встречаемости, географии распространения должна быть отнесена к основному комплексу, но в отличие от многих других предметов эта группа несет на себе очень разнообразный и информативный изобразительный ряд, сохраняя при этом устойчивые предметные параметры.

Тип 1а. Полностью вписывается в хорошо известную схему, получившую название "мировое древо" (подробнее см.: Мифы..., 1991, т. 1, с. 398–406, там же список литературы). Все элементы такой изобразительной схемы присутствуют на исследуемом изображении. Само дерево обозначено процветшими ветвями (прием – часть вместо целого), птицеобразное существо соотнесено с верхом (небом). Изображение существ с женским лицом и телом птицы широко использовалось во всем средневековье. В византийской традиции они изображались простоволосыми, в мусульманской, особенно иранской, – в короне или шапочке (Даркевич В.П., 1975, с. 194–196, илл. 70, 301, 302), такие же изображения известны в Средней Азии XI–XII вв. (Ремпель Л.И., 1978, илл. 44). Почти аналогичное изображение, трактуемое как хан Гаруда, известно в позднем монгольском искусстве (Мифы..., 1991, т. 2, с. 173).

Нижний горизонтальный ряд образует пара копытных. "Вся последовательность элементов по горизонтали воспринимается как сцена ритуала, основная цель которого – обеспечение благополучия, плодородия, потомства и богатства" (Топоров В.Н., 1975, с. 401).

Контур изобразительного поля в целом (трапеция с закругленным верхом) на данных изображениях, исходя из образа мирового древа, может быть раскрыт как обобщенное изображение обитаемого мира. Нижний горизонтальный край этой трапеции – земля, верхний закругленный – небесный свод, бывший, в представлении древних, твердым и своими краями (боковые стороны трапеции), опускающийся на землю. Между сводом и землей находится небо, пронзенное, как осью, мировым древом, в кроне которого находится крылатое существо (посредник между верхом и низом), на земле – участники ритуала в виде жертвенных животных.

Смысловая ось изображения (мировое древо) совпадает с композиционной осью, которая, в свою очередь, совпадает с формальной осью изображения (ось центральной зеркальной симметрии), совпадающей с осью предмета как физического объекта. Все компоненты данного предмета: материальные, изобразительные и идеальные – жестко взаимосвязаны друг с другом на всех уровнях.

Тип 1б. В семантике – то же самое, что и тип *1а* – мировое дерево, пронизывающее небо, и пара копытных у его подножья. Посредник между небом и землей отсутствует. Сюжет чрезвычайно распространен и имеет множество аналогов. Изображение гораздо более свободное, чем в типе 1а, но заформализовано в структуру мирового древа при помощи приемов, оговоренных в анализе изображения. Мотив оленя под деревом считается заимствованным из дальневосточной торевтики (Федоров-Давыдов Г.А., Дворниченко В.В., 1993). В культуре Золотой Орды такой мотив отмечен на чаше (Федоров-Давыдов Г.А., Дворниченко В.В., 1993).

Тип 4а. Изображены два знака, один над другим. Нижний касается основания (земли); верхний находится в небе. Трансформация нижнего знака из элементов растительного орнамента прослежена Ремпелем Л.И. (1978, с. 112–175, илл. 89). Смысл знака – растения или дерево. Нам известно использование этого знака в композициях с изображением парных животных (панно из дворца правителей Термеза (Ремпель Л.И., 1978, илл. 95), т.е. в композициях типа мирового древа (см. также: Даркевич В.П., 1975, с. 198).

Верхний знак – это исламская переработка ирано-сасанидского мотива парных крыльев (Ремпель Л.И., 1978, с. 112–175). Вид, изображенный на форме, он приобрел в Средней Азии XI–XII вв. и использовался в архитектурном орнаменте. На сюжете данного типа в условной знаковой форме изображено крылатое существо над деревом, т.е. семантика совпадает с типами 1а и 1б.

Здесь следует обратить внимание на закономерность, присущую всей группе форм: чем более детально натуралистично, фигуративно разработано изображение внутри контура, тем спокойнее, плавнее сам контур, и наоборот – как только изображение внутри контура упрощается, схематизируется, контур становится активным, на нем появляются изломы, впадины, он ритмизируется, т.е. берет часть визуальной, а значит, и семантической нагрузки на себя. Причем все трансформации происходят с частью изображения, играющей роль неба. В таких упрощенных формах настойчивее проявляются черты исламской стилистики.

На опубликованной Баллодом В.Ф. (1923, рис. 30) форме, относящейся к типу 2а, и форме типа 4а сюжет – дракон, причем однозначно в китайском варианте. Китайское влияние на изобразительную культуру средневекового Востока широко известно. Изделия с драконом известны и в Золотой Орде (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с. 203, 205, 206). Однако связь дракона с данной группой предметов представляется нам глубже. В Китае и у кочевых народов, заимствовавших этот культ, дракон Цин Лун – повелитель грома и вод, не в последнюю очередь вод небесных, т.е. олицетворение сил плодородия, посылаемых небом на землю. В астраханской форме дракон ориентирован в движении сверху вниз на цветущем фоне и являет собой нисхождение

сил плодородия. Линейный орнамент на фоне – косые четырехлистники, перемеженные меньшими по размеру четырехлепестковыми цветами, – украшает также портал мечети, изображенный на иранской миниатюре XVI в.

Тип 1в. Сюжет – заяц, держащий в лапах трилистник, изображенный в круге над стремящимися вверх растениями. Изображения зайцев, одиночных или стоящих по сторонам дерева, были распространены в искусстве ислама (Даркевич В.П., 1975, с. 202). Зайцы иногда изображались предстоящими животными в композициях типа мирового древа (Даркевич В.П., 1975, илл. 317); изображение зайца на поливной керамике Золотой Орды (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с. 130).

Однако выделение зайца в центральный персонаж заставляет вспомнить другой популярный дальневосточный лунарный миф, распространенный также в Центральной и Средней Азии (Календарные обычаи..., 1989, с. 90). Считалось, что на луне живет заяц, сидящий под кроной дерева бессмертия, и тогда круг, помещенный в верхней части композиции (на небе) может быть луной.

Тип 2а. Верх формы (небо) активно разработан системой из пяти выпуклых и вогнутых полукружий. Прием разработки полустрельчатой арки системы полукружий характерен для исламского искусства. В центральном медальоне помещено изображение кошачьего животного (лев). Мотив льва, в том числе и льва с загнутым вверх хвостом, в круглом медальоне – общий для средневекового Востока X–XV вв. (Мифы..., 1991, с. 190, 191), для Золотой Орды известен по чашечке из V века (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с. 206).

Тип 1г. Сюжет не вычитывается. Небо отделено трехчастной волнистой линией и заполнено растительным изображением. В центре находится изображение, напоминающее плод и состоящее из девятилучевого цветка, обрамленного растительным орнаментом. На одной из полуформ астраханской коллекции вокруг "плода" справа и слева размещено еще по одному цветку, от которых вверх тянутся веточки, но мастер отказался от прорезки этого дополнительного изображения. Стилистика изображения близка к резным ганчевым панелям.

Полный ряд мотивов, известный нам по образцам и публикациям, составляют: лев, заяц, олени возле дерева, человеко-птица над оленями, птица типа сокола, дракон, лев, терзающий быка, одноглавый орел, двуглавый орел, хищная птица с короной в виде полумесяца, лев, терзающий дикого осла, безрогие копытные. Некоторые формы имеют изображения орнаментального характера и из них предметный сюжет не вычитывается. В сюжетах активно используются растительные элементы (стилизованные в разной степени цветы и трилистники).

Ядро представленного сюжетного ряда является общим для всех средневековых культур Востока от Византии до Средней Азии и восходит к ирано-сасанидскому изобразительному комплексу. Элементы, сюжеты, мотивы этого комплекса активно использовались всеми культурами во всех жанрах, но преимущественно в области художественных ремесел. На исследуемых объектах к этому изобразительному комплексу присоединены сюжеты и мотивы Дальнего Востока (драконы, трактовка зайца, мотив оленя под деревом); кроме того, отчетливо прослеживаются следы влияния исламской культуры (стилистика отдельных элементов, замена фигуративных изображений на абстрактно-орнаментальные при сохранении семантического смысла, геометризм), ряд черт носит характер, свойственный среднеазиатской культуре.

Согласно теории искусств, территорией, на которой в XI–XII вв. и особенно в XIII в. произошел сплав ирано-сасанидских элементов, среднеазиатского влияния (как непосредственного, так и через "сельджукское искусство" (Традиционное искусство..., 1997, с. 226) и мотивов дальневосточной культуры, были Средняя Азия и Иранское нагорье, особенно, когда "монголы, разгромив халифат, создали государство в своих вкусах, ориентированное на культуру Китая" (Традиционное искусство..., 1997, с. 28).

Увлечение Китаем доходило до открытой поддержки буддизма правящей монгольской верхушкой. Интересно, что на стенах буддийской кумирни в Мерве (XIV в.)

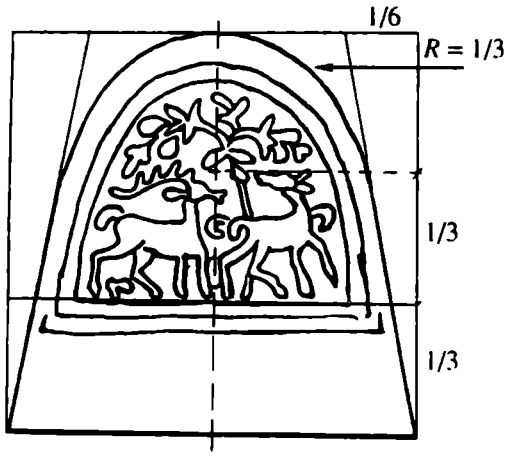


Рис. 9. Схема обмеров глиняной формы

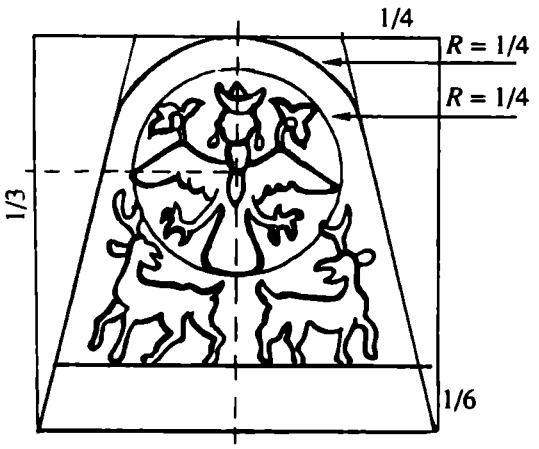


Рис. 10. Схема обмеров глиняной формы

сюжетный ряд росписей во многом совпадает с сюжетным рядом на формах (Пугаченкова Г.А., 1954).

Вопрос о проникновении такого изобразительного комплекса на территорию Золотой Орды остается открытым, хотя о китайском влиянии на золотоордынскую культуру неоднократно писалось (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с. 205, 206).

По ряду свойств: фронтальный, плоскостной, статичный характер изображений, отсутствие общеупотребительной сплошной орнаментации фона, отсутствие еще ряда элементов, обязательных для товарных художественных ремесел того времени (плетенки, Х-образные элементы) – данные изображения относятся к низовым архаичным слоям культуры.

В низовых слоях композиционные схемы и сюжеты, которые в верхнем искусстве давно утратили смысл и превратились в чистую декоративность, оставались осмысленными, хотя бы на уровне предания и традиции. Смысл данных изображений в самом общем порядке сводится к пожеланию благополучия, плодородия, возобновлению животворящих сил природы. Обряды и ритуалы с таким смыслом хорошо известны у всех народов Евразии, связаны они были, как правило, с завершением одного годового цикла и началом нового, и проводились они в осенне-зимний период, при их проведении нередко изготавливались ритуальные жертвенные предметы из органических веществ (обычно из съестных продуктов).

Исходя из всего вышесказанного, мы предполагаем, что данные формы предназначались для изготовления обрядовых предметов, участвовавших в низовых культах плодородия. Областью применения данных предметов могла быть обрядовая кулинария. Заслуживает интереса также традиция кочевых народов по изготовлению талисманов "мюрде", по форме и размерам чрезвычайно похожих на исследуемые, которые изготавливались из особой смеси трав, благовоний и необожженной глины (Старокалмыцкое искусство, 1991, с. 31, 32).

Так как не представляется вероятным обнаружить когда-либо образец изделия, подспорьем в большем раскрытии данного вопроса могла бы стать этнография прежде всего тюркских и иранских народов.

VII. Метод построения форм и изображений на них

При обмере рабочих полостей форм и слепков с них выяснилось, что ряд изображений (1а, 1б, 1г, 3а) с большой точностью вписывается в квадрат, сторона которого равна наибольшей величине рабочей полости в устье (рис. 9).

Замер угла схождения сторон 1а, 2а дал величину, равную 29°. Такой и только такой угол схождения сторон трапеции получается при соединении углов квадрата и

Распределение пропорций по типам форм

Геометрические соотношения	Типы форм						
	1а	1б	1в	1г	2а	3а	4а
Отношение сторон описанного прямоугольника	1	1	1	1	1,4	1	2(?)
Величина, от которой зависит угол схождения сторон	1/4	1/4	1/6	1/6	1/4	1/4	1/8
Основной модуль изображения	1/3	1/3	1/3	1/4	1/4	1/3	?

точек на его противоположной стороне, отстоящих от противолежащих углов на величину, равную 1/4 стороны.

Это позволило высказать предположение, что контур рабочей полости и изображения на них построены при помощи простейших геометрических операций с квадратом и его производными. Дальнейшие исследования это полностью подтвердили. Оказалось, что не только внешние контуры изображений, но и их внутренние членения, размеры элементов, их расположения относительно друг друга подчинены единой системе разбивки стороны квадрата на отрезки, равные 1/2, 1/3, 1/4, 1/5, 1/6, 1/8, 1/9, 1/10 ее величины, т.е. при помощи простейших операций с циркулем и линейкой.

Такой метод построения давно известен и описан в ряде работ (Борисовский Г.Б., 1989; Шевелев И.Ш., 1986; Раушинбах Б.В., 1975) применительно к исламскому искусству; детальнее всего – Л.И. Ремпелем. Способ построения исследуемых форм – это частный и простейший случай системы построения среднеазиатских гирихов. Существует множество способов членения сторон квадрата на отрезки, равные указанным величинам, при помощи циркуля и линейки. Они просты, доступны, не требуют специальных знаний и широко применялись в средневековье в основном в архитектуре и художественных ремеслах.

Опуская громоздкие расчеты, мы приводим две схемы и сводим остальные сведения в таблицу (см. таблицу и рис. 9, 10) с необходимыми комментариями.

1. Формы вписаны в: квадрат, два квадрата, прямоугольник со сторонами, равными стороне квадрата и его диагонали.

2. Угол схождения сторон форм равен одной из трех величин, обусловленных отсечением от верхней стороны описанного прямоугольника 1/4, 1/6 или 1/8 стороны квадрата, лежащего в его основе.

3. Формы, вписанные в два квадрата (удлиненные), имеют угол схождения сторон, обусловленный отсечением 1/8.

4. Внутренние членения изображений зависят от одной произвольно выбранной величины, кратной либо 1/8, либо 1/6 основного квадрата.

Нам удалось обнаружить не только умозрительные, но и наглядные свидетельства применения подобных построений при изготовлении форм – на астраханском образце тип 3а имеется сохранившийся след разметочного циркуля средневекового мастера, которым он отсек низ Х-образного элемента. След циркульной дуги хорошо прослеживается на всем протяжении. Ее радиус равен 1/2 стороны основания, а центр находится точно в точке касания оси и основания изображения. В зависимости от этой системы находится и толщина изготавливаемых предметов, она равна 1/4 стороны основного квадрата. Предмет и изображение на нем построены одним и тем же способом. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Формы не предназначались ни для литья ботал, ни для литья вообще. 2. Материал предмета должен был обладать пластичностью к моменту разъятия полуформ.

Наиболее вероятным материалом представляется органика, поэтому предметы не могли сохраниться до нашего времени. 3. В функцию предмета входил подвес его за одну точку. 4. Предметы применялись в обрядах, связанных с культом плодородия и возобновления жизненных сил. 5. Изображения на формах восходят к общесредневековому ирано-сасанидскому комплексу с включением среднеазиатского, дальневосточного и общеисламского влияний и имеют аналоги в культуре Золотой Орды. 6. Формы и изображения на них построены способом членения квадрата на производные при помощи циркуля и линейки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акунова Л.Ф., 1984. Технология производства и декорирования художественных керамических изделий. М.

Баллод В.Ф., 1923. Приволжские Помпеи. М.; Пг.

Волков И.В., 1988. Атрибуция нескольких золотоордынских вещей из Азова // Итоги исследования Азово-Донецкой экспедиции в 1987 г. Азов.

Волков И.В., 1995. Армяне в Золотой Орде (археологические свидетельства) // Сб. тез. региональной науч. конф. "Проблемы взаимодействия национальных культур". Ч. 2. Астрахань.

Городничий Н.И., 1989. Литейное производство цветных металлов и сплавов. М.

Даркевич В.П., 1975. Светское искусство Византии. М.

Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1993 г., 1994. Вып. 13. Азов.

Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии, 1989. М.

Колокола (история и современность), 1993. М.

Крымнина М.М., 1977. Литейные формы из золотоордынских городов Нижнего Поволжья // СА. № 3.

Мифы народов мира, 1991. Т. 1–2. М.

Перевозчиков В.И., 1996. Классификация археологического материала золотоордынского времени по материалам раскопок и сборов 1960–90 гг. Азов.

Примитив и его место в культуре Нового и Новейшего времени, 1983. М.

Пугаченкова Г.А., 1954. Буддистская кумирня в Мерве // КСИИМК. Вып. 54.

Раушинбах Б.В., 1975. Пространственное построение в древнерусской живописи. М.

Ремпель Л.И., 1978. Искусство Среднего Востока. М.

Рязано-Уральская железная дорога и ее район, 1913. СПб.

Специальные способы литья (справочник), 1991. М.

Старокалмыцкое искусство, 1991. Элиста.

Топоров В.Н., 1975. Мифы народов мира. Т. I. М.

Традиционное искусство Востока (терминологический словарь), 1997. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Новый Сарай по раскопам 1963–64 гг. // СА. № 2.

Федоров-Давыдов Г.А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.

Федоров-Давыдов Г.А., Дворниченко В.В., 1993. Сарматское погребение Скептуха I в. н.э. у села Косика Астраханской области // ВДИ. № 3.

Федоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л., Зиливинская Э.Я., Булатов Р.М., 1986. Отчет о раскопках на Селитренном городище в 1985 г. Альбом. М.

Феодоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л., Зиливинская Э.Д., 1987. Отчет о раскопках на Селитренном городище в 1986 г. Альбом. Ч. 2. М.

Фомичев Н.М., 1978. Раскопки в Азове // АО–1977.

Шевелев И.Ш., 1986. Принцип пропорций. М.

Астраханский государственный областной
историко-археологический Музей-заповедник
Астраханский художественный фонд

E.M. PIGARYOV, S.Yu. SKISOV

MOULDS FOR CASTING RITUAL OBJECTS FROM URBAN SETTLEMENTS OF THE GOLDEN HORDE
(from the Astrakhan museum collections)

Summary

In the course of archaeological investigations conducted in the territory of the Golden Horde urban sites a number of clay moulds designed for casting unclear objects were recorded. Similar moulds are known from numerous museum collections in Russia and the CIS. They were supposed to be used for cattle bells' casting. The authors have undertaken complex investigations of the moulds in question, they came to a different conclusion. They suggest that the moulds were designed for producing artefacts used in the rites connected with fertility cult and restoration of vital energy.

В.А. БУРОВ

НАСТИЛ ПОД ПУШКУ КОНЦА XVIII в. ИЗ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ

Развитие крепостной артиллерии привело к созданию специальных деревянных помостов под пушки, устанавливавшихся в бойницах подошвенного боя. Особенно широкое распространение эти помосты получили в XVIII–XIX вв. Однако несмотря на сравнительно малый исторический период, отделяющий нас от того времени, современной науке не известен ни один целый подобный деревянный настил. Дерево быстро гниет, превращаясь в тлен. И если в середине прошлого столетия военные историки еще имели возможность судить о подлинных платформах (Ласковский Ф., Болдырев Н., 1864, с. 77–80; Чертежи..., 1864, л. V, чертеж 5), то к началу XXI в. этот шанс оказался полностью утрачен.

Данный пробел может восполнить лишь археология. В связи с этим каменная крепость Соловецкого монастыря, построенная в конце XVI в. (Косточкин В.В., 1972, с. 33–38; Буров В.А., Скопин В.В., 1985, с. 58–70) и поддерживавшая свою обороноспособность вплоть до рубежа XVIII–XIX в. (Васильев, 1790), представляет исключительный интерес. В 1976–1977 гг. на южном участке крепостной стены между Белой и Прядильной башнями в печурах были выявлены остатки двух настилов под пушку XVIII–XIX вв. Их конструкция изучена по отпечаткам трухлявых бревен-лаг в песчаной подсыпке и по остаткам истлевших плах (Буров В.А., 1977, с. 9, 10; 1978, с. 9; 1984а, с. 513–515; 1984б, с. 94).

Еще одна, уникальная по своей сохранности, деревянная платформа под пушку была обнаружена в 1999 г. в 4-й бойнице подошвенного боя к северу от Архангельской башни (рис. 1). Находка залегала на глубине 0,9–1,3 м от современной поверхности под мощным слоем мусора XX в., а также под слоями щепы, извести, битого кирпича и четырьмя разновременными деревянными хозяйственными настилами XIX в. (рис. 2). Поверхность настила находилась ровно на 1 аршин (71 см) ниже амбразуры.

Дерево плах пушечного настила осталось прочным, выдерживало вес человека, при этом доски не прогибались. Столь хорошая сохранность объяснялась двумя обстоятельствами. Во-первых, на данном участке, обращенном к Святому озеру, достаточно высокий уровень грунтовых вод, что связано с резким поднятием зеркала водоема в 1890-е годы. Кроме того, в направлении нашей бойницы с территории монастыря постоянно шел и продолжает идти сток дождевых вод, последствия которого мы испытали в ходе раскопок, когда после дождя бойница вместе с настилом оказалась сильно подтоплена. Во-вторых, настил под пушку был перекрыт тонким (2–5 см), но сильно спрессованным слоем щепы и коры, который "закупорил" настил сверху, ограничив к нему доступ воздуха.

Теперь нам представлен уникальный случай детально со многими подробностями изучить этот настил и узнать, как в реальной жизни воплощалась его конструкция, созданная военными инженерами.

Настил под пушку состоял из трех конструктивных элементов: плах, верхних боковых прижимных досок и лаг. В общей сложности платформа была собрана из 24 деталей. Все они были нами маркированы, получили единую нумерацию. Это 18 плах (№ 1–18), две боковые прижимные доски (№ 19–20), три большие длинные лаги (№ 21–23) и малая дополнительная лага (№ 24) (рис. 3). Форма настила – вытянутая по

© В.А. Буров, 2000 г.

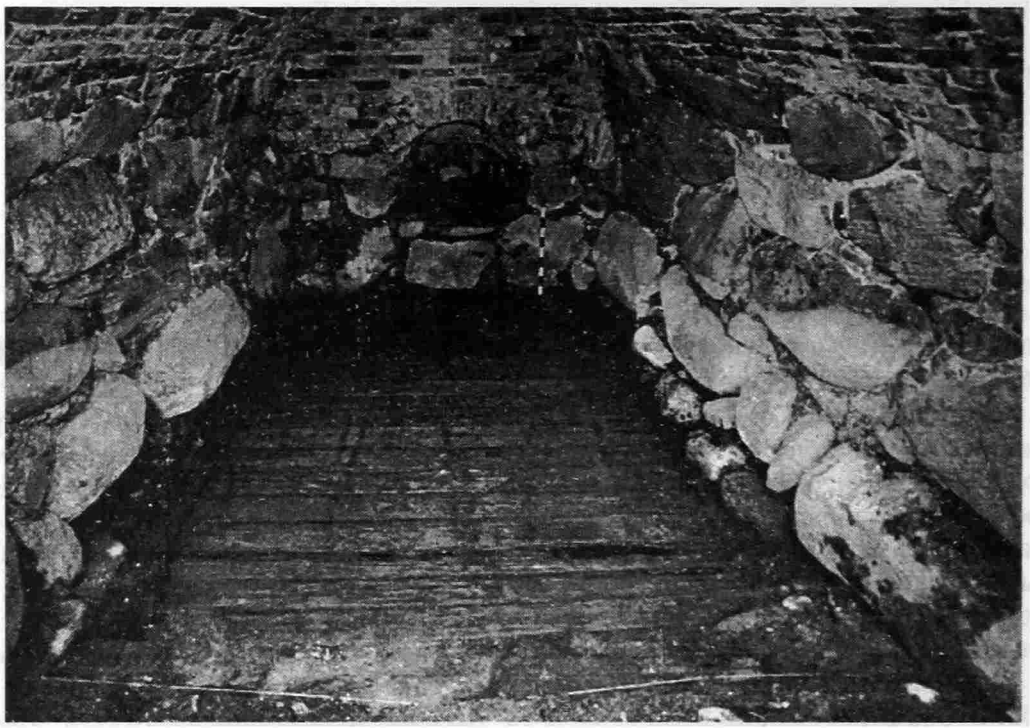


Рис. 1. Настил под пушку в бойнице подошвенного боя. Общий вид с запада. Август 1999 г.

направлению к амбразуре трапеция, верхняя сторона которой равна 2,87 м, нижняя 3,51 м, правая грань 3,8 м, левая 4 м; высота трапеции 3,86 м. Платформа занимала не всю площадь бойницы подошвенного боя, а располагалась в ее глубине в 1 м от входа в печуру.

Поверхность платформы под пушку казалась идеально ровной. Верхняя сторона всех плах затесанная. Плахи почти вплотную примыкали друг к другу без уступов и были хорошо подогнаны (рис. 4), хотя между некоторыми из них все же имелись щели шириной до 2–8 мм. Нивелировочные отметки[1] правого южного края настила составляли –154/–156, т.е. с разницей всего в 2 см, северного левого края –151/–159, с разницей в 8 см. По центру перепад высот поверхности равнялся 4 см с уклоном в сторону амбразуры (–152/–156).

Все 18 плах колоты из бревен диаметром 0,16–0,30 м (рис. 5). При этом 16 плах имеют ширину в пределах 0,18–0,22 м, одна (№ 9) – 0,16–0,17 м и одна плаха (№ 1) 0,25–0,30 м (табл. 1). Плаха № 1 исключение: ее значительную ширину задал выступавший из стены камень, под который требовалась вырубка.

Минимальная длина плахи у амбразуры (№ 1) составляет 2,87 м, максимальная со стороны входа в бойницу (№ 17) 3,51 м. Левые северные края плах № 3 –5 оказались подрубленными, чтобы уступить место камню, выступающему из стены крепости. По той же причине укорочена на 0,7 м и последняя плаха № 18 до длины 2,98 м, а на ее правом южном крае сделана вырубка под другой камень. В 0,5 м от южного края плахи № 1 на ширину 0,15 и длину 0,35 м также сделана вырубка, чтобы оставить место для другого камня. Плотники, сооружавшие настил, подгоняли доски по месту.

Толщина плах варьируется в пределах 5–14 см, что объясняется характером и полнотой обработки нижней поверхности плах, которые выкалывали из бревен. Собственная толщина всех плах на тех участках, которые укладывались прямо на лаги, неизменная – в пределах 6–7 см. На остальных участках не у всех плах и не по

[1] Нивелировочные отметки брались от условного репера, который был привязан к геодезическому знаку на Троицком соборе.

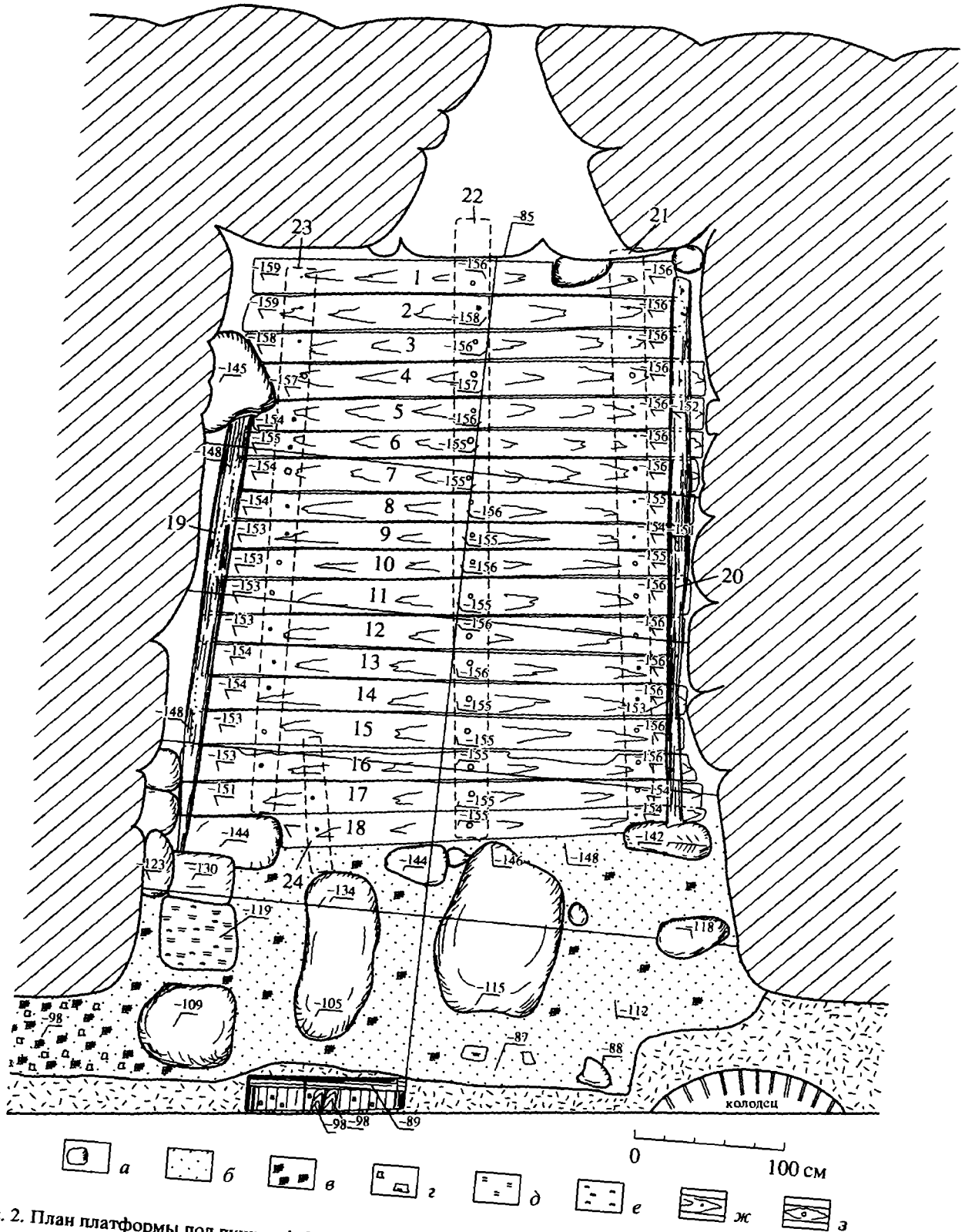


Рис. 2. План платформы под пушку: *1–8* – плахи; *19, 20* – верхние прижимные доски; *21–24* – лаги, *а* – валун; *б* – песок; *в* – известь (включения); *г* – битый кирпич; *д* – глина; *е* – уголь; *ж* – плаха с вбитым железным гвоздем; *з* – плаха с вбитым нагелем

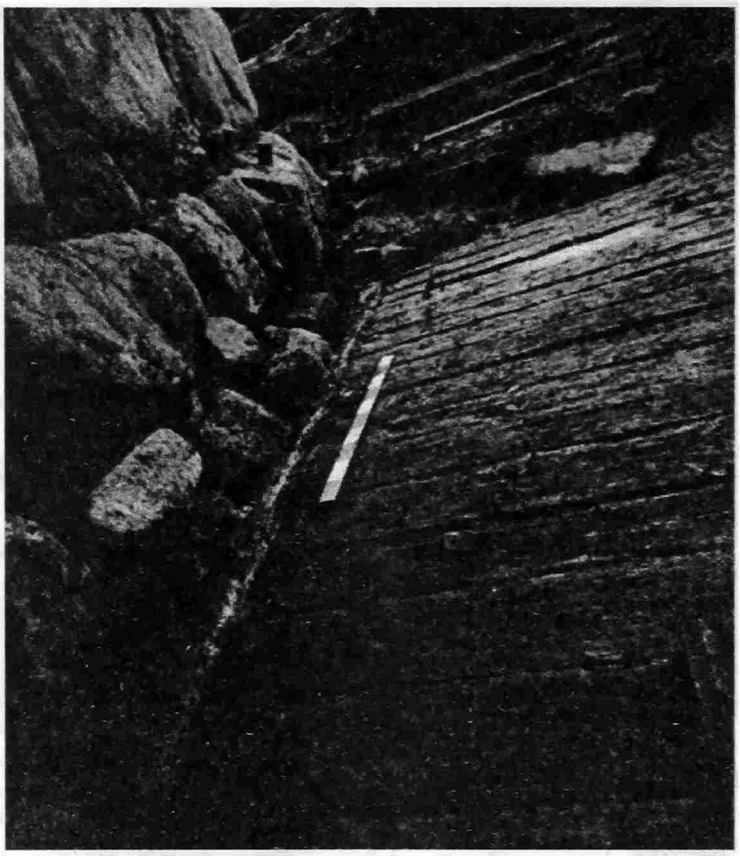


Рис. 3. Южная часть платформы с обжимной доской после расчистки

всей длине округлая часть бревен нашего настила срубалась до этой толщины. На тыльных сторонах шести плах (№ 1, 4, 7–9, 14) наблюдаются необработанные участки, полукруглые в сечении (рис. 6). На этих же плахах обнаруживаются лишние вырубки под лаги. Расположение дополнительных вырубок в стороне от мест прилегания настила к лагам (там остались четкие отпечатки) недвусмысленно свидетельствует о том, что все шесть плах предназначались для настила с иной конструкцией: не из трех, а четырех лаг. Данные плахи не были вторичного использования, поскольку у них отсутствуют следы прежнего крепления.

Для крепления плах и досок платформы к лагам было использовано в общей сложности 54 кованых железных и деревянных гвоздя. Из них ровно 30 экз. (55%) составили нагели, 24 экз. (45%) – железные гвозди. Для нагелей в плахах и лагах были одновременно высверлены круглые отверстия (табл. 2).

Железные гвозди сильно проржавели и во время разборки настила разломились по месту прикрепления плахи к лаге. Длина двух целых гвоздей 12 и 12,5 см. У них квадратные и прямоугольные шляпки 1,6 × 1,6 × 1,8 см. Сечение стержней прямоугольное, со стороной не более 10 мм (рис. 7).

Нагели лучшей сохранности. После разборки платформы почти половина из них (13 экз.) осталась на месте вбитыми в лаги, 9 застряли в плахах. Восемь нагелей переломились: основание осталось в лаге, а верх – в плахе. Из плах № 3 и 13 выпало по нагелю (рис. 7). Их длина 18 и 20,5 см, диаметр 3–3,5 см. Окончание деревянных гвоздей четырехгранное, заостренное на длину 4,5–9 см. Длина прочих нагелей, застрявших в плахах, равна 18,8 см (плаха № 6), 20 см (плаха № 7), 19,5 см (плахи № 8, 9). В плахах № 11 и 16 у нагелей обломился заостренный конец, и они сохранились на высоту 14–15 см. Таким образом, длина нагеля была в пределах 18–20,5 см.

Таблица 1

Основные параметры плах настила под пушку

Номер плахи	Длина, м	Ширина, м	Толщина, см	
			минимальная	максимальная
1	2,87	0,25–30	6–7	11–12
2	2,91	0,22–0,23	6	
3	2,95*	0,20–0,22	7–7,5	
4	2,94	0,20–0,23	6	10–11
5	3,02	0,20–0,22	6,5–7	
6	3,07	0,17–0,18	6–8	
7	3,11	0,20–0,22	6–7	13–14
8	3,15	0,19–0,21	6–6,5	13
9	3,24	0,16–0,17	7	12–14
10	3,17	0,19–0,20	6,5–7	
11	3,24	0,20–0,22	6,5–7	
12	3,27	0,21–0,22	6,5–7	
13	3,31	0,18–0,20	6–7	
14	3,34	0,21–0,22	5,5–7	
15	3,42	0,21–0,23	6,5–7	
16	3,46	0,18–0,19	5,5–7	
17	3,51	0,18–0,20	5–7	
18	2,98	0,20	5–7	

* Длина реконструирована. Край сгнил. На момент замера после выноса плахи из раскопа ее длина составляла 2,87 м.

Эту картину дополняют сведения о нагелях, вбитых в лаги (табл. 3). Из нее явствует, что диаметр нагелей в пределах тех же 3–3,5 см, но для некоторых из них диаметр чуть уменьшается непосредственно перед лагой. Отдельные торчащие нагели возвышаются над лагой на 8,5 см, т.е. их макушка торчала над настилом на 1–1,5 см. Они были вбиты не до конца.

Для помоста под пушку прослеживается некая закономерность расположения железных и деревянных гвоздей, носящая, очевидно, конструктивный характер. Вдоль центральной линии настила все плахи, за исключением плахи № 2, крепились нагелями, что, вероятно, было сделано с учетом попеременного давления пушки на настил во время стрельбы и при ее откате. Нагели должны были обеспечить по центру платформы свободную вибрацию и прогиб досок, которые, сотрясаясь, должны были подниматься и опускаться под весом орудия по нагелю, как по оси. Гвозди здесь были бы просто выдернуты. В то же время по краям досок настила преобладало крепление из гвоздей. Так, по северному краю применено только 5 нагелей из 18 (28%), по южному – 7 (39%). При этом обращает на себя внимание и тот факт, что через каждые три или пять плах (№ 4, 10, 11, 15) делалось крепление исключительно нагелями. Нагельные стержни выполняли своеобразную роль гибкого каркаса, при котором помост под пушку обладал не жесткой, а подвижной конструкцией. В то же время, чтобы исключить соскальзывание досок с нагелей, по краям плах сверху были уложены и прибиты железными гвоздями боковые прижимные доски (№ 19 и 20), скреплявшие всю конструкцию.

Рассматриваемый настил, по-видимому, был резервным и не использовался в боевых целях: следов колес лафета на нем не отмечено.

Плахи помоста были уложены на три длинных лаги (№ 21–23) и одну короткую (№ 24). Для лаг использованы бревна диаметром в пределах 0,16–0,26 м, каждое из которых обтесывали с двух противоположных сторон, создавая плоские поверхности.

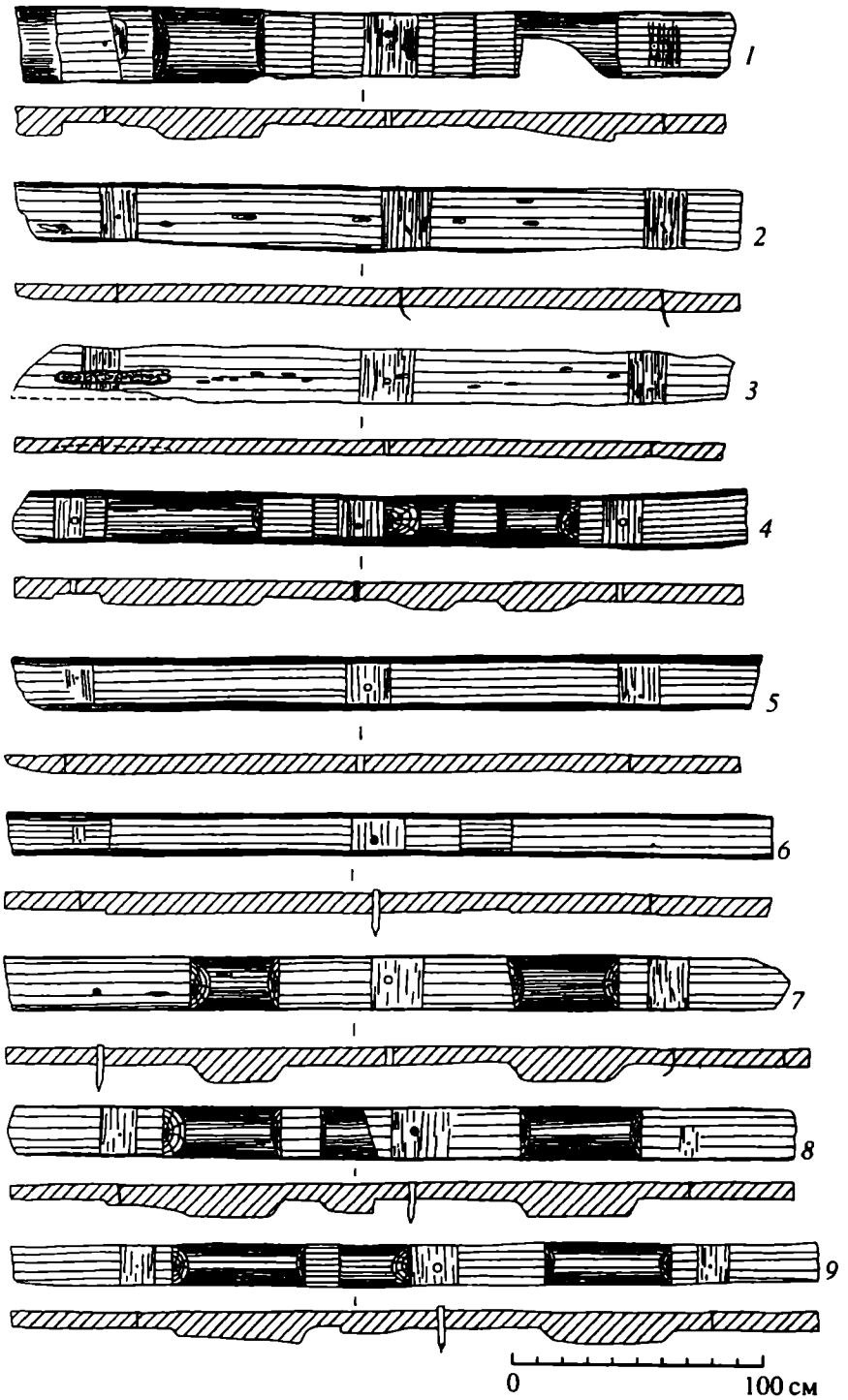


Рис. 4. Тыльная сторона плах со следами места прикосновения с лагами по бокам и в центре и продольный профиль плах

Для южной лаги № 21 использовано бревно длиной 3,92 м и диаметром 0,19 и 0,23 м с каждого края. Его обтесали с двух сторон до толщины 16–16,5 см – $3\frac{3}{4}$ вершка. Для центральной лаги № 22 выбрано бревно длиной 4,19 м и диаметром 0,21 и 0,26 м по краям. Оно было стесано со стороны меньшего диаметра на высоту 13,5 см (3 вершка), со стороны расширения – до 16 см (около $3\frac{3}{4}$ вершка). Для лаги № 23 взяли бревно длиной 3,59 м и диаметром 0,20–0,22 м. Со стороны меньшего диаметра его стесали до 15,2 см (почти $3\frac{1}{2}$ вершка), со стороны большого диаметра – до 16 см (око-

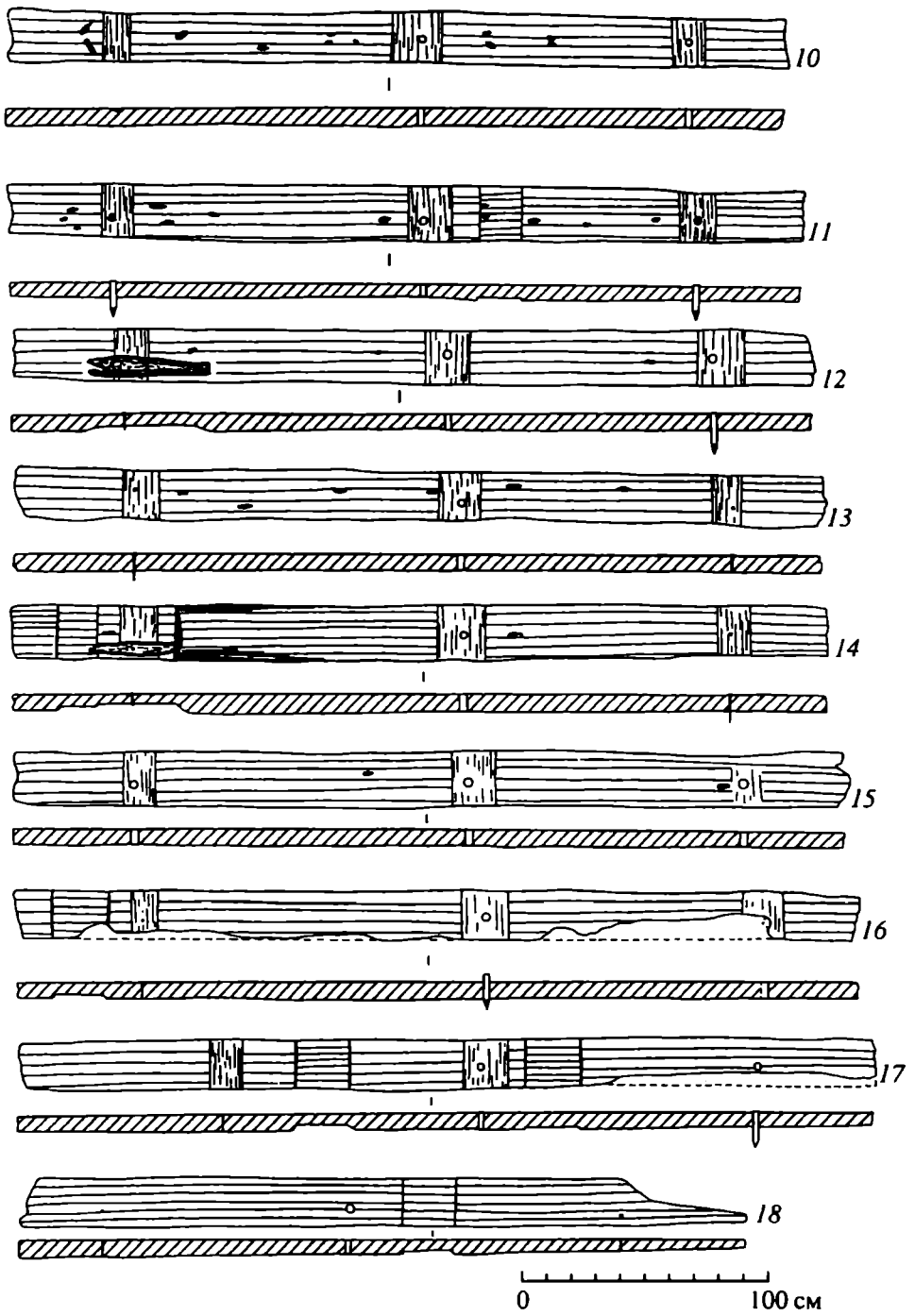


Рис. 4 (продолжение)

ло $3^3/_4$ вершка). Лага № 24 длиной 0,92 м была сделана из бревна диаметром 0,17 м, обтесана на высоту 15,5 см (ровно $3^1/_2$ вершка). Таким образом, высота лаг была в пределах $3^1/_2 - 3^3/_4$ вершков).

Крайние лаги были уложены в бойнице под небольшим наклоном по отношению к центральной лаге. У амбразуры расстояние между северной лагой № 23 и центральной № 22 составило 0,9 м, между южной лагой № 21 и центральной 0,8 м, а у входа в бойницу – соответственно 1,2 и 0,9 м. Дополнительная короткая лага № 24 была уложена под последние четыре плахи настила у входа в бойницу специально для плахи № 18, северный край которой был обрублен из-за камня и лишился опоры. Во время укладки лаг в бойницу крайняя северная и крайняя южная из них неудачно легли на

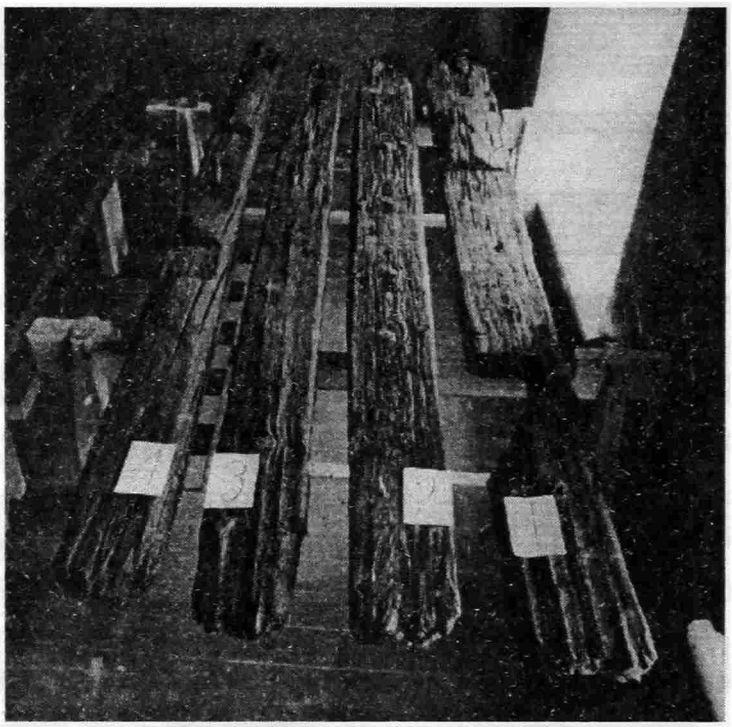


Рис. 5. Тыльная сторона плах № 1–4 после их изъятия из бойницы

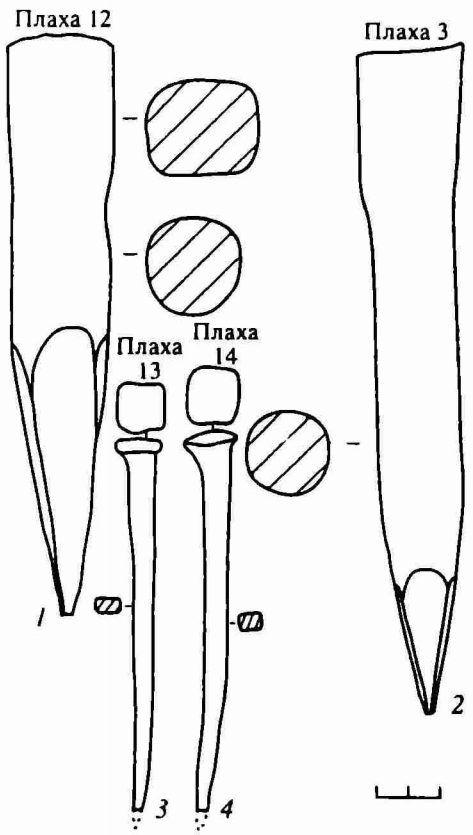


Рис. 6. Образцы нагелей (*1*, *2*) и кованых гвоздей (*3*, *4*)

Таблица 2

Схема крепления плах гвоздями к лагам

Номер плахи	Место крепления плахи гвоздем или нагелем		
	северный край	центр	южный край
1	Гвоздь	НАГЕЛЬ	Гвоздь
2	«	Гвоздь	«
3	«	НАГЕЛЬ	«
4	НАГЕЛЬ	«	НАГЕЛЬ
5	Гвоздь	«	Гвоздь
6	«	«	«
7	НАГЕЛЬ	«	«
8	Гвоздь	«	«
9	«	«	«
10	(НАГЕЛЬ)*	«	НАГЕЛЬ
11	НАГЕЛЬ	«	«
12	Гвоздь	«	«
13	«	«	Гвоздь
14	«	«	«
15	НАГЕЛЬ	«	НАГЕЛЬ
16	Гвоздь	«	«
17	«	«	«
18	«	«	Гвоздь

* В северном крае доски 10 вообще отсутствует крепление, но имеется разметка отверстия под нагель – чашевидное заглубление глубиной 1 см.

Таблица 3

Основные сведения о нагелях, вбитых в лаги

Номер лаги	Нагели		
	Диаметр верха, см	Диаметр низа, см	Высота над лагой, см
21	3	3	7
	3	2,5	8,5
	3	2,7	8,5
22	3	2,5	6,2
	3,2	3	6,4
	3,4	3,2	7
	3,5	3,5	7,2
	3,3	3	7,2
	3,3	3	6,8
	3,4	3,2	6,8
	3,3	3	7
23	3	3,1	5
	3,5	3	6,8

крупные валуны цокольного основания крепостной стены. Поэтому бревна пришлось подгонять по месту и сделать необходимые в них углубления. Центральная лага заходит под валун амбразуры внутрь стены на 0,2 м.

Стратиграфическая датировка настила – до середины XIX в. (в начале XIX в. он существовал). Для определения времени его создания особое внимание было уделено

Рис. 7. Лаги настила после их эвакуации из бойницы, западные торцы

расположенным под ним слоям и находкам. Сразу под плахами лежала щепа с корой березы, оставшаяся от рубки дров; в ней встречено несколько фрагментов оконных стекол со слабой патиной. Лаги же платформы были уложены на слой серого песка с редкой известковой крошкой (слой № 6, по профилю, – рис. 2), который устилал все пространство бойницы перед настилом, вплотную к нему и под ним. В песке перед настилом найдена медная монета XVIII в. На аверсе вместо вензеля – незаполненная квадратная рамка. На реверсе помимо надписи "денга" указана дата, предпоследняя цифра которой стерта: "17 ... 7".

Все это соотносится с пребыванием с 25 мая по сентябрь 1790 г. на Соловках военной команды в 250 человек, которая готовила крепость к обороне во время русско-шведской войны 1788–1790 гг. (Соловецкий летописец 1814 года, л. 33–33 об.).

Инженер-подпоручик Васильев составил в это время описание "совершенного запустения" крепости Соловецкого монастыря. В нем он, в частности, отметил, что "аппарелей для взвозу на стены и по башням орудий, равно и для поставления оных, платформ нигде не было... Артиллерийские орудия стояли на весьма ветхих лафетах, так что ни едина выстрела выдержать были не в состоянии... Крепостные стены, особливо бойницы, во многих местах поврежденные, требовали по крайней мере необходимости довольнаго исправления...". Силами соловецкой военной команды (около 70 человек) под руководством Васильева были исправлены все "ветхости и недостатки" (Васильев, 1790, л. 20, 21).

Проверить наш вывод о том, что выявленный в ходе археологических раскопок 1999 г. деревянный настил под пушку относится именно к 1790 г., способен лишь дендрохронологический анализ спилов, взятых со всех лаг.

По окончании раскопок настил был полностью разобран и передан в Соловецкий музей для последующей реставрации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Буров В.А., 1977. Исследования на территории Соловецкого монастыря // АО–1976.

Буров В.А., 1978. Раскопки на территории Соловецкого монастыря // АО–1977.

Буров В.А., 1984а. Платформа под пушку из Соловецкого монастыря // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1982. Л.

Буров В.А., 1984б. Раскопки на территории Соловецкого монастыря в 1976–1978 гг. и перспективы дальнейших исследований // Археология и археография Беломорья. Котлас.

Буров В.А., Скопин В.В., 1985. О времени строительства крепости Соловецкого монастыря и ее зодчем монахе Трифоне // Памятники архитектуры и монументального искусства. Города, ансамбли, зодчие. М.

Васильев, 1790. Сокращенное историческое описание Соловецкого монастыря 1790 г. // РГБ. Отдел рукописей. Ф. 178. Муз. собр. № 4302.

Косточкин В.В., 1972. Новые данные о стенах и башнях Соловецкого монастыря // Архитектурное наследство. № 20.

Ласковский Ф., Болдырев Н., 1814. Курс фортификации. Ч. I. СПб.

Соловецкий летописец 1814 года // Архив РГО. Разряд 114. Оп. 1. Д. 94.

Чертежи к курсу долговременной фортификации, составленному Ф. Ласковским и Н. Болдыревым, 1864. СПб.

Институт археологии РАН, Москва

V.A. BUROV

CANNON RAMP OF LATE 18th CENTURY FROM THE SOLOVETSKY MONASTERY

Summary

In 1999 during the excavations in the Solovetsky monastery citadel a lower tire of loop-holes was in investigated. At one of them a wooden ramp for cannon fixing was unearthed dated to the late 18th century. The find was discovered in unique state of preservation. Detailed investigation of the construction was performed, parameters of each detail were recorded (Table 1-3). The ramp consisted of 18 boards fixed from above with two boards, three horizontal logs beneath them and a short additional log for support. The boards wee attached to the logs with 25 forged iron nails and 29 wooden nails.

В.А. ДЖОРБЕНАДЗЕ, М.Г. МАРГВЕЛАШВИЛИ, З.А. КАЛАНДАДЗЕ

ЖИНВАЛИ – ГОРОД РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ВОСТОЧНОЙ ГРУЗИИ

Для Восточной Грузии на различных этапах ее истории большое значение имела Арагвская (Дарьяльская) дорога, связывающая Южный Кавказ и Ближний Восток с Северным Кавказом и югом России (Бердзенишвили Н.А., 1966, с. 54–65). Арагвская дорога, именуемая с XIX в. Военно-Грузинской, имела важное стратегически-торговое значение (Гвасалиа Дж., 1972, с. 30–44). Она была укреплена с древнейших времен, и здесь существовали поселения разных периодов. Об этом сообщают греческий географ Страбон (Страбон, 1964, с. 474) и римский писатель Гай Плиний Секунд (Латышев В.В., 1949, с. 298, 299). Интересные сведения сохранили и грузинские письменные исторические источники (Картлис Цховреба, 1955, с. 12, 49, 156, 234, 336).

Эти сведения древних авторов значительно дополнены археологическими исследованиями последних лет в Арагвском ущелье (Рамишвили Р.М., Джорбенадзе В.А., 1976, с. 30–44; 1997, с. 33–40).

Военно-Грузинская дорога также играла важную роль во взаимоотношениях между равнинными и горными регионами (Рамишвили Р.М., 1980, с. 98–154).

В истории Арагвского ущелья в силу своего удобного географического положения особое значение имело место слияния Мтиулетской и Пшавской Арагви (рис. 1), где в эпоху развитого средневековья находился город Жинвали (в источниках Жинвани)[1]. Возникновению нового города в предгорьях Южного Кавказа способствовала историческая обстановка Грузии в первой четверти XII в. – завершение объединения Грузии и создание сильного феодального государства (Месхиа Ш.А., 1959, с. 44, 45).

Как показали археологические исследования, принятию Жинвали статуса города способствовали и исторические традиции Арагвского ущелья. На правом берегу р. Арагви, на территории с. Жинвали раскопаны остатки поселения и довольно обширный могильник I в. до н.э. – VIII в. н.э., что свидетельствует о существовании здесь поселения городского типа (Рамишвили Р.М., 1982, с. 69, 70; Чихладзе В.В., Робакидзе Ц.В., 1984, с. 158–163).

В древнегрузинских письменных источниках и документах сохранились скудные исторические и географические сведения о средневековом Жинвали (Картлис Цховреба, 1959, с. 55, 251, 302, 308; 1973, с. 222. 243, 244, 247, 532–535; Корпус..., 1984, с. 96, 97, 183–184; Материалы..., 1964, с. 173, 174). По этим источникам выясняется, что город-крепость Жинвали с прилегающими селами представлял административную и хозяйственную единицу, подчинявшуюся центральной царской власти, т.е. был царским доменом и давался в управление государственным чиновникам (Ратиани П.К., 1975, с. 85–89; Шошиашвили Н.Ф., Джорбенадзе В.А., 1998, с. 78, 79).

Систематические археологические исследования, проведенные в 1971–1985 гг. в связи со строительством Жинвальского гидротехнического комплекса археологической экспедицией (руководитель – доктор исторических наук Р.М. Рамишвили) Центра археологических исследований Института истории, археологии и этнографии им. И.А. Джавахишвили Академии наук Грузии, позволили значительно пополнить

[1] К северу от Тбилиси в 60 км.

© В.А. Джорбенадзе, М.Г. Маргвелашвили, З.А. Каландадзе, 2000 г.

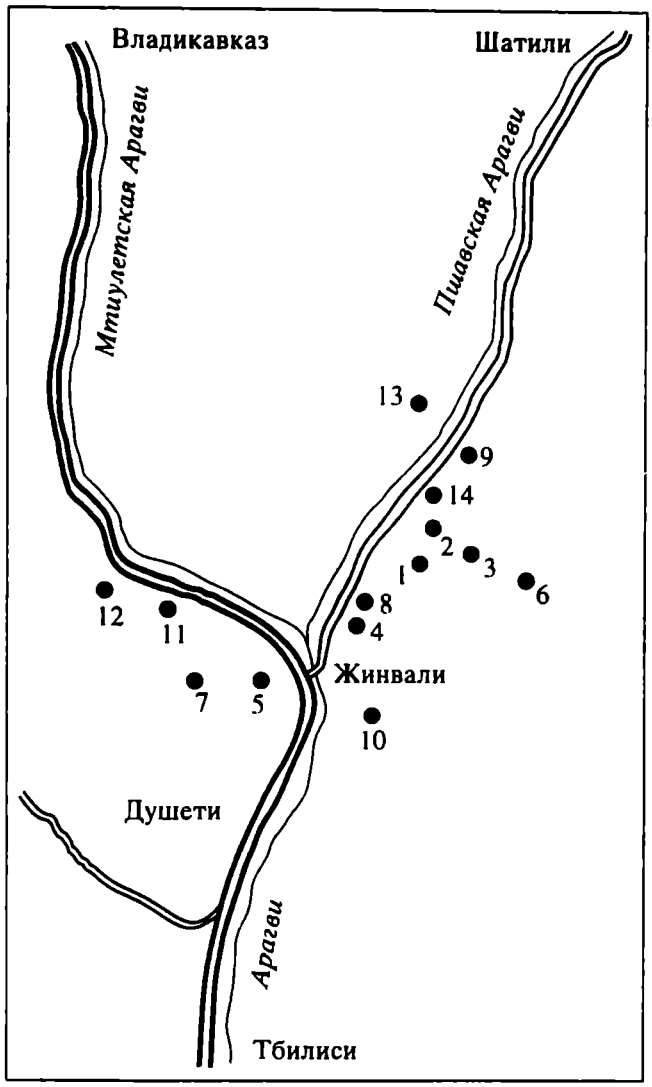


Рис. 1. Схема расположения памятников Жинвали в Арагвском ущелье: *1* – городище Жинвали; *2* – пригород городища; *3* – церковь Джварипатиосани; *4* – караван-сарай; *5* – башня с полукруглой спинкой; *6* – крепость царицы Тамар; *7* – крепость св. Георгия; *8* – южная ограда с воротами; *9* – северная ограда с воротами; *10* – ворота Арагвского ущелья; *11* – крепость Бебрисцихе; *12* – крепость Питави; *13* – крепость Хертвиси; *14* – могильник Накалакари

скудные исторические сведения о Жинвали и воссоздать более полную картину этого значительного города-крепости (Маргвелашвили М.Г., 1984, с. 92–96; Маргвелашвили М.Г., Рчеулишвили Г.М., 1985, с. 472, 473).

Развалины города развитого средневековья были сосредоточены на двух обширных участках. Один из кварталов находился на территории бывшего с. Жинвали (правый берег Арагви), вокруг башни с полукруглой спинкой (рис. 1, *5*). Основная часть городища была расположена на левом берегу Арагви (рис. 1, *1*) от хевсуретского моста до хертвисской башни[2].

Как показали раскопки, интенсивнее всего в свое время была заселена средняя часть городища у подножья крепости Тамар (рис. 1, *6*). Здесь от берега Арагви, где на первой террасе находится довольно большой квартал до церкви Джварипатиосани

[2] С 1985 г. на этой территории водохранилище.

Рис. 2. Городище, помещение № 22 с двумя опорными столбами и очагом, вид с востока

(рис. 1, *3*), жилые комплексы располагались террасообразно. Всего изучено семь террас. Из них вторая была разрушена при проведении хевсуретской дороги. Было выявлено 135 помещений, построенных на подровненном каменистом грунте без фундамента. Стены состоят из двухсторонней кладки, заполненной битым камнем. В кладке использованы скальные камни разных размеров, а иногда применены булыжники, которые скреплены глиной и известняком. Большинство стен деформировано в результате давления земляных масс. Для укрепления стен в некоторых помещениях построены контрфорсы. Террасообразно расположенные прямоугольные помещения (площадь 20–55 м^2) имели плоские перекрытия ("бани"), где кровля помещения нижней террасы служила двором и средством коммуникации для следующей террасы. Для укрепления стен применялись деревянные стойки, которые также выполняли роль дополнительных опор для плоского перекрытия. Большое помещение № 22, площадью 77,5 м^2 имело перекрытие типа "дарбази". В центральной части здания (рис. 2) находились два четырехугольных каменных столба ("дедабодзи"), на которые опиралось плоское перекрытие в центре с куполом и отверстием. Такого же типа помещение № 83, но с деревянным столбом. В обоих помещениях между столбами устроены большие очаги. Полы в комнатах в основном грунтовые, но в некоторых случаях вымощены плоскими камнями. Обязательными атрибутами жилых комплексов являлись каменные лежанки ("тахти"), ниши в стенах, очаги ("кера"), печи для выпечки хлеба ("тоне"), продовольственные ямы ("харо"), винные кувшины ("квеври"). В некоторых помещениях зафиксированы построенные в земле маленькие помещения – холодильники ("сациво") для хранения продуктов. Обнаружены давильни (сацнахели"). На первой террасе городища зафиксированы две узкие улочки, пересекающие квартал с юга на север.

На востоке центральной части городища была возведена церковь Джварипатиосани (рис. 1, *3*) развитого средневековья, зального типа, с поздней пристройкой. К юго-западу от церкви были раскопаны четыре больших помещения, возможно, двухэтажные.

К северу от городища, за низким скалистым хребтом, выделен пригород (рис. 1, *2*) с довольно интересными жилыми комплексами. Раскопано 26 помещений, среди кото-

Рис. 3. Пригород городища, полихромная чаша с изображением танцовщицы

рых нужно отметить помещение с языческими алтарями и с разными приношениями из глины (рис. 3), стекла, металла и т.д. (Рчеулишвили Г.М., 1985, с. 124–129).

В южной части городища за городской оградой выявлено большое помещение (рис. 1, *4*) площадью 800 м^2, где, возможно, находился караван-сарай (Чихладзе В.В., 1975, с. 114, 115).

На Жинвальском городище Накалакари раскопками хорошо прослежены два строительных периода: XI–XIII вв. и XIV в. Это дает возможность судить о существовании на территории городища поселения с XI столетия, т.е. до присвоения Жинвали статуса города в первой половине XII в. Во второй половине XIII в. Жинвали разоряют монгольские полчища, а в первой половине XIV в., во время царствования Георгия V Брцкинвале (Блистательный), были произведены восстановительные работы. В конце XIV в. войсками Тамерлана город был окончательно разорен, что хорошо прослеживается археологическими раскопками.

Элементы архитектурной планировки жилых и хозяйственных сооружений Жинвали встречаются среди грузинского этнографического материала (Читая Г.С., 1926, с. 137–156; Чубинашвили Г.Н., 1970, с. 14–35; Чиковани Т.А., 1967, с. 43–98; Сумбадзе Л., 1960).

Аналогичные типы сооружений выявлены и археологическими раскопками в Тетрицкаройском районе (Гзелишвили И., 1956, с. 89–96), в окрестностях Мцхета (Бохочадзе А.В., 1969, с. 20–26), в Болнисском районе (Насидзе Г.М., 1969, с. 74–84) и др.

На городище Жинвали выявлен богатый и разнообразный археологический материал, свидетельствующий о хозяйственно-ремесленной деятельности средневековых жинвальцев. Преобладают изделия из неполивной и поливной керамики. Неполивная

керамика включает мелкую посуду из хорошо отмученной глины соломенного обжига, кувшины, горшки, банки, сковородки, чаши, крышки от сосудов и т.д. Поливная керамика представлена в основном чашами одноцветными, полихромными и ангобированными (без поливного покрытия). Особенно выделяются полихромные чаши, которые по характеру украшения делятся на несколько типов: изображения человеческих лиц, фигуры танцовщицы (рис. 3), фантастического существа в виде птицы с человеческим ликом, птиц, льва, оленя, тура, зайца, геометрических и растительных орнаментов и т.д. Многообразие керамических изделий, открытие керамических печей, в том числе двухъярусной, находки треножек, производственного брака свидетельствуют о местном гончарном производстве.

Из металлических предметов обнаружены изделия из бронзы, железные стрелы и ножи, полуфабрикат железного резака тяжелого плуга, железные шлаки, свидетельствующие о существовании здесь металлообрабатывающих мастерских.

Еще об одном виде ремесленного производства свидетельствуют обломки стеклянных браслетов и сосудов, а также стеклянная трубка со следами огня и шлака. Кроме того, обнаружены перстни из бронзы, серебра и золота. Эти и другие археологические материалы аналогичны находкам из средневековых памятников XI–XIV вв. Восточной Грузии: Рустави (Ломтатидзе Г.А., 1988, с. 6–61), Тбилиси (Гзелишвили И., Ткешелашвили О., 1961), Телави (Чикоидзе Ц.Н., 1979, с. 37–68), Дманиси (Джапаридзе В.В., 1956), Ахалкалаки (Джандиери Е.Г., 1969, с. 46–73) и др.

Археологические находки из городища свидетельствуют о развитии в средневековом Жинвали земледелия, виноделия, животноводства и ремесла.

Выявленные при раскопках единичные монеты и клады содержат медные монеты Георгия III, царицы Тамар, Лаша, Дмитрия II, Джалал-ад-Дина, медно-серебряные – Русудан, серебряные – хулагуидские, золотые – византийские и др., которые свидетельствуют о широком их обращении на территории Арагвского ущелья в развитом средневековье (Джалаганиа И.Л., 1979, с. 110–112, 127, 135).

Весьма большой интерес представляет система оборонительных сооружений города развитого средневековья Жинвали. Центральное стратегическое значение имела крепость, расположенная на правом берегу р. Арагви (рис. 1, *5*), там, где сливались Мтиулетская и Пшавская Арагви (Каландадзе З.А., 1977, с. 139–144). Жинвальская крепость занимала территорию приблизительно 400 м^2, где были расположены башня с полукруглой спинкой, крепостная ограда, церковь зального типа, остатки дворцового сооружения и большое винохранилище ("марани").

Жинвальская башня является крупнейшей среди аналогичных сооружений Арагвского и Ксанского ущелий (рис. 4). Она возведена известняковыми и скальными камнями на известковом растворе. Цоколь башни, сложенный из крупных плоских и широких камней без фундамента, непосредственно опирается на природный конгломерат. Полукруглая южная стена башни обращена наружу, а противоположная плоская – внутрь крепости. В этой стене на высоте 4 м от поверхности земли находился единственный дверной проем. Пятиэтажная башня имела сохранившуюся высоту – 18,7 м, а длину прямых стен в отдельности – 10 м. Не сохранились верхнее и междуэтажное балочные перекрытия. Совершенно глухой первый этаж был хозяйственного назначения, второй – выполнял роль входа в интерьер башни. На третьем этаже сохранились два оконных проема, а на четвертом – три. На пятом этаже со всех сторон прорезаны двери среднего размера, выходящие на открытые балконы. У двери северного фасада сохранились кронштейные гнезда. В интерьере башни чувствуется большой простор. Внутри башни на уровне пола раскопками были обнаружены три больших винных кувшина, многочисленные обломки как неполивной, так и полихромной глиняной посуды. Здесь же были выявлены обломки стеклянных сосудов, оконных стекол, сирийской стеклянной лампы, железные, костяные, каменные предметы и т.д. Особенно следует отметить множество фрагментов фаянсовых сосудов "султанабадского" (Иран) типа с высокохудожественным рисунком (рис. 5), относящихся к XIII–XIV вв. Аналогичная керамика обнаружена в Дманиси, Гударехи,

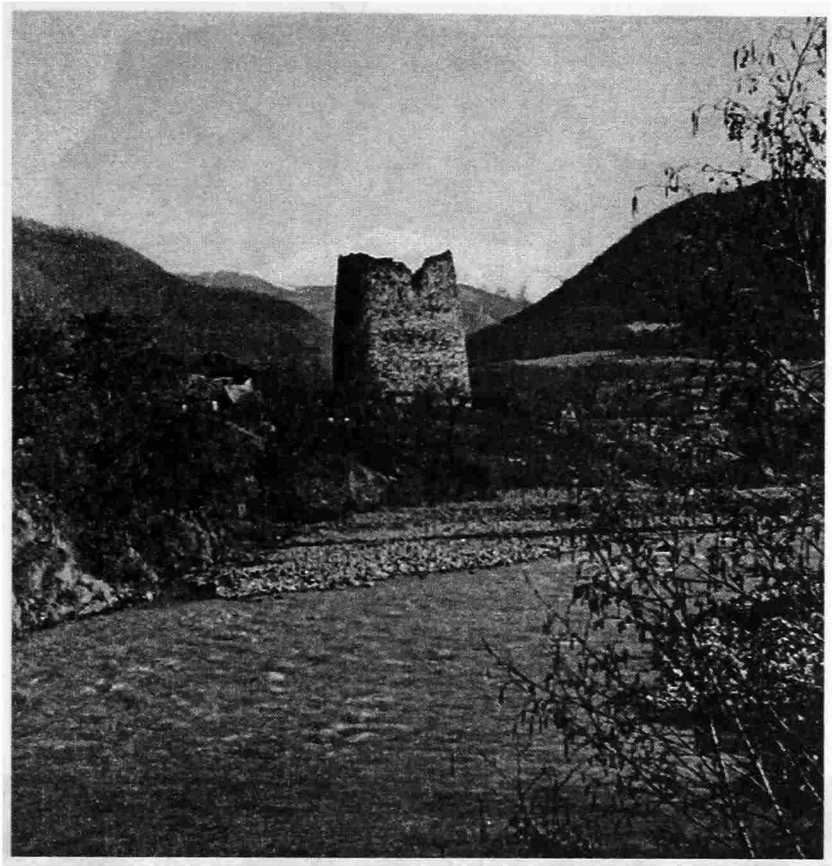


Рис. 4. Башня с полукруглой спинкой, вид с юга

Уджарма, Батуми (крепость царицы Тамар), Гонио и Сухуми (Мамаиашвили Н.Ф., 1976, с. 59–63).

Археологический материал из Жинвальской башни датируется XII–XIV вв., но она была возведена ранее в XI–XII вв. (Закарая П.П., 1962, с. 61). Башня по своим конструктивным особенностям представляла собой сооружение как оборонительного, так и жилого назначения. Обнаруженный археологический материал указывает на то, что жизнь в крепости не прерывалась со времени сооружения до нашествия Тамерлана.

В систему оборонительных сооружений города также входили крепости царицы Тамар (Рамишвили Р. и др., 1972, с. 121) и святого Георгия (Рамишвили Р.М. и др., 1978, с. 113–115), возвышающиеся на высоких скальных массивах с востока и запада Жинвальской крепости (рис. 1, *6, 7*). С крепости царицы Тамар к р. Арагви спускалась каменная стена (рис. 1, *8*), имеющая башнеобразные ворота (рис. 6) (Рамишвили Р.М. и др., 1978, с. 113). Такая же стена опускалась и с крепости святого Георгия. Они являлись оградой города с южной стороны. А с севера городище защищала выявленная на левом берегу Арагви ограда с остатками ворот (рис. 1, *9*). Нужно отметить, что с юга проход в Арагвское ущелье также защищала каменная стена с воротами (рис. 1, *10*), которая была выявлена раскопками на левом берегу р. Арагви вблизи местечка Цобени (Ломидзе Ц.Ш., 1975, с. 117, 118).

В эту же оборонительную систему города и ущелья входили северные фортификационные посты – в Мтиулетском ущелье крепости Бебрисцихе (рис. 1, *11*) (Каландадзе З., 1982, с. 143–147) и Питави (рис. 1, *12*) (Рамишвили Р. и др., 1972, с. 121), а в Пшавском ущелье крепость Хертвиси (рис. 1, *13*) (Рчеулишвили Г.М., 1990, с. 47–61).

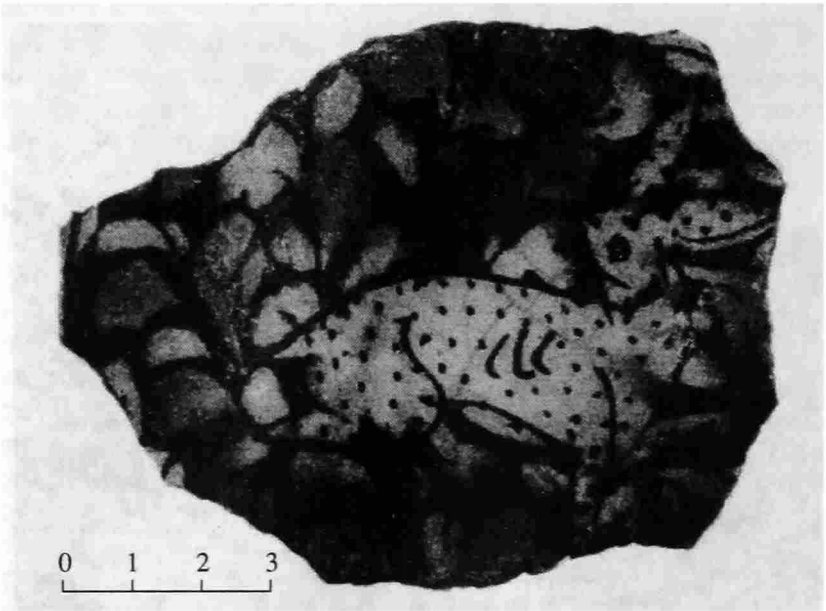


Рис. 5. Фрагмент фаянсовой чаши с изображением зайца, обнаруженный в башне

Рис. 6. Городище, южные ворота с проезжей частью шириной 3 м, вид с юга

Главная задача этой оборонительной системы заключалась в том, что она охраняла город Жинвали и контролировала все проходы через ущелья Мтиулетской и Пшавской Арагви.

Для воссоздания городской жизни древнего Жинвали весьма интересные материалы выявлены при раскопках могильника Накалакари, который примыкал к городищу с северо-западной стороны (рис. 1, *14*) (Джорбенадзе В.А., 1983, с. 134–166; 1984,

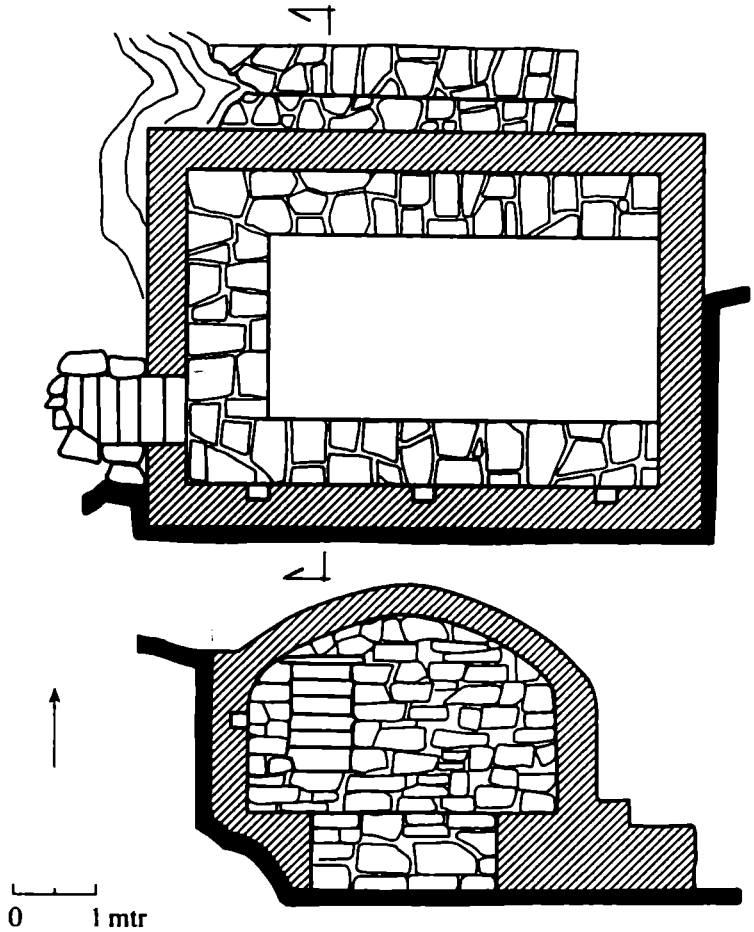


Рис. 7. Могильник Накалакари, сводчатый склеп, план и разрез

с. 39–42). На территории обширного могильника, который занимал площадь приблизительно 7075 м^2, раскопано 2636 м^2. Всего изучено 681 погребение, среди которых выделяются четыре типа.

1. Грунтовые погребения, представленные несколькими погребениями, в которых захоронено по одному покойнику.

2. Большую группу составляют погребения в каменных ящиках, продольные стены которых состоят из скальных плитняков, в один–четыре ряда, приставленных друг к другу, а поперечные – из одного камня. Погребения перекрыты несколькими плитами и в них захоронено от одного до трех-четырех индивидов. Внутренняя длина каменных ящиков 1,6–1,7 м, ширина 0,5 м, глубина 0,5 м.

3. Сравнительно многочисленную группу составляют погребения со стенами в виде каменной кладки. Продольные стены этих погребений в нижней части состоят из каменных скальных плит, приставленных друг к другу вертикально, а сверху уложена горизонтальная кладка в 4–5 рядов. Поперечные стены возведены из скальных плит или из кладки в несколько рядов. Погребения перекрыты приставленными друг к другу каменными плитами. Захоронение происходило с западной стороны, где приподнимался камень перекрытия. В этих погребениях насчитывается от 4 до 10 скелетов. Внутренняя длина погребений – 2–2,2 м, ширина 0,5–0,6 м, глубина 0,5–0,7 м.

4. На могильнике раскопано 50 склепов, среди которых выделяются несколько типов. Основную группу составляют небольшие склепы, прямоугольные в плане и со слегка закругленными углами. Стены возведены из квадратных и плоских камней в 7–10 рядов. Верхние три-четыре ряда южной, восточной и северной стен склепа выдвинуты внутрь малыми ступеньками, и этим создана опора для перекрытия. Западная стена возведена ровно, и в ней встречаются одна-две каменные ступени.

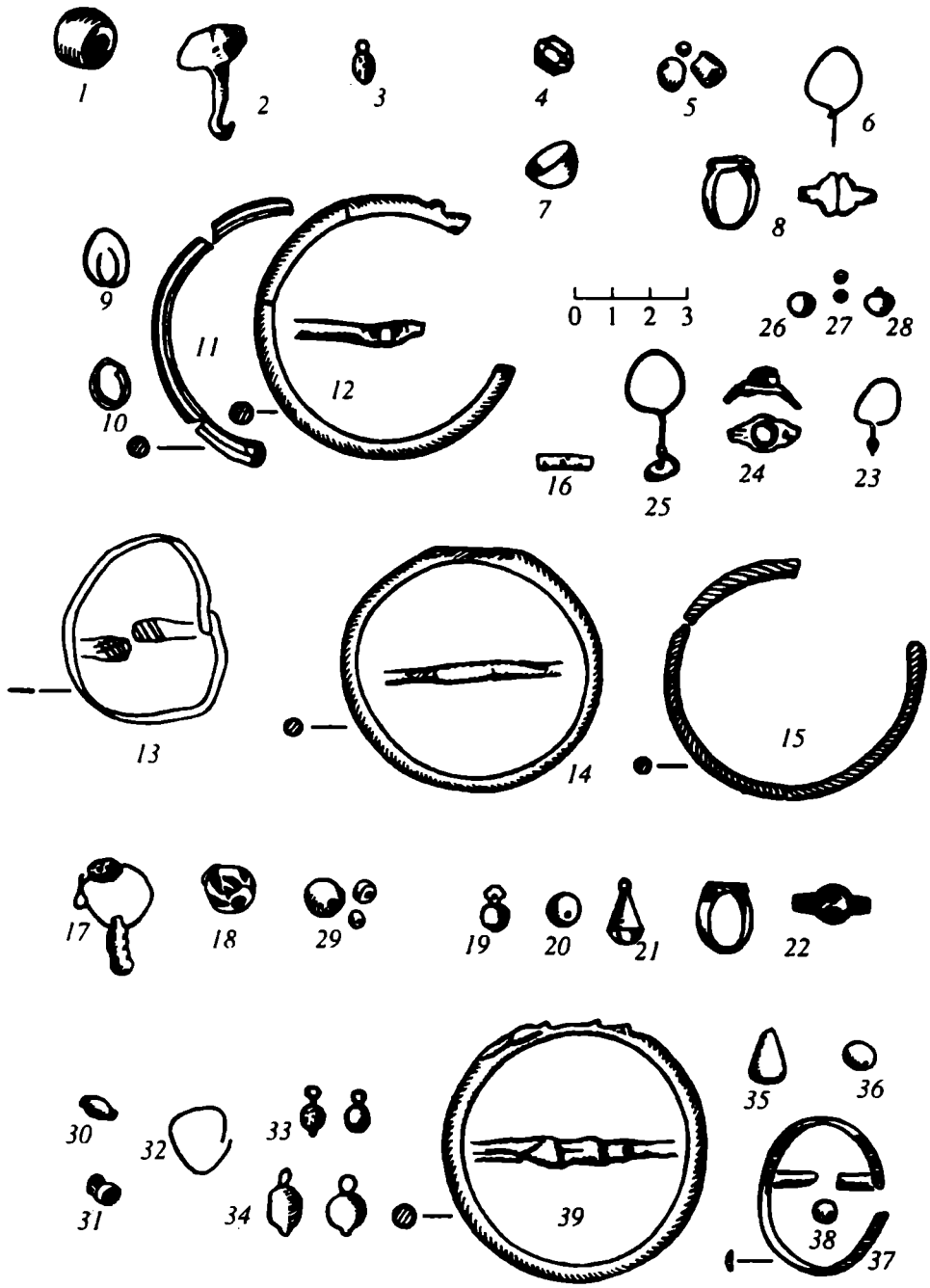


Рис. 8. Могильник Накалакари, часть инвентаря из погребений: *1, 5, 18, 20, 27, 29, 31, 38* – стеклянные бусы; *11, 12, 14, 15, 39* – стеклянные браслеты; *13, 37* – бронзовые браслеты; *8, 22, 24* – бронзовые перстни; *6, 17, 23, 25* – бронзовые серьги; *3, 7, 26, 33, 34* – бронзовые пуговки; *9, 10* – бронзовые завитки; *16, 30* – бронзовые бусы; *21* – бронзовый бубенчик; *32* – бронзовое кольцо; *2* – железный гвоздь; *19, 28* – костяные пуговки; *4, 35, 36* – сердоликовые бусы

Перекрытия склепов состоят из каменных плит больших размеров, уложенных рядом. В западной части погребения приоткрывалась плита перекрытия, и оттуда происходило захоронение. В двух погребениях № 151 и 462 специальный вход был устроен сбоку с западной стороны, который прикрывался небольшими плитами. Склепы с неповрежденными перекрытиями частично заполнены землей. Скелеты, число которых колеблется от 10 до 25, в основном потревожены, а кости ранее погребенных покойников сдвинуты в восточную сторону. Внутренняя длина склепов 2,4–2,8 м, ширина 1,3–1,7 м, глубина 1,4–1,8 м. Среди склепов этого типа несколько

(№ 26, 182, 202, 482, 486) выделяются своими большими размерами. Один (№ 486) в западной части имеет вертикальный входной дромос, а внутри погребения в восточной части устроена каменная перегородка для костницы (Джорбенадзе В.А., 1986, с. 398).

Среди жинвальских склепов нужно выделить подземный сводчатый склеп (рис. 7) прямоугольной формы и с входом сверху в юго-западной части с шестью ступеньками (Джорбенадзе В.А., 1978, с. 19–22). Внутри склепа вдоль южной, западной и северной стен были устроены каменные лежанки, посередине которых – камера для захоронения. В кладке стен использованы скальные камни и булыжники, скрепленные известью. Свод стрельчатой формы снаружи и стены изнутри обмазаны известковым раствором. В камере захоронения среди перемешанных с землей костей было зафиксировано около 60 скелетов. Внутренняя длина склепа 6 м, ширина 4 м, высота от свода до основания камеры 3,2 м. По обнаруженному в склепе инвентарю, относящемуся в основном к украшениям, и особенно по монетам царицы Русудан (Джалаганиа И.Л., 1979, с. 110) время возведения склепа можно отнести к первой половине XIII в. Возможно, что склеп, который был довольно большим подземным архитектурным сооружением, являлся семейной усыпальницей правителя города-крепости Жинвали.

На Жинвальском могильнике Накалакари погребения расположены в один – три яруса. Обряд захоронения христианский. Скелеты лежат в вытянутом положении головой на запад, а в семейных погребениях кости погребенных ранее покойников сгребены в восточную сторону.

Инвентарь обнаружен в 314 погребениях и состоит из украшений, предметов одежды и быта (рис. 8). Это глиняные сосуды; стеклянные сосуды, браслеты, бусы; железные браслеты, пряжки, ножи, гвозди, наконечники стрел; бронзовые браслеты, перстни, серьги, пуговицы, бубенчики, крест; серебряные перстни, серьги; золотые серьги, перстни; сердоликовые бусы; перламутровые и гагатовые кресты; медные и серебряные монеты и т.д. Они находят аналогии среди материалов, обнаруженных в Рустави (Ломтатидзе Г.А., 1988, с. 21, 22). Сиони Иорского ущелья (Рамишвили Р.М., 1970, с. 91–129), Дманиси (Джапаридзе В.В., Артилаква В.Э., 1971, с. 65, 66), Дзвели Гавази (Чилашвили Л.А., 1975, с. 44–74) и др. дают возможность датировать Жинвальский могильник XI–XIV вв.

Жинвальский могильник Накалакари выделяется разнообразием типов погребений и особенно склепов. Некоторые конструктивные элементы склепов встречаются среди аналогичных сооружений Северного Кавказа (Кузнецов В.А., 1980, с. 173) и Крыма (Якобсон А.Л., 1950, с. 229–252; Рудаков В.Е., 1980, с. 121–129).

На могильнике также были раскопаны три зальные церкви, связанные с обрядами захоронения.

Таким образом, Жинвали – типичный провинциальный город эпохи развитого средневековья, расположенный в междуречье, в предгорьях Кавказского хребта. Город был ремесленно-торговым центром и тесно связан с сельскохозяйственными производителями. Имел пригород, оборонительную систему и могильник.

Жинвали сыграл довольно значительную роль во взаимоотношениях между равнинными и горными регионами Восточной Грузии и с Северным Кавказом. Он находился на одном из участков Великого шелкового пути.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бердзенишвили Н.А., 1966. Дороги Грузии в эпоху Руставели. Тбилиси (на груз. яз.).

Бохочадзе А.В., 1969. Материалы к истории Мцхета в среднефеодальную эпоху // АПФГ. Т. I (на груз. яз., рез. на рус. яз.).

Гвасалиа Дж., 1972. К истории Военно-Грузинской дороги // Мацне (Вестник). Сер. ист., археол., этногр. и ист. искусства. № 2. Тбилиси (на груз. яз.).

Гзелишвили И., 1956. Археологические раскопки в Начивчавеби (Тетрицкаройский район) в 1954 году // САН ГССР. Т. XVII. № 1 (на груз. яз.).

Гзелишвили И., Ткешелашвили О., 1961. Памятники материальной культуры г. Тбилиси (по археологическим раскопкам). Тбилиси (на груз. яз., рез. на рус. яз.).
Джалаганиа И.Л., 1979. Иноземная монета в денежном обращении Грузии V–XIII вв. Тбилиси.
Джандиери Е.Г., 1969. К истории средневекового города-крепости Ахалкалаки (в Джавахети) // АПФГ. Т. I (на груз. яз., рез. на рус. яз.).
Джапаридзе В.В., 1956. Керамика. Тбилиси (на груз. яз., рез. на рус. яз.).
Джапаридзе В.В., Артилаква В.Э., 1971. Раскопки в Дманиси и его окрестностях // АЭГМГ. Кн. II (на груз. яз., рез. на рус. яз.).
Джорбенадзе В.А., 1978. Жинвальский сводчатый склеп // ДПК. № 47 (на груз. яз., рез. на рус. яз.).
Дзорбенадзе В.А., 1983. Раскопки Жинвальского могильника Накалакари в 1972 г. // Жинвали. Археологические изыскания в Арагвском ущелье. Ч. I. Тбилиси (на груз. яз., рез. на рус. яз.).
Джорбенадзе В.А., 1984. Жинвальский могильник развитого средневековья Накалакари // ДПК. № 68 (на груз. яз., рез. на рус. яз.).
Джорбенадзе В.А., 1986. Могильник Накалакари // АО – 1984.
Закарая П.П., 1962. Один неизвестный вид укрепления // ВГМГ. Т. 23– В (на груз. яз., рез. на рус. яз.).
Каландадзе З.А., 1977. Жинвальская крепость // Археологические изыскания. Тбилиси (на груз. яз.).
Каландадзе З., 1982. Археологические раскопки на Бебрис-цихе (результаты работ 1975 года) // Археологические изыскания. Тбилиси (на груз. яз.).
Картлис Цховреба (История Грузии), 1955/ Под ред. С.Г. Каухчишвили. Т. I. Тбилиси (на груз. яз.).
Картлис Цховреба (История Грузии), 1959 / Под ред. С.Г. Каухчишвили. Т. II. Тбилиси (на груз. яз.).
Картлис Цховреба (История Грузии), 1973. Вахушти. История Грузии / Под ред. С.Г. Каухчишвили. Т. IV. Тбилиси (на груз. яз.).
Корпус грузинских исторических документов. Грузинские исторические документы IX–XIII вв., 1984 / Под ред. Т.П. Енукидзе, В.И. Силогава, Н.Ф. Шошиашвили, Ч. I. Тбилиси (на груз. яз.).
Кузнецов В.А., 1980. Актуальные вопросы истории средневекового зодчества Северного Кавказа // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.
Латышев В.В., 1949. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. № 2.
Ломидзе Ц.Ш., 1975. Раскопки жинвальских ворот и моста // Жинвальская экспедиция. Тбилиси (на груз. яз., парал. текст на рус. яз.).
Ломтатидзе Г.А., 1988. Город Рустави по археологическим памятникам // Рустави. Археологические раскопки. Тбилиси (на груз. яз., рез. на рус. яз.).
Мамаиашвили Н.Ф., 1976. Фаянс в средневековой Грузии. Тбилиси (на груз. яз., рез. на рус. яз.).
Маргвелашвили М.Г., 1984. Жинвали в развитом средневековье // Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами (Аннотация). Тбилиси.
Маргвелашвили М.Г., Рчеулишвили Г.М., 1985. Изучение Жинвальского городища Накалакари // АО-1983.
Материалы по исторической географии и топонимике Грузии, 1964 / Под ред. З.Н. Алексидзе и Ш.В. Бурджанадзе. Кн. I. Тбилиси (на груз. яз.).
Месхиа Ш.А., 1959. Города и городской строй феодальной Грузии. Тбилиси.
Насидзе Г.М., 1969. Раскопки крестьянской усадьбы эпохи Руставели в селище Испиани // АПФГ. Т. I (на груз. яз., рез. на рус. яз.).
Рамишвили Р.М., 1970. Археологические памятники Иорского ущелья. Т. I. Сиони. Тбилиси (на груз. яз., рез. на рус. яз.).
Рамишвили Р.М., 1980. Некоторые вопросы взаимоотношений между горными и низменными районами Восточной Грузии по новым археологическим материалам Арагвского ущелья // Жинвальская экспедиция. Тбилиси (на груз. яз., рез. на рус. яз.).
Рамишвили Р.М., 1982. Городище Жинвали // АПФГ. Т. IV (на груз. яз., рез. на рус. яз.).
Рамишвили Р.М., Джорбенадзе В.А., 1976. Археологические исследования в зоне строительства Жинвальского гидротехнического комплекса // Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. Тбилиси.
Рамишвили Р.М., Джорбенадзе В.А., 1997. Археологические исследования в Арагвском ущелье

и Хеви // Археология Кавказа: Новейшие открытия и перспективы. Краткое содержание докладов международной научной сессии. Тбилиси (на груз. яз.).
Рамишвили Р.М., Джорбенадзе В.А., Каландадзе З.А. и др., 1978. Жинвальская экспедиция // ПАИ-1975.
Рамишвили Р., Цитланадзе Л., Джорбенадзе В. и др., 1972. Предварительные результаты работ Жинвальской археологической экспедиции в 1971 году // АИГ-1971.
Ратиани П.К., 1975. Город-крепость Жинвани и ее правители во времена царицы Тамар (Абуласан, Чиабери, Шота) // Жинвальская экспедиция. Тбилиси (на груз. яз., парал. текст на рус. яз.).
Рудаков В.Е., 1980. Баклинский средневековый склеп с граффити // АДСВ. Вып. 17.
Рчеулишвили Г.М., 1985. Поливные миски из предместья Жинвальского городища // Археологические изыскания. Тбилиси (на груз. яз., рез. на рус. яз.).
Рчеулишвили Г.М., 1990. Археологические памятники Пшавской Арагви. Тбилиси (на груз. яз., рез. на рус. яз.).
Страбон, 1964. География в 17 книгах // Перевод, статья и комментарии Г.А. Стратановского. Л.
Сумбадзе Л., 1960. Грузинские дарбази. Тбилиси.
Чиковани Т.А., 1967. Из истории народного жилища Закавказья. Тбилиси (на груз. яз., рез. на рус. яз.).
Чикоидзе Ц.Н., 1979. Город Телави. Тбилиси (на груз. яз., рез. на рус. яз.).
Чилашвили Л.А., 1975. Дзвели Гавази. Тбилиси (на груз. яз., рез. на рус. яз.).
Читая Г.С., 1926. Крестьянский дом в Кваблиани // Мимомхилведи. № 1. Тбилиси (на груз. яз.).
Чихладзе В.В., 1975. Раскопки Жинвальского караван-сарая // Жинвальская экспедиция. Тбилиси (на груз. яз., парал. текст на рус. яз.).
Чихладзе В.В., Робакидзе Ц.В., 1984. Арагвское ущелье в I–VIII веках // Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами (Аннотация). Тбилиси.
Чубинашвили Г.Н., 1970. Грузинские дарбази // Вопросы истории искусства. Т. I. Тбилиси.
Шошиашвили Н.Ф., Джорбенадзе В.А., 1998. Печать из Жинвальского могильника Накалакари // Дзиебани. № 1. Тбилиси (на груз. яз., рез. на рус. яз.).
Якобсон А.Л., 1950. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // МИА. № 17.

Центр археологических исследований
Академии наук Грузии, Тбилиси

B.A. DJORBENADZE, M.G. MARGVELASHVILI, Z.A. KALANDADZE

ZHINVALI – A MEDIEVAL URBAN CENTRE IN EASTERN GEORGIA

Summary

Ancient Aragvi (or Daryal) road known also from the 19th century as Georgian Military road played an important role in different historical periods of Eastern Georgia. It linked the South Caucasus and Near East with the North Caucasus and South Russia. The information on the Aragvi gorge past obtained from written sources was essentially extended by the archaeological investigations performed in 1971-1985. Here in the place of confluence of the Mtiuleti Aragvi and Pshavi Aragvi rivers within the Aragvi gorge (Fig. 1) the remains of Zhinvali town were excavated. Two constructing periods were revealed dated back to the 11th-13th and 14th centuries respectively; contemporary cemetery and fortification system were investigated as well. Within the fortified territory stone dwellings forming terraces were discovered, the material remains found there evidenced developed agriculture, viticulture and wine-making, stock-breeding, various crafts and trade contacts (Figs. 2; 3; 5). The fortifications including town gates prove strategic significance of the Zhinvali urban centre (Figs. 4; 6). The information on the town is improved by the archaeological material originating from the cemetery (Fig. 8), where four types of burials were outlined (Fig. 7). Since 1985 the territory of this ancient is below the waters of the reservoir constructed in connection with hydro-technological system.

Археологические коллекции в музеях

В.И. КУЛАКОВ

ИСТОРИЯ ОБНАРУЖЕНИЯ ЧАСТИ КОЛЛЕКЦИЙ МУЗЕЯ "ПРУССИЯ"

Одной из важнейших задач, стоящих ныне перед исследователями древностей Балтии, является поиск музейных коллекций и архивов, исчезнувших в результате трагических событий конца Второй мировой войны. Особое место здесь занимают судьбы археологических коллекций музеев бывшей Восточной Пруссии, пополнявшихся материалами раскопок, видимо, вплоть до конца 1943 г. Археологические коллекции, попавшие в Альбертс-университет из музеев Кёнигсберга, а также СССР и Польши, были найдены Т.А. Беляевой летом 1945 г. в руинах Кёнигсберга (Овсянов А.П., 1998, с. 69). История обнаружения фондов музея "Пруссия" (Prussia-Museum, организован 27 ноября 1925 г.) менее ясна. Видимо, основная часть его археологических фондов была вывезена из Королевского замка до 9 апреля 1945 г., времени победоносного штурма города-крепости Кёнигсберг подразделениями 3-го Белорусского фронта. Часть коллекций музея "Пруссия" была обнаружена бойцами Красной Армии позднее на территории бывшего округа Алленштайн (Allenstein, ныне – Варминьско-Мазурское воеводство Польши). Среди этих находок – коллекция урн типа IV–V вв. н.э., переданная красноармейцами в Музей Вармии и Мазур, расположенный в замке г. Ольштына. Этот керамический материал (Kaczyński M. et al., 1987, S. 92, № 195, 197), а также сопровождавшие его бронзовые находки добыты раскопками конца XIX в. на могильниках II–V вв. н.э. Самбии и Надравии. Несколько сотен экспонатов бывшего музея "Пруссия" ныне находятся в собрании Музея до- и протоистории (дворец Шарлоттенбург в Берлине). С весны 1998 г. некоторые из прусских древностей экспонируются здесь в составе выставки "Железный век Европы" и занимают четыре витрины. По сообщению директора музея проф. др. Вильфрида Менгина, эти находки, как и прочие артефакты из Балтии, были приобретены берлинским Музеем до- и протоистории еще до Второй мировой войны. 23 ноября 1998 г. они стали объектом осмотра участников представителей международной конференции "Изучение до- и протоистории Центральной и Восточной Европы в 1933–1945 гг.", среди которых находился и автор этих строк. Однако часть находок избежала эвакуации и осталась в южном флигеле Королевского замка, занимавшемся музеем "Пруссия". Там некоторые из этих предметов были обнаружены летом 1945 г. проф. А.Я. Брюсовым. Среди них к археологической части музейных коллекций относились, согласно описи А.Я. Брюсова, бронзовые "сосудик, ...фибула, ...булавки, ...височные кольца, ...шейное украшение, ...витая гривна, ...витой браслет" (Овсянов А.П., 1998, с. 389). Данные предметы, как и прочие многочисленные находки, обнаруженные А.Я. Брюсовым в июне–июле 1945 г. в руинах музея "Пруссия", должны были быть отправлены в Москву. Складывается впечатление, что этот план не был осуществлен, во всяком случае не до конца. К зиме 1999–2000 гг. в Москве документированных следов этой "коллекции А.Я. Брюсова" обнаружить не удалось.

В фондах местного краеведческого музея (ныне – Калининградский историко-художественный музей, далее – КОИХМ) автор этих строк еще в 1975 г. видел экспонаты из бывшего музея "Пруссия", по своей номенклатуре напоминавшие цити-

© В.И. Кулаков, 2000 г.

рованную выше опись. Все эти находки, в 1950 г. закупленные у Максимова А.В. и Неймарка Б.Ф. (более 90 ед. хранения), нашедших их в руинах южного (?) и западного замковых флигелей, по сей день хранятся и частично экспонируются в КОИХМ. В послевоенном Калининграде они были оставлены в составе иных старых музейных коллекций. Объем данного материала, по меркам героического 1945 г., исчислялся 35 ящиками, тогда как в Москву из поверженного Кёнигсберга А.Я. Брюсов отправил свыше 400 ящиков с музейными экспонатами, а также "24 мешка ценностей" (Овсянов А.П., 1994, с. 2). Основным содержимым этих весьма экзотических для музейного дела упаковок были экспонаты художественных собраний из музеев Восточной Пруссии и прочих музейных хранилищ. В своих дневниковых записях Александр Яковлевич уточняет, что в Москву он направил в числе прочего "древности бронзового века", включавшие керамику и каменные орудия (Орлов А., Стороженко Е., 1991, с. 33). В хранящейся в фондах КОИХМ "коллекции Максимова-Неймарка" керамики эпохи бронзы нет.

Еще в ходе войны (в начале января 1945 г.) часть археологической экспозиции музея "Пруссия" была перевезена в форт № 3 (Quedenau, ныне – пос. Северная Гора на северной окраине г. Калининграда). Согласно данным А.П. Овсянова, эту информацию в 1959 г. один из ведущих археологов Восточной Пруссии В. Ла Бом сообщил в письме проф. Ежи Антоневичу. Согласно данным Координационного центра по поискам культурных ценностей при администрации Калининградской области, ветеран войны И.И. Алчаков в 1968 г. передал информацию о том, что в одном из подземелий форта Quedenau в 1946 г. он обнаружил упакованные в ящики каменные орудия, предметы из кости и бронзы. Судя по сообщениям жителей послевоенного Калининграда В.А. Иванова и Л.Е. Титова, в казематах упомянутого выше форта находились "старинные монеты, наконечники копий, камни с этикетками", "...осколки янтарных изделий, фигурки зверей из серебра и бронзы, керамические чаши и вазы" (Овсянов А.П., 1994, с. 10). Судьба всех этих предметов, несомненно, имеющих отношение к бывшему музею "Пруссия" и, не исключено, к иным музейным собраниям, по сей день не известна.

На этом безрадостном фоне достойным удивления выглядит событие, произошедшее в руинах Королевского замка осенью 1967 г. Тогда развалины этого некогда величественного сооружения стали своеобразным "Клондайком" для некоторых калининградцев. Замковые руины, в соответствии с принятым 6–8 сентября 1965 г. решением местных партийных и советских органов власти, через 2 года должны были исчезнуть с лица земли. Благодаря этому необдуманному, если не сказать более жестко, решению самовольные "раскопки" на территории замка не пресекались. В числе "копателей" был и местный краевед Виктор Николаевич Строкин, работавший в те годы в Калининградском краеведческом музее. "Работая" по заданию музея (!?) в 1967 г. в южной части замковых руин, он обнаружил кипы старых рукописей и значительное количество предметов из серебра, бронзы и стекла, связь которых с коллекциями бывшего музея "Пруссия" с самого начала не вызывала сомнения (Сухова С., 1993; Валуев А.А., 1993). Свою "работу" В.Н. Строкин продолжал практически до 1969 г. – начала нивелирования замковых руин. Из найденного В.Н. Строкиным материала 167 предметов поступили в фонды краеведческого музея.

В сентябре 1975 г. в фондах краеведческого музея, располагавшегося в здании бывшей школы имени короля Оттокара II (Ottokar-Schule, прежний городской район Баллит (Ballieth), ныне – ул. Горького, 113), автор этих строк выбирал место для складирования материала, добытого в результате разведок, проведенных в Калининградской обл. Балтийским отрядом ИА АН СССР. При этом в шести лотках в цокольном помещении, занятом фондами, мною были обнаружены упомянутые выше находки. Они сопровождались немногочисленными обгорелыми остатками деревянных филенок, двумя круглыми бронзовыми накладками с горельефным изображением женской головки (ранний вариант стиля Biedermeier), двумя ажурными накладками, изображавшими державшую венок в поднятой руке богиню Нику (Jugendstil).

Сохранность сильно обожженных мебельных накладок была крайне неудовлетворительной. Довольно неожиданным было присутствие среди массы остальных находок трех костей фаланг человеческих пальцев, отрывков двух манжет коричневых рубашек с алюминиевой запонкой, алюминиевой же солдатской поясной бляхи с гербом Третьего Рейха и с надписью "Gott mit uns". Рядом с лотками, заполненными вышеперечисленными находками, находились две объемистые стопки записей, которым откровенно грозила участь быть сданными в макулатуру в надежде получения желанного в те легендарные годы тома "Королева Марго". Рукопись насчитывала более 500 листов (их подсчет затруднителен ввиду чрезвычайно плохой сохранности бумаги и фрагментарности ее листов) в стандарте А4. Большая часть листов была сброшюрована в 8 томов, снабженных картонными обложками. Листы имели типографские графы в соответствии с нормами музейных описей. Нумерация листов отсутствовала, порядок их расположения в сброшюрованном виде можно было установить по особенностям неровных границ листов и по порядковой цифровой индексации, которая в ряде случаев сопровождала (в том случае, если была различима) имевшиеся в рукописи рисунки, исполненные тушью. К сожалению, рукописные записи, сделанные на этих листах черными чернилами, крайне плохо сохранились. Судя по следам на листах, они достаточно долго находились в агрессивной кислотно-щелочной среде, скорее всего в непосредственной близости от продуктов разложения органических масс. В левой части каждого листа присутствовали от двух до восьми рисунков археологических находок, выполненных в масштабах 1 : 1, 1 : 2 и реже 1 : 6 (керамические сосуды крупных размеров). Даже поверхностного взгляда было достаточно для того, чтобы определить принадлежность представленных на листах артефактов к коллекциям бывшего музея "Пруссия". Стало ясно, что в фондах Калининградского краеведческого музея в 1975 г. были обнаружены остатки описей центрального музейного хранилища Восточной Пруссии. Уже тогда можно было предполагать связь между этими частями описей и находившимися в лотках артефактами. Правда, все они в отличие от архивного материала носили следы воздействия огня. К одной бронзовой перекладчатой фибуле группы AV, 94 прикипел сгусток стекла с куском доски, являвшиеся несомненными остатками музейной витрины.

Работая в Калининграде в следующем раскопочном сезоне (1976 г.), я выяснил, что листы описей забрал "на обработку" недавно поступивший на работу в краеведческий музей молодой выпускник истфака ЛГУ Виктор Сергеевич Суворов. Правда, незнание немецкого языка и отсутствие элементарных знаний реставрационного дела не оставляли В.С. Суворову надежды хоть что-то понять в старых музейных описях. Стремясь вернуть в научный оборот эти архивалии, автор этих строк обратился к тогдашнему директору музея Л.Г. Зайчиковой с предложением их разборки и атрибуции. Музейное руководство заинтересовалось этой проблемой, на этот запрос был получен положительный ответ. Исполненный слабо скрываемой радости от того, что устраняется перспектива декларирования его полной некомпетентности, В.С. Суворов расстался с хранившимися в занимаемой им комнате в общежитии листами описей. Также на реставрацию мне были переданы находки, хранившиеся в упоминавшихся выше лотках. В 1977–1979 гг. данная непростая работа была выполнена в реставрационной лаборатории Института археологии АН СССР лаборантами А.В. Григорьевым, А.Г. Атавиным и В.Е. Нахапетян. Пользуясь случаем, высказываю глубокую признательность этим коллегам за их кропотливый и по тем временам невероятно сложный труд. В результате расчистки и реставрации находок выяснилось, что они происходят частично с полуострова Самбия, частично – из западной части Мазурского Поозерья. Находки из этого региона, в частности, были представлены роскошными пальчатыми фибулами, добытыми в 1894 г. Иоганном Хейдеком, проводившим раскопки грунтового могильника Тумяны (Tumiany, воев. Варминьско-Мазурское Польши, бывш. Даумен (Daumen)). Впоследствии эта "мазурская" часть отреставрированных находок из бывшего музея "Пруссия" была экспонирована в замке Лидзбарк Варминьский (воев. Варминьско-Мазурское Польши, бывш. Хайльсберг (Heilsberg))

на выставке, открывшейся 3 июля 1989 г. Она длилась несколько недель, что позволило польским специалистам по западнобалтским древностям ознакомиться со считавшими утраченными находками из фондов бывшего музея "Пруссия". Параллельно реставрации находок мною была проведена разборка и дешифровка листов описей. Выяснилось, что в значительной мере они, как и часть находок, связаны с западномазурскими древностями. Правда, наиболее комплектная и читаемая часть описей посвящена материалу могильника Суворово (Гвардейский р-н Калининградской обл., бывш. Зофен/Zohpen). С привлечением архивных материалов по этому могильнику, обнаруженных в библиотеке Археологического музея в Познани и обработанных при любезном содействии госпожи А. Лосиньской, материалы Суворово достаточно полно опубликованы (Кулаков В.И., 1990а, с. 64–71; 1990б, с. 3–19). Явно некомплектные части архивалий были посвящены материалу могильников Муромское и Ветрово (Зеленоградский р-н Калининградской обл., бывш. Лаптау/Laptau и Экриттен/Ekritten), возможно – бывш. Гребитен/Grebieten. Более половины объема обнаруженных описей содержала материал западномазурских могильников – Лелешки/ Leleszki, Косево/Kosewo, Ментке/Miętkie, Тумяны/Tumiany, расположенных на территории Варминьско-Мазурского воеводства Польши. Примечательно, что лучшая часть археологических реалий, украшающая ныне экспозицию КОИХМ (Коваль С.А. и др., 1996, с. 14, 15) и в 1975 г. обнаруженная в лотках в цокольном этаже музейного здания, происходила из этого же региона.

Путем опроса сотрудников Калининградского краеведческого музея, а также благодаря документации, фиксировавшей поступления в фонды музея, удалось установить, что находки, о которых идет речь, поступили сюда от В.Н. Строкина. По акту приемки № 47 от 25.11.1967 г. (инв. № 5007/1-148) он передал музею находки, обнаруженные им в руинах бывшего музея "Пруссия". Кроме того, им в музейное хранение было передано 10 наконечников копий и каменное изваяние Манкестеен/Mankesteen (диалектн. "Каменный человек", Елитки, Мазурско-Варминьское воеводство Польши, бывш. Елитткен/Jelittken (La Baume W., 1927, Taf. V, *2*). При этом пока остается неясным, от него ли или же от других "искателей" (Максимов А.В., Неймарк Б.Ф. и др.) в краеведческий музей поступили несколько десятков римских, арабских и западноевропейских монет, обнаруженных в послевоенном Калининграде и находящихся поныне в фондах КОИХМ. Выяснилось, что не только (скорее – не столько) В.Н. Строкин вел "раскопки" в руинах музея "Пруссия". Как стало недавно известно, этим занимался местный "искатель" И.Т. Кедрик. Мемуарист А.С. Пржездомский вспоминает о том, что "...он подарил мне и моему другу Виктору на память несколько "кенигсбергских сувениров", найденных им за долгий период его изыскательской работы, – старинные монеты, медные, покрытые грязно-голубоватым налетом пряжки и фибулы..." (Пржездомский А.С., 1997, с. 104). Здесь описана характерная "благородная" патина со специфическим бирюзовым оттенком, которая присутствовала и на части вещей, найденных В.Н. Строкиным. Возможно, "кенигсбергские сувениры" для юных Андрея и Виктора И.Т. Кедрик добыл в том же месте (и в то же время?), что и предприимчивый музейный сотрудник. Хочется верить, что эти раритеты не пропали для европейской науки навсегда.

Специфика описанного выше набора предметов, поступивших от В.Н. Строкина в краеведческий музей (фрагмент музейных описей + несколько десятков экспонатов + + стеклянные и деревянные обломки в совокупности с бронзовыми деталями мебели + + костный антропологический материал с фрагментами одежды и воинского снаряжения), а также данные о последних годах музейной деятельности позволяют реконструировать условия "сокрытия" данных находок среди руин замка.

Согласно непроверенному сообщению В.Ф. Ращепы, невольного участника эвакуации фондов музея "Пруссия", эта акция проходила в конце лета 1944 г. (Пржездомский А.С., 1997, с. 50), на следующий день после чудовищной по своей разрушительной силе бомбардировки, которой английские военно-воздушные силы подвергли исторический центр Кёнигсберга в ночь с 26 на 27 августа (Гаузе Фр., 1994, с. 254).

В ходе этой операции впервые за историю войн был применен напалм. В результате замок, как и остальные строения центральной части прусской столицы, серьезно пострадал. Видимо, этот авианалет стимулировал экстренную эвакуацию фондов музея "Пруссия". Основная часть этой акции впоследствии увенчалась успехом.

Для того чтобы адекватно определить принадлежность интересующих нас находок, следует воссоздать экспозиционную ситуацию в предвоенном музее "Пруссия". В начале 20-х годов руководство и фонды прежнего Восточно-прусского провинциального музея переместились из помещений на Королевской улице (Königstraße 65/67, ныне – ул. Фрунзе) на второй этаж южного флигеля Королевского замка (Albinus U., 1988, S. 10). В июле 1924 г. была открыта новая музейная экспозиция (история и этнография), занимавшая фактически весь комплекс западной части каре, образованного замковыми постройками, а в ноябре 1925 г. она составила основу вновь образованного музея "Пруссия". В 1935–1944 гг. подразделения музея распределялись в помещениях замка следующим образом:

Южный флигель. В круглой Вирцбургской башне (Wirzburger Turm), с востока почти примыкавшей к замковому донжону, располагался кабинет директора музея В. Гэрте (1891–1958 гг.). К западу от этой "директорской" башни располагалась обширная музейная библиотека, в которой наряду с литературой хранился, видимо, и рукописный фонд музейных описей. Далее на запад коридор вел к угловой замковой башне (Hinterster Ort-Thurm), где занимали свои рабочие кабинеты известные прусские археологи К. Энгель (1895–1947 гг.) и Г. Кроме. К востоку от директорских апартаментов, на первом этаже южного замкового флигеля, располагалась доисторическая экспозиция музея. Здесь между Вирцбургской башней и башней Грубера (Grubers Turm) в начале XX в. были созданы шесть музейных залов. Самый большой по своей площади зал 1 включал древности каменного века, в зале 2 экспонировались находки эпохи бронзы, в залах 3 и 4 были выставлены соответственно материалы I–II и III–IV вв. н.э., зал 5 был предназначен для экспонатов V–VIII вв. н.э., включая материалы западномазурских могильников Тумяны/Daumen, Келары/Kellaren (бывш. округ Алленштайн/Allenstein), среди которых видное место занимали урны с отверстиями. Здесь же присутствовал раздел "позднеязыческих" древностей IX–XIII вв., где всеобщее внимание привлекали находки из курганов Кауп (Kaup bei Wiskiauten, бывш. округ Самланд/Samland, ныне – пос. Моховое Зеленоградского р-на Калининградской обл.), всемирно известного памятника эпохи викингов. Наконец, в зале 6 были выставлены артефакты XIV и XV вв., свидетельствовавшие о сохранении языческих пережитков у пруссов в орденскую эпоху (Gaerte W., 1935, S. 3–5). Кроме того, в южном флигеле находилась столярная мастерская, в которой трудились мастера Хазе и Хузе. Кроме того, здесь вел реставрационные работы Й. Вильчек, являвшийся одновременно шофером музейного легкового автомобиля. Осмотр доисторической экспозиции шел с запада на восток, от Вирцбургской башни к башне Грубера и за нее. Вход экскурсантов в данную часть экспозиции осуществлялся из замкового двора через портал в юго-западном углу замка (именно там стояла перед началом войны каменная фигура Манкестеен (Albinus U., 1988, S. 10)), выход – в замковый двор через калитку, именовавшуюся "Дверца напротив города" (Turlein gegen die Stadt).

Западный флигель. Далее на север от угловой башни размещались служебные помещения научно-технических работников. На втором этаже, в просторном зале, разделенном перегородками на пять неравных по площади отсеков (Boetticher A., 1897, Abb. 25), работали художник и реставратор Фриц Йенш, его сын Курт, занимавшийся картографией, уроженец Берлина Й. Хоффманн, изучавший погребальные древности куршей и ламатов, а также господин Гервин, житель города Кранц (Cranz: ныне г. Зеленоградск). Этот музейный работник изготавливал наглядные пособия для школ, представлявшие собой гипсовые копии реальных экспонатов, для правдоподобия покрашенные анилиновыми красками. Деятельности подобного рода в предвоенной Германии музейные работники придавали большое (если не основополагающее) значение (Anonim, 1931, S. 132). С приходом к власти НСДАП эта форма

музейной работы стала одной из составляющих общегосударственной программы Gleich-schaltung ("Приведение к господствующей идеологии"), ставившей целью регерманизацию немцев. К этой программе 10 декабря 1934 г. присоединилось Общество по изучению древностей "Пруссия", с которым был связан музей "Пруссия" (Brilla G., Brilla R., 1997, S. 8). Упомянутые выше пособия (Anschauungskästen) представляли собой деревянные ящики, в которых помещали в среднем по 12 копий находок одной категории, происходящих из различных памятников с разной датировкой. Древности среднего и позднего железного века были здесь представлены копиями бронзовых фибул, пряжек, браслетов и гривен (Jänsch K., 1987, S. 14). Далее четвертый этаж занимал вместительный (дл. 83 м) "Зал московитов" (Moskowitersaal), где экспонировались материалы по военной истории Восточной Пруссии. Ниже, на первом этаже, располагался этнографический отдел экспозиции (Brilla G., Brilla R., 1997, S. 6). В северной части западного флигеля находились билетная касса и центральный вход в музей, ведший с замкового двора (рис. 1, *А*). По обеим сторонам от входа стояли каменные скульптуры: раннесредневековое ятвяжское изваяние Манкестеен (во всяком случае – в предвоенное время) и мраморный торс Афродиты. С 1994 г. Манкестеен украшает центральную часть археологической экспозиции КОИХМ. К северу от центрального входа в музей в помещениях башни, возвышавшейся в западной части здания "Фирмарии" располагались временные выставки. В частности, здесь в 1937 г. была открыта выставка, посвященная археологии эпохи викингов (Kleemann O., 1937, S. 354–357).

Северный флигель включал экспозицию погребальных урн от эпохи неолита до середины I тыс. н.э., хранившихся в многочисленных шкафах, стоявших в зале Блютгерихт (Blütgericht). Как вспоминала М.Х. Шмидехельм, посещавшая Кёнигсберг в 1940 г., эти урны были единственным разрядом археологических находок, находившихся в экспозиции музея "Пруссия" без сопровождающих вещевых комплексов. Информация об этой части музейной экспозиции, как, впрочем, и об отделах "Народные ремесла" и "Населения и приграничной политики", крайне скупа.

Нет никаких сомнений в том, что основной поток посетителей направлялся в музейные залы, расположенные в западном и южном замковых флигелях.

О методах и месте хранения фондов музея "Пруссия" (Studiensammlungen) наша информация минимальна. Известно лишь, что материал в фондах этого музея хранился на стеллажах, причем находки по комплексам прикреплялись проволокой к фанерным и/или картонным щитам (Brilla G., Brilla R., 1997, Abb. 4). Можно предположить, что, в соответствии с общеевропейской практикой, в том же порядке артефакты выставлялись в открытой экспозиции. Согласно прочитанному в 1994 г. докладу Г. Нельса, часть музейных фондов (die Studiensammlung) была из Кёнигсберга в 1943 г. эвакуирована в г. Деммин, откуда позднее попала в Берлин, где ныне и хранится в Музее до- и протоистории (замок Шарлоттенбург) (Brilla G., Brilla R., 1997, S. 9). При этом находки представлены в самом широком спектре категорий (от бронзовых орудий до мечей и копий эпохи викингов (Menghin W., 1993, S. 1). В ряде случаев находки, как это отмечалось выше для фондов музея "Пруссия", сохранились прикрепленными проволокой к планшетам согласно погребальным комплексам. Таким образом, факт принадлежности части хранящихся ныне в Берлине артефактов к фондам музея "Пруссия" не вызывает сомнений. С другой стороны, ряд уникальных находок (например, оружие из могильника Кауп) явно происходит из экспозиции упомянутого музея. Можно предположить, что эвакуации в 1943 г. были частично подвергнуты и залы, располагавшиеся в южном флигеле замка. Правда, находки "древностей бронзового века", сделанные в 1945 г. А.Я. Брюсовым, показывают, что эвакуация затронула далеко не все экспонировавшиеся артефакты. Во всяком случае значительная часть экспонатов зала 2 осталась в горящем Кёнигсберге. Их вывозу помешали далеко не благоприятные обстоятельства военного времени. Эвакуация находок из расположенных восточнее зала 2 помещений 3–6 показывает направление эвакуационных работ через бывший выход из музея (рис. 2). Транспортные средства

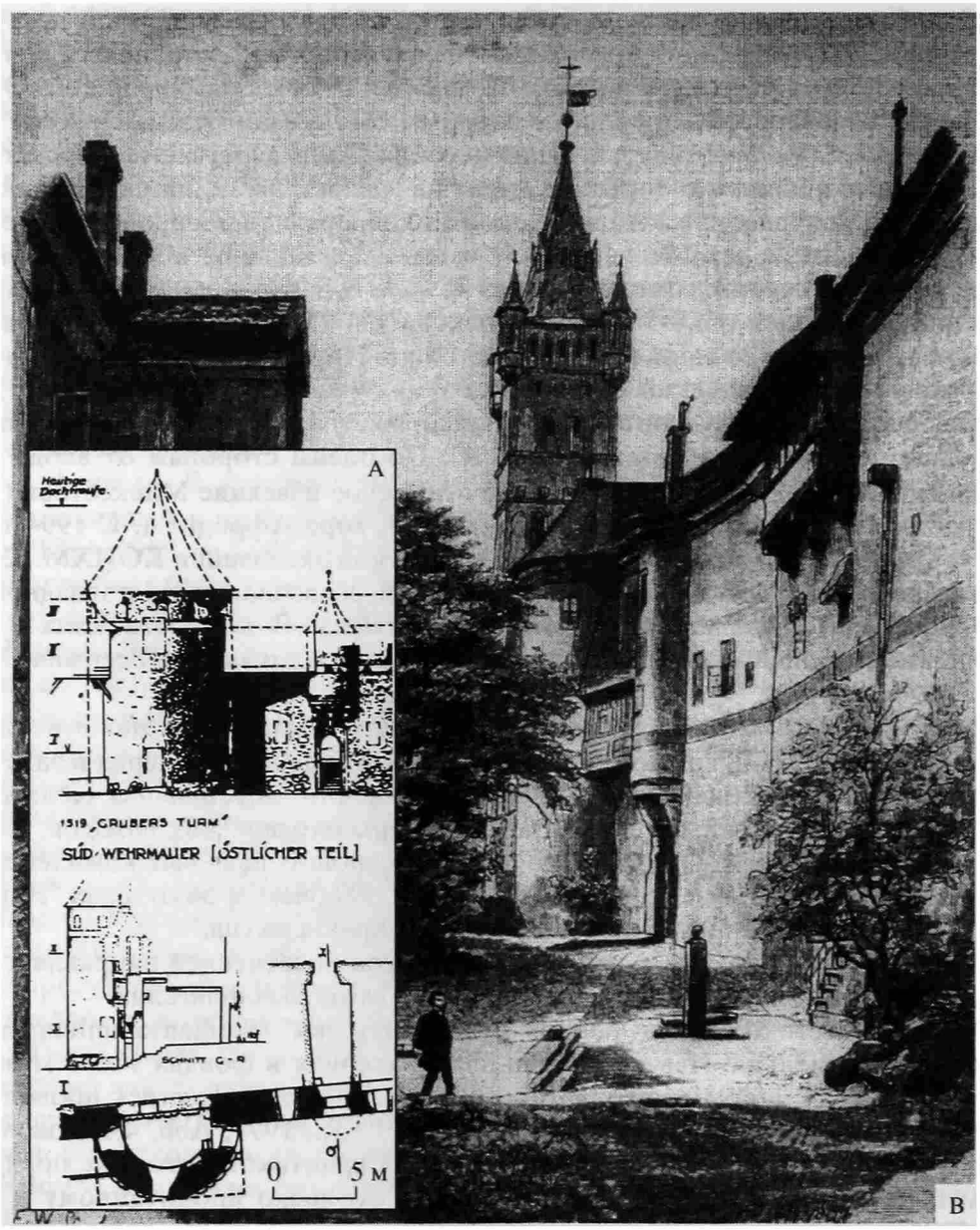


Рис. 1. Южный флигель Королевского замка в Кёнигсберге: *А* – вид с юга и план цокольной части башни Грубера (Grubers Turm) и калитки "Дверца напротив города" (Turlein gegen die Stadt) (Lahrs Fr., 1956, Abb. 9, *1*). Сечение Q–H показывает разрез выхода из музейной экспозиции. *В* – литография Иоганнеса Хейдекка "Замок в Кёнигсберге с южной стороны" (ок. 1880 г.) (Königsberger Bürgerbrief, 1995, Umschlagseite)

могли ожидать груз лишь в замковом дворе, ибо ведущая на юг, к замковому "променаду" калитка "Дверца напротив города", над которой возвышалась безымянная башня-эркер, была недоступна для проведения такелажных работ ввиду завалов, образованных английскими бомбами.

Связь находок, сделанных В.Н. Строкиным и И.Т. Кедрик, с экспозицией южного флигеля, достаточно проблематична. По своей номенклатуре (среди находок только фибулы составляют 66 ед.) они близки к системе подбора артефактов для создания учебных мобильных экспозиций, хранившихся в небольших ящиках (Anschauungskästen). Правда, там находились сделанные музейным сотрудником Гервином гипсовые копии, а материал находок Строкина/Кедрика – серебро и бронза. Эти вещи

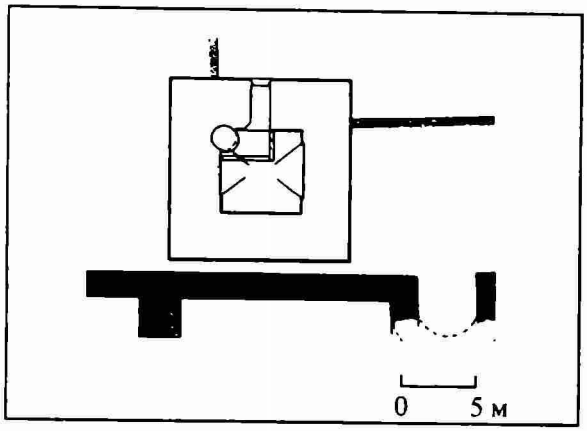


Рис. 2. План цокольного этажа замковой башни-донжона (Lahrs Fr., 1956, Abb. 12)

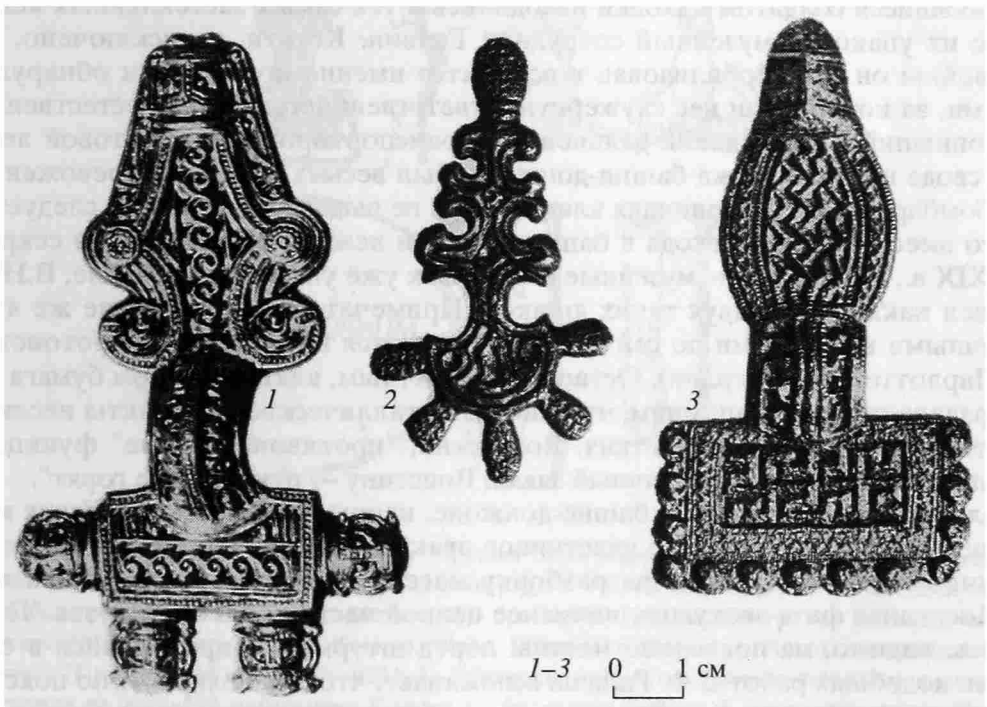


Рис. 3. Западномазурские находки из "калининградской части" коллекций музея "Пруссия", происходящие из погребений могильника Тумяны: *1* – Da-37; *2* – Da-74; *3* – Da-11

являлись или аутеничными прототипами для изготовления гипсовых копий, или (что менее вероятно) копиями, сделанными из металла. Кстати, следы гипса, обнаруженные в процессе реставрации 1976/1977 гг. на многих артефактах Строкина, подтверждают гипотезу о копировании этих находок до 1944 г. Единственным исключением здесь является серебряная с золочением фибула из погр. 37 могильника Тумяны (рис. 3, *1*). Теоретически ее место – в экспозиции зала 5.

Дополнительным аргументом к идентификации "калининградской" части коллекции музея "Пруссия" является находка вместе с фибулами, пряжками и т.п. части музейных описей, явно не имеющих никакого отношения к экспозиции. Как уже отмечалось выше, эти манускрипты хранились скорее всего в помещении, соседствовавшем с юго-западной замковой башней (Hinterster Ort-Thurm), в непосредственной близости от места складирования передвижной учебной экспозиции. Ввиду этого

совместная эвакуационная транспортировка этой части музейных коллекций и описей инвентаря по памятникам вполне логична. Самым близким путем для этой ручной транспортировки из юго-западного угла замка был выход через небольшую дверь, ведшую из донжона (Bergfried) в замковый двор (рис. 1, *B*). То, что часть груза ("калининградская часть" коллекции), осталась в руинах замка под мощным кирпичным завалом, свидетельствует о трагических обстоятельствах, внезапно помешавших ходу эвакуации. Обнаруженные В.Н. Строкиным и И.Т. Кедрик экспонаты и часть музейных описей были погребены вместе с караульным солдатом вермахта под кирпичным сводом первого этажа башни донжона. Целостность этого свода была нарушена августовскими бомбардировками 1944 г. Солдат, часть останков которого обнаружил В.Н. Строкин и машинально (или для массовости?) передал в краеведческий музей, находился на третьем этаже южного флигеля, у выхода из коридора, ведшего из юго-западной башни в башню-донжон. Судя по размеру дверного проема (Lahrs Fr., 1956, Abb. 41, *IV*), здесь находились двустворчатые двери. Бронзовые парные накладки в виде богини Ники, украшавшие двустворчатую дверь, ведшую в этот коридор, были обнаружены В.Н. Строкиным вместе с иными находками.

Охранявшиеся солдатом находки находились в тех самых застекленных ящиках, в которые их упаковал музейный сотрудник Гервин. Кстати, не исключено, что на исходе войны он был мобилизован в вермахт и именно его останки обнаружены с находками, за которые он нес служебную ответственность. Вполне естественно, что груз, скопившийся в ожидании дальнейшей транспортировки по винтовой лестнице вниз на своде второго этажа башни-донжона, был весьма тяжел. Потревоженная недавней бомбардировкой кирпичная кладка свода не выдержала. Ведь не следует забывать, что вместе с ними у входа в башню-донжон лежали еще ящики из секретеров начала XIX в., содержавшие музейные описи. Как уже упоминалось выше, В.Н. Строкин нашел накладки от двух таких ящиков. Примечательно, что такие же ящики с аналогичными накладками по сей день используются в Музее до- и протоистории в замке Шарлоттенбург (Берлин). Остается непонятным, каким образом бумага описей не пострадала от огня. Напомним, что многие металлические артефакты несли следы высокотемпературного воздействия. Возможно, "противопожарные" функции герметика для бумаги сыграл кирпичный завал. Воистину – "рукописи не горят".

Обвал сводчатого потолка в башне-донжоне, накрывший часть музейных коллекций и унесший жизнь одного из участников эвакуации, конечно, не мог остаться незамеченным. Однако времени на разборку массивного кирпичного завала явно не было. Последняя фаза эвакуации наименее ценной части коллекций музея "Пруссия" пришлась, видимо, на последние месяцы перед штурмом и проводилась в спешке. Участник подобных работ В.Ф. Ращепа вспоминает, что они велись "...по пояс в горячей воде среди дыма и гари...", причем "...ящики ...были разной длины и ширины. Они были не особо тяжелые, потому что мы вдвоем могли подать их с машины..." (Пржездомский А.С., 1997, с. 50, 51). Традиционно считается, что эти воспоминания относятся к вывозу пресловутой Янтарной комнаты. Возможно, такая трактовка цели эвакуации из замка имеет право на существование, но нет противопоказаний тому, что вместе с янтарем должны были вывозить и археологические коллекции.

В результате эвакуации 1943–1945 гг. археологические экспонаты крупнейшего музея Балтии оказались частью на территории современной Польши, отдельными фрагментами – в различных хранилищах Восточной Германии (в основном вокруг г. Деммин). После 1990 г. распыленные по территории Германии экспонаты были сконцентрированы в Берлине. Кроме того, из Кёнигсберга были эвакуированы части фондов окружных музеев. Так, находки и архивные материалы из музея в замке Лохштедт оказались в музее "Самланд" (г. Пиннеберг), а материалы из музея Общества по изучению древностей Инстербурга (ныне – г. Черняховск) – в собрании Института до- и протоистории университета в Галле.

Западномазурские материалы из "калининградской части" коллекции музея "Пруссия" в значительной мере опубликованы (Кулаков В.И. 1990a, с. 64–71; 1990b, с. 149).

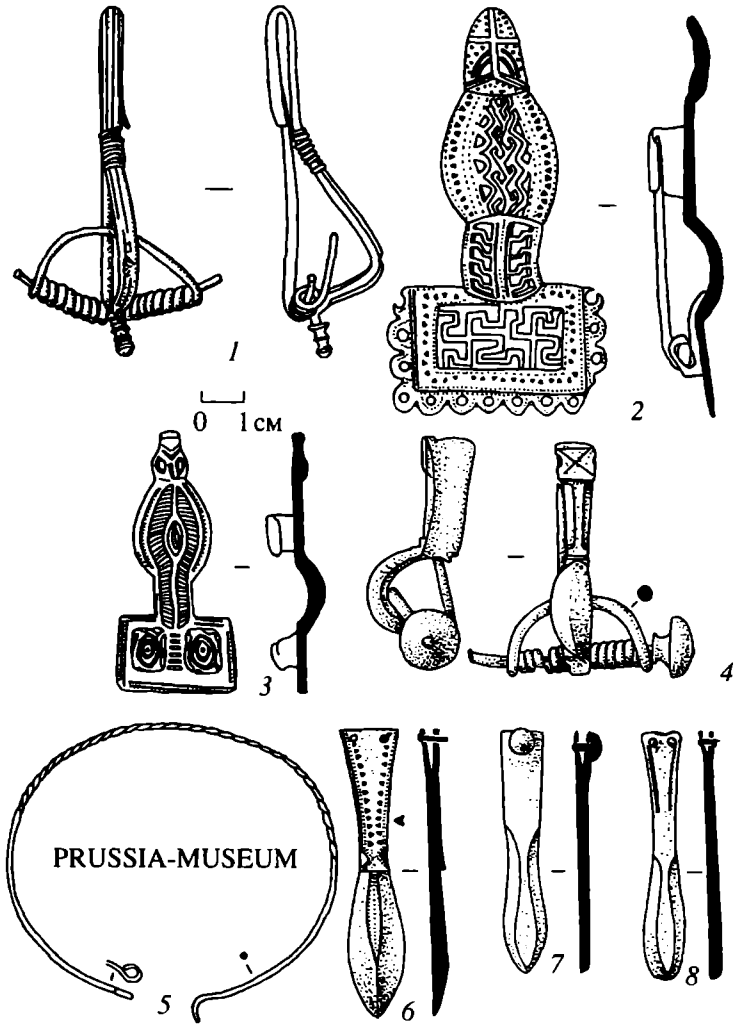


Рис. 4. Экспонаты из коллекции бывшего музея "Пруссия", поступившие в 1998 г. от В.Н. Строкина в музей Кафедрального собора ("остров Канта", г. Калининград): *1* – бронзовая фибула, со следами железной окалины (горела рядом с железным предметом); *2* – бронзовая фибула из погр. 323 могильника Косево (Альт-Коссевен/Alt-Kossewen, ныне – Kosewo, Woiw. Warmińsko-Mazurskie, Polen), инвентарный номер хранения музея "Пруссия" PM Inv. VII. 76. 9284; *3* – бронзовая фибула с железным стержнем пружины, одна из двух застежек из погр. 580 могильника Косево; *4* – бронзовая фибула, *5* – вотивная гривна (браслет?); *6–8* – бронзовые наконечники ремней (места находки артефактов № 4–8 неизвестны)

В научный оборот пущены западномазурские материалы, хранящиеся ныне в Музее до- и протоистории (Шарлоттенбург, Берлин). Правда, принадлежность этих находок к фондам музея "Пруссия" (что весьма вероятно) в публикации не указана (Nowakowski W., 1998, S. 7). К сожалению, представление В. Новаковским артефактов вне комплексов, нередко с излишне обобщенной датировкой, без данных о погребальном обряде, и с иллюстрациями, стилизованными в довольно архаичном виде, не расширяет наших знаний о древностях западных балтов. Информация польского коллеги о современной историографии вопроса тоже далека от совершенства. Обнаружение в Риге рукописи Ф. Якобсона, посвященной результатам раскопок могильников Тумяны/Daumen и Келары/Kellaren, публикация этих материалов даст возможность В. Новаковскому (Bitner-Wróblewska A., 1999, s. 206) углубиться в проблему изучения бесценных раритетов прусской археологии.

Оказывается, "калининградская часть" коллекции музея "Пруссия" нам известна еще не до конца. В сентябре 1998 г. В.Н. Строкин из своей частной коллекции,

составленной из находок в руинах Королевского замка, сдал при посредничестве Русско-немецкого дома несколько экспонатов бывшего музея "Пруссия" (рис. 4) в экспозицию, развернутую И.А. Одинцовым в отремонтированном Кафедральном соборе. Через год, в ноябре 1999 г. один из калининградских антикваров передал в Отдел истории края КОИХМ несколько сотен бронзовых украшений I тыс. н.э., также происходящих из собраний музея "Пруссия". В течение 1998–1999 г. они были найдены в помещениях форта № 3 (Quedenau), где в ноябре–декабре 1999 г. сотрудники КОИХМ дополнительно обнаружили около 20 000 целых и фрагментированных экспонатов музея "Пруссия". С учетом факта эвакуации на запад фондов этого музея, происшедшей в 1943 г., данные артефакты могут происходить лишь *из экспозиции музея "Пруссия"* (залы 3–5). Видимо, залы музея не были лишены экспозиции до трагического для Кёнигсберга августа 1944 г. Неудавшаяся эвакуация экспозиции, прерванная из-за обвала замковых стен и/или сводов в сентябре 1944 г. (следы этой трагедии найдены В.Н. Строкиным в 1967–1969 гг.), была продолжена в январе 1945 г., что подтверждается упоминавшимся выше письмом В. Ла Бома. Показательно, что многие из артефактов, обнаруженных в 1967–1969 гг. и в 1999 г., были опубликованы в археологической литературе конца XIX – начала XX вв. Видимо, музейное руководство не было заинтересовано в публикации находок, находившихся вне экспозиции, т.е. в фондах, ныне находящихся в Шарлоттенбурге.

Следует надеяться, что будущее принесет нам новые сюрпризы относительно коллекций прусских древностей, долгое время считавшихся утраченными безвозвратно и навсегда. К счастью, это не соответствует действительно, причем не только в отношении прусских материалов, но и касательное древностей других балтских племен (Kulakov V.I., Šimėnas V.G., 1992, S. 179). Быть может, когда-либо удастся провести раскопки руин музея "Пруссия", что поможет окончательно выяснить события последних дней существования одного из крупнейших музейных хранилищ Балтии. Пока же его руины скрыты многометровыми напластованиями послевоенного времени, а на месте юго-западной замковой башни, в которой некогда располагались рабочие кабинеты археологов К. Энгеля и Г. Кроме, осенью 1999 г. была поставлена ритуальная иудейская менора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Валуев А.А., 1993. Музей "Пруссия" в прошлом и настоящем // Кёнигсбергский курьер. № 13 (50), июльский выпуск.

Гаузе Фр., 1994. Кёнигсберг в Пруссии. История одного европейского города. Реклингхаузен.

Коваль С.А., Покладова В.П. и др., 1996. Калининградский областной историко-художественный музей. Калининград.

Кулаков В.И., 1990а. Древности пруссов VI–XIII вв. // АСИ. Вып. Г1–9.

Кулаков В.И., 1990б. Хронология пруссов VI–XIII вв. (по материалам могильника Суворово) // Istorija. T. 31. Vilnius.

Кулаков В.И., 1990в. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V – начала VIII вв. (по материалам раскопок 1878–1938 гг.) // Barbaricum-1989. Warszawa.

Овсянов А.П. 1994. Утраченные культурные ценности Кёнигсберга (Судьбы, проблемы, поиски и находки). Рукопись доклада, прочитанного в Ost-Akademie (Lüneburg).

Овсянов А.П. 1998. В руинах старого замка. Калининград.

Орлов А., Стороженко Е., 1991. О чем молчат подвалы Блютгерихта. Калининград.

Пржездомский А.С. 1997. Янтарный призрак. Калининград.

Сухова С., 1993. Снова над замком тучи // "Калининградская правда" от 13 июля.

Albinus U., 1988. An altpreußische Tradition angeknüpft // Das Ostpreußenblatt. Fol. 2.

Anonim, 1931. Kurze Nachrichten // Museumskunde. Neue Folge. Bd. 3. H. 3. Berlin; Leipzig.

Bitner-Wróblewska A., 1999. Archiwum Feliksa Jakobsona w Rydze – neoczekiwana szansa dla archeologii bałtyjskiej // Archeologia ziem pruskich. Nieznane zbiory i materiały archiwalne. Olsztyn.

Brilla G., Brilla R., 1997. Schtreiflichter aus der Geschichte der alten und der neun PRUSSIA // 150 Jahre Prussia. Duisburg.

Boetticher A., 1897. Die Bau- und Kunstdenkmäler in Königsberg. Königsberg.
Gaerte W., 1935. Kurzer Führer durch das Prusia-Museum. Königsberg.
Jänsch K., 1987. Das Prussia-Museum in Königsberg (Pr) // Unser schones Samland, 95–96. Folgen, Herbst-Winter 1987. № III, IV.
Kaczyński M., Bitner-Wróblewska A., Brzeziński W., Iwanowska G., 1987. Katalog // Die Balten. Die nördlichen Nachbarn der Slawen. Freiburg; Braunschweig.
Kleemann O., 1937. Die Wikingeraustellung des Prussia-Museums // Germanen-Erbe. 2. Jahrgang.
Königsberger Bürgerbrief, 1995. № 45. Leer.
Kulakov V.I., Šimėnas V.G., 1992. Latgalische Schmucktypen in des Sammlung des Instituts für Ur- und Frühgeschichte der Universität Wien // Archaeologia Austriaca. Bd. 76.
La Baume W., 1927. Bildsteine des frühen Mittelalters aus Ost- und Westpreußen // Blätter für deutsche Vorgeschichte. H. 5. Danzig.
Lahrs Er., 1956. Das Königsberger Schloss. Stuttgart.
Menghin W., 1993. Ein Wikingerschwert aus Samland // Berliner Fund des Monats. Berlin.
Nowakowski W., 1998. Die Funde der römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit in Masuren. Berlin.

Институт археологии РАН, Москва

Критика и библиография

SYLLOGE NUMMORUM GRAECORUM. THE COLLECTION OF THE AMERICAN NUMISMATIC SOCIETY. Pt. 9. GRAECO-BACTRIAN AND INDO-GREEK COINS. New York, The American Numismatic society, 1998.

Рецензируемый каталог греко-бактрийских и индо-греческих монет, принадлежащих Американскому нумизматическому обществу, вышедший в широко известной серии "Sylloge nummorum graecorum", заслуживает самого пристального внимания. Во-первых, за публикацию одной из самых интересных коллекций; во-вторых, за высочайшее качество самой книги. Издание хорошо иллюстрировано (всего дано 76 таблиц), а его подготовка к печати была осуществлена О. Бопеараччи – без преувеличения лучшим на сегодня знатоком греко-бактрийской и индо-греческой нумизматики.

Каталог состоит из следующих частей: "Введение", "Доселевкидские монеты Бактрии", "Селевкидские монеты Бактрии" и "Греко-бактрийские и индо-греческие монеты". Добавлены индексы – "Легенды", "Монограммы и символы", "Типы", "Происхождение", а также избранная библиография. В последнем индексе указывается предполагаемое происхождение монет, если оно известно.

Во "Введении" рассмотрены основы классификации. Материал каталога структурирован по тем же принципам, которые были предложены О. Бопеараччи в его предыдущих работах (Bopearachchi O., 1991; Bopearachchi O., Aman ur Rahman, 1995). Монеты расположены в хронологическом порядке по чекану правителя, внутри чекана – по сериям, внутри последних – по монограммам. Собственно монетам и их описанию предпослан краткий обзор основных проблем правления того соверена, при котором они были отчеканены, с учетом как классических трудов (Tarn W.W., 1951; Narain A.K., 1957), так и современной историографии.

Чеканка Бактрии в доселевкидскую и селевкидскую эпохи представлена подражаниями афинским совам (№ 1–11), монетами с орлом (12–20), выпусками Софита (21–27), Селевка I (28–35), Антиоха I (36–68) и Антиоха II (69–74).

Из галереи греко-бактрийских и индо-греческих царей присутствуют монеты Диодотов I и II (75–119), Евтидема I (120–179), Деметрия I (180–215), Евтидема II (219–229), Агафокла (230–261), Панталеона (262–273), Антимаха I (274–298), Аполлодота I (299–390), Деметрия II (391–395), Антимаха II (396–429), Евкратида I (430–617), Евкратида II (618–626), Платона (627–631), Гелиокла I (632–681), Менандра I (682–965), Зоила I (966–980), Агафоклеи и Стратона I (981–988), Стратона I (989–1024), Лисия (1025–1055), Антиалкида (1056–1137), Гелиокла II (1139–1157), Поликсена (1158), Деметрия III (1159), Филоксена (1160–1214), Диомеда (1215–1240), Аминты (1241–1253), Епандера (1254–1259), Теофила (1260–1262), Никия (1263–1268), Менандра II (1269–1271), Артемидора (1272–1284), Архебия (1285–1316), Гермея (1317–1521), Аполлодота II (1522–1612), Гиппострата (1614–1646), Дионисия (1647–1653), Зоила II (1654–1686), Аполлофана (1687–1695), Стратона II (1696–1745). Таким образом, отсутствуют лишь монеты Певколая (Bopearachchi O., 1991, p. 309, pl. 48), Фрасона (Bopearachchi O., 1991, p. 310) и Телефа (Bopearachchi O., 1991, p. 344, 345, pl. 60). Монета № 1138 рецензируемого каталога представляет собой выпуск Антиалкида и Лисия, а экземпляр № 1613 – подражание Аполлодоту II. Необходимо сразу отметить, что О. Бопеараччи не отличает чекана Диодота I от выпусков Диодота II, хотя и не сомневается в существовании обоих этих правителей. С его точки зрения, еще недостаточно источников, чтобы отделить монетные серии отца от чеканки сына, с чем, на наш взгляд, трудно не согласиться.

Историческая концепция О. Бопеараччи почти не претерпела изменений: сохранена та схема, которую он предложил в предыдущих работах (Bopearachchi O., 1991; Bopearachchi O., Aman ur Rahman, 1995). Следует прежде всего подчеркнуть, что она, видимо, наиболее отвечает имеющимся на сегодняшний день фактам.

© А.О. Захаров, 2000 г.

Однако некоторые вопросы трактуются О. Бопеараччи несколько иначе, чем ранее. Например, под влиянием новых источников (пергамена, гласящего: "во время правления бога Антимаха, и Евмена, и Антимаха...", см.: Hollis A.S., 1994, S. 268–280) французский нумизмат предложил две возможные интерпретации царствования Антимаха II Никефора: в любом случае он правил одновременно с Антимахом I Теосом, но был ли он соправителем, остается неясным. О. Бопеараччи уточнил и хронологию правления данных царей: они вступили на престол около 174 г. до н.э., а их царствование закончилось около 165 г. до н.э., тогда как ранее исследователь датировал Антимаха I Теоса 185–170, а Антимаха II Никефора – 160–155 гг. до н.э. (Bopearachchi O., 1991, p. 59, 64).

О. Бопеараччи пересмотрел свою точку зрения на время введения Евкратидом I титула ΜΕΓΑΣ ("великий"): он полагает, что это событие имело место не позднее чем в 162 до н.э., так как восставший селевкидский сатрап Тимарх копировал монетный тип Евкратида I в своем чекане. Думается, данная гипотеза вполне справедлива, хотя встает другая проблема: чем было вызвано введение Евкратидом I нового монетного типа? Есть основания полагать, что возможны следующие варианты: либо он хотел провозгласить свою победу над Деметрием II, либо именно тогда началась его первая удачная кампания в Индию, или этим он хотел подчеркнуть свою независимость от Митридата I. Как показал Г.А. Кошеленко, этот парфянский правитель завладел сатрапиями Аспионом и Туривой (Strab. XI. 9, 2 и 11, 2) именно в начальный период правления Евкратида I, после чего последний сумел стабилизировать обстановку, о чем свидетельствует обильный чекан и уже упоминавшаяся удачная кампания в Индии (Кошеленко Г.А., 1972, с. 79–102). Гипотеза о начале индийских завоеваний, с одной стороны, вполне оправданна, так как Юстин сообщает о пяти месяцах осады Евкратида I, после чего он подчинил себе Индию (Iust. XLI. 6, 4). Если учесть, что этот правитель восстал в 171 г. до н.э., сложно представить ситуацию, при которой индийские походы были предприняты лишь в 50-е годы II в. до н.э. Кроме того, исходя из первой гипотезы (победа над Деметрием II), сложно объяснить тот объем чекана Евкратида I, который не содержит титула "великий". С другой стороны, необходимо отметить, что любое военное действие в Индии могло, вероятно, начаться только при стабильной обстановке, т.е. после решения вопросов взаимоотношения с Парфией. Поэтому окончательный выбор между началом индийских походов и урегулированием внешнеполитической линии по отношению к Митридату I как главными причинами принятия Евкратидом I титула "великий" затруднен отсутствием прочной источниковой базы.

Есть основания подробнее остановиться на проблеме Менандра I – одной из сложнейших в индо-греческой историографии (подробнее см.: Сердитых З.В., Кошеленко Г.А., 1987, с. 242–244). В рецензируемой работе предлагаются следующие ее возможные решения. Первая альтернатива: Менандр I начал править в 165 г. до н.э. и скорее всего изменения в его чекане действительно связаны с выпусками Евкратида I, как долгое время предполагал О. Бопеараччи (Bopearachchi O., 1991, p. 66–72; Bopearachchi O., Aman ur Rahman, 1995, p. 30, 32, 58, 59). Другой вариант интерпретации связан с допущением возможности самостоятельного развития типа легенды на монетах этих двух сюзеренов и 155 г. до н.э. как дату начала правления Менандра I. Хотелось бы подчеркнуть, что второе предположение, на наш взгляд, пока слабо аргументировано, поэтому окончательное решение вопроса, видимо, остается за будущими исследованиями.

Среди монет, заслуживающих отдельного упоминания, можно выделить выпуск Зоила I (№ 966). Он интересен тем, что чеканен по аттическому весовому стандарту. О. Бопеараччи полагает, что данный чекан был рассчитан либо для торговли с Бактрией, либо служил данью тем соседям, где использовался аттический стандарт. Вероятно, эти объяснения вполне могут быть не противопоставлены, а объединены, так как Бактрия действительно участвовала в торговле, как сообщают китайские хроники (Zürcher E., 1968, p. 359–361), с другой стороны, вполне допустимо предположить, что одновременно существовала угроза извне – волны саков, ушедших за "висячий проход" после разгрома их юечжами, вполне могли атаковать государство Зоила I, чье правление датируется 130–120 гг. до н.э.

Хотелось бы указать на экземпляр № 1138 – уникальную монету, обладающую одновременно чертами выпусков Антиалкида и Лисия. О. Бопеараччи отмечает, что она не может рассматриваться как свидетельство их совместного правления и ее следует интерпретировать либо как свидетельство одновременного использования ими одного и того же монетного двора, либо как факт того, что один правил непосредственно после другого.

Среди тех немногочисленных замечаний, которые могут быть сделаны по публикуемому каталогу, следует отметить следующие. Во-первых, странным выглядит то обстоятельство, что к посмертным выпускам Евкратида I отнесены монеты, которые, кажется, вполне могут быть интерпретированы как прижизненный чекан – № 461–525. Аналогии, которые приводит

О. Бопеараччи из фундаментального каталога – серии № 6–9 – он ранее к посмертной чеканке не относил (Bopearachchi O., 1991, p. 203–208). Отечественные исследователи опубликовали один подлинный экземпляр в коллекции Государственного Исторического музея, являющийся, с нашей точки зрения, аналогией одной из монет в рецензируемых сюллоге – № 423 (Асавина Н.М. и др., 1979, № 22, с. 81). Остается надеяться, что данное замечание вызвано досадной опечаткой в оглавлении. Во-вторых, неясно, почему не указан надчекан на монете № 184, выпущенной Деметрием I.

В-третьих, сомнительным утверждением представляется приписывание подражаний монет Гермею юечжам, которые, согласно О. Бопеараччи, проникли спустя несколько десятилетий после завоевания Бактрии за Гиндукуш. Если такая точка зрения верна, то придется отказать в аутентичности китайским хроникам, утверждающим, что юечжи начали покорение Индии лишь при Куджуле Кадфизе (Zürcher E., 1968, p. 367). Видимо, предположение О. Бопеараччи можно интерпретировать как попытку объяснить наличие монет с именем Кадфиза I в основном к югу от Гиндукуша и их почти полное отсутствие в собственно Бактрии. Но нельзя забывать о подражательном характере кушанской чеканки вообще (Macdowall D.W., 1968, p. 134–149). Исходя из подобного обстоятельства, кажется, нет особой необходимости искать чекан с именем Куджулы в районах в северу от Гиндукуша. Некоторые исследователи предлагают рассматривать поздние группы подражаний монетам Гелиокла как выпуски Кадфиза I на территориях к северу от Гиндукуша (Зеймаль Е.В., 1983, с. 40). В таком случае встает проблема "Герая", так как на его монетах присутствует титул "кушан". Поэтому более правильным кажется считать эти группы "варварского Гелиокла" выпусками других ябгу юечжей, покоренных Куджулой. Кроме того, недавно Д. Крибб высказал оригинальное, но в целом приемлемое предположение о том, что так называемый чекан "Герая" принадлежит Кадфизу I (Cribb J., 1993, p. 107–134). В свете исследований Р.Ф. Тарасенко, убедительно показавшего, на наш взгляд, что в легенде на монетах "Герая" не содержится имени правителя (Тарасенко Р.Ф., 1989, с. 50–56), подобный тезис объясняет отсутствие чеканки с именем Куджулы Кадфиза в областях к северу от Гиндукуша. Скорее всего этот правитель стал чеканить свое имя на монетах завоеванных территорий, не меняя их принципиального типа. Встающая при подобной интерпретации проблема, кто чеканил подражания Гермею, может быть, вероятно, снова решена в пользу одной из волн саков, перешедших Гиндукуш. Как показал Б.А. Литвинский, путей для проникновения их в Индию было достаточно (Литвинский Б.А., 1972).

Прежде чем завершить данную рецензию, есть основания еще раз подчеркнуть неоценимую роль О. Бопеараччи в развитии греко-бактрийской и индо-греческой нумизматики. Именно благодаря его труду мы имеем возможность пользоваться великолепными каталогами, в которых мастерски обобщен тот огромный монетный материал, который представлен в настоящее время не только в музейных коллекциях, но и в частных, а также доступные автору новые монетные находки в Средней Азии и Индии.

Подводя итоги, хотелось бы сделать следующий вывод: несмотря на отдельные спорные положения, опубликованный каталог представляет собой работу, отражающую современное состояние греко-бактрийской и греко-индийской нумизматики. Можно выразить уверенность, что данная публикация послужит многим современным и будущим историкам, нумизматам и представителям смежных отраслей в качестве одного из базовых трудов по отраженной в нем проблематике.

Институт археологии РАН,
Москва

А.О. Захаров

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Асавина Н.М., Новиков С.В., Никитин А.Б., 1979. Греко-бактрийские и греко-индийские монеты из коллекции Государственного Исторического музея // ВДИ. № 4.

Зеймаль Е.В., 1983. Северный Тохаристан в кушанскую эпоху (опыт историко-стратиграфической периодизации) // Бактрия – Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. М.

Кошеленко Г.А., 1972. Монетное дело Парфии при Митридате I // НиЭ. Т. X.

Литвинский Б.А., 1972. Древние кочевники "Крыши мира". М.

Сердитых З.В., Кошеленко Г.А., 1987. Проблемы истории и культуры Греко-Бактрии в литературе последних лет // СА. № 3.

Тарасенко Р.Ф., 1989. К прочтению и интерпретации легенд на монетах "Герая" // Общественные науки в Узбекистине. № 8.

Bopearachchi O., 1991. Monnaies Gréco-Bactriennes et Indo-Grecques. Catalogue Raisonné. Bibliotheque Nationale. Paris.

Bopearachchi O., Aman ur Rahman, 1995. Prekushana coins in Pakistan. Karachi.

Cribb J., 1993. The "Heraus" coins: their attributions to the Kushan king Kujula Kadphises, c. AD 30–80 // Essays in honor of Robert Carson and Kenneth Jenkins. London.

Hollis A.S., 1994. Historical and Numismatic Thoughts on the Bactrian Tax Receipt // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. B. 104.

Macdowall D.W., 1968. Numismatic Evidence for the date of Kaniṣka // Papers to the Date of Kaniṣka / Ed. A.L. Basham. Leiden (Oriental monographs. V. IV).

Narain A.K., 1957. The Indo-Greeks. Oxford.

Tarn W.W., 1951. The Greeks in Bactria and India. London.

Zürcher E., 1968. The Yüeh-chih and Kaniṣka in the Chinese chronicles // Papers to the Date of Kaniṣka / ed. by A.L. Basham. Leiden (Oriental monographs. V. IV).

О.М. ПРИХОДНЮК. ПЕНЬКОВСКАЯ КУЛЬТУРА. КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ. Воронеж: Воронежский университет, 1998. 170 с.

О.М. Приходнюк известен как крупный археолог-славинист. Без его трудов сейчас невозможно представить современную историографию о славянах Восточной Европы раннего средневековья. Они охватывают пражско-корчакские памятники Подолии, пеньковские, сахновские, кочевнические памятники Среднего Поднепровья. В 1985 г. О.М. Приходнюк защитил докторскую диссертацию "Славянское население Юго-Восточной Европы V–VII вв. (пеньковская культура)" и впоследствии постоянно занимался различными аспектами пеньковской тематики. Выход в свет данной монографии – закономерный итог работ ученого на протяжении 1985–1998 гг.

Работа представляет собой свод памятников во всем ареале пеньковской культуры (с. 145–160) с иллюстрациями (с. 78–144), списком литературы и архивных материалов (с. 161–168). Основная часть посвящена описанию истории исследования памятников, материальным признакам культуры (территория, поселение, городища, жилые и хозяйственные постройки, погребальные памятники, другие категории находок), вопросам периодизации и хронологии, региональным особенностям, итоговым замечаниям. Примечательно, что автор посвятил работу Д.Т. Березовцу – открывателю пеньковской культуры.

Во "Введении" О.М. Приходнюк затрагивает методические вопросы теории археологической культуры и задач археологии. Исследователь считает, что археология – наука вещеведческая. Задача археологов и археологии заключается в глубокой разработке и систематизации археологических материалов, а исторические обобщения – это область исторической науки. Эта точка зрения расходится с ранее принятой в советской археологии концепцией, исходящей из утверждения К. Маркса, что вещественные остатки реконструируют исчезнувшие социально-экономические формации. Но, замечает автор, уровень исторического обобщения доступен тем, кто хорошо владеет археологическими и историческими методами. Пожалуй, сейчас это необходимое условие для тех, кто создает монографические произведения и учебные курсы по древней и раннесредневековой истории. Однако, как верно замечено, историк не должен использовать археологические источники в качестве иллюстраций к умозрительным построениям, поэтому работа О.М. Приходнюка – чисто археологическая, целью которой является скрупулезная проработка археологических источников по единой методике.

Раздел "История исследований" построен по территориально-хронологическому принципу. Описание исследований на Днепровском Левобережье О.М. Приходнюк начинает с раскопок у села Задонецкого. Здесь хотелось бы остановиться на терминологии. Если речь идет о памятниках на Северском Донце и притоках, то их нельзя упоминать под географическим понятием "Днепровское Левобережье", так как это уже Подонье, поэтому все пеньковские памятники между Днепром и Северским Донцом следует относить к "днепро-донецкому междуречью". Автор пишет, что "начало изучения пеньковских памятников на Левобережье Днепра было положено исследованиями селища Задонецкого на р. Мжа в бассейне Северского Донца"

© М.В. Любичев, 2000 г.

(с. 8). Но Задонецкое находится не на Мже, а на левом берегу самого Донца, южнее города Змиева. Здесь можно было бы синхронизировать момент выделения пеньковской культуры по обе стороны Днепра. Дело в том, что небольшие раскопки у Задонецкого были предприняты еще в 1953 г. Не ведая о "пеньковском типе", их автор, тогда доцент Харьковского университета Б.А. Шрамко, отнес своеобразную лепную керамику к дороменскому времени, к "периоду Харьевски-Беседовки". Д.Т. Березовец свои раскопки начал в 1955 г., и только после них была осознана культурная принадлежность материалов у Задонецкого. Неточностью является и то, что М.В. Любичев исследовал поселение у Сухой Гомольши (с. 8). Очевидно, О.М. Приходнюк имеет в виду работы Ю.В. Буйнова в 1985 г., помимо исследований В.К. Михеева, о которых он говорит. Упоминаемое селище Нижний Бишкин II является салтовским с небольшим сахновским "налетом". Его материалы требуют изучения и публикации.

Далее О.М. Приходнюк рассматривает историографию пеньковской проблематики, а именно эволюцию взглядов ученых на определение признаков культуры, эволюцию, датировку и периодизацию; этническую атрибуцию. За 40 лет изучения культуры ведущие позиции завоевала концепция ее славянской (антской) принадлежности. Однако в последнее время нашлись сторонники возрождения взглядов М.И. Артамонова о ее кочевнической (болгарской) принадлежности. Крымские археологи (И.А. Баранов, В.В. Майко) отыскивают "практически все" типы пеньковской культуры в Крыму, что совершенно не соответствует истине. Различаются формы пеньковских и крымских сосудов по форме и тесту. Крымские сосуды, причисляемые к пеньковским, в свою очередь объединяются с горшками из курганных кочевнических погребений Северного Причерноморья IV–VII вв. Аргументированная критика этих вглядов актуальна, с чем блестяще справился О.М. Приходнюк.

Автор монографии поддерживает взгляды А.З. Винникова об отсутствии следов контактов между пеньковским и салтовским населением, ибо салтовская культура сложилась позднее прекращения существования пеньковских древностей (с. 18). Исследователь считает декларативным утверждение М.В. Любичева о наличии связей между пеньковской и салтовской культурами (с. 26). Действительно, связи между "классической" пеньковской культурой и салтовской в бассейне Донца пока не обнаружены, но, учитывая местные особенности развития, можно утверждать, что эти связи имели место между "сахновцами с пеньковскими реликтами" и салтовцами где-то в конце VII – начале VIII вв. Аргумент против наличия таких контактов – ставшее классическим определение ранней даты салтовской культуры серединой VIII в. Оно основывается на датировке арабских дирхемов в катакомбах Верхнесалтовского могильника. К сожалению, хронологические разработки по салтовской культуре верхнего течения Северского Донца, несмотря на новые раскопанные могильники с датирующими вещами, пока отсутствуют.

Невзирая на небольшое количество погребальных памятников (около 50 захоронений), автор дает самую подробную характеристику погребального обряда пеньковского населения. Трупосожжения из Дмитриевского могильника действительно нельзя считать пеньковскими (с. 29), они находятся в пеньковско-колочинской контактной зоне и принадлежат колочинскому населению. Важнейшую роль в характеристике пеньковской культуры играет керамика. При небольшом количестве датирующих вещей соотношение форм сосудов в комплексах на поселениях имеет большое значение для периодизации культуры. О.М. Приходнюк выделяет семь типов горшков, миски, диски и сковородки. Горшки типов 1–3 относятся к наиболее традиционным, типы 4–6 считаются заимствованными у контактирующих археологических культур. К воспринятым от черняховцев формам относятся горшки с загнутым внутрь краем, миски, кружковидные сосудики (с. 35). С этим распределением стоит согласиться. Во II группе IV тип заимствован явно из колочинской среды, V тип – из пражско-корчакской, VI тип – от кочевников (рис. 21). К типу биконических сосудов отнесены и зерновики с налепным валиком под венчиком (рис. 21:2). Но они имели различный профиль: биконический и округлобокий. Отличительные их признаки: именно налепной валик и большие размеры, поэтому их, вероятно, стоит выделить в отдельный тип.

В описании других категорий находок имеются упоминание и рисунок мотыжки из Тимченков (Таранцево) (с. 37, рис. 60, *3*). Но это один из "мифов", кочующих из одного монографического издания в другое (Археология ..., 1986, с. 158). В Тимченках в пеньковских комплексах и слое не было находок тесла-мотыжки – характерного орудия культур раннесредневековых кочевников от Днепра до Алтая, но зато обнаружен железный наральник, по классификации Ю.А. Краснова, относимый к типу 1Б1 (Краснов Ю.А., 1987, с. 32, рис. 8, *1*, *2*). Но он в данной работе, к сожалению, не приводится. В описании рис. 61 также допущены неточности: трехлопастной черешковый наконечник стрелы, крючки, пряжка, деталь двери (рис. 61, *8*, *11*, *14*, *15*, *19*) происходят не из Занок, а из Тимченков (Таранцево).

Большое внимание в разработке пеньковской проблематики О.М. Приходнюк всегда уделял вопросам хронологии и периодизации. Исключением не является и рецензируемая работа. Периодизация и хронология построены на эволюции элементов жилищного строительства, процентном соотношении форм керамики, датирующих вещах. Существование пеньковской культуры определяется в рамках второй половины IV–VII вв. Первая фаза датируется второй половиной IV – рубежом IV-V вв., вторая – перв. пол. V–VI вв., третья – рубежом V-VI–VII вв. Для датировки памятников первой фазы исследователь привлекает трехслойный гребень из Роища, Богородичного, а также арбалетную фибулу с узкой подвязной ножкой из Богородичного. Но ряд специалистов (в частности, Р.В. Терпиловский) считают Роище позднекиевским памятником, а арбалетная фибула из Богородичного найдена вне комплекса. Так что нижняя дата пеньковской культуры явно колеблется. Выделение второй фазы и особенно датировка третьей по сравнительно большому количеству датирующих вещей сомнений не вызывают.

Исследователь дает обстоятельную характеристику региональным особенностям культуры по наличию деталей полуземлянок, нетипичным жилым постройкам, процентному соотношению ведущих форм керамики, погребальному обряду. Особое внимание здесь уделяется пеньковско-пражским смешанным памятникам на территории Подунавья.

О.М. Приходнюк считает, что территорией, где сформировалось первичное ядро культуры, являлось Среднее Поднепровье и Левобережье вплоть до Северного Донца (с. 72). Далее автор предлагает следующую схему эволюции пеньковских древностей: позднезарубинецкие памятники типа Лютеж – памятники типа Сушков II (сочетание позднезарубинецких, пеньковских, колочинских черт) – пеньковские древности типа Роищ и колочинские типа Форостовичей. Данную схему можно обозначить как "линию О.М. Приходнюка". Ей противостоит "линия Р.В. Терпиловского – А.М. Обломского": варианты позднезарубинецкого типа – варианты киевской культуры – пеньковская и колочинская культуры.

Исследователь уделяет внимание и вопросу о роли черняховской культуры в формировании пеньковских древностей. Здесь совершенно правильно акцент делается на материалы поселения Хлопков 1. Лепные наборы его, бесспорно пеньковские, привлекались для доказательства участия черняховской культуры в становлении пеньковской культуры (А.Н. Некрасова). Хотя на сегодняшний день мы имеем мало раскопанных черняховских поселений в днепро-донецком регионе, можем утверждать, что черняховская лепная керамика (типа Хохлово 2 – Снагость 2) существенно отличается от той лепной, что найдена в Хлопкове 1. В связи с этим автор делает вывод, что на поселении имеются два слоя: основной черняховский и пеньковский. Но нельзя согласиться, что лепная посуда относится к позднепеньковской, ибо "только на третьей фазе существования пеньковских древностей на горшках появляются ... налепные валики" (с. 73). Но валики характерны для первой и второй фазы, на третьей они исчезают.

Говоря о заключительном этапе развития и наследии пеньковской культуры, О.М. Приходнюк считает, что на Левобережье Днепра на смену пеньковским древностям приходят волынцевские памятники, переросшие в роменскую культуру (с. 75). Однако этнические процессы различались в разных частях такого большого региона, как Днепро-донецкое междуречье. Волынцевские древности не охватывали весь этот регион: в частности, они пока не обнаружены на Северном Донце. Автор говорит об участии носителей именьковской культуры в формировании волынцевского типа памятников, и данная концепция сейчас приобретает еще больше сторонников.

Указанные замечания ни в коей мере не снижают положительного впечатления от работы. Она подводит итог сорокалетним исследованиям пеньковской культуры, ставит перед специалистами новые вопросы. Хотелось бы пожелать О.М. Приходнюку дальнейших успехов в разработке этой проблематики.

Харьковский государственный университет

М.В. Любичев

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археология Украинской СССР, 1986. Т. 3. Киев.

Краснов Ю.А., 1987. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М.

Хроника

СИМПОЗИУМ "КОНТАКТЫ МЕЖДУ НОСИТЕЛЯМИ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ И УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ В НЕОЛИТЕ, ЭНЕОЛИТЕ И БРОНЗОВОМ ВЕКЕ (7000–1000 гг. до н.э.) В СВЕТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ" (Твярминне, 1999)

Международный симпозиум, организованный Академией Финляндии и Хельсинкским университетом (департамент археологии и Институт Азии и Африки), проходил 8–10 января 1999 г. в г. Твярминне, Финляндия. В нем принимали участие более 20 специалистов из Финляндии, России, Германии, Голландии, Англии, США, Франции и Швейцарии. Российская делегация включала семь человек: В.В. Напольских (Ижевск), Л.В. Косинская (Екатеринбург), Е.Н. Черных, С.В. Кузьминых, Е.Е. Кузьмина, А.В. Энговатова (Москва), В.И. Тимофеев (Санкт-Петербург).

В выступлениях участников симпозиума и в ходе дискуссии проявились два диаметрально противоположных подхода к рассмотрению проблем происхождения финно-угорских народов и к исследованию этнической истории вообще, которые наиболее четко обозначились при обсуждении трех тем:

1) локализация прародины финно-угров: либо на Балтике, в идеале – в Финляндии (А. Парпола, К. Карпелан, Й. Койвулехто (Хельсинки), П. Саммалахти (Оулу), близка к этой и точка зрения Я. Маккаи (Будапешт), либо – в Западной Сибири и на Урале (В. Напольских, Л. Косинская, С. Кузьминых, Е Хелимский (Гамбург), к этой же точке зрения склоняются Ю. Янхунен (Хельсинки) и Дж. Мэллори (Белфаст);

2) следы контактов древних уральцев с носителями индоевропейского праязыка: либо признание наличия протоиндоевропейских заимствований в уральском праязыке, точнее, за редким исключением, в прибалтийско-финских и саамском языках (Й. Койвулехто, П. Саммалахти), либо отказ от предположений о таких заимствованиях и, следовательно, признание отсутствия оснований для гипотез о древнейших праиндоевропейско-уральских контактах (В. Напольских, Е. Хелимский, Ю. Янхунен). Специально анализу проблемы с демонстрацией реальных альтернатив гипотезе о заимствованиях (прежде всего – генетическое родство праиндоевропейского (ПИЕ) и приуральского (ПУ) языков на более глубоком уровне, ностратическая гипотеза) была посвящена часть доклада Е.А. Хелимского;

3) подход к построению исторических моделей генезиса уральских и индоевропейских народов: либо в качестве отправной точки берется верхний палеолит и мезолит – время заселения человеком севера Европы – с опорой почти исключительно на реальную или кажущуюся преемственность археологических культур, имплицитно предполагая при этом жесткую связь между археологическим материалом, антропологическим типом и языком древнего населения (К. Карпелан, Я. Маккаи), либо предпочитаются ретроспективные реконструкции этнических процессов (начиная со средневековья, с учетом относительной самостоятельности развития материальной культуры, антропологического типа и языка), для сведéния данных о которых в единую историческую модель древних социальных и экономических процессов, объясняющую причины, приведшие к формированию этнической и языковой карты того или иного региона, необходимо использовать проверенные временем методы и результаты целого комплекса наук: археологии, физической антропологии, лингвистики, палеоклиматологии, палеоботаники и т.д. (В. Напольских, Дж. Мэллори, Д. Энтони (США)).

В силу различия предметов исследования археологические и лингвистические доклады можно было разделить на две достаточно четкие группы. Только несколько выступлений носили общеметодологический характер (Дж. Меллори, Д. Энтони).

В сообщении *Д. Энтони* (США) была сделана попытка сопоставить археологическую культуру(ры) и лингвистическую общность. Автор поставил три наиболее важных условия, при ко-

© В.В. Напольских, А.В. Энговатова, 2000 г.

торых, по его мнению, можно приравнять археологическую общность к языковой: 1) археологическая культура (далее – АК) должна четко отличаться от соседних культур; 2) АК должна быть выделена на основе анализа всего комплекса материальных остатков, а не только по керамике или орудиям труда; 3) границы АК должны быть достаточно долговременными.

Доклад *Л.В. Косинской* (Екатеринбург) "Неолит Севера Западной Сибири: проблема южных связей" содержал историографический обзор и характеристику современных представлений о неолитических культурах, образующих Урало-Западносибирскую культурную общность (УЗС КО).

Ее связи с неолитом степной зоны прослеживаются лишь по керамике, тогда как каменный инвентарь имеет корни в местном мезолите. На основании этого Л.В. Косинская предполагает заимствование керамического производства с юга местными мезолитическими племенами. УЗС КО является скорее историко-культурной, а не этнокультурной. Уралоязычность можно предполагать только для ее исконного ядра. Неолитические племена степного Поволжья, Приаралья и Алтая, оказавшие значительное влияние на УЗС КО, могли быть протоиндоевропейцами, протодравидийцами или протоалтайцами. Лишь последнее направление этноязыковых контактов подтверждается лингвистическими материалами.

В докладе *В.И. Тимофеева* (Санкт-Петербург) "К вопросу о миграциях, диффузии и независимом развитии в каменном веке лесной зоны Восточной Европы" был показан процесс "неолитизации" северо-запада России и сопредельных территорий. На основании многочисленных радиоуглеродных датировок наиболее ранних неолитических стоянок ракушечно-ярской, нарвской, неманской, верхневолжской, культуры сперрингс и других сопредельных культур была составлена карта, иллюстрирующая постепенное (в течение тысячелетий) диффузионное проникновение технологии изготовления глиняных сосудов из южных регионов в северные. В дополнительном выступлении, ненамеренно продолжая мысль В.И. Тимофеева, *К. Карпелан* (Хельсинки) представил карту распространения первых неолитических сосудов на территории Северной и Восточной Европы, которая близка предложенной В.И. Тимофеевым, но отличалась большей подробностью.

Доклад *А.В. Энговатовой* (Москва) был посвящен проблеме автохтонности и миграций археологических культур на территории центра Русской равнины в неолите. В свете полученных в последние годы материалов можно говорить об автохтонности и культурной преемственности от позднего мезолита до неолита на этой территории (от мезолитической бутовской культуры до верхневолжской и льяловской неолитической культуры). Новая хронология, основанная на сериях радиоуглеродных датировок с многослойных памятников, позволяет отнести ранненеолитическую верхневолжскую культуру к V тыс. до н.э., а льяловскую (ямочно-гребенчатую) – IV тыс. до н.э. Таким образом, мы можем говорить о существовании относительно автохтонного населения на протяжении нескольких тысячелетий (VI–IV тыс. до н.э.). Пока нет убедительных данных о лингвистической принадлежности населения Центра Русской равнины в эпоху мезолита и неолита.

В эпоху бронзы на эту территорию неоднократно внедрялись носители степных и лесостепных культур (фатьяновская, абашевская и др.) – менялась культурная, антропологическая и, видимо, языковая принадлежность населения этого региона.

В докладе *Е.Н. Черных* и *С.В. Кузьминых* (Москва) "Древнейшая металлургия Северной Евразии: к проблеме взаимосвязей между носителями индоевропейских и уральских языков в эпоху раннего металла" были сделаны важные выводы об этапах внедрения чужеродной (индоевропейской) лексики в уральские языки. Авторы пришли к выводу, что массовое внедрение лингвистических инноваций, связанных с производственно-экономическим комплексом – металлургией, скотоводством и, возможно, земледелием, произошло в конце бронзового века в рамках системы Европейской металлургической провинции.

Вопросы, связанные с индоевропейской проблематикой и контактами индоевропейцев с финно-уграми, были затронуты в докладах Е.Е. Кузьминой и А.-П. Франкфора (Париж) и Дэвида Энтони (США).

В докладе *Е.Е. Кузьминой* (Москва) была рассмотрена динамика взаимоотношений финно-угорских и индоиранских племен, с последними автор отождествляет носителей андроновской культурной общности (Урал, Казахстан, Западная Сибирь). Эти контакты прослеживаются с середины II тыс. до н.э. с носителями лесных андроноидных культур, в которых исследователи единогласно признают протоугров. Эти выводы были аргументированы сопоставлением материалов археологии с данными лингвистики и мифологии.

В нескольких докладах лингвистической серии затрагивались проблемы выявления субстратных компонентов в ряде уральских и индоевропейских языков. Наибольший интерес пред-

ставляло выступление П. Шрейвера (Лейден). Речь в нем шла об определении особенностей, позволяющих выделить слой субстратной лексики неизвестного ("палеоевропейского") происхождения в кельтских, германских и прибалтийско-финско-саамских языках.

Сообщение *П. Каллио* (Лейден) было посвящено поискам субстратных уральских фонетических черт в некоторых группах индоевропейских (ИЕ) языков, каковые он видит в тохарском (стечение трех рядов ИЕ смычных в один ряд глухих смычных, палатализация и другие широко известные особенности), балто-славянском и индоиранском (утеря аспирированных смычных (кроме индоарийского), сатемизация и палатализация вообще). Появление субстратных черт в фонетике едва ли возможно при полном отсутствии следов такового субстрата в лексике, а в языках названных индоевропейских групп нет или по крайней мере не выявлено никаких субстратных слов финно-угорского или уральского происхождения, что нашло отражение и в докладах на симпозиуме. В частности, в докладе *А. Люботского* (Лейден) была предпринята попытка выделить (по фонетическим, фонотактическим, морфологическим критериям) в лексике индоиранских языков слова субстратного (неиндоевропейского происхождения). Выявляемая группа слов, во-первых, весьма невелика, что свидетельствует о достаточно самостоятельном, "бессубстратном" развитии индоиранского (по крайней мере до его распада), во-вторых, не обнаруживает практически никаких параллелей в уральских, да и, кажется, в каких-либо других известных языках.

В докладе *В.В. Напольских* было предложено к обсуждению полтора десятка возможных лексических заимствований из ИЕ языка, близкого тохарским ("паратохарского") в уральских языках, среди которых слова со значением 'металл', 'лошадь', 'лить', 'колесо'. Проникновение этих слов в уральские языки от прасамодийского в Западной Сибири до праприбалтийско-финско-мордовской общности на Верхней Волге связывается с распространением в XVII–XVI вв. до н.э. сейминско-турбинского транскультурного феномена, в составе носителей которого могли быть потомки создателей афанасьевской археологической культуры, с которой могут быть связаны ранние этапы этнической истории языковых предков тохаров. В докладе *К. Хяккинен* (Турку) была дана характеристика культуры финно-угорского (ФУ) пранарода по данным реконструируемой праязыковой лексики. Доклад *Т. Салминена* (Хельсинки) был посвящен рассмотрению некоторых проблем классификации уральских языков и методологии палеолингвистических исследований. Предложенная им модификация схемы родословного древа уральских языков в виде "гребня", где прауральский непосредственно и одновременно распадается на праприбалтийско-финский, прасаамский, прамордовский, прамарийский, прапермский, прамансийский, прахантыйский, правенгерский и прасамодийский, лишает эту схему всякой эвристической ценности и едва ли получит какое-нибудь применение.

Методологическим проблемам исследования языковой предыстории был посвящен также доклад *Е.А. Хелимского* (Гамбург). Прежде всего им были рассмотрены модные ныне в уралистике модели происхождения родственных языков (или – модели объяснения родства языков одной семьи) в ходе контактов через "слияние", "гибридизацию" изначально неродственных языков ("contact kinship", "areal affinity"). На примере анализа реальных языковых процессов в различных регионах и разных языковых средах Е.А. Хелимским было убедительно показано, что основным исторически релевантным процессом языкового развития, ведущим к образованию группы родственных языков, является процесс дивергенции (распада языка-предка на несколько новых), традиционно иллюстрируемый в языкознании схемой "родословного древа". С этой точки зрения (на которой базируется все здание ныне существующего сравнительно-исторического языкознания) некоторые параллели между прауральским и праиндоевропейским (ПИЕ) могут быть объяснены не как результаты заимствований, а как наследие более древнего родства в рамках ностратической макросемьи языков.

В докладе *К. Карпелана* (Хельсинки) излагалась следующая схема происхождения финнов: индоевропейский и уральский праязыки имели древнейшие тесные контакты, которые исследователь склонен относить ко временам палеолитическим. В эпоху позднего ледникового максимума население Центральной Европы было разделено вследствие природных условий на два блока – западный и восточный. К. Карпелан считает, что древнейшие этапы совместной предыстории уральцев и индоевропейцев связаны с восточным блоком. Прауральцы ассоциируются у него с создателями *свидерской* мезолитической культуры. С распространением постсвидерского населения в Восточной и Северной Европе связывается распространение финно-угорской речи и, таким образом, предполагается, что прямые языковые предки современных финнов появились в Финляндии еще в мезолите.

В выступлениях *Я. Маккаи* (Будапешт) и А. Парполы (Хельсинки) излагались схемы генезиса финнов, которые в частностях, возможно, несколько расходились со схемой К. Карпелана,

но их опорные пункты оставались теми же: древнейшие контакты уральского и индоевропейского праязыков – локализация уральской прародины в Центральной Европе – связь древнейших этапов этнической истории уральцев со свидерской культурой – распространение уральских языков с распространением постсвидерского населения. Нетрудно заметить, что отсутствует формальная логическая связь даже между этими положениями (например, контакт ПУ и ПИЕ никак не означает локализации прауральского непременно в Центральной Европе). Отправной момент данной цепи рассуждений (ПИЕ заимствования в ПУ) сам по себе является весьма сомнительным (см. ниже).

Данная схема требует, во-первых, полного пересмотра всей системы сегодняшних представлений о хронологии уральской языковой истории (резкого удревнения датировок праязыковых распадов). Во-вторых, она требует отказа от общепринятой и в течение двухсотлетней истории исследования этнической истории народов различных языковых групп (индоевропейской, семито-хамитской, уральской, алгонкинской и др.) прекрасно зарекомендовавшей себя методики лингвистической палеонтологии. Реконструируемая по данным прауральского словаря картина природного окружения носителей ПУ языка никак не согласуется с центральноевропейской локализацией прародины уральцев. В-третьих, эта схема не учитывает хорошо известные и проверенные временем положения о типологической близости уральских языков в пределах Евразии не к языкам западного круга (семитским, кавказским, индоевропейским), а к языкам восточным (тюркским, тунгусо-маньчжурским, монгольским, юкагирскому), с которыми уральские языки связаны и древними лексическими параллелями (не менее многочисленными и во всяком случае гораздо лучше обоснованными, чем ПИЕ параллели, которыми оперируют сторонники центральноевропейской прародины уральцев), а по крайней мере с одним из этих языков – юкагирским – уральские языки находятся в генетическом родстве. "Восточному" характеру уральских языков, в основном с точки зрения их типологии, был посвящен доклад Ю. Янхунена (Хельсинки), одним из основных выводов которого была необходимость привязки древнейших этапов происхождения уральской языковой системы к восточному центру в пределах Евразии (Дальний Восток, Центральная Азия, Сибирь).

Таким образом, "свидерская гипотеза" происхождения уральцев практически требует слома всей существующей системы сравнительно-исторического языкознания. При этом с точки зрения этой гипотезы остается абсолютно необъясненным и необъяснимым появление пермских, угорских и самодийских языков на исторических территориях их бытования.

Принципиальное значение для построений финских коллег о происхождении уральцев из Финляндии имеет доклад германиста *Й. Койвулехто* (Хельсинки). Он нашел в финно-угорских (ФУ) (чаще всего только в прибалтийско-финских и саамских, но иногда и в прафинно-угорском (ПФУ) или даже прауральском) языках старые индоевропейские заимствования, которые аттестуются им как праиндоевропейские. Поскольку в ПФУ и ПУ имеются ПИЕ заимствования, существовал контакт между ПИЕ и ПУ/ПФУ. Такой контакт можно связывать с проникновением на север носителей культур шнуровой керамики и боевых топоров, а именно с прибалтийской КШК – поскольку контакт ПИЕ и ПФУ/ПУ имел место в Прибалтике и Финляндии – прародина уральцев находится там же.

В ходе дискуссии было предложено несколько альтернативных кандидатов на роль якобы контактировавших с уральцами древних индоевропейцев: прежде всего – фатьяновская и балановская КШК, достигавшие Средней Волги и Башкирии, кроме того – памятники с накольчатой керамикой в позднем неолите Среднего Поволжья, уральский вариант ямной общности, афанасьевская культура и т.д.

Лингвистическая база финноцентристских построений в уралистике (работы Й. Койвулехто и его школы о ПИЕ заимствованиях в ПФУ/ПУ) представляет собой нагромождение малообоснованных гипотез и некорректных допущений и была неоднократно подвергнута обстоятельной лингвистической критике (Ritter R.-P., 1993; Хелимский Е.А., 1995). Таким образом, схема происхождения уральцев из Финляндии, нашедшая отражение и в упомянутых выше докладах в Твярминне, базируется на более чем сомнительном лингвистическом основании, а также на чрезвычайно тенденциозной и ограниченной интерпретации археологического материала. Поскольку, однако, частности ведущихся в лингвистике дискуссий для археологов мало известны, имеет, видимо, смысл разобрать здесь приведенные в докладе Й. Койвулехто ПИЕ этимологии ряда ФУ слов.

ПФУ **kelke-* 'быть должным' ← ПИЕ **skelḫ-* 'тж' (> лит. *skelėti*, гот. *skulan* и др.). Реконструкция ПИЕ формы с ларингалом ни на чем не основана. Вообще поскольку данный корень представлен, кажется, только в балтских и германских языках (Pokorny J., 1959, p. 927), считать его древним ПИЕ (обще-ИЕ) едва ли возможно. Если очень хочется считать это ПФУ слово ПИЕ заимствованием (ничто, впрочем, не препятствует и предположению об обратном заим-

ствовании из какого-то ФУ языка в германский и балтский), то источником для него мог послужить, например, протобалтский.

ПФУ **kulke-* 'идти, ходить' ← ПИЕ **k^{w}elḫ-e/o-* 'тж' (> др.-инд. *cára-ti* 'идет' и др.). Оснований для реконструкции ларингала в ПИЕ нет. Если непременно нужно рассматривать ПФУ слово как заимствование, наилучшим источником может быть, например, тох. *kälk-* 'идти' (< **ku̯ə̂l-k-* < < **k^{w}e/ol-* (Hilmarsson J., 1996, p. 62).

ПУ **mexe-"* 'давать; (про)давать, платить' ← ПИЕ **$h_2$mei-g^{w}-* 'менять'. В ПУ следует реконструировать первичное значение 'давать' (> 'платить'), что слабо соответствует семантике ИЕ слова. Форма с расширением **-g^{w}-*, могущая объяснить ПУ **-x-/*-γ-* (которое, впрочем, реконструируется только на основании саамских данных), для ПИЕ едва ли может быть восстановлена: ее дериваты имеются только в древнегреческом и латыни, причем в последней этот дериват означает не столько собственно 'менять', но специально 'менять место жительства, мигрировать' (Pokorny J., 1959, p. 713). Др.-гр. *ameibō̄* 'меняю, обмениваю', приводимое Й. Койвулехто, может быть вообще не связано с этим индоевропейским корнем. В принципе, в данном случае нельзя исключать влияния слова какого-то индоевропейского языка (арийского?) на развитие семантики (а возможно, и фонетического облика) дериватов данного корня в некоторых уральских языках, но говорить о заимствовании ПИЕ > ПУ нет оснований.

ПУ **mośke-* 'мыть' ← ПИЕ **mozg-eh$_2$-ey/o-* (> др.-инд. *majjáti-* 'тонет, погружается в воду', лит. *mazgóti* 'мыть' и др.). Замена ПИЕ **z* > ПУ **ś* трудно объяснима, плохо согласуется и семантика: ПИЕ слово должно было означать, собственно, 'погружать(ся) в воду, тонуть, топить', значение 'мыть' развилось только в балтских языках. Таким образом, либо балтизм (но не ПИЕ заимствование), либо ономатопоэтическое слово.

ПУ **pele-* 'бояться' ← ПИЕ **pelh$_1$-* 'тж' (др.-в.-нем. *felm* 'страх' и др.). Очевидно несоответствие отражения ПИЕ *-lḫ-* в данном случае и в случае с ПФУ **kelke-* (см. выше), что, впрочем, имеет значение лишь как иллюстрация методологических недостатков сопоставлений Й. Койвулехто в целом: реконструкция ПИЕ ларингала в обоих случаях – даже не предмет дискуссии, а дело вкуса. ПИЕ слово представлено в основном в виде дериватов с расширением на **-m-* (др.-гр. *pelemizō̄* и др.), которое, однако, в уральском никак не отражено. Если считать сходство ПУ и ПИЕ слов не случайным, не понятно, почему следует оставить без внимания сем.-хам. **pl* 'бояться' (Иллич-Свитыч В.М., 1968, с. 344), драв. **piṟa* 'бояться', тунг. **pāl-* 'не сметь', ст.-уйг. *beliŋ* 'пугливый'. Предположить, что уральское слово заимствовано, например, из тунгусского, Й. Койвулехто странным образом не хочет.

ПУ **puna-* 'плести, вить' ← ПИЕ **pṇḫ-e/o-* 'натягивать (нити), плести' (лит. *pinti* 'плести' и др.). Вновь– отсутствует отражение ларингала в ПУ. Проблематичен и вокализм соответствия. Если опять-таки необходимо говорить о заимствовании, ничто не мешает считать слово старым балтизмом (судя по семантике) или, например, тохаризмом (тох. *A pänw-*, *B pänn-* 'натягивать'), хотя ничто не мешает говорить и об обратном направлении заимствования, а самое главное: как быть с драв. **puṇ-* 'связывать', сем.-хам. **pn* 'вращаться, мотать' (Иллич-Свитыч В.М., 1968, с. 340).

ПУ **pura-* 'сверлить' ← ПИЕ **bhṛ(ḫ)-* 'тж'. Возможно, данное слово могло быть заимствовано как технический термин неолитического времени, когда получило распространение сверление камня, но источник этого заимствования установить едва ли возможно: корень имеет практически паневразийское распространение: семит. **br* 'сверлить', картв. **bru-* 'вертеть', драв. **poṟ* 'отверстие', тю. bura- 'вертеть, поворачивать' и т.д. (Иллич-Свитыч В.М., 1971, с. 186, 187).

ПФУ **śalka* 'шест, жердь' ← – ПИЕ **ĝ^{h}alg^{h}o / *ĝ^{h}alg^{h}ā-* 'тж' (лит. *žālgas / žalgò* и др.). Считать данное слово праиндоевропейским можно только по сильному недомыслию: ПФУ **ś-* однозначно свидетельствует об уже прошедшем *сатемном* переходе **ĝ* > (**ǰ́/*) **ź / *ź́*, следовательно, источником ПФУ слова мог быть арийский, протобалтский или какой-нибудь другой древний сатемный ИЕ диалект, но никак не ИЕ праязык.

ПФУ **wetä-* 'вести' ← ПИЕ **wed^{h}-e/o-* 'тж' (лит. *vāsti* и др.). Если обязательно видеть в этом слове ИЕ заимствование, то невозможно доказать, что источником его был именно ПИЕ, а не, например, протобалтский. Какие-либо культурно-исторические основания для подобного заимствования также отсутствуют.

ПУ **wete* 'вода' ← ПИЕ **wed-(er/en-)* 'тж'. Чистый ПИЕ корень **wed-*, который якобы был заимствован в ПУ, в ИЕ языках, кажется, не зафиксирован, реальные же формы типа **u̯eder-*

должны были бы дать иные уральские соответствия. Не ясно, кроме того, почему в данном случае в ПУ должно было сохраниться *eΛ′ср. переход ПИЕ *u̯e* > ПФУ * и выше.

ПФУ **wosa* 'товар, торговать' ← ПИЕ **wosā* 'товар' (> нем. *Ware*, др.-инд. *vasnám* 'цена' и др.), пожалуй, одна из немногих этимологий Й. Койвулехто, которые не следует сразу отвергать. Заимствование не исключено, но источником его отнюдь не обязательно должен был быть ПИЕ, вполне приемлема и арийская альтернатива (**a* > **o* под влиянием **w*-).

Ф.-саам. **kaća* 'острие' (ф. *kasa*, эст. *kadza*, саам. *gæčče*) ← ИЕ **h₂ak²yā* (> герм. **agjō* > др.-в.-н *ekka*. 'острие, край, угол'). Следует заметить, что прафинско-саамская форма может быть восстановлена и как **kaśa*. Крайне неудачное сопоставление прежде всего потому, что ларингал в ПИЕ реконструируется, исходя исключительно из двух домыслов: во-первых, о невозможности простого вокального анлаута в ПИЕ, во-вторых, о том, что в таких случаях надо непременно реконструировать ларингал, т.е. звук, который должен отразиться в ФУ как заднеязычный смычный; реальных материальных оснований для его реконструкции нет никаких. С другой стороны, если все же рассматривать финско-саамское слово как ИЕ заимствование, переход **k²* > **ć* / **ś* однозначно указывает на сатемный язык-источник (протобалтский, арийский), но никак не на ПИЕ.

Пр.-ф. **kaske* / *kaśke* (> ф. *kaski* 'участок леса, расчищенный огнем под пашню') ← ИЕ **h₂azg-* (> герм. **askōn-* > ст.-норв., др.-в.-н. *asca* 'пепел', применяется в топонимах для обозначения расчищенных огнем участков). В отличие от большинства этимологий Койвулехто, в данном случае есть некоторые основания предполагать ПИЕ форму с "ларингалом": ср. хетт. *ḫa-aš-ši-i* 'в очаге' (Pokorny J., 1959, p. 68). Было бы неплохим культурным заимствованием времени раннего земледелия, если бы не один нюанс: в прибалтийско-финских языках исконное значение слова – '(молодая) березка' (ср. вод. *kahči*, эст. *kask* 'береза', ф. (диал.) *kaski* 'молодая березка'), на него же указывают и внешние параллели: удм., коми *ki̯ĭ́-pu* 'береза' и т.д. (Suomen..., 1955–1981, p. 168; Uralisches etimologisches Wörterbuch, 1986–1991, p. 211). Переход 'молодая береза' → 'березовая поросль' → 'росчисть, пал' естествен, так как береза прежде всех деревьев вырастает на уничтоженных огнем участках леса.

Ф.-морд. **kürsä* 'вид (примитивного, плохого) хлеба' (> ф. *kyrsä* 'плохой, не поднявшийся хлеб; корка хлеба; мелочь', морд. *kši* 'хлеб') ← ИЕ **krusā́* (> праслав. **krŭcha* > рус. *кроха, крошка*. Сопоставление и фонетически, и семантически не безупречное, хотя и возможное (автор приводит соответствующие примеры). В случае его принятия речь, естественно, должна идти о раннем протославянском (см. ниже о переходе **s* ~ **š* в ряде слов славянского происхождения в прибалтийско-финском), а не о ПИЕ заимствовании.

Ф.-волж. **leśte* 'лист' ← ПИЕ **bʰlₑhᵢ-tó-* 'тж' (> герм.: др.-в.-н. *blat* и др.). Принятие этимологии очевидно требует столь большого нагромождения допущений, что нет, по-видимому, никакого смысла даже обсуждать их. Тем более что существует альтернатива, не встречающая практически никаких проблем: ← слав. **listŭ* 'лист' (см. еще в: Viitso T.-R., 1991, p. 191). Примеры на соответствие слав. **-st-* > ф. **-št-* см. также ниже, наличие целого комплекса слов с таким переходом, имеющих явно праславянский облик, однозначно свидетельствует об их праславянском происхождении и лишает всяких оснований совершенно искуственные ИЕ или германские альтернативы Й. Койвулехто.

Ф.-перм. **lonta* '(низкая) земля, поле' (> ф. *lansi* 'низина', удм., коми *lud* 'поле, поляна, священная роща') ← ИЕ / протогерм. **londʰo-* 'земля, страна' (> герм. *landa-). Приводимые здесь финские и пермские формы следует дополнить самодийской (нен. *lamtu* 'низкий' и др.) и марийской параллелью (мар. (Л.-В.) *mlande*, (Г.) *məlande* 'земля'). Самодийское и ф. слово со специфической семантикой можно возводить, как это принято, к ПУ *lamte 'низкий, глубокий; низменность' (Uralisches etimologisches Wörterbuch, 1986–1991, p. 235, 236, 263), которое нет никакой необходимости объяснять как заимствование из ИЕ слова со значением 'земля'. Пермско-марийское **lande* 'участок (необработанной) земли, используемой в сельском хозяйстве; священная роща' семантически отделяется от других уральских слов этого гнезда, и для него была предложена протославянская этимология: ← слав. **lęda* / **lędŭ* 'участок неокультуренной земли, пригодный для сельскохозяйственного использования; (вост.-слав.) нечистая сила' (< балто-слав.-герм. **lenda*) (Napolskich W.W., 1996, p. 100) (см. там же об исторической подоплеке заимствования). Таким образом, перед нами в лучшем случае протославянское (или более древнее балто-славяно-германское), но никак не ПИЕ заимствование.

Перм. **pe(w)šen* 'решето' (> удм. *puž(n-)*, коми *pož(n-)*) ← ПИЕ **pewḫeno-* (> др.-инд. *pávana-* 'очистка, веяние зерна, просеивание'). Ларингал в ПИЕ реконструируется только для того,

чтобы объяснить *š в пермском. Внутренних ИЕ причин для такой реконструкции нет (не говоря о том, что переход *ḫ > *š, предполагаемый в сочинениях Й. Койвулехто, выглядит весьма странно). Поздняя пермская праформа должна быть реконструирована как *pož(n-) и может восходить к доперм. *pošn- (*-n- может быть глагольным суффиксом) и, безусловно, должно быть сопоставлено с морд. *ponžavtoms* 'веять (зерно)' и ф. *pohta-* 'провеивать' < *poš(n-/t-) (Uralisches etimologisches Wörterbuch, 1986–1991, p. 738). Реконструируемая таким образом праформа делает сравнение данного слова с ПИЕ *pewḫeno- фонетически невозможным.

Приб.-ф. *rošto 'трава, зелень, лечебная трава' (> ф. *rohto* и др.) ← ИЕ *g^hróḫ-to-(n-) / *g^hróḫ-tu- (> др.-норв. *gró þ-* 'трава, росток' и др.). Реконструкция ларингала в ИЕ малообоснованна, переход этого ларингала в приб.-ф. *š тем более выглядит странно. На самом деле альтернативная славянская этимология (рус. *росток* и т.д., о группе слов с переходом *st → *št см. выше) лишает всякого смысла поиски древней индоевропейской или протогерманской этимологии.

Ф.-перм. *śolke(-mз) 'заколка, пряжка, вид нагрудной броши' (> морд. *śulgamo* и др.) ← ПИЕ *k'olh$_2$ó- (> др.-инд. *śalá-* 'колючка, шип', др.-норв. *hali* 'наконечник копья' и т.д., к этому же корню восходит, возможно, и рус. *солома* (Фасмер М., 1987, с. 713). На самом деле, происхождение др.-инд. *śalá-* 'колючка, шип', безусловно образующего единство с рядом других др.-инд. дериватов того корня (*śará-* 'трубка, тростник', *śalākā-* 'щепка, стружка, заноза, ветка', *śálka-* 'стружка, чешуя, корка', *śila-* 'колос, оставшийся в поле'), не ясно. Не исключено, что оно имеет неиндоевропейское происхождение (Mayrhofer M., 1956–1980, T. III, p. 306, 313, 314, 342), а, следовательно, индоевропейская этимология Й. Койвулехто сама по себе не слишком надежна. С другой стороны, если ее все-таки принять, то фиксируемый переход ИЕ *k' > *ś однозначно указывает на сатемный (скорее всего – арийский) язык-источник, но никак не на ПИЕ.

Приб.-ф. *taštas 'тесто' ← ПИЕ *tah$_2$i-s-to-(s). Непонятно, почему не годится балто-славянский источник (рус. *тесто*, поль. *ciasto* < ИЕ *taisto- 'тесто'), о переходе *st → *št в группе славянских заимствований в приб.-ф. языках см. выше.

Ф.-перм. *kone 'зола, щелок' (саам. *gudnâ*, коми *kunva* и др.) ← ПИЕ *koni- 'зола, пыль' (> др.-греч. *kãnij*, лат. *cinis*). ПИЕ *kon- представляет собой глагольный корень со значением 'скоблить, скрести', развитие семантики в 'пыль, зола' произошло только в древнегреческом и латыни (Pokorny J., 1959, p, 559, 560). Следовательно, некорректно приписывать данное значение ПИЕ, а значит, и само сопоставление теряет смысл.

Саам. *ẹprē 'дождь' ← ПИЕ *m̥b^h-ro- (> др.-инд. *abhrá-* 'туча', лат. *imber* 'ливень'). Значение ИЕ корня должно быть реконструировано как 'небо, тучи', 'дождь' появляется только в латыни (Pokorny J., 1959, p. 315, 316). Если семантика не имеет значения, то чем плохо сравнение, например, с тох. А В *epre* 'небо, атмосфера'. В любом случае распространение данного слова только в саамском указывает скорее всего на его позднее (никак не ПУ) происхождение.

Саам. (Луле) čuodnjag- 'гусь' < *śana- ← ПИЕ *$ĝ^h$an- 'гусь', *$ĝ^h$anud- (> др.-в.-н. *ganaʒʒo* и др.) 'гусак'. Для чего здесь приведены специфические германские формы со значением 'гусак' – совершенно непонятно. Если саамское слово и должно рассматриваться как ИЕ заимствование, то источником его мог быть только сатемный ИЕ язык, например балтский (лит. *žąsis* 'гусь' и др.), но никак не ПИЕ или германский.

Саам. *śormeš 'град' ← ПИЕ *k̂or-mo- (> лит. *šar̃mas* 'иней'). Аналогично – раннее балтское заимствование, но никак не ПИЕ.

Саам. *kōksɔ̆j 'рассвет' ← ПИЕ *h$_2$aws-ŏs- 'заря' (> лат. *aurora* и т.д.). Ларингал в ПИЕ реконструируется с сомнением. Саамское слово скорее всего связано с уральским корнем *koje- 'утренняя заря, солнце', который представлен в уральских языках в виде осложненных различными суффиксами дериватов (Uralisches etimologisches Wörterbuch, 1986–1991, p. 167).

Саам. *koćsɔ̆j 'сажа' ← ПИЕ *h$_ī$usyo- (> др.-норв. *ysja* 'огонь'). В других случаях, согласно Й. Койвулехто, ПИЕ *h$_ī$ дает *š в финно-угорских языках (см. выше). И фонетически, и семантически это сопоставление крайне слабое.

Саам. *somen 'голос, диалект' ← ПИЕ *stomen- 'рот'. Семантически сопоставление довольно натянуто. Вообще, в саамском языке безусловно могут быть найдены весьма интересные пласты лексики как индоевропейского, так и неиндоевропейского происхождения. Однако работа по их выявлению должна вестись с очень большой аккуратностью, а главное – целью такой работы едва ли должна быть задача обоснования априорных палеоисторических построений.

Гораздо более обоснованы предложенные Й. Койвулехто некоторые новые арийские (индоиранские и иранские) этимологии для финно-угорских слов:

Приб.-ф. **čerä-* 'просыпаться' (ф. *herätä* и др.) ← арий. **ǰere-* (> др.-инд. *jára-* 'тж'). Во-первых, интересно соответствие арий. **ǰ* ~ ФУ **č*, о возможности которого уже приходилось писать (Напольских В.В., 1997, с. 122). Во-вторых, важно, что в слове с уже прошедшей второй арийской палатализацией (ПИЕ **g(ȣ̆)* > арий. **ǰ*), вероятно, сохранялся старый ИЕ вокализм (не было перехода ПИЕ **e* > арий. *a*), что еще раз указывает на особый арийский язык-источник подобных заимствований в финно-угорских языках и лишает оснований традиционную точку зрения о "раннем проарийском / доарийском" источнике (см. об этом подробнее: Helimski E., 1996).

Две интересные этимологии указывают, с другой стороны, на контакты западных финно-угорских языков с каким-то арийским языком, в котором вторая палатализация еще не прошла: саам. **kekrä* 'круг, кольцо, бубен' ← арий. **kekro-* (> др.-инд. *cakrá-* 'колесо') < ПИЕ **kᵘ̯ekᵘ̯lo-*; саам. **kert(t)e-* 'связывать, вязать' ← арий. **kert-* (> др.-инд. *cr̥tá-* 'тж') – сюда же, безусловно, следует добавить пермские корни **kert-* 'вязать', **gerd-* 'узел; связывать'.

Имеет право на существование и сопоставление перм. **bord* 'крыло' (< **pertз*) ← арий. **petro-* (> др.-инд. *páttra-* 'тж'), хотя метатеза в данном случае все же сомнительна. Едва ли могут быть приняты этимологии саам. **śertä* / **ćertä* 'вид, сорт, род' ← арий.: др.-инд. *śárdha-* 'сила; отряд, войско' (саам. слово может быть связано с ПУ **s'er з* "ряд, порядок" или быть балто-славянским заимствованием: ПСлав. **čerda* 'череда, ряд') и ф.-морд. **veneš* 'лодка' ← арий.: др.-инд. *vána-* 'дерево, дрова' (хотя в ходе развития отдельных традиций слова 'дерево, дрова' может начать употребляться в значении 'судно': др.-греч. *xylon* 'дерево, дрова; корабельный лес; корабли' (устное сообщение А.Н. Анфертьева), трудно допустить такое развитие семантики **при заимствовании**).

Весьма интересны попытки Й. Койвулехто обосновать новые фонетические соответствия в иранских заимствованиях в финно-угорских языках и выявить новую группу этих заимствований и обосновать особый путь развития праарийских палатальных аффрикат в иранском (с ранней депалатализацией: **kʾ* > **ć* > **c* (= **ts*) > *s* в отличие от **kʾ* > **ć* > **č́* > *c* (= *č́*) в индоарийском). При этом, однако, соответствие иран, **ts* > **-ks-* / **s-* базируется на слишком слабых этимологиях и не может быть принято в отличие от весьма продуктивной, на мой взгляд, перспективы поисков параллелей на соответствие иран. **ts* ~ ФУ *č* (см. также выше о соответствии ар. *ǰ* ~ ФУ *č*) – по крайней мере два из предложенных Й. Койвулехто сопоставлений кажутся вполне приемлемыми и к тому же небезынтересными с культурно-исторической точки зрения: ф.-морд. **čukta* 'пал, место в лесу, расчищенное огнем; дерево, дрова' (ф. *huhta*, морд. э *čuvto*, м *šufta*) ← иран. **tsukta-* (> ав. (*upa-*)*suχta* 'сожженный' и т.д.); перм.-мар. **oč(w)з* 'жеребец' < иран. **atswa-* 'конь' (> **aspa-* 'тж').

Доклад *П. Саммалахти* (Оулу) был посвящен обнаруженным им новым индоевропейским заимствованиям в саамском языке, которые он аттестовал, как ПИЕ. Такая аттестация вызывает законные возражения хотя бы потому, что большинство приводимых П. Саммалахти этимологий указывают на ИЕ язык-источник с уже прошедшим сатемным переходом (т.е. скорее всего – балто-славянский или арийский), чего не отрицает и сам их исследователь.

Так, интерес в качестве "кандидатов" на арийские заимствования в саамском представляют: саам. *deatnu* 'большая река' < **täno* ← иран.: ав. *dānu* 'река, поток' (если преодолимы трудности в вокализме), саам. *čuoris* 'с серыми и коричневыми пятнами (масть)' < **śara-s* ← ар.: др.-инд. **śāra-* 'пестрый, пятнистый'; саам. *čearru* 'вершина безлесой горы' < **śero* ← ар. **śara-*: перс. *sar* 'голова'; саам. *soamis* 'какой-то, некоторый' < **somas* ← ар.: др.-инд. *sama-* 'такой же, тот же' (если саам. слово не из германского, на что скорее указывает семантика). Слова, возможно, балтского (балто-славянского) происхождения: саам. *buorggos* 'запретный' < балт.: лтш. *bargs* 'жесткий' (если семантические трудности преодолимы); саам. *čearda* 'племя, семейство' < **ćertз* ← балто-слав.: ПСлав **čerda* 'ряд, череда'; саам. *šūvon* 'хорошая собака' < **š́ōvōn(je̯)* ← балт.: лтш. *šuō*, лит. *šunis* 'собака'; саам. *šearrat* 'светить' < **śerä-* ← балт.: лит. *žerėti* 'лучиться, светить'; саам. *čáris* 'грубый, жесткий (о шерсти)' < **śäräs* ← балт.-слав.: лит. *šiurkštæs* 'грубый, жесткий', *ȍñɔ̄ȯó *sĭrstĭ* 'шерсть'. Имеются в списке П. Саммалахти и возможные старые германизмы в саамском.

Таким образом, этимологии П. Саммалахти представляют собой интересный материал для обсуждения и еще раз демонстрируют перспективность поисков разновременных индоевропейских заимствований в саамском (см. выше), но не имеют (вопреки мнению самого их автора)

никакого отношения к проблеме древнейших индоевропейско-уральских связей на уровне праязыков.

Симпозиум, на котором была сделана попытка соединения археологических и лингвистических материалов, несомненно, был продуктивным. Однако представляется, что более эффективной может стать конференция с более узко поставленной задачей.

Удмуртский институт истории языка и литературы УРО РАН, Ижевск

В.В. Напольских, А.В. Энговатова

Институт археологии РАН, Москва

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Иллич-Свитыч В.М., 1968. Соответствия смычных в ностратических языках // Этимология 1966. М.

Иллич-Свитыч В.М., 1971. Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь (b-K). М.

Напольских В.В., 1997. Введение в историческую уралистику. Ижевск.

Фасмер М., 1987. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М.

Хелимский Е.А., 1995. Сверхдревние германизмы в прибалтийско-финских и других финно-угорских языках. История проблемы в краткой аннотированной и комментированной библиографии // Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. М.

Helimski E., 1996. The southern neighbours of Finno-Ugrians: Iranians or an extinct branch of Aryans ("Andronovo Aryans")? // Finnisch-ugrische Sprachen in Kontakt. Maastricht.

Hilmarsson J., 1996. Materials for a Tocharian historical and etymological dictionary // Tocharian and Indo-European Studies. Supplimentary Series. V. 5. Reykjavík.

Pokorny J., 1959. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bern; Wien.

Mayrhofer M., 1956–1980. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. B. I–IV. Heidelberg.

Napolskich W.W., 1996. Die Vorslaven im unteren Kamagebiet in der Mitte des 1. Jahrtausends unserer Zeitrechnung: Permisches Sprachmaterial // Finnisch-ugrische Mitteilungen. B. 18/19. Hamburg.

Ritter R.-P., 1993. Studien zu den ältesten germanischen Entlehnungen im Ostseefinnischen // Opiscula Fenno-Ugrica Gottingensia. B. 5. Frankfurt am Main.

Suomen kielen etymologinen sanakirja, 1955–1981 // Lexica Societatis Finno-Ugricae. № I–VII. Helsinki.

Uralisches etymologisches Wörterbuch, 1986–1991. Budapest.

Viitso T.-R., 1991. Finnic and its prehistoric Indo-European neighbours // Finnisch-ugrische Sprachen zwischen dem germanischen und dem slawischen Sprachraum. Amsterdam; Atlanta.

VII ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА В.Д. БЛАВАТСКОГО

20–21 мая 1999 г. в Москве проходили очередные, ставшие традиционными чтения памяти профессора В.Д. Блаватского (1899–1980 гг.). В этом году они были посвящены 100-летию со дня рождения этого видного ученого-антиковеда, воспитавшего целое поколение исследователей. Чтения были подготовлены и проведены на базе Института археологии РАН, при участии Российской ассоциации антиковедов.

20 мая состоялось открытие конференции. Со вступительным словом выступили директор Института археологии РАН, д-р ист. наук Р.М. Мунчаев и президент Российской ассоциации антиковедов академик Г.М. Бонгард-Левин. Ими были отмечены роль и заслуги В.Д. Блаватского в становлении отечественной школы антиковедения.

Следующие доклады были посвящены конкретным историческим и археологическим проблемам, актуальным на сегодняшний день. Выступление *В.И. Кузищина* "Общество и власть в Херсонесе Таврическом" было посвящено системе взаимоотношений гражданского

© Г.А. Ломтадзе, 2000 г.

общества и институтов власти в этом крупном античном полисе. По мнению докладчика, в Херсонесе сложилась устойчивая политическая система, которую Аристотель определял термином "полития" и которая уверенно опиралась на сильный средний класс зажиточных землевладельцев. Именно это, по мнению докладчика, позволило Херсонесу выжить и развиться в один из крупнейших полисов Северного Причерноморья. Совместный доклад *Г.А. Кошеленко* и *В.А. Гаибова* «Об одном из направлений "Великого шелкового пути"» был посвящен анализу истории одного из участков этого пути на протяжении эллинистического, парфянского и раннесасанидского времени. Помимо этого в докладе были отдельно отмечены заслуги и участие В.Д. Блаватского в создании отдела классической археологии Института археологии РАН. В докладе *В.Д. Кузнецова* "Полис на Боспоре" акцентировалось внимание на проблеме определения статуса того или иного греческого поселения как полиса. Докладчик рассмотрел этот вопрос на примере одного из крупнейших античных городов Азиатского Боспора – Фанагории. Выступление *Е.А. Молева* "Боспор под властью Митридата и Фарнака" было посвящено проблеме статуса Боспора в составе Понтийской державы и положению греческих городов Причерноморья во внутриполитической жизни этого государства. Доклад *А.А. Масленникова* "Новое в исследовании боспорских валов" был посвящен новейшим работам автора в этом направлении, которые позволяют говорить о новых, иногда неожиданных, выводах в изучении известного так называемого Тиритакского вала.

Вечернее заседание чтений открыл доклад *В.П. Толстикова* "Акрополь Пантикапея (к проблеме локализации северной и западной границ)". В сообщении были обобщены результаты раскопок автора на горе Митридат за последние годы. Особое внимание в докладе уделялось выделению впервые строительных остатков начала V в. до н.э. (прежде всего оборонительной стены акрополя). Открытию в последние десятилетия новых фрагментов комедий Менандра и их интерпретации был посвящен доклад *Л.П. Маринович*. Основное внимание автор уделила образу воина-наемника, вернувшегося с Востока. В выступлении *А.К. Коровиной* "Раннесредневековая Гермонасса" были подведены итоги изучения слоев IV–VI вв. н.э. Таманского гордища. Отдельно был рассмотрен вопрос о связях этого региона с Византийской империей. Новый взгляд на интерпретацию найденных при раскопках на о. Березань бронзовых предметов с рельефными изображениями был высказан в докладе *С.Л. Соловьева* "Культовая символика Аполлона на бронзовых гирях о-ва Березани". Атрибутируя их как весовые гири, автор подробно рассмотрел изображения на них и связь их с культом Аполлона. Вопрос о влиянии культовой и религиозной жизни Афин на территории Северного Причерноморья был рассмотрен в докладе *М.В. Скржинской* "Граждане Боспора и Ольвии на Панафинейских празднествах". Находки так называемых панафинейских амфор на территории Северного Причерноморья говорят, по словам докладчика, о том, что эти празднества были хорошо известны на Боспоре и в Ольвии. Вполне возможно, что жители этих государств принимали активное участие в этих общеэллинских праздниках. В докладе *Н.А. Фроловой* "О хронологии боспорских монет в митридатовский период (110/109–63 гг. до н.э.)" была предпринята попытка с помощью новых достижений в изучении эмиссий золотых и серебряных монет Митридата VI уточнить хронологию эмиссий боспорских серебра и меди.

21 мая заседания VII чтений памяти профессора В.Д. Блаватского проводились по трем секциям. Заседание секции "История и археология Северного Причерноморья" открыл доклад *В.П. Яйленко* "Призрак боспорского Сатира в Ольвии и тени ольвиополитов да митридатовых солдат в Западном Крыму: комментарий к эпиграфическим видениям". Автор вступает в полемику с Ю.Г. Виноградовым по поводу интерпретации двух надписей и одного граффито, найденных в Ольвии и в Северо-Западном Крыму, и предлагает свое прочтение этих эпиграфических документов. Анализу данных, характеризующих сухопутное войско ольвиополитов в течение всего периода существования полиса в качестве независимого государства, был посвящен доклад *В.В. Назарова* "О военном деле ольвиополитов (структура сухопутного войска)". Подробно рассматривая этот вопрос, автор приходит к выводу о существовании в Ольвии гражданского ополчения, основанного на принципе всеобщей воинской повинности. Также в докладе было отмечено отсутствие каких-либо данных о наличии в Ольвии наемников. Своеобразным подведением итогов полевых работ был доклад *М.А. Романовской* "Фортификация городища Рудь". Проблеме взаимоотношений личности и гражданской общины на основе эпиграфических памятников было посвящено выступление *О.А. Ручинской* "К вопросу о социально-культурном развитии античных городов Северного и Западного Причерноморья". В докладе анализировалась деятельность эвергетов, их титулатура. Особое внимание было уделено такому явлению, как "доносительство". Выводы автора говорят о том, что в целом

свобода личности в причерноморских полисах была ограничена разветвленной системой запретов и поощрений. Находкам костяных изделий на Нимфейском городище был посвящен доклад *О.Ю. Соколовой*. В докладе *А.М. Бутягина* "К вопросу о генезисе земляночного строительства в Северном Причерноморье" был рассмотрен вопрос о принадлежности так называемых землянок греческим колонистам и отличия их от аналогичных построек местного населения. Отдельно автор остановился на традиции земляночного домостроительства в эллинском мире. Новым находкам римского времени в Крыму, интерпретируемым как римская вексилляция, был посвящен доклад *В.Я. Савеля*. Локализации "Старого" Херсонеса по античным письменным источникам был посвящен доклад *В.Г. Зубарева* «Гераклейский полуостров и проблемы "Старого" Херсонеса Страбона (по данным античных письменных источников)». Автор, совмещая данные Плиния и Страбона, помещает этот памятник между мысом Фиолент и Балаклавской бухтой. Впервые в докладе *Д.В. Григорьева* "Проблемы военной истории Боспора I – первой трети III вв. н.э. в отечественной историографии" ставится вопрос о выделении этого периода в политической и военной истории Боспора. Интерпретации одного из крупнейших варварских памятников Прикубанья – Семибратних курганов был посвящен доклад *А.В. Безрукова* "Семибратние курганы (к проблеме хронологической и этнической интерпретации)". Автор приходит к выводу, что они представляют собой единый погребальный комплекс второй четверти V – начала IV вв. до н.э. и являются сакральным центром отдельного скифского рода. В совместном докладе *М.Г. Абрамзона, Н.А. Фроловой* и *Ю.В. Горлова* впервые сообщается о крупнейшем вкладе архаических боспорских монет, найденном в 1948 г. в Темрюкском р-не Краснодарского края. Этот комплекс позволяет уточнить, как считают авторы, определение номиналов и датировку отдельных монет архаического времени. Неизвестной в научной литературе находке был посвящен доклад *Е.А. Савостиной* "Голова архаической статуи из окрестностей Фанагории". Автор предполагает, что эта находка является самым ранним примером скульптуры, выполненной боспорскими мастерами в традициях восточногреческой школы, а также первым изображением Афины на Боспоре. В докладе *Я.М. Паромова* "К вопросу об уровне моря у берегов Таманского полуострова в античное время" автор, основываясь на результатах последних исследований в этом регионе, делает вывод о том, что в эпоху классики – раннего эллинизма, уровень Таманского залива был ниже современного не менее чем на 4 м, и не более чем на 5 м. Выступление *В.Н. Таскаева* "Подводные исследования Патрея" было посвящено итогам новейших работ на этом памятнике. В докладе *А.А. Никонова* "Периоды гибели и упадка на Боспоре: анализ вероятных причин" акцентировалось внимание на следах землетрясений, обнаруженных на территории античного Боспора.

Заседание секции "История и археология Древней Греции и Рима" открыл доклад *А.А. Молчанова* «Дуальная модель "ванакт-лавагет" и институт соправительства в Греции II тыс. до н.э.». Автор делает вывод об обычности института соправительства в ахейских царствах этого времени. *Г.Т. Залюбовина* в своем выступлении "Грех кровопролития в древней Элладе: очищение и искупление (мифы, легенды, история)" разделяет понятия "очистительные жертвоприношения" и "средства (или способы) искупления". Развитию фаланги в Древней Греции и Риме был посвящен доклад *И.М. Безрученко* "О некоторых особенностях тактики армий античных полисов". В выступлении *С.М. Крыкина* «"Палеобалканское" фракийское общество и античный мир» докладчик выделил особенности развития фракийского мира, отличия его от известных нам античных обществ. Добротность античного исторического предания об истории Балкан и Малой Азии в конце II тыс. до н.э. обосновывает в своем докладе *А.А. Немировский* "Античная традиция о переселениях балканцев в Малую Азию в XIII–XII вв. до н.э. и данные археологии".

Заседание секции "История и археология Востока" открылось докладом *К. Абдулаева* "Касби (Кесби) – Казбион – Аспиона (к вопросу о локализации греческих сатрапий)". Этнической истории одного из народов Средней Азии – дахов, было посвящено выступление *А.С. Балахванцева* и *А.А. Немировского* "Дахи от Дария до Аршака: нарративная традиция и археологический контекст". В докладе *М.С. Гаджиева* "Из истории земледелия Кавказской Албании", была предпринята попытка осветить некоторые малоизвестные вопросы земледельческой истории Дагестана и Кавказской Албании. Результатам обработки керамической коллекции культового центра Калалы-Гыр 2 было посвящено выступление *С.Б. Болелова* "К вопросу о стандартизации среднеазиатской керамики в древности (по материалам Калалы-Гыр в левобереженом Хорезме)". Комплексный анализ буддийского храма на

Дальверзин-тепе был представлен в совместном докладе *Т.К. Мкртычева* и *Д.В. Русановой* "Второй буддийский храм на Дальверзин-тепе (Дт-25): история функционирования". Выступление *В.Н. Пилипко* "Омаркалинский клад и некоторые проблемы позднекушанского чекана" является предварительным сообщением об этом важном нумизматическом памятнике.

По материалам чтений был издан сборник тезисов "VII чтения памяти профессора В.Д. Блаватского. К 100-летию со дня рождения" (ответственный редактор д.и.н. Г.А. Кошеленко).

Институт археологии РАН,
Москва

Г.А. Ломтадзе

"SETI[1]: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ".

Междисциплинарная научно-методическая конференция

(Москва, 1999)

Необычность и значимость данной конференции определяются и ее тематикой, и ее уровнем, и ее составом. Можно сказать, что ее организация и проведение стали синтезом традиций, заложенных выдающимися российскими учеными – астрофизиком И.С. Шкловским (1916–1985 гг.) и антропологом В.П. Алексеевым (1929–1991 гг.).

Уже на заре развития поисков внеземного разума во Вселенной в конце 60-х – начале 70-х годов XX в. И.С. Шкловский придерживался (как он сформулирует это в своих воспоминаниях об организации в сентябре 1971 г. Второй международной Бюроканской конференции) вполне четкого и определенного принципа: "Упирая на комплексный характер предмета конференции, я настаивал на приглашении не одних астрономов и радиофизиков, но и широкого круга гуманитариев" (Шкловский И.С., 1987, с. 306).

С другой стороны, следует отметить, что свою всеобъемлющую книгу В.П. Алексеев (1984) начинает с темы "Вселенная и человечество", где в большой степени используются представления И.С. Шкловского, а также результаты других исследователей проблемы SETI, в том числе и его ближайшего сподвижника и ученика Н.С. Кардашева (академик Н.С. Кардашев, директор Астрокосмического центра ФИАН (АКЦ ФИАН – один из организаторов данной конференции), выступил с основным докладом). Идеи Н.С. Кардашева о возможности существования во Вселенной древнейших суперцивилизаций, примерно на 6 млрд. лет более древних, чем земная, определили тематику и программу конференции и ее научно-методический характер.

В самом деле, если таковые цивилизации существуют в Космосе, а их поиск является одной из важных задач российских астрономов, то возникает вопрос о возможных путях возникновения таких цивилизаций.

Естественно, это – комплексная проблема, как об этом говорили и И.С. Шкловский (по отношению к любым космическим цивилизациям) и В.П. Алексеев (по отношению к земной цивилизации, конкретному воплощению цивилизаций во Вселенной).

В соответствии с этим основополагающим принципом стало равноправное участие ученых различных направлений в подготовке, организации и проведении конференции. Организация конференции базировалась также на традициях междисциплинарного сотрудничества, развиваемых в процессе работы междисциплинарной программно-координационной комиссии (МПКК) в изучении древней астрономии. В составе МПКК, готовившей и проводившей конференцию "Древняя астрономия: Небо и Человек", Москва, ГАИШ МГУ, 19–24 ноября 1997 года, участвовали представители как естественных, так и, в значительной степени, гуманитарных наук: Н.Г. Бочкарев (ГАИШ МГУ), А.А. Гурштейн (ИИЕТ РАН), А.М. Карапетьянц (ИССА при МГУ), Э.Н. Кауров (Астрономическое общество), В.Н. Обридко (ИЗМИРАН), Т.М. Потемкина (ИА РАН), Д.С. Раевский(ИВ РАН), В.Н. Слыш (АКЦ ФИАН).

---

[1] SETI – Search of Extraterrestrial Intelligence – поиск внеземного разума (внеземных цивилизаций – ВЦ, английская аббревиатура, аналог выражения "поиск ВЦ").

© Э.Н. Кауров, 2000 г.

Опыт показал, что это – плодотворный подход. В составе программного комитета данной конференции представители гуманитарных наук также имели широкое представительство: Х.А. Амирханов (ИА РАН), А.М. Карапетьянц (ИСАА при МГУ), И.В. Следзевский (ЦЦИРИ ОМО РАН).

Тематика конференции – глобальный анализ проблемы суперцивилизаций – была рассмотрена во временном аспекте как прошлое, настоящее и будущее цивилизаций, исходя из современного состояния астрофизики, археологии, истории Древнего мира, философии и других областей научного знания[1].

Проблема поиска суперцивилизаций в Космосе в рубрике "Древнейшие суперцивилизации" была предметом рассмотрения в первый день конференции. Гуманитарным и естественнонаучным аспектам этого вопроса были отведены два заседания первого дня конференции. На утреннем заседании председательствовал чл.-корр. РАН В.И. Слыш (АКЦ ФИАН), на вечернем – Э.Н. Кауров (Астрономическое общество).

Доклад акад. *Н.С. Кардашева* (АКЦ ФИАН) фиксировал состояние проблемы на сегодняшний день с точки зрения астрофизики. Положение о новейшей коррекции представлений, касающихся процесса планетообразования во Вселенной и соответствующего изменения общей картины строения Вселенной, – основа этого доклада[2].

Различные астрофизические и астрономические аспекты данной проблемы были освещены также в докладах астрофизиков и астрономов: *Л.М. Гиндилис* и *Ю.Е. Ефремов* (ГАИШ МГУ) "Проблемы SETI и прогресс астрономии": *Л.В. Ксанфомалити* (ИКИ РАН) "Экзопланеты: планетные системы других звезд – о важнейшей проблеме астрофизики – существовании множества планетных систем во Вселенной"; *В.И. Слыш* "Происхождение звезд и планет в Галактике – более общий ракурс той же проблемы"; *Л.М. Гиндилис* "Модели цивилизаций в проблеме SETI". Программа конференции, опубликованная в выпуске ее материалов, в процессе проведения конференции подверглась некоторой корректировке. Но уже в докладах первого дня ее работы большое внимание было уделено и общефилософскому аспекту проблемы в выступлении А.П. Назаретяна (Журнал "Общественные науки и современность") "Перспективы интеллекта в контексте универсальной эволюции"; В.В. Казютинского (Институт философии РАН) "Человек в процессах глобальной эволюции"; Р.Ф. Полищука (АКЦ ФИАН) "О философской интерпретации феномена молчания Космоса".

На вечернем заседании наибольшее внимание было уделено гуманитарным аспектам проблемы суперцивилизаций: *Г.Г. Ершова* (ИА РАН) "Принципы существования антропосистемы"; *Э.Н. Кауров* "Знание и культура как универсальный инвариант суперцивилизаций"; *В.И. Жегалло* (Гос. геологический музей РАН) и *Ю.А. Смирнов* (ИА РАН) "Экогенез Homo sapiens и проблемы SETI"; *Л.М. Гиндилис* "Модели цивилизаций в проблеме SETI" и упомянутый выше доклад Р.Ф. Полищука.

Основная идея докладов – цивилизация Homo sapiens как объект сравнения с другими возможными цивилизациями и ее место в пространственно-временной картине Вселенной. Большой интерес и обсуждение вызвал доклад В.И. Жегалло и Ю.А. Смирнова, наибольшие дискуссии – доклад Г.Г. Ершовой.

Второй день конференции был отведен рассмотрению проблем цивилизационного подхода как инструмента общего изучения цивилизаций, а также некоторым проблемам современного этапа земной цивилизации как одного из этапов развития цивилизаций вообще. На утреннем заседании (пред. И.В. Следзевский) доклады представили: *И.В. Следзевский* "Эвристические возможности и пределы цивилизационного подхода; *И.Н. Ионов* (ИВИ РАН) "Множественность обитаемых миров: исторический аспект"; *М.Г. Гусаков* (ЦАИ УГК ОИП) "Городище-святилище". На вечернем заседании (пред. М.Б. Владимирский (КрАО)), доклады: *Б.М. Владимирский* "Оценки числа ВЦ и экология"; С.Н. Волянский (ИОФ РАН), *М.Г. Гусаков* "К истокам европейской календарной системы"; *Л.А. Тульцева* (ИЭА РАН) "Антропокосмизм как сущностная характеристика традиционных календарных представлений".

---

[1] Тезисы и программа конференции были опубликованы отдельным выпуском материалов конференции.

[2] С состоянием данной проблемы можно ознакомиться в статье Н.С. Кардашева "Космология и цивилизации", в трудах конференции "Древняя астрономия: Небо и Человек". М., 1998, с. 158. К настоящему времени ситуация несколько изменилась, что нашло свое отражение в докладе Н.С. Кардашева на данной конференции.

Доклад И.В. Следзевского был построен вокруг идей о том, что цивилизационный подход связан с противоречивостью его основных составляющих – классического (гносеологического) и жизненного (культуралистского), но, несмотря на это, напряженный дискурс этих противоположных начал, их стремление к синтезу определяют специфику цивилизационного подхода как познавательного конетрукта в плане изучения цивилизаций различного типа.

Дискуссии первого дня вызвали отклик у второго докладчика – И.Н. Ионова, начавшего свое выступление с оценки абстракций внутреннего содержания прошедших дискуссий как формы рефлексии на проблему SETI вполне определенного, конкретного субъекта, находящегося в среде ограниченной специфической культуры и выражающего свое понимание объекта – проблемы SETI – как некий момент самопонимания самого исследователя.

Такая оценка в духе природы локальной цивилизации была одним из конкретных проявлений основной линии доклада, посвященного локальным цивилизациям.

Подобная актуализация доклада вызвала отклик и у следующего выступавшего – Л.М. Гиндилиса, высказавшего решительное несогласие с одной из основных посылок логики И.Н. Ионова – о научно-техническом характере проблемы SETI в астрофизике, в связи с чем Л.М. Гиндилис привел ряд противоположных примеров, да и сама тематика его доклада, имеющего исторический план, свидетельствовала в пользу его точки зрения.

Заключительный доклад первой части дня представил М.Г. Гусаков. Цель доклада – выявление основных функций городища-святилища на материалах археологической культуры, выделенной на территории Украины и Южной Белоруссии в III в. до н.э. – I в. н.э. (зарубинецкая культура).

Докладчик заявил, что среди основных функций городища-святилища – ведение календаря, отправление обрядов, связанных с различными событиями жизни, а также проведение погребально-поминальных обрядов.

В связи с данным докладом развернулась дискуссия о том, как соотносятся подобные конкретно-археологические исследования с проблемой SETI. Докладчик представил свою точку зрения на этот счет. По его мнению, изучение городищ-святилищ методами археоастрономии может пролить свет на малоизученные стороны жизни древних обществ в сакральной сфере. Универсальность городищ-святилищ дает возможность установить не только технические стороны работы сооружений для счета времени, но и выяснить, на какой ступени развития духовной культуры находилось данное сообщество людей. Это позволяет воссоздать конкретные конструкции эволюционного хода земноподобных цивилизаций, переводя исследования SETI из общефилософского в предметный план.

Такой подход М.Г. Гусаков продемонстрировал в своем втором докладе, сделанном после перерыва (содокладчик – С.И. Волянский). Исследованию подвергся один из важных аспектов древнеевропейской культуры – календарная система дописьменного периода. Выводы авторов доклада базировались на изучении остеологического материала археологических раскопок городищ-святилищ. В значительном числе таких городищ реконструированные количества особей животных разных видов находятся во вполне определенных соотношениях, что указывает на ритуально-магические действия (жертвоприношения животных) в определенные (праздничные) дни.

Роль животных в духовной жизни человеческого общества на ранней стадии развития человечества оказывается, таким образом, очень существенной. Церемониям жертвоприношений соответствует, по мнению докладчика, помещение священных животных на вершину социальной иерархии (первопредки, боги). Докладчик подчеркнул весьма важный аспект развития этой ситуации – использование образов животных в качестве кода года, месяца, суток (животный календарь), а также сопутствующую этому явлению тенденцию складывания материальной основы жречества как замкнутой касты.

Экологическое значение календарных систем различных человеческих цивилизаций в свое время изучал Б.М. Владимирский (Владимирский Б.М., Кисловский Л.Д., 1998). На данной конференции он представил доклад о влиянии биологических воздействий микродоз агентов различной физической природы на регулирование оптимальных условий биологической эволюции человекоподобных цивилизаций в нашей Галактике – тематика, представляющая другую сторону проблематики предыдущего докладчика.

Заключительным докладом второго дня конференции стал доклад Л.А. Тульцевой. С ее точки зрения, традиционные русские календари отражали астральные представления с соответствующей системой ритуалов, обрядов и фольклором и по сути концентрировали внимание людей на астрономических фактах о состоянии небесных тел по отношению к Земле в данный период времени. Это было своего рода участие людей в процессе творения астрономического времени года, т.е. фактически люди принимали участие в планетарном творении

Вселенной. Такой процесс с точки зрения его структуры и функций можно охарактеризовать как антропокосмический, так как человек в нем действует как составная часть природы и Вселенной. Очевидно, что в некотором смысле подход Л.А. Тульцевой является синтезом подходов двух предыдущих упомянутых докладов.

Утреннее заседание третьего дня конференции (пред. Х.А. Амирханов) было посвящено древним цивилизациям (культурам). Древний этап развития цивилизаций на Земле в настоящее время в основном изучается на результатах археологических исследований, что нашло свое отражение в программе. Цивилизационный подход к археологическим исследованиям становится правомерным, если в какой-то мере понятия "цивилизации" и "культура" отождествляются. Степень этого отождествления в настоящее время является дискуссионным вопросом, по крайней мере в археологии. Определенность в решении этого вопроса может быть достигнута, в частности, именно на подобных междисциплинарных формах, где частнодисциплинарные вопросы, рассматриваемые в необычном ракурсе, позволяют искать нетрадиционные постановки и решения не только междисциплинарных, но, по-видимому, и сугубо дисциплинарных проблем.

Доклад *Л.В. Кольцова* (ИА РАН) о мезолитической истории Северной Европы содержал анализ эволюции зон существования отдельных групп населения, представляющих некоторые археологические культуры финального палеолита и мезолита к северу от линии реки Сена – горный пояс Альп – Карпаты – долина Припяти – устье Камы и далее на восток до Урала с VIII по V тыс. до н.э. (ранний голоцен). Рассматривая на основании археологических данных переход культур финального палеолита в мезолитическую фазу, докладчик сделал вывод о том, что в истории каменного века на указанном отрезке времени преобладает эволюционная линия развития культур, скачки являются лишь исключениями, которые не меняют общей картины.

М.В. Аникович (ИИМК РАН, Санкт-Петербург) представил интересную гипотезу о существовании особого культурно-исторического феномена – Днепро-Донской историко-культурной области охотников на мамонтов (ИКО ОМ). Развернутое изложение данной гипотезы получило отражение в археологической литературе (см., например, Аникович М.В., 1998). Докладчик оценивает Днепро-Донскую ИКО ОМ как уникальное явление в верхнем палеолите, в котором культуры Восточно-Европейской ИКО ОМ продемонстрировали миру вершину верхнепалеолитической архитектуры – сложную организацию поселений и развитое домостроительство (тогда как мадленская культура Западной Европы явила собой вершину верхнепалеолитического искусства). Представленная докладчиком гипотеза при ее последовательном развитии в рамках цивилизационного подхода дает перспективу построения сложной эволюционной картины развития цивилизации, весьма отличающейся от современной технологической не столько в техническом плане, сколько в совершенно другом восприятии мира, что представляет особый интерес в проблеме SETI.

Доклад *В.А. Дергачева* (ФТИ РАН, Санкт-Петербург) и *В.Ф. Чистякова* (УАО ДО РАН) представляет методику исследования данных по радиоуглеродному анализу (изучению содержания изотопа C^{14}) для воссоздания картины глобального изменения климата с открытым авторами доклада 2400-летним циклом, прослеженным на шкале времени около 100 тыс. лет и почти до нашего времени. Исходя из анализа распределения мест сохранившихся стоянок в бассейне Северного Ледовитого океана и прилегающих к нему областей, докладчики выдвигают гипотезу о характере процесса переселения людей из Азии в Америку.

Доклад *В.С. Житенева* (ИПКН РАН) и *Ю.А. Смирнова* (ИА РАН) представляет собой обобщенный анализ материала в основном по мустьерским стоянкам палеолита, связанным с концентрацией остеологического материала, квалифицируемого как принадлежащего пещерному (реже – бурому) медведю. Авторы доклада предполагают преднамеренный характер группировок костного материала ряда пещер на территории от Пиренеев до Урала и Кавказа, что, по мнению докладчиков, позволяет квалифицировать их как ритуальные медвежьи комплексы (РМК), т.е. такие зоны и комплексы культурного слоя, которые четко отличаются по содержанию и расположению медвежьих остатков и от естественных медвежьих кладбищ и от зон и объектов утилитарного характера (скоплений кухонных отбросов, производственных площадок, мест разделки туш и др.).

По ряду признаков (выставление медвежьих черепов, а также выкладывание медвежьих костей и выделение их при помощи "окаймления", использования подставок, ниш, а также артефактов и т.д.) авторы доклада считают РМК конечным результатом конкретной неутилитарной деятельности, первыми достоверными "кумирнями" (прямо или опосредованно связанными с площадью хозяйственно-бытовых комплексов) или "капищами" (осознанно выделенными местами из мира повседневности). Вопрос об их создателях, по мнению докладчиков,

до конца не выяснен. Существование подобных памятников в течение столь долгого времени в практически неизменном виде в свете основных этапов антропогенеза (ашель – археоантропы, мустье – палеоантропы, верхний палеолит – неоантропы) представляет серьезную проблему.

Доклад *С.В. Ошибкиной* (ИА РАН) концентрирует внимание на том факте, что, несмотря на существование в раннем голоцене, мезолите и неолите (VIII–III тыс. до н.э.) культур разного уровня в лесной зоне, для всех них характерно то, что для древнего человека предметы искусства имели совершенно иное значение, чем для нас, поскольку иным было отношение к окружающему миру, как и собственно мышление так называемых первобытных народов. Вероятно, рассматриваемые предметы не были декоративными в нашем понимании, а имели бытовое или сакральное значение.

Среди мезолитических предметов искусства представлены серии орудий труда и оружия с прочерченными узорами, отдельные гравированные рисунки и знаки в виде косых крестиков, групп крестиков или углублений, иногда по семь в ряду, геометрические фигуры. В большинстве случаев эти метки личного оружия или простейший счет. В Оленеостровском могильнике (Карелия) найдены в погребениях фигуры и головы людей, среди них "жезлы" и навершия кинжалов, антропоморфные, фигуры змей, причем одна из них завершена антропоморфной личиной. Очевидна глубокая древность мифологии, отражающей космогонические представления, в которых участвуют лось, олень и, вероятно, птица.

Судя по большим некрополям, где удается проследить изменения ориентации погребений при смене состава населения, можно думать, что человек имел представление о сторонах света и использовал эти знания в соответствии со своими традициями.

На вечернем заседании третьего дня конференции (председатель – А.М. Карапетьянц) основное внимание было уделено древним цивилизациям Востока – китайской и шумеро-вавилонской. В докладе *А.М. Карапетьянца* "Китайская цивилизация как альтернатива средиземноморской" проведено параллельное сравнение древнекитайской и древнешумерской цивилизаций.

Привычная нам культура предполагает модель центрального моря, окруженного со всех сторон сушей, китайское же – центральной и центрированной суши, окруженной морями со всех четырех или восьми сторон света. В Междуречье и Египте земледелие основывалось на орошении и использовании ежегодных разливов, в Китае же основу самосохранения составляли осушение и строительство дамб.

Развитие письма в Средиземноморье шло "по эстафете" Шумер-Вавилов – финикийцы – греки – римляне, на Дальнем же Востоке культурный центр не смещался, он только распространялся на юг. В результате из двух возможных типов развитого письма – морфемного и фонемного – на Дальнем Востоке реализован первый, а в европейской культуре – второй.

Все эти различия, по-видимому, объясняются фактом автохтонности обеих цивилизаций (между древнекитайским и шумерским письмом можно констатировать типологическое, но не генетическое сходство). За Западом и Востоком, по-видимому, скрываются две основные макросемьи языков – ностратическая и сино-кавказская, причем последняя по мере движения на юг вытесняла и частично ассимилировала языки аустрической макросемьи.

В докладе *Э.Н. Каурова* "Астрально-астрономический аспект древнекитайской цивилизации" внимание концентрируется на феномене почитания Неба, сложившемся в Древнем Китае ко времени Ханьской династии (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.). Из описаний Сым Цяня следует, что многие ритуалы, в том числе и важнейшие при жертвоприношениях Небу и Земле, были утеряны, так что ученым-конфуцианцам пришлось воссоздавать их заново. Это относится, по-видимому, и к легендам о Хуан-ди. Как показано в работах автора, связь Хуан-ди с образом Желтого Дракона, занимающего важнейшее место в даосской космографии, определяется его местом центра в пятичленной семье Небесных Дворцов, сложившейся, видимо, до эпохи Чжоу-Хань. Символы дракона встречаются на древнейших археологических памятниках Китая, наиболее архаические из них – на бронзе и гадательных костях (XV–XI вв. до н.э.) – могут быть по древним описаниям звездного неба (Птолемей, Арат) соотнесены со звездной структурой созвездия Дракона и наблюдением и фиксированием Полюса Мира древнекитайскими наблюдателями в течение примерно пяти тысячелетий.

Такой пристальный интерес к наблюдению Полюса Мира привел к созданию астральной мифологии, соответствующей процессу выделения околополярных созвездий, в том числе созвездия Дракона, и фиксации Полюса Мира, в чем состоит отличительная особенность древнекитайской астральной и астрономической практики.

Доклад *Г.Е. Куртика* (ИИЕТ РАН) посвящен этапам развития практики наблюдения небесных светил в Древнем Шумере и Вавилоне.

Доклад *В.Н. Обридко* "Солнечная активность и факторы риска современной цивилизации" обращает внимание на астрофизические особенности ближайшей к нам звезды – Солнца, которые могут иметь определяющее значение для судеб земной цивилизации.

Заключительный доклад конференции, представленный *Л.Л. Кофановым* (ИВИ РАН), зафиксировал удивительный феномен римского права, выросшего до цивилизационных масштабов в течение 2 тыс. лет.

В последний день конференции состоялась весьма оживленная, временами острая дискуссия о содержании проблемы SETI в настоящее время в свете взаимодействия гуманитарного и естественнонаучного знания. Заседание было проведено в рамках круглого стола "Древнейшие суперцивилизации как междисциплинарная проблема".

В таком актуальном вопросе, как поиск ВЦ, междисциплинарное взаимодействие на данной конференции поднялось на новую ступень равноправного сотрудничества гуманитариев и естественников. Никогда прежде на конференциях по проблеме SETI не было столь всеобъемлющего рассмотрения проблемы. Шесть тематических заседаний конференции поровну – по три раза – возглавляли представители и астрономии, и гуманитарных наук. Среди докладчиков следует отметить большую группу (8 докладов из 28), представленных археологами (в том числе доклада – с соавтором).

Археологические материалы и представления (наряду с астрономическими, историческими, филологическими и др.) становятся одной из важнейших групп материалов, поскольку они представляют достоверные данные о различных цивилизациях, существовавших и существующих на одной из планет Солнечной системы – Земле на протяжении длительных (до 1 млн. лет) сроков эволюции разнообразных культур.

Конференция явила собой пример развивающегося процесса синтеза различных наук в решении сложнейших и актуальнейших вопросов современного этапа цивилизации. Предполагается публикация материалов конференции в различных журналах, тематическими подборками и специальными выпусками.

Астрономическое общество, *Э.Н. Кауров*
Москва

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев В.П., 1984. Становление человечества. М.

Аникович М.В., 1998. Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов от "восточного граветта" к "восточному эпиграветту" // Восточный граветт. М.

Владимирский Б.М., Кисловский Л.Д., 1998. Археоастрономия и палеоэкология // Тр. конф. "Древняя астрономия: Небо и человек". М.

Шкловский И.С., 1987. Вселенная, жизнь, разум. М.

ПАМЯТИ ОЛЬГИ ИВАНОВНЫ ДАВИДАН

(1921–1999)

8 июля 1999 г. после тяжелой болезни скончалась Ольга Ивановна Давидан – одна из старейших сотрудниц отдела археологии Восточной Европы и Сибири Эрмитажа, хранитель материалов Старой Ладоги и Приладожья, ветеран Великой Отечественной войны, честный, добрый, внимательный человек.

Ольга Ивановна Давидан родилась 29 июня 1921 г. в Вологодской области. В 1939 г. поступила на истфак ЛГУ, провела блокадную зиму 1941–42 г. в Ленинграде, где работала в госпитале.

В октябре 1943 г. в Саратове, куда эвакуировался университет, она восстановилась на II курсе истфака, который окончила уже в Ленинграде в 1946 г. по специальности археология, и в том же году была принята научным сотрудником в отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа (ныне ОАВЕС).

Ольга Ивановна принадлежала к тому поколению эрмитажников, которые разбирали и приводили в порядок фонды музея после реэвакуации коллекций из Свердловска. На это уходила львиная доля времени. В течение многих лет О.И. Давидан работала в экспедиции в Старой Ладоге под руководством В.И. Равдоникаса и Г.П. Гроздилова – ее учителей и наставников, оставаясь им глубоко преданной до конца их и своей жизни.

О.И. Давидан была первоклассным музейщиком. Она умело и четко вела хранительскую работу, делилась своим опытом с молодыми хранителями и студентами-практикантами, неоднократно участвовала в организации постоянных и временных экспозиций, а также зарубежных выставок отдела. Как специалист она готовила каталоги и путеводители по выставкам, много занималась подготовкой экскурсоводов по археологическим экспозициям музея и долгие годы была руководителем Клуба юных археологов.

© Е.Н. Носов, Г.И. Смирнова, 2000 г.

Многогранную музейную работу Ольга Ивановна успешно совмещала с научной. В 1974 г. ею была блестяще защищена кандидатская диссертация, посвященная костерезному ремеслу Старой Ладоги.

Имя Ольги Ивановны неотделимо от изучения истории Старой Ладоги и как тонкого и вдумчивого исследователя ее древностей, и как эрмитажного хранителя коллекций ладожской экспедиции В.И. Равдоникаса. Благодаря подготовке коллекций эрмитажного собрания для экспонирования в европейских музеях и публикации сопутствующих каталогов, возможности личного участия при представлении выставок, можно без преувеличения сказать, что Ольга Ивановна во многом олицетворяла отечественную науку перед лицом европейской археологической аудитории в вопросах изучения эпохи викингов. Многие из крупных исследователей, с кем приходилось и приходится сейчас встречаться на западе и касаться вопроса о русско-скандинавских связях по данным археологии, знают имена Туре Арне, благодаря его книге 1914 г. о скандинавских древностях, обычно упоминают В.И. Равдоникаса и его раскопки в Ладоге, но третьим именем всегда будет имя О.И. Давидан.

В ней, во всяком случае при взгляде со стороны из соседнего научного учреждения, не было ничего нарочито броского, показного, а наоборот, глубокая отзывчивость, скромность, какая-то домашность и вместе с тем спокойная уверенность в правоте и убежденность. Не раз случалось, приход в Эрмитаж с ворохом "свежих" идей и "уникальных" открытий, посвященный им разговор с Ольгой Ивановной и ее нескольких замечаний по каким-то, казалось бы, второстепенным сюжетам заставляли задуматься о том, что и мысли не так уж уникальны, и об идеях стоит еще подумать.

Если оценить сделанное Ольгой Ивановной в отношении Старой Ладоги, то нельзя сказать, что она создавала крупное монументальное полотно истории Ладоги в начальный период ее существования. Такой работы нет. Но есть совсем иное. Ольга Ивановна работала над, казалось бы, небольшими, конкретными сюжетами, досконально анализировала отдельные типы находок, привязывала их к стратиграфии и хронологии, приводила точные аналогии, делала осторожные выводы, и эти работы нечасто, но регулярно появлялись в основном в различных эрмитажных сборниках. Многие из тех, кто занимался Северной Русью, всегда, открывая новое археологическое издание Эрмитажа, смотрели, а есть ли там статья Ольги Ивановны. Если есть, надо покупать – сомнений не было. Если В.И. Равдоникас в двух своих обобщающих статьях в "Советской археологии" как бы ввел Ладогу в широкую историческую среду, то реально расцветила Ладогу в ее археологическом восприятии во многом, несомненно, Ольга Ивановна.

В 1960-е годы были опубликованы ее две статьи о классификации ладожских гребней. Отечественные исследователи сразу стали сравнивать свои находки не с аналогиями из региона Балтики, а с Ладогой, и в литературе появилась почетная для любого автора классификации отсылка "по Давидан". Трудно перечислить все сюжеты, затронутые Ольгой Ивановной по материалам древней Ладоги, – это резная кость, антропоморфные и зооморфные изображения, весовые гирьки и изделия из янтаря, ткани, деревянная посуда и бронзолитейное дело, вопросы организации костерезного ремесла и времени появления токарного станка. Огромное и принципиальное значение имеет работа Ольги Ивановны по уточнению стратиграфии нижнего слоя Ладоги, где ею убедительно была доказана возможность его расчленения на отдельные микрогоризонты. Выполненное на высочайшем источниковедческом уровне и детально обоснованное именно это членение стало общепризнанным в научной литературе. Целый ряд исследований О.И. Давидан посвятила этнокультурным контактам Старой Ладоги и, что было свойственно ее научному методу и подходу к анализу материала, она не столько рассуждала на общие темы, сколько последовательно отмечала находку за находкой и приводила конкретные аналогии. Из этого постепенно выкристаллизовывалась общая картина, с которой и спорить-то практически невозможно, а отсюда понятно, почему статьи Ольги Ивановны по истории Ладоги так широко цитируются в отечественной и зарубежной науке. Так шаг за шагом, неброско и осторожно создавался портрет древней Ладоги. Главное, что отличает труды О.И. Давидан, – это их глубокая источниковедческая обоснованность: каждому факту, изложенному там, и опубликованной находке с точным адресом местонахождения, а нередко номером хранения, можно верить и не сомневаться, что все соответствует действительности. Казалось бы, это банальный факт, но в нашей глубоко идеологизированной исторической науке, особенно в вопросах русско-скандинавских отношений, этот момент источниковедческой фундированности всегда придавал научному творчеству Ольги Ивановны глубокий смысл продолжателя лучших академических традиций отечественной исторической школы.

О.И. Давидан проработала в Эрмитаже долгие 50 лет. В 1996 г. она почти внезапно по состоянию здоровья вышла на пенсию, не успев передать свое хранение. Но она не порывала

связи с Отделом, кропотливо и тщательно осуществляя передачу коллекций пришедшему ей на смену сотруднику и занималась подготовкой "Каталога скандинавских древностей на территории Древней Руси и в сопредельных (на востоке и юге) с ней землях". Она успела закончить свою довольно объемную часть этой работы, основанную на хранящихся в Эрмитаже материалах.

До самых последних дней перед болезнью Ольга Ивановна приезжала в Эрмитаж, без которого не могла жить. Для нас это всегда была радость – видеть ее, такую изящную, красиво, со вкусом одетую, с улыбкой, отзывчивую и всем интересующуюся.

Такой она навсегда и останется в нашей памяти.

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

Е.Н. Носов,
Г.И. Смирнова

Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ О.И. ДАВИДАН

1. Первобытная культура (первый выпуск). Путеводитель по выставке Государственного Эрмитажа. Л., 1955 (коллектив авторов).
2. Резная кость Старой Ладоги // СГЭ. 1962. Вып. XXIII.
3. Гребни Старой Ладоги // АСГЭ. 1962. Вып. 4.
4. К вопросу применения токарного станка в Древней Руси // Тез. докл. на юбилейной сессии Государственного Эрмитажа. Л., 1964. С. 19.
5. Староладожские изделия из рога и кости // АСГЭ. 1966. Вып. 8. С. 103–115.
6. К вопросу о контактах Древней Ладоги со Скандинавией // Тез. IV Всесоюз. конф. по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии. Петрозаводск, 1968. С. 177–179.
7. К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенок Старой Ладоги // АСГЭ. 1968. Вып. 10. С. 54–63.
8. Городища в верховьях Днепра и Волги (V в. до н.э. – V в. н.э.). Старая Ладога (VIII–IX вв.) // Культура древних народов Восточной Европы (путеводитель). Л., 1969. С. 84–87, 93–96.
9. Раскопки на урочище Плакун близ Старой Ладоги // АО – 1968. М., 1969. С. 16, 17 (в соавт. с Г.Ф. Корзухиной).
10. О времени появления токарного станка в Старой Ладоге // АСГЭ. 1970. Вып. 12. С. 81–88.
11. Contacts between Staraja Ladoga and Skandinavia // Varangian problems. Scando-Slavica. Copenhagen, 1970. P. 79–91.
12. К вопросу о контактах Древней Ладоги со Скандинавией // Скандинавский сборник. Таллин, 1971. Вып. XVI. С. 134–144.
13. Раскопки кургана у деревни Матакюля // СГЭ. 1971. Вып. XXXIII. С. 110, 111.
14. Muinaisaarteita neuvostoliitosta forhtida statter fran sovjetunionen. Каталог выст. в Финляндии. Helsinki, 1972. P. 1–26 (в соавт. с И.П. Засецкой).
15. Антропоморфные и зооморфные изображения из Старой Ладоги // Тез. VI Всесоюз. конф. по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Таллин, 1973. С. 116.
16. Изделия из рога и кости Старой Ладоги как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1974. С. 1–21.
17. Venajen taidetta 900-1600-luvuilta. Rysk konst fran 900-talet till 1600-talet. Каталог выст. в Финляндии. Helsinki, 1974. P. 1–36.
18. Древнее искусство. Альбом. Л., 1974. С. 185–191, 194 (коллектив авторов).
19. Выставка в Финляндии "Памятники древнейшего искусства на территории СССР" // СГЭ. 1974. Вып. XXXVIII. С. 108, 109 (в соавт. с И.П. Засецкой).
20. Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки // АСГЭ. 1976. Вып. 17. С. 101–118.
21. Выставка "Древнерусское искусство X–XVII веков" в Финляндии // СГЭ. 1976. Вып. XLI. С. 87, 88.
22. К вопросу об организации косторезного ремесла в Древней Ладоге // АСГЭ. 1977. Вып. 18. С. 101–105.
23. Сокровища викингов. Каталог выставки. Л., 1979. С. 1–38. (коллектив авторов).
24. Бронзолитейное дело в Ладоге // АСГЭ. 1980. Вып. 21. С. 59–67.

25. Золото степей (Швеция) // СГЭ. 1981. Вып. XLVI. С. 81 (в соавт. с М.П. Завитухиной).
26. Ткани Старой Ладоги // АСГЭ. 1981. Вып. 22. С. 100–113.
27. Этнокультурные контакты Старой Ладоги (по материалам Земляного городища) // Тез. научн. конф. "Контакты и взаимодействия древних культур" (К 50-летию Отдела истории первобытной культуры). Л., 1981. С. 25, 26.
28. Скандинавское влияние на развитие ремесла в Ладоге // Тез. IX Всесоюз. конф. по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Тарту, 1982. С. 176–178.
29. Выставка "Сокровища викингов" в Эрмитаже // СГЭ. 1982. Вып. XLVII. С. 100 (в соавт. с З.А. Львовой).
30. Om hantverkets utveckling i Staraja Ladoga // Fornvännen. 1982. № 3. Stockholm. P. 170–179.
31. Die Skandinavier und die Rus' (mit Katalog von O.I. Davidan) // "Duisburg und die Wikinger". Каталог. Duisburg, 1983. S. 71–82. Kat. 1–84 (в соавт. с М.Б. Щукиным).
32. Янтарь Старой Ладоги // АСГЭ. 1984. Вып. 25. С. 118–126.
33. Норвегия: Золото скифов // СГЭ. 1984. Вып. XLIX. С. 88.
34. Этнокультурные контакты Старой Ладоги VIII–IX вв. // АСГЭ. 1986. Вып. 27. С. 99–105.
35. Весовые гирьки Старой Ладоги // АСГЭ. 1987. Вып. 28. С. 119–126.
36. Скарабей из Старой Ладоги // АСГЭ. 1988. Вып. 29. С. 112–116.
37. Камень-наковальня из кузницы IX века в Старой Ладоге // СГЭ. 1988. Вып. LIII. С. 26, 27.
38. Деревянная посуда Старой Ладоги VIII–IX вв. // АСГЭ. 1991. Вып. 31. С. 131–135.
39. Kunsthandwerkliche Gegenstände des 8. bis 10. Jahrhunders aus Alt-Ladoga (Die Sammlung der Staatlichen Ermitage in St. Petersburg) // Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters. Jahrgang 20. Köln; Bonn, 1922. S. 5–61.
40. Wikinger. Waräger. Normannen. Die Skandinavier und Europa 800–120. Paris; Berlin; Kopenhagen, 1992; 1993. № 268–279. S. 298–301 (коллектив авторов, на трех языках).
41. Материальная культура первых поселенцев Древней Ладоги (из коллекции Государственного Эрмитажа) // Петербургский археологический вестник. 1994. № 9. С. 156–166.
42. Староладожские древности в Эрмитаже // Современность и археология. Международные чтения. Тез. докл. СПб., 1997. С. 60–63.
43. Сердоликовые изделия из Старой Ладоги // АСГЭ. 1998. Вып. 33. С. 123–132.
44. Новые находки гребней в Старой Ладоге // РА. 1997. № 1. С. 167–174.
45. Париж, Берлин, Копенгаген: Скандинавия и Европа 800–1200 гг. // СГЭ. 1999. Вып. LVIII. С. 134, 135.

ПАМЯТИ ВЛАДИСЛАВА ЕВГЕНЬЕВИЧА СТОЯНОВА

(1934–1999)

26 февраля 1999 г. умер В.Е. Стоянов – известный археолог, музейный работник, педагог, научный редактор, советник государственной службы 3-го класса Министерства культуры Российской Федерации, автор более 30 печатных работ. В этом перечне присутствуют не все, но самые основные вехи его жизненного и творческого пути.

В.Е. Стоянов родился 2 сентября 1934 г. в Днепропетровске, но корни семьи были московскими. Отец – военнослужащий – колесил по стране, а с ним и семья. Владиславу Евгеньевичу пришлось учиться в школах Казани, Москвы и Кинешмы. В 1953–1958 гг. он студент историко-филологического факультета Казанского университета, где специализируется по археологии, будучи одним из последних учеников Н.Ф. Калинина – основателя Казанской археологической школы. Но уже в студенческие годы Владислав Евгеньевич становится близким сотрудником А.Х. Халикова и В.Ф. Генинга, принимая участие в полевых изысканиях Куйбышевской, Марийской и Удмуртской археологических экспедиций. После окончания университета уже в качестве лаборанта КГУ, он продолжил работу в Марийской экспедиции. В 1959–1960 гг. В.Е. Стоянов принят в штат Государственного музея ТАССР для помощи А.М. Ефимовой в создании и строительстве новой археологической экспозиции. С декабря 1960 г. начинается свердловский период жизнедеятельности Стоянова – основной в его творческой биографии, продолжавшийся 25 лет, полный взлетов, удач и разочарований.

В 1960 г. К.В. Сальников в очередной раз решительно направляет свою судьбу, переезжая по приглашению Р.Г. Кузеева на работу в Уфу. На вакантное место в Уральский университет приглашается В.Ф. Генинг, который, желая сохранить часть своей казанской команды, предлагает переехать вместе с ним В.Е. Стоянову и Е.П. Казакову. Последний, поколебавшись, отказался, Стоянов – решился. На историческом факультете УрГУ он прошел путь от ассистента кафедры истории СССР до доцента, заведующего хозрасчетной лабораторией археологических исследований при Уральском университете. Здесь читает курсы лекций по истории первобытного общества, археологии, этнографии, истории Урала и музееведению. Под руководством Владислава Евгеньевича выполнены десятки курсовых и дипломных работ, несколько кандидатских диссертаций. Его помощь и советы – а он заслуженно слыл в университете интеллектуалом – с благодарностью вспоминают многие поколения студентов и сотрудников УрГУ.

В 60–70-е годы В.Е. Стоянов состоялся и как археолог-профессионал. В его арсенале этих лет – прекрасно раскопанные памятники каменного века (22), эпохи поздней бронзы (2), раннего железного века (2, 6, 8, 12, 18, 33) и средневековья (5, 7) в Волго-Камье и в Зауралье, кандидатская диссертация "Ранний железный век Западной Сибири" (13). Приходится, однако, сожалеть, что из нее опубликованы только выжимки (10, 11, 14, 16–18), хотя эта работа еще в 60–70-е годы задала столь высокую планку, что и спустя десятилетия многие исследователи, обращавшиеся к проблематике раннего железного века Западно-Сибирской равнины, по сути не вышли за рамки идей и подходов, предложенных Стояновым. Его исследование в значительной мере стимулировало решение ряда проблем раннесарматской археологии Южного Урала. Рукопись этого сочинения (13) в настоящее время является наиболее "зачитанной" и по праву наиболее востребованной в архиве Проблемной лаборатории археологических исследований при УрГУ. Особо следует отметить интуицию Владислава Евгеньевича, направлявшего своих учеников на разработку казалось бы невыигрышных проблем и тем уральской археологии раннего железного века. Однако в настоящее время исследования, выполненные В.А. Борзуновым, Л.Н. Коряковой, Г.В. Бельтиковой и др., составили тот научный задел, без которого ныне немыслима история Урала I тыс. до н.э.

К сожалению, плодотворное научное сотрудничество В.Ф. Генинга и В.Е. Стоянова в Свердловске оказалось недолгим. Стоянов защищал кандидатскую диссертацию уже без научного руководства Генинга, консультируясь с А.П. Смирновым и В.Н. Чернецовым. Не вдаваясь в суть их разногласий, отметим, что пользы археологии и археологам Уральского университета этот раскол не принес.

После переезда В.Ф. Генинга в Киев в 1974 г. В.Е. Стоянов возглавил уже сложившийся коллектив хозрасчетной Проблемной лаборатории археологических исследований при УрГУ, стал научным редактором серии "Вопросы археологии Урала" (21, 25, 27, 31), расширил

© Г.В. Бельтикова, Л.Н. Корякова, С.В. Кузьминых, 2000 г.

круг спецкурсов по археологии и смежным дисциплинам (20, 24, 28–30), приглашая для чтения лекций известных специалистов – М.П. Грязнова, Г.П. Григорьева, Е.Н. Черных, И.С. Каменецкого, Г.Г. Громова и многих других (программы некоторых спецкурсов были изданы и стали ныне раритетом). Владислав Евгеньевич попытался расшевелить коллектив: кого-то ушедших из археологии вернул в лабораторию, кому-то помог определиться с темой, кого-то уже с готовой темой "сосватал" для прикрепления в Москву или Ленинград и т.д. По сути он стремился как-то ослабить генинговский авторитарный стиль руководства, но это ему не удалось. "Гены" В.Ф. Генинга оказались прочнее и глубже. К тому же Стоянов явно проигрывал Генингу как руководитель, что волей-неволей вызвало в лаборатории "разброд и шатание". Коллектив – в большей своей части – не поддержал "реформы" В.Е. Стоянова, а он довольно скоро охладел к ее насущным делам и проблемам. Когда в 1977 г. представилась возможность творческого отпуска, Стоянов без сожаления передал руководство лабораторией В.Т. Ковалевой.

Пожалуй, с этого момента что-то не заладилось в его внутреннем мире, а затем и в научной, и преподавательской карьере. Не пошла работа над историографической темой, связанной с археологией позднего бронзового и раннего железного веков Волго-Камья, Урала и Западной Сибири. Хотя Владислав Евгеньевич с увлечением окунулся в архивы Москвы и Ленинграда, щедро делясь открытиями и находками с коллегами, эта работа не была им доведена до своего логического завершения и не было опубликовано ни одного исследования по данной теме. Естественно, на кафедре и в университете в целом к нему множились претензии учебно-методического и научного плана. Отдушиной были редкие экспедиции – в Воробьево, на Думную и другие памятники. Но это не спасает положения, и в конце 1985 г. В.Е. Стоянов увольняется из Уральского университета. С февраля 1986 г. начинается московский период его жизни – период главным образом редакторской работы в издательстве "Наука", а с 1993 г. – в центральном аппарате Министерства культуры РФ в должности ведущего специалиста и главного государственного инспектора.

Эти 13 московских лет для В.Е. Стоянова нельзя назвать легкими: он с полной отдачей и ответственностью занимался любимой редакторской работой в "Науке", благословив в свет немало достойных книг. Владислав Евгеньевич был на своем месте и в Управлениях по охране культурного наследия и недвижимых памятников истории и культуры Министерства культуры. Он был признанным экспертом законодательных тонкостей, и его с благодарностью вспоминают не только сотрудники Минкульта, но и многие работники областных и республиканских Управлений культуры, включая археологов. Будучи профессионалом, Владислав Евгеньевич мог найти самый верный законодательный ход и необходимую формулировку в защиту той или иной охранной акции. Он не мог оставаться равнодушным, когда дело касалось сознательного разрушения памятников истории и культуры. В чиновничьей среде такое рвение часто бывает наказуемым. Под благовидным предлогом – в связи с достижением предельного возраста – в апреле 1998 г. его увольняют из Министерства культуры, и в последние месяцы своей жизни В.Е. Стоянов включается в работу сектора научно-методических проблем культурного наследия Российского НИИ культурного и природного наследия.

В.Е. Стоянов останется в нашей памяти прежде всего как первоклассный специалист в области археологии раннего железного века Волго-Камья, Урала и Западной Сибири. Материалы его раскопок Богородского и Русенихинского городищ на Ветлуге в 50-е годы по сей день остаются единственным полноценным источником для изучения культуры этого края в эпоху раннего железа. Они многое дали и для характеристики волосовской и древнемарийской культур Поветлужья. И хотя марийские отчеты Владислава Евгеньевича так и остались неопубликованными, результаты его разысканий занимают важное место в работах А.Х. Халикова, В.Н. Маркова, Г.А. Архипова и В.В. Никитина. В.Е. Стоянов создал первую подлинно научную периодизацию памятников ананьинской культуры Удмуртского Прикамья (2). Немало им сделано для изучения средневековых древностей этого региона (2–5, 7, 9). Но главный его вклад в науку связан с ранним железным веком Урала и Западной Сибири (6, 8–14, 16–19, 23, 26, 33–36). Предложенные Владиславом Евгеньевичем классификация и периодизация поселенческих и погребальных памятников оседлого населения северной периферии раннекочевнического мира (11, 13, 14, 16–18) стали ориентиром для всех последующих опытов (В.А. Могильников, В.А. Борзунов, Л.Н. Корякова, Н.В. Полосьмак, Н.П. Матвеева и др.), а научная значимость данной работы остается высокой и в наши дни.

К сожалению, В.Е. Стоянов многое из задуманного не сумел реализовать. Дело его учеников – опубликовать ветлужские отчеты и рукопись монографии о раннем железном веке западносибирской лесостепи, ибо она не только факт историографии, но остается предметом пристального и заинтересованного внимания специалистов. В этом – пусть заочном – диспуте

Стоянов имеет право на участие. С годами становится все более ясным, как мало мы ценили его острый ум и живой интерес к нашей работе. Он всегда был полон идей, от которых мы чаще всего тогда отмахивались, не осознавая их значимости, но спустя какое-то время они начинали в нас жить. Хочется надеяться, что многие идеи Владислава Евгеньевича будут питать поиски и последующих поколений уральских археологов.

Уральский университет, Екатеринбург — *Г.В. Бельтикова,*
Институт истории и археологии УрО РАН – Уральский университет, Екатеринбург — *Л.Н. Корякова,*
Институт археологии РАН, Москва — *С.В. Кузьминых*

СПИСОК ТРУДОВ В.Е. СТОЯНОВА

1. Археологические памятники у с. Рождествено. Казань, 1960. 128 с. (в соавт. с В.Ф. Генингом, Т.А. Хлебниковой, И.С. Вайнером, Е.П. Казаковым, Р.К. Валеевым).
2. Итоги археологического изучения Удмуртии (Камско-Вятское междуречье) // ВАУ. 1961. Вып. 1. С. 76–90 (в соавт. с В.Ф. Генингом).
3. Мазунинская культура на Средней Каме // 3-е Уральское археологическое совещание. Тез. докл. Уфа, 1962. С. 68–70 (в соавт. с В.Ф. Генингом).
4. Археологическая экспедиция Уральского университета в 1961 г. // 3-е Уральское археологическое совещание. Тез. докл. Уфа, 1962. С. 72–74 (в соавт. с В.Д. Викторовой, В.Ф. Генингом).
5. Археологические работы на р. Чепце // ВАУ. 1962. Вып. 2. С. 100–106 (в соавт. с Г.Т. Кондратьевой).
6. Курганные могильники у д. Воробьево // ВАУ. 1962. Вып. 4. С. 53–87 (в соавт. с В.Н. Фроловым).
7. Сайгатский могильник на Средней Каме // ВАУ. 1962. Вып. 4. С. 117–134.
8. Селище Речкино 1 // ВАУ. 1964. Вып. 6. С. 72–85 (в соавт. с А.Г. Ширяевым).
9. Археологическая экспедиция Уральского университета // Археология и этнография Башкирии. Т. 2. Уфа, 1964. С. 191–197 (в соавт. с В.Д. Викторовой, В.Ф. Генингом).
10. Изучение раннего железного века лесостепного Зауралья в советское время // Историческая наука на Урале за 50 лет (1917–1967). Матер. 3-й научн. сессии вузов Уральского экономического района. Историч. науки. Вып. 1. История СССР. Свердловск, 1967. С. 33–43.
11. Зауральские лесостепные поселения раннего железного века // КСИА. 1969. Вып. 119. С. 52–61.
12. Узловское поселение // ВАУ. 1969. Вып. 8. С. 65–89.
13. Ранний железный век западносибирской лесостепи (опыт классификации и периодизации). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1969. 17 с.
14. Классификация и периодизация западносибирских лесостепных памятников раннего железного века // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Материалы совещания. Томск, 1970. С. 238–253.
15. Работы Удмуртского отряда Нижнекамской экспедиции // АО – 1970. М., 1971. С. 147–149 (в соавт. с Л.И. Ашихминой, В.Ф. Генингом, Р.Д. Голдиной, А.В. Прокоповым, М.Н. Чистяковой).
16. Могильники раннего железного века западносибирской лесостепи: (К вопросу о локальных различиях) // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 233–238.
17. О могильниках зауральско-западносибирской лесостепи (ранний железный век) // ВАУ. 1973. Вып. 12. С. 44–57.
18. Носиловское 2 поселение: (О зауральских памятниках начала железного века) // ВАУ. 1975. Вып. 13. С. 115–136.
19. О соотношении культур раннего железного века Приуралья и Зауралья // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. Препринты докладов и сообщений. Уфа, 1976. С. 34–36.
20. Ред.: [Г.П. Григорьев]. Программа спецкурса "Основные проблемы археологии палеолита". Свердловск, 1976. 17 с.
21. Ред.: Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977. 160 с.
22. Мезолитическая стоянка Сухрино 1 на Исети // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977. С. 72–84 (в соавт. с Л.Я. Крижевской, В.Ф. Старковым).

23. Некоторые черты социально-экономической организации древнего населения зауральско-западносибирской лесостепи (ранний железный век) // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977. С. 152–159.
24. Ред.: [В.Д. Викторова]. Программа спецкурса "Методология археологического исследования". Свердловск, 1977. 13 с.
25. Ред.: Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1981. 150 с.
26. Некоторые черты развития представлений о раннем железном веке Урала: (К методике анализа памятников на примере гамаюнских городищ) // ВАУ. 1981. Вып. 15. С. 27–40 (в соавт. с В.А. Борзуновым).
27. Ред.: Археологические исследования севера Евразии. Свердловск, 1982. 158 с.
28. Ред.: [Л.С. Клейн, П.М. Долуханов, И.О. Коряков, Л.Р. Кызласов, В.А. Оборин, И.А. Бадалян, Г.Г. Громов]. Программа спецкурсов по археологии и этнографии. Свердловск, 1982. 38 с.
29. Ред.: [М.П. Грязнов]. Археологическая трасология: Программа спецкурса по археологии. Свердловск, 1982. 7 с.
30. Ред.: [И.С. Каменецкий]. Программа спецкурса "Формализация в археологии". Свердловск, 1982. 19 с.
31. Ред.: Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984. 160 с.
32. Некоторые особенности современной археологии в свете новостроечных исследований // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984. С. 3–7.
33. Городище Думной горы – место специализированного металлургического производства // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984. С. 130–144 (в соавт. с Г.В. Бельтиковой).
34. О зауральской цветной металлургии раннего железного века // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Тез. докл. Барнаул, 1989. С. 28–31 (в соавт. с Г.В. Бельтиковой).
35. Хозяйство и социальные отношения населения лесостепи и степи // История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 98–103.
36. Духовная культура населения в эпоху раннего железного века // История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 103–107.

ПАМЯТИ ГЕРМАНА АЛЕКСЕЕВИЧА ФЕДОРОВА-ДАВЫДОВА

(1931–2000)

Российская историческая наука понесла невосполнимую утрату. 23 апреля 2000 года, после тяжелой изнурительной болезни ушел из жизни профессор Герман Алексеевич Федоров-Давыдов – наш старший товарищ, выдающийся ученый, талантливый теоретик и замечательный популяризатор отечественной исторической науки, блестящий полевой археолог, широко эрудированный историк, нумизмат, Учитель, которому многим обязаны и авторы этой статьи.

Жизнь Германа Алексеевича без малейшей натяжки можно считать образцом бескорыстного и целеустремленного служения науке. Среди историков и археологов, посвятивших себя изучению Золотой Орды, он, несомненно, был и навсегда останется наиболее значительной величиной. И дело здесь не только в том, что именно он взял на себя нелегкое бремя организации одной из крупнейших экспедиций по изучению нижневолжских городов Золотой Орды. Несомненно, что очень многое зависело и от чисто человеческих особенностей Германа Алексеевича, притягивавшего к себе людей не только благодаря своим деловым качествам и научному авторитету, но и уникальными чертами характера истинно русского интеллигента.

Его дед – Александр Александрович – был популярным детским писателем и издателем первых детских журналов в России. Отец – Алексей Александрович – тонкий знаток русского искусства – заведовал кафедрой на истфаке МГУ, мать – Ирина Николаевна – художник.

Герман Алексеевич родился в Москве 17 июля 1931 г., и ему не было еще десяти лет, когда началась Великая Отечественная война. В самые трудные военные времена он остается в Москве с матерью, в квартире, где они проживали с дедушкой и бабушкой. От этих дней у него навсегда сохранились в памяти "зажигалки", холод, чувство голода. Недалеко от их дома в центре Москвы упала бомба, были повреждены коммуникации, и вся семья вынуждена была жить в одной комнате: буржуйка не могла обогреть всю квартиру. С тех пор Герман Алексеевич страдал болезнями сердца и суставов.

© В.В. Дворниченко, В.Л. Егоров, Л.Т. Яблонский, 2000 г.

В 1949 г. он окончил среднюю школу № 59 и поступил на Исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Естественно, что наследственные гуманитарные традиции повлияли на выбор дальнейшего пути будущего ученого. Хотя при четком, чисто математическом складе ума, он впоследствии не раз сожалел, что не поступил на мехмат. Впрочем, математические способности Герман Алексеевич все-таки реализовал в своих археолого-статистических разработках.

Его археологическая карьера началась в Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР, в составе которой он работал в течение нескольких лет в качестве студента-практиканта. Именно Хорезмская экспедиция, которую в то время возглавлял С.П. Толстов, многое определила в его дальнейшей полевой деятельности. Это и безграничная любовь к раскопкам, и методические приемы исследования сырцовых сооружений, и осознание необходимости проведения достаточно масштабных полевых исследований для получения надежных результатов в процессе исторической реконструкции, и неугасающий интерес к среднеазиатским древностям, в которых он свободно ориентировался. Он навсегда сохранил самые теплые воспоминания о полевых сезонах, проведенных в романтичном, но суровом Хорезме. Дипломная работа молодого специалиста была построена именно на хорезмийских материалах. Результаты этого периода деятельности вылились в первую серьезную и солидную публикацию, посвященную раскопкам на городище Таш-кала в Куня-Ургенче (Федоров-Давыдов Г.А., 1958).

Эта статья подвела и определенный итог раннему периоду деятельности ученого, поскольку его дальнейшая судьба сделала крутой поворот, навсегда связав с Поволжьем и изучением Золотой Орды. Принятию такого решения во многом способствовал прекрасный полевик и скрупулезный методист археологических исследований Алексей Петрович Смирнов.

Окончив университет в 1954 г., Федоров-Давыдов получил диплом по специальности "историк, с правом преподавания в школе" и тогда же поступил в очную аспирантуру исторического факультета МГУ. В автобиографии Герман Алексеевич писал: "Учителем своим считаю профессора Алексея Петровича Смирнова, который указал мне многие темы моей научной работы и помог начать самостоятельную научную деятельность".

Детское увлечение монетами не переросло в коллекционирование, как это часто бывает. Но нумизматика стала одним из основных занятий в его жизни. Нет случайности и в том, что его первая научно-популярная книга "Монеты рассказывают" была посвящена именно нумизматике и выдержала несколько изданий у нас в стране и за рубежом (Федоров-Давыдов Г.А., 1963а; 1966а; 1986а; б; 1990а; б).

В соответствии с нумизматическими интересами им была избрана и тема кандидатской диссертации – о джучидских монетах. Трудоемкость ее измерялась не только фантастическим количеством джучидского чекана, но и чисто графическими трудностями многочисленных типов монетных эмиссий, накопленных к этому времени в музеях страны. Основу работы составило изучение около 400 кладов, насчитывающих тысячи монет. Естественно, что автор не ограничился простым составлением сводки всех известных находок. Были выяснены, а в необходимых случаях уточнены, даты и время накопления кладов; аргументированно установлены периоды развития денежного обращения в Золотой Орде; обоснованы особенности состава обращения монет в различные периоды истории государства: очерчены его экономико-географические зоны; составлен перечень 31 города, чеканившего джучидские монеты.

В 1957 г. Г.А. Федоров-Давыдов защищает кандидатскую диссертацию на тему: "Клады золотоордынских монет", на основе которой была опубликована специальная статья (Федоров-Давыдов Г.А., 1960). Продолжением исследования кладов стала работа об отдельных находках джучидских монет (Федоров-Давыдов Г.А., 1963б).

Очень органично в русле золотоордынской нумизматики выглядят монографии о монетах Московской Руси (Федоров-Давыдов Г.А., 1981а) и Нижегородского княжества (Федоров-Давыдов Г.А., 1989). Обе книги являются как бы естественным продолжением и расширением изысканий по золотоордынской нумизматике, показывая начальный период возобновления русского чекана после длительного перерыва. Затрагивая вопрос о соотношении русского и джучидского монетных типов, автор раскрывает на своеобразном материале один из аспектов освобождения Руси от монгольского ига.

С 1959 г. под руководством Германа Алексеевича начинается археологическое исследование нижневолжских золотоордынских городищ – Царевского, Селитренного и Водянского. С этой целью чуть ранее (1957 г.) была создана Поволжская экспедиция, а в ее составе Ахтубинский отряд под руководством Г.А. Федорова-Давыдова. Раскопки предваряла программная статья, наметившая и обосновавшая стратегические перспективы изучения памятников и предпо-

лагаемую на этой основе тематику конкретных исследований истории и культуры Золотой Орды (Смирнов А.П., Федоров-Давыдов Г.А., 1959).

С сентября 1956 по февраль 1960 г. Герман Алексеевич проработал в ИИМК – ИА на должности младшего научного сотрудника, в 1958–1960 гг. был ответственным секретарем редакции журнала "Советская археология", а затем по приглашению А.В. Арциховского перешел на работу в Московский государственный университет на кафедру археологии исторического факультета. Здесь, будучи сначала ассистентом, затем старшим научным сотрудником и доцентом, подготовил и защитил в 1966 г. докторскую диссертацию "Кочевники Восточной Европы в X–XIV вв." (первый отклик, акцентирующий внимание на значении этой работы для развития отечественной археологии – Булатов Н.М., 1967).

С 1969 г. Герман Алексеевич – профессор Московского университета. Он читал на историческом факультете курсы общей археологии, историографии археологии; спецкурсы по археологии Поволжья, Средней Азии, мусульманских стран, по применению математико-статистических методов в археологии. Около тридцати учеников под его руководством защитили кандидатские диссертации, трое стали докторами наук.

Самостоятельная полевая работа Германа Алексеевича началась с археологических раскопок Тигашевского городища в экспедиции А.П. Смирнова. Как и его учитель, он не гнушался никакой работой в экспедициях, которыми руководил, особенно в наиболее сложные годы их становления. С момента начала полевых работ Поволжской экспедиции (1959 г.) на Царевском городище он уже полностью отвечал за все вопросы, связанные с их проведением. Перед этим, в 1958 г., они вместе с А.П. Смирновым осуществили рекогносцировочную поездку по крупнейшим нижневолжским городищам Золотой Орды. Ахтубинский отряд (затем экспедиция) Поволжской экспедиции Института археологии АН СССР и МГУ (так называлось тогда это подразделение) начал первые раскопки на Царевском городище (Новый Сарай, исторический Сарай-ал-Джедид) в 1959 г. Тогда же были начаты съемки инструментального плана, законченные в следующем сезоне. В результате были во многом уточнены планы городища, составленные еще в середине XIX в. Масштабные работы на городище с незначительными перерывами продолжались до 1973 г. (Гусева Т.В., 1975).

Согласно программе, выдвинутой ранее, уже в 1965 г. были проведены первые разведки, а с 1966 г. начаты стационарные исследования крупнейшего золотоордынского города в низовьях Волги – городища у с. Селитренного в Астраханской области (Старый Сарай или Сарай-ал-Махруса арабских источников), которые также с небольшими перерывами продолжались под его руководством до 1990 г.

С 1967 по 1974 г. масштабным раскопкам подверглось и Водянское городище (город Бельджамен) в Волгоградской области (Егоров В.Л., Полубояринова М.Д., 1974).

Жизнь и быт огромной экспедиции, навыки, полученные при этом всеми сотрудниками, в том числе и самим Германом Алексеевичем, сыграли огромную роль в становлении и развитии коллектива Поволжской экспедиции, научной школы единомышленников. Для всех при этом важны были абсолютная порядочность Германа Алексеевича в делах и с людьми, доброе и исключительно благожелательное отношение к ученикам и сотрудникам, которое, однако, сочеталась с требовательностью, порой даже бескомпромиссностью, когда дело касалось отстаивания интересов науки при проведении исследований. Также беспощадно относился Герман Алексеевич и к самому себе. Будучи хронически тяжело больным человеком, он не только участвовал в полевых работах, спал, как и остальные, в палатке на земле, был неприхотлив и не требователен к еде, несмотря на необходимость соблюдения строгой диеты. Часто сам брался за лопату при выяснении особенно сложных ситуаций на раскопках.

С 1959 по 1990 г. в раскопках Поволжской экспедиции принимали участие студенты практически всех городов Поволжья от Астрахани до Нижнего Новгорода и Москвы. В результате общая площадь раскопанной территории трех крупнейших золотоордынских памятников составила несколько гектаров. Были вскрыты целые улицы и кварталы жилых и производственных построек. Исследованы дворцы и усадьбы, хозяйственные постройки, бани, мавзолеи, мечети, землянки, горны различного назначения, керамические мастерские, оборонительные сооружения, водопроводы, бассейны, дренажные каналы и многочисленные захоронения. В частности, на Водянском городище был обнаружен целый квартал, где проживали русские пленники, и места их захоронений (Полубояринова М.Д., 1978). Была разработана подробная стратиграфия памятников и уточнено время возникновения и гибели золотоордынских городов, их исторической географии (Егоров В.Л., 1985).

Результаты раскопок Поволжской археологической экспедиции были в значительной своей части опубликованы в четырех томах ее трудов (Поволжье..., 1970; Города Поволжья..., 1974; Средневековые памятники..., 1976; Сокровища..., 1989) во многом благодаря личному участию

и энергии Германа Алексеевича. Кроме того, материалы этих исследований обобщены в монографии Г.А. Федорова-Давыдова, где рассмотрены различные аспекты золотоордынской градостроительной культуры и ремесленного производства (Федоров-Давыдов Г.А., 1994), а также в его книгах, опубликованных за рубежом (Fedorow-Dawydow G.A., 1972; Fedorow-Davydov G.A., 1984a, b; Fedorow-Dawydow G.A., Polubojarinova M.D., 1976).

Будучи профессором кафедры археологии, Герман Алексеевич постоянно предлагал студентам-дипломникам и аспирантам исследовательскую тематику, основанную на материалах раскопок городов Золотой Орды. Диссертационные исследования были подготовлены по керамическому и стекольному производству, архитектурному декору, нумизматике, погребальному обряду и антропологии, строительству и планировке городов. В разные годы активное участие в работах Поволжской экспедиции принимали археологи, составившие основной костяк археологических отрядов и впоследствии защитившие диссертации под руководством Германа Алексеевича. Среди них Н.М. Булатов, Н.Н. Бусятская, И.С. Вайнер, В.И. Вихляев, И.В. Волков, Т.В. Гусева, В.Л. Егоров, Ю.А. Зеленеев, Э.Д. Зиливинская, К.И. Корепанов, М.Г. Крамаровский, Н.В. Малиновская, А.Г. Мухаммадиев, Л.М. Носкова, М.Д. Полубояринова, Г.Ф. Полякова, Л.Л. Савченкова, Л.Т. Яблонский. В течение многих лет заместителем начальника Поволжской экспедиции являлся В.В. Дворниченко. В настоящее время ученики и последователи Германа Алексеевича работают по специальности во многих университетах, музеях и крупнейших научных центрах Поволжья, Урала, Средней Азии, Северного Кавказа и Закавказья, Москвы и Петербурга. Можно со всей определенностью сказать, что научная школа профессора Федорова-Давыдова является одной из ведущих в российской исторической науке.

Одновременно с началом раскопок нижневолжских городов Герман Алексеевич приступает к монографическому исследованию темы "Кочевники Восточной Европы в X–XIV веках". Осенью 1966 г. эта работа была защищена в качестве докторской диссертации и издана двумя книгами (Федоров-Давыдов Г.А., 1966б; 1973). Хронологически они охватили 500-летний период прикаспийских и причерноморских степей, удачно соединив чисто археологический материал с общеисторическими обобщениями и углубленным рассмотрением конкретных сторон материальной культуры и социального устройства кочевого общества в домонгольский период и в эпоху после возникновения Золотой Орды. Исследователь разработал четкую и стройную типологию кочевнической материальной культуры – конской сбруи, оружия, украшений, каменных изваяний и т.д. Здесь же рассматривается соотношение кочевого и оседлого элементов в жизни степей, а также воздействие монгольского завоевания на аборигенное половецкое население.

Федоров-Давыдов рассматривает не только перемены в степях после утверждения здесь Золотой Орды, но и общественный строй нового государства, перенесенный из Центральной Азии в Европу. Особое внимание уделяется детальному освещению улусной системы Золотой Орды, ее иерархии и отношениям ханской власти с кочевой аристократией. Конкретные археологические исследования позволили автору обосновать факт срастания части кочевой монгольской аристократии с верхушкой оседлого городского населения, выявить роль рабского труда в городах и затронуть проблему организации ремесленного производства. Динамика развития золотоордынского общества прослеживается им на изменении внутреннего содержания социальных терминов, что связывается с развитием феодальных отношений в государстве. При этом подчеркивается, что основой общественного строя Золотой Орды остаются традиции кочевого феодализма, что косвенно подтверждается архаизмом социальной терминологии в этом государстве даже на заключительной стадии его существования. Особо нужно обратить внимание на то, что многие построения, нашедшие отражение в работах Г.А. Федорова-Давыдова, в дальнейшем могут способствовать решению целого ряда проблем, далеко выходящих за рамки собственно золотоордынской тематики. В частности, это касается более детального изучения системы властвования монголов на Руси и выявления причин, вызвавших изменения этой системы.

Таким образом, благодаря энтузиазму и энергии Г.А. Федорова-Давыдова практически заново была создана археология золотоордынского города, до этого почти не разработанная.

Герман Алексеевич никогда не чурался и более мелких проблем, тем не менее исключительно важных для правильного понимания нюансов истории Золотой Орды. В качестве примера можно привести проблему о соотношении названий "Ак-Орда" и "Кок-Орда" и их географической локализации (Федоров-Давыдов Г.А., 1968).

После 1969 г. А.П. Смирнов полностью передал руководство Поволжской экспедицией в руки своего ученика. Алексей Петрович был уверен в том, что надежность и принципиальность в ведении научных и организационных дел будут при этом гарантированы. С 1972 г. наряду с основными научными задачами по изучению городов Золотой Орды, поставленными

ранее, перед экспедицией возникла необходимость приступить к столь же крупным новостроечным работам в зонах создания оросительных сооружений. Ей было поручено исследование курганов различных эпох на территории будущей Калмыцко-Астраханской системы в пределах Черноярского района Астраханской области.

Начался новый этап в научной, и не только научной, жизни Г.А. Федорова-Давыдова и его детища – Поволжской экспедиции. Многое приходилось начинать как бы сначала. Опять поездки на машинах из Москвы, организация строительства лагерей в условиях полупустыни, съемки планов курганных групп и погребений, многомесячное пребывание в поле и, самое главное, создание еще одного коллектива – нового отряда экспедиции. А еще выходы лицом к лицу для разговоров с целыми ватагами пьяных "условников" – строителей, въезжавших в лагерь экспедиции на огромных скреперах в поисках развлечений. А еще мог придти к нам и сказать: "Я вас очень прошу, пожалуйста, проиграйте сегодня нашему шоферу в преферанс, а то у него плохое настроение. Я тоже постараюсь проиграть". Кроме того, всему коллективу экспедиции во главе с ее начальником приходилось учиться копать незнакомые до этого памятники – разновременные курганы с исключительно сложной стратиграфией.

Многим ученикам Германа Алексеевича и сотрудникам Института – просто участникам экспедиции памятны общие радости открытий и трудности быта в бескрайней и безводной степи. За десять полевых сезонов на протяжении 60 км вдоль сухого русла балки "Кривая Лука" было раскопано около трех с половиной сотен курганов. К работе, которая носила комплексный характер, были привлечены антропологи, остеологи, почвоведы. В результате во многом стала яснее и картина освоения кочевниками сухих степей Северного Прикаспия на протяжении длительного времени, и динамика функционирования русел, подобных Кривой Луке (Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1977, с. 15, 16). Более отчетливо стала видна разница в развитии древних культур на территории Калмыкии и низовий Волги в эпоху средней бронзы. Была открыта группа погребений предскифского времени, неизвестных ранее в этих районах. Памятники савроматской культуры подтвердили факт ее появления на правом берегу Волги не позднее конца VI в. до н.э. Чрезвычайно интересны образцы звериного стиля того времени, позволяющие с большей уверенностью утверждать, что его формирование на Нижней Волге находилось под воздействием как восточных, так и западных соседей. Не менее значимыми оказались материалы из сарматских погребений различных периодов существования, хазарских, впервые исследованных в этом районе и, конечно, позднесредневековых, среди которых находились и подкурганные сооружения из сырцового и обожженного кирпича. Часть этих материалов опубликована самим Германом Алексеевичем (Федоров-Давыдов Г.А., 1980а; 1984, с. 80–94), часть в соавторстве с другими сотрудниками экспедиции, в том числе и в двух сборниках трудов Поволжской экспедиции (Дворниченко В.В. и др., 1977, с. 3–77, 85–194; Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1989, с. 14–132), еще большая часть в настоящее время готовится к изданию.

С 1982 г. Г.А. Федоров-Давыдов формально оставил должность начальника Поволжской экспедиции Института археологии, сохранив за собой руководство Поволжской экспедицией МГУ. Ему все труднее давались поездки в поле на длительные сроки, но чувство ответственности за одно из главных дел жизни сохранялось до конца. Так, до последних дней жизни он мучительно переживал все перипетии, связанные с Селитренным городищем.

Один из ярких эпизодов в жизни Германа Алексеевича был отмечен открытием могильника у с. Косика. Летом 1984 г. дирекция Астраханского музея-заповедника обратилась в Институт археологии АН СССР за помощью в организации проведения археологического доследования богатейшего сарматского погребения I в. н.э., случайно открытого при строительстве у с. Косика Астраханской области. Поволжская экспедиция сразу приступила к изучению памятника. Герман Алексеевич вместе с В.В. Дворниченко прибыли на место. Были определены задачи и первоначальный объем необходимых работ, которые в дальнейшем проводились при постоянных научных консультациях обоих исследователей. В результате было не только доследовано погребальное сооружение, частично сохранившееся после разрушения, но и пополнен состав комплекса, а раскопки на большой площади вокруг привели к открытию первого могильника на буграх Бэра, в дальнейшем полностью раскопанного. Погребение, в котором оказались прекрасные образцы художественных изделий разного времени, собранные в комплекс как в сокровищницу, вызвало огромный интерес со стороны широкой научной общественности. Раскопки посетил академик А.П. Александров, в то время президент Академии наук СССР. Он предложил поставить доклад об этом открытии и о научных достижениях Поволжской экспедиции в целом за все предшествующие годы на заседании Президиума Академии. Доклад состоялся в октябре 1984 г. и был опубликован (Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1985а, с. 62–72). Оперативная информация была дана в журнале "Наука и жизнь"

(Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1985б, с. 33–38) и "Археологических открытиях" за 1984 г. По предложению Президента Академии был издан сборник трудов экспедиции, где также дана краткая информация о выдающемся памятнике сарматской археологии (Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1989, с. 5–13). Полностью материалы комплекса были опубликованы в "Вестнике древней истории" (Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1993, с. 141–179). Интерес к нему был вызван еще и тем, что после реставрации на одном из серебряных сосудов была обнаружена греческая надпись с упоминанием имени армянского царя Артавазда и сарматского имени Ампсалак. Публикация послужила основой интереснейшей дискуссии, впоследствии развернувшейся на страницах журнала, об исторических судьбах различных сарматских племен на рубеже эр и в первые века нашей эры, о развитии у них художественного ремесла. Находки из Косики заняли достойное место в экспедиции Золотой кладовой Астраханского музея, а жители Москвы и Швеции смогли познакомиться с ними на выставках в Музее декоративного прикладного искусства (1991 г.) и в музее города Эребру (1990 г.).

Обладая энциклопедическим образованием, в процессе исторической реконструкции Герман Алексеевич огромное значение придавал данным смежных исторических дисциплин и, в частности, палеоантропологии. По его настоянию в период интенсивных раскопок разновременных курганов на территории Волгоградской и Астраханской областей тщательно собирались палеоантропологические материалы. Именно эти сборы обеспечили фактологическую базу для фундаментальных историко-антропологических исследований древних популяций, населявших Нижнее Поволжье на протяжении огромного исторического периода – от эпохи ранней бронзы до развитого средневековья. На этих материалах антропологами были защищены диссертации и выполнены комплексные исследования, которые имеют огромное значение для понимания расо- и этногенетических процессов, происходивших в древности на территории степи, и которые легли в основу формирования ряда современных народов и народностей Волго-Уральского региона (см., например: Шевченко А.В., 1980; Балабанова М.А., 1998).

В этом контексте особое значение имеют комплексные археолого-палеоантропологические исследования, проводившиеся на мусульманских городских некрополях Золотой Орды. В ходе работ Поволжской археологической экспедиции, руководимой Г.А. Федоровым-Давыдовым, на Водянском городище было исследовано свыше 100, а на Селитренном – свыше 300 мусульманских захоронений. Палеоантропологические материалы из этих могильников (краниологические и остеологические) представляют самостоятельную ценность в антропологии, поскольку и поныне они остаются наиболее многочисленными выборками, характеризующими морфологические особенности заведомо метисированной популяции. Но этим их значение для науки не ограничивается.

В условиях закономерного для мусульманского погребального обряда отсутствия вещевого инвентаря и исключительной гетерогенности городского населения исследование культурогенетических процессов, протекавших в золотоордынском городе, стало возможным именно благодаря многочисленности археологических материалов и палеоантропологических выборок, которые дали возможность использовать разнообразные статистические методы как для выявления типов погребального обряда, так и для коннексии данных археологии и антропологии (Яблонский Л.Т., 1980; Герасимова М.М. и др., 1987).

В результате были получены сведения, касающиеся взаимосвязи между социальными и этническими факторами в жизни горожан как в столице Золотой Орды, так и в провинции. При этом оказалось, что этногенетические процессы в столичном центре и на периферии золотоордынского государства протекали неодинаково и имели собственную специфику – на периферии завоеватели-монголы дольше сохраняли черты традиционной погребальной обрядности и исходного антропологического типа.

Суммарная краниологическая серия из некрополей нижневолжских городов отличается от синхронных болгарских, хорезмийских и кавказских повышением удельного веса монголоидной примеси. Однако все материалы свидетельствуют о том, что монгольское нашествие нельзя рассматривать как массовое переселение в европейские степи с Востока. Вместе с тем палеоантропологические данные нисколько не противоречат выводу Г.А. Федорова-Давыдова о том, что монгольское нашествие вызвало многочисленные миграции различных племен и народностей, которые оказались втянутыми в водоворот событий, связанных с монгольским нашествием на территории Южной Сибири, Средней Азии, Предкавказья, Приуралья и Поволжья. Многие из этих народностей, преимущественно тюркского происхождения, позже стали известны под именем монголов (Федоров-Давыдов Г.А., 1990в, с. 75, 76).

Накануне распада Золотой Орды, на фоне продолжающейся исламизации населения, в столице этого государства шли бурные процессы антропологического смешения и куль-

турного взаимопроникновения, которые приводили, в частности, к срастанию монгольской кочевой аристократии и местной иноэтничной знати, к формированию специфической и самобытной культуры, развитие которой было прервано лишь в результате мощных военно-политических потрясений.

В целом выводы, полученные при изучении городских некрополей, подтверждают исторические концепции, сформулированные Г.А. Федоровым-Давыдовым на других материалах. Задолго до появления обобщающего палеоантропологического исследования населения Золотой Орды он писал о том, что именно в золотоордынскую эпоху зарождается процесс, уничтоживший старые этнические границы между группами домонгольского населения и собственно монголами. В результате этого процесса «происходит трансформация домонгольских племен в "татар" на Западе и "узбеков", "казахов" и "ногайцев" на Востоке» (Федоров-Давыдов Г.А., 1973, с. 173).

Одной из главных тем, которыми занимался Герман Алексеевич в последние годы жизни, стала тема взаимоотношений цивилизаций Востока и Запада в связи с историей так называемого Великого шелкового пути. Эта крупная историческая проблема была связана для него с философским пониманием некоторых аспектов исторического процесса в Евразии, в частности, роли цивилизаций Запада и Востока в истории народов России, в судьбах населения промежуточной зоны евразийского пояса степей. Огромная работа не была закончена, но некоторые взгляды автора легли в основу научно-популярной книги "Великий шелковый путь и города Золотой Орды", которая сдана в печать для публикации в США. Еще одна большая работа – "Золотоордынские города Поволжья", ч. II, надеемся, скоро выйдет в свет в издательстве МГУ.

Естественным продолжением исследований материальной культуры населения степей стали работы, посвященные искусству кочевников (Федоров-Давыдов Г.А., 1975; 1976). Автор выстроил хронологический ряд от скифского звериного стиля до Золотой Орды включительно, показывая тем самым конкретные традиции преемственности степного искусства и наглядно демонстрируя направление происходящих перемен. Тонкий искусствоведческий анализ, предпринятый в этих работах, не оставляет сомнений в том, что Герман Алексеевич хорошо разбирался в проблемах теории искусствоведения и прикладного искусства кочевников, которое всегда имело знаковую, символическую семантику.

И все-таки степные просторы порой были тесны для ученого и он, в том числе, занимался рассмотрением вопросов, даже отдаленно не связанных с собственно степной тематикой. Таковы его исследования об искусстве германских и английских племен раннего средневековья (Федоров-Давыдов Г.А., 1988), популярная книга "На окраинах античного мира" (Федоров-Давыдов Г.А., 1975б), статьи по истории Москвы (см., например, Федоров-Давыдов Г.А., 1980б), разработки по монетам нового времени (Федоров-Давыдов Г.А., 1987а).

Огромное значение для развития отечественной археологии имели теоретические разработки Г.А. Федорова-Давыдова, проиллюстрированные методами вероятностей статистики. Еще в 50-е годы XX столетия такие базисные для археологии понятия, как археологический тип, археологический комплекс, археологическая типологизация, основывались только на эмпирических, интуиционно-логических представлениях исследователей. Это обстоятельство затрудняло создание объективных и, главное, сопоставимых между собой типологических рядов и классификаций, хронологических колонок. Герман Алексеевич, с его необычайно широким кругозором и особым, математическим складом ума стал одним из первых ученых-историков, которые решительно преодолели барьер между гуманитарной по сути археологией и точными науками (Федоров-Давыдов Г.А., 1965; 1970а). Он предложил рассматривать каждый археологический объект, будь то какой-либо предмет, признак погребального обряда или археологический комплекс, с точки зрения вероятностной взаимосвязи отдельных признаков, составляющих тот или иной объект. Теперь, в эпоху компьютеров, такой путь кажется тривиальным. Но в то время многие из нас с трудом расставались с представлением о сугубо эмпирическом подходе к выявлению археологического типа. Г.А. Федоров-Давыдов (1970б) теоретически доказал, что археологический тип в период своего существования проходит три основные стадии – стадию формирования, когда представление об объекте уже существует, но оно еще не воплощено в часто встречающихся реалиях материальной культуры; стадию массового бытования, когда объект получает широкое распространение, представляя устойчивый тип, и стадию угасания, когда устойчивые связи между признаками нарушаются и приобретают дисперсное распределение. Тогда оказывается, что существование типа на первой и третьей стадии может быть выявлено только с помощью методов вероятностной статистики (Федоров-Давыдов Г.А., 1981б; 1987б).

Эти теоретические разработки позже нашли широкое воплощение в практике археоло-

гического исследования. Но пионерской в этом отношении является книга Г.А. Федорова-Давыдова "Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов" (1966б), составляющаяся часть его докторской диссертации. Монография, посвященная казалось бы относительно специальной археологической проблеме, стала яркой вехой на пути оформления археологической статистики как неотъемлемого методического направления нашей науки. На многие десятилетия вперед эта книга определила те методические и общетеоретические подходы, которые впоследствии стали нормативными для отечественной археологии (см., например: Каменецкий И.С. и др., 1975; Щапова Ю.Л., 1988; Каменецкий И.С., 1999; обзор материалов: Клейн Л.С., 1991; Ковалевская В.Б., 1995). Определенным итогом этого направления работ ученого стал учебник "Статистические методы в археологии" (Федоров-Давыдов Г.А., 1987б), который надолго останется главным руководством по археологической статистике для поколений молодых специалистов.

Научное наследие, оставленное нам Германом Алексеевичем, представляют 24 монографии (вместе с переизданиями), которые издавались как у нас в стране, так и за рубежом – в Польше, Германии, Венгрии, Англии, Бельгии, еще одна должна быть издана в США. Две книги, над которыми исследователь работал в последние годы своей жизни, находятся в печати. Уверены, будучи опубликованными, они, как и те, что были изданы при его жизни, войдут в золотой фонд российской науки. Количество статей, написанных им, свыше 200, но мы знаем, что он работал над ними постоянно, даже находясь в экспедиции. Среди них нет работ проходящих и легковесных.

Научные заслуги Г.А. Федорова-Давыдова, с нашей точки зрения, как это часто бывает в России, не были вполне оценены на Родине при жизни. Будучи яркой звездой отечественной и мировой науки, он формально так и не вошел в академическую элиту, не занимал высоких административных постов, хотя фактически его авторитет в научных кругах был огромен. Возможно, это произошло и потому, что Герман Алексеевич никогда не подчинялся конъюнктурным обстоятельствам, был независим от них, насколько это было возможным в условиях советской действительности. Здесь следует напомнить, что в этой действительности золотоордынская тематика связывалась сначала только с "татарским нашествием" и "татаро-монгольским игом", а после событий 1969 г. на о. Даманском – с имперскими притязаниями еще недавно дружественного Китая. Авторы этой статьи еще помнят времена, при которых нельзя было упоминать в печати о китайских элементах в материальной культуре средневековых народов Поволжья. В учебниках по археологии, издававшихся и переиздававшихся в 60–80-е годы XX столетия, разделы, касающиеся золотоордынской археологии, отсутствовали. Лишь в 1989 г. Даниил Антонович Авдусин сумел наконец впервые опубликовать краткие сведения о достижениях отечественной археологии в этой области, да и то лишь в связи с булгарской тематикой (Авдусин Д.А., 1989). А вот в учебнике археологии А.И. Мартынова (1996) имеется раздел о "погибших городах Руси" золотоордынской эпохи и опять – ни слова о богатой культуре золотоордынских городов, история которых составляет неотъемлемую часть не только этнической истории многих современных народов Поволжья, но и средневековой Руси.

А.П. Смирнов и его ученик и последователь Г.А. Федоров-Давыдов понимали и, как и многие другие русские и советские историки, хорошо осознавали историческую роль Золотой Орды в развитии общеевропейской цивилизации, но только Герман Алексеевич, вопреки всему, нашел в себе мужество связать свою научную биографию с этой "гиблой" с точки зрения советского исторического официоза тематикой.

Высшим признанием для него стала награда Московского университета – Ломоносовская премия 1998 года. С 1983 г. он стал членом-корреспондентом Германского археологического общества, с 1993 г. – действительным членом Российской академии естественных наук. Членом партии не был и попасть в нее не стремился. За границей был много раз и посетил различные страны Европы, Ближнего Востока, Северной Африки и Монголию, но лишь трижды находился там в научных командировках (Тунис, 1966 г., Монголия, 1969 г., Республика Корея, 1992 г.).

К числу общественных работ, которыми он занимался, относятся его членство в Президиуме ВООПИК, членство в специализированных Советах по защитам диссертаций при истфаке МГУ и Институте археологии АН СССР, председательство в специализированном Ученом совете по защитам докторских диссертаций по археологии и этнографии в МГУ, пост заместителя председателя Российского общества "Древности". Много лет он проработал экспертом и членом экспертной комиссии ВАК, председателем экспертного совета Российского гуманитарного научного фонда.

С уходом Германа Алексеевича Федорова-Давыдова навсегда закрылась одна из наиболее ярких и своеобразных страниц в летописи российской археологии. Ушел ученый-энцикло-

педист, составивший славу отечественной исторической науки. Ушел Человек с непростым характером, но с благородным сердцем и открытой душой. Ушел Учитель, чьи вдохновенные идеи на многие годы вперед определили научную биографию тех, кто теперь сами стали учителями, начальниками археологических экспедиций и отрядов, руководителями научных подразделений. В каждом из них горит огонек, который еще смолоду сумел зажечь в их сердцах Герман Алексеевич. И пока этот огонек не погас, Учитель остается с нами.

Институт археологии РАН, Москва — *В.В. Дворниченко, В.Л. Егоров*
Государственный Исторический музей, Москва — *Л.Т. Яблонский*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдусин Д.А., 1989. Основы археологии. М.

Балабанова М.А., 1998. Антропологический состав и происхождение ранних кочевников Южного Приуралья и Нижнего Поволжья VI в. до н.э. – 1-ой половины II в. н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Булатов Н.М., 1967. Защита докт. дисс. Г.А. Федорова-Давыдова на тему "Кочевники Восточной Европы в X–XIV вв." // Вестник Московского университета. Сер. История. Вып. 4.

Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т., 1987. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.

Города Поволжья в средние века, 1974. М.

Гусева Т.В., 1975. История изучения Нового Сарая // Вестник Московского университета. Сер. История. Вып. 6.

Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1977. Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 г. // Древности Астраханского края. М.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1977. Некоторые археологические данные о времени обводнения протоков дельты Волги в историческое время // Колебания увлажняемости Арало-Каспийского региона в голоцене. Тез. докл. М.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1985а. Работы Поволжской археологической экспедиции на Нижней Волге и новые открытия 1984 г. / Вестник АН СССР. № 4.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1985б. Сокровища сарматского царя // Наука и жизнь. № 3.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1989. Памятники сарматской аристократии в Нижнем Поволжье // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1993. Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской обл. // ВДИ. № 3.

Егоров В.Л., 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.

Егоров В.Л., Полубояринова М.Д., 1974. Археологические исследования Водянского городища // Средневековые памятники Поволжья. М.

Каменецкий И.С., 1999. Археология (I. Введение. II. Археология и другие науки). М.

Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А., 1975. Анализ археологических источников (Возможности формализованного подхода). М.

Клейн Л.С., 1991. Археологическая типология. Л.

Ковалевская В.Б., 1995. Археологическая культура – практика, теория, компьютер. М.

Мартынов А.И., 1996. Археология. М.

Поволжье в средние века, 1970. М.

Полубояринова М.Д., 1978. Русские люди в Золотой Орде. М.

Смирнов А.П., Федоров-Давыдов Г.А., 1959. Задачи археологического изучения Золотой Орды // СА. № 4.

Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья, 1989. М.

Средневековые памятники Поволжья, 1976. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1958. Раскопки торгово-ремесленного квартала XV–XVII вв. на городище Таш-кала в Ургенче // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. II. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1960. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1963а. Монеты рассказывают. М.
Федоров-Давыдов Г.А., 1963б. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. IV. М.
Федоров-Давыдов Г.А., 1965. О датировке типов вещей по погребальным комплексам // СА. № 3.
Федоров-Давыдов Г.А., 1966а. Монеты рассказывают. Warszawa (на польском языке).
Федоров-Давыдов Г.А., 1966б. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
Федоров-Давыдов Г.А., 1968. "Аноним Искандера" и термины "Ак-Орда" и "Кок-Орда" // История, археология и этнография Средней Азии. М.
Федоров-Давыдов Г.А., 1970а. О статистическом исследовании взаимовстречаемости признаков и типов предметов в археологических комплексах // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.
Федоров-Давыдов Г.А., 1970б. Понятия "археологический тип" и "археологическая культура" в "Аналитической археологии Дэвида Кларка" // СА. № 3.
Федоров-Давыдов Г.А., 1973. Общественный строй Золотой Орды. М.
Федоров-Давыдов Г.А., 1975а. О сценах терзаний и борьбы зверей в памятниках скифо-сибирского искусства // Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 3. Л.
Федоров-Давыдов Г.А., 1975б. На окраинах античного мира. М.
Федоров-Давыдов Г.А., 1976. Искусство кочевников и Золотой Орды. М.
Федоров-Давыдов Г.А., 1980а. Позднесарматский биметаллический кинжал из Барановского могильника // СА. № 2.
Федоров-Давыдов Г.А., 1980б. Москва в борьбе за независимость // Вестник Академии наук. I. № 8.
Федоров-Давыдов Г.А., 1981а. Монеты Московской Руси. М.
Федоров-Давыдов Г.А., 1981б. Археологическая типология и процесс типообразования // Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М.
Федоров-Давыдов Г.А., 1984. Погребения хазарского времени из урочища "Кривая Лука" в Нижнем Поволжье // Проблемы археологии степей Евразии. Советско-венгерский сборник. Кемерово.
Федоров-Давыдов Г.А., 1986а. Монеты рассказывают. М. (на языке телугу).
Федоров-Давыдов Г.А., 1986б. Монеты рассказывают. М. (на языке маратхи).
Федоров-Давыдов Г.А., 1987а. Монеты нового времени // Советский музей. № 2.
Федоров-Давыдов Г.А., 1987б. Статистические методы в археологии. М.
Федоров-Давыдов Г.А., 1988. Стилистические особенности раннесредневекового искусства Европы // Тр. Академии художеств СССР. Вып. 5. М.
Федоров-Давыдов Г.А., 1989. Монеты Нижегородского княжества. М.
Федоров-Давыдов Г.А., 1990а. Монеты рассказывают. М.
Федоров-Давыдов Г.А., 1990б. Монеты рассказывают. М. (на языке телугу).
Федоров-Давыдов Г.А., 1990в. Этнические процессы в Средней Азии в VIII–XV вв. (этнос и феодальное государство) // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. II. История и археология. М.
Федоров-Давыдов Г.А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.
Шевченко А.В., 1980. Палеоантропология Северо-Западного Прикаспия в эпоху бронзы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Щапова Ю.Л., 1988. Естественнонаучные методы в археологии. М.
Яблонский Л.Т., 1980. Население средневековых городов Поволжья (по материалам мусульманских могильников). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Fedorow-Dawydow G.A., 1972. Die Goldene Horde und ihre Vorganger. Leipzig.
Fedorow-Dawydow G.A., 1984a. Stadte der Goldenen Horde an der unteren Wolga. München.
Fedorow-Dawydow G.A., 1984b. The Culture of the Golden Horde Cities. Oxford.
Fedorow-Dawydow G.A., Polubojarinova M.D., 1976. Die Stadte der Goldenen Horde // Das Altertum. № 3.

ПАМЯТИ ЮРИЯ АЛЕКСЕЕВИЧА КРАСНОВА

(1931–2000)

19 января 2000 г. после тяжелой болезни скончался известный русский археолог, заведующий Отделом археологических сводов и карт Института археологии РАН, кандидат исторических наук Юрий Алексеевич Краснов.

Ю.А. Краснов родился 5 декабря 1931 г. в г. Звенигороде Московской обл. в семье служащих. После окончания средней школы в 1950 г. он поступил на философский факультет МГУ, а затем, увлекшись археологией, перевелся на исторический факультет, который и закончил в 1961 г. по кафедре археологии. В этот же период началась трудовая биография Ю.А. Краснова. В 1952–1963 гг., учась заочно в университете, он работал учителем истории в Успенской средней школе. В 1963 г. он поступил, а в 1966 г. окончил аспирантуру Института археологии АН СССР и успешно защитил кандидатскую диссертацию "Земледелие и животноводство в лесной полосе Европейской части СССР во II тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э.".

С этого времени начинает реализовываться одно из основных направлений исследований Юрия Алексеевича – история сельского хозяйства по археологическим материалам. По этой теме им было опубликовано около 30 печатных работ, основными из которых являются монографии "Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы" (1971); "Древнейшие упряжные пахотные орудия" (1975); "Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы" (1987). Особо следует отметить чрезвычайно интересную идею Ю.А. Краснова о создании капитального труда о древнем сельском хозяйстве от времени его зарождения и до средневековья, реализованную коллективом сотрудников Института и в значительной степени им самим в первом томе "Истории крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции" (1987). Этот уникальный научный проект – по существу история длительного и сложного процесса зарождения, распространения и развития производящего хозяйства на территории нашей страны. Тесно

© А.В. Кашкин, 2000 г.

связана с этим процессом и социальная история древних земледельцев и скотоводов, своего рода "предыстория" крестьянства.

Второе направление научных исследований Ю.А. Краснова – финно-угорская археология. Число публикаций по этому научному направлению также велико (около 20). Большая часть полевых исследований Ю.А. Краснова посвящена именно финно-угорским памятникам от дьяковской культуры до средневековых мордовских могильников. С 1965 по 1975 г. он раскапывал памятники различных эпох в Подмосковье и в Поволжье. В 1967–1968 гг. Ю.А. Краснов был заместителем начальника Поволжской экспедиции, в 1969–1973 гг. – начальником Чебоксарской экспедиции, в 1974–1975 – Ставропольской экспедиции Института археологии. Среди наиболее запоминающихся открытий Ю.А. Краснова – широкомасштабные раскопки грунтового Безводнинского могильника V–VIII вв. в Горьковской области, материалы которого впоследствии были им детально изучены и опубликованы в монографии "Безводнинский могильник" (1980). Типология и хронология, разработанные и представленные в книге, уже на протяжении 20 лет находят свое применение для датировок многочисленных раннесредневековых древностей этого круга из других регионов Восточной Европы.

Обширна и многогранна была деятельность Ю.А. Краснова в Институте. В течение ряда лет он был ученым секретарем сектора скифо-сарматской археологии, заведующим аспирантурой, членом полевого комитета, членом редколлегии Кратких сообщений Института археологии. В 1974 г. начался новый этап научно-организационной работы Ю.А. Краснова – он возглавил отдел новостроечных и хоздоговорных экспедиций. Это был сложный период становления археологических работ на новостройках. Пришлось решать такие важные задачи, как определение перспективных районов будущих раскопок, обоснование и составление программ исследований, планирование полевых и камеральных работ, заключение договоров с заказчиками, организация бесперебойного финансирования археологических исследований и их материально-технического обеспечения. В это время выходят разработанные Ю.А. Красновым методические рекомендации о раскопках грунтовых могильников и о сохранности археологических памятников в зонах строительных работ, оказавшие археологам страны значительную организационную и научно-методическую помощь. За годы руководства отделом Ю.А. Красновым количество экспедиций увеличилось почти вдвое, значительно расширилась география районов работ на новостройках. Экспедициями отдела были спасены для отечественной науки и культуры десятки археологических памятников. Да и облик самих экспедиций заметно преобразился: появились новое оборудование, спецодежда. В это же время Ю.А. Краснов принимает активное участие в разработке Закона РСФСР "Об охране и использовании памятников истории и культуры" и "Положения об археологической службе на новостройках РСФСР". К сожалению, в 1984 г. ему пришлось оставить капитанский мостик отдела, но, к счастью, ненадолго.

В 1989 г. Ю.А. Краснов стал руководителем Отдела археологических сводов и карт. Это новое дело полностью заняло все его время и четко обозначило третье основное направление его научных исследований, как сам он назвал его, – археологическое памятниковедение. С его приходом отдел начал работать над новым научным проектом, и вот в 1992 г. из печати вышел первый выпуск серийного научно-справочного издания энциклопедического характера "Археологическая карта России", одним из инициаторов и ответственным редактором которого Ю.А. Краснов и являлся до последних своих дней. За эти годы под его редакцией вышли из печати 17 книг этой серии, посвященные памятникам 10 областей Европейской части России. Ю.А. Краснов был не только ответственным редактором всей серии АКР, но и автором книги, посвященной памятникам Калужской области, одним из авторов выпусков об археологических памятниках Московской (часть 1), Рязанской (части 1–3), Владимирской, Смоленской (части 1–2), Тульской (часть 1) областей, а также автором большей части вводных статей к томам серии АКР. Это была чрезвычайно сложная и напряженная работа, открывшая новую страницу археологического источниковедения, и без Ю.А. Краснова ее едва ли можно было осуществить. До последних дней своей жизни Ю.А. Краснов думал о продолжении работы над серией, писал и редактировал научно-справочные статьи о памятниках археологии г. Москвы для очередного тома.

Обширна и многогранна была общественная деятельность Ю.А. Краснова в Институте. Он был редактором стенной газеты "Археолог", членом и председателем профкома, членом и заместителем секретаря партийной организации. Нельзя не вспомнить страстные и принципиальные выступления Ю.А. Краснова на собраниях в Институте, наполненные горячим желанием активизировать и демократизировать общественную жизнь, сделать более открытой для сотрудников работу дирекции.

Юрий Алексеевич Краснов был очень хорошим руководителем, умел увлечь своих со-

трудников научной проблемой, порученным делом и в отделе новостроечных экспедиций, и в отделе археологических сводов и карт. Сравнительно у немногих археологов Юрий Алексеевич был научным руководителем диссертационных работ, но многие по праву считают себя его учениками. Нам всегда будет недоставать этого человека, его научной увлеченности и несомненного организаторского таланта.

Институт археологии РАН, Москва *А.В. Кашкин*

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ Ю.А. КРАСНОВА

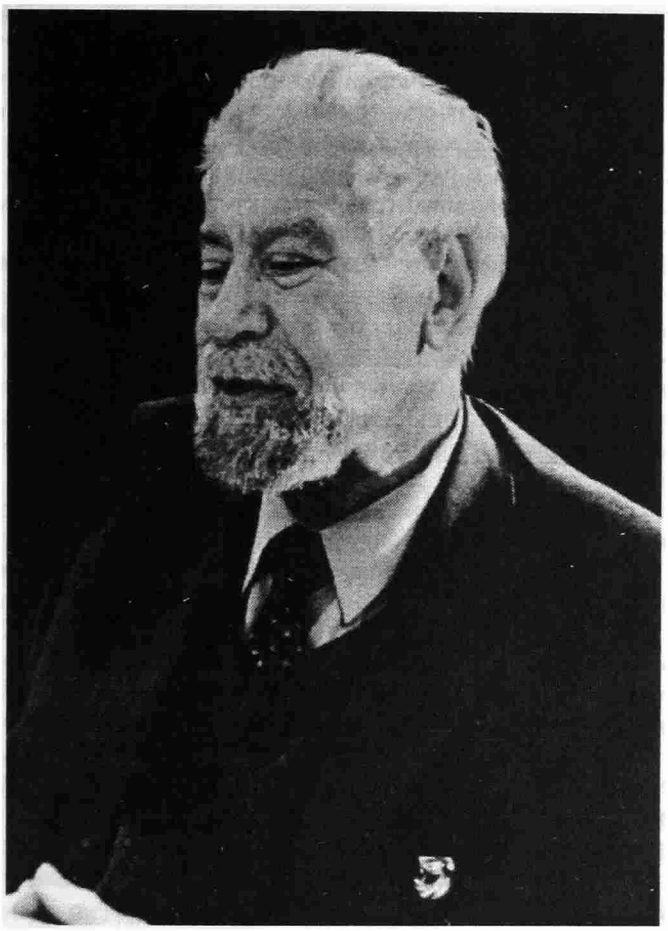
1. Звенигород и его окрестности. Звенигород, 1955. 33 с. (в соавт. с Н.А. Красновым).
2. Историко-культурные памятники Звенигородского района (Краткий путеводитель). Звенигород, 1957. 61 с. (в соавт. с Н.А. Красновым).
3. Памятные места Звенигородского края. Звенигород, 1957. 34 с. (в соавт. с Н.А. Красновым).
4. Новая неолитическая стоянка в Подмосковье // КСИИМК. 1959. Вып. 75. С. 90, 91 (в соавт. с А.В. Успенской).
5. Новые памятники льяловской культуры // СА. 1959. № 1. С. 249–253 (в соавт. с Н.А. Красновым).
6. Курганы с трупосожжениями у д. Горышкино // СА. 1962. № 3. С. 302–304.
7. Следы мезолита в долине Москвы-реки // СА. 1962. № 1. С. 262, 263.
8. Обследование памятников дьяковской культуры в долине Москвы-реки // СА. 1963. № 1. С. 204–218 (в соавт. с Н.А. Красновым).
9. Работа археологической секции на научных конференциях по истории Московского края // СА. 1963. № 1. С. 331.
10. Раскопки на Успенском городище в 1961–1962 гг. // КСИА. 1964. Вып. 102. С. 98–103.
11. Топография древнего Звенигорода по археологическим данным // СА. 1964. № 1. С. 112–119 (в соавт. с Н.А. Красновым).
12. К истории раннего земледелия в лесной полосе Европейской части СССР // СА. 1965. № 2. С. 57–74.
13. Земледелие и животноводство в лесной полосе Европейской части СССР во II тыс. до н.э. – 1-й половине I тыс. н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук, 1966. 23 с.
14. Из истории железных серпов в лесной полосе Европейской части СССР // КСИА. 1966. Вып. 107. С. 17–27.
15. "Домик мертвых" на городище дьяковского времени // АО – 1966. 1967. С. 34–36 (в соавт. с Н.А. Красновым).
16. Локальные особенности животноводства в лесной полосе Восточной Европы в эпоху раннего железа // КСИА. 1967. Вып. 112. С. 31–37.
17. О системах и технике раннего земледелия в лесной полосе Восточной Европы // СА. 1967. № 1. С. 3–22.
18. О возникновении пашенного земледелия в лесной полосе Восточной Европы // СА. 1968. № 2. С. 3–22.
19. Работы Болгарского отряда Поволжской экспедиции // АО – 1967. 1968. С. 134, 135 (в соавт. с А.П. Смирновым, Т.А. Хлебниковой и др.).
20. Ранняя история сохи // СА. 1968. № 1. С. 103–120.
21. Кирпичные заводы XVII в. в окрестностях Звенигорода. (Данные археологических исследований в Московской обл.) // КСИА. 1969. Вып. 120. С. 126–128 (в соавт. с Н.А. Красновым).
22. Некоторые итоги и задачи изучения истории земледелия в советской археологии // КСИА. 1969. Вып. 118. С. 58–68.
23. Новые данные по истории города Болгара // СА. 1969. № 1. С. 211–223 (в соавт. с А.П. Смирновым, Т.А. Хлебниковой).
24. О некоторых сторонах взаимоотношений балто-финно-угорских племен западной части Волго-Окского междуречья // КСИА. 1969. Вып. 119. С. 3–13.
25. Об археологических данных для характеристики мордовско-вятичских взаимоотношений. (По поводу статьи А.В. Циркина "О культурных связях мордвы с вятичами в VIII–XII вв.") // СА. 1969. № 3. С. 283–286 (в соавт. с В.М. Зубаревой).
26. Поволжская экспедиция // АО – 1968. 1969. С. 169–173 (в соавт. с А.П. Смирновым, Т.А. Хлебниковой и др.).

27. Ранняя история культуры пшеницы в свете археологических данных // Древности Восточной Европы. МИА. 1969. № 169. С. 96–104.
28. Возникновение и развитие земледелия / Отв. ред. В.Д. Блаватский и А.В. Никитин. М., 1967 // Рец.: СА. 1969. № 1. С. 288–293.
29. П.Н. Старостин. Памятники именьковской культуры. М., 1967 // Рец.: СА. 1969. № 2. С. 291–296 (в соавт. с А.П. Смирновым).
30. К проблеме эволюции рала (об одном широко распространенном заблуждении) // Древние славяне и их соседи. МИА. 1970. № 176. С. 137–142.
31. Об одной группе роговых и деревянных орудий эпохи неолита и бронзы // КСИА. 1970. Вып. 123. С. 42–47.
32. Чебоксарская экспедиция // АО – 1969. 1970. С. 129–134 (в соавт. с В.Ф. Каховским, С.В. Ошибкиной и др.).
33. Уфимская конференция по этногенезу башкир // СА. 1970. № 2. С. 294–298 (в соавт. с А.П. Смирновым).
34. А.В. Циркин. Русско-мордовские отношения в X–XIV вв. Саранск, 1968 // Рец.: СА. 1970. № 4. С. 310–315 (в соавт. с В.М. Зубаревой).
35. Береста с надписью из Чебоксар // СА. 1971. № 3. С. 269–276 (в соавт. с В.Ф. Каховским и И.С. Вайнером).
36. К вопросу о существовании плуга у племен черняховской культуры // КСИА. 1971. Вып. 128. С. 3–11.
37. Предисловие // Древнее поселение в Подмосковье. МИА. 1971. № 184.
38. Работы Чебоксарской экспедиции // АО – 1970. 1971. С. 136–140 (в соавт. с Г.А. Архиповым, Р.Ф. Ворониной и др.).
39. Рала симферопольской стелы (К истории пахотных орудий в Старом Свете). // СА. 1971. № 2. С. 51–63.
40. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. II тыс. до н.э. – 1-я пол. I тыс. н.э. М., 1971. 168 с.
41. Работы Чебоксарской экспедиции // АО – 1971. 1972. С. 174–180 (в соавт. с Г.А. Архиповым, И.С. Вайнером и др.).
42. Раскопки 1969–1970 гг. в Чебоксарах // История и культура Чувашской АССР. Вып. 2. Чебоксары, 1972. С. 243–300 (в соавт. с В.Ф. Каховским).
43. Средневековый чувашский могильник у д. Новое Ядрино // КСИА. 1972. Вып. 129. С. 100–105 (в соавт. с В.М. Зубаревой).
44. Поселение эпохи бронзы в низовьях р. Суры // КСИА. 1973. Вып. 134. С. 81–90 (в соавт. с Н.В. Трубниковой и В.М. Зубаревой).
45. О времени возникновения и ранней истории города Чебоксары. (По археологическим данным) // КСИА. 1973. Вып. 136. С. 33–40.
46. Работы Чебоксарской экспедиции // АО – 1972. 1973. С. 161–165 (в соавтор. с И.С. Вайнером, Р.Ф. Ворониной и др.).
47. Системы земледелия в Восточной Европе по археологическим данным (состояние проблемы и важнейшие задачи). Всесоюзная научная конференция по изучению систем земледелия: История и современная практика. Тез. докл. М., 1973. С. 34–38.
48. I. Erdelji, E. Ojtozi, W. Gening. Das Gräberfeld von Nevolino. Budapest, 1969 // Рец.: СА. 1973. № 2. С. 280–287 (в соавт. с В.Б. Ковалевской).
49. Безводнинский могильник. (По материалам раскопок 1971 г.) // КСИА. 1974. Вып. 140. С. 84–95.
50. Некоторые спорные вопросы этнической истории финно-угорских народов Среднего Поволжья. Тез. докл. и сообщений на XV Всесоюз. конф. по финно-угроведению. Петрозаводск, 1974. С. 15–18.
51. Предисловие // Дьяковская культура. М., 1974. С. 3-6.
52. Проблема происхождения чувашского народа в свете археологических данных // СА. 1974. № 3. С. 112–124.
53. Звенигород. Историко-культурные памятники Звенигородского края. Путеводитель. М., 1974. 160 с. (в соавт. с О.П. Бояр и Н.А. Красновым).
54. Древнейшие упряжные пахотные орудия. М., 1975. 184 с.
55. Некоторые итоги раскопок Чебоксарской экспедиции на средневековых памятниках Поволжья (1969–1972 гг.) // Новейшие открытия советских археологов. Тез. докл. конф. Ч. III. Киев, 1975. С. 103–105.
56. Новостроечные экспедиции Института археологии АН СССР в десятой пятилетке // СА. 1976. № 4. С. 10–15.

57. Об одном типе пахотных орудий Древней Руси // КСИА. 1976. Вып. 146. С. 37–43.
58. А.И. Мартынов. Археология СССР. Учебник для педвузов. М., 1973 // Рец.: СА. 1976. № 1. С. 273–280 (в соавт. с В.П. Даркевичем, М.Ф. Косаревым и др.).
59. Средневековые Чебоксары. Материалы Чебоксарской экспедиции 1969–1973 гг. М., 1978. 192 с. (в соавт. с В.Ф. Каховским).
60. Опыт построения классификации наконечников пахотных орудий. (По археологическим материалам Восточной Европы) // СА. 1978. № 4. С. 98–114.
61. Погребальное сооружение на городище дьякова типа // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 140–153 (в соавт. с Н.А. Красновым).
62. Die Erfahrungen in der Organisation archaologischer Untersuchungen bei den grossen Bauvorhaben in der UdSSR // Archaologische Denkmale und Umwelt-gestaltung. Berlin, 1978. S. 77–81.
63. Работы по археологии в "Трудах Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики" при Совете Министров Мордовской АССР. Вып. 48 и 52. Саранск, 1975, 1976 // Рец.: СА. 1978. № 1. С. 286–291
64. Археологическая служба Института археологии АН СССР на новостройках // Советская археология в 10-й пятилетке. Тез. докл. Всесоюз. конф. Л., 1979. С. 7–9 (в соавт. с М.Н. Пшениципой, К.А. Смирновым).
65. Некоторые проблемы истории крестьянства СССР дооктябрьского периода // История СССР. 1979. № 3. С. 49–70 (в соавт. с В.А. Александровым, А.М. Анфимовым и др.).
66. Работа сектора новостроечных и хоздоговорных экспедиций Института археологии АН СССР в 1973–1977 гг. // КСИА. 1979. Вып. 157. С. 98–103.
67. Средневековые плуги Восточной Европы // СА. 1979. № 4. С. 56–71.
68. Г.Н. Лисицына, Л.В. Прищепенко. Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977 // Рец.: СА. 1979. № 1. С. 299–303.
69. Э.В. Янушевич. Культурные растения Юго-Запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев, 1976 // Рец.: СА. 1979. № 1. С. 299–303.
70. Археологическая служба Института археологии АН СССР на новостройках // КСИА. 1980. Вып. 163. С. 58–68.
71. Безводнинский могильник (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М., 1980. 224 с.
72. О дате Березняковского городища // КСИА. 1980. Вып. 162. С. 60–67.
73. Об истоках пашенного земледелия в Восточной Европе // СА. 1980. № 3. С. 15–23.
74. Рало из Токаревского торфяника // КСИА. 1981. Вып. 164. С. 58–65.
75. Древние и средневековые рала Восточной Европы // СА. 1982. № 3. С. 63–80.
76. Женская одежда по материалам Безводнинского могильника // КСИА. 1982. Вып. 170. С. 51–58.
77. Археологические памятники мордвы I тысячелетия нашей эры. Сб. статей. Тр. Мордовского ИЯЛИЭ. Вып. 63. Саранск, 1979 // Рец.: СА. 1982. № 4. С. 274–278.
78. Введение // Древности Дона. Материалы работ Донской экспедиции. М., 1983. С. 3–6.
79. Т.Н. Коробушкина. Земледелие на территории Белоруссии в X–XIII вв. Минск, 1979 // СА. 1983. № 2. С. 275–279.
80. Работа сектора новостроечных и хоздоговорных экспедиций Института археологии АН СССР в 1978–1981 гг. // КСИА. 1984. Вып. 177. С. 102–106.
81. В.А. Шнирельман. Происхождение скотоводства. М., 1980 // Рец.: СА. 1984. № 2. С. 251–256.
82. Пахотные орудия Волжской Болгарии // КСИА. 1986. Вып. 183. С. 16–23.
83. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М., 1987. 234 с.
84. История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 1. М., 1987 (в соавтор. с Г.Н. Лисицыной, А.В. Чернецовым и др.).
85. Некоторые вопросы истории земледелия у жителей города Болгара и его округи // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М., 1987. С. 205–230.
86. Оборонительные сооружения города Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М., 1987. С. 99–123.
87. Пахотные орудия хунну // КСИА. 1987. Вып. 186. С. 41–50.
88. Рало из Бреста // КСИА. 1987. Вып. 190. С. 19–25.
89. Обеспечение сохранности археологических памятников в зонах строительных работ // Древности Ставрополья. М., 1989. С. 6–23.
90. Обеспечение сохранности археологических памятников в зонах строительных работ. Мето-

дическое руководство // Методика полевых археологических исследований. Л., 1989. С. 84–101.

91. Раскопки грунтовых могильников // Методика полевых археологических исследований. Л., 1989. С. 28–46.
92. В.К. Михеев. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985 // Рец.: СА. 1989. № 1. С. 279–285 (в соавт. с В.С. Флёровым).
93. Хозяйственно-культурные типы Восточной Европы эпохи раннего железа // КСИА. 1990. Вып. 197. С. 3–12.
94. Введение // Археологическая карта России: Орловская область. М., 1992. С. 7–18.
95. Археологическая карта России: Калужская область. М., 1992. 157 с.
96. Основные вопросы составления археологических разделов Свода памятников истории и культуры // КСИА. 1993. Вып. 210. С. 9–14.
97. Работа отдела археологических сводов Института археологии в 1989–1990 гг. // КСИА. 1993. Вып. 210. С. 98–100 (в соавт. с Н.В. Малиновской).
98. Археологическая карта России: Рязанская область. Ч. 1. М., 1993. 261 с. (в соавт. с С.Е. Михальченко).
99. Археологическая карта России: Рязанская область. Ч. 2. М., 1994. 211 с. (в соавт. с С.Е. Михальченко).
100. Археологическая карта России: Московская область. Ч. 1. М., 1994. 319 с. (в соавт. с Г.Г. Король, Т.Д. Николаенко, Б.Е. Янишевским).
101. Археологическая карта России: Владимирская область. М., 1995. 379 с. (в соавт. с М.П. Зиминой, А.Е. Леонтьевым, Л.А. Михайловой и др.).
102. Археологическая карта России: Рязанская область. Ч. 3. М., 1996. 208 с. (в соавт. с С.Е. Михальченко).
103. Археологическая карта России: Смоленская область. Ч. 1. М., 1997. 298 с. (в соавт. с С.Е. Михальченко, Г.К. Патрик).
104. Археологическая карта России: Смоленская область. Ч. 2. М., 1997. 262 с. (в соавт. с С.Е. Михальченко, В.С. Нефедовым, Г.К. Патрик).
105. Археологическая карта России: Тульская область. М., 1999. 300 с. (в соавт. с М.М. Гоняным, А.В. Григорьевым, Г.К. Патрик и др.).



ПАМЯТИ МИХАИЛА ГРИГОРЬЕВИЧА РАБИНОВИЧА

(1916–2000)

Отечественная историческая наука понесла тяжелую утрату. 4 февраля 2000 г. в городке Пало Алто в Калифорнии скончался выдающийся российский археолог и этнограф, доктор исторических наук, профессор Михаил Григорьевич Рабинович.

М.Г. Рабинович родился 22 мая 1916 г. в Екатеринбурге. С 1921 г. жил в Москве, где окончил среднюю школу, а затем Горно-химический техникум. В бытность горным мастером он обнаруживал в подмосковных карьерах палеонтологические и археологические находки. Увлеченность памятниками древности привела его на исторический факультет Московского университета, который он окончил в 1941 г., а в 1943 г. – аспирантуру МГУ по кафедре археологии и защитил кандидатскую диссертацию на тему "Новгородское войско", посвященную военному устройству Великого Новгорода. Его научными руководителями были профессора А.В. Арциховский и М.Н. Тихомиров. В трудные военные годы, освобожденный от службы в армии по состоянию здоровья, он исполнял обязанности директора Научной библиотеки МГУ им. А.М. Горького (1941–1943 гг.). В 1943–1946 гг. Михаил Григорьевич работал ученым секретарем Института этнографии Академии наук СССР. Пройдя серьезную методическую подготовку на новгородских раскопках и имея практику археологических наблюдений в Москве, М.Г. Рабинович становится руководителем Московской археологической экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР, которой руководил в 1946–1951 гг. Важную роль сыграл он и в организации археологического отдела в Музее истории и реконструкции г. Москвы, где трудился в 1951–1957 гг. и где создал экспозицию по раннему периоду истории города. Свыше 40 лет, с 1957 по 1997 г. М.Г. Рабинович работал в восточнославянском секторе Института этнографии АН СССР.

© А.Г. Векслер, 2000 г.

Основной темой научных исследований ученого стала этнография города. М.Г. Рабинович в течение многих лет занимался этой проблемой и выпустил монографии "Очерки этнографии русского феодального города" (1978), "Очерки материальной культуры русского феодального города" (1988). В этих книгах города рассматриваются как поселения, освещаются основные и подсобные занятия горожан, этнические процессы в городе, общественный и домашний быт горожан, их дворы и дома, одежда и пища на протяжении всего периода феодализма с IX по середину XIX в. Исследование такого масштаба и характера было проведено впервые, и автор в 1993 г. получил за него Государственную премию.

Другой проблемой, которой занимался Михаил Григорьевич, была этнография восточных славян. Фундаментальный том под этим названием, в котором М.Г. Рабинович был членом редакционной коллегии и написал несколько крупных глав, вышел в 1987 г. Всего ученым написано 14 книг и более 300 научных статей[1].

Неизменным успехом у читателя пользовались многочисленные научно-популярные книги, написанные М.Г. Рабиновичем, которые неоднократно переиздавались, а увлекательные очерки "Судьбы вещей" выдержали три издания массовым тиражом, причем книги по выходе вскоре становились библиографической редкостью.

Трудно переоценить вклад Михаила Григорьевича в археологию и историю Москвы. Под его руководством впервые были проведены стационарные археологические раскопки в Москве – в устье р. Яузы (1946–1947 гг.), где исследованиям подвергся важный ремесленный район средневекового города – Гончарная слобода. Крупномасштабные раскопки древнего Великого посада Москвы в 1949–1951 гг. открыли историю предградья Кремля в динамике его исторического развития. На территории самого Московского Кремля М.Г. Рабинович совместно с Н.Н. Ворониным руководил первыми археологическими раскопками, которые проводились при строительстве Дворца съездов в 1959–1961 гг. и явились первым археологическим исследованием исторических недр выдающегося памятника культуры России. На огромном материале, полученном при археологических раскопках, ученый разработал классификацию московской керамики и целого ряда категории вещей, обосновал их хронологию, занимался вопросами стратиграфии культурного слоя города. Фундаментальное издание "О древней Москве. Очерки материальной культуры города XI–XVII веков" (1964) надолго стало настольной книгой археологов-москвоведов.

Труды ученого получили мировое признание, переводились на многие языки, он принимал участие в целом ряде международных конгрессов и симпозиумов, являлся членом Международной комиссии по историческому изучению питания в Европе. В течение многих лет М.Г. Рабинович принимал активное участие в работе Ученого Совета Института этнографии АН, а также Ученых советов Государственного Исторического музея, Государственного музея этнографии в Петербурге, Государственного музея Московского Кремля, Музея истории г. Москвы. Постоянную поддержку он оказывал Центру археологических исследований г. Москвы. Даже в преклонном возрасте ученый самоотверженно спускался в глубокие котлованы, внимательно вглядывался в сложные напластования веков. К его советам и методическим рекомендациям внимательно прислушивались молодые археологи. В течение многих лет на историческом факультете Московского государственного педагогического института он читал курс русской истории периода феодализма и специальный курс археологии Москвы, руководил аспирантами в Институте археологии и Институте этнографии АН СССР.

Классик археологии Москвы, ученый высокого интеллекта и энциклопедических знаний, М.Г. Рабинович создал научную школу, и память об этом замечательном человеке всегда будет жива в сердцах его учеников.

Центр археологических исследований
г. Москвы

А.Г. Векслер

[1] См. списки научных работ М.Г. Рабиновича, опубликованные в журналах "Советская этнография" (1986, № 2 и 1991, № 3), "Этнографическое обозрение" (1996, № 3).

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ "РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ", за 1999 г.

Статьи, публикации, дискуссии, история науки, археологические фонды музеев, заметки

Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. Клад бронзовых боспорских монет конца I до н.э. – II вв. н.э. (Анапа, 1978 г.) 3 110
Алексеев Л.В. Детинец Мстиславля в XIV–XVII вв. 2 94
Амиров Ш.Н. Природная среда верховьев Хабура 3 5
Амиров Ш.Н. К вопросу о распространении материальной культуры урукского постурукского времени в Северной Месопотамии 4 5
Артемьева Н.Г., Ивлиев А.Л. Новые эпиграфические находки из Уссурийска 2 165
Болтрик Ю.В. Основной торговый путь Ольвии в Днепровское лесостепное правобережье 1 121
Былкова В.П. О культурных традициях населения Нижнего Поднепровья скифского времени 2 26
Внуков С.Ю. Псевдокосские амфоры Причерноморья 4 54
Григорьев Д.В. Состав войска и его тактика в VI–V вв. до н.э. на Боспоре 3 30
Горбунова Н.Г. О вооружении среднеазиатских скотоводов (II (III?) в. до н.э. – V в. нашей эры) 2 40
Двуреченская Н.Д. Терракотовая плитка с изображением бодхисаттвы из Восточной Кашкадарьи 3 125
Дубровин Г.Е. Методика ластового уплотнения швов в средневековом новгородском судостроении 2 70
Егорьков А.Н. Химический состав древнерусской плиточной поливы 4 77
Ефимов К.Ю. Золотоордынские погребения из могильника "Олень-Колодезь" 1 167
Заверняев Ф.М. Остатки жилищно-бытового и хозяйственного комплекса на Хотылевской верхнепалеолитической стоянке 2 69
Зубарь В.М. Еще раз о Таврическом лимесе 2 52
Жарнов Ю.Э. Сюжетное художественное медное литье из раскопок "усадьбы священнослужителя" Владимира-на-Клязьме 1 183
Коваль В.Ю., Медведь А.Н. Новый памятник средневековой письменности Рязанской земли 1 194
Красниенко С.В., Субботин А.В. Археонимы, или о началах географической археологии 3 147
Кренке Н.А. Нательные крестики из раскопок во дворе старого здания Московского университета 1 207
Кузнецов В.Д. Афины и Боспор: хлебная торговля 1 107
Кудряшов А.В. Средневековое поселение Октябрьский мост на Шексне 3 44
Кулаков В.И. История обнаружения части коллекций музея "Пруссия" 4 206
Лопатин Н.В. О некоторых разрядах археологической терминологии 3 150
Лорр К. О происхождении археологической коллекции Эрнста Шантра (Музей национальных древностей, Сен-Жермен-эн-Лэ, Франция) 2 173
Ляхов С.В., Мордвинцева В.И. Раннесарматское погребение у поселка Питерка Саратовской области 3 102
Матвеева Н.П., Ларин С.И. О характере расселения и хозяйства племен саргатской культуры 2 15
Медникова Е.Ю., Егорьков А.Н. К технологии росписи Десятинной церкви (по материалам коллекции М.К. Каргера 1948 г.) 2 61
Медникова М.Б. Скальпирование на Евразийском континенте 3 59
Моргунов Ю.Ю. Еще раз о "переяславских торках" 1 23
Мордвинцева В.И. Набор серебряной посуды из сарматского могильника Жутово .. 1 144
Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа: мистика, научные мнения и перспективы дальнейшего изучения 4 26

Новиченкова Н.Г. Фибулы из святилища у перевала Гурзуфское Седло 1 154
Носкова Л.М., Эрлих В.Р., Мкртычев Т.К., Днепровский К.А. Археология в Государственном музее Востока 3 154
Панченко А.А., Панченко В.Б., Селин А.А. Почитаемое место у деревни Кашельково: опыт междисциплинарного исследования 2 115
Пежемский Д.В. Информативность скелетных остатков плохой сохранности (по материалам некрополя Сиреневая Бухта) 4 64
Подъяпольский С.С. О древней церкви Сретенского монастыря в Москве 1 47
Попова Е.А. Терракоты с городища "Чайка" в Евпатории 1 131
Пушин А.В., Чернавская М.М., Черных Н.Б. Климатический экстремум и аномалии прироста древесины в XVI–XIX вв. на севере Русской равнины 4 86
Пятых Г.Г. К проблеме основ, механизмов и факторов сложения срубной культуры 4 11
Равич И.Г., Флеров В.С. Высокооловянные кованые восточные бронзы на территории Хазарии 3 134
Рудаков В.Г. История изучения Селитренного городища 2 180
Русяева А.С. Ольвийская скульптура эллинистического времени 3 36
Рындина Н.В. О литейных формах эпохи энеолита Северо-Восточных Балкан 2 5
Седов В.В. Жальники 1 7
Сыроватко А.С. К вопросу о хронологии текстильной керамики памятников устья Москвы-реки 4 43
Телегин Д.Я. К вопросу о типологии, хронологии и культурной принадлежности скипетров медного века Юго-Восточной и Восточной Европы 3 18
Трейстер М.Ю. Местные подражания деталям римского военного костюма на Боспоре 3 118
Трейстер М.Ю. К находкам металлических деталей римского военного костюма и конской сбруи в Северном Причерноморье 2 156
Тропин Н.А. Сельские поселения XII – начала XV в. в бассейне нижнего течения Быстрой Сосны 2 80
Чернов С.З. Погост Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже (по данным археологических исследований 1997–1998 гг.) 1 63
Чивилев В.А. Каменные топоры и другие сверленые орудия на верхнем Дону 2 127
Членова Н.Л. Олени, кони и копыта. (О связях Монголии, Казахстана и Средней Азии в скифскую эпоху) 1 90
Членова Н.Л. Значение находок бронзовых шлемов и медалевидного зеркала из Монголии 2 149
Чукова Т.А. Малые архитектурные формы алтарей храмов Смоленска XII – начала XIII вв. (по археологическим данным) 1 37
Шемаханская М.С. Результаты химико-технологического анализа комплекса меднолитых энколпионов и крестов могильника в урочище "Погост" на Афанасовом поле в Радонеже 1 82
Шорин А.Ф. Стратиграфия и керамические комплексы Кокшаровского холма в Среднем Зауралье 3 88
Эрдэнэбаатар Д., Худяков Ю.С. Находки бронзовых шлемов в плиточных могилах Северной Монголии 2 140

Критика и библиография

Блаватская Т.В. Lerna, a Preclassical Site in the Argolid (Results of Excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens). Vol. III. The Pottery of Lerna IV by Jeremy Rutter et alias (M.H. Wiencke, E.C. Banks, M. Attas, P.P. Betancourt, R.G.V. Hancock, R.E. Jones, G.H. Maer and S.J. Vaughan). Princeton, New Jersey, 1995 ..... 2 220
Беляев Л.А. *Biddle M.* Das Grab Christi (Neutestament Quellen – historische und archaeologische Forschungen – überraschende Erkenntnisse). Giessen, Basel, 1998 ..... 1 248
Гусев С.В. Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана. Владивосток, 1999 ..... 3 203

Захаров А.О. Sylloge nummorum graecorum. The Collection of the American Numismatic society. Part 9. Graeco-Bactrian and Indo-Greek coins. New York, 1998 ..... 4 218
Зеленеев Ю.А., Никитина Т.Б. Обзор исследований конца 80-х–90-х гг. XX в. по средневековой археологии финноугров Поволжья и Приуралья (часть 2) 3 170
Кошеленко Г.А., Сердитых З.В. *Lyonnet B.* Ceramique et peuplement du chalcolitique a la conquete arabe (Prospections archeologiques en Bactriane orientale (1974–1978). Sous la direction de Jean-Claude Gardin. V. 2). Paris, 1997 ..... 1 227
К читателям журнала "Российская археология" 1 253
Кузнецов В.Д. *Amix D.A., Lawrence P.* Studies in Archaic Corinthian Vase Painting. Hesperia. Supplement 28. The American School of Classical Studies at Athens. Princeton, New Jersey, 1996 ..... 1 246
Кызласов Л.Р. К истории раскопок города гуннского наместника на р. Ташебе 2 224
Любичев М.В. *Приходнюк О.М.* Пеньковская культура. Культурно-хронологический аспект исследования. Воронеж, 1998 ..... 4 221
Малышев А.А. Об изучении надгробной пластики римской эпохи в современной западноевропейской литературе 1 240
Малышев А.А., *Vinogradov Ju.G.* Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes. Meinz, 1997 ..... 3 192
Молчанов А.А. *Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III. Печати, зарегистрированные 1970–1996 гг. М., 1998 ..... 2 192
Мошинский А.П., Скаков А.Ю. Новые исследования по кобанской культуре 2 205
Никитина Т.Б., Зеленеев Ю.А. Обзор исследований конца 80–90-х гг. XX в. по средневековой археологии финно-угров Поволжья и Приуралья (часть 1) 2 196
Седов В.В. *Michel Kazanski.* Les Slavs. Les origines (I-er–VII-e siecle apres J.-C.). Paris, 1999 ..... 3 198
Смирнов К.А. Археология Карелии. Петрозаводск, 1996 ..... 1 227
Формозов А.А. О датировке росписей в Игнатьевской пещере на Урале 1 215
Харке Г., Савенко С.Н. Проблемы исследования древних погребений в западноевропейской археологии 1 217
Харке Г., Савенко С.Н. Проблемы исследования древних погребений в американской археологии 2 212
Чернов С.З. Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начала XVII вв. М., 1998 ..... 3 208
Черносвитов П.Ю., Потемкина Т.М., Юревич В.А. Из опыта археоастрономического исследования археологических памятников (методический аспект). М., 1998 ..... 3 179
Яйленко В.П. Дискуссионные вопросы истории и эпиграфики античного Северного Причерноморья. К выходу книги: *Vinogradov Ju.* Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes. Verlag Philipp von Zabern. Mainz, 1997 ..... 3 181

Хроника

Артемьев А.Р. Международная научная конференция "Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай" (Владивосток, 1998) 2 232
Бельтикова Г.В., Корякова Л.Н., Кузьминых С.В. Памяти Владислава Евгеньевича Стоянова (1934–1999) 4 245
Боровский Я.Е. Памяти Сергея Александровича Высоцкого (1923–1998) 2 239
Векслер А.Г. Памяти Михаила Григорьевича Рабиновича (1916–2000) 4 265
Гуляев В.И., Ольховский В.С. Международная конференция "Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э.: проблемы палеоэкологии, антропологии и археологии" (Подмосковье, 1999) 3 213
Дворниченко В.В., Егоров В.Л., Яблонский Л.Т. Памяти Германа Алексеевича Федорова-Давыдова 4 249
Джорбенадзе В.А., Чхатарашвили М.Н. Памяти Нины Николаевны Угрелидзе (1922–1998) 2 237

Кашкин А.В. Памяти Юрия Алексеевича Краснова (1931–2000) 4 259
Кауров Э.Н. "SETI: прошлое, настоящее и будущее цивилизаций". Междисциплинарная научно-методическая конференция (Москва, 1999) 4 235
Кулаков В.И. Международный симпозиум "Исследование до- и протоистории в Средней и Восточной Европе в 1933–1945 гг." (Берлин, 1998) 1 257
Ломтадзе Г.А. VII чтения памяти профессора В.Д. Блаватского 4 232
Лордкипанидзе О.Д., Джорбенадзе В.А. Памяти Теймураза Константиновича Микеладзе (1922–1998) 2 235
Мейтарчиян М.Б. "Древние цивилизации Евразии. История и культура". Международная научная конференция, посвященная 75-летию Б.А. Литвинского (Москва, 1998) 1 263
Напольских В.В., Энговатова А.В. Симпозиум "Контакты между носителями индоевропейских и уральских языков в неолите, энеолите и бронзовом веке (7000–1000 гг. до н.э.) в свете лингвистических и археологических данных" (Твярминне, 1999) 4 224
Носов Е.Н., Смирнова Г.И. Памяти Ольги Ивановны Давидан (1921–1999) 4 241
Обращение Президиума Российской академии наук 2 229
О присуждении Государственных премий Российской Федерации 1999 г. в области науки и техники 1 255
Ольховский В.С. Маргулановские чтения-99 (Алма-Ата, 1999) 1 266
Тихонов С.С. VI Международный семинар "Интеграция археологических и этнографических исследований" (Санкт-Петербург, 1998) 2 229
Федосеев Н.Ф., Вдовиченко И.И. Международный конгресс "Александр Великий: от Македонии до ойкумены" (Греция, 1998) 1 255
Флеров В.С. Коллоквиум "Хазары" (Иерусалим, 1999) и "Краткая еврейская энциклопедия" о хазарах 3 230
Хузин Ф.Ш., Хакимов Р.С. О времени основания города Казани. По материалам Международной научной конференции "Средневековая Казань: возникновение, развитие" (Казань, 1999) 3 220

Указатель составлен А.А. Малышевым

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ – Античная древность и средние века. Свердловск.
АИГ – Археологические исследования в Грузии. Тбилиси.
АО – Археологические открытия. М.
АПФГ – Археологические памятники феодальной Грузии. Тбилиси.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.–СПб.
АЭГМГ – Археологические экспедиции Государственного музея Грузии. Тбилиси.
ВА – Вопросы антропологии
ВАУ – Вопросы археологии Урала. Екатеринбург.
ВГМГ – Вестник Государственного музея Грузии. Тбилиси
ВДИ – Вестник древней истории
ГИМ – Государственный Исторический музей
ГИН – Геологический институт Российской Академии наук
ДПК – Друзья памятников культуры. Тбилиси.
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
Изв. РАН – Известия Российской Академии наук. М.
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
КГПИ – Куйбышевский Государственный педагогический институт
КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.
МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского Северо-Запада. Сыктывкар.
МАК – Материалы по археологии Кавказа. М.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
НАА – Народы Азии и Африки. М.
НиЭ – Нумизматика и эпиграфика. М.
ОАК – Отчет (Императорской) археологической комиссии. СПб.
ПАИ – Полевые археологические исследования. Тбилиси
ПКНО – Памятники культуры. Новые открытия.
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. СПб.; М.
РА – Российская археология
РГБ – Российская государственная библиотека
РГО – Русское географическое общество
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников. М.
САН ГССР – Сообщения Академии наук Грузинской ССР. Тбилиси.
Сб. МАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии. Л.
СГЭ – Сборник государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
СИЭ – Советская историческая энциклопедия. М.
СЭ – Советская этнография
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР. М.
Тр. ГИМ – Труды Государственного Исторического музея. М.
Тр. ГЭ – Труды Государственного Эрмитажа. Л.
AAAS – Annales Archéologiques Arabes Syriennes. Damas
AJA – American Journal of Archaeology
BAR – British Archaeological Reports. Oxford
BCH – Bulletin de Correspondance Hellénigue. Paris
CEFR – Collection de L'Ecole Francaise de Rome
CSMS – Bulletin of the Canadi – an Society for Mesopotamian Studies

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Заведующая редакцией *Е.В. Бубнова*

Технический редактор *Л.И. Глинкина*

Сдано в набор 17.07.2000 Подписано к печати 12.09.2000 Формат бумаги 70 × 100 1/16
Офсетная печать. Усл.-печ.л. 22,1 Усл.-кр.-отт. 22,0 тыс. Уч.-изд.л. 27,1 Бум.л. 8,5
Тираж 989 экз. Зак. 3992

Свидетельство о регистрации № 0110154 от 4.02.1993 г.
в Министерстве печати и информации РФ
Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Адрес издателя: 117864, Москва, Профсоюзная ул., 90
Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099 Москва, Шубинский пер., 6